Я. С. ДРАБКИН

Становление Веймарской республики

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Академия наук СССР

Институт всеобщей истории

Я. С. ДРАБКИН

Становление Веймарской республики

Издательство «Наука»

Москва

1978

Германия была весной и летом 1919 г. ареной острых схваток между революцией и контрреволюцией. Рабочие продолжали сражаться за углубление завоеваний Ноябрьской революции, в Баварии на гребне революционной волны возникла героическая Советская республика. В противовес этому силы реакции формировали буржуазную Веймарскую республику, стараясь придать ей демократический облик. На основе архивных материалов и других источников автор вскрывает глубокие социальные трещины в фундаменте республики, которые сделали ее не способной впоследствии устоять против натиска фашизма.

Ответственный редактор

доктор исторических наук

Л. И. ГИНЦБЕРГ

Д $\frac{10603-351}{042\ (02)-78}$ БЗ—44—2—78

Когда закончилась революция?

(Вместо введения)

Германия стала *республикой* 9 ноября 1918 года.

Но *какой* будет эта республика, тогда еще не было ясно. В бурный день народной победы и всеобщего ликования Карл Либкнехт, пришедший в колонне демонстрантов к императорскому дворцу, с его балкона провозгласил Германию *«свободной социалистической республикой»*. В ней, сказал он, не будет больше рабов, а каждый честный работник получит честную плату за свой труд. Господство капитализма, превратившего Европу в поле бойни, сломлено. Однако, добавил он, не нужно думать, что наши задачи уже решены. Необходимо напрячь все силы, чтобы создать новый, пролетарский государственный строй [1].

В эти же часы перед большой толпой народа, собравшейся у рейхстага, Филипп Шейдеман из его окна объявил о крушении монархии и провозгласил *«Германскую республику»*. Он сообщил, что Эберт создаст рабочее правительство, в которое войдут представители обеих социалистических партий. Оно позаботится о мире, хлебе и работе. Его деятельности не следует мешать [2].

Внешне обе речи были в чем-то схожи, но ораторы говорили о совсем *разных республиках*. Вопрос о том, какая из двух станет в Германии реальностью, могла решить борьба и только борьба.

В течение первых месяцев своего существования республика оставалась безымянной. Но в развернувшихся битвах между революцией и контрреволюцией ее лицо и характер проступали все более рельефно. Поскольку консолидация контрреволюции опережала собирание революционных сил, Карл Либкнехт выпужден был в середине декабря с горечью сказать: «Новая Германия, которая уже через несколько недель после 9 ноября превратила в насмешку поспешно взятое наименование

---

[1] *Liebknecht K.* Gesammelte Reden und Schriften, Bd. IX. Berlin, 1968, S. 595.

[2] *Scheidemann Ph.* Memoiren eines Sozialdemokraten, Bd. II. Dresden, 1928, S. 312.

„социалистическая республика", стоит ныне перед грозящей опасностью потерять скудные завоевания революции, отдав их контрреволюции... действующей под лозунгом „Национальное собрание"». Он констатировал: «Пока мы имеем в Германии *не социалистическую, а капиталистическую республику*» [3].

В январе 1919 г. кардинальный вопрос германской революции — власть Советов или Учредительное национальное собрание? — был решен. Возглавившие соединенные силы всех реакционеров правые лидеры социал-демократии спровоцировали пролетарский авангард столицы на преждевременное выступление и жестоко его разгромили. Белогвардейцы, которыми командовал «рабочий» Носке, злодейски убили Карла Либкнехта, Розу Люксембург и сотни революционных бойцов. На «свободных выборах» в Национальное собрание большинство мест в нем досталось буржуазным партиям.

Только теперь пришло время дать республике имя. Ее назвали «*веймарской*». Но не потому, что она была проникнута гуманистическим духом Гёте и Шиллера, не потому, что она покончила с милитаристским «духом Потсдама», который господствовал в кайзеровской Германии. Просто провинциальный Веймар оказался тем тихим уголком, куда смогло укрыться под охрану контрреволюционных ландскнехтов Национальное собрание, бежавшее из центра революционной бури.

«Революция умерла. Ее место занимает государственный порядок,— торжествующе писала в эти дни одна из консервативных газет.— С сегодняшнего дня у нас нет больше революционеров, есть только бунтовщики...» [4]. Но она слишком поспешила выдать желаемое за действительное. Мощные импульсы, которые в ноябре 1918 г. привели в движение миллионные массы, продолжали действовать. Иллюзии умиротворения рассеивались, идиллические картинки «чистой демократии» блекли, а пресса вскоре тревожно загудела о «грозовом настроении», «стачечном безумии», «второй революции». Выяснилось, что у германского пролетариата не иссяк еще порох в пороховницах. Развернувшиеся весной 1919 г. бои по своему размаху и глубине превзошли сражения первых месяцев революции.

Одно время в марксистской историографии возобладало мнение, что эти революционные бои следует вынести за рамки Ноябрьской революции, поскольку они произошли после того, как был решен ее коренной вопрос. Но дальнейшие исследования и углубленный теоретический анализ привели к выводу, что события весны — лета 1919 г. составляют, хотя и особую, но неотъемлемую часть единого процесса германской революции 1918—1919 гг. Связь этих событий с предшествующими не может быть разорвана без ущерба для понимания и тех и других. Напротив,

[3] *Liebknecht K.* Gesammelte Reden..., Bd. IX, S. 640, 646. (курсив мой.— *Я. Д.*).
[4] Deutsche Tageszeitung, 12.II 1919.

их комплексное рассмотрение позволяет лучше выявить и глубже осмыслить пронизывающее всю революцию противоборство двух ее тенденций.

Говорят, что «всякое сравнение хромает». Но это верно лишь в тех случаях, когда берутся сравнивать явления несопоставимые или проводят параллели односторонние, поверхностные. Сопоставление революций — при полном учете их исторического своеобразия и неповторимых особенностей — всегда плодотворно и служит необходимым инструментом познания революционного опыта.

Действительно, не только в Германии 1918—1919 гг. революция продолжалась и после того как вопрос о власти был решен в негативном плане. Так было и в предыдущей германской революции в середине XIX в. Так было и в русской революции 1905—1907 гг.: после поражения декабрьского вооруженного восстания московских рабочих революция в стране длилась еще не менее полутора лет. Известно, что В. И. Ленин и Я. М. Свердлов сравнивали январские бои 1919 г. в Германии с июльскими событиями 1917 г. в России. В те дни «двоевластие» кончилось в пользу буржуазного Временного правительства и начался временный упадок Советов. Однако в отличие от Германии дальнейшее развитие революции в России вскоре пошло вновь по восходящей линии, привело к новому возрождению Советов, к великой победе Октября.

Если считать *первым периодом* германской революции ноябрьские дни 1918 г., когда была свергнута монархия и у власти встало «социалистическое» правительство Эберта—Гаазе, а *вторым* — два месяца напряженной борьбы за власть, то *третий период* ее, с января по май 1919 г., окажется, с одной стороны, временем острых пролетарских боев за сохранение и углубление завоеваний революции, а с другой — временем конституирования в Германии буржуазной республики.

В этот последний период революции борьба классов выдвинула наряду со старыми ряд новых вопросов, настоятельно требовавших решения. В ходе массовых экономических и политических забастовок выяснялись как их возможности, так и пределы эффективности. В упорной борьбе горняков Рура и Средней Германии за реальное осуществление «социализации производства» выявилось коренное отличие требований рабочих от демагогических посулов перепуганных правителей. Важнейшее значение приобрел комплекс проблем, связанный с дальнейшей судьбой рабочих и солдатских Советов после решения вопроса о государственной власти в пользу буржуазного парламента: возможно ли «сочетание» Советов и парламентаризма? что может дать «укоренение Советов в конституции»? каков круг экономических и политических задач, которые способны решать местные (коммунальные) Советы и отделившиеся от них производственные Советы? Возникновение локальных Советских республик (Бремен, Бава-

рия) придало огромную остроту вопросу об их потенциях и роли, о смысле вооруженного сопротивления рабочих карательным походам белогвардейских «добровольческих корпусов». Начавшийся в мае 1919 г. спад революционной активности масс потребовал анализа его причин и уяснения последствий.

Названные и другие проблемы революционной пролетарской борьбы давно уже стали предметом пристального изучения в марксистской историографии. Однако новое обращение к этим вопросам диктуется вовлечением в научный оборот архивных и других источников, позволяющих воспроизвести более дифференцированную картину событий, а учет опыта не только Германии дает возможность более широких обобщений. Историки-марксисты уделяли в прошлом меньше внимания расстановке сил в лагере господствующих классов и правящих партий; ряд новейших исследований в этой сфере[5] показал продуктивность углубленного изучения этих вопросов. В рассматриваемый период к ним относятся прежде всего внутренние конфликты в правящих кругах, связанные с дипломатическими маневрами, предшествовавшими подписанию Версальского мирного договора, а также с сложными перипетиями разработки Веймарской конституции. Хотя принятие этих документов выходит за хронологические рамки германской революции, оба они образуют столь значимые итоговые вехи в процессе становления Веймарской республики, что должны рассматриваться в органической связи с революционными событиями конца 1918 — начала 1919 г.

Очерченный выше круг проблем не смог быть в полной мере охвачен в предлагаемой вниманию читателя книге. Автор старался, как и в предыдущей работе[6], опереться прежде всего на документальные материалы, почерпнутые в архивах ГДР, привлекая также старые и новые публикации, прессу, литературу. Автор глубоко признателен всем товарищам в Советском Союзе и в ГДР, которые оказали ему помощь и содействие в подготовке этой книги. Историографии Ноябрьской революции и становления Веймарской республики автор надеется посвятить отдельную книгу, которая завершит его изыскания по данной теме.

---

[5] Здесь должны быть названы прежде всего интересные работы В. Руге, в частности: Weimar-Republik auf Zeit (Berlin, 1969); Stresemann. Ein Lebensbild (Berlin, 1965); Hindenburg. Porträt eines Militaristen (Berlin, 1974); Matthias Erzberger. Eine politische Biographie (Berlin, 1976). См. также: *Gossweiler K.* Großbanken — Industriemonopole — Staat. Berlin, 1971; Die bürgerlichen Parteien in Deutschland. Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlichen Interessenorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945, Bd. I-II. Leipzig, 1968—1970.

[6] См.: *Драбкин Я. С.* Ноябрьская революция в Германии. М., 1967 (далее — Ноябрьская революция).

глава первая

Первые шаги Национального собрания

«Народные уполномоченные» и рабочий класс • Гибель Бременской Советской республики • Рабочие и солдатские Советы • Конституционные планы • Законодатели за работой • Программа «веймарской коалиции» • Внешнеполитические ориентиры

«Народные уполномоченные» и рабочий класс

14 января 1919 г., в тот самый день, когда газета «Die Rote Fahne» опубликовала последнюю статью Розы Люксембург «Порядок царит в Берлине!», Совет народных уполномоченных в течение трех часов обсуждал вопрос: должно ли Национальное собрание, которое предстояло избрать через пять дней, заседать в Берлине?

Мысль о том, что этот «высший символ демократии» должен находиться вне столицы, социал-демократическая газета «Vorwärts» предусмотрительно высказала еще тогда, когда во время Всегерманского съезда Советов революционные массы выражали свои требования посредством бурных митингов и демонстраций: «Если Учредительное собрание в Берлине не сможет быть гарантировано от демонстраций и нападений толпы (!), то пусть оно соберется в Касселе, Эрфурте или каком-нибудь другом городе, где его примут с распростертыми объятиями» [1].

Ф. Эберт в конце декабря видел в выборе места для Национального собрания две стороны. Обеспечить его «безопасность» в Берлине, говорил он, «очень трудно, даже если бы мы не побоялись создать сильную военную охрану». В то же время сложность отношений с отдельными германскими государствами (землями), прежде всего растущие антиберлинские настроения и опасность сепаратизма, подсказывает, что собрание лучше перенести «поближе к сердцу Германии». Правда, подходящее место найти нелегко. Историческая традиция подсказывает Франкфурт-на-Майне, но город расположен слишком близко к зоне, оккупированной Антантой [2].

[1] Vorwärts, 17.XII 1918. Morgenausgabe.
[2] Die Regierung der Volksbeauftragten 1918/19, T. II. Düsseldorf, 1959 (далее — Regierung der VB), S. 164—166; Der Zentralrat der Deutschen Sozialistischen Republik. 19.12.1918—8.4.1919 (далее — Zentralrat). Leiden, 1968. S. 129—131. Совместное заседание кабинета и Центрального Совета 31 декабря 1918 г.

Социал-демократические правители продолжали бояться рабочих столицы и после того, как наемники Носке залили улицы Берлина пролетарской кровью. Эберт прямо сказал об этом на заседании кабинета: «Не следует преувеличивать успех (!), достигнутый в отношении независимых и спартаковцев. Абсолютную безопасность в таком огромном городе, как Берлин, создать невозможно». Эберт предвидел рост безработицы, усиление беспокойства и демонстраций, которые невозможно запретить. Правда, перенесение Национального собрания в провинцию выглядело как признание слабости, даже как бегство, но здесь кстати пришлось предложение четырех южногерманских правительств, которые (из антипрусских соображений) хотели, чтобы Собрание заседало в Вюрцбурге [3].

Специальный представитель министерства внутренних дел, объехавший ряд городов Южной Германии (Байрейт, Нюрнберг, Иену), доложил на заседании кабинета, что наилучшие условия могут быть созданы в Веймаре, где имеется новое здание национального театра. Эберт счел Веймар очень подходящим: можно создать впечатление, что он выбран из соображений «единства и сплоченности империи»; неплохо к тому же связать «дух Веймара» со строительством новой Германии. Ф. Шейдеман тоже считал, что в Берлине можно в любой день «поднять на ноги сотни тысяч людей, которые стеной окружат здание. От этого не спасут никакие военные средства. Нельзя ведь просто стрелять в эти массы людей...». Веймар же, как «город *Гёте*», станет удачным символом «молодой Германской республики».

Статс-секретарь иностранных дел граф У. Брокдорф-Ранцау добавил, что Веймар удобнее и для Австрии, и для президента США Вильсона, которые питают «недоверие к Берлину». Избрав Веймар, утверждал он, «можно получить лучший мир». Возражения статс-секретаря внутренних дел Г. Прейса, прусского военного министра В. Рейнгардта и О. Ландсберга, что столица предпочтительней, а перенесение — признак слабости или уступок центробежным силам, были отклонены. Председатель Центрального Совета Р. Лейнерт заявил, что обсуждение побудило его отказаться от прежнего мнения о созыве Конституанты в Берлине [4].

---

[3] Zentralrat, S. 225—226. Заседание 14 января 1919 г.

[4] Regierung der VB, T. II, S. 223—232. Заседание 14 января 1919 г. «Центральный Совет Германской социалистической республики», как он продолжал себя именовать, был избран Всегерманским съездом Советов в декабре 1918 г. Он состоял из одних правых социал-демократов, его председателями были Р. Лейнерт и М. Коэн-Рейс. Утратив контроль над правительством, он лишь иногда позволял себе «протестовать». Заявив 22 января протест против того, что решение о месте созыва Национального собрания было принято без его участия, Центральный Совет этим и ограничился. См.: Zentralrat. S. 450. См. также: Zentrales Staatsarchiv Merseburg (далее — ZStA Merseburg). Ministerium des Innern, Rep. 77, Tit. 1373a, Nr. 12, Bl. 57. Vom I. Rätekongress zur Nationalversammlung. Die Tätigkeit des Zentralrats des Sozialistischen Republik Deutschland

Откровеннее всех высказался шеф имперской канцелярии социал-демократ К. Бааке: «Конституанта должна *покончить с революционным состоянием*, а для этого она должна быть в абсолютной безопасности. Но в Берлине это невозможно... Когда конституанта создаст, наконец, *законную власть*, мы гораздо скорее справимся с Берлином, ибо такая легальная власть сможет действовать гораздо *решительнее, безоглядное и беспощаднее*, чем нынешнее временное правительство...» [5]. Окончательное решение — созвать Национальное собрание в Веймаре 6 февраля — было принято на следующий день после выборов, вечером 20 января [6].

Страх перед революционными рабочими явственно звучал и на следующем заседании правительства. Социл-демократ А. Мюллер, статс-секретарь ведомства экономики, ратовал одновременно за укрепление государственной власти, за снижение пособий безработным и за принудительную депортацию их в сельские местности. Пугая себя и других «грозящей экономической катастрофой», он заявил, что «хозяйничанье рабочих и солдатских Советов должно прекратиться». Недавно достигнутое компромиссное соглашение с бастовавшими горняками Рура, которое те назвали «политикой умасливания» [7], Мюллер объявил «полной капитуляцией правительства» [8].

Как же собиралось правительство справиться с безработицей, особенно в столице, и с забастовочным движением, потрясавшим промышленные области? Сколько-нибудь серьезной экономической программы правительство не имело и разработкой ее не занималось. Действуя в традиционно буржуазном духе, оно развертывало наступление на... безработных. Новая директива о пособиях, изданная 15 января 1919 г. во изменение распоряжения первых дней революции, обязывала местные власти отказывать в пособии тем безработным, которые не соглашались принять предложенную работу на том основании, что она не соответствовала специальности или находилась вне места их жительства [9]. Статс-секретарь ведомства труда социал-демократ Г. Бауэр в специальном воззвании призывал городских рабочих отправляться в деревню.

Поскольку, однако, желающих не находилось, правительство одобрило предложение ведомства хозяйственной демобилизации, которым руководил ставленник тяжелой промышленности И. Кёт, о проведении повсюду массовых собраний под лозунгом «Спасите наше народное хозяйство!». Всем партиям следовало включиться в общую кампанию, для чего газетам была выделена дополнительная бумага. Эта пропагандистская акция должна была одно-

---

(далее — Die Tätigkeit des Zentralrats), S. 24. Этот отчет был представлен II съезду Советов в апреле 1919 г.

[5] Regierung der VB, T. II, S. 230—231. Заседание 14 января 1919 г. (курсив мой.— *Я. Д.*).

[6] Ibid., S. 283; *Noske G.* Von Kiel bis Kapp. Berlin, 1920, S. 85—86.

[7] См.: Ноябрьская революция, с. 377.

[8] Regierung der VB, T. II, S. 285—286. Заседание 21 января 1919 г.

[9] Reichsgesetzblatt 1919, S. 84f.

временно решить и другую задачу: прекратить забастовочное движение. Рекомендовалось апеллировать к «здравому смыслу, который еще жив среди большинства рабочих», разъяснять, что «произвольное прекращение работы и отказ от работы», «произвольные требования повышения заработной платы» грозят «остановить всю хозяйственную жизнь» [9a]. Однако на совещании в казначействе, на которое была возложена координация действий, заместитель статс-секретаря ведомства экономики буржуазный деятель И. Гиэбертс признал, что предлагать отказаться от требований повышения зарплаты бесцельно: «О снижении зарплаты можно будет говорить лишь тогда, когда у рабочих будет достаточно дешевых продуктов питания». Пока же они вынуждены платить спекулянтам чудовищные цены, такая пропаганда не произведет впечатления и лучше ограничиться призывами трудиться и не бастовать [10].

Ведомство демобилизации разработало законопроект о введении принудительного труда в сельском хозяйстве. Но «народный уполномоченный» социал-демократ Р. Виссель не счел возможным его одобрить из-за неприкрыто «классового характера»: от повинности легко могли уклониться все, кто не нуждался в пособии по безработице и мог обойтись без продовольственных карточек; закон прямо посягал на свободу передвижения [11]. Временное положение о сельскохозяйственном труде и распоряжение о сельскохозяйственных поселениях, утвержденные правительством, не имели столь одиозного характера [12].

Главной заботой правительства Эберта—Шейдемана—Носке оставалось укрепление своих военных позиций. В подавлении недовольных оно видело ключ к решению всех проблем. Как раз в день выборов в Национальное собрание, 19 января 1919 г., Эберт и Носке от имени правительства, Рейнгардт и Гёре от военного министерства, М. Коэн и Г. Мюллер от Центрального Совета подписали распоряжение о «Временном урегулировании командной власти и положении солдатских Советов в армии мирного времени». Уничтожая завоеванные революцией права солдатских Советов и игнорируя принятые Всегерманским съездом Советов «гамбургские пункты», закреплявшие эти права, распоряжение восстанавливало власть офицеров. Советам было запрещено смещать командиров и вмешиваться в военные приказы. Центральные Советы армии и флота ликвидировались [13]. Распоряжения, регулировавшие приветствия и отменявшие погоны для

[9a] Regierung der VB, T. II, S. 302. Заседание 22 января 1919 г.; Zentrales Staatsarchiv Potsdam (далее — ZStA Potsdam). Reichskanzlei, Nr. 2500, Bl. 91—92. Записка ведомства хозяйственной демобилизации от 19 января 1919 г.; ibid., Bl. 133. Записка казначейства от 23 января 1919 г.

[10] ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 13090/4, Bl. 4—5.

[11] ZStA Potsdam. Reichskanzlei, Nr. 2500/6, Bl. 30—33.

[12] Reichsgesetzblatt 1919, S. 115 ff.

[13] См.: *Kluge U.* Soldatenräte und Revolution. Göttingen, 1975, S. 273—278.

офицеров и унтер-офицеров, а также изданное три дня спустя указание об единовременной прибавке на дороговизну для низших военнослужащих и военных пенсионеров[14] были «пряником», не способным ослабить впечатление от жестокого удара кнутом. «Командный указ» вызвал всеобщее возмущение. Собравшиеся в Берлине 21 января Центральные солдатские Советы III, IV, VI и X военных округов объявили распоряжение незаконным. Протесты сыпались со всех сторон, но на прямой запрос из Гамбурга о возможности отмены указа Носке «стукнул кулаком по столу и заявил: нет»[15].

На заседании правительства 21 января Носке сказал: «Мы в течение недели создали части, насчитывающие 22 тысячи человек. Мы надеемся через две-три недели располагать более чем 50 тысячами, это позволит нам навести известный порядок». В результате образования «добровольческой гвардии», хвастливо прибавил Носке, изменился тон разговоров с солдатскими Советами: прежде они были «фактором силы, теперь фактором силы стали мы». Носке тут же получил санкцию кабинета на дальнейшее расширение военных операций против революционного пролетариата. План карательных экспедиций предусматривал:

— сосредоточение 10 тысяч солдат в Берлине и вокруг него;

— направление одной тысячи солдат в Верхнюю Силезию, где грозила забастовка горнорабочих;

— выделение для «охраны Веймара» ландъегерского корпуса генерала Меркера, которому поручалось «по пути» из Берлина усмирить рабочих в Галле и Брауншвейге;

— обеспечение «порядка в Бремене», затем в Куксгафене; в случае необходимости «должно быть сломлено силой сопротивление Гамбурга».

Объявив все это лишь «необходимым паллиативом», Носке выразил намерение при первой возможности направить войска также против рабочих Рейнской области и Вестфалии[16]. Гражданская война, развязанная правительством в кровавые январские дни, продолжала нарастать. Об этом свидетельствовал поход карателей против Бремена.

Гибель Бременской Советской республики

21 января бременские коммунисты призвали рабочих к всеобщей забастовке. Она должна была показать буржуазии, что пролетариат намерен, не поддаваясь на провокации, со всей решимостью защищать провозглашенную 10 января Бременскую Советскую республику[17]. Ее революционное правительство — Совет

[14] ZStA Potsdam. Reichskanzlei, Nr. 2510, Bl. 230; Nr. 2511, Bl. 98.
[15] Regierung der VB, T. II, S. 352—353. Заседание 30 января 1919 г.
[16] Ibid., S. 287—288, 292. Заседание 21 января 1919 г.
[17] См.: Ноябрьская революция, с. 377—380.

народных комиссаров (или уполномоченных), состоявший из независимцев, коммунистов и солдат, принимал меры для улучшения бедственного положения трудящихся: увеличил пособия безработным, число которых достигло 10 тысяч, разработал новую тарифную сетку, предусматривавшую повышение зарплаты низкооплачиваемым рабочим [18].

Буржуазия не желала с этим мириться. Банкиры закрыли 16 января бременскому правительству все кредиты, потребовав предоставления им права контролировать его расходы. «Вас, бременцы,— говорилось в воззвании коммунистов,— финансовый капитал хочет задушить... Поверните оружие и лишите капитал рабочей силы; он утонет тогда в своих бумажных деньгах. Ваш отказ работать несет смерть капитализму» [19].

Однако поднять на забастовку всех рабочих коммунистам не удалось. Этому противодействовали руководители СДПГ, исключенные из рабочего и солдатского Совета. Правые лидеры НСДПГ, напуганные тем, что революционный Бремен остался одиноким в Германии, стали проявлять колебания и постепенно склоняться к сдаче позиций. Возглавляемое ими бременское правительство, лишенное средств, чтобы платить зарплату, вынуждено было согласиться на финансовый контроль. Участвовавший в переговорах прусский генеральный консул, он же член правления Немецкого банка, с торжеством сообщал в Берлин, что, по его впечатлению, «представители рабочего и солдатского Совета сами теперь видят, что попали в мертвую петлю, и хотят ныне покоя и порядка, приличного отступления» [20].

И действительно, Совет принял ряд решений, знаменовавших начало капитуляции. На 2 марта были назначены выборы в городское собрание (бюргершафт), что означало возвращение к сотрудничеству с СДПГ. Были отменены цензура буржуазных газет и чрезвычайное положение [21]. В телефонограмме из Бремена, полученной в имперском ведомстве внутренних дел 25 января, говорилось, что в городе «обстановка спокойная», идет подготовка к выборам, власти принимают меры для помощи безработным, а банки предъявляют правительству все новые политические требования [22].

Однако правителей в Берлине, особенно Носке, мирный исход в Бремене вовсе не устраивал. Они хотели продемонстрировать свою силу и преподать революционным рабочим Северо-Западной Германии урок, подобный берлинскому. Именно в этот день Носке поручил экзекуцию Бремена генералу фон Лютвицу. Его

---

[18] Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. Zentrales Parteiarchiv (далее — IML — ZPA). Reichsamt des Innern, Nr. 9/15, Bl. 355; *Brewes W. u. a.* Bremen in der deutschen Revolution. Bremen, 1919, S. 189, 195.

[19] Der Kommunist (Bremen), 21.I 1919.

[20] IML — ZPA. Reichskanzlei, Nr. 8/29, Bl. 9.

[21] *Brewes W.* Bremen..., S. 90.

[22] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 49.

войска недавно «отличились» в Берлине, а штаб требовал роспуска участвовавших в подавлении подразделений, которые состояли из социал-демократических рабочих [23].

28 января из Берлина в Бремен была двинута добровольческая дивизия полковника Герстенберга. Она насчитывала около 3500 солдат с 24 орудиями. Ей были приданы: Кильская морская бригада полковника фон Родена, кавалерийский эскадрон, авиационная эскадрилья. Герстенбергу было приказано занять Бремен, ввести там осадное положение, сместить правительство и создать новое, решительно сломить вооруженное сопротивление, разоружить рабочих и солдат. Затем он должен был «навести порядок» также в Бремергафене, Куксгафене и Эмдене [24].

Отправляя карательные войска, Носке издал драконовский приказ о беспощадном применении оружия против рабочих. Он предоставлял военщине почти неограниченное «право» чинить произвол и расправу над мирным населением, производить аресты и обыски, расправляться с революционными руководителями [25]. Уже в этот день одна из белогвардейских частей под командованием морского капитана Эрхардта обрушилась на рабочих Вильгельмсгафена, которые накануне попытались установить в городе Советскую власть. Повстанцам удалось занять главные центры города, но они тотчас натолкнулись на контрзабастовку служащих почты, железной дороги, чиновников, офицеров, врачей и учителей. Во время вооруженных столкновений между рабочими верфей и солдатами было 10 убитых, 30 раненых. С согласия социал-демократических лидеров было арестовано более 500 рабочих [26].

29 января передовые отряды дивизии Герстенберга появились под Бременом, в районе Вердена. Газеты писали об «имперской экзекуции против бременских коммунистов» [27]. В ответ на попытку представителей Совета путем переговоров остановить наступление войск последовало требование *«немедленного разоружения рабочих»* [28]. Газета «Die Freiheit», предупреждая об опасности новой кровавой бойни, опровергла официальную версию, будто Советская республика препятствует отправке кораблей за

[23] ZStA Potsdam. Reichskanzlei, Nr. 2520, Bl. 33—35. Даже Центральный Совет, поддерживавший все действия правительства, сообщал Эберту, что Лютвиц, «по заслуживающим доверия сведениям, окружил себя целым штабом бывших реакционных гвардейских офицеров», является вдохновителем опасных действий военных кругов и «должен быть непременно в самом скором времени заменен демократическим офицером...» (ibid., Nr. 2527, Bl. 89—93).

[24] Darstellungen aus den Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps. Bd. VI. Die Wirren in der Reichshauptstadt und im nördlichen Deutschland 1918—1920 (далее — Darstellungen). Berlin, 1940, S. 106—107.

[25] См.: Der Syndikalist, 8.II 1919.

[26] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 58, 80, 83, 92, 107, 260—264; Bremer Bürger-Zeitung, 31.I 1919.

[27] Vossische Zeitung, 30.I 1919.

[28] Vorwärts, 1.II 1919. Morgenausgabe.

американским продовольствием. Она указывала на угрозу завоеваниям революции в результате провоцирующих действий Носке и призывала революционных рабочих самым энергичным образом протестовать против «политики насилия», которую проводит «социалистическое» правительство: «Нельзя допустить, чтобы режим братоубийства распространился также на провинцию» [29]. Носке в специальном интервью утверждал, что войска, готовые вступить в Бремен, не будут стрелять первыми, «гарантией» чего является будто бы то, что он «сам осуществляет верховное командование бременской акцией» [30].

Вопреки утверждениям газеты «Vorwärts», что продвижение войск привело «к успокоению» не только в Бремене, но также и в Вильгельмсгафене и Гамбурге, в телефонограмме из Бремена от 31 января сообщалось, что рабочий класс Бремена «крайне раздражен провокационными мерами правительства и действиями дивизии Герстенберга» и лишь с трудом удается поддерживать спокойствие. «Рабочие и солдатские Советы Гамбурга, Куксгафена, Любека и других крупных западных городов объявили о своей готовности поддержать Бремен всеми средствами и обещали поспешить к нему на помощь со всеми войсками, если дивизия Герстенберга продолжит наступление» [31].

И действительно, солдатский Совет IX военного округа (Гамбург—Альтона) принял резолюцию протеста против направления правительственных войск к Бремену. Если они не будут немедленно отозваны, он угрожал мобилизовать вооруженных рабочих и 40 тыс. солдат Гамбурга и направить их на защиту Бремена [32]. В Куксгафене солдатский Совет выпустил листовку, в которой говорилось: «Солдаты, рабочие, защитники прав народа!.. Реакция намерена нанести решающий удар, чтобы уничтожить все завоевания революции... Время не терпит! Капиталисты и офицеры раскрыли свои позорные планы: солдатские и рабочие Советы должны быть ликвидированы! Борьба против Бремена должна закрепить решительное, полное поражение рабочего класса и освободившихся от милитаризма солдат... Если Бремен падет, во всех городах и селах Побережья по очереди, во всей Германии будут задушены солдатские Советы... Долой гнет капиталистического господства и военной диктатуры!» Совет сообщал об организации вооруженных отрядов из рабочих верфей и солдат, которые вскоре пойдут на штурм против «белогвардейских наемных войск, которыми командуют контрреволюционеры» [33].

1 февраля пленум рабочего и солдатского Совета Гамбурга в резолюции, принятой 232 голосами против 206, осудил дейст-

---

[29] Die Freiheit, 31.I 1919. Abendausgabe. См. также: *Müller R.* Der Bürgerkrieg in Deutschland. Berlin, 1925, S. 117—118.
[30] Berliner Tageblatt, 31.I 1919.
[31] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 104.
[32] Hamburger Echo, 1.II 1919. Morgenausgabe.
[33] См.: Der Syndikalist, 8.II 1919.

вия Носке, потребовал вооружения гамбургских рабочих в течение 48 часов, установления контроля Совета над гамбургским портом и всеми складами продовольствия, поддержки Бремена всеми имеющимися в Гамбурге вооруженными силами. Но социал-демократам удалось убедить Совет, что надо предварительно «выяснить положение». Гамбургская делегация во главе с Г. Лауфенбергом отправилась для переговоров в Берлин [34].

Рабочие Дюссельдорфа в телеграмме правительству Эберта предупреждали, что, если свора белогвардейцев будет спущена на пролетариев Бремена, 150 тыс. горняков Рура прекратят работу. Рабочие Киля выразили солидарность с бременцами. Телеграммы и резолюции протеста прибыли также из Лейпцига и других мест. Однако Носке решил не уступать. Правительство, которое хотело во что бы то ни стало укрепить свой «авторитет», разумеется, не у рабочих, а у капиталистов и военщины, было готово, по выражению Носке, «пойти на любой риск» [35]. Оно ультимативно потребовало отставки Советского правительства Бремена и разоружения рабочих.

Тем временем внутри бременского СНК обострились разногласия. Капитуляция Совета перед банкирами показала коммунистам невозможность продолжения совместной с независимцами политики. Понимая, однако, что уход из правительства привел бы не только к его распаду, а и к кровавым столкновениям, они остались в СНК [36]. Пытаясь с помощью рабочих верфей «Везер», заводов «Ганза—Ллойд» и «Атлас» организовать оборону города, коммунисты одновременно призывали рабочих сохранять хладнокровие. Лидеры независимцев завязали в Вердене переговоры с войсками Герстенберга, которые продолжали охват города, перерезав железные дороги в Ганновер и Оснабрюк.

Утром 1 февраля возглавлявшие СНК лидеры НСДПГ А. Генке и А. Фразункевиц заверяли в своей телефонограмме правительство в Берлине, что в Бремене «положение совершенно спокойное, повсюду царит порядок», а все слухи о беспорядках ложны [37]. В тот же день СНК опубликовал воззвание «К вооруженному пролетариату». Сообщая о переговорах с правительством Эберта и с командованием Герстенберга, СНК предлагал «в сложившейся ситуации» сдать оружие на склады 75-го полка, входившего в состав бременского гарнизона. Воззвание ссылалось при этом на то, что рабочие верфи «Везер», завода «Атлас» и других предприятий якобы с этим согласны [38]. Последнее не соответствовало действительности. Однако собрание рабочего и сол-

---

[34] Hamburger Echo, 2.II 1919.
[35] *Noske G.* Von Kiel bis Kapp, S. 81—82.
[36] *Kuckuk P.* Revolution und Räterepublik in Bremen. Frankfurt a. M., 1969, S. 120—125. Заседание рабочего и солдатского Совета 21 января 1919 г.; Der Kommunist, 28.I 1919.
[37] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 104.
[38] Bremer Bürger-Zeitung, 1.II 1919.

датского Совета, в котором впервые участвовали правые социал-демократы, утвердило предложение СНК [39].

Делегаты Бременского Совета на переговорах в Вердене шли все дальше по пути уступок. 3 февраля газета «Bremer Bürger-Zeitung» вышла под аншлагом: «На острие ножа.— Кровавая баня или соглашение?» Отвечая на этот вопрос, газета писала: «Кровавой бане следует предпочесть любое соглашение, которое может быть оправдано интересами революции». Изоляция Бремена от остальной Германии вынуждает Совет согласиться на отставку СНК и на сдачу рабочими оружия войскам, которые будут присланы солдатским Советом IX военного округа из Гамбурга и Бремергафена [40]. К этому же результату пришли и гамбургские делегаты, которые вели переговоры в Берлине. Они заверили, что солдатский Совет IX военного округа гарантирует сохранение порядка и сдачу оружия [41]. Необходимость вступления в Бремен дивизии Герстенберга отпадала [42].

Однако Носке, который к вечеру 3 февраля уже переехал вместе с другими членами кабинета в Веймар, дал команду: не уступать. Были выдвинуты дополнительные требования, но главным была сдача оружия дивизии Герстенберга. Что дело не обойдется без кровопролития, было ясно. Носке приказал Герстенбергу отказаться от дальнейших переговоров и занять Бремен [43]. Вечером между войсками карателей, которые окружили город, и рабочими, оборонявшими пригороды, начались вооруженные столкновения.

В 9 часов утра 4 февраля войска с артиллерией, гранатометами, броневиками и танками начали концентрическое наступление. Артиллерийскому обстрелу был подвергнут центр города, где находились ратуша, собор, рынок. Над городом летали самолеты. Было много жертв, в том числе среди случайных прохожих. Поскольку врачи в этот момент объявили контрзабастовку, помощь раненым оказывали женщины-работницы.

Днем 4 февраля, в самый разгар боевых действий, в городе стало распространяться воззвание нового временного правительства, созданного правыми социал-демократами. В листовке говорилось о ликвидации СНК и комиссариатов, роспуске рабочего и солдатского Совета и его Исполкома. Продолжение борьбы объявлялось невозможным, рабочим предлагалось сложить оружие [44]. В одном из районов города рабочие сожгли целую кучу таких листовок. Наиболее упорные оборонительные бои развернулись у вокзалов и на мостах через Везер, на наспех построен-

---

[39] *Brewes W.* Bremen..., S. 103—104, 107—108, 111; *Kuckuk P.* Revolution und Räterepublik..., S. 62, 127—130.
[40] Bremer Bürger-Zeitung, 3.II 1919.
[41] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 121, 130.
[42] См.: *Kuckuk P.* Revolution und Räterepublik..., S. 30.
[43] См.: *Noske G.* Von Kiel bis Kapp, S. 82.
[44] *Kuckuk P.* Revolution und Räterepublik..., S. 65—66.

ных баррикадах. На стороне карателей действовал отряд бременских буржуазных «добровольцев» майора Каспари.

Около 10 часов вечера революционное командование распорядилось прекратить бои и всем подразделениям отойти к верфи «Везер». Дальнейшее сопротивление было бесполезно. Более чем трем тысячам вооруженных карателей могли противостоять лишь 500—600 не имевших военной выучки бременских рабочих, около 250 матросов и солдат, прибывших из Куксгафена, небольшие отряды из Бремергафена, Вильгельмсгафена, с минных тральщиков. Обещанная помощь из Гамбурга не пришла. Оборонять верфи «Везер» было невозможно, красные отряды стали уходить на север [45].

В полдень 5 февраля Герстенберг докладывал из занятой накануне вечером ратуши: его войска ночью и утром продолжали продвигаться на запад; продовольствие и боеприпасы поступают; подкрепления ожидаются. На следующий день он сообщил: «Город в наших руках. Работа по изъятию и обнаружению оружия продолжается» [46]. Силы были слишком неравны. Бременская Советская республика, просуществовав менее четырех недель, пала.

Газеты называли разные цифры жертв — от 10 до 30 убитых, от 79 до 100 раненых. Но число их было значительно бóльшим. По данным, впоследствии опубликованным военными исследователями, было убито, ранено и захвачено 300 рабочих и моряков, тогда как дивизия Герстенберга потеряла убитыми 26 солдат и офицеров, ранеными — 51 [47]. День спустя после занятия верфи «Везер» солдатам пришлось срывать вновь поднятый на трубе красный флаг. Рабочие верфей и завода «Ганза—Ллойд» отказались приступить к работе до восстановления распущенных администрацией производственных Советов и удаления войск с предприятий. Эти требования пришлось удовлетворить [48]. И несколько дней спустя майор Каспари докладывал, что «низы населения еще очень возбуждены. Поэтому сомнительно, удастся ли после ухода дивизии Герстенберга... сохранить спокойствие и порядок» [49].

Воззвание ЦК КПГ гневно осудило стремление Эберта — Шейдемана—Носке поставить рабочих Бремена на колени, обеспечить триумф капитализма «кровью и железом». Пролетарии всей страны, все рабочие Советы, существование которых поставлено на карту, должны энергично противодействовать насилию и террору [50].

---

[45] *Brewes W.* Bremen..., S. 121; IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 144; *Oeckel H.* Die revolutionäre Volkswehr 1918/19. Berlin, 1968, S. 156—167; См. также: Vorwärts und nicht vergessen. Berlin, 1958, S. 184—186, 206—208. 232.

[46] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 149, 157.

[47] Darstellungen. Bd. VI, S. 113.

[48] Bremer Volksblatt, 7.II 1919.

[49] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 226.

[50] Die Rote Fahne, 5.II 1919.

Бурно развивались события в Гамбурге. Коммунисты заклеймили неспособность солдатского Совета IX военного округа к решительным действиям, его отречение от собственных решений. Вместе с тем они предостерегали: «Не дайте себя спровоцировать! Не позволяйте вовлечь себя в разрозненное восстание: убийцы ждут этого!» [51]. Хотя на собрании солдатского Совета 3 февраля часть представителей протестовала против предложения председателя Лампля «стать на почву правительства», мобилизация войск и вооружение рабочих были сорваны. В этот день перед ратушей состоялась внушительная демонстрация рабочих заводов «Вулкан», требовавших посылки добровольцев в Бремен [52]. Из восьмитысячного гарнизона желание немедленно отправиться на помощь бременцам выразили 500 солдат и столько же матросов, а по другим данным — 1500 человек [53]. Но уже вечером 4 февраля железнодорожники по указанию профсоюзных руководителей прекратили работу и, чтобы помешать отправке войск в Бремен, повредили рельсы в районе Гарбурга.

Вооруженные отряды гамбургских рабочих-добровольцев тем не менее двинулись 5 февраля в направлении Бремена, но вынуждены были вернуться. Когда чиновники, в том числе почтовики и телеграфисты, прекратили работу и предъявили рабочему Совету ультиматум, его руководители отказались от плана объявить всеобщую забастовку и ограничились еще одной громогласной листовкой, протестовавшей против действий дивизии Герстенберга, продиктованных «старой военщиной» [54]. 6 февраля вооруженные рабочие окружили гамбургскую ратушу, ворвались в нее, но социал-демократическим лидерам удалось уговорить их разойтись [55].

В Любеке часть солдат хотела помочь Бремену, но большинство «проявило сдержанность», а чиновники оказали энергичное сопротивление [56]. В Киле рабочие 5 февраля прекратили работу, протестуя против злодеяний военщины в Бремене, пытались захватить оружие и разоружить буржуазию. В результате столкновений было 8 убитых и 28 раненых. Город был объявлен на осадном положении [57]. Вскоре войска Герстенберга вступили в Бремергафен, а затем заняли Куксгафен. Они и здесь разоружили рабочих и матросов, разогнали Советы.

Кровавый поход белогвардейских карателей по городам Побережья вызвал возмущение пролетарских масс, дезорганизованных

[51] Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Reihe II. Bd. 3. Berlin, 1958, S. 132, 135.

[52] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl.139, 156, 161, 202—203. В телефонограмме комиссии гамбургского сената говорилось о 1800 участниках. «Berliner Tageblatt» писала 4.II 1919 г. о четырех тысячах.

[53] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 144.

[54] Ibid., Bl. 202.

[55] Ibid., Bl. 195, 214.

[56] Ibid., Bl. 190.

[57] Ibid., Bl. 173, 208.

оппортунистическими лидерами. Последние считали себя вправе проливать кровь рабочих: социал-демократическая фракция Национального собрания уже 5 февраля единогласно одобрила действия правительства, а Р. Шмидт благодарил Носке за то, что тот согласился стать мишенью для нападок за «совершенно необходимые акции» [58]. Но одна из крупнейших социал-демократических газет — «Hamburger Echo» — написала по этому поводу: «Еще несколько таких побед, как в Берлине и Бремене, и офицерский корпус, а также буржуазно-юнкерская реакция получат то, что им нужно: военный инструмент, снова вооруженный сознанием своей силы» [59].

Эта констатация была верной. Правая печать единодушно одобрила жестокое подавление революционных рабочих. Но она отнюдь не намерена была отдать все «лавры» социал-демократическим правителям. «То, что нынешнее правительство расправилось со спартаковцами,— писала, например, газета «Lokal-Anzeiger»,— это не его заслуга, а заслуга потсдамских стрелков». В таком же духе высказывалась и «Kreuzzeitung», призывая правительство действовать еще более решительно [60].

В конце января 1919 г. в Германию прибыла из Парижа военная миссия США из 14 человек во главе с капитаном флота, бывшим морским атташе в Берлине, Уолтером Р. Герарди [61]. Он объявил, что правительство Эберта—Шейдемана проявляет излишнюю «мягкость», когда «ведет переговоры и идет на компромиссы с бунтовщиками-спартаковцами», вместо того чтобы их расстреливать [62]. Зато он с похвалой отозвался о генерале Лютвице, войска которого «проделали грандиозную работу, подавив беспорядки в Бремене и Гамбурге» [63].

Рабочие и солдатские Советы

Самоубийственное решение Всегерманского съезда Советов в декабре 1918 г. о проведении выборов в Учредительное собрание предварило ответ на кардинальный вопрос германской революции — власть Советов *или* буржуазный парламентаризм? Разгром в январские дни авангарда столичных рабочих, а затем подавление революционного Бремена затруднили борьбу рабочего класса

---

[58] IML — ZPA. Reichskanzlei, Nr. 8/29, Bl. 34—38; Vorwärts, 6.II 1919. Morgenausgabe.
[59] Hamburger Echo, 8.II 1919.
[60] Цит. по: Die Freiheit, 9.II 1919. Morgenausgabe.
[61] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference (далее — PPC). Washington, 1947, v. XII, p. 2. Телеграмма Герарди 2.II 1919 г. Официальной задачей миссии было «общее исследование положения, особенно политической обстановки».
[62] Ibid., p. 4. Донесение Герарди 4.II 1919 г.
[63] Ibid., p. 36. Меморандум Герарди 24.II 1919 г.

за свои жизненные права, укрепили устои капиталистического «правопорядка». Но все же лишь немногие рабочие и солдатские Советы в городах и гарнизонах сочли свои задачи исчерпанными, сошли на нет или растворились в «народных советах». Большинство Советов продолжало — худо ли, хорошо ли — функционировать и отстаивать свое право на существование.

Во главе системы Советов оставался избранный съездом Советов Центральный Совет. В январские дни он поддержал расправу правительства Эберта — Шейдемана — Носке над революционными рабочими, а когда каратели были двинуты против Бремена, выпустил вместе с Носке воззвание «Ко всем мужчинам Германии». В нем говорилось о якобы угрожающем Германии «вторжении с Востока» и росте «большевистского движения» в стране. Запугивая население «ужасами большевизма», воззвание предлагало мужчинам вступать в «добровольческие корпуса», в том числе в гвардейскую кавалерийскую (стрелковую) дивизию (только что совершившую чудовищные злодеяния в Берлине), в полк Рейнгарда, батальон Гюльзена и другие подобные формирования [64].

Тем не менее Центральный Совет непрерывно испытывал давление «снизу» и время от времени был вынужден так или иначе выражать эти настроения рабочих и солдат на совместных заседаниях с правительством или в письменных посланиях. Это придавало его позиции известную двойственность: продолжая сдерживать инициативу местных рабочих и солдатских Советов, он в то же время пытался защищать их существование. Так, 15 января члены Центрального Совета старались убедить Эберта, что нужно урегулировать финансовое положение Советов и права контроля их представителей над ведомствами [65]. Однако десять дней спустя они вынуждены были констатировать, что и «Центральный Совет витает между небом и землей» [66].

Сами Советы отстаивали свое право на существование гораздо энергичнее. Так, рабочий и солдатский Совет Гамборна заявил правительству, что поддерживает порядок в городе и здесь «не убивают революционных пролетариев» [67]. Солдатский Совет Эссена требовал запретить вербовку «добровольцев», а вместо того «вооружить весь пролетариат» [68]. Рабочий Совет Эльберфельда писал, что права Советов «нельзя урезать, ибо в рабочем классе нарастает гнев против намерений низвести рабочие Советы до роли контрольных инстанций» [69].

---

[64] Vorwärts, 29.I 1919. Morgenausgabe.
[65] См.: Zentralrat, S. 412—414, 417—421; Regierung der VB, T. II, S. 272—273, 276—278. Заседание Центрального Совета и СНУ 15 января 1919; Die Tätigkeit des Zentralrats, S. 13—14.
[66] Zentralrat, S. 474.
[67] ZStA, Potsdam. Reichskanzlei, Nr. 2484, Bl. 281. Телеграмма от 25.I 1919 г.
[68] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 27. Телефонограмма от 22.I 1919 г.
[69] ZStA Potsdam. Reichskanzlei, Nr. 2486/6, Bl. 28. Письмо от 29.I 1919 г.

Рабочий и солдатский Совет X военного округа в Ганновере утверждал, что «обеспечение завоеваний революции будет и длительное время после созыва Германского национального собрания серьезно зависеть от деятельности рабочих и солдатских Советов. Ограничение их функций не в интересах Германской социалистической республики...». Требование немедленного законодательного урегулирования положения Советов конкретизировалось в приложенном проекте такого закона. В нем предусматривалось право контроля Советов над всеми мероприятиями гражданских и военных учреждений, включая назначение и смещение чиновников, право вето при разногласиях [70]. Провинциальная конференция рабочих и солдатских Советов Бранденбурга потребовала сохранения права смещения чиновников, а также упорядочения финансирования Советов [71]. Рабочий и солдатский Совет Лейпцига в ответ на локаут, объявленный фирмой Егер-Роте-Сименс закрыл два завода и объявил о конфискации продукции. Правительство по просьбе предпринимателей заявило протест против «незаконных действий» [72].

Дальше других пошел рабочий Совет Франкфурта-на-Майне, состоявший на основе паритета из социал-демократов и независимых. В обращении ко всем рабочим и солдатским Советам Германии он заявил, что «народные уполномоченные» упустили возможность осуществить до созыва Национального собрания меры, необходимые для обеспечения завоеваний революции: защитить деятельность Советов, устранить реакционный дух старой администрации, осуществить решения съезда Советов и хотя бы «национализировать предприятия горной промышленности, устранить фидеикомиссы, конфисковать имущество короны, установить право государства на отчуждение крупной земельной собственности, провозгласить основные социальные права будущей конституции, создать государственный трибунал для суда над военными преступниками». Эти упущения способствовали кровавым событиям в Берлине, а теперь правительство намерено вручить судьбы революции буржуазному большинству в Национальном собрании. Признавая правительство неспособным осуществить задачи революции, рабочий Совет заключал: «Мы требуем его отставки» [73].

И в другом конце Германии, где революционные события протекали менее бурно,— в Восточной Пруссии, газета Советов XX военного округа (Алленштейн) писала: «Господа Эберт и Шейдеман, кажется, видят свою задачу в том, чтобы ежедневно вновь доказывать миру свою неспособность и жестокость, а пролетариату — что они главное препятствие революции. Своим ре-

---

[70] ZStA Merseburg. Ministerium des Innern, Rep. 77, Tit. 1373a, Nr. XII, Bl. 7—11.
[71] Ibid., Nr. I, Bl. 93—95.
[72] IML — ZPA. Reichskanzlei, Nr. 8/18, Bl. 173—175.
[73] Dokumente und Materialien, Bd. 3, S. 93.

шением о созыве Национального собрания в Веймаре они думали особенно услужить буржуазии. Но они вызвали этим недовольство в рядах собственных сторонников и к тому же издевательства со стороны буржуазной прессы, у которой сильно раздулся зоб после того, как генералы господина Носке избавили ее от страха перед спартаковским движением. Эберт и Шейдеман, эти «вожди революции», бежали от революции в провинциальное гнездышко; они надеются, что германский пролетариат теперь безоговорочно поддержит то, о чем собираются болтать в Веймаре... Пролетариат должен единодушно подняться с возгласом: Долой, наконец, правительство Эберта—Шейдемана!» [74]. В том же номере были напечатаны: воззвание солдатского Совета округа к рабочим и солдатам Восточной Пруссии о недопущении возрождения старого милитаризма, выступающего под лозунгом «защиты отечества», статья, разоблачавшая жупел «большевизма» как маску, которой прикрывается реакция, призыв к сельскохозяйственным рабочим создать свои организации.

Важнейшее значение имела, естественно, позиция рабочего и солдатского Совета Большого Берлина. 17 января состоялось первое после январских боев общее собрание столичных Советов. Наряду с принятием резолюций, осуждавших злодеяния правительственных войск, были одобрены два документа о дальнейшей деятельности: «Задачи и сфера деятельности коммунальных Советов» и «Директивы рабочим Советам Большого Берлина». В них говорилось о том, что рабочие Советы, как признанные представительства трудящихся, должны сохраниться и быть закреплены в будущей конституции. Их задача — осуществление рабочего контроля над производством, участие в социализации зрелых для этого предприятий, контроль над органами администрации. Как сказал лидер независимцев Э. Деймиг, только Советы способны обеспечить завоевания революции, активизировать рабочий класс. «Мы не позволим себя устранить,— закончил он.— Таков наш боевой клич» [75].

На собрании был избран новый Исполком. За список социал-демократов было подано 346 голосов, независимцев — 331, немецких демократов — 117. Хотя паритет между СДПГ и НСДПГ сохранился (7:7), включение в Исполком двух представителей буржуазных демократов означало сдвиг вправо. Председателями стали социал-демократ П. Нойе и независимец Р. Мюллер. Состав Исполкома предвещал обострение внутренней борьбы. Но его члены единогласно потребовали от Носке, чтобы были распущены контрреволюционные отряды «гражданской обороны» и унич-

---

[74] Das neue Vaterland, 29.I 1919. Экземпляр газеты был прислан правительству регирунгспрезидентом фон Оппен для доказательства, что солдатский Совет не признает над собой никакой власти. См.: ZStA Merseburg. Ministerium des Innern, Rep. 77, Tit. 1373a, Nr. VI, Bl. 47—49.

[75] IML — ZPA. Protokolle der Vollversammlungen der Arbeiter- und Soldatenräte von Groß-Berlin, Nr. 11/12. Bl. 22.

тожены их списки, чтобы войска покинули работающие предприятия [76–77].

Направив 19 января правительству принятые документы о Советах с просьбой опубликовать их в «Вестнике», Исполком три дня спустя послал «народным уполномоченным» приглашение на очередное общее собрание рабочих и солдатских Советов Берлина. На нем предлагалось заслушать доклады СНУ и Исполкома «о событиях последних недель», причем было выражено пожелание, чтобы «присутствовал сам г. Носке и дал необходимые разъяснения». Предусматривалось также обсудить доклад «Рабочие Советы — Национальное собрание — проект конституции», поскольку среди рабочих царит «глубокое беспокойство», вызванное тем, что в Национальном собрании сложилось буржуазное большинство, а проект конституции «ни одним словом не упоминает о рабочих Советах» [78].

24 января в Берлине собралась конференция представителей коммунальных рабочих Советов, на которой речь шла о практическом применении «Директив». Часть присутствовавших говорила, что пользуется необходимым влиянием на общинные органы, другая, — что Советы «терпят», а большинство жаловалось на отрицательное отношение к ним реакционных чиновников, поддерживаемых прусским министерством внутренних дел [79]. Берлинский Исполком снова просил СНУ поддержать «Директивы», ибо «непрочное положение рабочих Советов с каждым днем все более тягостно воспринимается рабочим классом» [80].

Правительство, однако, не спешило с ответом. Давно сложившееся отрицательное отношение Эберта и его соратников к Советам еще более усиливалось растущим нажимом со стороны унаследованного от кайзеровских времен административного аппарата. 24 января прусский министр торговли и ремесел О. Фишбек, ссылаясь на трехнедельной давности запрос директората Рейхсбанка о мерах «предотвращения экономической катастрофы» [81], развернул в письме правительству целую программу действий. «Сколь ни достойно благодарности начало, положенное под руководством народного уполномоченного Носке», писал он, все же оно не снимает угрозы со стороны «большевиков, поляков, чехословаков» и растущих «очагов спартаковских беспорядков». Только наличие сильной армии остановит рост стачечного движения. Он предлагал также урезать «пагубные пособия по безра-

---

[76–77] Ibidem; IML — ZPA. Protokolle des Vollzugsrats der Berliner Arbeiter- und Soldatenräte, Nr. 11/5, Bl. 115—116, 121. Заседание 22 января 1919 г.; ZStA Postdam, Reichskanzlei, Nr. 2511, Bl. 103; Nr. 2520, Bl. 28.

[78] IML — ZPA. Vollzugsrat, Nr. 11/5, Bl. 159—160.

[79] ZStA Merseburg. Ministerium des Innern, Rep. 77, Tit. 1373. Generalia, Nr. 1, Bl. 63.

[80] IML — ZPA. Vollzugsrat, Nr. 11/5, Bl. 229—230. Заседание 28 января 1919 г.

[81] См.: Ноябрьская революция, с. 269—270.

ботице» и поскорее «урегулировать вопрос о полномочиях рабочих и солдатских Советов, а еще лучше — позаботиться об их скорейшем устранении. С упорядоченным государством совершенно несовместимо продолжающееся вмешательство в исполнительную власть», а также в экономическую деятельность предприятий. Пока полностью устранить Советы не удается, считал Фишбек, надо ограничить их деятельность «экспертными заключениями»[82].

Несколько дней спустя Фишбек в письме всем министрам поддержал мнение статс-секретаря ведомства юстиции фон Краузе, что «рабочие и солдатские Советы *не могут быть органически включены* в существующее государственное управление» и должны быть возможно скорее распущены[83]. Другие прусские министры тоже настаивали на ограничении прав Советов, и прежде всего на запрещении им смещать чиновников[84]. Министр внутренних дел разослал директиву, предписывавшую не допускать членов Советов на заседания магистратов, судов и районных комиссий[85].

В конце января Эберт решил, что с Советами нечего больше церемониться. 28 января он на заседании кабинета резко отверг просьбу Берлинского Исполкома о том, чтобы правительство выступило перед представителями столичного пролетариата[86]. Исполкому было сообщено, что правительство не несет ответственности за свои действия перед «местными рабочими и солдатскими Советами», а при «восстановлении безопасности в Берлине» действовало в полном согласии с Центральным Советом[87].

Вечером того же дня на совместном заседании кабинета и Центрального Совета Эберт и Носке отклонили все попытки Центрального Совета играть какую-либо роль в политике. Накануне М. Коэн изложил в своем письме возникшие в Центральном Совете разногласия относительно того, должен ли он прекратить свою деятельность с момента открытия Национального собрания или дождаться демократизации государства и его органов управления?[88] На заседании он заметил, что рабочим Советам надо дать возможность продолжать существование, «иначе перед нами встанут огромные трудности». Его поддержал профсоюзный деятель Г. Геллер: «Об упразднении рабочих Советов во многих частях Германии сейчас нельзя и думать. Поэтому необходимо вста-

---

[82] ZStA Merseburg. Ministerium des Innern, Rep. 77. Tit. 1373a. Nr XIIIA, Bl. 1—2.
[83] Ibid., Nr. XIII, Bl. 18.
[84] Ibid., Bl. 21—22, 32, 51—52; Nr. XIIIA, Bl. 14.
[85] Ibid., Tit. 1373. Generalia, Nr. 1, Bl. 79.
[86] Regierung der VB, T. II, S. 229—230.
[87] IML—ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/12, Bl. 132—134. На следующий день ответ был опубликован в печати.
[88] Об этом речь шла на заседании 25 января 1919 г.— Zentralrat, S. 474—486; Письмо Коэна от 27 января.— Ibid., S. 487—488.

вить в конституцию что-либо такое, что облегчило бы свертывание Советов».

Но и на это правители не соглашались. Носке решительно заявил, что рабочие Советы «должны исчезнуть как политическая организация». Эберт усомнился, можно ли «внести в конституцию что-либо о Советах», выразив убеждение, что во всяком случае их «политическая деятельность должна прекратиться». Самым энергичным образом были отвергнуты предложения, чтобы председатель Центрального Совета открыл Национальное собрание или выступил там с отчетным докладом о деятельности Центрального Совета. Эберт считал вполне достаточным представление письменного отчета [89]. На следующий день Эберт еще раз разъяснил Лейнерту, что Центральный Совет не имеет мандата в Национальном собрании, а правительство «не потерпит» даже появления Центрального Совета в Веймаре [90]. Центральный Совет смирился и решил ограничиться письменным посланием Национальному собранию.

Днем позже Эберт лично подписал письмо Берлинскому Исполкому, в котором отклонял его просьбу опубликовать документы о дальнейшей деятельности Советов. Он ссылался как на мнение Центрального Совета [91], так и на то, что «будущее юридическое положение рабочих Советов еще не определено», а сделать это сможет в лучшем случае Национальное собрание. Недавнее распоряжение прусского правительства о проведении перевыборов общинных представительств изменит органы местного самоуправления и «влияние рабочего класса в коммунах гигантски возрастет». Поэтому, заключал Эберт, «сейчас нет смысла предпринимать столь детальное, а отчасти идущее слишком далеко определение полномочий и задач» рабочих Советов. Чтобы чуть подсластить горькую пилюлю, он предложил Исполкому внести новые предложения относительно «урегулирования отношений рабочих Советов с предпринимателями» [92].

31 января 1919 г. в столичной филармонии состоялось пленарное собрание рабочих и солдатских Советов Большого Берлина, а также рабочих Советов общин Большого Берлина и представителей рабочих Советов сельских районов Тельтов — Беесков и Нидербарним. Число участников превысило 2 тысячи. Так как правительство отказалось прислать докладчика, на повестке дня остался только один вопрос: «Система Советов — Национальное собрание — проект конституции».

Выражая точку зрения Центрального Совета, докладчик М. Коэн заявил собравшимся, что вопрос «Система Советов *или* Национальное собрание?» давно решен — еще на съезде Советов в де-

---

89 Ibid., S. 490—498. Заседание 28 января 1919 г.
90 Ibid., S. 531.
91 Zentralrat, S. 498—499.
92 IML — ZPA. Vollzugsrat, Nr. 11/6, Bl. 52; Die Tätigkeit des Zentralrats, S. 11.

кабре 1918 г. Об этом кое-кто может сожалеть, заметил он, но ныне вопрос «или — или» более не стоит. Однако, продолжал он, с системой Советов не покончено, ибо ее нельзя просто убить. *Политическая* роль Советов исчерпана, они уступили место Национальному собранию, которое призвано дать Германии конституцию, но в *экономической жизни* рабочие Советы должны сохраниться. Их место — на предприятиях, где им следует стремиться к созданию «конституционной фабрики». Вместе с профсоюзами они могут образовать свой центральный орган, быть может, даже участвовать в работе «палаты производителей», если таковая будет предусмотрена конституцией. Вместо того, чтобы «судорожно цепляться» за идею о политической роли Советов, следует, поучал Коэн, направить главные силы на подъем производства и преодоление «нежелания трудиться». Эти заявления вызвали столь бурное возмущение, что докладчику пришлось оправдываться [93].

Содокладчик Э. Деймиг заявил, что вопрос стоит остро: «быть или не быть рабочим и солдатским Советам?» Назначенные прусским правительством на 23 февраля перевыборы общинных представительств станут днем смерти местных (коммунальных) Советов. А с судьбой Советов связана судьба всей германской революции: «Разве нам в Германии уже пора ликвидировать революцию? Разве мы уже перевалили через гору? Разве реализовали то, чего так ждали в радостном похмелье ноябрьских дней?» Заклеймив «гробокопателей», спешащих «похоронить рабочие и солдатские Советы», Деймиг объявил самыми опасными врагами революции «проклятую доверчивость немцев» и их «преклонение перед богиней демократии». Ведь твердыни милитаризма и капитализма не захвачены, а буржуазное большинство в Национальном собрании, враждебное Советам, постарается поскорее «задуть их жизненный свет». Предприниматели, по словам Деймига, тоже повсюду стали петушиться и не хотят считаться с рабочими Советами. Практический же вывод Деймига сводился, однако, лишь к необходимости поскорее созвать новый съезд Советов, которому и надлежит решить: «должна ли система Советов быть ликвидирована или нет?» [94]

Представитель немецких демократов Михаэлис трезво заметил, что Национальное собрание не может существовать рядом с системой Советов, ибо «нельзя быть слугой двух господ». Решительно отвергнув политическую деятельность рабочих Советов, он согласился с Коэном о возможности их «осторожной» и весьма ограниченной деятельности на предприятиях [95]. Специально прибывший на собрание представитель прусского правительства фон Герлах разъяснил, что с избранием демократических органов

---

[93] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/12, Bl. 55—67.
[94] Ibid., Bl. 73—86.
[95] Ibid., Bl. 87.

местной власти для коммунальных Советов места не останется [96]. В ходе дискуссии Р. Мюллер развивал мысль, что рабочие Советы могут сыграть большую роль в сфере восстановления экономической жизни. Забастовочное движение прекратится только тогда, когда будут даны «гарантии создания социалистической экономики». Ныне же владельцы заводов «Шварцкопф», «Борзиг», «Шток» и других саботируют восстановление производства, а правительство мешает рабочим Советам установить свой строгий контроль [97]. Социал-демократ Катценштейн соглашался лишь на ограниченные функции Советов на предприятиях и высказывал сомнение в целесообразности нового съезда Советов [98]. Независимец Тост откровенно высказал то, что обходили лидеры его партии: необходим классовый подход, а правительство не захотело укрепить систему Советов до созыва Национального собрания. «Экономическое влияние — это хорошо,— сказал он,— но оно ведь ничто, совсем ничто без политического влияния». Демократию не следует понимать односторонне, ее нужно оценивать с точки зрения обеспечения завоеваний революции [99]. Впервые получивший слово на общем собрании Советов коммунист Бергс подчеркнул, что сохранение «Советской системы» без политической власти подобно попытке сидеть между двух стульев или на стуле без ножек и сиденья. Власть, которую Советы еще сохранили, должна быть укреплена [100].

В заключительном слове Деймиг счел нужным заявить, что он сторонник диктатуры пролетариата, а намерение дать Советам только «некие экономические функции» — лишь чисто словесная уступка боевым настроениям масс. Председательствующий Нойе попытался примирить предложения Коэна, призывавшего Национальное собрание найти в конституции «подобающее место» для Советов, с предложением Деймига противодействовать угрозе их ликвидации. Но это не удалось. После бурных споров за резолюцию Деймига было подано 489 голосов; резолюция Коэна собрала 362 голоса [101].

Принятое воззвание говорило о грозящей Советам серьезной опасности со стороны старой бюрократии, капиталистических предпринимателей, реакционной военщины, буржуазного Национального собрания. «Рабочие и солдатские Советы грубо нарушат свой долг по отношению к трудовому народу, если безвольно и бессловесно позволят себя выключить». Все Советы призывались к дружной, совместной борьбе против открытого или скрытого насилия. «Дело идет о вашем существовании, о вашей деятельности на пользу социализма и политической свободы, о благе трудового

---

[96] Ibid., Bl. 90.
[97] Ibid., Bl. 92, 95—97.
[98] Ibid., Bl. 98, 100—101.
[99] Ibid., Bl. 105—106.
[100] Ibid., Bl. 110—111.
[101] Ibid., Bl. 114, 128—129.

народа. Будьте бдительны и противодействуйте угрозе!» [101a] Однако, кроме требований «закрепить Советы в конституции» и созвать Всегерманский съезд Советов, воззвание никаких конкретных предложений не содержало.

Волна протестов солдатских Советов против «командного указа» не спадала. Центральный Совет был поэтому вынужден созвать в Берлине 4 февраля Всегерманскую конференцию солдатских Советов военных округов, на которой каждый из 27 округов был представлен двумя делегатами. Конференция началась бурно, и участники добились допуска прессы. Раздавались гневные обвинения в адрес правительства и особенно Носке. Была послана телеграмма, требовавшая отозвания посланных против Бремена войск. Выразив Носке недоверие, конференция потребовала его немедленной отставки [102].

Делегат Шольц (V военный округ) в докладе о положении и задачах солдатских Советов заявил, что «командный указ» низводит солдатские Советы на уровень прежних «кухонных комиссий» и пытается «одним ударом возродить старый милитаризм». Франк (X военный округ) сказал, что «гамбургские пункты извращены». Старания Коэна сдержать страсти не увенчались успехом, и он покинул конференцию. Ответ правительства из Веймара не удовлетворил собравшихся. Было принято решение отвергнуть распоряжение 19 января, как «юридически недействительное и противоречащее революционной конституции», образовать Центральный солдатский Совет как высший орган солдатских Советов, призванный контролировать военное министерство, «осуществлять командную власть на основе паритета с другими командными органами правительства», участвовать в решении всех военных вопросов и визировать все военные распоряжения [103].

Однако за энергичными словами не последовали сколько-нибудь решительные действия. Поэтому правительство, занятое в Веймаре подготовкой к открытию Национального собрания, могло себе позволить просто игнорировать требования рабочих, солдат и матросов.

Шейдеман дал в эти дни интервью представителю одной из крупнейших американских газет. В свойственной ему вызывающей манере он обрушился на независимцев за то, что их оратор на собрании берлинских рабочих Советов назвал Советы единственным завоеванием революции. Заявив, что с созывом Национального собрания кончается «революционный переходный период», Шейдеман потребовал полного устранения всех рабочих и солдатских Советов, которые, по его мнению, «развернули во

[101a] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/12, Bl. 137—138; Dokumente und Materialien, Bd. 3, S. 122—123.

[102] См.: Zentralrat, S. 546—554; Deutscher Geschichtskalender. Hrsg. F. Purlitz. Band: Die deutsche Revolution. Leipzig [s. d.] (далее — DR), S. 585—586.

[103] Ibid., S. 586—587; Zentralrat, S. 551—553, 570—572; Die Tätigkeit des Zentralrats, S. 29—30.

многих местах явно опасную для общества деятельность» и стали «лишь очень дорогостоящим тормозом для всякой упорядоченной формы правления». Вопреки общеизвестным итогам выборов, он самонадеянно заявил, что Национальное собрание, в котором будто бы «реакционеры смехотворно малочисленны» (?!), не сможет принять «никакого решения против нас и наших демократических убеждений», а это значит, что «новая Германия будет построена на основе полного отказа от всяких военных и империалистических целей» [104].

Днем позже корреспондент одной из консервативных немецких газет взял интервью у одного из «влиятельных представителей общественного мнения США», только что прибывшего в Берлин [105]. «Все зависит от того,— заявил этот американец,— соберется ли Национальное собрание и создаст ли оно для Германии такое правительство, которое снова можно будет допустить в салоны. Это — главный вопрос, ответа на который ждут в Париже. Поэтому чрезвычайно необходимо, чтобы удалось урегулировать споры с рабочими и солдатскими Советами, т. е. устранить их и утвердить вместо них действительно демократическое (!?) правительство. От успешного выполнения этого главного условия будет зависеть то, как оценит положение находящаяся со вчерашнего дня в Берлине американская миссия по изучению хозяйственного и продовольственного вопроса в Германии. Рост большевизма в горнопромышленных районах Силезии вызывает серьезную озабоченность в кругах Антанты и особенно у американцев. Неотложная обязанность правительства — покончить с этим большевизмом и заставить горняков снова приняться за работу. Без этого Германия ни в коем случае не может рассчитывать на помощь продовольствием со стороны Антанты. Если Национальному собранию в Веймаре не удастся радикальным образом уничтожить большевистское движение, порожденное революцией, и восстановить в стране порядок и спокойствие (!?), могут быть затруднены или даже поставлены под угрозу также и мирные переговоры» [106].

Беззастенчивость вмешательства американских «наблюдателей» во внутренние дела немецкого народа могла соперничать только с цинизмом их жандармского тона. Но все это нисколько не шокировало власть имущих в Германии, напротив, соответствовало их сокровенным желаниям. Примечательна «внутренняя перекличка» этих двух напутствий, данных Веймарскому национальному собранию.

А рабочий Берлин 4 февраля предал земле прах старейшего революционера Франца Меринга. Друзья несколько дней скрывали от престарелого и больного бойца трагическую весть о гибе-

---

[104] Norddeutsche Allgemeine Zeitung, 3.II 1919. Morgenausgabe.
[105] В Германии в это время находились «экономические эксперты» из «Американской организации помощи» А. Тейлор и В. Келлог.
[106] Deutsche Tageszeitung, 4.II 1919. Morgenausgabe.

ли его близких соратников Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Злодеяние военщины и Носке до глубины души потрясло Меринга. Он не мог найти покоя, тяжелая болезнь подкосила его, и он лишь на две недели пережил своих товарищей. В напечатанном листовкой некрологе руководители КПГ писали: «Косвенно и этот герой пролетарской освободительной борьбы пал жертвой убийц, правящих Германией. У гроба одного из лучших среди нас мы клянемся остаться — до смерти, как он,— верными тому делу, за которое он боролся и страдал» [107]. На могилу Меринга были возложены, среди других, также венки от Правительства РСФСР и от Социалистической академии общественных наук в Москве, членом которой он был.

Конституционные планы

Уже с первых дней Ноябрьской революции буржуазные и социал-демократические лидеры, ратуя за скорейший созыв Учредительного собрания, объявляли его главной задачей создание новой германской конституции. Они надеялись юридическим оформлением результатов первого натиска революции остановить ее дальнейшее развитие, воздвигнув плотину, способную сдержать новый напор революционных волн. «Всякая буржуазная революция,— писал В. И. Ленин еще за десятилетие до этого,— есть в конце концов процесс создания конституционного строя, и ничего более. Это истина. Это — полезная истина для разоблачения quasi-социалистических аллюров той или иной буржуазно-демократической программы, теории, тактики и т. п.» [108]

Выступая за разработку новой конституции, и буржуазные партии, и социал-демократия исходили из невозможности сохранения долее старой, бисмарковской конституции 1871 г., лишь слегка модернизированной в последние месяцы войны. Революционный народ в несколько дней прогнал два десятка монархов, чей союз закрепляла старая конституция. Народ сам взял себе права и свободы, которых она не давала. Поскольку реставрация старых порядков была невозможна и грозила вызвать бурю, создателям новой конституции приходилось так или иначе считаться с тем, что завоевал народ.

Однако «социалистическое» правительство не сделало даже попытки самостоятельно сформулировать собственные конституционные предложения. Исполком Берлинского Совета, правда, принял 16 ноября решение возложить на Центральный Совет, который будет избран съездом Советов, задачу подготовить проект конституции, «соответствующей принципам пролетарской демократии» [109].

---

[107] Dokumente und Materialien, Bd. 3, S. 120.
[108] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 14.
[109] См.: Ноябрьская революция, с. 158.

Но еще за несколько дней до этого решения, оставшегося нереализованным, Эберт с согласия Гаазе начал переговоры с профессором государственного права Высшего коммерческого училища в Берлине Г. Прейсом и известным социологом и экономистом М. Вебером. Речь шла о включении одного из них в правительство в качестве статс-секретаря внутренних дел со специальным поручением подготовить проект новой конституции.

Прейс, на которого пал выбор Эберта, был умеренным либерально-буржуазным профессором, глубоко враждебным социал-демократии, против которой он выступал еще в 1891 г. Не пользовавшийся широкой известностью в кругах ученых, Прейс был автором вышедшей в 1915 г. книги «Германский народ и политика»[110]. В ней он подверг формально-юридической критике бисмарковско-гогенцоллерновскую государственную систему. Он касался лишь соотношения между высшими органами государственной власти, не поднимаясь до критики монархической системы как таковой. Главный порок германского государства Прейс видел в том, что оно «не воспитывает народ» для участия в политической жизни, подразумевая под «народом» прежде всего буржуазию, которая в Германии оттеснялась юнкерством от «большой политики». Путей решения этого противоречия между «авторитарным государством» и «демократией», между государственным бюрократическим аппаратом и парламентом Прейс, однако, тогда указать не мог[111].

Накануне своего вступления на пост статс-секретаря Прейс сформулировал свое политическое кредо на страницах газеты «Berliner Tageblatt». Отмечая, что революция произошла в «поразительном порядке», он утверждал, будто место старого авторитарного государства заняла «перевернутая авторитарная система» в виде Советов, которая ссылается не на «милость божью», но на «столь же неуловимую милость народа». Выразив так свое отношение к революционной демократии, Прейс решительно требовал полного устранения Советов, протестовал против «лишения буржуазии ее политических прав». Он откровенно объявил дилемму, которую старались закамуфлировать лидеры социал-демократии, — власть буржуазии *или* власть пролетариата. «Здесь дороги безусловно расходятся,— писал он.— Здесь речь идет о вопросе — восточная или западная ориентация — в новом, роковом смысле». Разъясняя эту мысль, он указывал, что нужно выбирать между буржуазной «демократией, которая развита американской республикой», и «русской системой». Относительно своих проамериканских симпатий Прейс не оставлял ни малейшего сомнения[112].

---

[110] *Preuß H.* Das deutsche Volk und die Politik. Jena, 1915.

[111] См.: *Polak K.* Die Weimarer Verfassung, ihre Errungenschaften und Mängel. Berlin, 1948, S. 13—16.

[112] Berliner Tageblatt, 14.XI 1918; См. также: *Preuß H.* Staat, Recht und Freiheit. Tübingen, 1926, S. 365—367.

Первоначальные планы Прейса, исходившие, разумеется, из незыблемости капиталистического общественного строя, шли довольно далеко в направлении реорганизации территориального устройства Германии и усиления парламентарно-демократической структуры государственной власти. Так, Прейс считал, что новая конституция призвана окончательно преодолеть остатки феодальной раздробленности, сохранившиеся в виде 25 отдельных государств с их весьма причудливыми границами, «анклавами» и т. п. Он полагал возможным и целесообразным перекроить карту Германской империи (Deutsches Reich): разделить Пруссию[113], объединить карликовые государства на юге, юго-западе и севере страны в более или менее крупные республики (Freistaaten). Их число составило бы 14, а в случае присоединения Немецкой Австрии — 16. Высшим органом власти должен был стать общегерманский парламент (рейхстаг) из двух палат: народной палаты и палаты государств. Депутаты первой избираются путем всеобщих прямых выборов; вторая формируется из депутатов республик, делегируемых пропорционально численности населения. Президент избирается парламентом; правительство во главе с рейхсканцлером, назначаемое президентом, должно опираться на доверие парламента[114].

По предложению Прейса кабинет 3 декабря создал для разработки проекта конституции небольшой совет. В его заседаниях с 9 по 12 декабря 1918 г. наряду с сотрудниками ведомства внутренних дел (в их числе «прикомандированные» социал-демократ М. Кварк и независимец И. Герцфельд) и представителями ведомств юстиции и иностранных дел участвовал гейдельбергский профессор М. Вебер[115]. Видимо, под его влиянием первоначальные наметки Прейса претерпели определенные изменения.

Вебер был признанным идеологом германской буржуазии. Социолог, экономист и историк, он признавал большое значение экономической организации общества. Еще в 1917 г. он выступил с рядом статей по конституционным вопросам. Как и Прейс, противоречие бисмарковской конституции он видел в слабости парламента, беспомощного перед лицом централизованного и мощного бюрократического аппарата. Однако и Вебер не решался посягнуть на власть последнего, опасаясь, что его разрушение или даже ослабление повлечет за собой разрушение также экономи-

---

[113] Подобные предложения высказывали также: оберпрезидент Восточной Пруссии А. Тортилович фон Батоцкий-Фрибе, известный историк Пруссии профессор Г. Дельбрюк.

[114] Этот «предпроект» тогда не был опубликован. См.: *Triepel H.* Quellensammlung zum deutschen Reichsstaatsrecht. 3. Aufl. Tübingen, 1922, S. 7—11.

[115] Regierung der VB, T. I, S. 252. См. также: *Mommsen W.* Max Weber und die deutsche Politik 1890—1920. Tübingen, 1959, Kap. IX; *Schulz G.* Zwischen Demokratie und Diktatur. Berlin, 1963, Kap. III.

ческого аппарата, созданного капитализмом. Он тоже оставался монархистом, лишь робко мечтавшим о «парламентаризации» и показной «демократизации» государственного строя.

Ноябрьская революция сделала и Вебера «республиканцем». Еще более решительно, чем Прейс, он ратовал за допущение буржуазных партий к руководству государством, выступая одновременно глашатаем проамериканской ориентации. В серии статей, опубликованных в газете «Frankfurter Zeitung» в ноябре 1918 г., он неустанно повторял, что «без добровольного сотрудничества буржуазии правительство не получит мира и — раньше или позже — предстоит оккупация». Утверждая, что «*пролетарское правительство*, даже самое лучшее, *для заграницы некредитоспособно*», Вебер объявлял, что «только правительство и только хозяйство *буржуазной* структуры получит кредит». Требуя от социал-демократов, чтобы они «твердой рукой» и с «безжалостной решительностью» подавляли революционное пролетарское движение, Вебер угрожал даже, что, если они не проявят «твердости», будет создано «контрправительство» буржуазных партий, которое «свяжется прежде всего с американцами и с помощью осадного положения установит несоциалистическое правительство, чтобы заключить мир»[116].

Вебер стремился прежде всего сохранить в неприкосновенности независимый от парламента бюрократический государственный аппарат и настаивал на том, чтобы сильный президент-диктатор, вроде американского, противостоял «всесилию парламента» и явился бы «палладиумом подлинной демократии» (!). В то же время Вебер доказывал, что расчленение Пруссии трудно и опасно, а капиталистическая экономика вполне может развиваться и в условиях федералистического государственного устройства[117]

Этот тезис Вебера, ведший к отказу от радикальной перестройки территориальной структуры Германии, имел много последователей в самых различных кругах. Хотя именно единство страны отвечало объективным интересам ее буржуазного развития, общей подоплекой консерватизма, выразившегося в стремлении ломать поменьше, было желание внушить поднявшимся на революцию массам представление о «незыблемости устоев», о необходимости сохранить преемственность всей системы и ее органов. Различные общественные силы руководствовались при этом разными мотивами. Правые юнкерско-буржуазные круги были прежде всего противниками разрушения оплота милитаризма и монархической традиции — Пруссии. В Южной и Западной Германии антипрусский партикуляризм граничил, а кое-где смыкался с прямым сепаратизмом. Эти настроения проникали и в ряды социал-демократии, включая некоторых независимцев.

---

[116] *Weber M.* Gesammelte politische Schriften. München, 1921, S. 346—347.
[117] Ibid., S. 354—393.

Уже созыв 25 ноября 1918 г. имперской конференции союзных государств [118] был признанием того, что революция не разрушила федеративной структуры империи. Дальнейшее развитие событий еще более усилило федералистские тенденции. 27—28 декабря правительства четырех южногерманских государств — Баварии, Вюртемберга, Бадена и Гессена — на совещании в Штутгарте решили действовать совместно в духе «нового устройства империи на союзно-государственной основе». Высказываясь за единство Германии и отвергая «всякий сепаратизм», они настаивали вместе с тем на участии правительств отдельных государств в общегерманском законодательстве и управлении [119]. В Саксонии тоже преобладали сторонники «союзного государства», в том числе среди социал-демократов и независимцев, высказывавшихся против «преувеличенного унитаризма» [120].

В то же время усиливались споры из-за территориальной реорганизации. В Тюрингии, где раздробленность и чересполосица были особенно велики, собрание рабочих и солдатских Советов выступило за объединение мелких государств с включением прусского округа Эрфурт и за то, чтобы Тюрингия стала составной частью единой Германской республики. Собрание тюрингских промышленников, коммерсантов, ремесленников и сельских хозяев предлагало создать «союзную республику Великая Тюрингия» со столицей в Эрфурте [121]. Но на тюрингские земли с вожделением посматривали и те, кто хотел бы присоединить их к прусской провинции Саксония [122], и те, кто мечтал о возрождении былого величия Саксонии и расширении ее территории за счет тюрингских земель, Силезии, Богемии, Эрфурта [123].

На северо-западе Германии тоже рождались планы переустройства. Один предусматривал создание «Нижней Саксонии» из Бремена, Ольденбурга и прусских территорий; второй — образование «Ангельн» (из Гамбурга, части Ганновера, Шлезвиг-Гольштейна) и «Остфалии» (из другой части Ганновера и Брауншвейга); третий — объединение всех ганзейских городов [124]. Рабочий солдатский Совет Гамбурга просил правительство, чтобы с ним (а не с сенатом) велись переговоры о расширении территория Гамбурга за счет включения прусских общин. Прусское правительство отказалось, однако, о чем-либо с ним разговаривать [125].

---

[118] См.: Ноябрьская революция, с. 177—192.

[119] DR, S. 315—316. Премьер-министр Вюртемберга В. Блос лично информировал об этом Эберта (ZStA Potsdam. Reichsamt der Innern, Nr. 16805, Bl. 21; Reichskanzlei, Nr. 2519, Bl. 26).

[120] Об этом докладывал прусский посол в Дрездене (ibid. Reichsamt des Innern, Nr. 16572, Bl. 36—37, 51, 61—63, 70).

[121] Ibid., Nr. 16556, Bl. 197—199.

[122] Ibidem.

[123] Ibid., Nr. 16572, Bl. 31, 46.

[124] Bremer Volksblatt. 3.I 1919; ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 16521, Bl. 76.

[125] Ibid., Nr. 16526, Bl. 4, 9, 21—22.

Гораздо серьезнее были пользовавшиеся поддержкой Франции попытки сепаратистов подготовить почву для отрыва от Германии Рейнско-Вестфальской области, а также других районов.

31 декабря 1918 г. на совместном заседании СНУ и Центрального Совета зашла речь о подготовке проекта конституции. Эберт указал, что к его обсуждению надо будет привлечь правительства отдельных государств. Лейнерт попросил доверительно рассказать о позиции правительства по отношению к сепаратистским устремлениям буржуазных кругов на Рейне и в других местах. Если Национальное собрание, сказал он, поддержит эти движения, «мы должны знать об этом заранее, чтобы мы могли стать во главе движения (?!)». В то же время Лейнерт считал, что «мы не сможем оправдать перед народом» сохранение всех союзных государств в их прежних размерах. Эберт ответил, что принципиальная позиция правительства заключается в том, чтобы не допустить никаких территориальных изменений до Национального собрания. Удастся ли сохранить эту позицию и провести в Национальном собрании, неизвестно. Нужно считаться с возможностью иного членения Пруссии и объединения Тюрингии. Ко всем этим вопросам, еще неясным, придется вернуться [126].

Разумеется, и Прейс вынужден был учитывать наличие разных течений. В записке СНУ в связи с демаршем южногерманских государств он рекомендовал улучшить информацию о планах имперского правительства, а также предоставить правительствам отдельных государств право присутствовать и выступать в Национальном собрании. Вместе с тем он не советовал давать им право участия в принятии решений. В записку было дополнительно вписано объяснение: «Составленный в моем ведомстве проект будущей имперской конституции *предусматривает союзно-государственную организацию*» [127].

И действительно, в «Проекте будущей имперской конституции (общая часть)» и в «Объяснительной записке» Прейса не было больше речи о единой германской республике, слово «республика» применительно к Германии вообще отсутствовало. Коренным вопросом конституции считались не вопросы социально-классовой структуры общества и государства, а «отношения между империей и республиками». О территориальном переустройстве говорилось подробно, но только как о *возможности*. Каждая из новых 14 (или 16) республик должна была насчитывать от 2 до 8 млн. жителей и получить представительство в палате государств из расчета примерно 1 голос на 1 млн. жителей. Легислатура обеих палат рейхстага определялась в 5 лет, президент же избирался теперь не рейхстагом, а прямым голосованием сроком на 10 лет. Этот проект, получивший название «первого проекта», был вместе

---

[126] Regierung der VB, T. II, S. 165—166; Zentralrat, S. 131—132.
[127] ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 16805, Bl. 22—23.

с «Объяснительной запиской» вручен правительству в начале января 1919 г.[128]

С обоснованием своего проекта Прейс выступил на заседании кабинета вечером 14 января 1919 г. Ландсберг сразу обратил внимание на § 29, предусматривавший возможность расчленения Пруссии. Прежде всего, заявил он, должен быть решен вопрос: «Единое государство или союзное государство?» В то время как партикуляризм отвечает исключительно династическим интересам, единое государство может сохранить широкие возможности экономической и культурной автономии. Ландсберг предложил провести сначала переговоры с отдельными государствами, и если выяснится, что единое государство невозможно, тогда останется федеративное. Но «если Германия должна жить, то Пруссия должна в своей прежней форме умереть. Ее меч сломался». Однако ей следует самой определить свою судьбу; нельзя ничего диктовать сверху [129].

Эберт высказал иное мнение. Одобрив в общем записку Прейса, он продолжал: «Если теоретически я согласен и с Ландсбергом, то все же думаю, что единство империи возможно только на федеративной основе. Этому учит нас как раз опыт, полученный в ходе революции. Мы должны постараться внутри федеративного государства по возможности усилить экономическую власть империи, и проект идет по этому пути. Если нам удастся осуществить единство имперского законодательства и управления в отношении почты, железных дорог, школы, налогов и т. п., это будет огромным успехом; выход же за пределы этого будет связан с огромнейшими трудностями». Он согласился с тем, что Пруссия не может быть сохранена в прежнем объеме: «государство, охватывающее четыре седьмых населения империи, неизбежно господствует в ней» [130]. Шейдеман горячо одобрил проект и записку, заявив, что сам «принципиально» стоит на почве единого государства, но «осуществить его сейчас невозможно». Лейнерт тоже считал, что «распаду Пруссии помешать не удастся» [131].

Однако раздались и иные голоса. Статс-секретарь ведомства юстиции, член немецкой народной партии фон Краузе ухватился за мысль Ландсберга, что нужно вести перестройку «снизу вверх», ее нельзя октроировать. Поэтому, утверждал он, § 29 вызовет бурю возмущения не только в Пруссии, а и в Баварии, усилит сепаратистские течения. Он настаивал на снятии этого параграфа еще до рассылки проекта. Энергично выступил против раздела Пруссии военный министр Рейнгардт. Признав, что Пруссия возвеличилась силой меча, он напомнил, что за меч брались

---

[128] ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 16805, Bl. 28 ff.; *Preuß H.* Staat, Recht und Freiheit, S. 368—394; Regierung der VB, T. II, S. 249—266.
[129] Regierung der VB, T. II, S. 237—238.
[130] Ibid., S. 239—240.
[131] Ibid., S. 239—241.

и другие государства, но потерпели поражение. «Весьма сомнительно,— сказал он,— что без сильной Пруссии столь различные части Германии найдут в себе центростремительные силы, чтобы противостоять искушению вступить в связь с негерманскими соседними государствами» [132].

Прейсу пришлось согласиться, что § 29 — это «Ахиллесова пята проекта, паллиатив», что нынешний проект «уже из-за своего унитаристского характера встретит большое сопротивление», а вести с союзными государствами переговоры об унитаристской конституции совершенно бессмысленно — они скажут: «Пруссия хочет нас проглотить». В итоге он согласился снять весь параграф целиком, оставив лишь общую фразу [133]. Эберт вздохнул с облегчением.

Другие споры были менее значимы. Сомнения Ландсберга и Лейнерта относительно слишком большой роли палаты государств Прейс парировал замечанием, что это — следствие союзно-государственного, федеративного характера империи. Он старался по возможности ослабить позиции палаты, так как она — «меньшее зло по сравнению с бундесратом, который имеет одновременно законодательные и управленческие функции». По предложению Ландсберга легислатура рейхстага была снижена с пяти лет до трех, хотя Прейс заметил, что это ослабляет позицию парламента. Брокдорф предложил установить возможно более продолжительный срок деятельности президента для обеспечения преемственности внешней политики. Эберт осторожно заметил, что функции президента слишком обширны и похожи на права американского президента, которого во время войны «считали абсолютным властителем» [134]. Он даже поставил вопрос: президент или директория? Но Шейдеман тотчас объявил последнюю посмешищем. Лейнерт и Ландсберг настояли все же на ограничении прав президента, получавшего по отношению к рейхстагу «больше прав,

---

[132] Ibid., S. 244. Брокдорф-Ранцау на заседании осторожно высказался за единое государство, но неделю спустя в записке Эберту возражал против «полной перестройки германской империи и ее конституции» до подписания мира, утверждая, что недовольство отдельных государств усилит позицию Франции. См.: *Wengst U.* Graf Brockdorff-Rantzau und die aussenpolitischen Anfänge der Weimarer Republik. Frankfurt a. Main, 1973, S. 20.

[133] Regierung der VB, T. II, S. 242—245, 247.

[134] Вопрос об «американском образце» поднимался и раньше. Еще в начале января 1919 г. Шейдеман заверял эмиссара США Дрезела, что германская конституция «будет создана по образцу американской», а Эберт добавил, что рассчитывает на «сотрудничество с США» и в этом вопросе. См.: PPC, v. II, p. 161, 164. Доклад Дрезела 10 января 1919 г. Брокдорф в письме Прейсу советовал при внесении проекта конституции в Национальное собрание не только избежать критики американской конституции, но взять ее за образец, что будет иметь «пропагандистское значение, которое нельзя недооценивать». Брокдорф собирался даже потребовать от Прейса отказа от ответственности министров перед рейхстагом, но по рекомендации советника Симонса воздержался. См.: *Wengst U.* Graf Brockdorff-Rantzau..., S. 20—21.

чем какой-либо монарх». Были внесены некоторые коррективы, а срок его полномочий сокращен с 10 до 7 лет [135].

Эберт предложил внести в проект конституции каталог демократических прав: свободы личности, науки и преподавания, печати, собраний и коалиций, выбора профессии и т. д. Он заметил, что это «из политических и тактических соображений должно быть подчеркнуто в выразительной форме». Лейнерт поддержал эту мысль, заметив, что, если не останутся в силе законы «временного правительства», вспыхнет «буря возмущения тем, что поставлены под вопрос завоевания революции». Прейс объяснил отсутствие основных прав в его проекте опасением, что они вызовут долгие разговоры, как во Франкфуртском парламенте 1848 г. Советник Шульце заверил Эберта, что «спишет их из конституции 1848 г.[136], поскольку они годятся и сейчас» [137].

В итоге обсуждения родился исправленный Прейсом (но, по его собственному признанию, отнюдь «не улучшенный» [138]) «второй проект» конституции. Он был направлен всем отдельным государствам, а 20 января 1919 г., на следующий день после выборов в Национальное собрание, опубликован. СНУ не принял на себя авторства и под проектом стояла подпись ведомства внутренних дел [139].

Развернувшиеся вскоре публичные дискуссии исходили, как правило, из предпосылки о незыблемости капиталистического общественного строя, который призвана была юридически закрепить новая германская конституция. При этом правые партии и их печать не замедлили резко обрушиться на проект за то, что он будто бы слишком «радикален», а особенно за выраженное в нем (хотя и весьма робкое) стремление расчленить Пруссию. Партия центра выражала недовольство слишком сильно проявившимися, по ее мнению, централизмом и унитаризмом. Бо́льшая часть буржуазно-демократической печати присоединилась к возражениям против территориального переустройства Германии. Только социал-демократическая газета «Vorwärts», делая вид, что не замечает компромиссного характера проекта, заявила, что он имеет «революционное» значение: «Германия должна стать чисто демократическим, сильно централизованным союзным государством, для чего последует полная перегруппировка ее деления на отдельные государства. Вопросы, вокруг которых десятилетиями тянулись споры, решаются одним ударом, и в этом смысле проект действительно революционен...» [140].

Гораздо сдержаннее отнеслись к проекту конституции социал-демократы, засевшие в Советах. Центральный Совет выразил

---

[135] Regierung der VB, T. II, S. 243—248.
[136] Точнее: конституции 28 марта 1849 г.
[137] Ibid., S. 240, 242—243, 247.
[138] Ibid., S. 246.
[139] Deutscher Reichsanzeiger, 20.I 1919. Beilage.
[140] Vorwärts, 21.I 1919. Morgenausgabe.

серьезную озабоченность отходом от принципа единства Германии, а один из его членов даже предложил опубликовать заявление, объявляющее проект ошибочным. Это удалось предотвратить, и было решено «просить народных уполномоченных разработать также социалистический проект конституции и передать Национальному собранию в качестве материала» [141]. Коэн, выступая на собрании Берлинских Советов, в целом одобрительно отозвался о проекте конституции. Указав, что рабочему классу следует выступать за единое государство, он вместе с тем заметил, что оно может состоять и из федеральных штатов, как в Америке [142]. Предложения о включении в конституцию рабочих Советов Коэн и его друзья из ревизионистского журнала «Sozialistische Monatshefte» (Ю. Калиский, И. Блох) «трансформировали» в идею создания наряду с парламентом некоей «палаты труда» или «палаты производителей», в которую вместе с рабочими должны были войти предприниматели, потребители и т. д. Даже Прейс заметил, что такое возрождение сословного представительства реакционно [143].

Левый лидер НСДПГ Деймиг охарактеризовал проект конституции как простой «слепок с буржуазно-демократических республик Франции и Америки, который во многом даже значительно реакционнее их». Он призывал Советы «заставить правительство дать им в конституции четко очерченные права и компетенции», причем то же правительство (которое не раз доказывало свою непримиримую враждебность к Советам) должно было «позаботиться и о том, чтобы рабочие Советы добились влияния на всю жизнь» страны. В предложенной им резолюции, которая была одобрена собранием, судьба Советов прямо ставилась в зависимость от того, будут ли они включены в конституцию: если это не будет сделано, они «утратят всякое право на существование», будут вскоре «вытеснены из общественной жизни и найдут свой бесславный конец», а конституция «будет построена на буржуазно-демократической основе, без какого-либо пролетарского уклона» [144].

Комментируя это решение, «Die Rote Fahne» напомнила, что конституционные вопросы — это вопросы власти: Советы лишь тогда смогут выступить в роли органов революции, если будут проведены перевыборы, если они будут очищены от врагов революции и соглашателей [145]. Принципиально выступая за революционное переустройство всего общества и государства на основе пролетарской демократии, как демократии высшего типа, газета писала, что проект конституции — «жалкое произведение даже с точки зрения буржуазной демократии». Правящие круги демон-

---

[141] Regierung der VB, T. II, S. 340. Заседание 28 января 1919 г. Zentralrat, S. 450.
[142] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/12, Bl. 67—70.
[143] Regierung der VB, T. II, S. 342.
[144] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/12, Bl. 85—86, 137—138.
[145] Die Rote Fahne, 3.II 1919.

стрируют свою неспособность «вымести вон даже самый жалкий хлам буржуазного убожества»[146].

И действительно, правительство было более всего обеспокоено протестами, которые посыпались со стороны деятелей отдельных государств. Хотя в проекте речь шла только о *возможности* разделения Пруссии, прусское социал-демократическое правительство уже 17 января 1919 г., получив об этом первую неофициальную информацию, потребовало «своевременного участия» правительств всех союзных государств в обсуждении проекта, а 24 января решило заявить формальный протест «против расчленения Пруссии»[147]. Под таким лозунгом правые партии вели в эти дни избирательную кампанию в прусский ландтаг. С другой стороны, баварское правительство Эйснера, которое еще раньше записало в проекте своей конституции: «Бавария — республика. Бавария — член Соединенных штатов Германии (Германской империи)», — и требовало участия союзных государств в решении всех вопросов территориального переустройства[148].

Ландсберг, позабыв свои недавние «унитаристские» речи, заговорил теперь об опасности планов «разрушения Пруссии». Эберт, подхватив это, заметил, что, если требовать слишком многого, не удастся достигнуть даже экономического единства. Не только в Южной Германии растет опасность сепаратизма, а и в Ганновере возникло движение за самостоятельность Нижней Саксонии. «И в наших кругах — добавил он, имея в виду социал-демократию,— существует такая склонность». Эберт уже свыкся с мыслью, что не только правительство, но и Национальное собрание не сможет принять решений относительно границ и прав отдельных государств, не выслушав предварительно мнений их правительств[149]. Партия немецких демократов, в создании которой Прейс активно участвовал, публично отреклась от него[149а].

Таково было многообещающее начало публичного обсуждения конституционных проблем.

На пятый день после опубликования проекта конституции, 25 января 1919 г., в Берлине собралась вторая конференция германских государств. После первой прошло два месяца, и партикуляристские настроения за это время заметно усилились. Хотя династии давно уже были устранены, стоявшие за их спиной реакционные силы и бюрократический аппарат остались на местах.

---

[146] Die Rote Fahne, 26.II 1919.

[147] ZStA Merseburg. Preußisches Staatsministerium, Rep. 90a, Abt. B, Tit. III 2b, Nr. 6, Bl. 11, 13.

[148] DR, S. 436, 441—442.

[149] Regierung der VB, T. II, S. 308. Заседание 23 января 1919 г.

[149а] Прейс не был депутатом Национального собрания, а теперь берлинская организация его партии потребовала, чтобы он отказался от мандата, если будет избран в прусский ландтаг. О «казусе Прейса» см.: *Albertin L.* Liberalismus und Demokratie am Anfang der Weimarer Republik. Düsseldorf, 1972, S. 281—285; *Stephan W.* Aufstieg und Verfall des Linksliberalismus 1918—1933. Göttingen, 1973, S. 51—53.

Еще важнее было то, что социал-демократические деятели, возглавлявшие правительства этих государств, вполне усвоили и тон, и смысл речей прежних властителей.

Эйснер внес от имени Баварии, Бадена, Гессена, Саксонии и Вюртемберга предложение, которое предусматривало, чтобы Национальное собрание ввиду неизбежно длительного обсуждения конституционных вопросов приняло сначала «Временный основной имперский закон». Главное же: проект этого закона СНУ должен был разработать совместно с *Комитетом государств* (Staatenausschuss), составленным из представителей всех 25 правительств. Но этот Комитет должен был быть поставлен не только рядом с СНУ, а и на одну доску с Национальным собранием: закон мог быть принят только, если между ними будет достигнуто соглашение. Правительство Эберта не решилось возражать [150].

Уже на следующий день Комитет государств начал функционировать. В ходе секретного обсуждения с ведомством внутренних дел подготовленного последним законопроекта о «временной государственной власти» члены Комитета добились его существенного видоизменения. Теперь никакие законы не могли быть предложены без предварительного одобрения Комитета и не могли быть приняты без согласования с ним. Это означало по существу возрождение дореволюционного бундесрата (союзного совета), созданного в свое время Бисмарком в качестве партикуляристски-бюрократического противовеса общегерманскому парламенту — рейхстагу [151]. Социал-демократические правители сделали серьезную уступку тем кругам, которые хотели сохранить пережитки раздробленности Германии и помешать созданию действительно единого государства. Был нанесен удар и суверенитету Национального собрания. Но и эти уступки не удовлетворили Баварию, и она отказалась поддержать законопроект [152].

Докладывая об этих итогах на заседании кабинета 28 января, Прейс мягко назвал согласованный проект закона «компромиссным», а о Баварии сказал, что она прониклась «идеей южногерманского Зондербунда». Но «самой серьезной ошибкой» он считал § 2, «содержащий восстановление бундесрата». Эту приверженность к наследию прошлого Прейс назвал реакционной, выра-

---

[150] Записку об обсуждении см.: *Ritter A., Miller S.* (Hrsg.). Die deutsche Revolution 1918—1929. Dokumente. 2. Aufl. Hamburg, 1975, S. 411—415.

[151] Примечательно, что в то время, как кайзеровский рейхстаг был объявлен СНУ распущенным еще 14 ноября, было официально сказано, что бундесрат продолжает существовать. Но он ни разу не собирался.

[152] К. Эйснер писал Эберту через баварское посольство в Берлине: «Мы... питаем полное доверие к Национальному собранию, что оно, исходя из неограниченного суверенитета (!), не перешагнет произвольно через права отдельных государств, а будет при разработке новой конституции руководствоваться пониманием того, что в результате общего политического положения и исторического развития единство Германии может быть обеспечено только при сохранении ее федеративной конституции» (Regierung der VB, T. II, S. 345. Телефонограмма от 28 января 1919 г.).

зив осторожную надежду, что ее, быть может, удастся преодолеть в окончательном тексте конституции. Социал-демократ Кварк назвал Комитет государств сильным «теневым кабинетом» (Nebenregierung), существование которого «полностью противоречит стремлениям революции». Он предложил заявить в Национальном собрании протест. Шейдеман пошел еще дальше: «Мы не можем внести этот конституционный проект. Это абсолютно реакционно. Мы внесем другой проект». Однако Эберт охладил его пыл: «Идея единой империи невозможна. Если мы не хотим конфликта в Национальном собрании, нужна федералистическая конституция. Первый проект, в котором речь шла о том, чтобы только выслушать союзные государства, провести не удалось. Я сожалею о составе (Комитета государств.— *Я. Д.*). Но все же это не совсем старый бундесрат», хотя он и имеет право вето.

Прейс заметил, что главное теперь — удержать в своих руках вожжи, поэтому нельзя вносить контрпроект — это произведет плохое впечатление и за границей. Кроме того, ведь и среди социал-демократов нет единства. Имеются лишь три пути: единое государство, гегемония Пруссии или действительно федеративное государство с раздроблением Пруссии. Фон Краузе высказался за проект, утверждая, что «гегемония Пруссии устранена вместе с кайзером, королем и военной властью; экономическая гегемония исчезнет сама собой». Шейдеман отступил. «Компромисс, который нам навязывают,— сказал он,— придется проглотить. Но мы ни в коем случае не должны сами вносить в Национальное собрание это предложение, за которое не можем быть в ответе перед историей». После принятия нескольких поправок, которые устанавливали иной модус представительства в Комитете, чем в бундесрате, а также принципиально признавали, что и Национальное собрание не может изменить территорию государств без их согласия, законопроект был одобрен [153].

Продолжавшиеся переговоры с отдельными правительствами о временном законе потребовали дальнейших уступок возрожденному бундесрату. Прейсу пришлось пожертвовать даже малейшим упоминанием об укрупнении мелких государств и разделении Пруссии. Статс-секретарь казначейства Э. Шиффер утешал его тем, что бóльшая унификация империи наступит сама собой, «менее из склонности, более из нужды», поскольку мелкие государства окажутся недееспособными и будут «более или менее вальдекизированы» [154]. Эберт резюмировал, что законопроект представляет собой «крайнюю меру того, что империя может уступить влиянию отдельных государств» [155].

---

[153] Regierung der VB, T. II, S. 323—329, 334—338. Шейдеману пришлось отступить еще раз: законопроект был внесен в Национальное собрание за подписями его и Эберта.

[154] Княжество Вальдек управлялось с 1867 г. Пруссией, но сохраняло представительство в бундесрате.

[155] Ibid., S. 355—357. Заседание 31 января 1919 г.

Так еще прежде, чем Национальное собрание открылось, его суверенитет был существенно урезан как раз в той сфере, которая объявлялась главной задачей всей его деятельности — конституировании «новой Германии».

Законодатели за работой

Рабочие Тюрингии встретили известие, что Национальное собрание откроется в Веймаре, без восторга. Первые подразделения правительственных войск, прибывшие в Веймар в качестве квартирьеров, были разоружены местным солдатским Советом при помощи рабочих. Заседание солдатских Советов XI (Веймар) и XV (Эрфурт) военных округов, состоявшееся в Эйзенахе 30 января 1919 г., в телеграмме правительству заявило протест против того, что охрана Национального собрания поручена «чужим войскам», и потребовало их немедленного отвода, поскольку тюрингские войска, которые «не покинули почвы революционных, социалистических требований», готовы сами выполнить эту задачу [156]. Вместо ответа войска генерала Меркера, по пути разоружив рабочих Галле, двинулись к Веймару.

Когда 3 февраля Носке с членами правительства приехал в Веймар, к нему в замок явились представители солдатских Советов Веймара и других городов. В Эрфурте ими был занят телеграф, в Эйзенахе телефон и телеграф поставлены под контроль [157]. Они выразили также возмущение тем, что войска Меркера вступают в город с огнеметами и расчехленными пулеметами. Носке разговаривал с ними в таком вызывающем тоне, что даже местная организация СДПГ на своем собрании не только поддержала протест солдатских представителей, но и выступила против «метода ведения товарищем Носке переговоров и установленной им военной диктатуры» [158]. Все было напрасно. К Веймару было уже стянуто около семи тысяч солдат; была разработана военная диспозиция на случай террористических актов отдельных лиц, демонстраций местного населения или «пришлых элементов», нападений со стороны прибывших поездом, на автомобилях или пешком и даже налетов авиации. Предусматривались перевод частей веймарского гарнизона в Иену, эшелонированная система обороны Веймара с использованием артиллерии и других средств, создание сильного резерва и т. д. [159]

В итоге принятых мер Веймар был наглухо отгорожен от остальной Германии, наводнен шпиками и детективами, специально прибывшими из Берлина, вокзал был занят войсками, в го-

---

[156] *Maerker G.* Vom Kaiserheer zur Reichswehr. Leipzig, 1921, S. 89.
[157] *Noske G.* Von Kiel bis Kapp, S. 86; Regierung der VB, T. II, S. 363.
[158] ZStA Potsdam. Reichskanzlei, Nr. 2486/6, Bl. 3.
[159] Ibid., Reichsamt des Innern, Nr. 16820, Bl. 150—153. Доклад подполковника фон Клюбера.

род впускали только по специальным пропускам. Депутаты, прибывавшие к зданию национального театра, могли любоваться пулеметами, установленными на балконах и крышах близлежащих домов. Здесь же на площади они должны были удостоверять свою личность перед полицейскими. «Свобода» для вершителей судеб германского народа была полностью обеспечена...

«Учредительное собрание германской нации» торжественно открылось 6 февраля вступительной речью Эберта. Для него создание «новой Германии» связывалось не с революцией, а с созывом Национального собрания. Его он назвал «высшим и единственным сувереном Германии», хотя только что санкционировал ущемление его прав в пользу партикуляристской бюрократии. Эберт объявил заслугой «временного правительства», что оно было всего только «опекуном обанкротившегося старого режима» и может с гордостью и спокойной совестью сказать о себе: «Мы не предрешали того, что должно сказать Национальное собрание. Теперь немецкий народ возвращается на путь законности». О том, чтобы законность эта была *буржуазной*, Эберт и его друзья немало позаботились. Обратившись к предпринимателям и к рабочим, Эберт призвал первых ускорить оживление производства, а вторых — напрячь свои силы в труде. Сделав поклон в сторону держав Антанты, он заверил их, что «в Германии водворена демократия». Его речь венчал призыв осуществить в Веймаре «переход *от империализма к идеализму*, от мирового господства к духовному величию», возродить *«дух Веймара, дух великих философов и поэтов»* [160].

В этот день «Die Rote Fahne», выпуск которой удалось наладить в Лейпциге, в статье «Веймар» так охарактеризовала обстановку, в которой было избрано и созвано Национальное собрание: «Туман буржуазной демократии, который еще в конце декабря окутал мозги делегатов Всегерманского съезда рабочих и солдатских Советов, начинает рассеиваться... Треск пулеметов, гром пушек и гранатометов на улицах Берлина, зверское убийство из-за угла Розы Люксембург и Карла Либкнехта, сотни революционеров в берлинских тюрьмах, господство сабли Лютвица и Меркера, Притцельвица и Герстенберга, палаческое дело в Бремене, занесенный кнут голода над безработными, холодно работающая в Моабите машина классовой юстиции, осадное положение без каких-либо правовых гарантий — вот операционные инструменты, с помощью которых появилось на свет Национальное собрание...

Из центра революционного штурма, из Берлина, Национальное собрание бежало в провинцию. Это не только бегство от революции, это уже *бегство к контрреволюции*. Это — попытка мобилизовать провинцию против Берлина, деревню против города.

---

[160] Verhandlungen der Verfassunggebenden Deutschen Nationalversammlung. Stenographische Berichte (далее — VDNV), Bd. 326, S. 1—3.

Национальное собрание окружает себя плотной шпалерой своих контрреволюционных отрядов ландскнехтов. Генерал Меркер с фельдъегерским корпусом — герой январской недели в Берлине — его гений-хранитель... Однако не белогвардейские ландскнехты являются пешками Национального собрания, а, наоборот, Национальное собрание является пешкой ландскнехтов» [161].

На второй день работы Национального собрания его президентом был избран заслуживший доверие империалистов в годы войны социал-демократ Э. Давид. Он постарался разъяснить голосовавшим за него буржуазным депутатам, что слова «демократия» и «социализм», которые еще для многих «звучат зловеще», абсолютно безобидны [162]. В этом должна была убедить Национальное собрание также декларация «Центрального Совета Германской социалистической республики» [163]. Ее главный тезис гласил: «В ожидании, что Национальное собрание осуществит свой полный суверенитет, Центральный Совет передает полученную им от Всегерманского съезда Советов власть в руки Германского национального собрания и желает его работе всяческих успехов».

После такого отречения от власти были лишь пустыми пожеланиями, хотя и высказанные именем «революции рабочих и солдат», требования преобразовать Германию в действительно единое государство, устранить все остатки раздробленности и мелкогосударственности, «включить рабочие и солдатские Советы в будущую конституцию». Национальное собрание не считало нужным реагировать, не обратив внимания и на заявление, что Центральный Совет намерен сохранить свои права и обязанности, связанные с распоряжением о командной власти.

Когда рабочая печать заклеймила декларацию как «измену рабочим и солдатским Советам», Центральный Совет попытался оправдаться тем, что он сохранил за собой контрольные функции в отношении Пруссии, что деятельность рабочих и солдатских Советов «пока еще не закончена», что у них есть еще «важные экономические задачи», которые определит Второй съезд Советов [164]. На это заявление тоже никто не обратил внимания.

8 февраля Национальное собрание приступило к обсуждению проекта закона *«О временной государственной власти»*, подготовленного правительством вместе с Комитетом государств. Законопроект выражал стремление социал-демократии и буржуазных партий возможно скорее закрепить юридически существующее положение и тем самым прочнее оградить буржуазное государство от каких-либо новых потрясений.

[161] Die Rote Fahne, 6.II 1919.
[162] VDNV, Bd. 326, S. 9. Заседание 7 февраля 1919 г.
[163] Датированная 4 февраля 1919 г., она была опубликована в печати на следующий день. В Национальном собрании она была зачитана только 11 февраля среди прочих приветственных посланий и телеграмм (ibid., S. 37).
[164] См.: Die Tätigkeit des Zentralrats, S. 12. Заявление было опубликовано 8 февраля 1919 г.

С обоснованием законопроекта выступил Прейс. Сравнив Национальное собрание 1919 г. с Франкфуртским национальным собранием 1848 г., он с глубоким удовлетворением отметил, что Ноябрьская революция не разрушила государственного аппарата и *в основном* все в Германии осталось по-прежнему. «В сутолоке недавно прошедшего времени,— сказал он,— при всех помехах и недоразумениях, которые, впрочем, неотделимы от революционных обстоятельств, в общем и целом был сохранен правомерный ход событий. За это, я думаю, следует выразить здесь благодарность и признательность усилиям *чиновников и вооруженных сил*, которые без различия политических убеждений поставили себя на службу отечеству» [165].

Эти слова Национальное собрание встретило возгласами «браво». Оно и само не очень отличалось от старого рейхстага: почти одна треть его депутатов совсем еще недавно вотировала в нем военные кредиты и одобряла аннексионистские планы, вынашиваемые военно-империалистической кликой.

На правых скамьях Национального собрания среди немецких националистов, имевших 44 места, снова можно было увидеть председателя фракции, 73-летнего графа А. Позадовски-Венера, который уже в 1897 г. занимал пост статс-секретаря внутренних дел, рядом с ним бывшего министра и руководителя тайного кабинета при кайзере во время войны К. фон Дельбрюка, мекленбургского помещика А. фон Грэфе, а также недавнего председателя директории концерна Круппа, впоследствии одного из первых покровителей Гитлера — А. Гугенберга. Среди 19 депутатов «народной» партии выделялись один из основателей и руководителей Союза промышленников, ярый аннексионист Г. Штреземан, председатель фракции, бывший саксонский министр Р. Гейнце. Но действительным «хозяином» фракции был один из директоров Стального треста, близкий друг Стиннеса (а впоследствии Геринга) — А. Фёглер; интересы финансовых кругов выражал банкир и экономист Я. Риссер.

Партия центра получила в Национальном собрании (вместе с Баварской народной партией) 91 место и была представлена известными сторонниками империалистической политики, бывшим статс-секретарем военного кабинета А. Грёбером (председатель фракции) и главой комиссии по перемирию М. Эрцбергером, а также группой профессоров (К. Бейерле, прелат Л. Каас и др.) и католических пасторов. Фракцию «немецких демократов», насчитывавшую 75 депутатов, возглавлял Ф. фон Пайер, с 1890 г. председатель фракции прогрессистов, вместе с К. Гаусманом бывший статс-секретарем в военном кабинете. Среди депутатов были разные люди: директор Дармштадтского банка и бывший министр колоний Б. Дернбург, автор пресловутого плана «Срединной Европы», бывший пастор Ф. Науман, статс-секретарь казначей-

[165] VDNV, Bd. 326, S. 13.

ства Э. Шиффер, прогрессивные редакторы О. Нушке и А. Эркеленц.

Самая большая фракция Национального собрания — социал-демократическая,— имевшая 163 депутата, состояла почти исключительно из крупных партийных и профсоюзных чиновников, адвокатов и журналистов. Партийная верхушка, заслужившая название «кайзеровских социалистов», была представлена Г. Мюллером (председатель фракции), Ф. Эбертом, Ф. Шейдеманом, Э. Давидом, Г. Молькенбуром, головка профбюрократии — инициатором «содружества» с монополистами К. Легиным, Р. Висселем, впоследствии перешедшим к фашистам А. Виннигом, лидером союза горняков О. Гуэ. Среди адвокатов можно было увидеть ревизиониста В. Гейне, О. Ландсберга, Г. Зинцгеймера, среди журналистов — Г. Носке и П. Лёбе. Во фракции НСДПГ, состоявшей из 22 человек, тоже почти не было рабочих. Председатель ее Г. Гаазе и его ближайший сподвижник О. Кон были адвокатами, А. Генке, Ф. Куперт, Э. Вурм — журналистами.

Обсуждение закона «О временной государственной власти», согласованного за кулисами большинством фракций Национального собрания и представителями отдельных государств, не предвещало трудностей. Правда, главный редактор буржуазно-демократической газеты «Vossische Zeitung» Г. Бернгард писал, что уступки реакционным партикуляристам, выразившиеся в создании Комитета государств, без соглашения с которым не мог быть принят ни один закон, столь «чудовищны и их последствия будут столь значительны, что народ не поймет, если Национальное собрание без всяких споров принесет навсегда в жертву по этому важнейшему принципиальному вопросу свой суверенитет» [166].

Несмотря на это, П. Лёбе от имени социал-демократической фракции заявил, что «предложенный законопроект проникнут *духом демократии*» [167]. Лидер немецкой народной партии Р. Гейнце, призывая быстрее искоренить «нынешнее беззаконное состояние», выражал надежду, что после принятия нового закона в стране будут установлены «порядок и безопасность» [168].

Только фракция НСДПГ нарушила дух «созидательного сотрудничества», который пытались продемонстрировать социал-демократы и деятели буржуазных партий. Оратор независимцев О. Кон обратил внимание на то, что в правительственном законопроекте нет ни слова «революция», ни слова «республика», «Случайно ли это, почтенное собрание?.. — спрашивал он.— Если Германская народная республика, которая в первые дни радостного опьянения именовала себя даже социалистической республикой, теперь не признает себя самоё, не хочет создать себе в предварительной конституции установлений, которые разорвут

[166] Vossische Zeitung, 9.II 1919.
[167] VDNV, Bd. 326, S. 20. Заседание 10 февраля 1919 г.
[168] Ibid., S. 21.

всякую зависимость с преодоленной (?) старой формой государства,.. кто же тогда внутри страны, а особенно за границей, поверит правительству и различным «народным» партиям, что они действительно и безусловно хотят покончить с прошлым и преодолеть дух старого, который вверг немецкий народ в нынешнее состояние тяжелой нужды и несчастья?» Оратор заметил, что должность рейхспрезидента грозит установлением «республиканской монархии». Намекая на Шейдемана, Эберта и Носке, он заметил, что не хотел бы прочитать в истории о «Филиппе Временном», «Фридрихе Единственном» или «Густаве Непобедимом» [169].

Национальное собрание, отклонив предложение назвать государство «Германская республика», дружно проголосовало за сохранение наименования «Германская империя». Без обсуждения были отвергнуты предложения о ликвидации Комитета государств и замене президента коллегиальным президиумом [170].

Однако центральным пунктом предложения независимцев была новая формулировка § 4, в котором было сказано, что будущая конституция должна быть принята Национальным собранием, а другие законы приниматься по согласованию Собранием и Комитетом государств. Вместо этого фракция НСДПГ предлагала включить положение: «Если *центральный орган рабочих и солдатских Советов* в течение двух недель заявит протест против принятого Национальным собранием в третьем чтении закона или постановления, то закон или постановление пока не вступает в силу, а окончательное решение должно быть принято путем *народного голосования*». Это требование включить в конституцию «еще один особый орган, контролирующий, действующий и представляющий живой ход революции», Кон пытался подкрепить заявлением, что «революция создала себе вне государственного организма собственные головы и руки, собственные органы воли и движения» [171].

Можно ли удивляться тому, что все попытки Гаазе и Кона убедить Национальное собрание в ценности их предложения, все их заверения, что закрепление Советов в конституции «умиротворит» рабочий класс, оказались напрасными? Как буржуазные партии, так и правые социал-демократы, жаждали полного и безоговорочного уничтожения Советов. Они видели в Советах серьезнейшую угрозу, способную подорвать основы их господства. Они надеялись, что предпринятые Носке кровавые экспедиции и бесславная капитуляция Центрального Совета и многих других Советов, подорванных изнутри, навсегда отвратят опасность, перед которой они дрожали еще недавно. Все поправки фракции НСДПГ были Национальным собранием отклонены, закон о вре-

---

[169] VDNV, Bd. 326, S. 22—24.
[170] Ibid., S. 26.
[171] Ibid., S. 24—25.

менной государственной власти был 10 февраля принят подавляющим большинством голосов [172].

Потерпев неудачу в Национальном собрании, лидеры НСДПГ решили использовать идею о включении рабочих Советов в конституцию, о «сочетании» Советов с буржуазным парламентом в качестве агитационного лозунга. Впервые мысль о том, что «Советы сохранят еще свое особое значение» и после созыва Национального собрания, высказал в туманной форме Гаазе еще на Всегерманском съезде Советов в декабре 1918 г. [173] Идею «закрепления Советов в конституции» развивал в Берлинском Исполкоме и на общих собраниях Э. Деймиг, она вошла в «Директивы» и в резолюцию собрания Берлинских Советов от 31 января 1919 г. Известное отражение она получила даже в декларации Центрального Совета. Теперь ее подхватил Р. Гильфердинг, главный редактор газеты «Die Freiheit». В статье «Развитие системы Советов» он отмежевался от лозунга революционеров «Вся власть Советам!», который якобы противоречит «принципу демократии», толкает исключительно на крайнюю оппозицию и даже «раскалывает рабочий класс». Он по-прежнему был против «единовластия Советов», но решился отбросить устаревшие рекомендации Каутского, чтобы Советы не превращались в государственные органы. Гильфердинг предлагал теперь сохранить за ними политические функции, конституировав в органы, стоящие *рядом* с буржуазным Национальным собранием и служащие «необходимым противовесом против капиталистической фальсификации демократии». Он провозглашал: «Не система Советов *или* демократия, а Советская система *и* демократия — должен гласить наш лозунг» [174].

Об этом же Гильфердинг писал несколько дней спустя в статье «Единение пролетариата» [175]. Эта идея вошла и в опубликованное 11 февраля обращение фракции и партийного правления НСДПГ «К революционному пролетариату Германии». В нем лидеры партии впервые прямо назвали правительство Эберта *буржуазным,* умалчивая, однако, о том, что оно было таковым и тогда, когда во главе его рядом с Эбертом стоял Гаазе. Обращение призывало рабочих требовать (от *буржуазного* правительства и *буржуазного* Национального собрания!), чтобы они закрепили в конституции «носителей и хранителей революции» — Советы [176]. При этом лидеры независимцев, разумеется, старательно обходили вопрос о том, как они сами своей соглашательской политикой содействовали изгнанию из Советов революционного духа.

---

[172] Ibid., S. 26—27, 36.

[173] Allgemeiner Kongress der Arbeiter- und Soldatenräte Deutschlands vom 16. bis 21. Dezember 1918 im Abgeordnetenhaus zu Berlin. Stenographische Berichte. Berlin [1919], Sp. 225.

[174] Die Freiheit, 5.II 1919. Morgenausgabe.

[175] Die Freiheit, 9.II 1919.

[176] Die Freiheit, 11.II 1919. Morgenausgabe.

Характеризуя это «замечательнейшее и комичнейшее воззвание», В. И. Ленин писал: «Помирить, объединить диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата! Как это просто! Какая это гениально-филистерская идея!

Жаль только, что ее уже испытали при Керенском в России объединенные меньшевики и социалисты-революционеры, эти мелкобуржуазные демократы, мнящие себя социалистами»[177].

«Die Rote Fahne» заметила, что даже если бы Национальное собрание восприняло идею Гильфердинга, «это был бы лишь новый фиговый листок, новая бюрократическая инстанция, полностью лишенная какого бы то ни было революционного содержания»[178]. Ведь «власти Советов, закрепленной якорями внутри буржуазной демократии, остается лишь одно движение, которое может делать стоящий на якоре корабль, а именно: движение по кругу». Отмечая, что долго такое состояние все равно продолжаться не могло бы, газета считала, что отсрочка давала выигрыш лишь буржуазии, позволяя ей собраться с силами и разгромить революционный пролетариат[179].

Программа «веймарской коалиции»

Уже открытие Национального собрания и принятие закона о временной государственной власти показало направление его деятельности. Еще определеннее его классовый характер выявился в последующие дни.

11 февраля состоялись выборы *временного президента Германской империи.* В соответствии с закулисным сговором они принесли победу социал-демократу Ф. Эберту[180], который получил 277 из 379 голосов[181]. Причину того, что значительное число

---

[177] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 309.

[178] Die Rote Fahne, 14.II 1919.

[179] Die Rote Fahne, 24.II 1919.

[180] Шейдеман, который в своих мемуарах не скрывал неприязни к Эберту, писал, что еще накануне открытия Национального собрания Эберт высказывал откровенное желание занять пост президента. Шейдеман же якобы обращал внимание на то, что «радикальные рабочие будут направлять все нападки, если из социализации на первых порах ничего не выйдет, против социал-демократического президента». Эберт, однако, настоял на своем, вопреки мнению части членов фракции (*Scheidemann Ph.* Memoiren eines Sozialdemokraten. Bd. II, S. 354).

[181] 49 голосов было подано за националиста графа Позадовски-Венера, по одному голосу за Шейдемана и Эрцбергера; 51 бюллетень был подан незаполненным (VDNV, Bd. 326, S. 40). Газета «Weimarische Landeszeitung» утром 11 февраля, еще до выборов Эберта, поместила заметку, в которой говорилось: «Как сообщает имперская канцелярия, выборы первого президента империи Эберта состоятся в три часа дня. Запланированы овации иногородних депутаций, и местное население приглашается поддержать их. Перед зданием театра соберутся депутации школ, почетный караул... Эберт выйдет в 4.30».

буржуазных депутатов голосовало за социал-демократического президента, откровенно объяснил в своей речи Э. Давид. 9 ноября, сказал он, «в этот чреватый опасностями час решения судеб германского народа, Эберт выдвинулся на первое место. То, что германская революция не последовала примеру русской», что она не привела к полному разрушению (буржуазного) «права и порядка», к «потрясению всей политической и экономической жизни»,— все это «в большой мере заслуга человека, которого вы сегодня призвали стать во главе империи»[182]. Эберт заверил, что будет действовать как «представитель всего народа, а не как лидер одной из партий»[183].

Вся буржуазная печать, включая правую, приветствовала избрание Эберта. Пангерманская «Tägliche Rundschau» писала, что «господин Эберт сможет рассчитывать также на поддержку патриотических (т. е. юнкерски-буржуазных.— *Я. Д.*) кругов..., если он проявит серьезное желание привлечь только лучшие силы для восстановления империи и станет на почву действительного положения дел, а не будет витать в мире социалистических безумств».

Громче других превозносила нового президента либеральная печать. «Leipziger Tageblatt» называла его «точкой опоры» в событиях революционных дней, а в «Vossische Zeitung» можно было прочесть: «Немецкая буржуазия приветствует этого первого избранного представителя германского народного суверенитета... Немецкая буржуазия, несмотря на все политические разногласия, верит президенту Эберту, что он выполнит свои обещания...»[184].

Нечего и говорить, что больше всех ликовал социал-демократический «Vorwärts», возвестивший даже о начале некоей «новой эры»: «Буржуазные партии... избрали социал-демократического президента, а завтра будут голосовать за доверие социал-демократическому премьер-министру. Внутренне эти люди знают совершенно точно, что только социал-демократия может спасти Германию и управлять ею»[185].

Подводя итог первой недели деятельности Национального собрания, либеральная «Dresdner Anzeiger» выразила мнение, что, если социал-демократия «сумеет освободиться от связи с независимцами, если она проявит, невзирая на ругательства и подозрения слева, решительность в деле ликвидации системы Советов и сумеет дать новому порядку мощную опору в виде новой вооруженной силы, тогда она на верном пути. А с половинчатостью чувства и воли она толкнет свою партию и Германию в объятия большевизма»[186].

---

[182] VDNV, Bd. 326, S. 40.
[183] Ibid., S. 40—41.
[184] См.: DR, S. 517—518.
[185] Vorwärts, 12.II 1919.
[186] См.: DR, S. 517.

По какому пути поведут социал-демократию ее вожди, можно было судить, не только оглядываясь назад. Уже на следующий день после своего избрания Эберт заявил на пресс-конференции в веймарском театре, что перед новым правительством Германии стоят две задачи — заключить мир и принять конституцию, а для социализма время «еще не созрело»[187]. «Berliner Tageblatt» с удовлетворением писала в эти дни, что «закончилось революционное интермеццо», а французская газета «Le Figaro» заметила иное: «Нам не следует обманываться. У Эберта скоро можно будет увидеть зубы Гинденбурга»[188].

13 февраля закулисный торг партий относительно состава первого после революции «законного» правительства, начавшийся еще до открытия Национального собрания, завершился созданием коалиционного кабинета. Вопрос о привлечении независимцев вызвал в социал-демократической фракции острые, но бесплодные споры. А. Зюдекум писал Эберту еще 1 февраля, что Гаазе в кругу друзей решительно выступает против участия партии в правительстве, но публично в этом не признается[189]. Отказ НСДПГ был воспринят с облегчением[190]. Буржуазная печать с удовлетворением указывала на неизбежность открытой коалиции социал-демократов с немецкими демократами, а печать СДПГ (не высказывая удовлетворения открыто) писала, что правительство будет создано «на строго парламентских началах»[191]. Вскоре выяснилось, однако, что социал-демократия готова пойти на более широкую коалицию с буржуазными партиями, установив сотрудничество также с партией центра[192].

Объясняя этот шаг, социал-демократы ссылались на то, что коалиция с центром делала правительство более «устойчивым»[193]. В действительности же лидеры социал-демократии были готовы пойти на ослабление позиций своей партии в правительстве ради того, чтобы создать сильное буржуазное правительство, способное обеспечить решительное подавление революционных выступлений пролетариата.

Ссылка на «неуступчивость» партнеров давала правым социа-

---

187 DR, S. 580.

188 См.: Die Freiheit, 14.II 1919. Abendausgabe.

189 IML — ZPA, Nr. 8/29. Reichskanzlei, Bl. 59.

190 Vorwärts, 7.II 1919.

191 Vorwärts, 23.I 1919.

192 Американский «наблюдатель» Герарди уже 6 февраля докладывал, что решено сформировать кабинет из 7 социал-демократов и 7 демократов и представителей центра, хотя сотрудничество с последними еще не обеспечено. См.: PPC, v. XII, p. 6. О колебаниях в руководстве партии центра см.: *Morsey L.* Die Deutsche Zentrumspartei 1917—1923. Düsseldorf, 1966, S. 166—170. Решение было принято 8 февраля.

193 Газета «Vorwärts» писала 10 февраля: «После того, как сотрудничество с буржуазными партиями стало неизбежным, вопрос о том, вступить ли в коалицию с одной или с двумя партиями, является «лишь вопросом целесообразности»». См.: *Kastning A.* Die deutsche Sozialdemokratie zwischen Koalition und Opposition 1919—1923. Paderborn, 1970, S. 21—23.

листам широкую возможность маскировать свое нежелание хоть в чем-либо поколебать буржуазный строй.

Буржуазный деятель И. В. Бредт ясно видел эту сторону политики социал-демократии. «Необходимость сотрудничать с другими партиями,— писал он,— означала для социал-демократов, пожалуй, скорее облегчение, чем затруднение. Было ясно, что центр и демократов нельзя было привлечь на сторону действительно коренных мер в смысле социализма; сотрудничество с центром должно было быть куплено даже ценой серьезных уступок в области церкви и школы. Но если это было так, тогда не могло служить упреком партии, что она не думала серьезно об осуществлении Эрфуртской программы. Очевидная невозможность выполнить теперь то, что они обещали массам в течение десятилетий, покрывалась в этом случае парламентским положением... Так партия пришла к единственно возможному выходу: вообще отказаться от теории и руководствоваться только практикой»[194].

«Die Rote Fahne», предвидя состав нового правительства, писала: «Снова возвращается старый империалистический блок: социал-демократы, свободомыслящие, центр. Только названия несколько изменились. Партии массовой бойни мировой войны выдают себя за новое революционное правительство»[195].

Правительство так называемой веймарской коалиции возглавил импульсивный оратор и опытный манипулятор Ф. Шейдеман, заслуживший, как и Эберт, доверие буржуазии. В правительство вошли 7 социал-демократов, 3 немецких демократа, 3 представителя партии центра и 1 беспартийный. Была сохранена максимальная преемственность с последним составом Совета народных уполномоченных и руководителями главных имперских ведомств. Из социал-демократов Г. Носке занял пост военного и морского министра, О. Ландсберг — юстиции, Р. Виссель — экономики, Р. Шмидт — продовольствия, Г. Бауэр — труда. Немецкие демократы получили министерства внутренних дел (Г. Прейс) и финансов (Э. Шиффер). Последний стал также заместителем премьер-министра. Партии центра достались портфели министра колоний (И. Белл), почты и телеграфа (И. Гизбертс). Министерство иностранных дел осталось в ведении графа У. Брокдорфа-Ранцау. В состав кабинета входили также три министра без портфелей: социал-демократ Э. Давид[196], деятель партии центра М. Эрцбергер и немецкий демо-

---

[194] *Bredt J. V.* Der Geist der deutschen Reichsverfassung. Berlin, 1924, S. 48—49.

[195] Die Rote Fahne, 7.II 1919.

[196] Поскольку буржуазные партии выразили недовольство тем, что социал-демократы сосредоточили в своих руках три ключевых поста, 14 февраля была заключена новая сделка: Давид вынужден был довольствоваться министерским портфелем, а президентом Национального собрания был избран К. Ференбах (партия центра), бывший президент кайзеровского рейхстага, только недавно пытавшийся его созвать и «не признавать» революцию (VDNV, Bd. 326, S. 65).

крат Г. Готгейн [197]. Кроме того, в работе правительства участвовали (без права голоса) прусский военный министр В. Рейнгардт, глава ведомства экономической демобилизации И. Кёт, глава морского ведомства М. Рогге.

«Жизненным законом этого правительства,— заканчивала свою характеристику «Die Rote Fahne»,— будет ликвидация революции: восстановление всех утраченных позиций господства буржуазии» [198]. Насколько верным был прогноз коммунистов, показала программа нового правительства, с обоснованием которой Шейдеман выступил в Национальном собрании 13 февраля. Он доказал, что «вполне созрел для премьер-министра капитализма» [199]. Так, он объявил величайшей ошибкой своей партии после 9 ноября то, что она образовала совместное правительство с независимцами, надеясь «предотвратить кровопролитие». Но и это был «смертный грех против духа демократии», именем которого второе, чисто социал-демократическое правительство «народных уполномоченных» беспощадно подавляло выступления рабочих в столице и других городах.

В области внутренней политики программа предусматривала создание послушной правительству армии, демократизацию управления, «восстановление экономической жизни». О «социализации» говорилось в крайне сдержанных выражениях. Никаких аграрных преобразований, кроме выделения земли для поселений, не предусматривалось, о налоговом обложении военных доходов и сверхприбылей было сказано крайне расплывчато, об улучшении продовольственного снабжения и помощи безработным лишь в самых общих словах. Очень осторожно затрагивались и вопросы о едином государстве. Хотя Шейдеман и заявил, что «великой задачей является устранение классовых различий», он тут же добавил, что не помышляет оказывать «на наших коллег или на это собрание какого-либо недопустимого давления, несовместимого с духом демократии» [200].

Партнер по коалиции, лидер партии центра А. Грёбер утверждал, что Ноябрьская революция вообще была «совершенно излишней», ибо Германия, дескать, еще в начале октября 1918 г. получила от Макса Баденского демократическое устройство. «Мы не могли,— заявил он,— обнаружить в революции ни внутренней необходимости, ни блага для развития политических отношений в Германии». Напротив, революция нанесла Германии политический, военный, экономический, финансовый ущерб, а республика вообще не обязательна, ибо «можно представить себе демократическое государство с монархом во главе».

---

[197] Из двух «новичков» Г. Готгейн был до этого сотрудником казначейства, а И. Белл — колониального ведомства.
[198] Die Rote Fahne, 7.II 1919.
[199] Die Rote Fahne, 15.II 1919.
[200] VDNV, Bd. 326, S. 44—48.

Считаясь, однако, с невозможностью реставрации монархии, Грёбер заявил, что его партия готова защищать республику постольку, поскольку «мы видим в ней единственную возможность выбраться из хаоса революции». Рассматривая правительственную программу, оратор неоднократно подчеркивал, что она является не социалистической, а коалиционной. «Мы хотим демократической республики, но не социалистической республики,— повторял он.— Если в последние дни здесь в высоком собрании было употреблено выражение «социалистическая республика», то его нельзя будет больше употреблять в будущем»[201]. Эта позиция партии центра, неприкрыто враждебная революции и социализму, гораздо яснее и правильнее, чем медоточивое выступление Шейдемана, характеризовала программу нового правительства.

Выступивший от имени партии немецких демократов Ф. Науман счел прежде всего необходимым оправдать перед правыми кругами сотрудничество своей партии с социал-демократами. Дело в том, говорил он, что, несмотря на наличие в Национальном собрании буржуазного большинства, создание коалиции буржуазных партий *против социал-демократии* невозможно. Во-первых, с таким «буржуазным большинством правых партий нельзя будет *закончить* революцию... обеспечить спокойный ход дел в Германии». С ним нельзя будет также и заключить мир, поскольку за границей с недоверием отнесутся к правому блоку, в который войдут и явные аннексионисты. Тем самым он откровенно сформулировал двойную задачу, выполнение которой буржуазия возлагала на социал-демократию, доверяя ей руководство: добить революцию и вымолить у Антанты приемлемый мир.

Науман требовал от социал-демократии отказа от классовой борьбы («у нас нет больше каст и классов, мы — единый народ»,— заявил он) и от социализма («сейчас капитализм разбит и нельзя ничего социализировать»). «Мы, справа, будем учиться,— пообещал он, обращаясь к социал-демократам,— более социальным взглядам. Вы, слева, будете учиться большей практике реальностей...»[202].

Отвечая Грёберу, социал-демократ Кейль согласился, что Германию нельзя называть «социалистической республикой». Он согласился и с Науманом, заявив, что «в том состоянии, в каком мы сейчас находимся, гораздо важнее, чем вопрос о способе производства, вопрос о самом производстве... Задача поднять производство является предварительным условием всякой попытки социализации»[203].

Еще ярче подлинный смысл внутренней политики, которую намерено было проводить правительство «веймарской коалиции»,

---

[201] Ibid., S. 52—53.
[202] Ibid., S. 55, 60.
[203] Ibid., S. 76—77. Заседание 14 февраля 1919 г.

раскрылся, когда Национальное собрание подошло к вопросу о «дополнении к бюджету на 1918 г.» Бывший статс-секретарь казначейства, а ныне министр финансов Э. Шиффер, ярый ненавистник планов «социализации» и рабочих Советов, неизменно возражал против пересмотра кайзеровской налоговой системы военного времени, соглашаясь лишь увеличить на 20% налог на военную прибыль. В декабре он считал, что в «политическом отношении» будет достаточным, если правительство даст общее обещание изъять «почти всю военную прибыль», предоставив казначейству свободу «сотрудничать с финансовым миром»[204]. В январе он напоминал Эберту, что нет нужды спешить с изменением налоговой системы, но бюджет Национальному собранию придется рассмотреть в первую очередь, ибо рейхсбанку выдано векселей на сумму 16,4 миллиарда марок и предел возможного почти достигнут[205].

Национальное собрание, писала «Die Rote Fahne, «достигло пункта, где более не помогут никакие уловки, никакая маскировка, никакая уклончивость,— вопроса о финансах»[206]. 15 февраля Шиффер исчислил в своей речи сумму государственного долга, состоявшего главным образом из военных расходов, примерно в 161 млрд. золотых марок, что на 15 млрд. превышало кредит, вотированный в свое время рейхстагом. Шиффер, кроме того, требовал предоставить правительству новый кредит на сумму в 10 млрд., т. е. утвердить дополнительные расходы в сумме 25 млрд. 300 млн. золотых марок.

На кого же собиралось правительство возложить покрытие этих чрезвычайных государственных расходов? «Нам предлагают крайние меры,— говорил Шиффер, имея в виду требования коммунистов,— аннулировать военные займы, конфисковать банковские вложения и частное имущество. Я могу заявить, что правительство ни в коем случае не намерено идти по этому пути...»[207]. Решительно отвергая всякое посягательство на «священную частную собственность» буржуазии, на капитал крупных держателей военных займов, Шиффер обещал «не убивать курицу, которая несет золотые яйца».

Как раз в это время большинство германских газет поместило сообщение о том, что известная компания по производству моторов «Даймлер моторен АГ» должна получить от правительства возмещение за аннулированные заказы в сумме 57,8 млн. марок, из которых 18 млн. уже получила. Эта компания, выплачивавшая до войны своим акционерам 8—14% дивидендов, а во время войны — от 16 до 35%, извлекала прибыль и после революции. С декабря 1918 г. по февраль 1919 г. курс ее акций поднялся

---

[204] Regierung der VB, T. I, S. 344—345. Заседание 12 декабря 1919 г.
[205] ZStA Potsdam. Reichskanzlei, Nr. 2509, Bl. 124—125.
[206] Die Rote Fahne, 17.II 1919.
[207] VDNV, Bd. 326, S. 97. Заседание 15 февраля 1919 г.

со 130 до 233 [208]. Аналогичное положение было и у других крупных компаний, выполнявших правительственные военные заказы.

Шиффер даже и не пытался отрицать факт выплаты правительством Эберта — Шейдемана гигантских подачек капиталистам, нажившим на войне миллиардные прибыли [209]. Война окончилась на Западе, но она продолжается на Востоке, цинично заявил он, имея в виду действия германской военщины в Прибалтике. Военные заводы также остановились не сразу: «Мы производили полуфабрикаты (?), которые тут же уничтожались (!?)». Да, это была «совершенно непродуктивная работа,— признавал он,— но она должна была быть выполнена... потому, что мы были связаны договорами, которые не могли просто разорвать без разорения участвовавших заводов» [210].

Проявляя такую трогательную заботу о сверхприбылях капиталистов, правительство в то же время срывало борьбу рабочих за повышение заработной платы, которая далеко отставала от роста цен. Зная это, Шиффер не постеснялся объявить уровень зарплаты рабочих «фантастическим и гротескным», возмущался размерами пособий по безработице и сочинял астрономические цифры расходов, якобы вызванных деятельностью рабочих и солдатских Советов (ранее Шиффер назвал цифру в 800 млн. марок) [211].

Финансовая программа, предложенная Шиффером, заключалась прежде всего в усилении налогового обложения трудящихся. Шиффер требовал увеличения косвенных налогов, особенно тяжело бьющих по беднейшим слоям населения, до 19 млрд. марок против 5 млрд. довоенного времени. В то же время лишь туманно говорилось о «строгом охвате военных прибылей» и не предусматривалось даже введения единого подоходного налога. Был сделан шаг назад по сравнению с предварительным сообщением министерства финансов, в котором говорилось о прогрессивном обложении военных прибылей и полной конфискации при-

---

208 Die Freiheit, 14.II 1919. Morgenausgabe. Официальное «опровержение» лишь подтвердило факт. В нем было признано, что и другие фирмы должны получить возмещение, только якобы не за сокращение военных прибылей, а за материал и выпущенную продукцию. См.: Vorwärts, 15.II 1919. Morgenausgabe.

209 Несколько месяцев спустя печать опубликовала обширные данные о дивидендах, выплаченных различными компаниями в 1918 г. Так, «Дейче ваффен унд муниционсфабрикен», «Каролина браунколен», «Саксенверк лихт унд крафт» и другие выплатили по 30% дивидендов. См.: Die Freiheit, 19.VIII 1919. Abendausgabe.

210 VDNV, Bd. 326, S. 93.

211 Клеветнические измышления в адрес Советов Шиффер высказал еще в декабре, выступая в Берлине на собрании промышленников и коммерсантов. См.: Die Freiheit, 10.XII 1918. Abendausgabe. Впоследствии Эрцбергер, ставший министром финансов, вынужден был опровергнуть нелепые слухи о «растратах», якобы учиненных Советами, и заявить в Национальном собрании 9 июля 1919 г., что рабочим и солдатским Советам была выплачена «совершенно ничтожная сумма». См.: VDNV, Bd. 327, S. 1440.

былей, превышавших 200 тыс. марок. «Республика Фрица Эберта,— писала газета коммунистов,— признает и перенимает счет долгов, которые наделало государство Вильгельма Гогенцоллерна... Право капитала на свои проценты неприкосновенно. Тайна Национального собрания, его социальный характер и его политическая роль расшифрованы: это — капиталистическая прибыль» [212].

Закон о бюджете был принят Национальным собранием 20 февраля [213], а на следующий день голосами партий «веймарской коалиции» была одобрена правительственная программа [214] и выражен вотум доверия правительству Шейдемана [215].

25 февраля Национальное собрание приступило к обсуждению закона *о временном рейхсвере*. «Демократический фольксвер», который предполагалось создать на основе закона от 12 декабря 1918 г., так и не был сформирован как единое целое. Подразделения местных «фольксверов» были с точки зрения правительства ненадежны, и Носке по мере сил разоружал их с помощью белогвардейских «добровольческих корпусов». В законопроекте, подготовленном с участием офицеров Генерального штаба, речь шла об объединении именно этих формирований и вербовке новых добровольцев. «Конечно, то, что мы сейчас делаем,— это частичное возрождение старой системы»,— признал Носке на секретной встрече с представителями правой прессы, но просил их: «Не подчеркивайте, пожалуйста, этого пока. Подождите еще пару месяцев, тогда вы сможете тем решительнее развернуть пропаганду ваших идей» [216].

Выступивший в Национальном собрании с обоснованием законопроекта социал-демократ Г. Шёпфлин заявил, что создаваемый «на демократической основе» рейхсвер необходим как для «охраны границ», так и для «борьбы против террора и банд внутри страны» [217]. Ораторы правых партий выступали откровеннее, не желая считаться с тактическими увертками социал-демократии. Они без обиняков с похвалой отзывались о решительности действий Носке при подавлении революционных рабочих, но требовали еще большей энергии. «Этот законопроект,— говорил оратор националистов Ф. Береке,— является ясным признаком того, что социал-демократия переучилась... Выглядит иронией, что партия, которая всегда вела борьбу против *милитаризма*, теперь действительно вынуждена вернуться к этому самому милитаризму...». Выразив сожаление, что социал-демократы сделали это так поздно, Береке призвал их открыто признать, что они не могут

---

212 Die Rote Fahne, 17.II 1919.
213 VDNV, Bd. 326, S. 248—249.
214 О внешнеполитических дебатах см. ниже.
215 Ibid., S. 278. Заседание 21 февраля 1919 г.
216 Цит. по: *Könnemann E.* Einwohnerwehren und Zeitfreiwilligenverbände. Berlin, 1969, S. 98.
217 VDNV, Bd. 326, S. 296—297.

обойтись без милитаризма: «Вы должны вернуться к старым, добрым принципам и методам старого государства»[218]. Другой оратор этой же партии, В. Лаверренц, предложив использовать в добровольческих соединениях студентов и старших гимназистов, сказал: «Мы обрадовались, что со скамей правительства было так мужественно произнесено: сила против силы. Мы втихомолку немного усмехались, что дух Веймара... должен быть, наконец, проникнут духом Потсдама, который вырастил нас»[219].

Такие похвалы смутили даже Шёпфлина. Он поспешил заверить, что не против революции и забастовщиков, а только против «разбойников, убийц, грабителей» провозглашен лозунг «сила против силы!»[220]. Носке подчеркнул, что не намерен включать в рейхсвер те «отряды безопасности», которые «не имеют офицеров в своих рядах», и не разделяет опасений тех, кто боится превращения рейхсвера в орудие контрреволюции[221].

Закон был принят 27 февраля голосами социал-демократии и всех буржуазных партий[222]. Только независимцы голосовали против, считая, что возрождение рейхсвера на такой основе открывает путь к реставрации. Если в рейхсвере будут собраны массы кадровых офицеров и унтер-офицеров, сохранившие старый кастовый дух, говорил А. Гепке, то будет «лишь вопросом времени, когда этот дух станет настолько сильным, что победит тех, кто рассчитывает сейчас с его помощью подавить те или иные беспорядки»[223].

Закон позволил правительству влить самые «надежные» из существовавших «добровольческих корпусов» в регулярную армию и в то же время не допустить туда действительно демократические местные «фольксверы», существовавшие в отдельных городах. Корпус генерала Лютвица, главное мобильное соединение контрреволюции, получил 6 тысяч пополнения и включал 3 большие бригады рейхсвера и 2 малые, специально оснащенные для действий против «внутреннего врага»[224]. Корпус Меркера был вскоре преобразован в 16-ю бригаду рейхсвера, корпус Гюльзена — в 3-ю бригаду, полк Рейнгарда — в 15-ю бригаду, гвардейская кавалерийская (стрелковая) дивизия — в 30-ю бригаду, батальон Росбаха — в 37-й егерский батальон и т. д. В частях рейхсвера окончательно упразднялись солдатские Советы и полностью восстанавливалась командная власть офицеров[225].

В последние дни февраля Национальное собрание обсудило и 1 марта приняло так называемый *переходный закон*, который призван был перекинуть юридический мостик через революцион-

[218] Ibid., S. 300—301.
[219] Ibid., S. 330. Заседание 27 февраля 1919 г.
[220] Ibidem.
[221] Ibid., S. 315—316.
[222] Ibid., S. 342.
[223] Ibid., S. 306.
[224] *Oeckel H.* Die revolutionäre Volkswehr 1918/19. Berlin, 1968, S. 160—161.
[225] См.: *Kluge U.* Soldatenräte und Revolution, S. 290—293.

ные события, установив полную преемственность учреждений и законов кайзеровской империи и новой республики. Вместе с тем этот закон, как заметил О. Кон, должен был «устранить ярлык внебрачного рождения, который, по мнению нынешнего правительства, был якобы приклеен к распоряжениям народных уполномоченных, и достойно принять их в семью добропорядочных и законнорожденных германских законов»[226]. Переходный закон переносил права прежнего рейхстага на Национальное собрание, права бундесрата — на Комитет государств, права кайзера — на президента империи, права рейхсканцлера — на правительство.

С точки зрения внутренней политики принятие этого закона завершило первый этап деятельности Национального собрания, первый этап конституирования в Германии буржуазной республики. Но потерпевшая поражение страна еще ждала решения многих вопросов от предстоявших мирных переговоров.

Внешнеполитические ориентиры

За день до выборов в Германское национальное собрание, 18 января 1919 г., в здании министерства иностранных дел Франции на Кэ д'Орсэ официально открылась Парижская мирная конференция. На ней были представлены 27 держав-победительниц. Германия и другие побежденные страны, а также Советская Россия допущены не были. Собственно говоря, работа конференции началась за неделю до этого. Уже 12 января провел свое первое заседание «Совет десяти», в который входили главы правительств и министры иностранных дел пяти великих держав. Но первое пленарное собрание конференции было назначено на 18 января не случайно. Исполнилось ровно 48 лет с того дня, когда после победы Пруссии над Францией в Версале было торжественно провозглашено создание «Германской империи». Франция не забыла своего национального унижения. Ее президент Р. Пуанкаре, открывая конференцию, потребовал не только гарантий против германской агрессии в будущем, но и сурового наказания Германии, как виновницы войны. Никто ему не возражал. Председателем конференции стал премьер-министр Ж. Клемансо, которого французская пресса называла «свирепый тигр».

Германское правительство «народных уполномоченных» собралось для определения своей линии на мирных переговорах 15 января. Брокдорф-Ранцау сообщил, что подготовил проект директив для германской мирной делегации. «Нам будут пытаться,— полагал он,— навязать насильственный мир, но мы не должны этому подчиняться. Только справедливый мир, основанный на 14 пунктах *Вильсона*, может быть принят нами». Эберт заметил, что нужно найти «знамя для немецкого народа», ибо общего лозунга о

---

[226] VDNV, Bd. 326, S. 355, 447. Закон вступил в силу 4 марта 1919 г.

«принципах Вильсона» недостаточно. Ландсберг посоветовал обострять разногласия между странами Антанты. В результате обсуждения, в котором были бегло затронуты вопросы об отношениях Германии с Польшей, Данией, Венгрией и некоторыми другими странами, а также о составе делегации и подборе экспертов, было решено, что руководить делегацией будут Шейдеман и Брокдорф [227]. В правительственном заявлении, обнародованном три дня спустя, говорилось, что Германия сознает «ответственность, вытекающую из принятия программы Вильсона», согласна на общее разоружение, но настаивает на снятии блокады, возвращении военнопленных, восстановлении колониальных прав, соблюдении принципа самоопределения народов и т. п. [228]

Если уже церемония открытия Парижской конференции не предвещала Германии легких условий мира, то еще бо́льшую тревогу вызвали новые требования, предъявленные маршалом Фошем при втором продлении перемирия. Когда в его ставку в Трире 15 января прибыла немецкая делегация во главе с председателем комиссии по перемирию Эрцбергером, ей были ультимативно объявлены дополнительные условия. Главными были два: в виде штрафа за задержку передачи локомотивов и железнодорожных вагонов от Германии потребовали поставки Франции примерно 58 тысяч различных сельскохозяйственных машин; она обязывалась предоставить свой морской торговый флот для возможного в будущем снабжения продовольствием ее и других стран Европы. Эрцбергер заявил, что новые требования практически нельзя выполнить.

Условия стали известны в Берлине утром 16 января. На совещании в ведомстве иностранных дел раздались голоса о необходимости их отклонения, даже если это приведет к разрыву перемирия, к оккупации Антантой территорий на западе и юге страны, усилению продовольственной блокады и последующей капитуляции Германии. Выступавшие считали, что только проявление «решимости» способно заставить Антанту смягчить свои требования. Прусский военный министр В. Рейнгардт уповал при этом на «сентиментальность» англичан и американцев, статс-секретарь ведомства экономики А. Мюллер полагал, что «американцы очень заинтересованы в нашем хозяйстве» и вовсе «не хотят нас разорить». Брокдорф поддержал это мнение и с общего согласия участников совещания сформулировал предложение: Эрцбергер должен объявить требования невыполнимыми, не подписывать соглашения и прервать переговоры [229].

Первоначально с предложением Брокдорфа согласился и Эберт. Это следует из записи телефонных переговоров между ведомст-

---

[227] Regierung der VB, T. II, S. 268—270. Заседание 15 января 1919 г. Была создана также постоянная «мирная комиссия» в Берлине во главе с бывшим послом в Вашингтоне графом И. Бернсторфом.
[228] Ibid., S. 281—282.
[229] ZStA Potsdam. Reichskanzlei, Nr. 2495, Bl. 130—139.

вом иностранных дел и делегацией в Трире. На прямой вопрос: «Как должен вести себя... Эрцбергер, если маршал Фош заявит, что он при всех обстоятельствах не может рассматривать перемирие продленным, и в пятницу (17 января 1919 г.— *Я. Д.*) утром возобновит военные действия?» — был дан согласованный с Эбертом ответ: «Тогда г. Эрцбергер должен просто прервать переговоры и уехать». Но когда представитель делегации стал уточнять, какое же из требований Антанты решительно неприемлемо, оказалось, что речь идет только о количестве и сроке поставки сельхозмашин. Эрцбергер, сам подойдя к аппарату, резюмировал: «Я, следовательно, буду действовать так: Я попытаюсь добиться смягчения по всем существенным пунктам. Если мне удастся достичь известного изменения условий относительно сельскохозяйственных машин, так что они станут выполнимыми, я подписываю без дополнения. Это ясно?» — Ответ был утвердительным. Эберт и Брокдорф сочли целесообразным отступить [230].

О том, как он действовал, Эрцбергер сам цинично повествовал позднее: «...Я отправился к маршалу Фошу... где рассказал о только что полученном сообщении об убийстве Либкнехта и Розы Люксембург; известие произвело на всех присутствовавших глубокое впечатление. Я сразу же объявил, что выдача сельскохозяйственных машин к 1 марта 1919 г. невозможна...». В результате количество машин было сокращено, срок отодвинут на 3 месяца. Союзники настояли, однако, на том, что для доставки в Германию продовольствия из-за границы должен быть использован германский торговый флот. Перемирие было продлено еще на месяц [231].

История имела продолжение. Не успел Эрцбергер вернуться в Берлин, как генерал Грёнер сделал ему и Эберту решительное представление. «Хотя Верховное командование,— гласила телеграмма из ставки,— уже недвусмысленно сняло с себя ответственность за все соглашения, которые налагают на немецкий народ новые тяготы в области экономики или финансов, я хочу еще раз установить, что оно не считает себя полномочным заключать такие соглашения, которые лягут тяжелым грузом на всю нашу экономическую жизнь и наше будущее» [232]. Эрцбергеру пришлось оправдываться. Он напоминал, что поставки сельхозмашин осуществить легче, чем выдать Франции 500 локомотивов и 19 тысяч вагонов, что торговый флот останется немецкой собственностью. Ему пришлось также заявить, что он вместе с комиссией несет «полную ответственность за продление соглашения о перемирии, будучи убежден, что в сложившихся условиях добился максимума

---

[230] ZStA Potsdam. Reichskanzlei, Nr. 2495, Bl. 144—146, а также Bl. 138.
[231] *Erzberger M.* Erlebnisse im Weltkrieg. Stuttgart — Berlin, 1920, S. 354—356; Der Waffenstillstand 1918/1919 (далее — Waffenstillstand), Bd. I. Berlin, 1928, S. 153—154.
[232] ZStA Potsdam. Reichskanzlei, Nr. 2495, Bl. 143, 161. Телеграммы Грёнера Эрцбергеру от 17 января и Эберту от 18 января 1919 г.

и правильно оценил возможности Антанты в случае непринятия (ее требований.— *Я. Д.*)» [233].

Демарш Грёнера был продиктован не одним только привычным желанием на всякий случай умыть руки и иметь алиби. В нем проявилось также иллюзорно-оптимистическое представление германской военщины относительно намерений Антанты — прежде всего Америки — и вообще перспектив мира. Так, выступая 21 января на заседании Совета народных уполномоченных, Грёнер высказал убеждение, что, хотя Германия имеет на Западе лишь войска для поддержания порядка (Носке считал их недостаточными и для этого), Антанта «не перешагнет через Рейн из страха перед большевизмом». Опираясь, по-видимому, на информацию, исходившую от американского полковника, руководителя отдела политической разведки американского штаба в Трире Артура Л. Конджера [234], Грёнер утверждал, что Германия имеет будто бы «абсолютного союзника в американской армии», что американцы ни в грош не ставят французов, спешат скорее вернуться за океан и «так скоро не избавятся от (своего.— *Я. Д.*) милитаризма». Он считал, что Вильсон не станет настаивать на существенном изменении восточной границы Германии и будет поэтому «*детской игрой* сохранить на мирной конференции нашу восточную границу». Более того, Германия быстро сможет оправиться и взять реванш за поражение: «Мы в совсем короткое время будем в состоянии снова завоевать Эльзас — Лотарингию». Нужно лишь — это был упрек в адрес Эрцбергера — «не быть столь уступчивыми» [235].

Оптимизм Грёнера и его «детские» надежды на американцев поддержал только А. Мюллер. Шейдеман счел нужным заметить, что Вильсон при определении восточной границы Германии не примет в расчет подобные соображения: «Я опасаюсь, это *не будет детской игрой*». Эрцбергер согласился, что лучше всего относятся к Германии американцы, затем англичане, французы, а потом бельгийцы, но все же «не следует верить отдельным сообщениям о дружелюбии американцев», да и нет возможности завязать с ними прямые переговоры. А «французы все же перейдут через Рейн. Клич «на Берлин!» слишком соблазнителен. Мы могли бы сейчас еще вести большую мировую политику с Америкой, если бы имели полмиллиона солдат...». Брокдорф тоже предостерег от

---

[233] Ibid., Bl. 161—163. Записка Эрцбергера об обмене телеграммами между ним и Грёнером 17—21 января 1919 г.

[234] Выяснению роли полковника Конджера посвящена статья Ф. Эпстайна, бывшего в 1946—1948 гг. членом американской группы по изучению трофейных германских документов (*Epstein F.* Zwischen Compiègne und Versailles. Geheime amerikanische Militärdiplomatie in der Periode des Waffenstillstandes 1918/19. Die Rolle des Obersten Arthur L. Conger.— Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1955, Nr. 4).

[235] Regierung der VB, T. II, S. 289, 291, 293—294. Заседание 21 января 1919 г.

того, чтобы «слишком опираться на Америку и предаваться ложному оптимизму»[236].

Лично Грёнеру Брокдорф прочел целую лекцию. Заявив, что уже старается использовать противоречия в лагере противников, он выразил сомнение относительно возможности сейчас взорвать их коалицию, в том числе отколоть Америку от ее союзников. «Страх перед большевизмом, разумеется, воздействует на поведение наших врагов. Я смог до сих пор установить наиболее сильное его влияние на Америку и Англию. Относительно Франции я не верю, что, если возникнет возможность совершить марш на Берлин, ее удержит от этого страх перед заражением армии большевизмом... Англия со свойственным ей лицемерием провозгласила «крестовый поход» против Германии и будет его осуществлять, пока не достигнет своей конечной цели». Америку надо — «в ее собственных интересах» (!) — стараться постепенно привлечь на сторону Германии. Американцы, учитывая их отношения с Англией и планы в России, заинтересованы в том, чтобы «не видеть Германию уничтоженной». Их следует убедить в немецкой дееспособности, избегая, однако, слов о «союзе», ибо тогда нас заподозрят, что «мы готовимся к реваншу. Я вижу в этом большую опасность, не только внешнюю, но и внутреннюю...».

Брокдорф призывал считаться с солидарностью врагов, полагал опасным «уже теперь указывать на слабость Франции и бросаться словами, что Эльзас — Лотарингию легко будет снова завоевать...». Он просил также Грёнера отказаться от мысли о «детской игре». «Ведь вовсе не установлено,— рассуждал опытный дипломат,— как далеко *Вильсон* будет нас поддерживать, кроме того, и его влияние на союзников теперь несравненно меньше, чем во время войны. Они не нуждаются в нем в прежней мере ни в военном, ни в финансовом отношении, а его собственное положение в Америке существенно ослаблено исходом выборов в сенат»[237].

Если в оценке перемирия и перспектив мира на Западе между военными и политиками выявились, таким образом, определенные разногласия, то все (включая лидеров социал-демократии) были единодушны при определении позиции Германии на Востоке. Это касалось как отношений с обретшей независимость Польшей, так и агрессивной враждебности к Советской России. Еще по пути в Трир Эрцбергер заручился указанием Верховного командования, что, если Антанта предложит ему «образовать общий фронт против большевизма», он такое соглашение может подписать немедленно[238].

На упомянутом заседании правительства Грёнер доложил, что отвод войск с Украины займет еще не менее 4—6 недель. Там осталось 110 тысяч солдат, в том числе 17 тысяч отрезанных под

[236] Regierung der VB, T. II, S. 290, 294—295, 297.
[237] Ibid., S. 297—299. Запись Брокдорфа о его ответе на заявления Грёнера.
[238] *Erzberger M.* Erlebnisse..., S. 350.

Харьковом и около 15 тысяч в районе Николаева и Одессы. 8-я немецкая армия находится в Прибалтике, и туда же выдвинуты части «охраны границ». Но Грёнер мечтал о будущем наступлении. Он изложил по карте оперативный план, предусматривавший концентрацию войск в трех пунктах: в Восточной Пруссии (Гумбиннен — Инстербург — Тильзит), в районе Торна и у Бреслау в Силезии. Прусский военный министр Рейнгардт поддержал мысль, что «главная опасность — в Восточной Пруссии». Нечего раздумывать, цинично заявил он, относительно того, «перейдут ли большевики границу или нет. Мы должны настроиться на советскую опасность независимо от того, верим ли мы в нее или не верим» (!). Возражений не последовало[239].

Другой вариант плана был разработан как раз в эти дни по поручению Верховного командования майором генерального штаба Штюльпнагелем (впоследствии гитлеровским генералом). План шел еще дальше и предусматривал не более и не менее, как совместный военный поход против Советской России войск Германии и ее вчерашних врагов. В своей записке от 23 января 1919 г., рассчитанной, видимо, на офицеров Антанты, Штюльпнагель не ограничился приведением избитых доводов, что-де «большевизм угрожает всем цивилизованным народам». Он напоминал об огромной «экономической ценности» России, об опасности для Франции навсегда потерять вложенные там миллиарды. Рекомендуя Антанте не мешкая двинуть на Восток свои войска, занять порты, расширить морские базы и т. д., храбрый майор объявлял стратегической целью «концентрированное наступление со всех направлений на Москву, как цитадель большевизма». Англичанам и французам он предлагал при этом иметь опорными пунктами Петербург, Одессу, Николаев; польским и американским войскам — Варшаву. Исходным плацдармом для немецких войск он считал Прибалтику. Штюльпнагель полагал целесообразным создать для этой операции общее командование, лучше всего под руководством американцев[240].

И все же план совместного похода на Советскую Россию (Штюльпнагель назвал и время — май 1919 г.) оставался голубой мечтой. Зато все более грозной для Германии реальностью становились вооруженные столкновения с Польшей, особенно в районе Познани. В ноте от 8 января 1919 г. английский представитель в комиссии по перемирию генерал Р. Хэкинг призвал немцев «не провоцировать» поляков в Восточной и Западной Пруссии, Познани и Силезии, предостерегая, что от поведения немцев будет зависеть, как именно восточная граница будет определена мирной конференцией[241]. В ответной ноте Германия 17 января

---

[239] Regierung der VB, T. II, S. 291—292.
[240] Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сборник документов (далее — Советско-германские отношения), т. 2. М., 1971, с. 46—48.
[241] См.: DR, S. 427.

оправдывала свои военные мероприятия в Познани необходимостью сохранения «спокойствия и порядка», обуздания польских «мятежников»[242]. 3 февраля Верховное командование само взяло на себя «охрану восточных провинций», введя в действие воинские части, в том числе авиацию. Гинденбург перенес свою ставку из Касселя в Кольберг (Восточная Померания) и лично обратился к молодежи и «старым соратникам по Танненбергу и Мазурским озерам» с призывом помочь ему «защитить Остмарк» от «нового врага, большевизма»[243]. С воззваниями о вербовке добровольцев выступили правительство «народных уполномоченных», организации «Бальтенлянд», «Гренцшутц Ост» и др.[244]

Между тем командование военного округа в Бреслау утверждало, что поляки и «спартаковцы» действуют заодно, когда протестуют против концентрации войск, а «стремления рабочих к социализации повсюду тесно связаны с польскими национальными устремлениями»[245]. С другой стороны, рабочий и солдатский Совет Торна указывал, что «пангерманцы и консервативные круги систематически используют польскую опасность как оружие против социализма», а офицеры преследуют членов Советов и стремятся подорвать их контрольную деятельность[246].

Переговоры представителей прусского правительства и Польши в Берлине зашли в начале февраля в тупик. Хотя Рейнгардт утверждал, что Германия не намерена «снова отобрать у поляков Познань», а хочет лишь остановить их наступление[247], предложенное поляками двухнедельное перемирие было отклонено. Брокдорф на заседании прусского кабинета протестовал против ноты французского генерала Нюдана, который, требуя прекращения военных действий, сообщил о намерении направить на место комиссию Антанты. Рейнгардт мотивировал невыгодность перемирия опасностью дальнейшего упадка боеспособности немецких войск. Симонс из министерства иностранных дел высказал мысль, что поляков поддерживают только французы, тогда как Англия и особенно Америка будто бы относятся к их требованиям скептически. Поэтому захват Польшей новых территорий, хотя и вызывает сожаление с точки зрения германских национальных интересов, может иметь даже положительное международное значение. С этим согласился Ландсберг, выразивший

---

[242] Ursachen und Folgen. Eine Urkunden- und Dokumentensammlung, Bd. III. Berlin, 1958, S. 319—322.
[243] См.: DR, S. 600—601. Распоряжение военного министерства о реорганизации «Гренцшутц Ост» датировано 11 января 1919 г. (ZStA Potsdam. Reichskanzlei, Nr. 2500/4, Bl. 76). Ставка начала функционировать на новом месте 14 февраля 1919 г.
[244] Правительственное воззвание от 7 января 1919 г. было подписано Эбертом, Шейдеманом, Носке и др. (Ursachen und Folgen, Bd. III, S. 318. См. также: S. 545—546).
[245] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/13, Bl. 82.
[246] Ibid. Reichskanzlei, Nr. 8/22, Bl. 20.
[247] Regierung der VB, T. II, S. 288.

вместе с тем надежду, что потеря территорий может помочь «пробуждению в Германии национального чувства (!) и содействовать тому, что призыв к оружию будет лучше услышан»[248]. Вскоре военный министр сообщил, что с санкции имперского правительства II военный округ получил указание мобилизовать 5 тыс. человек[249].

Хотя отношения между Германией и Польшей достигли значительной остроты, германские правители не искали путей их мирного урегулирования. Только в одном вопросе военные обеих стран нашли общий язык: в соглашении, подписанном 5 февраля 1919 г. в Белостоке, наряду с пунктами о порядке отвода через польскую территорию немецких войск из России и Украины, прямо предусматривались совместные военные операции «против большевиков»[250].

Продолжалась концентрация немецких войск в Прибалтике. Этот плацдарм, правда, в начале 1919 г. заметно съежился, ибо с восстановлением в прибалтийских республиках Советской власти немцам удалось закрепиться лишь в Либаве. Здесь нашло приют буржуазное латвийское правительство Ульманиса, с которым германский правительственный комиссар в Прибалтике социал-демократ А. Винниг еще в декабре заключил соглашение о предоставлении немецким добровольцам латвийского гражданства и наделении их землей[251]. Наряду с немецкой «Железной дивизией» создавалось латвийско-немецкое ополчение — «ландесвер». 6 февраля 1919 г. Эрцбергер в специальной ноте настаивал, чтобы Антанта дала немецким войскам возможность усилить борьбу против «большевизма», разрешив снабжать морем базу в Либаве. Если условия перемирия не будут смягчены, пугал Эрцбергер, не только Германия, но вся Европа и даже Америка окажутся лицом к лицу с революцией[252].

Так, уже в то время, когда правительственная власть находилась в руках людей, именовавших себя социалистами, внешнеполитический курс определялся ими в полном согласии с военщиной, буржуазно-либеральными политиками и дипломатами. Если и возникали разногласия, то они не касались кардинальной политической установки Эберта — Шейдемана — Носке: враждебности к революции как внутри страны, так и на международной арене. Можно ли было ожидать, что эта установка изменится с созывом Национального собрания и переходом к открытой правительственной коалиции с буржуазией?

---

[248] ZStA Merseburg. Preußisches Staatsministerium, Rep. 90a, Abt. B, Tit. III 2b, Nr. 6, Bl. 18—19. Чрезвычайное заседание прусского кабинета 6 февраля 1919 г. в Веймаре.

[249] Ibid., Bl. 20. Заседание 11 февраля 1919 г.

[250] Советско-германские отношения, т. 2, с. 53—57.

[251] *Winnig A.* Am Ausgang der deutschen Ostpolitik. Berlin, 1921, S. 83, 97.

[252] VDNV, Bd. 326, S. 107. Заседание 15 февраля 1919 г. Речь Гаазе.

Ответ дало уже обсуждение правительственной программы кабинета Шейдемана. Выступая в Национальном собрании 13 февраля, он заявил, что Германия намерена добиваться заключения мира «на основе принципов Вильсона» и отклоняет всякий «насильственный мир». Шейдеман протестовал против «аннексии германских территорий», в том числе Эльзаса — Лотарингии требовал сохранения колоний, оправдывал вооруженные действия против поляков в Познани и Силезии. Обосновывая «западную ориентацию» своего правительства, Шейдеман без тени смущения заявил, что «на Западе есть еще хлеб для экспорта, который мы хотим заслужить честным трудом, Восток же не имеет ничего, кроме анархии!» [253]

Брокдорф-Ранцау в своей речи на следующий день настойчиво проводил мысль, что в основу предстоящих переговоров о мире должны быть положены «условия Вильсона». При этом он особенно старался произвести благоприятное впечатление именно на американских политиков [254]. Говоря о возросшем в век индустриализации значении экономических проблем, он ратовал за свободу торговли и морей, подчеркивая, что для Германии нетерпима дискриминация в отношении торговли, транспорта, колоний. Поддерживая «право на самоопределение», Брокдорф толковал его как аргумент против всех территориальных притязаний победителей. Идею Лиги наций он связал с требованием равноправия Германии.

Напомнив, что Германия «без договора и дипломатических отношений находится фактически в состоянии войны» с Советской Россией, Брокдорф осторожно выразил готовность стремиться к «взаимопониманию» с ней при условии, с одной стороны, «прекращения большевистской пропаганды среди других народов», с другой — урегулирования политического положения в России «без внешнего вмешательства». Вместе с тем он утверждал, что Германия стала решительно на почву социальной демократии, «отвернулась от всякой политики вооружений» и т. п. В связи с этим Брокдорф выразил надежду, что победители не потребуют от немецкого народа выполнения таких условий, которые «заставили бы его скорее пойти на крайние следствия, чем подчиниться» им [255].

Между тем Эрцбергер прибыл 14 февраля в Трир. Маршал Фош приготовил для третьего продления перемирия новый меморандум с дополнительными требованиями. По просьбе поляков немцам предписывалось немедленно прекратить все наступатель-

---

[253] VDNV, Bd. 326, S. 44, 47. Заседание 13 февраля 1919 г.

[254] Сразу же после выступления Брокдорф через посредника (барона Мальцан) передал американскому посланнику в Гааге, что для определения будущей политики «считает чрезвычайно важным узнать мнение американцев относительно своей речи» (PPC, v. XII, p. 26—27. Гаррет — комиссии по мирным переговорам 16 февраля 1919 г.).

[255] VDNV, Bd. 326, S. 66—72.

ные действия в Познани и Силезии; устанавливалась демаркационная линия, которую они не должны были переходить[256]. Перемирие продлевалось лишь на «короткий неопределенный срок», и союзники оставляли за собой право прервать его в любое время с предупреждением за три дня[257].

У Эрцбергера для ответа был наготове стандартный набор аргументов. Прусский кабинет поручил ему заявить, что «польский вопрос — внутреннее дело Пруссии, и потому к переговорам должен быть привлечен представитель прусского правительства»[258]. А 14 февраля командование «Гренцшутц Ост» телеграфировало Эрцбергеру: «В течение ряда месяцев борьбу Германии против большевизма ослабляет то обстоятельство, что наступление живущих в Германии поляков, которые уже овладели чисто немецкими территориями, связывает бо́льшую часть наших немногочисленных вооруженных сил». Полякам вменялось в вину непонимание того, что «плотина, которую мы хотим соорудить против большевистского наводнения, будет защищать не только нас, но и всю Центральную и Западную Европу, т. е., следовательно, и поляков»[259].

Впрочем, Эрцбергер вряд ли нуждался в подобной подсказке. Услышав требования Фоша, он тотчас перешел в контратаку. Союзники, утверждал он, отказываясь поддержать немцев в Прибалтике, «сами открывают путь большевизму, тогда как, напротив, немецкий народ (?!) упорно пытается отразить этот большевизм»[260]. Он напоминал, как Бисмарк в 1871 г. оказал продовольственную помощь осажденному Парижу, старался внушить Фошу, что «отчаяние — мать большевизма», что «большевизм — это телесное и душевное заболевание на почве голода», что растет опасность «заражения союзных армий» и т. п. Но, хотя Фош и сам был активным сторонником антисоветского похода, он отвергал всякий союз со вчерашним противником и считал своим долгом поддерживать поляков. Он потребовал, чтобы ответ был дан через 48 часов, не соглашаясь на отсрочку[261].

Запрос Эрцбергера — как быть? — полученный в Веймаре с опозданием, вызвал в правительстве бурю. Утром в воскресенье 16 февраля Брокдорф решительно заявил на заседании кабинета о неприемлемости демаркационной линии в «прусской Польше», ибо это означало бы «отказ от нашего суверенитета». Он требо-

---

[256] Об этой просьбе делегата Польши в Париже Р. Дмовского газета «Temps» писала 9 февраля 1919 г.
[257] Waffenstillstand, Bd. I, S. 204—205.
[258] ZStA Merseburg. Preußisches Staatsministerium, Rep. 90a, Abt. B, Tit. III 2b, Nr. 6, Bl. 20. Заседание 11 февраля 1919 г.
[259] Советско-германские отношения, т. 2, с. 67—68.
[260] См.: PPC, v. IV, p. 28—29, 36—37. Заседание высшего военного совета 17 февраля 1919 г. Приложение «I»: Декларация Эрцбергера в союзной комиссии по перемирию 14 февраля 1919 г.; *Erzberger M.* Erlebnisse..., S. 360.
[261] Ibid., S. 361—363.

вал отклонения условий, невзирая на последствия, в том числе и вступление союзных войск. По его мнению, уступчивость Германии и так зашла уже слишком далеко. «Если мы теперь,— говорил он,— отклоним их требования, противоречия, существующие между нашими врагами, проявятся интенсивнее и, возможно, приведут к тому, что сделают невозможным их единое выступление против нас... Наше отклонение может привести к тому, что враждебный блок будет взорван» [262].

Как и прежде, расчеты Брокдорфа и его сторонников связывались с надеждой на благоприятную позицию Америки, причем желание явно подталкивало мысль. Ведь и раньше Брокдорф рассуждал о границах возможностей президента Вильсона, да и теперь признал, что «Вильсон, к сожалению ... открыто присоединился к недавним действиям Франции и Англии» [263]. Однако трезвый подход то и дело отступал перед мечтой: ведь Америка «должна быть» заинтересована в Германии как рынке, затем — как в противовесе влиянию Англии и Франции, наконец — как в союзнике в борьбе против международной революции («большевизма»). Конечно, расчеты Грёнера и Эрцбергера на совместный «крестовый поход» против Советской России отдавали авантюризмом. Но почему бы Америке не столковаться с Германией на более реальной почве решения общих задач: «восстановления» России, «освоения» русских экономических богатств? Подобные соображения и питали вывод Брокдорфа, будто только решительная позиция Германии способна подтолкнуть Америку и побудить ее в конце концов прийти на помощь немцам [264].

В немалой мере укреплению подобных надежд способствовали сами американцы, в частности полковник Конджер, с которым поддерживались тайные связи через немецкого представителя В. Лёба. За неделю до дискуссии о перемирии Конджер предупредил немцев о намерении Франции выдвинуть дополнительные требования, добавив, что президент Вильсон, занятый подготовкой условий мира, до сих пор не вникал в вопросы продления перемирия. В этом между Антантой и США имеются «довольно серьезные разногласия», и военные руководители американской армии якобы даже «сообщили военным Антанты, что считают бесчестным выдвигать сейчас новые требования» [265].

---

[262] Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. Das Kabinett Scheidemann (далее — Kabinett Scheidemann). Boppard am Rhein, 1971, S. 5—6. Заседание 16 февраля 1919 г. Запись министериаль-директора Симонса.

[263] Ibid., S. 6.

[264] См. об этом: *Schwabe K.* Deutsche Revolution und Wilson-Frieden. Die amerikanische und deutsche Friedensstrategie zwischen Ideologie und Machtpolitik 1918/19. Düsseldorf, 1971, S. 350—354 (далее — *Schwabe K.* Wilson-Frieden). Работа молодого западногерманского историка основана на сопоставлении богатейших документальных материалов, почерпнутых им прежде всего в архивах ФРГ и США.

[265] ZStA Potsdam. Reichskanzlei, Nr. 2495a, Bl. 55—59. Отчет В. Лёба и Н. Эйнштейна от 10 февраля о переговорах с полковником Конджером в Трире 8—9 февраля 1919 г.

Хотя предположение Конджера, что на сей раз в переговорах о перемирии примут участие также американцы, не подтвердилось, его советы воздействовали на немцев. На заседании кабинета 16 февраля министры один за другим присоединились к мнению Брокдорфа. Шейдеман предложил подготовить ответную ноту, в которой, во-первых, выразить обиду, что союзники не обратили внимания на факт образования в Германии вполне «законного» правительства, во-вторых, заявить, что Германия не может отказаться от всяких действий против поляков на своей земле[266].

Однако вопрос был слишком серьезным, чтобы ограничиться мнением министров. В 12.30 по указанию президента Эберта в Веймарский замок на срочное секретное совещание были созваны представители фракций Национального собрания (отсутствовали только немецкие националисты и независимцы). Шейдеман доложил об условиях перемирия и решении правительства их отклонить. Но партийные лидеры не были склонны поддержать столь рискованный шаг. Демократ Пайер высказал опасения по поводу последствий разрыва. Вслед за ним другие, особенно лидер центра Грёбер, засыпали вопросами появившегося с опозданием Брокдорфа. Он вынужден был признать, что вероятна оккупация союзными войсками не только нейтральной зоны, а и Эссена, всего Рурского бассейна, а также активизация действий поляков и чехов. Ораторы с тревогой говорили, что «при таких обстоятельствах мы увидим через 14 дней во всей Германии победоносный спартакизм». Настроение переломилось. Все министры (кроме Брокдорфа и Прейса) были теперь за подписание условий. Заготовленная нота была переформулирована. В ней остался протест против «игнорирования германского правительства, созданного волей народа в упорядоченных формах», против передачи полякам нескольких населенных пунктов и против угрозы Антанты в любое время прервать перемирие. Но Эрцбергеру было дано указание после оглашения ноты перемирие подписать[267].

Позиция Брокдорфа была поколеблена[268]. Считая, что лидеры партий, руководствуясь внутриполитическими соображениями, нарушили его прерогативы, он на следующий день вручил Эберту заявление об отставке. Сведения об этом просочились в

---

[266] Kabinett Scheidemann, S. 5.

[267] Ibid., S. 6—8. Ср. также: *Oehme W.* Die Weimarer Nationalversammlung. Erinnerungen. Berlin, 1962, S. 167—171.

[268] К. Швабе по этому поводу заметил, что тогда еще не было ясно, насколько ошибочен был весь расчет Брокдорфа на раскол между союзниками при «твердой позиции» Германии. «Теперь,— пишет он,— когда нам известны внутренние соображения, которые привели к соглашению в Трире, мы должны считать прогнозы Брокдорфа решительно опровергнутыми... Он не увидел американского участия в соглашении». Если бы политика Брокдорфа была осуществлена, она «привела бы не к расколу коалиции противников, а к еще более тесному ее сплочению» (*Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 394—395).

печать[269]. Через три дня после сформирования кабинета Шейдемана ему грозил правительственный кризис. Но Брокдорфа удалось уговорить остаться на посту. А «козлом отпущения» оказался... Эрцбергер.

Вернувшись из Трира, он 17 февраля выступил в Национальном собрании с сообщением о результатах переговоров. Хотя он заверил, что сделал все возможное и добился даже некоторого улучшения демаркационной линии[270], его «уступчивость» вызвала резкие нападки. Немецкая народная партия потребовала разъяснений относительно всей деятельности комиссии по перемирию. Один из крупнейших магнатов Рура А. Фёглер от имени «промышленности, которая костенеет», потребовал даже отставки Эрцбергера. При этом (как открыто сказал неискушенный в парламентских тонкостях Фёглер) главной причиной недовольства Эрцбергером явилось то, что он не привлек в качестве советников к переговорам по экономическим вопросам наиболее крупных промышленников[271].

Дело было и так и не так. Еще в декабре 1918 г. северо-западная группа железо- и сталепромышленников решила сама вмешаться в ход переговоров с Антантой и потребовала (кстати, с помощью статс-секретаря экономического ведомства социал-демократа А. Мюллера) допуска в Спа в качестве «экспертов» Стиннеса, Фёглера, Рейша и Пёнсгена. Опасаясь, что промышленники испортят ему всю игру, Эрцбергер не только воспротивился этому, но и выдворил из Спа самозванно явившегося туда Стиннеса под предлогом, что тот участвовал в эксплуатации оккупированной Бельгии и вывозе оттуда безработных. Эрцбергер вовсе не помышлял об отказе вообще от сотрудничества с промышленниками: он тотчас пригласил других, которые, как он считал, не были так «политически скомпрометированы»: Рёхлинга, Мюллера, Тейса, банкира Сольмсена[272].

В ходе полемической схватки в Национальном собрании в речи оратора националистов Грэфе прозвучали не только выпады против революции, будто бы повинной в военном поражении, но и угрозы отомстить победителям[273]. Шейдеман и Давид в ответ назвали правых виновниками катастрофы, за которую теперь приходится расплачиваться народу, а Гаазе уточнил, что и все партии коалиции, включая правую социал-демократию, поддерживали военную политику, поэтому им не доверяют теперь во всем мире. Эрцбергер, которому припомнили, что и он был в числе активных аннексионистов, снова твердил в свое оправдание:

---

269 Kabinett Scheidemann, S. 8—9; *Erzberger M.* Erlebnisse..., S. 361.
270 VDNV, Bd. 326, S. 127—130. Заседание 17 февраля 1919 г.
271 Ibid., S. 132—137. Заседание 18 февраля 1919 г.
272 Ibid., S. 137—138; ZStA Potsdam. Reichskanzlei, Nr. 2495, Bl. 30—32.
273 VDNV, Bd. 327, Bl. 153, 157. Он закончил речь словами Вергилия: «Exoriare aliquis nostris ex ossibus ulter!» («Восстань, о мститель, кто бы ты ни был, из костей наших!»).

«Правительство считает борьбу против большевизма на Востоке одной из важнейших своих задач», и Антанте придется в конце концов признать, что «мы ведем эту борьбу не ради себя, а ради всего цивилизованного мира»[274]. Соединенными усилиями партий коалиции этот «скандал в благородном семействе» удалось замять. Правительство удержалось у власти, получив вотум доверия.

Этот первый правительственный кризис и споры о перемирии показали, что кабинет Шейдемана весьма односторонне понимал реальную международную ситуацию. Внешнеполитическая изоляция, в которой оказалась Германия, была не только результатом военного поражения. Ее обостряло враждебное отношение правителей Германии к международной революции, начавшейся в России и продолжавшейся распространяться по Европе. У «социалистических» правителей, которые встали на путь удушения революционного движения в собственной стране и отвергли сближение с Советской Россией, не было иного выхода, как искать себе союзников среди вчерашних врагов внутри страны и за ее пределами.

Напрашиваясь в участники антисоветской интервенции, стараясь «держать фронт» в Прибалтике, громче всех крича о своем «антибольшевизме», Эберт, Шейдеман, Носке и их буржуазные партнеры рассчитывали купить такой ценой милость победителей. Но, чем больше германское правительство преуспевало в подавлении своего народа, тем слабее становился главный козырь его дипломатии — «угроза большевизма». Чем больше оно заискивало перед Антантой и особенно перед Америкой, тем у́же становились альтернативные возможности его политики, тем меньше склонны были считаться с ним империалисты-победители, сами жившие в страхе перед европейской революцией. Старания германских политиков разжечь противоречия в стане своих противников, попытки добиться особой благосклонности у американцев лишь усиливали настороженность не только Франции и Англии, но и самой Америки.

Еще в конце ноября 1918 г. посланник США в Голландии Гаррет доносил государственному секретарю Лансингу, что «цель германской пропаганды — вбить клин между США и союзниками... Печать доказывает, что США и Германия — единственные поборники свободы морей, и особенно, что США будут в меньшинстве на мирной конференции»[275]. В. Ратенау в интимной беседе с Дрезелом в начале января 1919 г. внушал ему, что в интересах Америки — сохранить в центре Европы экономически сильную Германию. «Будущая Германия,— говорил он,— это единственная страна, на чью дружбу Америка может положиться. Англия может быть другом на время, дружественные отношения

---

[274] Ibid., S. 157, 160—162, 169, 197 u. a.
[275] PPC, v. II, p. 105. Гаррет — Лансингу, 30 ноября 1918 г.

с Францией не могут быть постоянными». Он призывал Америку проявить настойчивость и решительность, чтобы помешать «уничтожению Германии» [276].

«Die Rote Fahne» писала в дни создания правительства веймарской коалиции, что Эберт и Шейдеман, афишируя свою антисоветскую, прозападную ориентацию, «надеялись, что будут благодаря этому милостиво приняты в лагере мировой реакции, мирового капитализма, Антанты. И они пошли по пути, который однажды уже прошел Иуда: когда он после совершенной им измены снова вернулся к фарисеям, он получил заслуженный пинок». Коммунисты отнюдь не разделяли ходячих иллюзий относительно планов победителей: «Капиталисты Антанты не знают сентиментальностей. Они используют одержанную победу до последнего. Им не нужен германский партнер, которого пришлось бы серьезно опасаться. Они хотят ограбить капиталистическую Германию до рубашки и сделают это» [277].

Показная демократия и миролюбивые жесты «новой» Германии не произвели желаемого впечатления за рубежом. Видные деятели Антанты и США — прежде других, естественно, французы — увидели в том, что происходило в Веймаре, сохранение в Германии прежних порядков и методов. «Во внешней политике кабинет Шейдемана,— писала влиятельная французская газета,— лишь продолжение министерства Гертлинга и режима Бетмана. Эта схожесть не покажется удивительной, если посмотреть, что происходит в настоящее время во внутренней политике Германии. За революционной кулисой снова появилось все прошлое: люди, нравы, учреждения. Во главе Веймарского собрания — президент бывшего рейхстага, новой, республиканской армией по-прежнему командует Гинденбург... Реакция зашла так далеко, что это огорчает и скандализирует даже патриотов... Такой немецкий камуфляж не имеет никаких шансов обмануть Антанту» [278].

Американские эмиссары, хотя им импонировала та угодливость, с какой немецкие деятели выслушивали их советы, тоже не всегда поддавались словесным заверениям своих собеседников. Многие видели, что имеют дело лишь с «теорией камуфляжа». От Герарди, который встречался с Брокдорфом, сотрудниками ведомства иностранных дел и многими другими деятелями, не укрылось, что правительство Шейдемана рассчитывает использовать в качестве «козырной карты» на мирной конференции утверждение: «Если наши требования не будут приняты во внимание, страну заполучат большевики». По этому поводу Герарди писал, что «большевизм не имеет ничего общего с колониями или с требованиями о границах. Пролетариат хочет лишь возможности зарабатывать себе на жизнь. Возбуждение же частью лиде-

---

[276] PPC, v. II, p. 158. Доклад Дрезела — Грю 10 января 1919 г.
[277] Die Rote Fahne, 13.II 1919.
[278] Le Temps, 17.II 1919.

ров волнений среди масс в связи с территориальными вопросами и их претенциозные утверждения, что если эти требования не будут удовлетворены, то страна пойдет к большевизму, представляют собой неоправданную и опасную игру. Это напоминает довоенные и военные методы Германии»[279].

Член миссии майор А. Уайтридж разделял мнение французского генерала Дюпона, что новое германское правительство проявляет все большую реакционность, а немцы «стали гораздо более дерзкими»[280]. То, что Эберт и Шейдеман лишь послушно отражают точку зрения Гинденбурга, писали также экономические эксперты Г. Гувера, главы американского комитета по продовольствию, А. Тейлор и В. Келлог[281].

А полковник Конджер, на связи с которым возлагали надежды члены германского правительства и генерал Грёнер, разъяснил в начале марта немецким собеседникам, что у союзников имеются две точки зрения. Первая: «Опасность большевизма и необходимость снабжения Германии», вторая: «Большевизма в Германии нет и он не найдет почвы в стране. Немцы используют большевизм как пропагандистское средство в своих требованиях к союзникам». Конджер, правда, заверял, что сам придерживается первой точки зрения и лишь передает распространенные опасения, что военная мощь Германии уже теперь превышает обусловленную перемирием[282]. Однако в своем докладе после поездки по стране, когда он встретился не только с Брокдорфом и Эрцбергером, но также с Носке, Грёнером и Гинденбургом, Конджер дал правительству убийственную характеристику: оно «не является ни представительным, ни уважаемым. Состоит оно из политических интриганов, дилетантов и социалистических марионеток, которых ненавидят с каждым днем все больше»[283].

Таково было впечатление от первых недель деятельности Веймарского национального собрания, закладывавшего фундамент государственного здания, которое ораторы правящих партий столь же торжественно, сколь и лживо, именовали «новым народным государством». Таковы были первые плоды внутренних и внешнеполитических акций правительства «веймарской коалиции».

---

279 PPC, v. XII, p. 13, 33. Донесения Герарди от 11 и 24 февраля 1919 г.
280 Ibid., p. 15. Донесение Уайтриджа от 15 февраля 1919 г.
281 *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 332—336.
282 Kabinett Scheidemann, S. 29. Отчет В. Лёба о переговорах с Конджером в Трире 8—9 марта 1919 г.
283 Цит. по: *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 336.

глава вторая

Весенний подъем революционной борьбы

Движение на Рейне и Руре • Забастовка в Средней Германии • Грозовое настроение • Мартовские бои в Берлине • «Социализация пришла!»

Движение на Рейне и Руре

В феврале 1919 г. в Германии появились серьезные симптомы нарастания новой революционной волны. «Германский пролетариат просыпается»,— констатировала «Die Rote Fahne», снова начавшая выходить после январского разгрома. В передовой статье «Несмотря ни на что!» (такое же название носила последняя статья К. Либкнехта, напечатанная в день его гибели, 15 января 1919 г.) газета отмечала, что рабочий класс «потерял три месяца, поверив «социализму» Эберта — Шейдемана. Он был уже близок к тому, чтобы продать лучшее, что создал,— рабочие и солдатские Советы — за чечевичную похлебку Национального собрания; теперь он приходит в себя...». Призывая пролетариат к борьбе, газета в то же время учила его остерегаться провокаций и не «предлагать добровольных жертв палачам» [1].

Борьба трудящихся развертывалась теперь в иных, чем прежде, условиях: буржуазная власть консолидировалась, опираясь на белогвардейские формирования Носке и одновременно ссылаясь на «народную волю», выраженную на выборах в Национальное собрание. Однако надежды на то, что это Собрание сделает что-либо для улучшения положения трудового народа, увяли, не успев расцвести. Рабочие убеждались, что силы капитализма и милитаризма не сломлены. Одних отрезвили кровавые злодеяния ландскнехтов Носке в Берлине и Бремене. Другим раскрывало глаза ухудшавшееся экономическое положение. В феврале общее число безработных превысило миллион. В столице оно, по официальным данным, выросло со 189 тыс. в середине января до 271 тыс. в середине февраля. Американский эмиссар знал более близкую к истине цифру — 325 тыс. [2] В дру-

[1] Die Rote Fahne, 3.II 1919.
[2] Die Rote Fahne, 28.II 1919; PPC, v. XII, p. 35. Меморандум Герарди от 24.II 1919.

гих городах было немногим лучше. В Лейпциге не имели работы 40 тыс. человек, в Мюнхене — 38 тыс., в Дюссельдорфе и Хемнице — по 25 тыс., Плауэне и Дрездене — по 20 тыс. и т. д.[3] Продовольственное снабжение оставалось чрезвычайно скудным. Обещания о «социализации» были правительством забыты, а рабочие Советы подвергались преследованиям и гонениям. Недовольство вырастало в возмущение.

Первыми поднялись на защиту революционных завоеваний горняки Рура — самый активный отряд пролетариата Рейнско-Вестфальской промышленности области. Еще 13 января конференция рабочих и солдатских Советов Рурского угольного бассейна в Эссене решила «сама взять в руки дело немедленной социализации угледобычи». Для руководства социализацией была избрана «комиссия девяти» из представителей КПГ, НСДПГ и СДПГ, принято положение о выборах участковых, шахтных, районных и центрального Советов горняков[4]. Выражая мнение рабочих, резко враждебно относившихся к белогвардейским «добровольческим корпусам», конференция заявила: «Мы не хотим милитаризма; наши собственные народные ополчения достаточно сильны, чтобы защитить социализм»[5].

Новая конференция Советов, собравшаяся в Эссене 6 февраля 1919 г., пошла дальше. Она прямо потребовала от правительства, чтобы оно, во-первых, признало «комиссию девяти» и обеспечило ее финансирование, во-вторых, возложило на нее задачу руководства системой производственных Советов и контроля над всеми горными предприятиями и торговыми компаниями. Если до 15 февраля эти права комиссии не будут признаны и ей не будут даны соответствующие полномочия, говорилось в резолюции, «рабочие будут вынуждены начать генеральную забастовку». Конференция постановила привлечь в качестве «экономического и журналистского советника комиссии девяти» видного коммуниста, недавно приехавшего в Германию, Ю. Мархлевского-Карского. Конференция заявила также протест «против продолжающегося сосредоточения войск в промышленной области», усматривая в нем «угрозу общественному спокойствию и порядку»[6].

Этот протест был вполне своевременным. Носке давно уже готовился бросить против рабочих «добровольческие корпуса» и 28 января говорил на заседании кабинета и Центрального Совета, что лишь до тех пор, пока правительство «не располагает не-

---

[3] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 41, 189, 200, 230, 252, 285, 401, 569, 570.

[4] См.: Ноябрьская революция, с. 376—377; Dokumente und Materialien, Bd. 3, S. 88—91.

[5] Ibid., S. 90.

[6] См.: Die Sozialisierung des Bergbaues und der Generalstreik im rheinisch-westfälischen Industriegebiet. Hrsg. von der Neuner-Kommission für die Vorbereitung der Sozialisierung des Bergbaues im rheinisch-westfälischen Industriegebiet. Essen, [1919], S. 33—35 (далее — Sozialisierung des Bergbaues). Автором брошюры был Ю. Мархлевский.

обходимыми военными средствами», оно вынуждено «вести переговоры и уговоры»[7]. В начале февраля Носке уже дал указание командующему VII военным округом в Мюнстере генерал-лейтенанту фон Ваттеру ввести войска в Рурский бассейн. Как отнесутся к этому рабочие, догадаться было нетрудно. Но и главный солдатский Совет округа, ранее проявлявший колебания, выразил протест против готовившегося карательного похода. В обращении к солдатам он писал: «Не давайте склонить себя стрелять в бастующих рабочих, в товарищей по классу, борющихся за свои политические права. Помните, что задачи революции еще не решены, и не позвольте превратить себя в войска врагов революции. Решительно смещайте своих командиров, если они отдают приказ о контрреволюционных действиях»[8]. 7 февраля Совет занял служебные помещения штаба округа и установил контроль за его деятельностью. Вызванные в Мюнстер военные подразделения не были, однако, использованы для занятия важных объектов в городе[9].

Генерал Ваттер действовал решительнее: стянув к Мюнстеру белогвардейский «корпус» капитана Лихтшляга, он 11 февраля якобы для предупреждения «спартаковского восстания» неожиданно захватил Главный солдатский Совет, арестовал его членов, предписал провести новые выборы, разоружил прибывшие подразделения охраны[10].

Тем не менее командование опасалось всеобщей забастовки во всей промышленной области. И действительно, события в Мюнстере вызвали большое возмущение. Рабочие поняли, что реакция не только нанесла удар солдатам, но и бросила вызов всему рабочему классу. Собравшаяся 14 февраля в Эссене конференция рабочих и солдатских Советов заявила, что «вновь оживший во всех частях Германии милитаризм представляет серьезную опасность для революции». Было решено потребовать от правительства немедленного восстановления в правах арестованного солдатского Совета, отзыва командующего и наказания виновных. Если до обеда 17 февраля не будет получен удовлетворительный ответ, встанет вопрос о всеобщей забастовке. Лидеру правых социал-демократов Г. Лимбертцу удалось лишь добиться, чтобы члены «комиссии девяти» выехали в Веймар для переговоров с правительством[11].

Между тем «корпус Лихтшляга», усиленный отрядом студентов мюнстерского университета, уже вступил в Рур. Рабочие

---

[7] Regierung der VB, T. II, S. 344.
[8] Цит. по: *Spethmann H.* 12 Jahre Ruhrbergbau, Bd. I. Berlin, 1928, S. 199—201.
[9] См.: Münstersche Chronik zu Spartakismus und Separatismus. Anfang 1919. Hrsg. E. Schulte. Münster, 1939 (далее — Münstersche Chronik), S. 321—323.
[10] Ibid., S. 324—326; IML — ZPA.— Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 245.
[11] Die Rote Fahne, 19.II 1919; ZStA Potsdam. Informationsstelle der Reichsregierung, Nr. 35, Bl. 24.

здесь не были безоружны. Почти во всех городах имелись созданные рабочими и солдатскими Советами более или менее сильные вооруженные службы безопасности (Sicherheitsdienst или Sicherheitswehren). Наиболее значительные революционные формирования, находившиеся под влиянием коммунистов и независимцев, были в Дюссельдорфе (здешний «полк безопасности» называли даже Красной гвардией), Мюльгейме-на-Руре, Гамборне-на-Рейне, Обергаузене, Дуйсбурге, Гервест-Дорстене, Гагене, Буэре. В Эссене преобладало влияние правых социал-демократов [12]. Если верить подсчету военного коменданта г. Гагена, в руках рабочих Рейнско-Вестфальской промышленной области находились около 150 тыс. винтовок, пулеметы и ручные гранаты. «Учитывая плотность населения и легкую возбудимость рабочих в настоящее время,— считал он,— это фактор, с которым надо серьезно считаться». Будучи сторонником «сильной власти», комендант все же предостерегал против поспешных попыток изъять оружие у рабочих, опираясь на «добровольческие корпуса». Он выражал опасение, что насильственные меры вызовут серьезные беспорядки и забастовки, которые поставят под угрозу продовольственное снабжение населения и отрицательно скажутся на угледобыче [13].

Так и получилось. Когда белогвардейские части ворвались 15 февраля в Гервест-Дорстен, где рабочими-анархистами был недавно убит организатор буржуазной «самообороны», там завязались ожесточенные уличные бои. На помощь рабочим прибыли вооруженные отряды из Обергаузена, Мюльгейма, Штеркраде, Гамборна и Дюссельдорфа. Но каратели, использовав пушки и пулеметы, взяли верх. Рабочий и солдатский Совет был разогнан, председатель его коммунист Фест убит, отряды рабочей охраны разоружены. 38 арестованных рабочих были в тюрьме замучены до смерти [14].

На следующий день горняки многих шахт, не дожидаясь дальнейших указаний, стали прекращать работу. 16 февраля в Мюльгейме собралась конференция революционных рабочих ряда городов Рейнско-Вестфальской области, главным образом представителей КПГ, НСДПГ и синдикалистов. Царившее здесь настроение было выражено в принятом воззвании: «Пролита кровь горняков! Правительственные войска напали на революционных горняков в Гервест-Дорстене и намерены распространить свои атаки на всю промышленную область. Необузданные наемники стоят у

---

[12] См.: *Oeckel H.* Die Volkswehr..., S. 104—110.

[13] ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 16556, Bl. 347—354. Записка капитана запаса Гинтце от 3 февраля 1919 г.

[14] См.: Verfassunggebende Preußische Landesversammlung 1919/1921. Bericht des Untersuchungsausschusses über die Ursachen und den Verlauf der Unruhen in Rheinland und Westfalen in der Zeit vom 1. Januar bis 19. März 1919. Berlin, 1921 (далее — Unruhen in Rheinland-Westfalen), S. 5605—5608; Dokumente und Materialien, Bd. 3, S. 161.

ворот Рура! Последним средством для предотвращения кровопролития является генеральная забастовка!.. Силой оружия хотят помешать социализации шахт. Правительственные войска состоят на содержании у капиталистов. Пролетарии, на карту поставлено все! Будущее ваше и ваших детей! Только солидарность рабочего класса обеспечит социалистическую революцию! Долой капиталистов! Да здравствует господство рабочего класса!» [15]

Решение немедленно начать забастовку без какой-либо предварительной разъяснительной работы и координации действий с другими районами страны было преждевременным и потому неудачным. Так считал и Мархлевский [16]. Но стали останавливаться одна шахта за другой. В Гамборне прекратили работу все промышленные и транспортные предприятия. Были выдвинуты требования немедленной социализации, признания «комиссии девяти», отозвания войск из Рура, развития системы Советов и отставки правительства Эберта — Шейдемана [17]. В Мюльгейме никто не работал. Были заняты телефон и телеграф. Усилилось вооружение отрядов рабочей охраны, численность которых составила по одним данным 400—500, по другим — 740 человек. Гражданскому населению было выдано значительное количество оружия и боеприпасов. Редакции буржуазных газет были заняты, и выпуск их прекращен «до отвода правительственных войск». Хотя собрание доверенных правой социал-демократии высказалось за возобновление работы, осуществить это не удалось [18]. Забастовка охватила также Обергаузен, Штеркраде, Боттроп, Дюссельдорф, Дуйсбург.

В Гельзенкирхене, где рабочий и солдатский Совет под влиянием правых социал-демократов пытался помешать забастовке, появились листовки: «Банды убийц правительства Эберта — Шейдемана наступают... Человеческое достоинство хотят подавить силой. Продовольствия нет для добросовестно работающих, оно есть лишь для бандитов, которых должны содержать эксплуатируемые рабочие. Дасшь генеральную забастовку! Не будет угля предателям народа! Выходите на демонстрации протеста!» Сообщая о сложившемся положении, бургомистр Гельзенкирхена не советовал вводить в город войска, ибо «они легко будут заражены», но считал нужным сосредоточить их вблизи города, чтобы «в подходящем случае действовать со всей решительностью» [19]. Обер-бургомистр Дуйсбурга просил срочно прислать войска [20],

---

[15] Dokumente und Materialien, Bd. 3, S. 150; *Spethmann H.* 12 Jahre..., Bd. I, S. 205.

[16] Sozialisierung des Bergbaues, S. 22—24.

[17] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/13, Bl. 232. Донесение обер-бургомистра от 17 февраля 1919 г.

[18] Ibid., Bl. 169, 191; Nr. 9/16, Bl. 315—316.

[19] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/13, Bl. 181. Донесение бургомистра от 18 февраля 1919 г.

[20] Ibid., Bl. 173. Телефонограмма от 18 февраля 1919 г.

а обер-бургомистр Эссена Г. Лютер, сообщая, что рабочие вооружаются и положение становится с каждым часом серьезнее, просил не о присылке войск, а о срочном приезде представителя правительства [21]. Об этом же писал регирунгспрезидент Мюнстера [22].

В этих условиях необоснованно оптимистически прозвучало донесение командования VII округа от 17 февраля, в котором говорилось, будто «среди рабочего класса царит большое разочарование тем, что правительство недостаточно энергично действует против спартаковцев. 95% рабочих промышленной области хотят работать, но им мешает возобновить работу насилие со стороны немногих вооруженных спартаковцев... Когда прибудут правительственные войска в достаточном количестве, беспорядки будут устранены» [23]. Уже на следующее утро тон стал иным: «Положение чрезвычайно серьезное. Объявлена генеральная забастовка. 27 шахт бастуют. Нет газа и света. Положение час от часу все труднее; настоятельно просят о помощи» [24].

18 февраля в Эссене снова собралась конференция рабочих и солдатских Советов Рейнско-Вестфальской промышленной области. В условиях, когда забастовка уже началась, она должна была, выслушав доклад «комиссии девяти» о переговорах с правительством, принять решение, поддержать ли призыв Мюльгеймской конференции о генеральной забастовке. Правые лидеры социал-демократии и профсоюзов во главе с Лимбертцем с самого начала попытались сорвать совместную работу. Назвав мюльгеймских рабочих «бандитами», они потребовали прекращения забастовки. Возмущенные рабочие освистали их, и большинство социал-демократов, покинув конференцию, устроили на улице шумный митинг. Единство действий было нарушено; представители СДПГ вышли и из «комиссии девяти».

Между тем член комиссии рабочий-металлист Виль доложил, что ей не удалось в Веймаре добиться ни своего признания, ни контрольных прав Советов, ни отвода войск. Социал-демократ Витте из Гервест-Дорстена рассказал о расстрелах спартаковцев и потребовал вооружения рабочих. Представитель Главного солдатского Совета в Мюнстере Фикс призывал не вступать более в переговоры с правительством и сказать товарищам, что от него ждать больше нечего, а с ним надо бороться средствами всеобщей стачки и с оружием в руках. Предложение дополнить забастовку саботажем было по настоянию коммуниста Гаммера отклонено. Конференция после поименного голосования решила призвать рабочий класс «выразить посредством генеральной забастовки свою волю к осуществлению социализации». Борьбу вес-

[21] Ibid., Bl. 174, 190. Телефонограммы от 17 и 18 февраля 1919 г.
[22] Ibid., Bl. 204. Телефонограмма от 17 февраля 1919 г.
[23] Ibid., Bl. 178. Телефонограмма от 17 февраля 1919 г.
[24] Ibid., Bl. 172. Телефонограмма от 18 февраля 1919 г. (11 часов 55 минут утра).

ти под лозунгом — «победить или погибнуть!»» — до отвода правительственных войск и признания «комиссии девяти» [25].

Правые лидеры социал-демократии и профсоюзов ответили усилением антикоммунистической травли и раскольнических действий. В результате в забастовке участвовала примерно половина горняков Рура [26]. Разъясняя рабочим остальной Германии смысл их борьбы, КПГ призывала к выступлениям солидарности: собраниям на предприятиях, демонстрациям, забастовкам. Но, рекомендуя действовать решительно, партия напоминала: «Не давайте себя спровоцировать. Избегайте всяких вооруженных столкновений. Правительство подкарауливает вас, чтобы уничтожить поодиночке. Не доставляйте ему удовольствия...» [27].

Это предостережение отнюдь не было излишним в обстановке, когда контрреволюционеры продолжали провоцировать гражданскую войну. Район Гервест-Дорстена — Боттропа — Штеркраде превратился в эти дни в настоящую арену военных действий с линиями фронтов. По приказу Носке от 19 февраля для поддержки наступления карательных войск на Боттроп из-под Бремена были переброшены две бригады фон Рёдера. Правительство заявило, что намерено сосредоточить в Рурской области 30 тыс. солдат. Им противостояли в дни решающих боев 19—21 февраля до 5 тыс. вооруженных революционеров, не считая нескольких тысяч вооруженных рабочих и солдат, рассредоточенных в населенных пунктах и на предприятиях вне зоны боев. В винтовках и боеприпасах не было недостатка, имелись минометы и пушки. Не было, однако, ни настоящей военной организации, ни опытного штаба, который не смогла заменить созданная в Мюльгейме «оборонная комиссия».

Поступавшие в Берлин телефонные и телеграфные сообщения носили характер военных донесений и рисовали пеструю картину событий. Революционные войска из Дюссельдорфа (командование округа считало, что там имелось 4 тыс. организованных войск, а вместе с рабочим ополчением — 15 тыс.) [28] двинулись на Боттроп. Первая попытка штурма была отражена реакционным «фольксвером», но вечером 19 февраля город был занят. Перепуганный регирунгспрезидент Мюнстера сообщал, что в город вступили «5000 хорошо дисциплинированных спартаковцев, прекрасно вооруженных всеми видами оружия и с 40 пушками». Для пущей убедительности говорилось, что в их составе — «3 роты бельгийцев (видимо, военнопленных)». При взятии ратуши было будто

---

[25] См.: Bericht über die Konferenz der Arbeiter- und Soldatenräte des rheinisch-westfälischen Industriegebietes am 18. Februar 1919 im Saale des Evangelischen Vereinhauses in Essen (IML — ZPA. D. Do VI/Mappe 51, Bl. 1—16).

[26] См.: Sozialisierung des Bergbaues, S. 24—29; *Spetmann H.* 12 Jahre..., Bd. I, S. 241.

[27] Dokumente und Materialien, Bd. 3, S. 165—166.

[28] *Oeckel H.* Die Volkswehr..., S. 174—175.

бы убито 30—40 человек, в том числе 9 полицейских. Он настойчиво требовал присылки дополнительных войск, заявляя, что «положение крайне серьезно» и «недооценка опасности принесет необозримые несчастья» [29]. В донесении ландрата Гладбека речь шла уже о «10 тысячах спартаковцев», вступивших в Боттроп [30]. Вооруженные столкновения имели место также в Гамборне, Хорсте, Гельзенкирхене. По-видимому, революционные войска начали движение через Кирхгеллен и Гладбек на Гервест-Дорстен [31].

Забастовка продолжала шириться, хотя правые социал-демократы всячески ей противодействовали, а в Эссене и Эльберфельде даже вышли в знак протеста из рабочего и солдатского Совета. Командование VII округа считало, что общее число бастующих составляло 20 февраля 135 тыс., т. е. примерно одну треть горнорабочих [32]. О стачках солидарности сообщали из Ремшейда и Эльберфельда [33]. Учитывая серьезность сложившегося положения и стремясь выиграть время для сосредоточения еще большего количества правительственных войск, генерал Ваттер предложил через офицеров своего штаба и связанных с ними правых лидеров социал-демократии заключить перемирие.

Развитие событий на Руре вызвало серьезное беспокойство в правительственных кругах. Все средства пропаганды были мобилизованы, чтобы представить борьбу рабочих как дело рук «спартаковских подстрекателей»; против революционных руководителей стачки была развернута бешеная травля. Шейдеман, выступая 21 февраля в Национальном собрании, назвал рабочих Рура преступниками и заявил: «Почва, на которой мы стоим, колеблется. Мы хотим сказать откровенно: она может выскользнуть из-под наших ног очень скоро, если нам не удастся решительно покончить с безумием и преступлениями в Рурской области» [34].

В этот же день «Die Rote Fahne» разъясняла, что «социализация, завоеванная и осуществленная самим пролетариатом,— единственный путь, чтобы вывести добычу угля из состояния разрухи. Это — жизненная необходимость для спасения всего промышленного производства Германии. Но она — удар в сердце господства капитала. Поэтому правительство лакеев капитала посылает маленькую армию белогвардейцев в Рурскую область, чтобы снова подчинить ее капиталу. Маршал Фош разрешил ей направить нужные войска против немецких пролетариев...» [35]. А в Эссене стачечный комитет и организации КПГ и НСДПГ призывали продолжать генеральную забастовку, поскольку ни одно из

---

[29] ZStA Potsdam. Informationsstelle, Nr. 35, Bl. 32, 72—73.
[30] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 356. Телефонограмма от 20 февраля 1919 г.
[31] ZStA Potsdam. Informationsstelle, Nr. 35, Bl. 64—65.
[32] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/12, Bl. 219, 265.
[33] Ibid., Bl. 228, 263.
[34] VDNV, Bd. 326, S. 254.
[35] Die Rote Fahne, 21.II 1919.

требований рабочих не выполнено и недопустимо наносить в решающий час удар в спину своим товарищам [36].

Прозвучавшая здесь озабоченность была продиктована становившейся все более опасной дезорганизаторской деятельностью профсоюзных лидеров. Они ежедневно выпускали листовки и воззвания с призывами прекратить борьбу, а 20 февраля правления христианских и других профсоюзов обратились к правительству с едва замаскированным призывом ускорить введение войск в центры забастовок [37]. Заколебались и правые лидеры НСДПГ. На новой конференции рабочих и солдатских Советов в Эссене 21 февраля после острых дебатов большинством голосов было одобрено заранее согласованное с командованием военного округа соглашение о «перемирии». Подписанное на следующий день, оно фактически означало капитуляцию революционных рабочих, ибо предусматривало: немедленное прекращение всеобщей забастовки, общую сдачу оружия, восстановление деятельности военных и гражданских учреждений, вывод революционных рабочих подразделений из Боттропа с оставлением пушек, минометов, полевых кухонь. Все это без каких-либо гарантий со стороны правительственных войск [38]. В докладе правительству командование округа сообщало, что «не намерено остановиться на полпути и, если условия не будут до конца выполнены, оно вступит в промышленную область» [39]. Хотя революционные руководители в Мюльгейме, Штеркраде, Дюссельдорфе и ряде других городов отвергли это «соглашение», Боттроп был оставлен рабочими, Гладбек и Буэр 23 февраля заняты войсками. Забастовка пошла на убыль, и уже к 24 февраля работа на многих шахтах возобновилась.

Достигнув того, что сопротивление рабочих было дезорганизовано, каратели генерала Ваттера отнюдь не успокоились. Им важно было оправдать свое существование, и они разорвали заключенное перемирие, заявив, что вожди «независимых и умеренных социал-демократов», правда, хотят его соблюдать, но, «видимо, не справляются со своими людьми. Командование округа считает, что вмешательство правительственных войск станет необходимым» [40]. Начав поход по промышленной области, белогвардейцы разоружали революционных рабочих, причем в ряде мест им помогали «отряды безопасности», созданные правыми социал-демократами. Впрочем, использовав их помощь, командование вскоре потребовало и их роспуска [41].

27 февраля в Берлин была послана телеграмма: «Операция в

---

[36] Dokumente und Materialien, Bd. 3, S. 184.

[37] *Spethmann H.* 12 Jahre..., Bd. I, S. 240—241.

[38] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/12, Bl. 225, 275, 280, 298. См. также: Vorwärts und nicht vergessen, S. 490.

[39] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/13, Bl. 312.

[40] Ibid., Bl. 301; Nr. 9/16, Bl. 400.

[41] См.: *Oeckel H.* Die Volkswehr..., S. 180; *Könnemann E.* Einwohnerwehren..., S. 102—105.

ночь с 26 на 27 февраля удалась. Гамборн, Штеркраде, Остерфельд взяты правительственными войсками»[42]. Однако не все было гладко. В Гамборне рабочие оказали дивизии Герстенберга упорное сопротивление, которое было сломлено только с помощью артиллерии. По призыву коммунистов и шахтных Советов возобновилась забастовка, особенно упорная на шахтах Тиссена. Правым социал-демократам пришлось согласиться на довыборы в Исполком пяти коммунистов, на роспуск «бюргервера» и освобождение арестованных. 28 февраля войска вступили в Дюссельдорф, где вместе с возродившимся «бюргервером» разоружили рабочие батальоны, участвовавшие в боях за Гервест-Дорстен и Боттроп. Рабочая охрана была распущена также в Обергаузене и Мюльгейме[43].

После завершения военных действий командование VII округа продолжало тешить себя иллюзиями, что антиправительственную позицию заняли не массы коренных рабочих промышленной области, а некие пришлые «большевики-спартаковцы», да еще иностранцы. Тем не менее оно считало своим долгом дать правительству ряд советов. Допуская возможность «быстрого роста враждебного правительству движения», командование предостерегало, что если сотни тысяч рабочих области «действительно включатся в повстанческое движение, они прибегнут к грубой самопомощи, и тогда возникнет угроза существованию всей Германии». Оно рекомендовало обеспечить «быстрое и достаточное снабжение» области «продовольствием и особенно жирами», ибо недоедание не только снижает работоспособность, но и... ослабляет «сопротивление чуждым влияниям»; предлагало выслать из области всех поляков и русских военнопленных. Для успокоения рабочих оно советовало даже пообещать им осуществление «социализации», хотя признало свою некомпетентность в этом вопросе. Зато по части репрессий оно считало себя знатоком и не просило, а требовало: решительного подавления «большевизма», как действующего с помощью оружия, так и использующего идейные средства, создание специальных судов и прокуратур «для обезвреживания вождей движения». Оговариваясь, что оно не добивается «кровавого правосудия», командование настаивало, однако, на подборе специальных судей, которые «действовали бы в желательном направлении»[44].

Этот характерный документ свидетельствовал о намерении военщины затянуть состояние гражданской войны против рабочего класса до тех пор, пока он весь не будет поставлен на колени.

---

[42] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/13, Bl. 337.
[43] Unruhen in Rheinland und Westfalen, S. 5626—5628; *Oeckel H.* Die Volkswehr..., S. 178—180; *Könnemann E.* Einwohnerwehren..., S. 104—105.
[44] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/8. Записка о борьбе с большевиками 8 марта 1919 г. См. также: Nr. 9/14, Bl. 33.

Забастовка в Средней Германии

Только когда борьба в Руре пошла уже на убыль, развернулось стачечное движение в Средней Германии. Горнопромышленный район Мерзебург—Галле (Заале) был оплотом НСДПГ. Среди 9 депутатов, избранных в Национальное собрание, было 5 независимцев и 2 социал-демократа. Борьбу и здесь начали горняки, требовавшие признания производственных Советов и социализации. Конференция рабочих и солдатских Советов и профсоюзных организаций горняков района Галле, состоявшаяся 29—30 января 1919 г. в Мерзебурге, заявила, что окружной рабочий и солдатский Совет должен обладать полнотой власти, а производственные Советы — оказывать решающее воздействие на предприятиях в вопросах производства, условий труда и зарплаты. Она потребовала от правительства признания избранного на основе эссенского положения о выборах окружного Совета горнорабочих в Галле, который возглавил левый независимец В. Кёнен и штайгер О. Петерс. В случае непризнания Совета горняки грозили забастовкой. На всех шахтах проводились выборы Советов, которые пытались установить контроль над производством и подготовить шахты к их обобществлению.

Окружной Совет горнорабочих неоднократно старался начать переговоры с правительством, но только 13 февраля депутатам НСДПГ в Национальном собрании Б. Дювелю и В. Кёнену удалось встретиться с министрами Г. Бауэром и Р. Висселем. Представители Совета не смогли, однако, добиться ни признания производственных Советов, ни конкретных заверений относительно социализации. Зато они наладили связь с эссенской «комиссией девяти», которая и в условиях начавшейся на Руре стачки и вооруженных боев продолжала безрезультатные переговоры с правительством о признании производственных Советов [45].

Между тем рабочие волновались. В Готе в знак протеста против вступления в город войск генерала Меркера, потребовавших разоружения рабочих, началась 18 февраля всеобщая забастовка. На следующий день прекратилась работа в 23 тюрингских городах, в том числе в Эйзенахе [46]. Повсюду оживленно обсуждались сообщения о военных действиях в Рейнско-Вестфальской области. Еще более накалило обстановку известие, что в Мюнхене 21 февраля был убит реакционным офицером глава баварского правительства К. Эйснер. В бассейне Цейтц — Вайсенфельз горняки 22 февраля объявили стачку и потребовали не только признания производственных Советов и немедленной социализации, но также

---

[45] См.: *Schubert H.* Der Generalstreik in Mitteldeutschland 1919. Halle (Saale), [1958], S. 17—20.

[46] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/13, Bl. 241, 248. Телефонограммы из Готы и Эйзенаха от 19 февраля 1919 г.

отставки правительства, роспуска Национального собрания, ликвидации офицерской касты [47].

В этой обстановке 23 февраля в Галле открылась окружная конференция горняков Средней Германии, в которой участвовали также представители окружных рабочих и солдатских Советов Эрфурта и Мерзебурга, рабочих химической промышленности, электростанций и железнодорожников. Более половины делегатов принадлежало к НСДПГ, почти четверть — к КПГ и столько же — к СДПГ. В своем докладе В. Кёнен, отклонив намерения провести «социализацию сверху» без участия рабочих, потребовал «социализации снизу» на основе развитой системы Советов, в которой производственные Советы должны обеспечить осуществление рабочего контроля и участие в управлении всем производством. По предложению О. Петерса было единодушно принято решение: «Поскольку испробованы все пути, чтобы добиться осуществления требований горняков, но они отклонены правительством, мы используем теперь последнее страшное оружие и объявляем завтра, в понедельник 24 февраля, всеобщую забастовку». Горняков обещали поддержать представители железнодорожников, металлистов, химических заводов Лейна и Пистериц. Для руководства забастовкой окружной Совет горнорабочих был пополнен представителями окружного рабочего и солдатского Совета Галле — Мерзебург, союзов металлистов, железнодорожников и т. д. Конференция потребовала также признания Петерса уполномоченным по социализации и приняла временное положение о производственных Советах, в котором говорилось, что они осуществляют «контроль над всем предприятием». Заключительная фраза резолюции требовала (хотя и в не очень ясной форме) отставки правительства [48].

24 февраля забастовка стремительно распространилась по Средней Германии. В ней приняли участие не только горняки буроугольного бассейна вокруг Биттерфельда, Галле, Вайсенфельза и других городов. Прекратили работу все промышленные предприятия Галле, Мерзебурга, Биттерфельда, Аммендорфа. Остановились химический гигант Лейна, на котором было занято 12 тыс. рабочих, азотные заводы в Пистерице, завод взрывчатых веществ в Райнсдорфе, крупные электростанции, так что сократилась подача электроэнергии и в Берлин. С 25 февраля был парализован железнодорожный транспорт. Была прекращена телеграфно-телефонная связь, все газеты подвергались предварительной цензуре, а с 26 февраля вообще перестали выходить. Их заменил «Информационный листок стачечного комитета», издававшийся ежедневно [49].

---

[47] *Schubert H.* Der Generalstreik..., S. 37.

[48] Ibid., S. 21—23; Dokumente und Materialien, Bd. 3, S. 198—199.

[49] См.: *Schubert H.* Der Generalstreik..., S. 23; Mitteilungsblatt des Aktionsausschusses für den Generalstreik in Mitteldeutschland, 28. Febr. 1919.

В забастовку включались рабочие медно-шиферных рудников Мансфельда, все новых районов Саксонии, Тюрингии и Ангальта. 27 февраля, преодолев колебания, объявил генеральную забастовку рабочий и солдатский Совет Лейпцига. Во время голосования на предприятиях 40 тыс. рабочих высказались за стачку, только 5 тыс.— против. В обосновании Совет писал: «Все более дерзкие выступления контрреволюции, убийство Эйснера, кровавое подавление забастовки в Руре, отказ правительства от социализации вызывают самое решительное сопротивление рабочего класса» [50]. Накануне на двухтысячной демонстрации в Дрездене раздавались требования отставки правительства и провозглашения Саксонии Советской республикой [51]. Забастовали также рабочие Шкойдица и Зуля.

Переплетение экономических требований с политическими придавало движению в Средней Германии большую силу. Однако в формулировке этих требований сказывалось отсутствие зрелого политического руководства, ясного понимания задач и путей их достижения. Так, конференция в Галле вместо требования национализации шахт высказалась за «демократизацию предприятий». Это же расплывчатое требование, подсунутое рабочим правыми социал-демократами, выдвинул и Совет Эрфурта. Рабочие Лейпцига требовали предоставления производственным Советам права осуществлять социализацию, отставки Эберта и Шейдемана, но ничего не говорили о передаче всей политической власти Советам [52].

Тем не менее правительство и Национальное собрание в Веймаре, отрезанные стачкой от остальной Германии, были не на шутку встревожены. Со стороны рабочих не было никаких актов насилия, а один из руководителей стачки, В. Кёнен, даже заявил на конференции в Галле: в Средней Германии нет оснований опасаться, что борьба здесь примет такой «военно-политический характер», как на Руре [53]. Но буржуазия поспешила ответить жестокими контрмерами.

Уже 26 февраля в Галле, Мерзебурге, Цейтце, Вайсенфельзе, Наумбурге, Зангерхаузене и некоторых других городах была объявлена «контрзабастовка» буржуазии. Носке поспешил одобрить эти действия. Поскольку в них включились не только чиновники, полицейские, учителя, но также мясники и булочники, врачи, аптекари, могильщики, то прекратилось оказание медицинской помощи, не выплачивалось пособие пенсионерам, начались перебои с продовольственным снабжением и т. п. Выдвинув требование безоговорочного прекращения стачки, а в Цейтце и удаления красного флага, буржуазные комитеты цинично рассчитывали ис-

---

[50] Dokumente und Materialien, Bd. 3, S. 200—201.
[51] ZStA Mersburg. Ministerium für Handel und Gewerbe, Rep. 120, Abt. B, Tit. B VII, Nr. 3, Bl. 179.
[52] См.: Die Rote Fahne, 28.II 1919.
[53] *Schubert H.* Der Generalstreik..., S. 22.

пользовать оружие голода [54]. Однако рабочие не дали себя запугать. На массовом собрании на рыночной площади в Мерзебурге 26 февраля было единодушно отвергнуто требование бургомистра и ландрата о возобновлении работы. На следующий день в Галле 40—50 тыс. трудящихся гневно осудили попытки буржуазии сломить волю трудящихся к борьбе [55].

Рабочие и солдатские Советы Галле, Мерзебурга, Лейпцига взяли в свои руки дело снабжения продовольствием и выдачу карточек. В Лейпциге были также конфискованы деньги в банке и обеспечена выплата пособий, поставлены под рабочий контроль несколько больниц [56]. На заводах Лейпа рабочий Совет во главе с Даниэлем организовал необходимые работы для поддержания температуры в аммиачных печах, чтобы не пострадала аппаратура. Было налажено снабжение рабочих продовольствием. В ответ на отказ директора компании в Людвигсгафене письменно признать производственный Совет, рабочие решили продолжать забастовку. Отвечая на обвинения, руководители стачки писали: «Если наше сельское хозяйство недополучит удобрений, столь необходимых для народного пропитания, то ответственность падет не на рабочих, а на ответственных руководителей заводов. Вопли о том, будто рабочих насилуют или что на заводах вспыхнули беспорядки, которые должны быть подавлены гвардией Носке,— не что иное, как гнусная ложь и злостная клевета на руководителей здешнего рабочего движения. Установлено, что рабочие до сих пор вели себя образцово и отвергали все провокации» [57].

Но реакция жаждала крови. Буржуазный комитет в Галле телеграфировал 27 февраля правительству в Веймар: «Шлите войска! Войска получат полную поддержку со стороны граждан. Забастовка буржуазии идет полным ходом. Булочники тоже постановили бастовать. Полная победа обеспечена. Верность за верность» [58]. Носке немедленно поручил генералу Меркеру двинуться с корпусом ландъегерей на Галле. Утверждения, что вступление войск связано не с забастовкой, а с необходимостью обеспечить порядок на выборах в городское собрание, были ложными. Сам Меркер писал впоследствии: «В борьбе правительства против леворадикалов речь шла исключительно о сохранении политической власти. Ради этой чисто политической цели были использованы войска — как средство власти для продолжения внутренней политики» [59].

---

[54] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, 9/13, Bl. 315, 330.
[55] *Schubert H.* Der Generalstreik..., S. 25, 36.
[56] Ibid., S. 418; ZStA Merseburg. Minksterium für Handel und Gewerbe, Rep. 120, Abt. B, Tit. B. VII, Nr. 29, Bl. 188.
[57] IML — ZPA. Leuna, Bl. 6—9, 19—21, 40. См. также: Kämpfendes Leuna (1916—1945), T. I. Berlin, 1961, S. 156—159, 162.
[58] Цит. по: *Schubert H.* Der Generalstreik..., S. 26.
[59] *Maerker G.* Vom Kaiserheer..., S. 134, 162.

Иллюзии руководителей среднегерманской стачки, что им удастся избежать военных столкновений, привели к тому, что они вовсе не готовились к вооруженной обороне. Более того, чтобы не дать правительству повода для военного вмешательства, солдатский Совет Галле заявил о своем нейтралитете. Лишь председатель рабочего Совета левый независимец Килиан и несколько других членов Совета выступали за военную организацию рабочих, но победило мнение, что в этом нет необходимости. Поэтому, когда около 3 тыс. солдат начали днем 1 марта вступать в Галле, они не встретили организованного отпора. Матросская рота позволила себя разоружить. Бастовавшие рабочие заполняли улицы, и напряженность все возрастала. При подходе к почтамту войска встретили сопротивление рабочих, матросов и солдат. Открыв огонь, войска заняли почтамт, ратушу и прилегающие здания. Были убиты и случайные прохожие, что усилило возмущение.

Обер-бургомистр докладывал правительству, что получил от Носке телеграмму, разрешающую ввести осадное положение. Однако «складывается впечатление,— сообщал он,— что правительственные войска не имеют успеха. Улицы заполнены огромными массами народа... Правительственные войска, видимо, стреляют по толпе холостыми, иначе сборища давно были бы рассеяны...»[60]. Несмотря на присутствие враждебных войск, на выборах в городское собрание, происходивших в воскресенье 2 марта, независимцы одержали новую победу по сравнению с выборами в Национальное собрание. За них голосовали 33 552 человека, а за социал-демократов — 8099. Этот результат побудил обер-бургомистра объявить выборы недействительными.

В тот же день командование докладывало правительству, что «положение неясно». Стачечный комитет заявил, что беспорядки в Галле начались с момента вступления войск и, если они не уйдут, забастовка будет расширена[61]. Вечером прекратилась подача электроэнергии, газа и воды[62]. Во время столкновений был убит подполковник фон Клюбер, ответственный за «безопасность» Национального собрания. Обер-бургомистр продолжал винить войска в недостаточно энергичных действиях и просить о присылке подкреплений[63]. Между тем находившийся в Галле представитель Берлинского Исполкома О. Руш рассказывал по возвращении, что и представители социал-демократии считали отвод войск, вызвавших возмущение, целесообразным. Он сооб-

---

[60] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 501.

[61] Ibid., Nr. 9/13, Bl. 366.

[62] См.: *Koenen W.* Wir kämpften für die Rätemacht und den Sozialismus.— In: Vorwärts und nicht vergessen. Berlin, 1958, S. 401—402.

[63] ZStA Merseburg. Ministerium für Handel und Gewerbe, Rep. 120, Abt. B, Tit. B VII, Nr. 3, Bl. 184—185.

щил также о начавшихся в ночь на 3 марта расстрелах захваченных рабочих [64].

Утром 3 марта карателям удалось овладеть зданием театра. В полдень было введено военное положение. Начали действовать военные трибуналы, развернулась охота за революционными руководителями. Были убиты коммунист Плюдра, командир матросской роты К. Мезеберг. Трехдневные бои стоили населению Галле 24 убитых и 67 раненых. Войска Меркера потеряли по меньшей мере 7 человек убитыми и 20 ранеными [65].

Вооруженные рабочие и солдаты Лейпцига собирались оказать помощь пролетариям Галле, но остановились на границе Саксонии, не решившись ее перейти. Генерала Меркера никакие границы не смущали. Укрепившись в Галле, он вскоре предпринял карательные походы в районы Биттерфельда, Мерзебурга, Цейтца, добиваясь повсюду разоружения рабочих. Среднегерманская забастовка была прекращена, когда правительство пообещало рабочим некоторые уступки.

Грозовое настроение

Февральские стачки отличались от декабрьских и январских тем, что в них участвовали и те слои рабочих, которые до этого послушно шли за своими социал-демократическими и профсоюзными руководителями. Это вызвало серьезную тревогу у социал-демократических лидеров, видевших, как массы ускользают из-под их влияния. «Революционные настроения в германском народе распространяются все шире,— с нескрываемым раздражением отмечал Г. Кунов.— За военным психозом последовал стачечный психоз» [66].

Разновременность выступлений горняков Рура и Средней Германии, недостаточная поддержка их борьбы рабочими других областей, нечеткость требований ослабляли движение. Сравнивая эти забастовки, газета «Die Rote Fahne» писала: «Здесь и там горнопромышленный пролетариат не требовал экспроприации шахтовладельцев. Он требовал полного контроля над предприятиями со стороны избранных им органов — производственных и шахтных Советов. Но это требование было первым словом социализации, и лакеи капитала немедленно ответили последним словом капитала: порохом и свинцом... В боях, которые один за другим вспыхивают в Рурском бассейне, Баварии, Мангейме, Саксонии, шаг за шагом преодолевается незрелость революции: локальная раздробленность, колеблющееся руководство, недостаточная организация, идейная неясность. Пулеметы гвардии Нос-

---

[64] IML — ZPA. Vollzugsrat, Nr. 11/7, Bl. 44—46.
[65] *Oeckel H.* Die Volkswehr..., S. 184.
[66] Neue Zeit, Nr. 24, 14.III 1919.

ке... создают почву для территориальной связи и идейного единства»[67].

Оценивая сложившуюся обстановку, газета подчеркивала связь между экономическими и политическими требованиями рабочих. Она не закрывала глаза на слабость завоеванных пролетариатом позиций, на то, что «солдатские массы еще не развиты, сельский пролетариат не пробудился». Тем не менее она считала, что неправы лидеры НСДПГ и дюссельдорфские синдикалисты, утверждающие, будто политическая борьба преждевременна и нужно вести борьбу только за экономические позиции. Постановка вопроса — политическая *или* экономическая революция? — неправомерна и опровергается жизнью[68].

Американские «наблюдатели» в Германии, зорко следившие за развитием событий, с нескрываемой озабоченностью докладывали о непрерывно нараставшей «радикализации масс». Их никак нельзя было заподозрить в симпатиях к трудящимся, но все они сходились на том, что главной причиной роста недовольства являлось тяжелое экономическое положение пролетариата, прежде всего в крупных промышленных центрах. «За три месяца ничего не сделано для улучшения экономического положения рабочих» —констатировал Ф. Дей[69]. Неделю спустя он дал более глубокую оценку ситуации. «Несомненно,— писал он,— что правительство потеряло почву даже внутри собственной партии. Национальное собрание обмануло надежды даже тех, кто являлся его приверженцем. Оно не осуществило обещаний о социальных реформах — или, вернее, о социальной революции — и отложило в долгий ящик социализацию крупной промышленности». Отмечая, что правительство вызывает к себе все бо́льшую ненависть у рабочих и что оно «стало казаться многим его сторонникам буржуазным», Дей вынужден был признать, что «широкие массы народа враждебно относятся к старому режиму и считают, что Национальное собрание предлагает им только разжиженный либерализм вместо революционных преобразований». При этом Дей настойчиво внушал представителям германских правительственных кругов, с которыми встречался, мысль о необходимости принятия «решительных» мер, выражал опасение, что «общий крах правительства Эберта — Шейдемана позволит захватить власть большевистскому движению»[70].

Разочарование, охватившее массы, нашло известное отражение и в позиции членов Центрального Совета. Это показало обсуждение 24, 25 и 26 февраля (они продолжались более 10 часов)

---

[67] Die Rote Fahne, 27.II 1919.

[68] Ibidem.

[69] PPC, v. XII, p. 30. Донесение Ф. Дея, от 21 февраля 1919 г. Сам Дей, безусловно одобряя антинародную политику правительства, считал, что оно и не могло ничего сделать, но беда заключалась в том, что... «очень трудно убедить в этом пролетариат» (ibid., p. 30—31).

[70] Ibid., p. 45—46. Донесение Ф. Дея от 1 марта 1919 г.

обстоятельств убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург, положения в Рурском промышленном районе, в Кёльне и Мюнхене, отношения к Прусскому национальному собранию, а особенно вопроса о созыве Второго всегерманского съезда Советов. Если месяц-полтора назад спорили о том, как безболезненнее покончить с существованием рабочих и солдатских Советов, то теперь никто не говорил об их немедленной ликвидации. Даже Р. Лейнерт считал, что Советы должны действовать до осуществления демократизации органов управления, чему препятствует прусское правительство. Просто лишить Советы политических функций не удастся. «Мы, с одной стороны, не заинтересованы в том, чтобы произошла быстрая ликвидация (Советов.— *Я. Д.*), а с другой — не в наших интересах, чтобы они еще более расширили свою власть» [71].

А. Гржезинский прямо заявил, что, пока «четко не проведена демократизация», социал-демократия должна обеспечивать свое политическое влияние через Советы, для чего они должны быть «не просто контролирующими органами, а иметь возможность вмешиваться в дела». В то же время он выразил опасение, что съезд Советов, если он будет созван, не удастся «удержать в руках». Об этом же, вспомнив конференцию солдатских Советов, говорил Ф. Герберт: «Не забывайте, что рабочие и солдатские Советы стоят на позиции — вся политическая власть рабочим и солдатским Советам! Они хотят расширить свою власть!» Ф. Фаас заметил, что, если Центральный Совет откажется созвать съезд, его созовет Берлинский Исполком, а К. Прокеш признал, что «радикализация неизбежна, ибо люди нашей партии, сидящие в правительстве, совсем национал-либералы». За созыв съезда высказался Коэн, считавший, что его можно «соответственно подготовить», в частности — объявив перевыборы Советов. В итоге за решение назначить съезд на конец марта было подано 11 голосов, против — 5 [72].

При обсуждении вопроса об отношении к Прусскому национальному собранию представитель моряков Р. Пфафф сказал: «Мы обязаны удержать все, что можем. Я не понимаю, почему мы так робко относимся к имперскому правительству... Положение наше серьезно, мы не должны этого забывать. Наши народные уполномоченные не имеют больше права именоваться социалистами!.. Мы должны открыто сказать партии, куда катится воз. Не начинает ли в нас самих постепенно биться более радикальная жилка?» [73] Но все кончилось принятием заявления о сдаче власти Прусскому собранию с той лишь оговоркой, что о положении Центрального Совета как высшего органа Советов решение примет предстоящий съезд [74].

---

[71] Zentralrat, S. 707—708. Заседание 25 февраля 1919 г.
[72] Ibid., S. 703, 711, 714—715, 717.
[73] Ibid., S. 726—727. Заседание 26 февраля 1919 г.
[74] Ibid., S. 748—750.

Правительство поначалу не намерено было идти ни на какие уступки в отношении Советов. 26 февраля официозное агентство Вольфа опровергло сообщения, будто социал-демократические руководители намерены включить рабочие Советы в структуру власти: «Ни один член кабинета не думает и никогда не думал включить Советскую систему ни в конституцию, ни в аппарат управления». Разъяснялось, что социал-демократия решительно отвергает «затуманивание демократии диктатурой», а из всей Советской системы в лучшем случае могут быть сохранены лишь Советы на отдельных предприятиях, да и то как «посреднический инструмент» [75].

Однако газета «Vorwärts» не опубликовала этого заявления, означавшего открытое объявление войны Советам. Напротив, чтобы отвести гнев рабочих от партийного руководства, она открыла «предохранительные клапаны», предоставив на своих страницах место для критических выступлений. Уже 25 февраля появились заметки, в которых выдвигалось требование созвать внеочередной съезд СДПГ для обсуждения вопросов партийной тактики. Судья Рубен из Эссена, избранный рабочими Советами Рура комиссаром по подготовке социализации, с сожалением признавал, что «подавить коммунизм оружием невозможно». Он предлагал заменить «комиссию девяти» соглашательскими «палатами горнорабочих», а главное — отвлечь горняков от продолжения борьбы лозунгами «демократизации предприятий» и немедленным внесением в Национальное собрание законопроекта о «социализации» распределения угля [76].

28 февраля «Vorwärts» поместил передовую статью, озаглавленную «Грозовое настроение». В ней с тревогой говорилось, что «растущее разочарование охватывает массы. Оно создает высокое напряжение, требующее быстрой разрядки... Рабочий не может быть доволен ходом развития революции и достигнутыми до сих пор результатами в разрешении вопросов, затрагивающих рабочих... Надежда рабочих на Национальное собрание быстро угасла, и распространился непоправимый пессимизм... Раз наши товарищи в правительстве, несмотря на демократическое большинство, не смогли за истекшие недели даже просто провозгласить ясно сформулированные демократические требования, то пришло время открыто сказать, что... члены правительства должны безусловно уйти в отставку» [77]. Содержавшиеся здесь признания весьма симптоматичны, хотя не следует, разумеется, думать, что газета действительно всерьез поднимала вопрос об отставке правительства Шейдемана, рупором которого она являлась.

Орган независимцев «Die Freiheit» в эти дни пытался демонстрировать свою «объективность»: рядом с сообщением о собрании коммунистов он опубликовал воззвание «Антибольше-

---

[75] Berliner Tageblatt, 26.II 1919; Die Freiheit, 26.II 1919. Morgenausgabe.
[76] Vorwärts, 27.II 1919.
[77] Vorwärts, 28.II 1919. Abendausgabe.

вистской лиги»[78]. Газета тоже допустила на свои полосы критические заметки. В одной из них Брейтшейд был подвергнут критике за изобретенный им «магический рецепт смешения огня Советской системы с водой капиталистической демократии», Мюллер и Деймиг — за декламации и бездействие, Гильфердинг — за проповедь единства с шейдемановцами. «Разве можно увлечь массы лозунгом «экономического совета» или «палаты советов», покоящейся на Национальном собрании? — писал автор статьи.— Только лозунг «Вся власть Советам!» найдет отклик в народе»[79]. Однако уже на следующий день газета в передовой статье вернулась к старым песням, заявив, что Советы должны быть основой власти, но... их нужно «сочетать» с парламентской демократией[80].

Как раз в это время Национальное собрание приступило к обсуждению проекта новой конституции. «Второй проект» Прейса с 18 по 21 февраля обсуждался Комитетом государств, который сделал все возможное, чтобы сохранить побольше остатков старины. Вышедший из комитета «третий проект» был 23 февраля роздан депутатам Национального собрания, а на следующий день с его устным обоснованием выступил министр внутренних дел Прейс. Главное внимание он уделил вопросам государственного устройства. Признавая наличие в проекте «изломов», «исключений», «вещей, которые нам тоже не нравятся», Прейс отмечал, что все они являются наследием старой конституции кайзеровской империи. Подходя с формально-юридической точки зрения, Прейс не мог, да и не хотел вскрыть истинных причин того, почему эти пережитки так сильно воздействовали на новую конституцию. Не сделали этого в развернувшейся общей дискуссии (первом чтении) ни представители буржуазных партий, ни лидеры правых и «независимых» социалистов[81].

Только «Die Rote Fahne» ясно сказала, в чем суть: нет возможности «перелицевать старую государственную форму, даже на буржуазный лад, пока не исчез старый штаб вильгельмовской руководящей бюрократии. Но республика Эберта цепляется дрожащими руками за эту правительственную и административную машину, ибо без нее она не в состоянии подавить революционный пролетариат...»[82] Вся социальная программа в проекте конституции исчерпывается декларацией о том, что «рабочая сила находится под особой защитой государства». Провозглашенные демократические права «ставят свободу рядом с виселицей», это — «каучук, который администрация и суды будут долго растягивать»[83].

---

[78] Die Freiheit, 1.III 1919. Morgenausgabe.
[79] Die Freiheit, 1.III 1919. Abendausgabe.
[80] Die Freiheit, 2.III 1919. Morgenausgabe.
[81] VDNV, Bd. 325, S. 284—292. Заседание 24 февраля 1919 г.
[82] Die Rote Fahne, 26.II 1919.
[83] Die Rote Fahne, 24.II 1919.

Естественно, что такой проект был менее всего пригоден для успокоения рабочих, поднявшихся на борьбу за свои социальные и политические права. После краткой дискуссии он был отправлен в созданную Национальным собранием конституционную комиссию. А правительство, блокированное в Веймаре всеобщей забастовкой, лихорадочно изыскивало средства, которые помогли бы ему выпутаться из затруднений.

28 февраля газета «Vorwärts» опубликовала собственную информацию из Веймара о том, что правительство считает возникновение забастовок «недоразумением», так как оно, дескать, вовсе не против производственных Советов, готово обсудить этот вопрос и т. п. «Может быть здесь,— говорилось в сообщении,— появится мост, по которому можно будет вернуться из нынешнего хаоса к упорядоченным отношениям» [84]. В этот же день социал-демократическая фракция Национального собрания сообщила о своем решении подвергнуть «суровой критике» проект конституции. Критика на поверку оказалась весьма куцой. Но все же прозвучали слова о том, что «социализация должна быть гарантирована законом», что следует обеспечить «право на труд» и даже «далеко идущее» участие рабочих Советов в социализации и контроле над производством [85].

1 мая газета «Vorwärts» встревоженно писала: «В то время как в Веймаре все еще говорят и договариваются о конституции, в стране за нее идет борьба. Притом на первый план выдвигается вопрос: какая роль должна быть отведена рабочим Советам. Иногда кажется, будто все внутреннее развитие Германии грозит превратиться в борьбу не на жизнь, а на смерть...». Газета заверяла своих читателей, что социал-демократия — вовсе не враг Советов, она только ищет подходящую форму их «включения в демократию» [86].

Но подобных заверений рабочие слышали уже слишком много, чтобы принять их на веру. Пролетариев Берлина они не могли успокоить.

Мартовские бои в Берлине

Столица, как и в начале ноября 1918 г., отставала от провинции. Стачка горняков Рура уже иссякала, в Средней Германии она была в разгаре, а Исполком Берлинского Совета продолжал совещаться. Его председатель Р. Мюллер все вопросы неизменно сводил к созыву Всегерманского съезда Советов. «Мы не должны обманываться,— говорил он,— Национальное собрание в Веймаре сильно правеет... Уместно без промедления оказать отсюда давление на этих склоняющихся вправо народных

[84] Vorwärts, 28.II 1919. Abendausgabe.
[85] Ibidem.
[86] Vorwärts, 1.III 1919. Abendausgabe.

представителей». Впрочем, Мюллер даже не думал посягать на политическую власть. Он утверждал, что съезду Советов «будет разрешено обсуждать только хозяйственные вопросы, а не политические» и в повестку дня следует включить только один вопрос: «восстановление экономики и рабочие Советы»[87]. Однако социал-демократы в Исполкоме и Центральном Совете не хотели и этого.

26 февраля они учинили обструкцию и сорвали пленарное собрание рабочих и солдатских Советов Берлина, затеяв спор о повестке дня[88]. Социал-демократическая фракция приняла сепаратное решение, что после проведения перевыборов городского и общинных представительств деятельность коммунальных рабочих Советов должна прекратиться, а Исполкому не следует более заниматься этими вопросами. Резолюция была передана в печать[89].

Пленарное собрание Советов 28 февраля показало, какого накала достигла обстановка в столице. Р. Мюллер в пространном докладе заявил, что «Германия находится в состоянии революционного брожения» и только рабочие и солдатские Советы могут ее спасти. Слова, что «нам не нужны больше капиталисты», были встречены бурным одобрением и возгласами «браво!». Напоминание же об официальном заявлении правительства, что оно не намерено «включить Советскую систему в какой-либо форме ни в конституцию, ни в аппарат управления», вызвало возгласы: «Слушайте, слушайте!» и «Долой Шейдемана!». Немецкий народ, говорил оратор, готов «работать день и ночь, если будет иметь гарантию, что будет построена социалистическая государственность». С помощью же пушек и минометов «рабочих можно убить, но не заставить работать».

Р. Мюллер указал, что «соглашение о деловом сотрудничестве» между лидерами профсоюзов и монополистами «заносит топор над завоеваниями революции», а «трудовые камеры», которые правительство снова противопоставляет производственным Советам, призваны убить Советы. Правительство душит их и тем, что лишает денежных средств. А социал-демократы в коммунальных Советах обрекают их на бездействие. Национальное собрание в Веймаре «проявило свою неспособность». Оно сидит в западне: в Баварии и Брауншвейге уже возникли Советские республики или переходные стадии к таковым[90]. Двинет ли Носке и против них войска? Анархия экономическая, политическая дополняется военной, которую создают сами «добровольческие корпуса». Ответственны за анархию не бастующие рабочие, а те, кто не хочет выполнять их справедливые требования. Если правитель-

---

[87] IML — ZPA. Vollzugsrat, Nr. 11/16, Bl. 188—191. Заседание 19 марта 1919 г.
[88] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/12, Bl. 154.
[89] ZStA Merseburg. Ministerium des Innern, Rep. 77, Tit. 1373, Generalia, Nr. 1, Bl. 91—92.
[90] См. ниже, гл. 3.

ство не знает иных средств, оно должно уйти. Но вся эта громкая риторика и теперь сводилась только к требованию созвать съезд Советов [91].

Социал-демократ Ю. Калиский поспешил заверить, что и члены его партии выступают за немедленный созыв съезда Советов, что и они считают «идею Советов неистребимой» и хотят «укоренить их в конституции». Он даже почти отмежевался от Носке и Шейдемана, заявив, что обсуждаемые в Веймаре проекты конституции «не отвечают ни времени, ни нашим требованиям». Калиский осуждал отказ от идеи «единой германской республики», признавал, что и СДПГ, и НСДПГ проявили «идейное бездействие», «недостаток творчества». Защищая вместе с тем «деловое содружество» и «демократию вообще», он допустил злобные выпады против Советской России и большевиков [92]. Немецкий демократ Михаэлис тоже высказался за съезд Советов, но с условием, что съезд ни в коем случае не станет конкурентом Национального собрания, а будет содействовать экономическому восстановлению, не вдаваясь в политику [93].

Едва оратор закончил речь, как в зале появилась делегация (в нее входили коммунисты, независимые и социал-демократы), представлявшая семь тысяч рабочих и служащих электрозаводов АЭГ-Хеннигсдорф. От их имени Вебер напомнил, что в Берлине рабочие давно уже говорят о генеральной забастовке. «Больше,— сказал он,— наших рабочих не удержать. Мы видим, чтó происходит в стране, и мы не можем иначе». Он вручил собранию Советов резолюцию, требовавшую немедленно объявить всеобщую забастовку в поддержку бастующих пролетариев Западной и Средней Германии [94].

Председатель недавно образованной коммунистической фракции Берлинского Совета Г. Герфурт напомнил, что еще ранее потребовала объявления генеральной забастовки делегация 60 тыс. рабочих Шпандау. Ни одним словом, продолжал он, не злоупотребляют так, как словом «демократия». Но реальной может быть только пролетарская демократия. Соединение Национального собрания, которое не выражает воли народа, диктатуры капиталистов, господства Носке и его палачей с системой Советов неосуществимо, а экономическая власть Советов ничего не значит без политической власти. Коммунисты потребовали, чтобы съезд Советов был созван без промедления, независимо от согласия Центрального Совета, чтобы были проведены перевыборы во все рабочие Советы. Те, кто, занимая место в Советах, не хочет их полной политической власти, должны уйти из Советов [95].

---

[91] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/12, Bl. 155—173.
[92] Ibid., Bl. 173, 175, 178.
[93] Ibid., Bl. 180.
[94] Ibid., Bl. 184—185, 202.
[95] Ibid., Bl. 185—191, 203.

Собрание, несмотря на протесты коммунистов и многих независимцев, отложило решение вопроса о всеобщей забастовке в Берлине. Принятая резолюция состояла из громких фраз. Она протестовала против проявляющихся в Национальном собрании стремлений «лишить рабочие и солдатские Советы всякого права на существование», против открытого и скрытого сопротивления деятельности Советов со стороны государственных, военных и коммунальных учреждений, против попыток предпринимателей уничтожить производственные Советы. От Центрального Совета резолюция потребовала, чтобы съезд был созван не позднее 18 марта [96].

Проведенное на собрании поименное голосование показало, что соотношение сил изменилось: преобладанию социал-демократов в Советах столицы пришел конец. Сторонников НСДПГ было на пленуме 305, социал-демократов — 271, коммунистов — 99, немецких демократов — 95 [97]. В новый состав Исполкома были избраны 6 независимцев, 6 социал-демократов, 2 коммуниста и 2 представителя буржуазных партий [98].

Однако позиция Исполкома, во главе которого остался Мюллер, существенно не изменилась. Собираясь в первые дни марта ежедневно, Исполком так и не сумел принять решения ни по вопросу о созыве съезда Советов (1 марта Центральный Совет согласился созвать его 26 марта), ни об отношении к всеобщей забастовке, объявления которой все энергичнее требовали берлинские рабочие. Хотя и социал-демократы признавали теперь, что Национальное собрание не способно удовлетворить требования пролетариата, они продолжали пугать, что забастовка лишь «разорит Германию» и «обречет сотни тысяч рабочих на гибель от голода» [99].

В то же время правительство готовилось реализовать свой план: если только забастовка начнется, использовать ее как предлог для нанесения берлинским рабочим еще более жестокого удара, чем в январе. Примечательно, что в эти тайные намерения был посвящен и американский «наблюдатель» Ф. Дей. Отмечая в своем донесении от 1 марта мирное настроение берлинских рабочих, он писал, что генеральная забастовка, о которой объявляют наперед за 5 дней, не кажется ему «чем-либо бо́льшим, чем простой угрозой». Вместе с тем, продолжал он, «меня уверили, что военные средства для сохранения порядка в Берлине, нахо-

---

[96] Ibid., Bl. 195, 204. По сравнению с проектом резолюции, внесенным 26 февраля, ряд формулировок был ослаблен (ibid., Bl. 152).

[97] На местных выборах в Берлине, проходивших 23 февраля, независимцы тоже опередили социал-демократов: они получили соответственно 47 и 46 мандатов, все буржуазные партии — 51.

[98] IML — ZPA. Vollzugsrat, Nr. 11/7, Bl. 3. См. также: Die Freiheit, 28.II 1919. Abendausgabe; Die Rote Fahne, 1.III 1919; *Müller R.* Der Bürgerkrieg in Deutschland. Berlin, 1925, S. 152.

[99] Ibid., Bl. 31, 34, 40.

дящиеся в распоряжении правительства, достаточны, чтобы предотвратить новый спартакизм(?)». Правительство «готово объявить войну радикальным элементам» и занято сейчас тем, чтобы предварительно внести раскол в среду рабочих, оторвать независимцев от коммунистов. «Совершенно ясно,— заключал Дей,— что в ближайшие дни произойдет изменение политики правительства» [100].

Военная операция против рабочих Берлина готовилась задолго и обстоятельно. Еще 31 января штаб Лютвица издал так называемый предварительный приказ. Он предусматривал разбивку Берлина на семь секторов, в которые с разных сторон должны были вступить сконцентрированные под городом войска. В центре столицы должны были вначале действовать войска берлинской военной комендатуры — добровольческая бригада Рейнгарда, части «республиканской охраны», так как они, по мнению Носке, были для берлинцев «менее одиозны», чем гвардейские дивизии. Вся операция должна была проходить под видом «обороны» против нападения «спартакистов» [101]. В феврале войска получили многочисленные дополнительные указания, уточнявшие план разгрома берлинских рабочих [102]. Офицеры запаса, студенты, буржуазные сынки организовывали отряды «гражданского ополчения», получали оружие, проходили военную подготовку.

28 февраля военный комендант Берлина Клавунде запретил демонстрации и собрания под открытым небом. На следующий день несколько подразделений «республиканской охраны» были введены в район Вайсензее. В Берлин парадным маршем вступил вернувшийся из Африки корпус генерала Леттов-Форбека; у Бранденбургских ворот ему была устроена торжественная встреча [103].

2 марта военным губернатором Берлина был назначен социал-демократ Шёпфлин, а комендатура ознакомила части гарнизона с секретным приказом Лютвица о плане военных действий [104]. В этот же день «буржуазный совет» Берлина на специальном

---

[100] PPC, v. XII, p. 45—46.
[101] См.: Darstellungen, Bd. VI, S. 81—82; *Fischer A.* Revolutionskommandantur Berlin. Berlin, 1922, S. 78, 81.
[102] См. документы, опубликованные «Die Rote Fahne» (13.IV 1919), а также: *Fischer K.* Die Berliner Abwehrkämpfe 1918/1919. Berlin, 1956, S. 39—40.
[103] Атташе французской военной миссии в Берлине А. Гот рассказал, что французский генерал распорядился, чтобы его офицеры не появлялись в этот день на улицах в мундирах, дабы не возбуждать шовинистических настроений немцев. Американцы же, «выйдя на балкон гостиницы Адлон, решили воздать должное (немецким.— *Я. Д.*) колониальным войскам, которые доставили столько хлопот англичанам. Когда проходил кортеж, раздавшийся свист заставил всех поднять головы. Это были американцы в форме, которые таким способом выражали свое неуместное восхищение». См.: *Got A.* L'Allemagne après la débâcle. Strasbourg, 1920, p. 99.
[104] См.: *Fischer A.* Revolutionskommandantur..., S. 81—82.

заседании принял решение объявить в случае забастовки рабочих «контрзабастовку буржуазии». Как уже показали события в Вильгельмсгафене, Галле, Лейпциге и других городах, «контрзабастовка» была одним из наиболее варварских методов борьбы: врачи должны были отказывать рабочим в медицинской помощи, аптеки — прекратить выдачу лекарств, продовольственные лавки — продажу продуктов питания, почтовые конторы — выдачу пособий и т. п.[105]

3 марта газета «Die Rote Fahne» опубликовала воззвание, подписанное ЦК и берлинским правлением КПГ, коммунистической фракцией рабочего и солдатского Совета, коммунистическими доверенными на предприятиях столицы. Призывая довести до конца дело революции, оно провозглашало: «Долой Эберта, Шейдемана, Носке!», «Долой Национальное собрание!», «Вся власть Советам!». Выдвинув эти общеполитические лозунги в качестве ориентира, воззвание предлагало рабочим прежде всего добиваться осуществления пяти конкретных частичных требований: 1) немедленных выборов на всех предприятиях производственных Советов, которые вместе с рабочими Советами должны осуществлять контроль над производством, чтобы затем взять управление им полностью в свои руки; 2) устранения произвола наемников, восстановления полной свободы союзов и собраний, передачи полицейской власти в руки рабочих Советов; 3) роспуска белогвардейских добровольческих формирований, разоружения офицеров, студентов и буржуазии, образования Красной гвардии; 4) освобождения политзаключенных, создания революционного трибунала для суда над Гогенцоллернами и другими виновниками войны, а также над предателями революции Эбертом, Шейдеманом, Носке, над убийцами Либкнехта и Люксембург; 5) немедленного заключения мира и восстановления дипломатических отношений с Российской Советской республикой [106].

Берлинское правление СДПГ старалось затормозить выступление рабочих, внести дезорганизацию и раскол в их среду. В газете «Vorwärts» оно сообщило, что направило в Веймар для переговоров с правительством специальную делегацию, и потому забастовка вовсе не нужна [107]. Самая влиятельная рабочая партия столицы — НСДПГ — четкой позиции не заняла. Открывшийся накануне в Берлине чрезвычайный съезд партии не принял предложения превратить берлинскую стачку в общегерманскую и создать комитет по руководству ею, а ограничился выражением «самой теплой симпатии» и общим заявлением, что «в настоящий момент политическая забастовка пролетариата является лучшим средством для выражения пролетариатом протеста против

---

[105] Die Freiheit, 3.III 1919. Abendausgabe.
[106] Die Rote Fahne, 3.III 1919.
[107] Vorwärts, 3.III 1919. Morgenausgabe.

контрреволюционного поведения псевдосоциалистического правительства»[108].

Утром 3 марта одно крупное предприятие Берлина за другим включалось в забастовку. Наибольшую активность проявляли металлисты. На заводских собраниях рабочие принимали резолюции о прекращении работы, формулировали требования и выбирали делегации, в которые входили, как правило, коммунисты, независимцы и социал-демократы. Они отправлялись в Дом профсоюзов, где в 10.30 открылось пленарное собрание Советов Берлина. Но в течение полутора часов оно продолжало заниматься вопросами о сроке и процедуре созыва съезда Советов. Лишь в полдень Р. Мюллер объявил о поступлении резолюций и прибытии рабочих делегаций.

Делегаты заводов Сименс-Динамо, АЭГ-Турбина, Лёб-Шарлоттенбург, Шток-Мариенфельде, государственных мастерских Шпандау, Кнорр-бремзе, Сименс-Гальске, литейщиков, рабочих железнодорожных мастерских и др. сообщили о всеобщем и единодушном решении начать забастовку; многие предлагали принять пять требований, опубликованных утром в «Die Rote Fahne». Резолюция заводов Сименса, кроме того, требовала, чтобы собрание Советов само «осуществило руководство движением, сделало, таким образом, возможным *пролетарский единый фронт* и помогло всему рабочему классу добиться успеха»[109].

Однако Мюллер выставил делегации из зала и открыл дискуссию. Хотя собрание Советов было поставлено перед свершившимся фактом начавшейся всеобщей забастовки, оратор немецких демократов высказался против стачки. Его поддержал социал-демократ О. Франк. Заявив, что СДПГ воздержится от голосования, он потребовал проведения тайных первичных голосований на предприятиях. Тем не менее решение о всеобщей забастовке было принято примерно 400 голосами при 120 против и 200 воздержавшихся[110].

Мюллер приложил немало стараний, чтобы ослабить требования, выдвинутые в резолюциях рабочих и воззвании КПГ. Так, он предложил заменить требование «Вся власть Советам!» «признанием рабочих и солдатских Советов». Коммунист Герфурт предостерег, что половинчатость приведет к скольжению по наклонной плоскости: большинство предприятий высказалось за передачу Советам экономической и политической власти, а под «признанием» можно понять и «закрепление в конституции»[111]. Поскольку в голосовании участвовали и противники стачки, Мюллер без труда провел свою формулировку. Вместо Красной гвар-

---

[108] Unabhängige Sozialdemokratische Partei Deutschlands. Protokoll über die Verhandlungen des außerordentlichen Parteitages vom 2. bis. 6. März 1919 in Berlin (далее — USPD-Parteitag). Berlin, [1919], S. 33, 269.
[109] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/13, Bl. 26—30, 61—62.
[110] Ibid., S. 42.
[111] Ibid., Bl. 45—46.

дии речь шла теперь о «революционной рабочей обороне». Добавлено было требование солдат об осуществлении «7 гамбургских пунктов». Требование суда над Эбертом — Шейдеманом — Носке было исключено, а принятое требование о создании революционного трибунала для суда над военными преступниками, убийцами Либкнехта и Люксембург, в опубликованном тексте было опущено [112].

Руководство стачкой Мюллер рекомендовал возложить на Исполком, хотя половину его членов составляли явные противники забастовки. Предложение избрать стачечный комитет непосредственно на собрании Мюллер объявил выражением недоверия ему лично. Тогда коммунисты отказались войти в комитет, заявив что создадут самостоятельный, но для сохранения единства действий хотят обмениться наблюдателями. Когда немецкие демократы вышли из Исполкома, социал-демократы и независимцы приняли решение о кооптации в стачечный комитет дополнительно по 10 членов обеих партий [113].

Коммунисты имели все основания не доверять социал-демократам, которые не скрывали своего враждебного отношения к начавшейся стачке и еще накануне нее вступили в прямые переговоры с тем самым правительством, против которого была направлена стачка. Однако созданный КПГ особый центр не мог самостоятельно руководить всеобщей забастовкой, и эта позиция партии не была понята широкими кругами берлинского пролетариата. Дело осложнялось тем, что вечером 3 марта солдаты Рейнгарда ворвались в редакцию и типографию газеты «Die Rote Fahne» и учинили там погром; газета перестала выходить [114].

4 марта в связи с забастовкой печатников не вышли и газеты независимцев, появился только «Информационный листок забастовочного комитета» (редакторы Э. Деймиг и Эрвин Барт). Но после выхода одного номера Носке заявил, что в нем нет необходимости, и приказал разбить отливки [115]. Зато все буржуазные газеты и «Vorwärts» вышли, как ни в чем не бывало. Притом последняя прямо заявила, что всеобщая забастовка объявлена против воли социал-демократов, и призвала к ее саботажу. Коммунисты, заклеймив такое штрейкбрехерство, требовали продолжения забастовки. На пленарном собрании Советов предложение обеспечить выход революционной прессы (КПГ и НСДПГ) и запретить контрреволюционную не было принято. Незначительным большинством (289 против 284 голосов) было решено направить в Веймар делегацию для передачи правительству требований бастующих [116].

---

[112] Ibid., Bl. 47—49. См. также: IML — ZPA. Vollzugsrat, Nr. 11/7, Bl. 50—51; Dokumente und Materialien, Bd. 3, S. 115—116.
[113] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/13, Bl. 51—55.
[114] Ibid., Bl. 67. Собрание 4 марта 1919 г.
[115] Ibid., Bl. 86.
[116] Ibid., Bl. 63—64, 67—69, 70—71, 77.

В то время как руководители стачки проявляли нерешительность, правительство приступило к реализации заранее разработанной диспозиции. Хотя забастовка началась мирно и спокойно, прусский кабинет уже 3 марта объявил в Берлине осадное положение и вручил Носке исполнительную власть. Тот немедленно запретил в городе и округе все собрания и демонстрации, о чем было сообщено в расклеенном на улицах приказе за подписями всех членов прусского правительства. Создавались военные суды, по всему городу патрулировали усиленные наряды войск комендатуры, вызывая возмущение рабочих и провоцируя столкновения. Командование Лютвица получило приказ о введении войск в Берлин [117].

Положение становилось напряженным. Уже 3 марта в центре города имели место стычки. Толпы народа собирались на Александерплац и на центральных улицах. Один из солдат республиканской охраны, пытавшейся очистить площадь, был убит. В нападениях на полицейские участки, возможно, участвовали провокаторы [118]. Ночью были совершены грабительские налеты на крупные универмаги. 4 марта число людей на улицах и площадях увеличилось, столкновения в районе Александерплац и полицей-президиума усилились. В телефонограмме капитана правительственных войск Маркса говорилось даже, что «между Шпрее и Алексом идут бои, носящие довольно кровопролитный характер» [119]. В донесении из здания полицей-президиума речь шла о критическом положении ввиду «штурма спартакистов» [120].

В действительности ни о каком выступлении «спартаковцев» не могло быть и речи. Руководители КПГ неоднократно предостерегали рабочих: «Не позволяйте толкнуть себя на путь военных путчей... Остерегайтесь провокаторов и путчистов!», «Не вступайте в бессмысленные перестрелки, которых только ждет Носке, чтобы пролить новую кровь. Оставайтесь вместе на предприятиях, чтобы в любой момент быть дееспособными!» [121] На заседании Исполкома вечером 3 марта независимцы Вегман, Нейман, Мальцан, Вендт и даже Мюллер решительно отрицали ответственность коммунистов за беспорядки. Ешке указал, что «добровольческие отряды» ищут предлога, чтобы напасть на рабочих, что «гвардия Носке нас опередила» и социал-демократам следует видеть опасность справа, а не слева [122]. Пленарное собрание Советов 4 марта по предложению коммунистов «со всей решительностью высказалось против объявления осадного поло-

---

[117] Darstellungen, Bd. VI, S. 83.

[118] Об этом говорил на заседании прусского ландтага лидер независимцев А. Гофман. См.: Die Berliner Putsche. Standrecht und Belagerungszustand. Stenographische Berichte, 14., 15., 17. und 19. März. Berlin, 1919, S. 37—38

[119] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 514.

[120] Ibid., Bl. 517.

[121] См.: Die Rote Fahne, 4.III 1919.

[122] IML — ZPA. Vollzugsrat, Nr. 11/7, Bl. 66—69.

жения», направленного явно против рабочих, и потребовало его немедленной отмены [123].

Утром 4 марта значительные силы гвардейской кавалерийской (стрелковой) дивизии достигли города и окружили вторым кольцом уже занятые войсками комендатуры правительственные кварталы. Вслед за гвардейской дивизией в город вступили: 31-я стрелковая дивизия, корпус генерала фон Гюльзена, соединение Невиля из Котбуса и другие части. В «операции» участвовало более 40 тыс. войск, не считая частей комендатуры [124]. Днем подразделения бригады Рейнгарда, занимавшие здание полицей-президиума, выпустили против рабочих, собравшихся на Александерплац, броневики и расстреляли безоружных демонстрантов из пулеметов. Столкновения войск с рабочими произошли и в районе Бюловплац. В этот же день войска Гюльзена, заняв район Шпандау, приступили к разоружению «ненадежного» саперного батальона и разогнали рабочих, собравшихся у ратуши [125].

Как заявил на пленарном собрании Советов 5 марта лидер коммунистической фракции Герфурт, накануне 13 человек было убито, 28 тяжело и 9 легко ранено. «Я утверждаю,— продолжал он,— что лишь правительственные войска будоражат население и совершают преступления». КПГ не считает целью данной забастовки завоевание политической власти и свержение правительства Эберта — Шейдемана; путь к социализму ведет только через укрепление системы Советов, и партия решительно отвергает путчистскую тактику. Герфурт протестовал против продолжавшихся арестов коммунистических деятелей. Коммунист Берге разоблачил провокаторов комендатуры, засланных в организацию, чтобы толкнуть ее на вооруженные действия [126].

На собрании проявилось растущее недовольство позицией руководства социал-демократии. Выступавшие опровергли ложные сообщения буржуазной прессы и газеты «Vorwärts», отрицавших участие в забастовке 26 тыс. железнодорожников. Социал-демократ Клибур прямо обвинил руководителей своей фракции в измене, поскольку они призвали оказывать стачке пассивное сопротивление, и заявил о выходе из партии. Фракции пришлось дать заверение, что она не намерена саботировать стачку и отмежевывается от сообщений газеты «Vorwärts» [127]. О твердом намерении самых широких слоев рабочего класса продолжать начатую борьбу свидетельствовало желание деятелей берлинской комиссии профсоюзов и организации синдикалистов присоединиться к руководству забастовкой. Мюллер, не устававший замазывать противоречия и призывать к «терпимости», признал, что рабочие глубоко возмущены военными мерами правительства и требуют, чтобы

---

[123] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/13, Bl. 83.
[124] Darstellungen, Bd. VI, S. 80—81.
[125] Ibid., S. 83; IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 531.
[126] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/13, Bl. 103—105, 110.
[127] Ibid., Bl. 94—95, 99.

стачка распространилась на весь транспорт, на подачу электроэнергии, газа и воды [128].

5 марта жители столицы снова заполнили Александерплац и прилегающие улицы центра. Против них были брошены подразделения гарнизона. Поначалу 800 матросов из Народной морской дивизии с двумя броневиками пытались очистить площадь, но вскоре сами были обстреляны из здания полицей-президиума, куда ночью были введены «добровольцы» Лютцова, поскольку (по официальный версии) один из полков гарнизона заявил, что «не хочет принимать участия в наступлении на нарушителей спокойствия» [129]. Вскоре последовали и другие стычки матросов с гвардейцами.

Многие говорили тогда и позже о «недоразумении», но то, что столкновения быстро переросли в ожесточенные вооруженные бои, не было неожиданностью ни для одной из сторон [130]. Ведь первой задачей карателей Носке было разоружение «ненадежных» частей гарнизона — «республиканской солдатской охраны» и включенных в нее после январских боев остатков Народной морской дивизии. Хотя эти части только что действовали против рабочих, солидарность в борьбе против белогвардейцев, провоцировавших бои, стихийно объединила революционных рабочих с выступившими против карателей солдатами и матросами. Буржуазная пресса немедленно назвала это «спартаковским восстанием», а донесения комендатуры, полицей-президиума, штаба Лютвица запестрели сообщениями, часто преувеличенными, о боях между «спартаковцами» и правительственными войсками [131].

Днем матросы, поддержанные рабочими, попытались взять здание полицей-президиума штурмом, но были отброшены. Рабочие на Штраусбергерплац, Нойе Фридрихштрассе и других магистралях центра стали сооружать баррикады. По некоторым данным в этом районе было убито 78 человек, среди них женщины и дети [132]. В ночь на 6 марта перестрелка продолжалась. Утром против матросов и рабочих была двинута гвардейская дивизия, развернувшая наступление с трех сторон. Три самолета вели разведку пулеметных и артиллерийских позиций, сбросили несколько бомб. В районе Александерплац войска использовали также легкую и тяжелую артиллерию, в том числе мины весом в два центнера, оставлявшие воронки до 6—7 метров глубиной.

---

[128] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/13, Bl. 89—91, 106—107, 111; IML — ZPA, Nr. 11/7, Bd. 99, 102.

[129] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 517.

[130] См. об этом: *Шелике В. Ф.* Начало мартовских боев 1919 г. в Берлине.— В кн.: Ноябрьская революция в Германии. М., 1960; *Она же.* Всеобщая забастовка 3—8 марта 1919 года в Берлине.— Киргизский государственный заочный педагогический институт. Ученые записки. Фрунзе, 1957, вып. 3; *Она же.* Подавление вооруженного восстания в Берлине в марте 1919 г.— Там же, 1959, вып. 4.

[131] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 517, 523, 524, 525, 533, 534.

[132] Ibid., Vollversammlungen, Nr. 11/13, Bl. 123.

После артиллерийского обстрела и подрыва ворот войска карателей ворвались в манеж, где завязались ожесточенные рукопашные схватки с матросами и рабочими. Казармы Народной морской дивизии были заняты без боя, те части «республиканской охраны», которые отказались стрелять в рабочих, были разоружены. Морская бригада Родена овладела гимназией на Элизабетштрассе. Еще на следующий день в центре города имели место отдельные стычки, войска проводили обыски, хватали «подозрительных», расстреливали их на месте [133]. Американский разведчик Томас М. Джонсон впоследствии хвастливо сообщал о роли американской военной миссии в расправе над рабочими. «Солдаты Носке,— писал он,— могли подавить мятеж на Александерплац, безжалостно расстреливая многочисленных красных, спрятавшихся в подвалах, благодаря сведениям, которые дал Носке американский штаб, помещавшийся в отеле Адлон» [134].

Между тем забастовка продолжала шириться. В нее включились многие мелкие предприятия, полностью прекратил работу транспорт, не вышли газеты. Бастовало свыше миллиона трудящихся. Собрание Берлинского Совета днем 6 марта протекало особенно бурно. Независимец Фишер протестовал против разоружения «республиканской солдатской охраны» и моряков: «Разве должны наши братья,— говорил он,— которые до сих пор одни заботились о спокойствии и порядке, быть перебиты молодыми наемниками?.. Почему нападают на нашу солдатскую охрану? Причина совершенно ясна: пока мы опираемся еще на эту силу, мы не поставлены вне закона. Когда же нас лишат этого оружия, поверьте мне, мы не будем заседать здесь дольше 5 минут» [135].

Коммунистическая фракция предложила, чтобы рабочий и солдатский Совет «принял на себя верховное командование всеми войсками Большого Берлина. Командные права добровольческих формирований должны быть отменены» [136]. Выступая с обоснованием этой резолюции, Герфурт подчеркнул, что если такое решение не будет принято, то через 2—3 дня все части, не относящиеся к «добровольческим корпусам», будут разоружены или уничтожены в боях, и судьба рабочих Советов будет тем самым решена. Не следует бояться бросить перчатку правительственным войскам, иначе «части, еще стоящие на почве революционных завоеваний, будут так обескуражены, что через несколько дней они вообще уже не смогут охранять нашу жизнь и наши права». Революционные части, ведущие бои, требуют, чтобы мы ясно заяви-

---

[133] *Müller R.* Der Bürgerkrieg..., S. 173—174; *Fischer A.* Revolutionskommandantur..., S. 85; Darstellungen, Bd. VI, S. 83—85; *Lindau R.* Revolutionäre Kämpfe 1918—1919. Berlin, 1960, S. 136.

[134] *Джонсон Т. М.* Американская разведка во время мировой войны. М., 1938, с. 190.

[135] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/13, Bl. 121.

[136] Ibid., Bl. 123.

ли, что «трудящиеся стоят за ними и с самой полной симпатией относятся к их борьбе против добровольческих соединений, что они клеймят это кровопролитие». Коммунисты предложили также заклеймить осадное положение, применение против безоружных стачечников оружия, броневиков и танков, подавление революционной прессы. Немедленно надо прервать начатые переговоры с «противником, который приставил к нашей груди пистолет»[137].

Независимец Зелигер подчеркнул, что «насилию можно противопоставить только насилие. Если Носке не прекратит насилия своих войск, мы должны будем прибегнуть к крайним средствам»[138]. Из выступления члена военной комиссии Альбрехта, хотя оно было уклончивым, стало ясно, что Носке и его советник майор Гильза не намерены приостановить наступление карательных войск Лютвица. Независимец Нейман сообщил, что социал-демократическая фракция еще накануне приняла решение удовлетвориться обещаниями правительства и выйти из стачечного комитета. Он предложил, чтобы «пленарное собрание объявило усиленную генеральную забастовку». Фракция НСДПГ внесла резолюцию о прекращении подачи газа, воды и электроэнергии.

Мюллер и на этот раз изо всех сил старался помешать усилению стачки. Предложение о немедленном формировании революционной Красной гвардии было по его настоянию отклонено, как повторение выдвинутого раньше, хотя для его реализации ничего не было сделано (Мюллер сказал буквально следующее: «У нас, возможно, найдутся рабочие, но нет оружия и одежды»). Предложение о принятии на себя Исполкомом Советов командной власти он назвал потому «излишним», что «нельзя взять командную власть, когда не имеешь войск». С подобным же комментарием была отвергнута и резолюция о разрыве переговоров с правительством. Однако сорвать принятие резолюции о прекращении подачи газа, воды и электроэнергии не удалось и опытному демагогу — за нее проголосовало подавляющее большинство. Социал-демократы немедленно воспользовались этим решением собрания, чтобы открыто заявить о своем отказе от участия в забастовке и о выходе из стачечного комитета. По команде они (хотя и не все) покинули зал заседаний. Тогда и Мюллер объявил, что слагает с себя полномочия[139]. Комитет был взорван.

На заседании Исполкома вечером 6 марта полная растерянность руководителей достигла апогея, хотя на помощь социал-демократам прибыли представители Центрального Совета, а независимцам — Э. Деймиг. Собственно, социал-демократы добились главного — срыва стачки и хотели лишь «сохранить лицо». Деймиг же, призывая «не выпускать вожжей из рук», подготавливал компромиссный выход[140]. Стачечный комитет более не суще-

---

[137] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/13, Bl. 124—125, 135—136.
[138] Ibid., Bl. 129.
[139] Ibid., Bl. 142—145.
[140] Ibid., Vollzugsrat, Nr. 11/7, Bl. 127—129.

ствовал, а Исполком во главе с Мюллером стал обсуждать результаты переговоров в Веймаре.

Соглашение, заключенное правительством не с комиссией Совета, а с делегацией берлинских правых социал-демократов, открывалось перечислением «уже закрепленных Национальным собранием демократических завоеваний». Злой насмешкой звучали здесь слова о свободе собраний и печати, когда войска расстреливали безоружных демонстрантов, а Носке дал приказ об аресте всех редакторов «Die Rote Fahne» и вскоре запретил газеты независимцев «Die Freiheit» и «Republik». «Уступки» правительства сводились к обещанию, что «рабочие Советы, как представительства экономических интересов, признаются в принципе и будут закреплены конституцией», что будет разработано новое трудовое право и ускорено начало «социализации». Правительство обещало также отменить военные суды и улучшить дело продовольственного снабжения [141].

На пленарном собрании Советов 7 марта участник переговоров в Веймаре независимец Мальцан признал, что уступки правительства — лишь «продукт страха и нужды». Потребовалось ораторское искусство Деймига, чтобы в итоге многочасового собрания провести «при большом волнении» участников внесенную им резолюцию о прекращении стачки на условиях: не применять репрессий к участникам, освободить арестованных, вывести войска с предприятий, удалить добровольцев из Берлина, отменить осадное положение и военные суды [142].

Но скольжение по наклонной плоскости только началось. Несколько часов спустя Мюллер заявил на заседании Исполкома, что выполнение последних двух требований — а ведь из-за них шла вооруженная борьба! — «не обязательно необходимо» [143]. Переговоры с Носке ничего не дали. Социал-демократическая фракция в расклеенном по городу красном воззвании и в листовках призывала прекратить стачку. Это же предлагало желтое обращение комиссии профсоюзов. Хотя условия не были приняты, большинство участников пленарного собрания Советов 8 марта днем высказались за предложение независимцев о прекращении забастовки. Значительное меньшинство голосовало за продолжение стачки до отвода «добровольческих корпусов». Коммунисты имели все основания заявить, что причиной ее провала явились: «позорное предательство СДПГ», «трусость руководителей НСДПГ и их склонность к компромиссу» [144].

Несмотря на прекращение стачки, навязанные рабочим бои продолжались. Они переместились на окраины Берлина, где рабочие наспех вооружались, создавали дружины, строили баррикады и старались задержать наступавшие из центра банды белогвар-

[141] Vorwärts, 5.III 1919. Abendausgabe.
[142] IML — ZPA, Vollversammlungen, Nr. 11/13, Bl. 151, 186.
[143] IML — ZPA. Vollzugsrat, Nr. 11/7, Bl. 121.
[144] Ibid., Vollversammlungen, Nr. 11/13, Bl. 193—194, 210—211.

дейских наемников, применявших тяжелые гаубицы и гранатометы, танки и авиацию[145]. Особенно упорное сопротивление оказывали рабочие оружейных заводов в Шпандау, завода Рибе в Вайсензее, АЭГ в Хеннигсдорфе, «Даймлер» в Мариендорфе[146]. Для поднятия «морального духа» карателей солдатам стали дополнительно выдавать за каждый день боев по две марки и повышенный паек. Семьям погибших или пропавших без вести солдат гвардейская дивизия выплачивала по тысяче марок, тяжелораненым — по 800 марок.

Буржуазные и социал-демократические газеты распространяли самые дикие вымыслы о будто бы созданных спартаковцами укрепленных позициях и «крепостях», а особенно о «зверствах спартаковцев». Так, 9 марта газета «Berliner Zeitung am Mittag» сообщила, ссылаясь на официальное уведомление военных органов, о «зверском убийстве спартакистами» 67 полицейских в Берлине — Лихтенберге. На следующий день газеты писали уже о «150 жертвах терроризма», приводились «показания очевидцев» и т. п. Только спустя несколько дней «Vorwärts» и другие газеты вынуждены были признать, что это сообщение было вымышленным от начала до конца. Но цель, поставленная его авторами, была достигнута. Ссылаясь на него, Носке издал 9 марта приказ о расстреле на месте всех, задержанных с оружием в руках. Когда несколько дней спустя он сделал сообщение о своем приказе («подписанном с тяжелым чувством») в Национальном собрании, ответом было «бурное одобрение на скамьях правительственных и правых партий»[147].

В развитие приказа Носке командир гвардейской кавалерийской (стрелковой) дивизии генерал фон Гофман издал 10 марта приказ № 20 950. Не ограничиваясь указанием расстреливать на месте всех, задержанных с оружием в руках, приказ предписывал: «Из домов, из которых велась стрельба по войскам, должны выводиться на улицу все жители, независимо от того, признают они свою вину или нет. В их отсутствие в квартирах должны быть произведены обыски. Подозрительные лица, у которых действительно будет найдено оружие, должны быть расстреляны»[148].

Действие этого приказа не замедлило проявиться в кровавых расправах над рабочими и матросами. 11 марта около 300 матросов из Народной морской дивизии собрались в здании на Францёзише штрассе, чтобы получить причитавшееся им денежное содержание. Здесь им устроили ловушку. Безоружные матросы

---

[145] Darstellungen, Bd. VI, S. 83. При хорошей погоде в среднем действовали ежедневно от 12 до 15 самолетов (*Könnemann E.* Einwohnerwehren..., S. 114).

[146] Darstellungen, Bd. VI, S. 83. Здесь говорится о 15 тысячах вооруженных рабочих, моряков и солдат некоторых подразделений «республиканской охраны», но эта цифра сильно преувеличена.

[147] VDNV, Bd. 327, S. 742. Заседание 13 марта 1919 г.

[148] См.: Der Syndikalist, 22.III 1919; VDNV, Bd. 327, S. 844. Заседание 22 марта 1919 г. Речь Гаазе.

были окружены солдатами и арестованы. 29 из них по распоряжению лейтенанта Марло тут же во дворе расстреляли [149]. В эти же дни белогвардейские бандиты убили 34 рабочих в Кёпенике и совершили множество других кровавых преступлений.

Коммунистическая партия понесла новую тяжелую утрату. 10 марта в Моабитской тюрьме криминальным комиссаром Тамшиком был убит «при попытке к бегству» арестованный накануне один из создателей и руководителей КПГ Лео Иогихес.

12 марта на общем собрании Советов Берлина обсуждался вопрос о продолжавшихся переговорах с офицерами штаба Носке. Независимец Мальцан рассказал, что майоры Гаммерштейн и Гильза в ответ на жалобу о бесчинствах правительственных войск заявили: «На сей раз мы доведем дело до конца, мы разгромим всех; нам совершенно безразлично, если при этом пострадают и невинные». Майор Гаммерштейн дал понять, что он «хотел бы, даже если бы все было спокойно, продолжать истребление революционных радикальных элементов. Сложилось впечатление, что хотят устроить погромы (реплика: делают ежечасно)». Эти люди заинтересованы в том, чтобы войска подольше оставались в столице, ибо это доказывает необходимость иметь более многочисленную армию [150].

Независимец П. Вегман сообщил, что комиссия Исполкома установила ложность известий о расстреле полицейских в Лихтенберге. Рабочие — не «спартаковцы», а в большинстве социал-демократы,— продолжают здесь оказывать сопротивление, требуя отвода правительственных войск, которые варварски обстреливают жилые кварталы и чинят насилия над мирным населением. Когда обер-бургомистр Лихтенберга Цитен обратился к Носке с просьбой о перемирии, гарантируя поддержание порядка, если обстрел прекратится и войска отойдут, тот заявил посланцу: «Не может быть никаких условий, только безусловная сдача». А в штабе Лютвица, в отеле Эден, был дан ответ: «9 ноября мы закрывали глаза, теперь же пощады больше не будет» [151].

Коммунист Герфурт подчеркнул, что ответственность за убийства лежит на Носке, а ложные сообщения фабрикуются в отеле Эден, чтобы создать предлог и ширму для разнузданных акций военщины. Участвующие в боях революционные рабочие — члены разных партий, а в Лихтенберге с ними солидарны и буржуазные демократы. Едва он успел сказать, что провокаторы из отеля Эден намерены так подавить берлинских рабочих, чтобы они долго не могли оправиться, как в зал заседаний ворвались солдаты Носке и заняли все выходы. В течение нескольких

---

[149] Об обстоятельствах этого преступления и об оправдании убийц судом Веймарской республики см.: *Gumbel J.* Vier Jahre politischer Mord. Berlin, 1922, S. 17—29; *Kaul F.* Justiz wird zum Verbrechen. Berlin, 1953, S. 31—37.

[150] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/13, Bl. 217—219.

[151] Ibid., Bl. 221—226.

часов они терроризировали пленум и покинули зал только после того как специально посланная к Носке делегация выяснила «недоразумение»[152].

В эти же часы войска продолжали концентрическое наступление на район Лихтенберг. С трех сторон наступали части Рёдера, Гюльзена, Овена, Эрхардта и другие; бригада Рейнгарда прошла через север Берлина, чтобы отрезать район от центра[153]. Сопротивление героических защитников было в конце концов сломлено. Началась кровавая расправа.

Английский «наблюдатель» майор Берти в своем донесении писал, что правительственные войска насчитывали 15 тыс. штыков в гвардейских частях и 6 тыс. в бригаде Рейнгарда. «Применявшаяся тактика,— писал он,— вкратце следующая: район, занятый спартаковцами, атаковывался с трех сторон, артиллерия и гранатометы использовались для обстрела зданий... Применялись также танки, аэропланы для разведки и колючая проволока для закрепления захваченных позиций. Атакованный район на следующий день очищался от противника». О том, как проводилось это «очищение», позволяет судить следующее заявление английского майора. Указывая, что потери революционных рабочих составили, как он слышал, около 1000 человек убитыми, майор Берти заметил, что это были главным образом «расстрелянные за то, что имели оружие вопреки приказам». Он писал также: «Ущерб, причиненный артиллерией и гранатометами, был значительным и, я должен сказать, не всецело необходимым»[154].

Жестокость карателей, превзошедшая все, что было до того в ходе германской революции, была, видимо, продиктована желанием «преподать урок» революционным рабочим. По словам Носке, подтвержденным официальными военными историографами, в мартовские дни в Берлине было убито не менее 1200 «бунтовщиков». Потери правительственных войск были исчислены в 75 убитых (в том числе 6 офицеров), 38 пропавших без вести, 150 раненых[155]. Несколько тысяч человек были брошены в тюрьмы. Независимец Мальцан, посланный Берлинским Исполкомом для выяснения судьбы арестованных, докладывал, что «положение ужасно. Речь идет примерно о 1600 арестантах», причем на многих не составлен даже протокол; камеры переполнены, «еду не станут есть и свиньи»[156].

Полковник Рейнгард вспоминал впоследствии, что в Моабитской тюрьме находилось «неслыханное число — 4500 человек. В некоторых одиночных камерах сидели по семь человек, кото-

---

[152] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/13, Bl. 234—238, 256.
[153] *Reinhard W.* 1918/1919. Die Wehen der Republik. Berlin, 1933, S. 103—104; Darstellungen, Bd. VI, S. 97—98.
[154] Reports, p. 13—14. Доклад майора А. Берти.
[155] Darstellungen, Bd. VI, S. 102—103.
[156] IML — ZPA. Vollzugsrat, Nr. 11/7, Bl. 198—199. Заседание 14 марта 1919 г.

рые из-за тесноты едва могли двигаться, пока я не отказался принимать новых пленных, а заполнил... тюрьму Моабитского уголовного суда и тюрьму Плётцензее». Немало заключенных было при этом застрелено охраной [157]. Внесенное 14 марта независимцами в прусском ландтаге предложение о снятии в Берлине осадного положения было отклонено [158].

Тяжелое поражение рабочих столицы, отозвавшееся по всей стране, имело причиной прежде всего отсутствие единства среди рабочих и целеустремленного революционного руководства. Социал-демократические лидеры с самого начала саботировали стачку, а их участие в руководящем органе лишь помогло им дезорганизовать борьбу. Колебания вождей независимцев, в том числе противодействие солидарным действиям рабочих с солдатами «республиканской охраны» и матросами, отказ от формирования Красной гвардии, участие в переговорах с правительством и Носке, предопределили капитуляцию перед грубой силой.

Коммунистическая партия впервые выступила самостоятельно как истинный выразитель революционных требований рабочих масс. Но для роли вождя и организатора борьбы у нее не хватило ни сил, ни опыта. Лозунг «Долой правительство Эберта — Шейдемана — Носке!» плохо вязался с разъяснениями, что целью данной забастовки не является свержение правительства и завоевание политической власти. Уход коммунистов из стачечного комитета затруднил объединение разнородных участников борьбы, скорее помешал, чем помог преодолению разлагающего влияния оппортунистических вождей.

«Социализация пришла!»

Февральско-мартовские стачки и бои, как отмечала К. Цеткин, поднялись над уровнем обычной экономической борьбы за повышение заработной платы и улучшение условий труда. У них была «общая ось кристаллизации воли»: «социализация, права Советов, власть Советов — таковы лозунги движения». Поэтому «правящие и парламентаризирующие хранители буржуазного строя утратили свою самоуверенность. Рассчитывая на революционную незрелость масс, они сделали уступки на словах. Появляются гигантские плакаты лживой политической распродажи: «Социализация марширует!» и «Социализация пришла!»» [159]

Правительственное воззвание под широковещательным заглавием: «Социализация марширует!» появилось 1 марта. В нем говорилось, что правительство только тем и озабочено, как бы поскорее завершить создание демократической конституции, что оно работает также над подготовкой «свода законов о хозяйственной

[157] *Reinhard W.* Die Wehen der Repbulik, S. 94.
[158] Berliner Putsche, S. 182—183.
[159] *Zetkin C.* Ausgewählte Reden und Schriften, Bd. II. Berlin, 1960, S. 153.

демократии» и готовится провести социализацию созревших отраслей производства. Обещания создать систему производственных Советов и «конституционную фабрику» сопровождались, однако, неприкрытой угрозой, что любые «дикие попытки социализации» будут сурово подавляться.

Публикуя воззвание, социал-демократическая газета с пафосом возвещала: «Должен быть положен конец эксплуатации человека человеком! Социализация должна стать средством на пути к этой цели!»[160] С другой стороны, газета НСДПГ назвала это воззвание «программой беспомощности»[161], а орган КПГ заметил, что, видимо, бронированного кулака против стачечников мало и шейдемановцы пускают в ход еще и ложь: «В действительности эта социализация — лишь государственный капитализм. Это такая «социализация», как ее понимают Ратенау, Пайер, Грёбер и Эрцбергер. Эта социализация — наглый обман»[162]. Но ложь, как известно, чтобы выглядеть похожей на правду, должна быть большой. Руководствуясь этим правилом, правительство спустя два-три дня распорядилось расклеить повсюду красочные плакаты и распространить десятки тысяч листовок. В них оно торжественно возвещало: «Социализация уже пришла!» В Национальное собрание внесены были два законопроекта: «О социализации» и «О регулировании угольного хозяйства». Именно это должно было означать, что социализация не где-то «на марше», а уже пришла: «Угольный синдикат будет немедленно социализирован... Общий закон о социализации... учреждает на место бывшего неограниченного частного хозяйства немецкое общественное хозяйство. Империя, т. е. все мы, регулирует это общественное хозяйство. Империя будет заботиться о том, чтобы повсюду хозяйство велось в интересах общества, нигде в интересах частных капиталистов. А это и есть социализм!»[163]

Столь магическое и стремительное превращение капитализма в «социализм» выглядело тем более неожиданным[164], что не только правительство «веймарской коалиции», а и его «чисто социалистические» предшественники всегда избегали сколько-нибудь заметной активности в этом направлении. В созданную еще в начале декабря 1918 г. «комиссию по социализации» во главе с К. Каутским были включены видные социал-демократические теоретики, из которых «левыми» считались Р. Гильфердинг и К. Баллод, а правыми — Г. Кунов и профсоюзные деятели О. Гуэ и П. Умбрейт. Входили в комиссию также буржуазные экономисты Р. Вильбрандт, Р. Франке, Э. Ледерер, И. Шумпетер, представитель монополистов, бывший директор военно-металлического

---

[160] Vorwärts, 2.III 1919.
[161] Die Freiheit, 2.III 1919.
[162] Die Rote Fahne, 3.III 1919.
[163] Dokumente und Materialien, Bd. 3, S. 294.
[164] Даже член Центрального Совета Г. Струве заметил, что «появление ныне плакатов смешно» (Zentralrat, S. 752).

общества Т. Фогельштейн. Но деятельность даже такой «ученой» комиссии с самого начала натолкнулась на противодействие не только влиятельных монополистических кругов, не желавших слышать ни о какой «социализации» а и социал-демократических правителей, прежде всего А. Мюллера, статс-секретаря ведомства экономики [165].

В начале января 1919 г., когда развернулись классовые бои, комиссия по социализации под влиянием Каутского и Гильфердинга рекомендовала правительству принять «Декларацию о национализации минеральных ресурсов». Это был образец чисто *капиталистической национализации*, не имевший ничего общего с социализмом. Подготовленный Ледерером проект предусматривал выплату собственникам полного возмещения, так что страж монополистов Фогельштейн представил суть его так: «Государство берет горные предприятия в свою собственность и тотчас возвращает их прежним собственникам как бы в долг на определенных условиях» [166].

Не удивительно, что самая могущественная группа монополистов, в которую входили рейнско-вестфальские магнаты угля, железа и стали — Г. Стиннес, А. Тиссен, Г. Крупп, П. Клёкнер, Э. Кирдорф, О. Вольф, К. Ганиэль,— была противником любого государственного вмешательства. Она стремилась максимально сохранить прежние позиции «хозяина в собственном доме», хотя и согласилась действовать совместно с правыми лидерами профсоюзов в рамках «делового содружества» [167]. Приглашенный 8 января на заседание комиссии по социализации в качестве «эксперта» Стиннес решительно возражал против «огосударствления на Руре». Он утверждал, что рабочие станут трудиться хуже, творческая инициатива инженеров и предпринимателей заглохнет, технический прогресс замедлится, бюрократизм усилится. Думая не только о сохранении, но и о расширении собственной «империи», Стиннес выступал за восстановление свободной конкуренции. «Война,— говорил он,— принесла такие бесконечные сдвиги, что нужно непременно позаботиться о том, чтобы на некоторое время снять все баррикады и чтобы мы могли приспособиться к новым условиям, при которых нам придется жить. Я придерживаюсь мнения, что Угольный синдикат должен пасть, синдикаты побочных продуктов должны пасть, как должно пасть все жалкое принудительное хозяйство» [168].

Близких взглядов придерживался и глава ведомства демобилизации И. Кёт, хотя действовал не столь прямолинейно. Он объявил своей главной задачей «сохранение экономической жизни во

[165] См.: Ноябрьская революция, с. 207—210, 270—271.
[166] ZStA Potsdam. Sozialisierungskommission, Nr. 61/1, Bl. 22.
[167] См.: Ноябрьская революция, с. 115—116.
[168] Verhandlungen der Sozialisierungskommission über den Kohlenbergbau im Jahre 1918/1919. Berlin, 1919, S. 211—219; ZStA Potsdam. Sozialisierungskommission, Nr. 61/1, Bl. 22; Nr. 62, Bl. 28—30.

время экономической демобилизации». Это означало, по его мнению, прежде всего сохранение существующей экономической системы. Правда, позднее он говорил, что исходил «не из принципиальных возражений против социалистической системы», а считал, что всякое серьезное изменение «в условиях кризиса должно было ускорить крушение всего хозяйства». Хотя ведомству были представлены диктаторские полномочия, оно придерживалось «политики лавирования»: размещало государственные заказы, ввело пособия по безработице (для того, заметил сам Кёт, чтобы «из легкомыслия не дать пищи революционному движению») [169]. Но фактически именно ведомство Кёта внесло решающий вклад в постепенное осуществление программы Стиннеса — Фёглера, предусматривавшей отмену максимальных цен, снятие ограничений экспорта и вообще — ликвидацию «принудительного хозяйства» [170].

Представители другой монополистической группы, охватывавшей электропромышленность, химию и машиностроение, прежде всего К. Дуисберг, В. Ратенау, К. Сименс, занимали более гибкую позицию как в вопросах общеполитического курса, так и в области экономических отношений. Далеко не все ее участники разделяли взгляды В. Ратенау, именовавшего свои государственно-капиталистические проекты даже «синдикатным социализмом». Но все выступали за сохранение организаций военной экономики и их постепенное приспособление к мирным условиям. Они тоже имели влиятельных сторонников в ведомстве экономики, где заместителем А. Мюллера был бывший сотрудник военно-сырьевого отдела В. фон Мёллендорф, близкий к В. Ратенау. В записке о военных обществах А. Мюллер писал, что нельзя и думать о «внезапном отказе от всех государственных экономических организаций», ибо «было бы крайне опасно допустить между военной экономикой и будущей общественной экономикой междуцарствие так называемой экономической свободы» [171].

По этому вопросу точка зрения ведомства экономики и комиссии по социализации совпадала. Последняя тоже считала, что, несмотря на недостатки, присущие военно-экономическим организациям, они «являются хорошим исходным пунктом для планируемой рационализации отдельных отраслей производства! Если капиталистический интерес активно стремится к разрушению этих организаций, то народнохозяйственный интерес требует их сохранения...» [172]. Но едва был затронут — хотя бы в самой скромной форме — вопрос о *собственности*, как все правительст-

---

[169] *Koeth J.* Die wirtschaftliche Demobilmachung. Ihre Aufgaben und ihre Organe.— In: Handbuch der Politik IV. Berlin/Leipzig, 1921, S. 164—167.

[170] См.: *Feldman G.* Wirtschafts- und sozialpolitische Probleme der Deutschen Demobilmachung 1918/19.— In: Industrielles System und politische Entwicklung in der Weimarer Republik. Düsseldorf, 1974, S. 619, 624, 630.

[171] ZStA Potsdam. Reichskanzlei, Nr. 2500, Bl. 54. Записка от 11 января 1919 г.

[172] ZStA Potsdam. Sozialisierungskommission, Nr. 2, Bl. 54. Записка от 1 января 1919 г.

венные органы и учреждения единодушно поднялись против «возмутителей спокойствия».

Так случилось, когда представленный комиссией по социализации проект «Декларации о национализации минеральных ресурсов» был поставлен 10 января на обсуждение кабинета, собравшегося вместе с членами прусского правительства, представителями ведомства экономики и Центрального Совета. Тщетными были все заверения Каутского, что «формулировка всего проекта очень осторожна. Это лишь демонстрация, но она необходима, ибо в Рурской области рабочие говорят, что хотят работать не на капиталистов, а только на государство». Председатель Центрального Совета Лейнерт высказал опасение, что рабочие декларацией не удовлетворятся, а будут требовать большего. Шиффер, Ландсберг и Эберт аргументировали против национализации ссылками на то, что она усилит атаки сепаратистов, что ею воспользуется Антанта для усиления экономического нажима, и т. п. Проект не был принят [173].

Второй удар, притом публичный, последовал две недели спустя. Статс-секретарь А. Мюллер заявил 23 января представителям печати, что создание комиссии по социализации вообще было ошибкой, ибо она, распространяя далеко идущие надежды, «много способствовала возникновению социализаторской ярости, для выразителей которой слово «социализация» означает не что иное, как новую формулу для необоснованных требований повышения зарплаты». Он сообщил, что правительство намерено лишь установить *государственный контроль* над производством угля, электроэнергии, топлива, гидроресурсов и т. п. В отношении угольной промышленности, обобществления которой особенно энергично требовали рабочие, А. Мюллер обещал со временем ввести государственное регулирование *распределения* путем превращения одной из крупнейших частнокапиталистических монополий — Угольного синдиката — в орган *государственной* угольной монополии [174].

Хотя влиятельные круги монополистического капитала выдвинули не одну, а по меньшей мере две экономические программы, значительно отличавшиеся друг от друга [175], едва речь заходила об угрозе буржуазной собственности и капиталистическим отношениям, как острота разногласий отодвигалась на задний план. Самым ярким свидетельством этого было создание в начале февраля 1919 г. на конференции в Иене единой организации предпринимателей — «Имперского союза германской промышленно-

---

[173] См.: *Habedank H.* Um Mitbestimmung und Nationalisierung während der Novemberrevolution und im Frühjahr 1919. Berlin, 1967, S. 182—186.

[174] Deutsche Allgemeine Zeitung, 25.I 1919; Die Freiheit, 27.I 1919. Morgenausgabe.

[175] См. об этом: *Ruge W.* Zur Taktik der deutschen Monopolbourgeoisie im Frühjahr und Sommer 1919.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1963, H. 6.

сти» (Reichsverband der Deutschen Industrie). В нем объединились: орган рейнско-вестфальских магнатов «Центральный союз немецких промышленников» (Centralverband deutscher Industrieller), «Союз промышленников» (Bund der Industriellen), состоявший главным образом из представителей немонополизированной буржуазии, а также группа электропромышленности, химии и машиностроения [176]. Председателем «Имперского союза» стал директор концерна Круппа К. Зорге. В его правление входили Г. Стиннес, А. Гугенберг, Э. Хильгер (тяжелая промышленность), К. Сименс (электропромышленность), Р. Бош (механика), К. Дуисберг (химия).

Общей основой рабочей политики «Имперского союза» стало соглашение о «деловом содружестве» [177].

6 февраля 1919 г., в тот день, когда в Веймаре открылось Национальное собрание, в берлинской филармонии состоялся большой митинг «представителей германской экономической жизни», которые решили «высказать свои пожелания» [178]. Центральным было выступление магната химии и бумаги Г. Кремера, который сам представил себя «человеком практики», «человеком промышленности». Он утверждал, что единственный класс в Германии, «который не может больше почти ничего сказать,— это промышленники» (!?). Но, объединившись в «Имперский союз», они должны выдвинуть свои требования, поскольку «к политическому парламенту в Веймаре германская промышленность не питает слишком большого доверия». Предлагая создать «Имперский экономический совет», который опирался бы на союзы предпринимателей, Кремер видел его задачу в разъяснении рабочим того, что они должны больше работать, что «нельзя социализировать так, как собираются ныне фантасты; что нельзя забирать у предпринимателя производственный капитал, который нужен ему для восстановления мирной экономики». Социал-демократ Ю. Калиский, оправдываясь, говорил, что социализация — это вовсе не огосударствление, а «обязанность производить и обязанность трудиться», что «синдикаты и картели должны служить целям общественного хозяйства», что выключение частной инициативы — самоубийство, забастовки — «покушение на благо общества» и т. п.[179]

---

[176] Такое объединение сложилось уже в последние годы войны под названием Промышленный совет (Industrierat), но не проявляло активности.
[177] См.: *Gossweiler K.* Großbanken — Industriemonopole — Staat, S. 112. Наряду с Имперским союзом продолжало существовать также созданное в 1913 г. Объединение германских союзов работодателей (Vereinigung der deutschen Arbeitgeberverbände). Его функции были более практического характера, а во главе стояли те же лица. См.: *Кучинский Ю.* Очерки истории германского империализма. М., 1952, т. 1, с. 270—280.
[178] Первый такой митинг («Экономический конгресс») был приурочен к открытию Всегерманского съезда Советов и состоялся 16 декабря 1918 г. См.: Ноябрьская революция, с. 269.
[179] ZStA Potsdam. Reichsarbeitsministerium, Nr. 3474, Bl. 14—16, 18—24.

Руководители «Имперского союза» непрочь были поговорить и о необходимости отказаться от «старого шаблона», но, поскольку в правлении преобладали представители тяжелой (отчасти и текстильной) промышленности, они прежде всего стояли на страже «свободы» предпринимателей, требовали отмены регламентирования военного времени и ограничения правительственного вмешательства [180].

«Гораздо важнее, чем налогообложение,— говорилось в воззвании Союза,— экономическое восстановление. Это должны понять влиятельные государственные органы; особенно Национальному собранию должны быть разъяснены экономические и финансовые задачи» [181]. Промышленники требовали полного прекращения «безумия экспериментов по социализации», предостерегали против проявления «излишней уступчивости» по отношению к требованиям рабочих. «Из страха перед обманутыми массами,— писали они,— можно совершить тягчайший грех на вечные времена» [182].

В этих условиях у комиссии по социализации было мало шансов получить поддержку для своих проектов, хотя бы и очень скромных. 29 января на заседании Центрального Совета Фогельштейн, напоминая, что «социализм — это организация», просил предоставить, наконец, комиссии ясно очерченные полномочия. Вильбрандт утверждал, что «кардинальный вопрос состоит в том: хочет еще правительство (социализации.— *Я. Д.*) или оно уже больше ее не хочет?» Ледерер сообщил, что комиссия серьезно помышляет об отставке, но не решилась пока на этот шаг, лишь опасаясь, что он приведет к усилению «синдикализма и анархии». По его мнению, «только надежды на работу комиссии помешали во многих случаях тому, что уже случилось в некоторых местах: самопомощи рабочих». Члены Центрального Совета не так высоко оценивали роль комиссии, хотя и согласились ей помочь. Фойгт из Силезии прямо сказал, что комиссии следует выработать конкретные решения, которые, «особенно в горном деле, подействуют, как успокоительный порошок». Гильфердинг даже обиделся, ответив, что речь идет не о каком-то порошке, а «о самом целесообразном урегулировании» [183].

Но и после обещаний Центрального Совета правительство не спешило поддержать комиссию. Потребовалось формальное заявление об отставке [184], чтобы кабинет 8 февраля решил попро-

---

[180] См.: *Zunkel F.* Die Gewichtung der Industriegruppen bei der Etablierung des Reichsverbandes der Deutschen Industrie.— In: Industrielles System..., S. 643—644.

[181] Veröffentlichungen des Reichsverbandes der deutschen Industrie, Nr. 1, Mai 1919, S. 20.

[182] Ibid., S. 18, 21.

[183] ZStA Potsdam. Sozialisierungskommission, Nr. 61, Bl. 24—29; Zentralrat, S. 522—526.

[184] ZStA Potsdam. Sozialisierungskommission, Nr. 1, Bl. 45—49, 55—57.

сить ее остаться, о чем ей сообщил Виссель в не слишком дружелюбном письме [185]. Тем временем комиссия продолжала на своих секретных заседаниях обсуждать планы социализации горной промышленности. Ужесточение позиции монополистов и правительства обострило внутренние разногласия. Фогельштейн и Франке старались сохранить преобладание частнокапиталистической собственности, тогда как большинство комиссии настаивало на частичной национализации, объясняя, что в обстановке активности рабочего класса полный отказ от нее будет «политически неблагоприятен». Так, Баллод иронически спрашивал Фогельштейна, который призывал не отталкивать Стиннеса, а оставить руководство предприятиями в руках предпринимателей, действительно ли для поддержания производительности «требуется разведение миллионеров?» [186].

15 февраля комиссия закончила «предварительный отчет» о социализации угольной промышленности. Отвергая общую национализацию отрасли, отчет, принятый большинством комиссии [187], предусматривал создание организации, объединяющей государственные и частные предприятия в «Германское угольное общество» во главе с «Угольным советом» из 100 представителей администрации, рабочих, потребителей и государства. Рабочим предоставлялось ограниченное участие в вопросах труда и зарплаты. Меньшинство комиссии (Фогельштейн и Франке) в отдельном заявлении еще сильнее подчеркивало госкапиталистический характер предложения и сохранение частнокапиталистической собственности как преобладающей [188].

Но «отчет» появился на свет под неблагоприятной звездой. Как раз в тот день в Национальном собрании, обсуждавшем правительственную программу, выступил от имени Немецкой народной партии банкир и экономист Я. Риссер. Выражая мнение влиятельных кругов буржуазии, он утверждал, что, если Носке не будет еще решительнее расправляться с революционными рабочими, Германии грозит банкротство в экономике и политике. Риссер самым энергичным образом настаивал на прекращении всяких разговоров о «социализации», ибо она является слишком «опасным экспериментом», который хозяйство, ослабленное войной, не выдержит. Антанта воспользуется ею, чтобы наложить руку на обобществленные предприятия. Поэтому, говорил он, ссылаясь также на мнение М. Вебера, «социализацию» надо отклонить принципиально. «По нашему мнению, частное хозяйство должно остаться основой всей экономики, должны быть отменены прину-

---

185 ZStA Potsdam. Sozialisierungskommission, Bl. 59.
186 Ibid., Nr. 61, Bl. 30—31, 37—39, 43.
187 Его подписали: Баллод, Вильбрандт, Гильфердинг, Кунов, Ледерер, Шумпетер и Умбрейт. Каутский и Гуэ находились в это время на Бернской конференции Интернационала.
188 Bericht der Sozialisierungskommission über die Frage der Sozialisierung des Kohlenbergbaues vom 31. Juli 1920. Berlin, 1920. Anhang, S. 31—59.

дительное хозяйство и военные общества, восстановлена свободная торговля» [189]. Еще резче против всяких попыток вмешательства государственного аппарата в дела промышленности высказался наиболее реакционный из рейнско-вестфальских магнатов Кирдорф, впоследствии одним из первых ставший на путь финансирования гитлеровцев. На собрании предпринимателей в Мангейме он цинично заметил: «Путь только придет контролер: либо он ничего не поймет, тогда он будет безвреден; либо он окажется кое-что понимающим, и тогда мы получим директора, какого давно уже ищем...» [190].

В роли противников социализации выступали и лидеры социал-демократии. Фогель в Национальном собрании метал громы и молнии по адресу «импортированного с Востока и в последние недели неоднократно применявшегося также в Германии метода... по которому социализация должна заключаться в том, что рабочие просто берут в свою собственность средства производства, землю, фабрики, машины и орудия, а полученную прибыль просто делят между собой». Нарочито извращая осуществленные в Советской России при участии самих рабочих мероприятия по национализации земли, банков, крупных предприятий и т. п., означавшие в условиях диктатуры пролетариата реальные шаги к социализму, Фогель обрушился и на «тех недовольных», которые «хотят одним ударом все социализировать». При этом аргументация Фогеля как две капли воды походила на доводы Риссера и ему подобных: раньше восстановить, потом социализировать; нельзя «социализировать» до тех пор, пока Германия является «социалистической глушью среди капиталистических джунглей», и т. п.[191]

Министр Ландсберг тоже не преминул помянуть комиссию по социализации недобрым словом. Выступая в Национальном собрании, он не только обвинил ее в бездеятельности, но и предал гласности признание Каутского, что подготовленная комиссией декларация о национализации недр — «разумеется, не больше, чем демонстрация» [192].

Однако в эти дни правительство Шейдемана вынуждено было изменить тактику. Мощное движение масс действительно колебало почву, на которой оно стояло. Газета «Vorwärts» сообщила, что теперь уже сами социал-демократы внесли предложение о национализации недр и рекомендовали правительству немедленно приступить к осуществлению социализации [193].

Иным голосом заговорил и Центральный Совет. Коэн утверждал, что вся внешняя политика правительства «провалилась» и «люди, которых считают самыми скомпрометированными,— Да-

---

[189] VDNV, Bd. 326, S. 120—124. Заседание 15 февраля 1919 г.
[190] Die Freiheit, 27.I 1919. Morgenausgabe.
[191] VDNV, Bd. 326, S. 459—460. Заседание 3 марта 1919 г.
[192] Ibid., S. 443. Заседание 1 марта 1919 г.
[193] Vorwärts, 2.III 1919.

вид, Эрцбергер, Шейдеман — не могут нас более представлять... Без далеко идущей смены персонажей в правительстве нам не обойтись»[194]. Хотя Ф. Герберт высказался против «свержения министров», он предложил предъявить ультиматум прусскому кабинету, который буквально «гонит рабочих к независимым», а министры не слышат «грома в стране». «Что-то носится в воздухе,— заметил Ф. Фаас,— и, возможно, нас через 24 часа уже ни о чем не спросят... Вопрос о том, что мы согласны дать рабочим, будет исчерпан, если они сами возьмут то, что сегодня требуют от нас». Он советовал немедленно установить контакт с теми, кто намерен реорганизовать правительство[195]. Речь шла о разрыве социал-демократией коалиции с партией центра и уходе из правительства прежде всего Эрцбергера, Шейдемана, Давида, Ландсберга, Носке. Г. Геллер, указав, что «поезд идет влево», предложил, чтобы социал-демократы разделили ответственность с НДСПГ: «Наши товарищи не могут долго опираться на силу военных. Рабочие просто перебегут к НСДПГ»[196]. Гржезинский, хотя и предостерегал, что это предложение «приведет нас к устранению Национального собрания», заметил, что с Гаазе и Дитманом можно бы договориться. Среди «небольшевистских независимцев», которых хотели привлечь в правительство, назывались имена Дитмана, Каутского, Бернштейна, Вурма, Брейтшейда[197]. Коэн согласился начать переговоры с Гаазе и выступить в роли посредника, но считал, что Эберт должен обязательно остаться на посту[198].

Центральный Совет не пошел дальше разговоров. Для совершения «государственного переворота» его члены не имели мужества. Но, возможно, именно этот «холодный кризис», о котором молчала пресса, подстегнул правительство, побудив его пойти на уступки рабочим. В сделанном 5 марта заявлении о законодательных планах кабинета речь шла не только о внесении в Национальное собрание двух законопроектов о «социализации». Здесь давалось обещание подготовить дальнейшие шаги в том же направлении, говорилось, что отчет и предложения комиссии по социализации будут немедленно опубликованы. Рабочим Советам было обещано принципиальное «признание в качестве представителей экономических интересов и *закрепление в конституции*»; производственным Советам на предприятиях — «равноправное участие в регулировании общих условий труда», привлечение (наряду с предпринимателями, в рамках «делового содружества») к контролю и регулированию производства; окружным Советам —

[194] Zentralrat, S. 755—756. Заседание 4 марта 1919 г.
[195] Ibid., S. 757—759.
[196] Ibid., S. 761—762.
[197] Ibid., S. 763—765.
[198] Ibid., S. 771—772. Заседание 5 марта 1919 г. См. об этом: *Kolb E.* Die Arbeiterräte in der deutschen Innenpolitik 1918/19. Düsseldorf, 1952, S. 260; *Elben W.* Das Problem der Kontinuität in der deutschen Revolution 1918/19. Düsseldorf, 1955, S. 116; *Kessler H.* Tagebücher 1918—1937. Frankfurt a. M., 1951, S. 143—145.

участие в социализации и контроле над социализированными предприятиями и отраслями производства. Давались также обещания подготовить закон о трудовом праве для создания *«демократически-конституционных отношений* на предприятиях» и закон о гражданских судах, улучшить *продовольственное снабжение* [199].

Данные правительством обещания относительно прав производственных Советов, которые были главным требованием забастовщиков Средней Германии, их лидер В. Кёнен, активно участвовавший в переговорах, охарактеризовал как выполнение требований горняков и основание для прекращения забастовки [200]. Берлинские социал-демократы ставили себе в заслугу получение «уступок правительства» и добились на этой основе дезорганизации и прекращения всеобщей забастовки в столице.

Однако подлинным интересам и требованиям германского пролетариата такие уступки и обещания не соответствовали. Чего же действительно хотели рабочие? Как понимали они требование «социализации»? Что вкладывали в лозунг «признания рабочих Советов»?

Наиболее радикальную программу действий выдвинули горняки Рура. «Комиссия девяти», из которой еще в феврале ушли социал-демократы, созвала как раз 5 марта в Эссене собрание «делегатов революционных рабочих Рурской области». С докладом «Социализация горной промышленности» здесь выступил Ю. Мархлевский. Важнейшей предпосылкой перехода от капитализма к социализму, который не может быть осуществлен одним ударом, является, подчеркнул он, установление диктатуры пролетариата. Говоря о пропагандистских ухищрениях правительства, которое не решается даже выговорить слова «отчуждение собственности», Мархлевский указал, что «действительная социализация основывается на отчуждении частной собственности, переводе горных предприятий в общественную собственность и рабочем управлении этими предприятиями». Дело, впрочем, обстоит не так, как рассуждает иной бравый горняк: «Отберем просто шахты у капиталистов!» Однако уже сейчас возможно и необходимо установление технического и финансового *контроля рабочих* над производством [201].

Конференция, в которой приняли участие представители 65 шахт, единодушно одобрила предложенную Мархлевским резолю-

---

[199] ZStA Merseburg. Ministerium des Innern, Rep. 77, Tit. 1373a, Nr. XIII, Bl. 57. Заявление было опубликовано: Vorwärts, 5.III 1919. Abendausgabe; Die Freiheit, 8.III 1919. Abendausgabe.

[200] VDNV, Bd. 327, S. 769—770. Заседание 13 марта 1919 г. В противовес этому министр труда Г. Бауэр объявил, что забастовка была бесцельной, ибо правительство якобы еще 14 февраля обещало все сделать (ibid., S. 771—772). Доказательству этого была посвящена специальная брошюра «Зачем была объявлена генеральная забастовка?» (ZStA Potsdam. Reichsarbeitsministerium, Nr. 2060, Bl. 5—7).

[201] Sozialisierung des Bergbaues, S. 7, 18—19, 27.

цию. «Воля революционных горняков,— говорилось в ней,— состоит в том, чтобы социализация горной промышленности была проведена посредством отчуждения частного капитала, перехода угольных запасов и средств производства в общественную собственность и передачи управления горной промышленностью горнякам»[202]. Была избрана комиссия из пяти человек, которая вместе с шестью членами «комиссии девяти» должна была созвать конференцию представителей всех шахт для детального обсуждения вопроса о социализации.

Широкий отклик получил и прочитанный Мархлевским неделю спустя в Эссене доклад «Советская система». Рассказав о роли Советов в России и разоблачив клеветнические измышления, докладчик охарактеризовал попытки германского правительства «запрячь рабочие Советы в систему управления капиталистического государства» как прямой обман и шарлатанство[203]. Реакция не простила Мархлевскому его смелых речей и разоблачений. Против него была развернута бешеная травля. Чтобы избавить его от участи, постигшей его лучших друзей, руководство КПГ предложило ему покинуть Германию[204].

Выступления Мархлевского и резолюции горняков соответствовали принципиальной позиции коммунистов, которая была определена Учредительным съездом КПГ. Коммунисты стремятся, говорилось в программе партии, к такому общественному строю, «в котором все средства производства и обмена находятся в руках и под контролем всего трудящегося народа». Для перехода к нему необходимо «вооруженное господство рабочего класса над буржуазией». Программа предостерегала рабочих, что «социализация» без победы над буржуазией, без уничтожения всевластия капитала представляет собой лишь пустой звук: «Только рабочий класс может своими собственными действиями превратить это слово в живую плоть». Только «в упорной борьбе с капиталом грудь с грудью на каждом предприятии, путем непосредственного давления масс, путем забастовок, путем создания своих постоянных представительных органов рабочие могут взять в свои руки контроль над производством и, наконец, фактическое руководство им»[205].

Коммунисты требовали отчуждения (национализации) банков, шахт, домен и всех крупных предприятий промышленности и торговли, конфискации всего имущества выше определенного уровня, аннулирования государственных и военных займов при ограждении интересов мелких держателей, конфискации всего имущества и доходов династий. Они выступали также за прове-

---

[202] Sozialisierung des Bergbaues, S. 30—31.
[203] *Marchlewski J. (Karski).* Das Rätesystem. Essen, 1919, S. 15.
[204] См.: *Schumacher H.* Sie nannten ihn Karski. Berlin, 1964, S. 171—173.
[205] Protokoll des Gründungsparteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands (30. Dezember 1918—1. Januar 1919). Berlin, 1972, S. 317.

дение земельной реформы путем отчуждения земельной собственности помещиков [206].

Социально-экономическая программа НСДПГ была развита К. Каутским в «Директивах социалистической программы действий», написанных в январе 1919 г. к предстоявшему съезду партии. Гвоздем всех его рассуждений было расхожее заявление, будто *«важнее, чем вопрос о способе производства,— само производство»*. Отсюда следовало, что надо сначала возродить *капиталистическое* производство, а социалистические преобразования отложить надолго [207]. Не удивительно, что «Vorwärts» поспешил перепечатать это творение, заявив, что в установке Каутского «нет ничего, что социал-демократы могли бы принципиально отвергнуть» [208].

«Социализация», твердил Каутский, может быть осуществлена не «по мановению руки», а лишь постепенно и осторожно. При этом отчуждение «социализируемых» предприятий, если оно все же будет иметь место, должно происходить не путем конфискации, а обязательно с возмещением. «Конфискация в высшей степени обеспокоит и напугает производящих капиталистов в тот момент, когда процесс производства будет нуждаться в бережном к нему отношении». Аналогичные доводы приводил Каутский и в обоснование нецелесообразности аннулирования военных займов и национализации банков. Он предлагал, вместо «грубой» экспроприации, «безболезненный» метод постепенного увеличения налогов на собственность и доходы имущих классов [209]. Однако и здесь он становился на стражу капиталистической прибыли, поучая голодных и измученных рабочих, что они не должны требовать даже повышения заработной платы, прибегать к «разрушительным формам» классовой борьбы, в том числе к забастовкам. Не менее предупредительно относился Каутский и к юнкерам-латифундистам. Он рекомендовал медленный и постепенный выкуп крупных землевладений, призывал ни в коем случае не допустить раздела поместий для наделения землей крестьянской бедноты и сельскохозяйственных рабочих [210].

Программу Каутского подвергла резкой критике на съезде НСДПГ в марте 1919 г. К. Цеткин. Она отметила, что вожди партии поняли «социализацию» не как вопрос прежде всего политической власти, а как «хозяйственно-технический вопрос», требующий ученых изысканий и «разрешения квадратуры круга». Она прямо указала Каутскому, что он вернулся от Маркса назад к буржуазной политической экономике. Ведь не бывает

---

[206] Ibid., S. 321—322.
[207] Die Freiheit, 28.I 1919. Morgenausgabe. Beilage.
[208] Vorwärts, 2.II 1919. Abendausgabe.
[209] Аналогичные планы развивал в это время и австрийский собрат Каутского О. Бауэр, в том числе в брошюре, изданной газетой Die Freiheit. См.: *Bauer O.* Der Weg zum Sozialismus. Berlin, 1919.
[210] Die Freiheit, 28.I 1919. Morgenausgabe. Beilage.

производства вообще», а есть лишь производство капиталистическое или социалистическое. «Не люди существуют ради производства, а производство для людей. Решающим для нас должно быть: какой способ производства может оживить экономику,— социалистический или господствующий капиталистический» [211].

Разумеется, продолжала она, совершенная социалистическая экономика «не может явиться из голов правительства или сиятельной комиссии, как Афина Паллада из головы Зевса». Было бы преступлением умалчивать, что в сложившихся условиях «социализм победит с огромным трудом, в нужде и лишениях, в ходе проб и ошибок. Но одно мы должны разъяснить массам: нужда, лишения, большие усилия объясняются не недостатками социализма. Это злое наследие капитализма, мировой войны... Как пролетариат может завоевать политическую власть и научиться пользоваться ею, лишь политически созревая в борьбе, так он может созреть для осуществления социализма, для руководства производством в постоянном борении, в непрерывной практической деятельности, которая дает ему опыт и знания, развивает его способности. Потому и говорят: в начале было дело» [212].

Резкое столкновение реформистской и революционной тенденций произошло на съезде не только из-за социально-экономической, но и политической программы — из-за оценки участия лидеров партии в правительстве «народных уполномоченных», роли Советов. Под воздействием масс позиции левого крыла заметно усилились, его установки прояснились. Э. Деймиг в своем содокладе решительно отверг идею Гильфердинга — Гаазе о «сочетании» Советов с буржуазным парламентом, противопоставил либерально-буржуазной демократии пролетарскую диктатуру, поддержал борьбу Советов за политическую и экономическую власть. Он призывал учиться на русском опыте и использовать образец Советов, «отраженный теперь в конституции Российской Советской республики,— разумеется, с модификациями, соответствующими немецким условиям» [213].

Однако принятая съездом программная декларация была итогом свойственной партии политики компромиссов. В ней провозглашалось, что НСДПГ «*становится на почву системы Советов*», стремится к диктатуре пролетариата как предпосылке социализма и подлинной демократии. Правые социалисты, вступив в коалицию с буржуазией, говорилось далее, предали интересы пролетариата, стали на путь обмана, «играя словами демократия и социализм», тогда как при капитализме иллюзорны все демократические формы. «Социализация, которую собираются провести

---

[211] В. И. Ленин специально отметил эту критику К. Цеткин позиции Каутского (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 395—396).

[212] USPD-Parteitag, S. 130—131. Каутский в свое оправдание лишь сослался на то, что в оттяжке социализации повинно правительство (ibid., S. 221, 223).

[213] Ibid., S. 96—98.

правые социал-демократы,— не более чем фиглярство»: они намерены ограничиться созданием «смешанных предприятий» под «общественным контролем» при сохранении капиталистических интересов. В то же время декларация содержала в качестве первого требования «включение Советской системы в конституцию» [214]. Еще очевиднее беспринципное соглашательство проявилось при избрании центральных органов. Правые лидеры сумели сохранить в своих руках ключевые позиции, оттеснив Деймига [215]. К. Цеткин, порывая с НСДПГ и переходя в КПГ, имела все основания заявить, что хочет «бороться там, где жизнь, а не там, где на меня глядят разложение и слабость» [216].

Между тем для правительства Шейдемана даже прожекты Каутского и возглавляемой им комиссии по социализации казались слишком далеко идущими. Рожденные в министерстве экономики под руководством Р. Висселя и В. Мёллендорфа законопроекты, хотя и были названы «социализацией», на деле являлись выражением идей «немецкого общественного хозяйства» (deutsche Gemeinwirtschaft). Высказанные Мёллендорфом еще во время войны [217], эти идеи были близки к планам В. Ратенау о принудительном синдицировании. Исходным пунктом было государственно-монополистическое регулирование военной экономики. Но в мирной экономике место государственной бюрократии должны были занять органы «экономического самоуправления», составленные на основе паритета из представителей предпринимателей и рабочих, возможно, также государства и «потребителей». Создавая видимость демократического управления, такие органы вполне гарантировали решающую роль капиталистов, поскольку капиталистическая собственность оставалась неприкосновенной или, во всяком случае, господствующей. Вместо перевода предприятий из частной собственности в общественную вся такая «социализация» сводилась — «в противовес экономическому анархизму, т. е. либерализму сверху или большевизму снизу»,— к осуществлению «принципа организации и общественно-хозяйственного централизованного контроля» [218].

Р. Виссель, став министром экономики в коалиционном правительстве, поспешили заявить публично, что слух, будто «антисоциализаторского министра» (статс-секретаря А. Мюллера) сменил «министр социализации», лишен всякого основания. Он, Виссель, полностью согласен со своим предшественником в «отклонении всех и всяких экспериментов» и убежден, что сначала нужно

---

[214] Ibid., S. 3—4.
[215] Ibid., S. 254—265. См. об этом: *Krause H.* USPD. Frankfurt a. M./Köln, 1975, S. 125—129.
[216] USPD-Parteitag, S. 140.
[217] См.: *Möllendorff W.* Konservativer Sozialismus. Hamburg, 1932, S. 93—94, 161—165.
[218] Ibid., S. 109. Записка от 4 января 1919 г. О социально-экономических концепциях «социал-либерализма» см. также: *Opitz R.* Der deutsche Sozialliberalismus 1917—1933. Köln, 1973, S. 99—124.

«восстановить жизнеспособный хозяйственный организм», а потом уже думать о «смене основ»[219]. Восприняв идеи «экономической организации» и «экономического самоуправления», Виссель приукрасил их морально-этическими сентенциями о подчинении частных интересов общественным, о долге трудиться даже в условиях, когда неясно, «погибнет ли Германия в революционном разрушении или воспрянет в эволюционном преобразовании»[220].

Вместе с тем законопроекты, в пожарном порядке одобренные правительством, были призваны создать иллюзию, что речь идет о выполнении настоятельного требования пролетариата — приступить, наконец, к социализации. Сам Виссель, рекомендуя законы на секретном заседании Комитета государств, без обиняков признал, что народ, как в Берлине, так и в других областях Германии, «самым бурным образом требует новых форм экономики». Совершенно необходимо поэтому «не только применять силу», а и «внести некий положительный вклад в борьбу идей. Это и побудило правительство предложить законопроект о социализации». Однако не только буржуазные деятели, но и прусский министр социал-демократ В. Гейне выразили опасение, что даже мнимые уступки рабочим лишь увеличат их требовательность. «Страх,— заметил Гейне,— плохой советчик», а предлагаемые «неясные формулировки могут пробудить надежды, которые нельзя будет выполнить». Он добавил даже, что давать невыполнимые обещания — «преступление и нечестность». Однако Висселя такая квалификация его действий не могла смутить. Прикрываясь словами, что дело идет о том, «быть или не быть немецкому народу», он цинично предлагал бросить толпе «идею», «лозунг» и одновременно заверял оппонентов, что правительство на самом деле вовсе «не хочет радикального преобразования экономической жизни»[221].

Выступая 7 марта в Национальном собрании с обоснованием законопроектов, Виссель не был столь откровенным. Но и здесь он заявил, что «дикие судороги сотрясают тело народа», его лихорадит, и задача правительства, не останавливаясь перед суровыми репрессивными мерами против «бунтовщиков», прописать в то же время «успокаивающее средство», направить мощное стремление рабочего класса к социализации в «упорядоченные рамки»[222]. Еще яснее смысл законопроектов выразил представитель партии центра Гизбертс, который сказал, что они специально направлены «против той дикой социализации», какой-де требуют рабочие Рейнско-Вестфальского угольного бассейна. Оратор решительно отверг тот «сумасшедший», как он выразился, метод социализа-

---

[219] *Wissell R.* Praktische Wirtschaftspolitik. Berlin, 1919, S. 18—19. Это заявление, сделанное 15 февраля 1919 г., было вскоре опубликовано в печати.
[220] Ibid., S. 24—27. Выступление в комиссии Национального собрания 5 марта 1919 г. См. об этом также: *Brehme G.* Die sogenannte Sozialisierungsgesetzgebung der Weimarer Republik. Berlin, 1960, S. 60—66; Imperialismus heute. Berlin, 1966, S. 34—36.
[221] Цит. по: *Habedank H.* Um Mitbestimmung..., S. 265—267.
[222] VDNV, Bd. 326, S. 541—542.

ции, при котором рабочие стремятся «забрать у генеральных директоров их тантьемы и жалованье, у капиталистов их дивиденды, чтобы за их счет повысить зарплату» [223].

Законопроект о «социализации» вовсе не предлагал каких-либо конкретных мер в отношении обобществления, а должен был лишь служить своего рода «рамой» для дальнейших законодательных актов [224]. В нем говорилось только о том, что государство может (не должно!) перевести в «общественное хозяйство» (Gemeinwirtschaft) пригодные для обобществления хозяйственные предприятия, особенно горнопромышленные и энергетические, и «в случае настоятельной необходимости» регулировать производство и распределение продукции. Во время обсуждения законопроекта в Национальном собрании был прежде всего сформулирован § 2, устанавливавший, что всякое отчуждение может быть произведено только за «соответствующее вознаграждение», что исключало возможность конфискации.

Хотя законопроект ничуть не посягал на неприкосновенность капиталистической собственности, ораторы правых партий, особенно представители магнатов тяжелой промышленности Кемпкес и Гугенберг, метали против него громы и молнии. Они не соглашались на малейшее ущемление прав и привилегий «свободных предпринимателей», решительно протестовали против всякого вмешательства государства в их дела, пугали анархией, хаосом и «большевизмом» [225]. Успокаивая разгневанных монополистов, социал-демократ Г. Молькенбур заверял их, что «никто и не думает разрушить капитализм таким образом, как это делают большевики в России. Поскольку мы говорим, что именно капиталистическое крупное предприятие является настоящим эмбрионом социалистического устройства, постольку мы не можем никуда уйти от положения, что капиталистическое развитие должно идти вперед» [226].

В ответ на утверждение Фёглера, что проект, говоря об «общественном хозяйстве», имеет в виду введение социализма или даже коммунизма [227], Виссель указал: «Опасения некоторых господ, что из § 2 могут вырасти невыносимые путы для промышленности, необоснованы; § 2 содержит в основном лишь действующее право, он лишь обобщает то, что уже существует» [228].

Второй законопроект говорил о «регулировании угольного хозяйства» и должен был быть первым из законов, которые призваны были заполнить собой пустую «раму» закона о «социализа-

---

[223] Ibid., S. 593. Заседание 8 марта 1919 г.

[224] Националист Вейдт иронически отметил, что правительство «видимо, заинтересовано в том, чтобы на социализации лежал некоторый сумрак, какой-то туман, и чтобы нельзя было совсем ясно понять, что же оно собственно хочет...» (VDNV, Bd. 326, S. 707. Заседание 12 марта 1919 г.).

[225] VDNV, Bd. 326, S. 559, 571—575.

[226] Ibid., S. 581.

[227] Ibid., S. 701.

[228] Ibid., Bd. 327, S. 749.

ции». Выступая в Национальном собрании, правый лидер профсоюза горняков О. Гуэ пространно доказывал, что правительственный проект — не «тотальный прыжок в темноту», как выразилась одна из газет магнатов капитала, а лишь продолжение и дальнейшее развитие деятельности созданного еще в 1910 г. Угольного синдиката [229].

Этот проект не давал и того, что предлагали оба варианта отчета комиссии по социализации [230]. Он вовсе не затрагивал вопроса о собственности на средства производства, выражая намерение лишь установить «общественно-хозяйственное влияние в области сбыта продукции» [231]. Таким образом, шахты оставались в руках старых владельцев, и, как заявил немецкий демократ Пашпике, «населению должно быть ясно, что и в будущем, согласно этому закону, собственность должна быть неприкосновенной» [232]. Создавалась лишь верхушечная организация — «Имперский угольный совет» — из представителей предпринимателей, рабочих и «потребителей» под контролем правительства. Этот «совет» призван был «регулировать в интересах общества» вопросы угледобычи, сбыта, цен, условий заработной платы и труда. Преобладание капиталистов в этом «совете» и приданном ему «совете экспертов» было абсолютным. Тем самым новая организация отличалась от существовавших до войны торговых монополий (калийной, спиртовой и т. п.) лишь большей возможностью социальной демагогии, обеспечивая в то же время ограбление трудящихся объединенными и организованными монополистами [233].

Сущность этих законов ясно видна из секретной инструкции, данной печати социал-демократическим руководством: не критиковать законопроекты, а всячески содействовать их скорейшему принятию Национальным собранием. «Нужно дать массе успокоительное средство,— говорилось в ней.— Закон о социализации собираются применять только сейчас, пока не нашли ничего лучшего» [234].

После того как по настоянию бюджетной комиссии в законе о социализации положение о гарантии возмещения в случае отчуждения частной собственности было сформулировано еще жестче,

---

[229] VDNV, Bd. 326, S. 549.

[230] Правительство задержало опубликование отчета комиссии, пока в Национальном собрании не прошло обсуждение его проектов. Тем не менее Каутский счел возможным 15 марта официально отозвать заявление комиссии об отставке (ZStA Potsdam. Sozialisierungskommission, Nr. 1, Bl. 66, 69).

[231] VDNV, Bd. 326, S. 544.

[232] Ibid., S. 706. Заседание 12 марта 1919 г.

[233] В августе 1919 г. Национальное собрание обсуждало вопрос о расширении состава Угольного совета. О. Гуэ вынужден был признать, что «социализация» так и не началась, а Гугенберг и Фёглер воспользовались поводом, чтобы потребовать увеличения рабочего дня и прекращения всяких разговоров о «социализации», которые «нервируют» предпринимателей. См.: VDNV, Bd. 329, S. 2470—2489.

[234] Die Freiheit, 20.III 1919. Morgenausgabe; 21.III 1919. Abendausgabe.

оба закона были 13 марта приняты Национальным собранием и 10 дней спустя вступили в силу [235]. Эрцбергер так высоко оценил демагогический эффект подобного законодательства, что уже 19 марта предложил на заседании кабинета ускорить подобную «социализацию» и других отраслей производства, «чтобы сохранить в этом деле руководство» [236].

Теперь комиссия по социализации была уже вовсе не нужна, даже в качестве ширмы. Виссель воспользовался тем, что комиссия без его ведома опубликовала свои предложения о «коммунализации хозяйственных предприятий», и, получив санкцию кабинета, в резком тоне потребовал от нее полного подчинения министерству [237]. Это был прямой вызов, и 7 апреля комиссия подала в отставку, заявив, что не может больше сотрудничать с министерством и правительством. Но и столь запоздалый шаг не был использован Каутским для разоблачения правительства. Комиссия лишь похвалялась своей «беспартийностью» и жаловалась на бюрократов [238]. Газете «Die Freiheit» пришлось уже от себя добавить характеристику принятых законов как «жалкой халтуры» и заявить, что «социализму нечего ждать от этого правительства» [239].

Обман «социализации» помог правительству затормозить борьбу рабочих, но причины, порождавшие их недовольство, продолжали действовать.

---

[235] VDNV, Bd. 327, S. 746, 775.

[236] Kabinett Scheidemann, S. 68, 71. В апреле 1919 г. Национальным собранием был принят аналогичный закон о «регулировании калийного хозяйства». См.: VDNV, Bd. 326, S. 991. В августе 1919 г. при обсуждении подобного же закона о «регулировании электрохозяйства» представитель промышленников Вейдтман указывал, что правительственный законопроект не представляет собой ничего нового: «Идею объединения электростанций вопреки сопротивлению государства уже 20 лет осуществляет Гуго Стиннес... Руководимые им Рейнско-Вестфальские электростанции обеспечивают электроэнергией почти весь Рурский бассейн и даже левый берег Рейна до Бонна...» (VDNV, Bd. 329, S. 2289).

[237] Kabinett Scheidemann, S. 71. Заседание 20 марта 1919 г.; ZStA Potsdam. Sozialisierungskommission, Nr. 1, Bl. 67, 73—74.

[238] Ibid., Bl. 75—79.

[239] Die Freiheit, 9.IV 1919. Abendausgabe; 11.IV 1919. Abendausgabe.

глава третья

Последний натиск рабочего класса

Расширение фронта борьбы • Судьба Советов • Баварская Советская республика • Спад революционной волны

Расширение фронта борьбы

Март не принес улучшения экономического положения трудящихся. «Массы дошли до грани голода и болезней на почве истощения,— констатировала британская экономическая миссия под руководством майора Найвета, посетившая в конце марта Силезию и Берлин.— Доверие трудящихся классов к правительству Эберта подорвано. Чиновники и образованные классы бессильны отвратить развал и гибель социального строя, которые происходят на их глазах» [1]. Возможно, в последних словах было некоторое преувеличение. Но и другой британский офицер писал из Берлина, что, по его впечатлению, «слабость правительства заключается в том, что его социалистические члены быстро и очевидно теряют доверие тех, кто их номинально поддерживает». Это приводит к тому, что «правительство может перебиваться со дня на день только путем уступок и при помощи пулеметов действительно верных ему войск, главным же образом благодаря отсутствию единства среди его противников». Массы «все больше отдают себе отчет в том, что крайняя нужда остается такой же, как раньше. Они голодны, недовольны, готовы на все. Они смутно надеялись, что перемирие и революция приведут к изменению положения. Раздражение, вызванное тем, что их надежды обмануты, повернулось... против нынешнего правительства» [2].

С другой стороны, реакционные круги, воодушевленные кровавыми делами Носке и белогвардейских «добровольцев», усиливали нажим на правительство, требуя еще более решительной

---

[1] Army. Reports by British Officers on the Economic Conditions Prevaling in Germany (Presented to Both Houses of Parliament of His Majesty). London, 1919 (далее — Reports), p. 17—18. Доклад майора Найвета (Knyvett) 24—27 марта 1919 г.

[2] Ibid., p. 2, 6. Фамилия офицера не указана. Известно только, что он находился в течение нескольких недель в Берлине, где был до этого «при особых обстоятельствах» в ноябре 1918 г. Доклад от 23 марта 1919 г.

расправы с недовольными, еще более жестоких мер подавления. Подходящим поводом явилась шовинистическая кампания, развязанная самим правительством. 22 марта появилось официозное заявление, что «враги заигрывают с идеей мира-диктата», который не сможет принять никакое германское правительство [3]. На следующий день в Берлине министры Эрцбергер и Шиффер выступили на двух массовых митингах, выразив протест против территориальных требований Антанты и «насильственного мира».

Эта «пробная мобилизация» шовинистов получила немедленный отклик. Правые круги, в том числе Национальный союз немецких офицеров, организовали 24 марта уличное шествие, участники которого бурно приветствовали «случайно» встреченного генерала Людендорфа, вернувшегося из Швеции, куда он бежал в ноябрьские дни. Между тем Людендорф и его окружение уже выступили в роли глашатаев легенды о «дольхштоссе», снимавшей вину за поражение Германии с генералитета и других носителей политики империализма и перекладывавшей ее на сторонников «мира по соглашению», особенно же на революционеров, якобы нанесших «непобежденной армии удар кинжалом в спину» [4].

Когда Шейдеман в Национальном собрании назвал в этой связи Людендорфа «азартным игроком», последний ответил открытым письмом, в котором отрицал, что когда-либо выступал за капитуляцию и мир любой ценой. Его поддержал Гинденбург [5]. Конфликт обсуждался на заседаниях кабинета. Эрцбергер предложил даже распустить ставку. Но на это у правительства не хватило решимости; оно хотело действовать «в дружеском согласии с генерал-фельдмаршалом Гинденбургом». 25 марта, под свежим впечатлением от демонстрации, не только Шейдеман, Бауэр, Давид, но и Готгейн, Прейс, Белл, Гизбертс заявили, что необходимо занять энергичную позицию не только против левых (тут у правительства энергии всегда хватало!), а и против правых. Снова Шейдеман поднял вопрос о ликвидации ставки, но осекся, натолкнувшись на возражения Носке. Было принято решение о роспуске «добровольческих корпусов», тоже оставшееся на бумаге. Шейдеману было предложено выступить в Национальном собрании с заявлением, в котором он, поддержав в принципе идею протеста против территориальных требований, должен был выразить сожаление, что она была извращена правыми элементами в «односторонних партийно-политических целях» [6]. 26 марта Шей-

---

[3] Vorwärts, 22.III 1919. Morgenausgabe. В основу статьи, видимо, был положен проект заявления Шейдемана представителям печати (Kabinett Scheidemann, S. 92—95).

[4] См.: *Застенкер Н.* Веймарские мифы о причинах поражения Германии в войне 1914—1918 гг.— Вопросы истории, 1945, № 2; *Petzold J.* Die Dolchstoßlegende. Berlin, 1963; *Драбкин Я. С.* Легенда «об ударе кинжалом в спину».— Новая и новейшая история, 1964, № 1.

[5] VDNV, Bd. 326, S. 46. Заседание 13 февраля 1919 г.; Kabinett Scheidemann, S. 49, 53—86, 88. Заседания 15 и 22 марта 1919 г.

[6] Ibid., S. 98—99. Заседание 25 марта 1919 г.

деман выполнил это поручение, заявив, между прочим, что демонстрация офицеров была «актом политического саботажа» и «измены родине» [7].

В эти же дни остэльбский юнкер Кардорф выступил в Прусском учредительном собрании (оно открылось 12 марта 1919 г.) с провокационным заявлением, в котором объявлял германскую революцию «величайшим преступлением» [8]. Пангерманская печать предложила установить в Германии открытую диктатуру, провозгласив диктатором... Носке [9]. Аграрии усиленно формировали в своих имениях контрреволюционные вооруженные отряды.

От юнкеров не отставала и буржуазия. 30 марта в Берлине состоялся общегерманский съезд «буржуазных советов», обсуждавший проект устава «Имперского буржуазного совета». Докладчик Гропау из Дрездена заявил: «Настроения буржуазии стали теперь более решительными. Поклоны налево и заверения, что мы, дескать, не реакционеры, нас вперед не приведут». Выдвинув требование «равноправия» буржуазных советов с рабочими и усиления борьбы «против социализма», т. е. против рабочего класса, съезд подчеркнул, что она должна вестись «всеми методами», в том числе и путем «буржуазной генеральной забастовки» [10].

Центральный Совет писал Шейдеману, что «от всех слоев населения, особенно же от рабочих, поступает... огромное количество сообщений о нетерпимости нынешнего положения» [11]. Настроения народных низов выразило в своем воззвании и Правление НСДПГ. «Политика правительства становится со дня на день все более антирабочей. *Теневое военное правительство* гвардейской кавалерийской (стрелковой) дивизии располагает неограниченной властью. Тысячи людей, главным образом рабочие и работницы, арестованы, сотни жестоко убиты, с безоружными пленными обращаются зверски. Бастующим рабочим угрожают пулеметами и лишением продовольствия. Правительство создает *гвардию штрейкбрехеров*, чтобы подавить право на забастовку, самое элементарное право рабочих, за которое все они, без различия партийной принадлежности, боролись десятилетиями.

Почву закона покидают сознательно. *Осадное положение* распространяется на все новые области. Классы населения меряют разной меркой. Буржуазии и офицерам разрешают в Берлине устраивать уличные демонстрации, а рабочим препятствуют осу-

---

[7] VDNV, Bd. 327, S. 807—809. Газета «Vorwärts» в передовой «Главный враг справа» написала, что союз с юнкерами компрометирует правительство (Vorwärts, 27.III 1919. Abendausgabe).

[8] Die Freiheit, 27.III 1919. Morgenausgabe.

[9] Tägliche Rundschau, 31.III 1919.

[10] Vorwärts, 31.III 1919. Morgenausgabe; Die Freiheit, 31.III 1919. Abendausgabe.

[11] Zentralrat, S. 786.

ществлять свое право собраний. Еще никогда в Германии, даже при самом реакционном кайзеровском режиме, с рабочими не обращались с таким пренебрежением [12].

Не только в Германии внутреннее положение оставалось революционным. Советская Россия, хотя и вела тяжелые бои с полчищами белогвардейцев и иностранных интервентов, продолжала оказывать своим героическим примером влияние на остальной мир. Из России пришли известия о создании Коммунистического Интернационала. В работе Учредительного конгресса в Москве в начале марте 1919 г. участвовал делегированный КПГ член ЦК Г. Эберлейн (Макс Альберт). (Второй делегат — Евгений Левине — не смог пересечь границу Германии и вынужден был вернуться в Берлин.) Эберлейн, будучи связан ранее полученными директивами, воздержался при голосовании о немедленном учреждении Коминтерна [13]. Но он был постоянным членом президиума, одним из авторов «платформы Коммунистического Интернационала»; под «Манифестом Коммунистического Интернационала», обращенном к пролетариям всего мира, его подпись была первой. Вскоре КПГ подтвердила свое присоединение к Коминтерну.

Продолжала развиваться революция в Венгрии. 21 марта 1919 г. в Будапеште была провозглашена Венгерская Советская республика. Европейская революция, которой более всего страшилась международная буржуазия, стала приобретать реальные очертания. Это почувствовали и собравшиеся в Париже «устроители» послевоенного мира. Один из них, Ллойд Джордж, в конце марта написал в «Меморандуме из Фонтенебло», не предназначавшемся для опубликования: «Повсюду среди рабочих царит дух не просто недовольства, но гнева и даже открытого возмущения против довоенных условий. Народные массы всей Европы, от края и до края, подвергают сомнению весь существующий порядок, все нынешнее политическое, социальное и экономическое устройство». Но особенно беспокоила его Германия: «Величайшая опасность в данный момент заключается, по моему мнению, в том, что Германия может связать свою судьбу с большевиками и поставить все свои материальные и интеллектуальные ресурсы, весь свой огромный организаторский талант на службу революционным фанатикам, чьей мечтой является завоевание мира для большевизма силой оружия (!?). Такая опасность — не химера. Нынешнее германское правительство неустойчиво, неавторитетно, не имеет престижа. Оно остается у власти только потому, что нет иной

---

[12] Die Freiheit, 2.IV 1919. Morgenausgabe.

[13] Г. Эберлейн писал впоследствии, что аргументы В. И. Ленина и других делегатов его убедили. Поэтому он, воздержавшись от голосования, заверил конгресс, что германская партия «принципиально согласна с созданием Третьего Интернационала» (*Eberlein H.* Spartakus und die Dritte Internationale.— Inprekorr, 1924, Nr. 28, S. 306—307).

альтернативы, кроме спартаковцев, а Германия пока еще не готова к этому»[14].

Но и это могло измениться. Газета «Die Rote Fahne», в Лейпциге, 11 апреля 1919 г. в воззвании к германским рабочим писала: «Из России, святого очага пролетарской революции, искра перескочила в Венгрию... Настал час, когда в любой момент может наступить поворотный пункт в ходе германской революции».

В руках рабочих оставалось еще оружие. Носке и Рейнгардт были серьезно обеспокоены тем, что суровые приказы о его сдаче выполняются плохо, несмотря на угрозы штрафа и обещания денежных премий за указание незаконных владельцев или тайных складов. Обсуждался вопрос о том, чтобы «с учетом царящих или вновь возникающих внутренних беспорядков» создать особый фонд для выплаты более крупных вознаграждений[15].

В конце марта новая стачечная волна, более мощная, чем предыдущие, охватила промышленный Рур. Регирунгс-президент Арнсберга указывал, что беспокойство вызывается плохим продовольственным снабжением[16]. С другой стороны, «комиссия девяти» в воззвании к рабочим решительно разоблачала политику правительства. «Вам говорят,— писала она,— «Социализация пришла!» И многие из вас слепо верят этому, не посмотрев даже на то, что́ вам предлагают». Охарактеризовав принятые в марте Национальным собранием законы о «социализации» как «документы преданности капитализму» и указав, что правительство не думает о действительном отчуждении капиталистической собственности на недра и средства производства, комиссия призывала горняков со всей энергией добиваться осуществления этого кардинального требования рабочего класса[17].

30 марта в Эссене собралась конференция шахтеров Рейнско-Вестфальской промышленной области, в которой участвовали 475 делегатов от 195 шахт. Конференция приняла решение о создании единой организации горняков, опирающейся на производственные и районные Советы («Всеобщего союза горнорабочих»), и об объявлении с 1 апреля всеобщей забастовки. Горняки требовали 6-часового рабочего дня для работающих под землей с сохранением прежней оплаты, 25-процентной прибавки к зарплате, признания Советов, освобождения политзаключенных, разоружения полиции, роспуска «добровольческих корпусов» и создания рабочей охраны, немедленного установления политических и экономических сношений с Россией и Венгрией, осуществления «гамбургских пунктов», оплаты стачечных дней. Была

---

[14] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах, т. 1. М., 1957 (далее — *Ллойд Джордж Д.* Договоры), с. 350.

[15] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/17, Bl. 29.

[16] ZStA Merseburg. Staatskommission für Volksernährung. Rep. 197A, Tit. Io, Nr. 9, Bl. 97.

[17] Der Syndikalist, 29.III 1919.

послапа приветственная телеграмма Венгерской Советской республике [18].

В решении конференции требование национализации шахт и предприятий не было сформулировано. Политические требования горняков тоже были расплывчатыми; они все еще надеялись, что правительство пойдет им навстречу [19]. Но правительство само поспешило развеять эти иллюзии. Уже 31 марта Эрцбергер утверждал на заседании кабинета, что забастовка носит «чисто политический характер с самыми крайними требованиями». Положение было расценено как чрезвычайно серьезное, требующее принятия немедленных мер. Было решено еще ночью ввести в Руре осадное положение [20]. В официальном воззвании говорилось, что вступление правительственных войск имеет целью «спасение рабочих и оборудования от терроризма». Правительство заявило о введении «добровольческих корпусов» в районы Дортмунда и Виттена, о прекращении ввоза в Рур продовольствия, предупреждало, что дни забастовки не будут оплачены, тогда как штрейкбрехеры получат специальную дотацию [21]. Руководители профсоюзов горняков осудили забастовку и призывали рабочих возобновить работу.

Угрозы и меры правительства лишь обострили ситуацию. По данным избранной на конференции в Эссене новой «комиссии девяти», принявшей наименование Центральный шахтерский Совет (в него вошли четыре коммуниста и пять независимцев), 4 апреля из 251 шахты бассейна прекратили работу 215, число бастовавших шахтеров составляло 345 тысяч. Из солидарности с горняками к забастовке присоединились 10 тыс. рабочих заводов Круппа в Эссене [22]. 5 апреля забастовали рабочие Дюссельдорфа и сталелитейного завода в Бохуме. 7 апреля работы велись только на трех шахтах; остановились все электропредприятия, заводы Тиссена в Мюльгейме; число бастующих достигло 410 тыс. [23]

4 апреля в Эссене открылась новая конференция горняков, в которой участвовало около 540 представителей от 207 шахт.

---

[18] Dokumente und Materialien, Bd. 3, S. 343–345.

[19] Только на шахтах Лоберг было выдвинуто требование «смещения правительства Эберта — Шейдемана». См.: *Spethmann H.* 12 Jahre Ruhrbergbau, Bd. 1, S. 271. В расклеенном 27 марта воззвании синдикалистского «Свободного союза» рабочих призывали изгонять из своей среды тех, кто вступил в отряды «буржуазной самообороны». В противовес этому командующий сектором нейтральной зоны генерал Лабиш рекомендовал лишить «антигосударственные элементы» прибавки продовольствия и выслать «польских агитаторов» (ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 215, Bl. 38—39).

[20] Kabinett Scheidemann, S. 119–120. Прусский кабинет 1 апреля одобрил этот шаг (ZStA Merseburg. Preußisches Staatsministerium, Rep. 90a, Abt. B, Tit. III 2b, Nr. 6, Bl. 53.

[21] Die Freiheit, 1.IV 1919. Morgenausgabe.

[22] Die Freiheit, 5.IV 1919. Abendausgabe.

[23] *Spethmann H.* 12 Jahre Ruhrbergbau, Bd. 1, S. 281, 284; ZStA Merseburg. Staatskommission für Volksernährung, Rep. 197A, Tit. Io, Nr. 9, Bl. 90, 103, 104.

Она подчеркнула, что руководство стачкой находится исключительно в руках Центрального стачечного комитета, а право ведения переговоров принадлежит не профсоюзам, а только Центральному шахтерскому Совету. Конференция постановила, что, если требования горняков не будут удовлетворены, с 9 апреля прекратятся работы по поддержанию шахт. Призвав горняков Средней Германии и Силезии к солидарности, конференция осудила тех, кто позволил завербовать себя на службу в правительственных войсках [24].

В тот же день Центральный шахтерский Совет писал в своей листовке: «Дело идет о спасении рабочего класса от катастрофы, в которой виновны капиталисты, о содействии победе социальной революции. Нам, горнякам, выпала доля быть передовыми борцами. Только мы в состоянии размозжить голову капиталистическому чудовищу. Это знают эксплуататоры и их наемные писаки. Отсюда травля, направленная против забастовки, лживые, вводящие в заблуждение сообщения. Не позволяйте обманывать себя, товарищи! Мы скоро будем у цели, скоро одолеем правительство и капитал, если вы этого захотите!» [25]

8 апреля в Дортмунд прибыл социал-демократ К. Зеверинг, которого накануне прусское и имперское правительства назначили государственным комиссаром Рейнско-Вестфальского промышленного района. Носке возложил на него задачу принимать и осуществлять совместно с командиром VII военного округа любые «военные и политические меры», которые он сочтет необходимыми [26]. В обращении к рабочим Зеверинг заявил о своем желании говорить с ними не только как представитель правительства, но и как «доверенное лицо рабочих». Он обещал смягчить осадное положение, вывести войска из некоторых городов и т. п. Одновременно он издал распоряжение о полном запрещении собраний НСДПГ и КПГ, а также приказ о всеобщей принудительной мобилизации мужчин в возрасте от 17 до 50 лет для выполнения работ по поддержанию шахт. За уклонение от мобилизации предусматривался штраф в 1500 марок или тюремное заключение сроком на год [27].

9 апреля в Эссен для переговоров с промышленниками и профсоюзами приехал министр труда социал-демократ Бауэр. Он обещал рабочим введение 7-часового рабочего дня, а промышленникам — усиление правительственных войск [28]. В тот же день в Эссене были арестованы члены Центрального шахтерского

[24] Die Freiheit, 5.IV 1919. Morgenausgabe.
[25] Die Rote Fahne, 14.IV 1919.
[26] *Severing C.* 1919/1920 im Wetter- und Watterwinkel. Bielefeld, 1927, S. 25; Kabinett Scheidemann, S. 142.
[27] *Severing C.* 1919/1920..., S. 27—28, 32. Впоследствии Зеверинг признал, что приказ был издан с целью «устрашения», ибо для его осуществления не было реальных средств (*Severing C.* Mein Lebensweg. Bd. 1. Köln, 1950, S. 241—243).
[28] *Severing C.* 1919/1920..., S. 34; Kabinett Scheidemann, S. 154.

Совета. Крупные силы правительственных войск вступили в Бохум. В обоих городах произошли столкновения войск с рабочими, в ходе которых было убито и ранено более 100 человек. Руководители профсоюзов призывали к прекращению забастовки, которая между 10 и 14 апреля охватила более 300 тыс. человек, т. е. свыше 75% горняков [29].

Корпус Лихтшляга занял заводы Круппа в Эссене, а затем вступил в Мюльгейм. В течение двух дней было арестовано более 1000 горняков. Карательные войска, вступившие в Реклингсгаузен [30], непрерывно провоцировали рабочих, нападая на пикеты и разгоняя собрания. 15 апреля стачечный комитет решил провести конференцию делегатов бастующих. Поскольку в Эссене собрания были запрещены, участники конференции собрались в местечке Верден, но подверглись здесь нападению войск. Один делегат был убит, несколько ранено, около 400 человек арестовано [31].

Положение забастовщиков становилось все более тяжелым. Стачечных пособий не хватало. В то же время правительство, чтобы поддержать «боевой дух» белогвардейских банд, выплачивало каждому солдату специальную дотацию в размере 30 марок за каждый «боевой день» [32]. Но, несмотря на трудности и лишения, конференция горняков, собравшаяся 17 апреля в Дортмунде, вопреки усилиям присутствовавшего на ней Зеверинга, единодушно приняла решение о продолжении забастовки, пока не будет освобожден и признан Центральный шахтерский Совет и не будут выполнены остальные требования рабочих [33].

В Оффенбахе произошли вооруженные столкновения [34]. Рабочим Дюссельдорфа удалось добиться вывода из города правительственных войск и отмены осадного положения. Но в Реклингсгаузене 25 членов стачечного комитета были арестованы, а демонстрация горняков, требовавшая их освобождения, разогнана [35]. Командование VII военного округа рекомендовало взять под стражу в качестве заложников видных деятелей КПГ [36].

Движение в Руре, которое вовсе не было «спартаковско-большевистским», а выражало широко распространенные в рабочем классе стремления добиться установления рабочего контроля над производством, осуществления социализации и улучшения материального положения [37], было подавлено силой. Во второй поло-

---

[29] *Oertzen P.* Die großen Streiks der Ruhrbergarbeiterschaft im Frühjahr 1919.— Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1958, H. 3, S. 244; *Idem.* Betriebsräte in der Novemberrevolution. Düsseldorf, 1963, S. 117—118.

[30] ZStA Merseburg. Staatskommission für Volksernährung, Rep. 197A, Tit. Io, Nr. 9, Bl. 107, 111—112.

[31] *Severing C.* 1919/1920..., S. 42—43.

[32] Die Freiheit, 14.IV 1919. Morgenausgabe.

[33] *Severing C.* 1919/1920..., S. 44—45.

[34] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/17, Bl. 48, 54.

[35] ZStA Merseburg. Staatskommission für Volksernährung, Rep. 197A, Tit. Io, Nr. 9, Bl. 117.

[36] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 215, Bl. 55.

[37] См.: *Oertzen P.* Betriebsräte..., S. 120—132.

вине апреля стачечная волна стала постепенно спадать. 23 апреля еще бастовала половина шахтеров, а к концу месяца эта продолжавшаяся свыше четырех недель, самая массовая за время революции стачка повсеместно прекратилась. По официальным данным, было потеряно свыше 5 млн. человеко-дней. Несколько сотен рабочих было убито и замучено белогвардейцами, более 3500 человек брошено в тюрьмы. «Порядок» в Руре был восстановлен. Докладывая 28 апреля на заседании кабинета о своем «успехе», Зеверинг заявил, что «всего достиг твердостью». Он советовал действовать так повсюду. Вскоре он был послан в Верхнюю Силезию, чтобы давать консультации на месте [38].

Горнопромышленный район **Верхней Силезии** еще в начале 1919 г. стал важным центром пролетарской борьбы. 12 февраля в Бреслау (Вроцлав) демонстрация безработных была расстреляна войсками, причем 13 человек было убито, более 40 ранено [39]. Постепенно здесь ширилось стачечное движение. Говоря о его причинах, регирунгспрезидент Оппельна (Ополе) считал первой «нежелание трудиться и безгранично возросшее сознание силы рабочего класса, который считает себя свободным от всех обязанностей, а в то же время требует от правительства и работодателей полного выполнения всех своих желаний». Среди требований были: увольнение отдельных мастеров и управляющих, повышение зарплаты и улучшение продовольственного снабжения. Второй причиной он объявлял «политическую агитацию поляков и спартаковцев», направленную против войск «охраны границ» [40] и за всеобщую забастовку, которая стала бы поводом для занятия Верхней Силезии польскими войсками. Приведенные в донесении конкретные примеры свидетельствовали о переплетении экономических и политических, социальных и национальных требований [41].

Командование VI военного округа в свою очередь выражало беспокойство и предлагало принять решительные меры против «иностранных агентов», создать во всех городах группы «Антибольшевистской лиги». Вместе с тем оно признавало, что «пока не хватает сырья, растет безработица и нет продовольствия, большевизм будет находить все более благоприятную почву для своего распространения» [41a].

На стачечную волну, охватившую Верхнюю Силезию в начале марта, повлиял пример Рурской области, Средней Германии и особенно Берлина. 5 марта забастовали 6 шахт, а 10—12 марта

---

[38] Kabinett Scheidemann, S. 242.

[39] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 271—272. Телефонограмма народного совета Бреслау от 13 февраля 1919 г.

[40] Эти войска, как и другие «добровольческие корпуса», находились под командованием контрреволюционных офицеров.

[41] ZStA Merseburg. Staatskommission für Volksernährung, Rep. 197A, Tit. Io, Nr. 9, Bl. 79—93. Донесение от 7 марта 1919 г.

[41a] ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 13318, Bl. 32—33. Донесение от 4 марта 1919 г.

не работали уже 35 шахт из 38. В борьбу включились также более 4 тыс. металлургов заводов Борзига в районе Гинденбурга (Забже) и рабочие других крупных предприятий. Выдвинутые требования носили преимущественно политический характер: избрание производственных Советов и установление рабочего контроля; отмена осадного положения, разоружение белой гвардии, включая войска «охраны границ», создание рабочей Красной гвардии; восстановление демократических свобод и освобождение политзаключенных; заключение союза с Россией и восстановление с ней дипломатических отношений. На отдельных шахтах речь шла также об отставке Эберта — Шейдемана и национальных требованиях польских рабочих: создании польских отрядов самообороны, открытии границ с занятой поляками Познанью и с Польшей [41б].

В ряде мест, в том числе на заводах Борзига, произошли вооруженные столкновения. Осадное положение, ранее введенное в промышленном районе, было распространено на все правобережье Одера. 10 марта рабочие Верхней Силезии попытались провести совместную интернациональную демонстрацию с польскими рабочими Домбровского бассейна. Она была разогнана пограничными войсками Германии и Польши. На шахте Паулюс в районе Бейтен (Бытом) рабочие выдвинули требование отделения Верхней Силезии от Пруссии и присоединения ее к Польше [42].

Руководство НСДПГ направило в Верхнюю Силезию Э. Барта. Прикрываясь революционными фразами, он сумел склонить руководителей рабочих Советов в Катовице и Гинденбурге к прекращению забастовки под тем предлогом, что в ближайшем будущем будет проведена общегерманская забастовка [43]. В эти дни войска вступили в Бреслау. Постепенно одна шахта за другой возобновили работу, хотя 15 марта еще бастовали 15 шахт [44]. Регирунгспрезидент Оппельна считал, что «мирное и окончательное прекращение забастовки не достигнуто, более того, среди беспокойного меньшинства (?) рабочего класса сохраняется прежнее боевое настроение и тем самым — длительное основание для беспокойства по поводу дальнейших беспорядков и перерывов в регулярной трудовой деятельности» [45].

Коммунистическая организация Верхней Силезии сделала попытку взять в свои руки руководство движением. В ряде мест на шахтах и предприятиях коммунисты действовали совместно с

[41б] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/13, Bl. 423. Телефонограмма Центрального рабочего Совета Катовиц от 10 марта 1919 г.; *Schumann W.* Oberschlesien 1918/19. Vom gemeinsamen Kampf deutscher und polnischer Arbeiter. Berlin, 1961, S. 171—172.

[42] Ibid., S. 172—176.

[43] *Barth E.* Aus der Werkstatt der deutschen Revolution. Berlin, [1919], S. 135—136.

[44] *Schumann W.* Oberschlesien 1918/19..., S. 180.

[45] ZStA Merseburg. Staatskommission für Volksernährung, Rep. 197A, Tit. Io, Nr. 9, Bl. 94. Донесение от 19 марта 1919 г.

независимцами. Но 22 марта бюро КПГ в Бейтене было разгромлено войсками. Тем не менее на следующий день в Катовице состоялась конференция доверенных лиц, назвавшая себя общим собранием рабочих Советов Верхней Силезии. Конференция заявила протест против осадного положения и террора военщины, призвала к возобновлению забастовки. Однако ее решения не удалось распространить, так как она была разогнана полицией и частями «охраны границ»[46].

Несмотря на меры подавления, в Верхней Силезии назревал новый взрыв возмущения, поскольку продовольственное снабжение продолжало ухудшаться, а цены на черном рынке росли. Возобновившиеся в апреле забастовки были раздробленными и не носили поначалу политического характера, но напуганные шахтовладельцы просили о присылке войск[47]. Новая конференция доверенных лиц, собравшаяся в Катовице 13 апреля, была разогнана. Когда голодные демонстрации рабочих в Гинденбурге и Глейвице (Гливице) привели к кровавым столкновениям с войсками, компартия в конце апреля призвала к всеобщей забастовке: «Нельзя терпеть, чтобы наемники «охраны границ» бесстыдно пожирали огромное количество продовольствия, в то время как наши женщины и дети мрут от голода. Для нас нет ни мяса, ни жира, тогда как солдат «охраны границ» получает в неделю 3 фунта мяса, почти 10 фунтов хлеба. К тому же высокую оплату от (владельцев.— *Я. Д.*) шахт и домен». Прежние требования отмены осадного положения, замены войск «охраны границ» рабочей милицией и т. п. были теперь пополнены новыми: 6-часовой рабочий день, распределение продовольствия рабочими Советами, «самоуправление для Верхней Силезии»[48].

К этому времени среди польских рабочих заметно выросло национальное движение и была создана «Польская военная организация» (POW), насчитывавшая несколько тысяч членов, частично вооруженных. Коммунисты Верхней Силезии, выступавшие за совместную борьбу немецких и польских рабочих, клеймившие националистическую кампанию буржуазии и социал-демократии, не решились выдвинуть требование национального самоопределения, что позволяло польским буржуазно-националистическим кругам усиливать свое влияние среди польских рабочих[49].

Забастовка началась в Глейвице. Ее поддержали рабочие электростанций в Забоже и Кёнигсхютте (Хожув). 29—30 апреля забастовали металлурги Доннерсмарка, затем доменщики Бисмарк-хютте, многие шахты и другие предприятия. Делегация профсоюзов Глейвица вернулась из Берлина с пустыми руками. Зато в Катовице приехал для консультации правительственного

---

[46] *Schumann W.* Oberschlesien 1918/19..., S. 181—183.
[47] ZStA Merseburg. Ministerium des Innern, Rep. 197A, Io, Nr. 9, Bl. 135. Донесение от 26 апреля 1919 г.
[48] Dokumente und Materialien, Bd. 3, S. 407—409.
[49] См.: *Schumann W.* Oberschlesien 1918/19..., S. 193—195.

комиссара, бывшего председателя солдатского Совета социал-демократа О. Гёрзинга «рурский специалист» К. Зеверинг. Вместе с начальником штаба VI военного округа майором Гестербергом было решено принять чрезвычайные меры: корпус Лихтшляга, переброшенный из Рура, захватил электростанцию в Забоже, была объявлена принудительная мобилизация мужчин для поддержания работы электростанций, водопровода, шахт и домен. Были строго запрещены печатание и распространение листовок и воззваний, проведены аресты доверенных лиц на предприятиях. Вместе с тем на день 1 мая было временно и частично отменено осадное положение, чтобы дать «отдушину» и позволить социал-демократическим лидерам провести манифестации в поддержку правительства. Однако в ряде городов коммунистам, часто вместе с независимцами, удалось устроить гораздо более внушительные демонстрации под революционными лозунгами. Состоялись также митинги поляков, за которыми 3 мая последовала однодневная забастовка по случаю польского национального праздника, в которой приняли участие до трех четвертей шахтеров. С помощью приказов о трудовой мобилизации стачечную борьбу удалось на некоторое время приостановить [50].

В Вюртемберге среди рабочих ширилось движение за объединение рабочего класса на революционной основе. Коммунисты, убедившись, что речь идет о выражении самых искренних устремлений широких масс (как признал даже прусский посланник в Штутгарте фон Мольтке), «взялись за дело с большим умом и с точностью психологической оценки». На предприятиях стали создаваться паритетные комитеты с задачей объединения рабочих через головы реформистских вождей. «С учетом сентиментальности добродушных швабов» были выдвинуты на первый план два требования: освобождения политзаключенных и отмены запрещения собраний и демонстраций. Однако правительство отвечало, что в Вюртемберге «политических заключенных нет», а коммунистический лидер Э. Гёрнле арестован за участие в «январском путче», что собрания и демонстрации запрещены в интересах «порядка и безопасности». Когда собрание представителей производственных комитетов создало 20 марта «Комитет действия объединенного пролетариата» и приняло радикальную программу, Мольтке заметил, что было бы правильнее «своевременным маневром избавиться от этих двух требований» [51].

В основу программы Комитета действия были положены рекомендации штутгартской организации КПГ. В них подчеркивалось, что главным в борьбе за социализм является вопрос о власти и в нем невозможен компромисс, что пролетариат, дабы сломить сопротивление буржуазии, должен будет установить

---

[50] Ibid., S. 201—202, 204, 209—211.
[51] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/14. Bl, 26—27. Донесение от 31 марта 1919 г.

свою диктатуру, власть рабочих и солдатских Советов [52]. «Программа действия революционного пролетариата», не поднимая теоретических вопросов, констатировала, что правительства империи и Вюртемберга «из-за большого влияния капиталистов не продолжают революции в интересах большинства народа, а, напротив, стараются ее подавить». Программа требовала: «создания социалистического общества на основе Советской системы»; конфискации крупных владений и военных прибылей, обобществления помещичьих имений, горных предприятий и недр; роспуска добровольческих формирований, вооружения надежных рабочих и солдат; избрания производственных Советов для контроля над производством, перевыборов рабочих Советов; прекращения войны против Советской России [53].

21 марта Комитет действия направил делегацию, потребовавшую от вюртембергского правительства немедленного освобождения политзаключенных, отмены запрещения собраний и демонстраций, восстановления на работе уволенных, перевыборов рабочих и солдатских Советов. Получив отказ, общее собрание представителей предприятий решило 26 марта объявить всеобщую забастовку. На многочисленных собраниях за нее высказались не менее 85% рабочих.

Начавшаяся 31 марта в Штутгарте стачка стремительно распространилась на весь Вюртемберг. Остановились городской транспорт и железные дороги. Правительство В. Блоса укрылось в башне вокзала под охраной войск лейтенанта Гана. Утром 1 апреля оно объявило осадное положение, ввело военные суды. Началась контрзабастовка буржуазии [54]. Но, несмотря на запрещение, состоялись массовые собрания и демонстрации, в которых участвовали и социал-демократические рабочие. Против них были брошены войска, безоглядно пустившие в ход оружие. На следующий день вооруженные столкновения продолжались, были арестованы руководители стачечного комитета. В то время как рабочие вооружались и усиливали сопротивление, правительственные войска начали обстрел рабочих кварталов Штутгарта. По полицейским данным было 15—16 убитых и 35—40 раненых [55]. Тяжелые бои происходили также в Эслингене и Нюртингене [56].

Несмотря на террор, забастовка прекратилась только через 8 дней, когда Комитет действия призвал рабочих организованно вернуться на работу. К. Цеткин, выступая неделю спустя в Вюртембергском ландтаге, опровергла клеветнические заявления

---

[52] Dokumente und Materialien, Bd. 3, S. 331—332.
[53] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/14, Bl. 29.
[54] *Blos W.* Von der Monarchie zum Volksstaat.— In: Denkwürdigkeiten aus der Umwälzung. Stuttgart, 1923, Bd. 2, S. 51—54, 58—67.
[55] Darstellungen, Bd. V. Die Kämpfe in Südwestdeutschland 1919—1923. Berlin, 1939, S. 33—41.
[56] *Hahn P.* Erinnerungen aus der Revolution in Württemberg.— In: Denkwürdigkeiten, Bd. 3, S. 77—82.

социал-демократов и буржуазных деятелей о «коммунистическом восстании». Она показала, что стачка выросла из глубокого недовольства и разочарования масс, которым пришлось отступить, когда правительство прибегло к грубому насилию [57].

31 марта во Франкфурте-на-Майне состоялась голодная демонстрация, сопровождавшаяся разгромом нескольких магазинов и освобождением политзаключенных. Произошли столкновения с войсками, в результате которых было убито и ранено несколько десятков человек, в том числе женщин [58].

В Магдебурге даже руководимый правыми социал-демократами и независимцами рабочий Совет не смог сотрудничать с властями. В начале марта он решился потребовать смещения обер-президента провинции Саксония фон дер Шуленбурга, который демонстрировал «самые неприятные стороны старопрусского юнкера» [59]. Когда председатель солдатского Совета независимец А. Брандес заявил протест против контрреволюционных происков офицеров, он был 6 апреля схвачен и вместе с еще двумя членами Совета увезен в Берлин. Чтобы добиться освобождения арестованных, рабочие Магдебурга начали 7 апреля всеобщую забастовку. В качестве заложников были задержаны генерал фон Клейст, несколько офицеров и случайно оказавшийся в городе имперский министр юстиции Ландсберг. Хотя задержанные были вскоре освобождены, правительство потребовало принятия решительных мер пресечения [60]. Носке немедленно направил в Магдебург части генерала Меркера, которые в течение двух последующих дней заняли город и учинили кровавый разгром, расстреляв мирное собрание жителей на соборной площади. Солдатские Советы и «ненадежные» части были распущены, стачка прекращена.

В начале апреля обострилась ситуация в Брауншвейге, который и раньше считался «центром коммунистического движения», даже «очагом всех трудностей имперского правительства» [61]. Рабочим и солдатским Советом руководили здесь левые независимцы и коммунисты, рабочие были вооружены [62]. Ландтаг, избранный еще в декабре 1918 г., имел буржуазное большинство. Собравшись в феврале, он принял временную конституцию, предусматривавшую компромисс: разделение власти между ландтагом, рабочим Советом и правительством. «Чисто социалистическое» правительство возглавлял С. Эртер (НСДПГ). Но революционные рабочие и солдаты были недовольны соглашением и требовали провозглашения Советской республики.

---

[57] *Zetkin C.* Ausgewählte Reden und Schriften, Bd. II, S. 116, 121.
[58] Darstellungen, Bd. V, S. 133—134.
[59] ZStA Merseburg. Ministerium des Innern, Rep. 77, Tit. 1373a, Nr. IXA, Bl. 10—11. Письмо от 8 марта 1919 г.
[60] Kabinett Scheidemann, S. 143. Заседание 7 апреля 1919 г.
[61] ZStA Potsdam. Reichsamt der Innern, Nr. 16514, Bl. 189.
[62] Ibid., Bl. 178.

27 февраля собравшиеся в замке руководители революционной рабочей охраны, народной морской дивизии, фольксвера, вооруженных рабочих Вольфенбюттеля постановили выяснить, что думают об этом рабочие [63]. После обсуждения вопроса на многих собраниях было решено, что «отдельные акции союзных государств приведут лишь к распылению сил и задержат победу Советов над буржуазным парламентаризмом... Возможно, уже в ближайшее время сложится ситуация, которая позволит вернуться к временно отложенному требованию» [64].

Рабочие Брауншвейга активно противодействовали вербовке «добровольцев», задерживали военные транспорты. Народная морская дивизия, фольксвер и рабочие отряды изъяли для своих нужд оружие с государственных артиллерийских складов в Вольфенбюттеле. Прусское и имперское правительства заявили против этого протест [65]. Командование X прусского военного округа, которому по давней военной конвенции были подчинены брауншвейгские войска, требовало их полной реорганизации [66].

9 апреля рабочие по призыву революционного комитета производственных Советов и доверенных лиц начали всеобщую забастовку. Фольксвер, находившийся в подчинении левого независимца К. Эккардта, и народная морская дивизия предоставили себя в распоряжение комитета. К стачке присоединились и железнодорожники, отрезав Берлин от Рура. Забастовщики требовали установления власти Советов, уничтожения старой военной системы и «добровольческих корпусов», вооружения пролетариата. Они выражали солидарность с забастовщиками Рура и других районов Германии, с Венгерской и Российской Советскими республиками. Власть фактически перешла в руки стачечного комитета, в котором активную роль играли левые независимцы А. Мергес, К. Эккардт, бывший берлинский полицей-президент Э. Эйхгорн.

Правительство Шейдемана 11 апреля постановило немедленно бросить против Брауншвейга войска [67]. На следующий день генерал Меркер получил от Носке приказ возглавить операцию, в которой должны были участвовать также подразделения Лютвица и X военного округа — в общем не менее 10 тыс. человек с бронепоездом, броневиками, артиллерией и авиацией. На пятый день забастовки имперское правительство объявило в Брауншвейге чрезвычайное положение, а войска начали с боями продвигаться к главному городу. Рабочие готовились к упорной борьбе, но правительство Эртера 15 апреля призвало к прекращению забастовки

---

[63] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 450, 478, 543; Dokumente und Materialien, Bd. 3, S. 207.

[64] ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 16514, Bl. 180. Записка от 8 марта 1919 г.

[65] Kabinett Scheidemann, S. 111—112.

[66] См.: *Oeckel H.* Die Volkswehr..., S. 210—211.

[67] Kabinett Scheidemann, S. 157.

и вооруженного сопротивления. Меркер отказался, однако, вести какие-либо переговоры и ультимативно потребовал роспуска правительства, Советов и фольксвера, разоружения рабочих. В предвидении тяжелых боев он заслал в Брауншвейг разведчиков и провокаторов, издал детальные оперативные приказы [68].

В полночь на 17 апреля войска вступили в город, не встретив никакого сопротивления. Тем не менее Меркер объявил о разоружении населения, роспуске народной морской дивизии и фольксвера. «Я смещаю прежнее правительство Брауншвейга,— говорилось в приказе.— Устанавливаю новое правительство, соответствующее составу ландтага. Брауншвейгский рабочий Совет я распускаю. Бывший президент Мергес, народные комиссары коммунисты Эртер, Эккардт и бывший председатель рабочего и солдатского Совета гусар Шютц из Берлина будут арестованы... Объем моих военных мер будет зависеть от поведения прежнего правительства и населения республики Брауншвейг» [69]. Вскоре Меркер самолично назначил новое правительство, включив в него двух «надежных» независимцев. Была организована охота за революционными руководителями, стали действовать чрезвычайные военные суды, в городе и округе проводились обыски для изъятия оружия.

Даже правые социал-демократические лидеры выразили возмущение действиями Носке и Меркера, а президент совета старейшин ландтага Яспер телеграфировал правительству в Берлин, что считает подобное попрание конституции союзного государства недопустимым, чрезвычайные суды незаконными и протестует против нарушения иммунитета депутатов [70]. Имперское правительство на это не реагировало. Юрист Ландсберг разъяснял Шейдеману, что Меркер действовал «правомерно», хотя... не имел права смещать и назначать должностных лиц! [71] Меркер 10 дней спустя докладывал, что не намерен вывести из города основные части правительственных войск. Хотя, как он утверждал, изъяты 43 пулемета, но из 15 тыс. розданных населению винтовок собрано лишь 3711 [72].

Неспокойно было в Саксонии. Начавшаяся на угольных шахтах Лугау-Эльсниц забастовка 10 апреля охватила также Цвиккау и окрестности. Полиция с тревогой сообщала, что «части охраны» на стороне рабочих, вопрос о продовольственном снабжении отодвинулся на второй план, а на первом стоят политические требования солидарности с Советской Россией и Венгрией [73]. О напряженности ситуации свидетельствовали события

[68] См.: *Oeckel*. Die Volkswehr..., S. 213.
[69] Die Freiheit, 18.IV 1919. Morgenausgabe.
[70] Ibidem. Это не помешало Ясперу возглавить назначенное Маркером правительство.
[71] Kabinett Scheidemann, S. 252—253.
[72] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 215, Bl. 59—61. Доклад от 25 апреля 1919 г. Осадное положение было снято только 5 июня 1919 г.
[73] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/17, Bl. 49—50, 53; Nr. 9/14, Bl. 25.

в Дрездене. В субботу 12 апреля инвалиды войны провели демонстрацию у здания военного министерства. Вызванные войска отказались применить оружие. Когда же в здании, куда делегация пошла требовать, чтобы военный министр выступил перед собравшимися, раздались взрывы гранат, возбужденные демонстранты схватили социал-демократического министра Нейринга и бросили его в Эльбу. Во всей Саксонии было введено осадное положение [74]. Вскоре, впрочем, выяснилось, что оно было намечено еще до убийства Нейринга.

Прусский посол в Саксонии Рейнгардт, докладывая 19 апреля об активности революционеров в Лейпциге и о том, что «служба безопасности» здесь поддерживает рабочих, прямо поставил вопрос: не лучше ли ввести в Лейпциг прусские войска? [75] Кабинет Шейдемана подтвердил 23 апреля осадное положение в Саксонии, отказавшись отменить его на время традиционной весенней ярмарки [76]. Прусский посол советовал решительные меры, включая введение прусских войск, принять после ярмарки [77].

После февральского разгрома активизировались и рабочие Бремена. 13 апреля руководители производственных Советов, профсоюзов и партийных организаций КПГ и НСДПГ предъявили бременскому правительству ультиматум. Они требовали отмены осадного положения, освобождения арестованных, выплаты возмещения жертвам февральских событий, установления одинаковых продовольственных норм населению и «охранным отрядам», повышения пособий безработным. Правительство на это не ответило, и 15 апреля забастовали рабочие крупнейшей верфи «Везер», заводов «Атлас» и «Ганза—Ллойд» — более 12 тыс. человек. Остановился городской транспорт. Докеры Бремергафена обеспечивали при этом бесперебойное обслуживание кораблей, занятых доставкой продовольствия.

19 апреля забастовщики прекратили подачу газа. Буржуазия начала заранее подготовленную контрзабастовку, поддержанную правительством. Городская комендатура с согласия сената усилила осадное положение, вскоре подтвержденное Эбертом и Шейдеманом. Были закрыты рабочие газеты, запрещено издание листовок и плакатов, ограничена телефонная и телеграфная связь. Рабочим была объявлена «голодная война»: закрылись магазины, рестораны, столовые, перестали выдавать продовольственные карточки, прекратили работу кино, театры, школы, был удлинен комендантский час [78]. 22 апреля были произведены многочисленные аресты, но стачка продолжалась до конца месяца [79].

---

[74] ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 16572, Bl. 112—114; Die Freiheit, 13.IV 1919. Morgenausgabe.
[75] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/14, Bl. 36—38.
[76] Kabinett Scheidemann, S. 232.
[77] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/17, Bl. 69—70.
[78] Ibid., Bl. 118.
[79] Die Freiheit, 23.IV 1919. Abendausgabe; 25.IV 1919. Abendausgabe; 26.IV 1919. Morgenausgabe; 30.IV 1919. Morgenausgabe.

В Гамбурге, где с конца марта социал-демократы имели абсолютное большинство в городском собрании (бюргершафт), в дни пасхи произошли голодные беспорядки и столкновения. Комендант Ламппь ввел 23 апреля строгое осадное положение, утвержденное Эбертом. Фольксвер и полиция получили приказ задержанных с оружием в руках расстреливать на месте[80].

Хотя генеральный уполномоченный в Прибалтике Винниг в телеграмме от 8 апреля заверял правительство, что в Восточной и Западной Пруссии население полностью сохраняет верность, уже через несколько дней ему пришлось докладывать об ином[81]. В Данциге, где войска заняли вокзал, чтобы помешать протестам против военных перевозок, железнодорожники, поддержанные рабочими, начали всеобщую забастовку. Они потребовали роспуска «добровольческих корпусов», создания Красной гвардии, отставки правительства, установления власти Советов. Командование ответило осадным положением; в боях за вокзал были убитые и раненые. Винниг договорился с военными об отмене осадного положения, и стачка была 14 апреля прекращена. Угрозу забастовки в Кёнигсберге удалось предотвратить посредством переговоров. Но собравшаяся 13 апреля в Алленштейне конференция рабочих Советов Восточной и Западной Пруссии приняла директивы о контроле Советов над администрацией, которые Винниг и министр Гейне считали совершенно неприемлемыми[82]. 16 апреля Шейдеман, Рейнгардт и другие министры провели с социал-демократическими депутатами специальное совещание[83]. Накануне Виннигу были даны полномочия, в которых говорилось: «Спартакисты и русско-большевистские элементы должны подавляться с применением всех военных, юридических и политических средств»[84].

В забастовочную борьбу стали втягиваться также служащие. Их материальное положение было значительно лучше, чем у рабочих, но, с одной стороны, рост дороговизны, с другой — проснувшаяся потребность самим участвовать в регулировании условий труда побудили и их прибегнуть к массовой стачке. 2 апреля, не добившись успеха на переговорах, забастовали 30 тыс. коммерческих и технических служащих берлинской металлопромышленности. В то время как предприниматели заявили, что стачка означает нарушение контракта, Берлинский Исполком признал требования служащих справедливыми и заявил, что вся ответ-

---

[80] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/17, Bl. 66—68, 72—73.

[81] ZStA Merseburg. Ministerium des Innern, Rep. 77, Tit. 1373a, Nr. VI, Bl. 45.

[82] Ibid., Nr. XII, Bl. 81—82, 85. Регирунгспрезидент Гумбиннена писал, что и правые социал-демократы в Советах открыто выступают против правительства Эберта — Шейдемана и надеются, что его скорое свержение укрепит положение Советов (ibid., Nr. 1, Bl. 147—150).

[83] Kabinett Scheidemann, S. 164—166.

[84] ZStA Merseburg. Ministerium des Innern, Rep. 77. Tit. 1373a, Nr. XVIA, Bl. 12.

ственность ложится на предпринимателей[85]. Несколько дней спустя начали забастовку служащие крупных банков. Эта стачка распространилась на многие города[86]. Готовилась забастовка железнодорожных служащих. Прусское правительство 4 апреля выпустило воззвание о запрещении стачек чиновников и государственных служащих. Поскольку такое запрещение шло вразрез с правом, провозглашенным революцией, военный министр придумал формулу, гласившую, что «право коалиций не оправдывает нарушения контракта». Называя стачку преступлением, правительство предупреждало, что применит «все средства власти». Даже у членов кабинета Шейдемана возникли сомнения, уместно ли такое воззвание, и вспыхнул спор, означает ли право коалиций право на забастовку[87].

К середине апреля стачка 150 тыс. берлинских служащих металлопромышленности грозила перерасти во всеобщую забастовку служащих. Наряду со «справедливой зарплатой» бастующие требовали «права на соучастие» в решении вопросов найма и увольнения. Переговоры направленной в Веймар делегации не дали результатов, как и переговоры, которые вели банковские служащие. В роли посредника выступал и Берлинский Исполком[88]. В конечном счете представитель министерства труда вынужден был согласиться на ограниченное «соучастие» комиссий служащих в вопросах найма и увольнения, чем вызвал недовольство Бауэра и Шейдемана[89]. Но на этих условиях удалось закончить небывалую стачку служащих. Был достигнут компромисс и с банковскими служащими. После пасхи работа возобновилась.

Надвигалась, однако, еще более серьезная забастовка — железнодорожников, а также работников почты и телеграфа, требовавших увеличения окладов. Полиция из Лейпцига доносила, что коммунисты напечатали здесь 15 тыс. экз. листовки, призывавшей железнодорожников срывать перевозки контрреволюционных войск, посылаемых для подавления рабочих[90]. Прусское правительство по-прежнему усматривало в «повторяющихся и растущих, в большинстве безответственных требованиях зарплаты и в прекращениях работы», а также в актах саботажа происки «чужих оплаченных агитаторов», настаивало перед имперским правительством на принятии «законодательных мер», рекомендо-

---

[85] Die Freiheit, 4.IV 1919. Morgenausgabe.

[86] Дирекции шести крупнейших банков сообщали об этом прусскому правительству телеграммой от 8 апреля 1919 г. (ZStA Merseburg. Ministerium für Handel und Gewerbe, Rep. 120, Abt. B, Tit. B VII, Nr. 29, Bl. 222—224).

[87] Vorwärts, 8.IV 1919. Morgenausgabe; Kabinett Scheidemann, S. 153.

[88] IML — ZPA. Vollzugsrat, Nr. 11/8, Bl. 100—107, 127—171, 227. Заседания 12, 14, 16 апреля 1919 г.

[89] Kabinett Scheidemann, S. 184, 187; IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/14, Bl. 80—82.

[90] ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 13318, Bl. 68—69.

вало вместо повышения зарплаты ввести систему премий и обсудить меры по удешевлению жизненно необходимых товаров [91].

Кабинет Шейдемана на двух заседаниях обсуждал грозящую опасность. Предлагались различные средства — от запрещения и подавления стачек, принудительного арбитража, арестов «подстрекателей», охраны штрейкбрехеров и введения трудовой повинности до мер пропагандистских и «психологических». Так, Эрцбергер советовал нажать на «социализацию», а Дернбург — подумать о соотношении между ценами на продовольствие и зарплатой, об участии рабочих в прибылях и о «премиях за риск» для предпринимателей. Привлек внимание вопрос об осадном положении при «внутренних беспорядках». Еще ранее выяснилось, что оно применяется по-разному: иногда военачальники вводили его сами, иногда обращались с просьбой ввести его к имперскому президенту [92]. Теперь предлагалось создать также «современный заменитель осадного положения», разработав закон о передаче диктаторских прав не военным, а гражданским властям [93].

«Успехи» перед лицом расширившегося фронта борьбы не свидетельствовали о силе правительства. Против рабочих, отстаивавших свои жизненные права и революционные завоевания, применялись прежде всего методы осадного положения и жестокого кровавого подавления с помощью мобильных «добровольческих корпусов», натренированных в ведении гражданской войны против трудящихся. Губернатор Берлина социал-демократ Шёпфлин в приказе по гарнизону указывал, что эти части, в том числе молодые офицеры, в мартовские дни «вели себя *целиком как во вражеской стране*» [94].

Но можно ли долго держаться на штыках? Этот вопрос волновал и иностранных наблюдателей, боявшихся успеха революции. Американское радио отмечало, что каждая новая стачка, каждое новое выступление подавляются со все бо́льшим трудом. Войска Носке вынуждены находиться все время в движении, но они могут не справиться, если рабочие выступят одновременно в разных местах [95]. А Ллойд Джордж в Париже с тревогой ссылался на донесение своего агента, который докладывал, что правительство и Национальное собрание «утратили доверие страны», что забастовки и волнения носят все более «ярко выраженный политический, то есть антишейдемановский, характер», что идея власти Советов распространяется все шире [96].

---

[91] ZStA Merseburg. Preußisches Staatsministerium, Rep. 90a, Abt. B. Tit. III2b, Nr. 6, Bl. 78—82. Заседание 26 апреля 1919 г.

[92] ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 12219, Bl. 96—97. Записка Надольного от 23 апреля 1919 г.

[93] Kabinett Scheidemann, S. 246—247, 250. Заседания 28 и 30 апреля 1919 г.

[94] Die Freiheit, 24.IV 1919. Abendausgabe.

[95] См.: Правда, 5.IV 1919.

[96] PPC, v. V, p. 102. Заседание Совета четырех. 20 апреля 1919 г. Донесение агента от 17 апреля — ibid., p. 102—105.

«В Германии идет могучая волна стихийного стачечного движения»,— писал В. И. Ленин, указывая на «неслыханный подъем и рост пролетарской борьбы». Он напоминал при этом, что «стихийные взрывы при нарастании революции неизбежны. Ни одной революции без этого не было и быть не может». Коммунисты, разумеется, «*не* потворствуют стихийности, *не* стоят за разрозненные вспышки», как утверждают их противники, а, напротив, «учат массы организованному, цельному, дружному, своевременному, зрелому выступлению». Но «коммунисты считают — и вполне правильно — своим долгом *быть с борющимися массами* угнетенных, а не со стоящими в сторонке и выжидающими трусливо героями мещанства. Когда массы борются, ошибки в борьбе неизбежны: коммунисты, видя эти ошибки, разъясняя их массам, добиваясь исправления ошибок, неуклонно отстаивая победу сознательности над стихийностью, *остаются с массами*» [97]. Так поступали и немецкие коммунисты.

А социал-демократические газеты в конце марта и начале апреля 1919 г. снова открыли «предохранительные клапаны». Опубликовав серии «разоблачительных» статей в адрес вождей, они даже выдвинули лозунг: «опасность справа!» [98]. Не прекращая при этом клеветы на коммунистов и организаторов политических забастовок, они превозносили любое обещание «уступок».

Смягчению недовольства в рядах социал-демократии призвана была послужить также состоявшаяся 22—23 марта в Веймаре партийная конференция СДПГ. Но и на ней выявилось растущее возмущение рядовых членов партии засильем в государственном аппарате реакционных чиновников и жестокостью «добровольческих корпусов». Г. Мюллеру пришлось признать справедливость этой критики. Носке жаловался, что рабочие не вступают в эти формирования, а бойкотируют их. Шейдеман объяснял, что не желание, а необходимость заставляет руководство партии и правительство изменить тактику в отношении Советов и принять центристский лозунг «закрепления Советов в конституции», чтобы дать им, однако, не политические, а лишь некоторые социально-экономические функции. Бауэр признал, что название «Совет» ему вообще «крайне несимпатично» и он предпочел бы наименование «рабочая палата», но ведь это «веление времени — называть все Советами». Против Советов энергично выступил К. Легин, председатель Генеральной комиссии профсоюзов. Он утверждал: если в соответствии с обещанием правительства рабочие Советы получат право регулировать условия заработной платы и труда, профсоюзы будут ущемлены [99]. Это перекликалось с теми энергич-

---

[97] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 392—393.
[98] Vorwärts, 25, 27, 29.III 1919; Die Freiheit, 26, 28.III 1919 u. a.
[99] Protokoll der Parteikonferenz in Weimar am 22. und 23. März 1919 (s. l., s. d.), S. 32, 36.

ными предостережениями правительству, которые высказали на заседании «Центрального делового содружества» Легин, крупные промышленники Э. фон Борзиг, Э. Хильгер, председатель «Имперского союза германской промышленности» К. Зорге[100].

В кабинете Шейдемана сложилось своего рода «разделение труда»: в то время как один Густав (Носке) руководил регулярными военными действиями против рабочих, другой Густав (Бауэр) руководил операциями по их «умиротворению». Так, 15 марта Бауэр подписал согласованные с представителями средненемецких промышленников, профсоюзов и рабочих Советов «Принципы учреждения производственных Советов» и «Временную служебную инструкцию для производственного Совета»[101]. А 20 марта он внес на обсуждение кабинета проект закона «Об укоренении Советов в конституции». В сравнении с данными в начале марта посулами проект выглядел более чем скромно. Воспроизведя декларативную фразу из проекта конституции, что «рабочая сила находится под особой охраной империи», он говорил, что трудящимся для соблюдения их экономических интересов разрешается создавать на предприятиях и в экономических областях законно упорядоченные представительства (производственные и окружные рабочие Советы). «Совокупности трудового народа» предлагалось «законное представительство его интересов» — Имперский экономический совет (Reichswirtschaftsrat).

Шейдеман заметил, что «заводилы радикального движения» будут разочарованы, ибо они ждали «чистого Центрального Совета». Надо яснее сказать, что в экономический совет войдут представители трудящихся, работодателей, работников сельского хозяйства, торговли. Идею такого сословного представительства поддержали Виссель и Давид, но Эрцбергер предложил уточнить, что будет создан Центральный рабочий Совет, а потом уже он соединится с представителями торговли, сельского хозяйства, ремесла. Кёт высказал опасение, не будут ли парализованы профсоюзы. Готгейн предложил ограничить задачи экономического Совета выработкой необязательных рекомендаций, а Ландсберг — не давать ему законодательных функций. Носке говорил, что конституция не должна порождать слишком большие надежды. Как и Шиффер, он утверждал: «Противникам все равно не угодишь. Они хотят диктатуру пролетариата, чего не хочет никто в кабинете». Шейдеман сказал, что обещания придется выполнить, но итог будет не тот, какого ждут сторонники диктатуры пролетариата[102].

Законопроект еще дважды обсуждался кабинетом, его согласовывали с лидерами фракций коалиционных партий. Было

[100] ZStA Potsdam. Reichsarbeitsministerium, Nr. 3474, S. 212—214. Заседание 19 марта 1919 г. Виссель и Бауэр заверили монополистов, что эта вынужденная уступка для успокоения рабочих не нанесет ущерба ни профсоюзам, ни «деловому содружеству».

[101] Deutscher Reichsanzeiger, 20.III 1919.

[102] Kabinett Scheidemann, S. 73–74.

решено дать производственным Советам право участвовать в решении вопросов, касающихся заработной платы и условий труда, но ни в коем случае не допускать их к руководству производством, чтобы не ущемить прерогативы предпринимателей. Имперскому экономическому совету (по настоянию Носке, Шиффера и Готгейна) не были даны ни законодательные права, ни право вето [103]. Законопроект был опубликован 6 апреля 1919 г. в виде «улучшенной» редакции статьи 34 проекта конституции.

«Рабочие призваны,— говорилось в нем,— в сотрудничестве с предпринимателями равноправно участвовать в регулировании условий заработной платы и труда, а также в общественно-хозяйственном развитии производительных сил». Рабочим обеспечивались «законные представительства» их интересов: производственные, окружные и имперский (Центральный) рабочий Совет. Но действовать эти Советы могли только вместе с организациями предпринимателей в системе «экономических советов» [104].

Сообщая об этом законопроекте, газета НСДПГ писала, что правительство «все еще надеется с помощью хитрости и коварства обойти предоставление системе Советов участия в экономической и политической власти». Под маркой Советов оно пытается протащить те органы «делового содружества», которые рабочие презирают и ненавидят, хочет убить идею классовой борьбы и социализма. «Правительственный проект — лишь новое доказательство того, что эта цель (социализм.— *Я. Д.*) может быть достигнута только против правительства» [105]. Но газета умолчала о том, кто был автором идеи «сочетания» Советов с буржуазной властью. Об этом напомнили коммунисты. «Добрые старые трудовые палаты,— писала газета КПГ,— превращаются в гордые рабочие Советы, и вот «советская конституция» готова! Родили эту идею Гильфердинг и Брейтшейд. Р. Мюллер и Деймиг ее поддержали, а «социалистическое» правительство благополучно оказалось там же, где и империалист Ллойд Джордж: у паритетной арбитражной и экспертной комиссии. Паритет означает единовластие господствующего класса как собственника средств производства, присваивающего прибавочную стоимость... Все красивые слова о «социализации» становятся пустой болтовней» [106].

Правительство считало особенно важным, чтобы его законопроект об «укоренении Советов» был опубликован до того, как в Берлине соберется *Второй всегерманский съезд Советов*. Центральный Совет сколько мог оттягивал его созыв, и только опасение, что съезд будет собран без него, заставило его разослать 1 марта 1919 г. приглашение. Но оно извращало самую идею

---

[103] Kabinett Scheidemann, S. 103—104, 131—133. Заседания 26 марта и 4 апреля 1919 г.
[104] Vorwärts, 6.IV 1919.
[105] Die Freiheit, 7.IV 1919. Morgenausgabe.
[106] Die Rote Fahne, 12.IV 1919.

Советов. Во-первых, при выборах делегатов производственный принцип заменялся территориальным. Это должно было разрушить связь рабочих Советов с предприятиями, свести на нет возможность отзыва депутатов, а сами Советы превратить в слабую копию парламентарных представительств. Во-вторых, избирательное право давалось всем, чей доход не превышал 10 тыс. марок в год, что открывало дорогу в Советы мелкой буржуазии, чиновникам, даже части средней буржуазии. В-третьих, в работе съезда должны были участвовать представители «крестьянских советов», созданных правительством и организациями кулаков и аграриев в противовес рабочим и солдатским Советам. В-четвертых, в работе съезда приглашались принять участие представители Австрии [107].

Коммунисты уже 11 марта заявили решительный протест против «этого наглого обмана» и «фальсификации Советов изнутри», призвали рабочих не участвовать в таких выборах, а добиваться сохранения производственного принципа и полного отстранения Центрального Совета [108]. На заседаниях Исполкома 17 и 19, на пленарных собраниях рабочего и солдатского Совета Берлина 24, 26 и 28 марта вопрос о съезде оставался в центре внимания. Представитель КПГ Бергс требовал признания Центрального Совета несуществующим, заявив, что речь идет о сознательном искажении Советской системы, усилении влияния партийной и профсоюзной бюрократии. Он напомнил, что собрание рабочих Советов Верхней Силезии, разогнанное войсками Носке, единодушно высказалось против территориальных выборов, что такое же решение приняло собрание Верхней Баварии. КПГ решила поэтому не участвовать в работе предстоящего съезда [109].

Лидеры независимцев на собрании 24 марта тоже осудили избирательную систему, навязанную Центральным Советом. Но, сославшись на ранее принятое решение, что съезд должен быть созван Центральным Советом, Р. Мюллер ограничился отказом применить эту систему в Берлине. В таком же духе, только более резко, выступал и Деймиг [110]. Коммунист Герфурт, напомнив, что его партия первая потребовала созыва съезда Советов, подтвердил, что она отказывается участвовать в комедии, которая будет разыграна в момент, когда в Берлине реакционный Союз офицеров призывает к насилию, а осадное положение не отменено. Он выразил удивление, что НСДПГ проявляет колебания и непоследовательность, питая, видимо, иллюзии, будто съезд, на котором будут преобладать чистопробные партийные бюрократы, способен продвинуть революцию вперед [111]. При избрании

---

[107] Vorwärts, 2.III 1919.
[108] Dokumente und Materialien, Bd. 3, S. 314—315.
[109] IML — ZPA. Vollzugsrat, Nr. 11/7, Bl. 204—209, 245; IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/14, Bl. 5—15. Собрание 24 марта 1919 г.
[110] Ibid., Bl. 18—19, 38—39.
[111] Ibid., Bl. 59—61, 66—67. Собрание 26 апреля 1919 г.

делегатов на съезд коммунисты воздержались, и НСДПГ получила 9 мандатов, СДПГ — 5, немецкие демократы — 2. Вместе с тем пленарное собрание послало приветствие Венгерской Советской республике [112] и получило дружеский ответ от Бела Куна. Единогласно была принята предложенная коммунистами резолюция, требовавшая отмены в столице осадного положения [113].

Большое волнение вызвал неожиданный арест 30 марта Деймига. Ему инкриминировалось участие в «январском восстании», за что с 10 января находился в тюрьме 69-летний лидер НСДПГ Георг Ледебур. Рабочие ряда крупных предприятий заявили на своих собраниях резкий протест. На экстренном заседании Берлинского Исполкома было высказано мнение, что удар нацелен вообще против рабочих Советов, за которые энергично выступал Деймиг. Члены Исполкома от всех партий предупредили следователя прокуратуры, что грозит всеобщая забастовка. 31 марта Деймиг был освобожден [114].

Общее собрание рабочих, солдатских и коммунальных Советов Большого Берлина 5 апреля специально обсуждало положение коммунальных Советов. В докладе их представителя социал-демократа Дале была обоснована необходимость их сохранения, поскольку капитализм господствует, а его представители в Национальном собрании, разумеется, не намерены его устранить. Коммунист Бергс отметил, что этот доклад — знак большого сдвига влево. Несмотря на возражения немецких демократов и части социал-демократов, собрание постановило, что «коммунальные рабочие Советы, как и прежде, сохраняют свое право на существование». Шесть их представителей были включены в состав Берлинского Исполкома [115].

5—7 апреля в Берлине состоялся общегерманский съезд безработных. На нем говорилось, что число безработных много больше официальных данных, а правительство не принимает действенных мер для их трудоустройства. Обсуждался проект закона о социальном обеспечении не имеющих работы, был создан, невзирая на возражения представителей правительства, Имперский комитет безработных [116].

В день открытия съезда Советов Р. Мюллер признал, что на нем будет «*враждебное Советам большинство.* Правосоциалистическим вождям, которые неоднократно выражали свое отрицательное отношение к Советам, нечего бояться» [117]. И действительно, из 261 делегата 146 были членами СДПГ, НСДПГ имела 56 мест, солдатская фракция — 26, буржуазные партии — 13, крестьян-

[112] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/14, Bl. 83.
[113] Ibid., Bl. 89—91. Собрание 28 марта 1919 г.
[114] IML — ZPA. Vollzugsrat, Nr. 11/7, Bl. 344—350. Ордер на арест был выдан еще 15 марта; IML — ZPA. Justizministerium, Nr. 7/96. Bl. 138.
[115] IML — ZPA Vollversammlungen, Nr. 11/14, Bl. 103—107, 130—131 136, 140—143.
[116] Die Freiheit, 6.IV 1919. Morgenausgabe, Beilage; 7.IV 1919. Morgenausgabe.
[117] Die Freiheit, 8.IV 1919. Morgenausgabe.

ские Советы — 10, КПГ — 1, австрийская делегация — 9. Кроме того, в работе участвовали 24 члена Центрального совета, 4 представителя правительств и 2 — от фракции СДПГ Национального собрания [118].

Съезд открылся 8 апреля в зале прусской палаты господ. Накануне кабинет Шейдемана решил: «Район правительственных учреждений должен быть тщательно огражден от демонстраций» [119]. В отчетном докладе Центрального Совета Лейнерт старался оправдать деятельность правительства Эберта — Шейдемана — Носке, включая применение насилия против рабочих, осуждал забастовки [120]. Левые независимцы подвергли Центральный Совет суровой критике. Р. Мюллер указал, что он не выполнил решений первого съезда о «гамбургских пунктах» и о социализации, поддерживал террор белогвардейских банд [121]. Недовольство политикой лидеров проявилось и в выступлениях некоторых членов СДПГ, в принятии съездом приветствия Венгерской Советской республике, резолюциях об освобождении Ледебура и других политических заключенных, против вербовки «добровольцев» и частей «охраны границ». Однако предложение потребовать отмены осадного положения в Берлине было отклонено.

Центральным на съезде был вопрос о судьбе Советов. С докладом «Строение Германии и система Советов» выступил Коэн. Взяв под защиту действия правительства, он в то же время обвинил его в том, что оно упустило начать социализацию и, особенно, не пожелало «использовать ценное в идее Советов», не поняло ее «глубокого смысла». Увидев в Советах лишь «импортированную из большевистской России революционную болезнь», правительство отвергло их целиком и только под давлением забастовок приняло половинчатый законопроект. Озабоченный тем, как бы «совладать с возбужденным движением масс», докладчик хотел «еще в последний час попытаться, если только возможно, остановить движение влево всех приличных людей, всех социал-демократов большинства». Правительство и профсоюзы, по его мнению, не нашли подходящих путей подчинения себе рабочих Советов. Он видел такой путь в создании «палаты труда» или «палаты производителей», в которую мечтал втиснуть рабочие Советы. «Диктатуру Советов» он яростно отвергал, а на Советскую Россию обрушил поток низкопробной клеветы [122].

Содокладчик Деймиг заметил, что на съезде царит атмосфера, когда много говорят об ограниченности, низости и лености рабочих, об их нежелании трудиться, но никто не обвиняет капита-

---

[118] II. Kongress der Arbeiter-, Bauern- und Soldatenräte Deutschlands am 8. bis 14. April 1919 im Herrenhaus zu Berlin. Stenographisches Protokoll (далее — II. Rätekongress). Berlin, [1919], S. 250—255.
[119] Kabinett Scheidemann, S. 144.
[120] II Rätekongress, S. 14—20.
[121] Ibid., S. 25—31.
[122] Ibid., S. 152—166.

листов, не обличает саботаж предпринимателей. Здесь господствует дух Трейчке, а не Маркса. Не только правительство, а и Центральный Совет совершили смертный грех по отношению к Советам. Антибольшевизм служит лишь прикрытием враждебности к революции и социализму. За 150 дней революции в Германии революционизирована лишь поверхность, а вся система авторитарного государства сохранилась. Предложения Коэна нисколько не затрагивают старое бюрократическое здание. Соединить пролетарские интересы с интересами капиталистической прибыли невозможно. Господам Тиссену и Стиннесу не место в Советах. Деймиг высказался за сохранение *политической* роли Советов, носителями которой должны остаться «коммунальные рабочие Советы», тогда как экономическими вопросами должны заниматься производственные Советы. Он рекомендовал установить четкое разделение их функций. Понимая, что вопросы организации Советов «зависят от власти, которую Советы еще должны завоевать», он тем не менее предлагал потребовать от правительства, чтобы оно содействовало деятельности Советов, финансировало их и сохранило, хотя бы в форме, предложенной Коэном [123].

Ю. Калиский, отстаивая идею сословной палаты, пытался убедить съезд, что крупные промышленники работают не только изза прибыли, что они «не тигры, лисы и волки, а люди, как мы и вы» [124]. Р. Мюллер осудил «левое крыло правых социалистов» за попытку «поженить пролетарскую демократию с буржуазной демократией», результатом чего может быть лишь «выкидыш, неспособный ни жить, ни умереть» [125].

Съезд отклонил предложение НСДПГ о том, что «представительство трудового народа составляют в политической области рабочие Советы, в экономической области — производственные Советы» [126]. Проект СДПГ, принятый съездом, в большей мере, чем предыдущие, приспосабливался к требованиям масс. Пункт 1-й даже провозглашал: «Основой социалистической республики должна быть социалистическая демократия. Буржуазная демократия в своей представительной системе оценивает население только количественно. Социалистическая демократия должна внести дополнение, стремясь охватить население также на основе его трудовой деятельности». Из этой довольно радикально звучавшей декларации выводилось, однако, образование паритетных экономических Советов, увенчанных пресловутой «палатой труда», а также подтверждение «делового содружества» между союзами предпринимателей и профсоюзами. Признание производственного принципа выборов в Советы обесценивалось тем, что их политическая роль была сведена к нулю [127].

---

[123] II. Rätekongress, S. 168—171, 174.
[124] Ibid., S. 189.
[125] Ibid., S. 191—193.
[126] Ibid., S. 269.
[127] Ibid., S. 267.

«Идея Советов,— заявила после голосования фракция НСДПГ,— революционного и пролетарского происхождения; ее цель — преобразование капиталистического экономического и общественного строя в социалистический. Советская организация должна поэтому в своей экономической форме деятельности быть средством устранения частнокапиталистического производства и осуществления общественного производства. В политической области Советская организация должна устранить парламентарную и демократическую государственную форму и превратить нынешнее авторитарное государство в народное государство, формальную демократию избирательного бюллетеня в действительное господство народа. Предложение СДПГ не содержит ясного описания экономических и политических функций Советской системы» [128].

Боязнь окончательно потерять влияние в массах побудила большинство съезда отказаться от осуществления первоначальных намерений Центрального Совета немедленно прекратить всякую политическую деятельность рабочих и солдатских Советов. По предложению фракции СДПГ было решено, что вплоть «до нового урегулирования» Советы должны выполнять свои прежние функции, а их члены находиться «под охраной закона, как государственные исполнительные органы». К правительству был обращен призыв обеспечить их финансирование [129].

Доклад о социализации, прочитанный вместо заболевшего Каутского его женой 14 апреля 1919 г., содержал обычные рассуждения, что социализация не означает огосударствления, выпады против «русского метода» и предостережения против поспешности. Но было и нечто новое: прямая критика бездеятельности правительства, которое «утратило доверие» и вынудило комиссию по социализации уйти в отставку [130], а также заявление, что для осуществления социализации рабочие Советы должны стать властью, которая заставит сопротивляющихся капиталистов ее принять [131]. Но «признание» Советов пришло слишком поздно.

При выборах 14 апреля нового Центрального Совета социал-демократы отвергли паритетный состав и отклонили тайное голосование. В результате представители НСДПГ отказались войти и в новый Центральный Совет [132]. Этот заключительный аккорд убедительно показал, что уступки, сделанные независимцами в расчете на «единство социалистов», были напрасными, а все решения о судьбе Советов останутся на бумаге.

В обращении к рабочим НСДПГ вынуждена была признать, что на конгрессе восторжествовала «близорукая фракционная политика» социал-демократов, защищавших своих министров, голо-

---

[128] Ibid., S. 238—239.
[129] Ibid., S. 267.
[130] Die Freiheit, 9.IV 1919. Morgenausgabe.
[131] II. Rätekongress, S. 230.
[132] Ibid., S. 251—257.

совавших против отмены осадного положения, проклинавших рурских горняков и проповедовавших сотрудничество с предпринимателями[133]. Но она умолчала о собственных иллюзиях. Коммунисты могли констатировать, что их предвидение полностью подтвердилось: это был «съезд болтовни»[134]. Участвуя в нем, независимцы лишь содействовали фальсификации пролетарских требований о социализации и рабочих Советах. «Только в Германии, в стране политических эрзацев,— заключала газета,— возможен такой обман»[135].

Подводя плачевный итог съезду Советов, Деймиг на общем собрании Берлинских Советов 19 апреля отметил, что амальгама Советов и буржуазной демократии будет означать на деле «укоренение» не Советов, а капитализма. Решения съезда обрекают местные рабочие Советы на утрату всякого значения[136]. Собрание приняло предложение коммунистов о проведении перевыборов Советов на производственной основе с участием безработных. В новый Исполком, избранный тайным голосованием, вошли 9 представителей НСДПГ и 2 коммуниста (они впервые выступали с объединенным списком), тогда как СДПГ получила 4 места, а немецкие демократы одно. Это измененное соотношение сил сохранилось и после включения в Исполком представителей коммунальных и солдатских Советов: независимцы имели теперь в нем 13 представителей, социал-демократы — 9, коммунисты — 4, немецкие демократы — 1[137].

Однако этот «сдвиг влево» нисколько не уменьшал реально нависшей над Советами опасности. ЦК КПГ в своем воззвании справедливо отметил, что, хотя правые социал-демократы стали проповедовать то, о чем месяц назад вещали центристские лидеры, «закрепление Советов в конституции» означает на деле их полную зависимость от воли буржуазии. А это — гибель Советов, ибо «система Советов либо живет по властной воле пролетариата, либо она мертва»[138]. Справедливость дилеммы — власть или гибель — доказал и опыт Баварии.

Баварская Советская республика

После ноябрьских дней 1918 г., когда Бавария стала первой в Германии республикой, революционное движение здесь не было бурным. На выборах в баварский ландтаг 12 января 1919 г. буржуазные партии собрали более 55% голосов (100 мест), социал-

[133] Die Freiheit, 16.IV 1919. Morgenausgabe.
[134] Игра слов: Rätekongress — Redekongress (Die Rote Fahne, 14.IV 1919).
[135] Die Rote Fahne, 17.IV 1919.
[136] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/14, S. 150—151.
[137] IML — ZPA. Vollzugsrat, Nr. 11/8, Bl. 266; Die Freiheit, 20.IV 1919. Morgenausgabe. Beilage.
[138] Die Rote Fahne, 11.IV 1919.

демократы — 33% (61 место), Баварский крестьянский союз — 9% (16 мест), а НСДПГ, партия главы правительства К. Эйснера,— 2,5% (3 места). Только в Мюнхене соотношение было иным: СДПГ — почти 47%, Баварская народная партия — 24%, НСДПГ — 5% [139].

Под давлением социал-демократов съезд баварских Советов принял 19 февраля решение передать власть ландтагу [140]. Тем временем из унтер-офицеров, студентов, кулацких сынков сколачивались «добровольческие отряды» для «борьбы с большевизмом». В этот день в Мюнхене произошел реакционный путч, организатором которого был так называемый комитет по охране ландтага. По его заданию матрос Лоттер сделал попытку вооруженным путем захватить правительственные здания. Но его отряд был разогнан рабочими, и затея провалилась [141].

Открытие ландтага было назначено на 21 февраля. Когда Эйснер подходил к зданию, монархист лейтенант граф А. Арко-Валей убил его тремя выстрелами из пистолета. Убийство Эйснера вызвало огромное возмущение рабочих. Несколько человек ворвались в здание ландтага. Рабочий А. Линднер, видя (не без основания) в социал-демократе Э. Ауэре организатора травли Эйснера, ранил его и попутно застрелил двух человек.

В обстановке всеобщего смятения ландтаг не смог продолжать работу. Полицейская дирекция Мюнхена сообщала днем в Берлин по телефону: «Положение сейчас крайне запутанное. На Терезенвизе происходят большие демонстрации и собрания. Число участников оценивается в 100 тысяч, частично вооруженных. Они собираются направиться в залы на собрания, чтобы обсудить положение, сложившееся в результате убийства Эйснера. В толпе несут плакаты, требующие захвата газет, которые будто бы (!) травили Эйснера. Власть в Мюнхене находится в руках рабочих и солдатских Советов» [142].

Действительно, вечером того же дня был образован новый Центральный Совет во главе с социал-демократом Э. Никишем. В него вошли представители рабочих, солдатских и крестьянских Советов, трех рабочих партий, профсоюзов и Революционного мюнхенского рабочего Совета, которым руководили анархисты и независимцы. Центральный Совет объявил во всей Баварии трехдневную всеобщую забастовку и траур, принял решение о запрещении буржуазной печати, вооружении пролетариата, аресте 50 заложников [143]. Однако запрещение газет было вскоре отмене-

---

[139] См.: *Mitchell A.* Revolution in Bavaria 1918—1919. New Jersey, 1965, p. 216—219.

[140] См.: *Beyer H.* Von der Novemberrevolution zur Räterepublik in München (далее — *Beyer H.* Räterepublik). Berlin, 1957, S. 31, 38.

[141] См.: Darstellungen, Bd. IV. Die Niederwerfung der Räteherrschaft in Bayern, 1919. Berlin, 1939, S. 6, 10—11.

[142] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 369.

[143] *Beyer H.* Räterepublik, S. 44.

но, заложники освобождены, а вооружение рабочих сорвано. Зато реакционные отряды «гражданской обороны», официально распущенные, продолжали существовать и расти, сменив лишь названия.

Распространившийся слух об установлении в Баварии Советской власти нашел широкий отклик. В Аугсбурге произошли уличные столкновения. В Ашаффенбурге была провозглашена Советская республика[144]. Похороны Эйснера вылились в многотысячную траурную демонстрацию.

25 февраля собрался съезд рабочих, солдатских и крестьянских Советов Баварии. Большинство рабочих Советов находилось под влиянием социал-демократических лидеров. Что касается крестьянских Советов, то они состояли главным образом из зажиточных крестьян, сельскохозяйственных рабочих в них насчитывалось не более 1—4%, а руководство ими находилось почти безраздельно в руках Баварского крестьянского союза, который, включая и его левое крыло во главе с К. Гандорфером, шел в фарватере буржуазной политики[145]. После долгих и бесплодных дискуссий съезд отказался взять в свои руки всю власть, вооружить пролетариат и создать Красную гвардию. Лидеры СДПГ, использовав колеблющуюся позицию независимцев и слабость КПГ, провели в конце концов решение о созыве ландтага.

Открывшийся 17 марта ландтаг поручил образование правительства социал-демократу И. Гофману. Наряду с представителями его партии в кабинет вошли два независимца, член Баварского крестьянского союза, два беспартийных. Но положение правительства не было прочным. В одном только Мюнхене насчитывалось почти 30 тыс. безработных. Рабочие все решительнее требовали перехода всей власти к Советам. Еще в начале марта в Мюнхен по решению ЦК КПГ прибыл Е. Левине — один из близких соратников К. Либкнехта и Р. Люксембург, выполнявший до этого ответственные партийные поручения в Берлине и Рейнской области. Он стал редактором коммунистической газеты «Münchner Rote Fahne» и активно занялся созданием производственных ячеек партии на предприятиях[146].

Прусский посланник в Мюнхене граф Цех в пространном донесении от 21 марта 1919 г. весьма скептически оценил деятельность ландтага. В отличие от других областей Германии Бавария, считал он, «которая могла бы стать ведущей в отношении спокойствия и порядка» и даже «пунктом кристаллизации демократи-

---

[144] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/13, Bl. 286; Nr. 9/16, Bl. 439.

[145] О составе крестьянских Советов в Баварии см.: *Mattes W.* Die bayerischen Bauernräte. Stuttgart — Berlin, 1921, S. 103, 114, а также: *Muth H.* Die Entstehung der Bauern- und Landarbeiterräte im November 1918 und die Politik des Bundes der Landwirte.— Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1973, H. 1.

[146] См.: *Полтавский М. А.* Баварская Советская республика. М., 1959, с. 32—35.

ческой идеи в Центральной Европе», движется вместо этого все дальше по радикальному пути «к господству Советов». Как ни странно, он объяснял это «политической безучастностью и бессилием населения, особенно Мюнхена», и утверждал, что для установления порядка баварцам не хватает хотя бы «маленькой дозы так ославленного здесь прусского духа». Он слышал, однако, будто даже некие баварцы стали выражать «сожаление, что Бавария не смогла выдвинуть своего Носке, Эберта и Шейдемана». Цех утверждал, что и без «случайного выстрела графа Арко планы радикалов были бы осуществлены и идея Советов одержала бы победу над парламентской демократией», а после «второй революции» влияние Советов и их организация существенно укрепились, прежде всего в Мюнхене. Власть Советов, предсказывал он, будет установлена» [147].

К концу марта положение обострилось. Цены росли, продовольственные нормы снижались. Эрцбергер заявил на заседании кабинета 31 марта, что в Баварии вот-вот будет провозглашена Советская республика. А на следующий день прусский посланник снова доносил: «После событий в Будапеште резко возросли радикальные тенденции... население все сильнее поддается спартаковским настроениям. Начало третьей революции ... угрожающе приблизилось. Правительство, которое ясно видит крайнюю серьезность ситуации, бессильно из-за полного отсутствия надежных войск и постоянного сползания масс влево» [148]. Полицейская дирекция Мюнхена сообщала, что в городе относительно спокойно, но войска колеблются, хотя «настроены против спартаковцев». Среди солдат, как и в кругах социалистических рабочих, «можно отметить сдвиг влево, от социалистов большинства к независимым» [149].

3 апреля собрание рабочих и солдатских Советов Аугсбурга выдвинуло требование провозгласить Баварию Советской республикой, заключить союз с Российской и Венгерской Советскими республиками. Аналогичные решения были приняты на собрании, которое Центральный Совет провел в мюнхенском «Лёвенбройкеллере» вечером 4 апреля. Созыв ландтага был отменен. По мнению прусского посланника, гарнизон Мюнхена поддерживал идею Советов. «Нет основания,— сокрушался он,— ждать сопротивления с чьей-либо стороны. Социалисты большинства совершенно беспомощны и склонны всему подчиниться. В городе полное спокойствие» [150].

Однако социал-демократические лидеры вовсе не были так безвольны. Правительство Гофмана, подстегиваемое буржуазией, недовольной его «пассивностью», надумало сделать вид, что готово

---

147 ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 16506, Bl. 228—232.
148 Kabinett Scheidemann, S. 118.
149 IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/16, Bl. 479.
150 ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 215, Bl. 10. Донесение от 5 апреля 1919 г.

пойти на уступки рабочим, и таким путем выиграть время для подготовки вооруженного разгрома пролетарского авангарда. В ночь на 5 апреля в военном министерстве под руководством министра Э. Шнеппенгорста было созвано совещание, в котором участвовали лидеры СДПГ, НСДПГ, Баварского крестьянского союза, анархистов. Большинство собравшихся высказалось за немедленное провозглашение Баварии Советской республикой. Но представители Революционного мюнхенского Совета потребовали участия в переговорах также руководителей КПГ. Через несколько часов на совещание прибыла делегация коммунистов во главе с Е. Левине.

Левине от имени организации КПГ решительно отклонил всякое сотрудничество коммунистов с правыми социал-демократами. «Мы, коммунисты,— заявил он,— не питаем никакого доверия к Советской республике, создателями которой выступают социал-демократические министры Шнеппенгорст и Дюрр, все время всеми средствами боровшиеся против идеи Советов. Мы видим в этом либо попытку обанкротившихся вождей посредством мнимореволюционного действия получить поддержку масс, либо сознательную провокацию... Советская республика не провозглашается за зеленым столом, она должна быть результатом серьезных боев пролетариата и его победы» [151]. Коммунисты считали, что в Баварии обстановка для провозглашения Советской республики еще не созрела, а в остальной Германии неблагоприятна.

Отказ коммунистов не был, однако, понят собравшимися. Один из наиболее горячих независимцев — пацифист Э. Толлер — бросил Е. Левине даже упрек в трусости, но тот спокойно возразил: «Чего ты хочешь? Социал-демократы большинства начнут, а потом побегут предавать нас, независимые попадутся на удочку, примут участие, потом переметнутся, а нас, коммунистов, поставят к стенке» [152].

Газета коммунистов опубликовала заявление баварской организации КПГ, в котором разъяснялось: «Запланированная Советская республика является не диктатурой пролетариата, а диктатурой Центрального Совета, который решил, поскольку коммунистическое движение переросло его, провозгласить эту Советскую республику. Она является не делом классово сознательного пролетариата, а продуктом замешательства вождей, утративших дове-

---

[151] *Leviné R.* Aus der Münchener Rätezeit. Berlin, 1925, S. 13—15. Мюнхенский историк П. Критцер, изучив архивные документы о событиях 4—5 апреля и роли в них Шнеппенгорста, попытался опровергнуть распространенное мнение о провокации, но признал, что социал-демократы «отчаянно маневрировали», стараясь не потерять контакт с массой своих членов в Мюнхене. Шнеппенгорст, возможно, «хотел держать двери открытыми в обе стороны» (*Kritzer P.* Die bayerische Sozialdemokratie und die bayerische Politik in den Jahren 1918 bis 1923. München, 1969, S. 107—117).

[152] *Levіné E.* Skizzen, Rede vor Gericht u. a. 2. Aufl. Berlin, 1925, S. 45—46.

рие масс... Борьба за подлинную, коммунистическую Советскую республику лишь начинается!»[153]

Несмотря на предостережения коммунистов, утром 7 апреля Центральный Совет выпустил воззвание, в котором объявил: «Решение принято. *Бавария является Советской Республикой...* Диктатура пролетариата стала фактом... Ландтаг распущен... назначенное им правительство ушло в отставку»[154].

Фактически руководителями республики были Э. Толлер и анархист Г. Ландауэр. Первым актом правительства было объявление 7 апреля народным праздником. На улицах был расклеен ярко-красный плакат «Диктатура пролетариата!» Но для создания действительной власти рабочего класса ничего не предпринималось. Собрание Советов для учреждения правительства не было созвано. Чиновники остались на своих местах, полицейские продолжали «нести службу». Декрет о создании добровольческой «Красной Армии» не был реализован. Зато была провозглашена «социализация» печати, Мюнхенского университета и Высшей технической школы[155].

Многие деятели, ставшие во главе Советской республики, заслужившей наименование «мнимой», были искренне преданы интересам трудящихся. Но они не были способны оценить реальные возможности и вести революционную политику. Были среди них также опасные прожектеры и прямые враги революции.

В обращении к народу говорилось, что «Баварская Советская республика следует примеру русского и венгерского народов. Она немеделенно установит с этими народами братские связи. В то же время она отвергает всякое сотрудничество с презренным правительством Эберта, Шейдемана, Носке, Эрцбергера, ибо оно под флагом социалистической республики продолжает империалистско-капиталистические милитаристские махинации с позором развалившейся кайзеровской империи»[156]. Баварская Советская республика призывала «народы Германии, Европы и Земли следовать ее примеру, как она последовала примеру России и Венгрии»[157]. О событиях в Мюнхене по радиотелеграфу информировал Ленина, Свердлова и Чичерина оказавшийся там сотрудник «Роста» Т. Л. Аксельрод. Он запрашивал, как должен ответить на то, что ему предложили взять на себя временное исполнение обязанностей представителя РСФСР в Баварии[158]. Нет данных, дошла

---

[153] *Beyer H.* Räterepublik, S. 150.
[154] *Gerstl M.* Die Münchener Räterepublik. München, 1919, S. 11—12.
[155] Ibid., S. 22—25, 29—34.
[156] Dokumente und Materialien, Bd. 3, S. 357.
[157] ZStA Potsdam. Wako, Nr. 895, Bl. 147.
[158] См. об этом: *Hitzer F.* Lenin in München. Dokumentation und Bericht. München, 1977, S. 442—443. Аксельрод приехал в Германию в августе 1918 г., возглавил бюро печати «Роста» в Берлине. Когда он уезжал из Москвы, Ленин поручил ему собрать комплекты европейских социалистических газет или по меньшей мере «вырезки *всего о большевиках*» (Ленинский сборник XXI. М., 1933, с. 283). В январе 1919 г. правительство В. Блоса выслало Аксельрода из Вюртемберга в Баварию, где он

ли эта радиограмма. Но известно, что В. И. Ленин 7 и 8 апреля просил по радио Бела Куна приветствовать Баварскую Советскую республику, сообщать о дальнейшем развитии событий, особенно же информировать о «социализации» и об аграрной программе баварского правительства [159].

Провозглашение Советской республики в Мюнхене нашло отклик в других городах Баварии. В Вюрцбурге, Регенсбурге, Ансбахе, Пассау, Швейнфурте, Гофе Советы объявили, что берут в свои руки власть. Но в Нюрнберге командованию III военного округа удалось быстро подавить революционное движение. Рабочий и солдатский Совет высказался здесь против Советской республики. Через несколько дней войска заняли также Вюрцбург, Ингольштадт, Регенсбург. Только в нескольких городах Южной Баварии — Аугсбурге, Розенгейме и др.— Советам удалось удержать власть [160].

Правительство Гофмана, как говорилось в его воззвании от 7 апреля, вовсе не ушло в отставку. Оно лишь (по согласованию с Носке, которого в Берлине посетил Гофман) [161] перенесло свою резиденцию на север Баварии, в Бамберг. Там же оказался и прибывший из Нюрнберга Шнеппенгорст, который занимался сколачиванием вооруженных сил для похода на Мюнхен. Командование II и III военных округов приступило к созданию отрядов «военной сельской полиции» и добровольческого «фольксвера», поощряя также образование буржуазных ополчений.

Имперское правительство проявляло большую заботу о правительстве Гофмана: содействовало распространению его воззваний, выделило дополнительную бумагу, заявило, что в Комитете государств может быть представлено только оно, а не Советское правительство, установило с Бамбергом регулярную курьерскую связь [162]. В Берлине печатались погромные листовки, пока Берлинский Исполком не запретил это специальным решением [163]. Вместе с тем имперские представители в Бамберге считали, что правительство Гофмана проявляет нерешительность. Оно, правда, стремится блокировать Советскую республику, установив кордон по Дунаю (ибо севернее лишь Гоф остался «коммунистическим островом»), развертывает экономическую и политическую пропаганду, использует авиацию для распространения воззвания к крестьянам о прекращении снабжения Мюнхена продовольствием. Но, считал советник Иордан, оно колеблется использовать военные меры, в том числе прибегнуть к помощи Пруссии. Было бы полез-

был интернирован, пока его не освободило первое Советское правительство. Приводимые ниже документы Аксельрода обнаружены Ф. Гитцером в Государственном архиве Мюнхена.

[159] ZStA Potsdam. Wako, Nr. 896, Bl. 152; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 277.

[160] Darstellungen, Bd. IV, S. 21—22.

[161] *Kritzer P.* Die bayerische Sozialdemokratie..., S. 117—118.

[162] Kabinett Scheidemann, S. 144—145.

[163] IML — ZPA. Vollzugsrat, Nr. 11/8, Bl. 74—78.

по, чтобы Носке посетил Бамберг, приняв к сведению, однако, баварскую чувствительность [164].

Эберт решил 11 апреля оказать личное давление на Гофмана. В шифрованной телеграмме он утверждал, будто Антанта предложила оккупировать Баварию своими войсками и угрожает прекратить поставки продовольствия [165]. Поэтому, продолжал Эберт, «я считаю необходимым, чтобы было поскорее восстановлено прежнее положение в Баварии, тем более что по последним полученным мной из Мюнхена сообщениям там начинают привыкать к Советскому правительству. Если предпринятые Вами экономические меры в ближайшее время не достигнут цели, *принятие военных мер явится единственно возможным решением.* Опыт в других местах научил нас, что чем быстрее и энергичнее они будут проведены, тем меньше будут сопротивление и кровопролитие» [166].

На следующий день в Бамберг в качестве специального политического представителя имперского правительства прибыл тайный советник К. Рицлер [167]. Он первым делом сообщил в Берлин, что в результате секретных переговоров с представителями мюнхенского гарнизона достигнуто соглашение об их выступлении против Советской власти. Депутация из Аугсбурга обещала содействовать отколу города от Советской республики. Но Рицлера не удовлетворяло, что Гофман и Шнеппенгорст, несмотря на требования чиновников и офицеров, все еще не решаются установить прямую связь с полковником фон Эппом, который формировал в Тюрингии из реакционных офицеров и унтер-офицеров Баварский стрелковый корпус [168]. Поскольку, считал Рицлер, для разоружения рабочих Мюнхена все равно придется использовать корпус Эппа, надо продолжать его вооружение и просить Носке оказать давление на Шнеппенгорста [169].

Баварской Советской республике грозило, таким образом, не только экономическое удушение, но и военное подавление. Баварские коммунисты не считали себя вправе безучастно стоять в стороне. Они опубликовали заявление, в котором писали, что белая гвардия, наступающая из Бамберга, угрожает не только «мнимой республике Советов», но и самому пролетариату. «В этой ужас-

---

[164] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 215, Bl. 23, 26.
[165] Документальных подтверждений этого нет.
[166] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 215, Bl. 24.
[167] Рицлер считался крупным знатоком «советских дел». Летом 1918 г. он был советником германской миссии в Москве, а после убийства графа В. Мирбаха — временным поверенным.
[168] Так как создание «добровольческих отрядов» наталкивалось в Баварии на сопротивление рабочих, фон Эпп по указанию и при помощи Носке создал свой сборный пункт в Ордруфе (Тюрингия). К середине апреля в корпусе насчитывалось 326 офицеров, 197 унтер-офицеров и 360 солдат. См.: Darstellungen, Bd. IV, S. 13—14, 47—48; *Noske G.* Erlebtes aus Aufstieg und Niedergang einer Demokratie. Offenbach, 1947, S. 314. В 1933 г. фон Эпп стал гитлеровским наместником в Баварии.
[169] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 215, Bl. 29.

ной ситуации... коммунистическая партия не может взять на себя ответственность за усиление разброда среди рабочих масс Мюнхена, не может допустить, чтобы разгорелась борьба между мнимой и подлинной диктатурой в момент, когда Ганнибал стоит у ворот. В этот страшный момент соединенные силы революционного пролетариата должны идти на бой против опасного врага, против белой гвардии» [170].

Компартия приняла решение, не участвуя в правительстве, послать своих представителей с совещательным голосом в Центральный Совет, чтобы помочь ему в организации пролетарской обороны.

Предостережения коммунистов не были напрасны. Контрреволюционным заговорщикам в Мюнхене, тесно связанным с Бамбергом, удалось привлечь на свою сторону часть войск гарнизона, в том числе «республиканскую охрану» во главе с Зейферицем и социал-демократом Ашенбреннером. В ночь на 13 апреля контрреволюционные мятежники захватили дворец Виттельсбахов, где помещался Центральный Совет, и ряд других зданий. Утром в Мюнхене были расклеены плакаты, извещавшие от имени «всего мюнхенского гарнизона» о том, что Центральный Совет смещен, и призывавшие к поддержке правительства Гофмана [171].

Рицлер торжествующе сообщал в Берлин, что Советское правительство свергнуто, «видимо, по наущению Бамберга», М. Левин и еще 16 коммунистических вождей арестованы. Но его беспокоило, что мюнхенский Совет может просто подчиниться правительству Гофмана. Тогда, считал он, «возникнет опасность, что по баварскому методу снова будет заключен компромисс, а мюнхенским радикалам и солдатам будет оставлено оружие». Он предлагал поэтому Эберту, поздравив Гофмана с успехом, потребовать решительных мер по разоружению ненадежных войск, «не останавливаясь ни перед какими средствами давления».

Узнав, что «путч мюнхенского гарнизона» не вполне удался и часть его «настроена спартакистски» (1-й пехотный полк назвал свою казарму именем Р. Люксембург) [172], Рицлер рекомендовал поручить ему в удобный момент предложить правительству Гофмана «имперскую помощь» и подчеркнуть «тяжелую политическую и финансовую ответственность», которую примет на себя баварское правительство в случае ее отклонения. Министр Брокдорф целиком поддержал своего советника [173]. Радио Науэн сообщило, что «руководящие берлинские круги выражают удовлетво-

---

[170] Münchener Rote Fahne, 11.IV 1919.
[171] *Werner P.* Die Bayrische Räte-Republik, 2. Aufl. Leipzig, 1920, S. 29.
[172] Это весьма сомнительно, ибо ранее 1-й полк назвал свою казарму именем К. Эйснера, а 2-й полк — именем К. Либкнехта. См.: Revolution und Räteherrschaft im München. Aus der Stadtchronik 1918/1919. München — Wien, 1968, S. 64.
[173] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 215, Bl. 30—32.

рение тем, что в Баварии удалось так быстро собственными силами устранить Советскую республику... Ожидается охлаждение симпатий самых широких слоев народа к диктатуре Советов»[174].

Однако заговорщики и их влиятельные покровители слишком поспешили с объявлениями о своей победе. Спешно вооружившиеся рабочие Мюнхена вместе с частью солдат начали контрнаступление. В районе вокзала завязались многочасовые бои. По указанию коменданта Ашенбреннера были убиты три парламентера. Успешным штурмом руководил матрос коммунист Р. Эгельгофер. Мятежники не успели получить извне обещанных подкреплений и были разоружены.

Активное выступление вооруженных рабочих в защиту своих завоеваний создало новую обстановку. Почувствовавшие свою силу рабочие — коммунисты, члены СДПГ и НСДПГ, беспартийные — требовали не восстановления «мнимой Советской республики», а создания подлинно революционного Советского правительства. У мюнхенских коммунистов не было иного пути, как встать во главе масс и попытаться создать действительно революционную власть. Они понимали, что победа Советской власти возможна только в масштабе всей Германии, но пример Баварии мог ведь стать стимулом для усиления борьбы пролетариата в других частях страны.

В воззвании, опубликованном 14 апреля, компартия писала: «Рабочие! Час борьбы настал! Измена идет из Бамберга... Возьмитесь за оружие! Объединяйтесь с солдатами, которые борются за свободу... Присоединяйтесь к всеобщей забастовке!.. Вы боретесь за весь немецкий рабочий класс, за мировую революцию. Долой изменников и врагов! Долой правительство Гофмана! Да здравствует Советская республика! Да здравствует борьба!»[175]

На общегородском собрании производственных и солдатских Советов был избран Комитет действия из 15 человек (две трети его составляли коммунисты), которому была вручена законодательная и исполнительная власть. Во главе Исполкома встал коммунист Е. Левине[176]. Были созданы также комиссии: военная во главе с матросом Р. Эгельгофером, активным участником революционного выступления моряков в 1917 г.; по борьбе с контрреволюцией; по вопросам пропаганды, экономики, транспорта[177].

В этот же день была передана радиограмма: «Исполнительный комитет новой, истинно пролетарской Советской республики приветствует российский и венгерский рабочий класс и их Советские республики. Мюнхенский пролетариат отдаст все свои силы на

---

[174] Mitteilungen des Vollzugsrats der Betriebs- und Soldatenräte, Nr. 3, 16.IV 1919.

[175] *Beyer H.* Räterepublik, S. 97.

[176] В Исполком вошли также коммунисты М. Левин и В. Будих (псевдоним — Дитрих), независимцы Меннер и Дуске.

[177] См.: *Полтавский М. А.* Баварская Советская республика, с. 55.

службу великой исторической задаче, первыми застрельщиками которой явились храбрые русские и венгерские братья» [178].

Буквально с первых же часов своего существования Баварской Советской республике пришлось уделять главное внимание обороне. Войска правительства Гофмана, не успевшие оказать помощь мюнхенским мятежникам, сконцентрировались в нескольких десятках километров к северу от столицы. С целью мобилизации рабочего класса Исполком немедленно объявил в Мюнхене 10-дневную всеобщую забастовку [179]. Был издан приказ о разоружении буржуазии, распущена полиция, а все рабочие, способные носить оружие, призывались встать на защиту своей власти. За короткое время рабочим раздали 20 тыс. винтовок. На предприятиях проводилось военное обучение [180].

Уже первые рабочие отряды, высланные навстречу белогвардейским войскам, двинувшимся на Мюнхен с севера, одержали серьезные победы. 15—16 апреля в районе Дахау мюнхенцам вместе с местными рабочими и солдатами удалось отбить все атаки, освободить город и взять в плен 150 солдат. Однако наступление не было продолжено. Независимцы Толлер и Клингельгофер, заявившие после падения мнимой Советской республики о своей готовности сражаться за дело пролетариата и назначенные руководителями Дахауского фронта, вместо преследования и уничтожения противника завязали с ним переговоры, дав ему возможность выиграть время [181].

Между тем Рицлер прислал 17 апреля из Бамберга в Берлин тревожную телеграмму: «Поступающие из Мюнхена известия очень плохи, а Аугсбург снова колеблется и при прибытии мюнхенских агитаторов перейдет (на сторону Советской республики.— *Я. Д.*). Гарнизоны предмостных укреплений на Дунае тоже не удержатся. И в Нюрнберге опасные эксцессы. Северная Бавария при ненадежности всех войск также может без сопротивления оказаться за несколько дней в руках мюнхенских коммунистов» [182].

Войска действительно отказывались воевать против мюнхенских рабочих. Так, у Фрейзинга 1200 солдат, мобилизованных контрреволюцией, потребовали от своих командиров возвращения назад. Они отдали мюнхенцам свое оружие, а сами разошлись по

---

[178] Цит. по: *Застенкер Н.* Баварская Советская республика. М., 1934, с. 112; Mitteilungen..., Nr. 1, 15.IV 1919.

[179] Забастовка не распространялась на предприятия и учреждения, необходимые для обслуживания населения.

[180] *Oeckel H.* Die Volkswehr..., S. 227.

[181] За эти действия Толлер был по распоряжению правительства и с санкции Советов арестован, но вскоре освобожден и даже вновь послан командующим на тот же фронт. См.: *Beyer H.* Räterepublik..., S. 118.

[182] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/17, Bl. 47. Свидетельство будущего фашиста Эшериха, признававшего, что правительство Гофмана чрезвычайно опасалось дальнейшего наступления мюнхенских революционных войск, приводит Н. Застенкер (Баварская Советская республика, с. 131).

домам. Так же поступил и нюрнбергский полк. Правительственные войска вынуждены были отойти в район Пфафенгофена (50 км к северу от Мюнхена). 15 апреля отряды мюнхенских рабочих помогли рабочим Розенгейма подавить контрреволюционный путч и восстановить Советскую власть [183].

Получив некоторую передышку, Исполком сразу же приступил к осуществлению ряда важных мероприятий по установлению рабочего контроля над производством и распределением. Были национализированы банки, вскрыта часть сейфов и реквизированы ценности; вкладчикам разрешалось выплачивать не более 100 марок в день. Производственные Советы должны были осуществлять контроль за деятельностью предприятий, включая ревизию бухгалтерских отчетов. Предприниматели обязаны были продолжать выплату зарплаты рабочим, привлеченным на работу в органы управления или вступившим в вооруженные формирования. Выплата дивидендов и паев была прекращена, но мелким предпринимателям предоставлялся государственный кредит. Вводился контроль за распределением продовольствия, проводилась конфискация запасов, имевшихся у буржуазии, реквизировались автомашины и т. п. При этом были приняты меры для предотвращения мародерства и хищений. За незаконные реквизиции и грабежи полагалась смертная казнь [184].

Аксельрод, который по просьбе Исполкома согласился стать политическим комиссаром при ведавшем финансами Меннере, в радиограмме В. И. Ленину от 18 апреля оптимистически оценивал перспективы: «Настроение крепкое революционное. Положение благоприятное. [В] правительстве Гофмана и белой гвардии разложение. По слухам в Австрии крупное движение. Сегодня поступили сведения [что] во всей Италии крупная забастовка. [В] Австрии коммунизм — вопрос нескольких дней» [185].

В связи с забастовкой газеты в Мюнхене не выходили. Выпускались только «Известия Исполкома производственных и солдатских Советов» [186], которые раздавались бесплатно. Ежедневно на многолюдных собраниях в саду дворца Виттельсбахов один из членов Исполкома выступал перед народом с сообщением о событиях за день, рассказывал о мероприятиях и планах Исполкома [187].

17 апреля Е. Левине на таком собрании призывал трудящихся проявить максимум инициативы и энергии. «То, что сделано до сих пор,— говорил он,— лишь первый сантиметр к первой ступени лестницы, ведущей пролетариат к господству. Чтобы взять

---

[183] См.: *Werner P.* Die Bayrische Räte-Republik, S. 45; Darstellungen, Bd. IV, S. 45—47.
[184] *Beyer H.* Räterepublik..., S. 105—110.
[185] *Hitzer F.* Lenin in München, S. 445.
[186] Mitteilungen des Vollzugsrates der Betriebs- und Soldatenräte Münchens. Редактором был коммунист П. Фрёлих, выступавший под псевдонимом Вернер.
[187] Die Freiheit, 29.IV 1919. Morgenausgabe. Beilage.

эту лестницу штурмом, необходима ваша помощь. Мы просим вас назвать имена товарищей, которые способны взять на себя руководство какой-либо отраслью работы. Пролетариат должен все делать сам... Вы сами должны работать так же, как вы боролись с оружием в руках... Мы находимся сейчас на передовой позиции. Российские пролетарии тоже стояли на такой позиции. Они выдержали и оказались правы» [188].

«Известия Исполкома» напечатали временную инструкцию о рабочем контроле, сообщали о публичных лекциях в университете по литературе и на тему «Большевизм и демократия», об открытом спектакле «Коварство и любовь» для солдат, рабочих, больных и безработных. Была опубликована «Песня Красной гвардии», написанная Э. Мюзамом, печатались информация о событиях в разных частях Германии, приветствия из Венгрии, Эстонии и Литвы, тезисы I Конгресса Коминтерна «О международном положении и о политике Согласия», серия статей о правосудии в Советской России [189].

Мюнхен был блокирован, транспорты с углем и продовольствием не прибывали. Резко сократился подвоз молока, так что его приходилось распределять среди детей и больных. Тем важнее было установить контакт с крестьянами. Исполком опубликовал два обращения «К крестьянству баварской земли» и организовал распространение их в окрестных деревнях с помощью самолетов. В них говорилось, что Советская распублика не угрожает собственности трудящихся крестьян, и содержался призыв продолжать снабжение Мюнхена продовольствием. Однако не делалось попыток дифференцированного подхода к различным слоям крестьянства, в частности не предусматривалось проведение каких-либо реальных мероприятий для улучшения положения батраков и бедноты [190]. В то же время правительство Гофмана буквально засыпало крестьян листовками, содержавшими злобную клевету на Советскую республику, и всячески натравливало крестьян на рабочих. Руководство Крестьянского союза выехало из Мюнхена в

[188] Mitteilungen..., Nr. 5, 18.IV 1919.

[189] Mitteilungen..., Nr. 6, 8, 19, 21.IV 1919.

[190] Mitteilungen..., Nr. 3, 4, 16, 17.IV 1919. Е. Левине в одном выступлении говорил: «Мелкие крестьяне боятся, что у них все отнимут. Вашей задачей является разъяснить Вашим друзьям и родственникам в деревне истинное положение дел. Мы хотим отобрать у крупных крестьян излишки земли, которые они сами не обрабатывают. Но мелкие крестьяне и батраки получают лишь выгоду от пролетарского правительства» (*Leviné R.* Aus der Münchener Rätezeit, S. 42). Аксельрод сообщал в Москву, что принимаются меры для создания Советов сельскохозяйственных рабочих и готовится проект решения об удовлетворении нужд среднего крестьянства (*Hitzer F.* Lenin in München, S. 447). Но все же конкретная программа помощи бедноте и батракам не была разработана. Некоторые коммунисты, в том числе П. Фрёлих, считали все баварское крестьянство «реакционной массой». См.: *Werner P.* Die Bayrische Räte-Republik, S. 16.

Бамберг, а руководители местных крестьянских Советов деятельно помогали контрреволюции [191].

В воскресенье 20 апреля, в первый день пасхи, в лагере военнопленных в Пухгейме близ Мюнхена состоялся большой митинг. Русские военнопленные, радировал в Москву Аксельрод, освобождены. «Настроение большевистское, привет борющимся товарищам [в] России, рвутся [на] родину... Принята резолюция привета Совет[ской] России, Совет[ской] Баварии» [192].

22 апреля закончилась всеобщая забастовка, и по улицам Мюнхена торжественным шествием прошли десятки тысяч рабочих, в том числе 12—15 тыс. вооруженных. Но необходимо было укрепить регулярную Красную Армию. 25 апреля военная комиссия и Исполком выпустили воззвание к рабочим, крестьянам, солдатам и безработным с призывом вступать в ее ряды. В нее принимались только члены социалистических и профсоюзных организаций (в том числе христианских). Солдаты обязывались добровольно подчиняться командирам и соблюдать железную дисциплину. Главнокомандующим был назначен Р. Эгельгофер. Ядро Красной Армии составляли рабочие мюнхенских предприятий и заводов Круппа в Фреймане, солдаты и матросы гарнизона, железнодорожники. В нее влилась также небольшая группа бывших русских военнопленных. Численность Красной Армии достигла 30—40 тыс. человек. Службу безопасности несла Красная гвардия, которую возглавлял Г. Видеман [193].

О том, насколько важным было создание Красной Армии, свидетельствовали военные планы и действия врагов. Уже 16 апреля Шейдеман сообщил на заседании кабинета, что Гофман по телефону просил осуществить все приготовления, чтобы имперские войска могли в случае нужды двинуться в Баварию. В тот же день за подписями Рейнгардта и Шейдемана была послана ответная телеграмма: «Германское имперское правительство исполнено твердой решимости оказать помощь баварскому правительству, но крупная военная операция помощи не может быть начата и осуществлена в ближайшие дни. Подготовка начнется немедленно, концентрация сил будет проведена на севере и западе от баварской границы. Право издать приказ о вступлении в Баварию небаварских частей оставляет за собой имперское правительство. Нужно избежать отдельных выступлений мелких подразделений» [194].

Рицлер, находившийся в Бамберге, продолжал настаивать на максимальном ускорении «помощи», предлагая потребовать, чтобы при вступлении войск были обеспечены: «руководство» империи, применение энергичных мер, введение осадного положения и т. п. «В этих вопросах здешнее правительство проявляет неспо-

[191] *Mattes W.* Die bayerischen Bauernräte, S. 190—195.
[192] *Hitzer F.* Lenin in München, S. 447.
[193] *Oeckel H.* Die Volkswehr..., S. 229—231.
[194] Kabinett Scheidemann, S. 175—176.

собность, а кроме того, военный министр и его помощник ненадежны»[195].

Колебания правительства Гофмана были вызваны отнюдь не желанием избежать кровопролития, а сознанием того, что привлечение для подавления рабочих явно контрреволюционных формирований фон Эппа и Эшериха, а особенно прусских войск, вызовет не только возмущение трудящихся, в том числе социал-демократических рабочих, а и недовольство партикуляристски настроенных кругов баварской буржуазии. Носке в директиве войскам от 23 апреля, возложив руководство операциями на прусского генерал-лейтенанта фон Овена, назначил «баварским главнокомандующим» генерал-майора фон Мёля. Так как в распоряжении последнего не было войск, ему надлежало находиться пока при штабе Овена. В операции должны были участвовать также вюртембергские части генерала Хааза и Баварский корпус фон Эппа[196].

Все силы общегерманской реакции, забыв о своих внутренних распрях, единодушно призывали к удушению Баварской Советской республики. Шейдеман в Национальном собрании истерически требовал единения всех партий в борьбе против общего врага. Печать распространяла самые нелепые измышления о «хозяйничанье коммунистов» в Мюнхене. Так, одна из берлинских газет со всей серьезностью сообщала, что в Мюнхене узаконена «коммунизация женщин, включая замужних»[197]. Буржуазия организовала сбор пожертвований, давший в короткий срок почти 700 тыс. марок.

Но даже прусский посланник отмечал, что Мюнхен «производит спокойное впечатление», хотя ощущается нехватка угля, а из продовольствия — молока и овощей. Австрийский посол считал, что «известия о насилиях сильно преувеличены»[198]. Приехавшие в Берлин из Мюнхена несколько «деловых людей» рассказывали в имперской канцелярии, что «надежда на экономический крах в результате мер коммунистического правительства необоснованна», что «большая масса населения, т. е. трудящиеся классы, в значительной мере перешла на сторону коммунистического правительства. Ибо они получают более высокую заработную плату, служащие — более высокие оклады»; театры дают представления бесплатно или за низкую плату, так что «в широких массах все более распространяется мнение, что это правительство гораздо больше делает для рабочих, чем сделало какое-либо из революционных правительств». Денежные трудности могут быть преодолены. То, что двинутые против Мюнхена войска, считали очевидцы, «подстрекают сведениями о зверствах, коммунизации женщин и т. п.», опасно. Ибо «эти сообщения, несомненно,

---

[195] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/17, Bl. 47. Телеграмма от 17 апреля 1919 г.

[196] Darstellungen, Bd. IV, S. 213—214.

[197] См.: Die Freiheit, 27.IV 1919. Morgenausgabe.

[198] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/17, Bl. 56—57.

ложны. Когда же войска правительства Гофмана приблизятся, коммунистическому правительству... удастся разъяснить им, что их обманули, и склонить к переходу или по меньшей мере к бездеятельности»[199].

Наступление против революционных центров Южной Баварии велось с разных строн. С севера надвигались основные силы Носке — прусские войска под командованием генерала Овена, из района Ульма — вюртембергские части, с других сторон — части фон Эппа и прочие баварские формирования. Еще в ночь на 20 апреля вюртембергские войска с двух направлений внезапно обрушились на Аугсбург, прервав связь с Мюнхеном. Завязались ожесточенные бои рабочих против значительно превосходивших их войск, применивших артиллерию и авиацию. Особенно горячие схватки происходили в пригородах Пферзее, Обергаузене, Лехгаузене. Командующий дахауским фронтом Толлер не выполнил приказ главнокомандования Красной Армии о наступлении, и Аугсбург, не получивший помощи, пал 22 апреля[200].

Войска карателей все туже сжимали кольцо вокруг Мюнхена. 26 апреля им удалось захватить Ландсгут, на следующий день — Моосбург. На некоторых направлениях они значительно приблизились к городу и находились от него в 30—35 км. Чтобы блокировать Мюнхен и с юга, в горные районы засылались диверсанты-подрывники[201]. Положение Советской Республики, отрезанной от всего мира, становилось критическим.

Готовясь к решающему штурму, генерал фон Овен издал 25 апреля приказ, в котором предупреждал солдат, что «каждый вооруженный гражданин считается врагом и с ним нужно обходиться как с таковым. Группы (штурмовые.— *Я. Д.*) должны осуществлять свои задачи силой, любые переговоры с врагом или с населением запрещаются. Мягкость будет расцениваться как дряблость, добродушие — как ненадежность части». Далее говорилось о применении самолетов, броневиков, огнеметов и ядовитых газов[202]. Советник Рицлер со своей стороны считал, что «очищение Мюнхена следует рассматривать как начало серьезной работы, а не как окончание забот, после чего можно будет снова вернуться к старым ошибкам». Он предостерегал против компромиссов и «беспринципности», требовал замены Шнеппенгорста, включения буржуазных деятелей в правительство, «укрепления социал-демократии», утверждая, что только так Гофман сможет «искупить свою вину за мюнхенские события»[203].

В самом Мюнхене контрреволюционные элементы усиливали

---

[199] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 215, Bl. 58. Запись от 29 апреля 1919 г.
[200] Darstellungen, Bd. IV, S. 65—70; *Oeckel H.* Die Volkswehr..., S. 234—235.
[201] Darstellungen, Bd. IV, S. 71.
[202] Ibid., S. 218—219.
[203] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 215, S. 35—37; IML — ZPA, Reichsamt des Innern, Nr. 9/17, Bl. 65.

подрывную деятельность. Шпионы шныряли повсюду, предупреждая заговорщиков о готовящихся обысках и арестах, диверсанты орудовали в автопарке, повредили самолеты на аэродроме [204].

Комиссия по борьбе с контрреволюцией раскрыла планы заговора реакционной организации «Туле», обнаружила запасы оружия, фальшивые факсимиле Эгельгофера, печать Исполкома, железнодорожные штемпели. Несколько видных представителей буржуазии были арестованы в качестве заложников [205]. Однако, вопреки буржуазной клевете, революционный трибунал проявлял не жестокость, а скорее опасное великодушие по отношению к контрреволюционным заговорщикам. В городе все время распространялись провокационные слухи, самолеты бамбергского правительства систематически сбрасывали листовки [206].

27 апреля В. И. Ленин, отвечая на приветствие Баварской Советской республики [207] и желая ей успеха, поставил в своей радиограмме ряд вопросов, являвшихся по сути дела целой программой революционных действий. Ленин советовал баварским коммунистам провести поголовную мобилизацию и вооружение рабочих, разоружить буржуазию, экспроприировать фабрики и богатства капиталистов и взять в свои руки все банки, удвоить или утроить зарплату чернорабочим и батракам, обложить буржуазию чрезвычайным налогом, ввести 6-часовой рабочий день и более высокий продовольственный паек для рабочих, немедленно вселить рабочих в квартиры богачей и т. п. Ленин предлагал обратить особое внимание на работу в окрестных деревнях, экспроприировать капиталистические землевладельческие хозяйства, отменить ипотеки и арендную плату для мелких крестьян, чтобы дать возможность не только рабочим, но также

---

204 Darstellungen, Bd. IV, S. 88. В делах Бюро рейхспрезидента сохранилось донесение об этом одного из агентов, некоего Бергера, посетившего Мюнхен 6—18 апреля 1919 г. вместе с представителем американской газеты «Chicago Daily-News» Б. Гехтом (ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 215, Bl. 63—67).

205 «Общество Туле» возникло летом 1918 г. как ответвление тайного шовинистического «Ордена германцев». Его газета «Münchener Beobachter», в которой сотрудничали будущие видные нацисты А. Розенберг, Д. Эккарт, Г. Федер, впоследствии стала органом гитлеровской партии — «Völkischer Beobachter». Случайно избежал ареста член организации «Туле», а впоследствии один из руководителей гитлеровской партии Р. Гесс. Гитлер тоже служил в это время в Мюнхене во 2-м пехотном полку. См.: *Werner P.* Die Bayrische Räte-Republik, 2. Aufl. Leipzig, 1920, S. 30; Darstellungen, Bd. IV, S. 6—7, 17, 23, 109—110. О возникновении нацистской партии см.: *Гинцберг Л. И.* Рабочее и коммунистическое движение в борьбе против фашизма 1919—1933. М., 1978; История фашизма в Западной Европе. М., 1978.

206 См.: *Gerstl M.* Die Münchener Räterepublik, S. 89.

207 26 апреля Чичерин радировал Бела Куну, что за два дня до этого в Москве были получено несколько кратких сообщений Мюнхенского Исполкома, и просил о дополнительной информации. См.: Aus dem Telegrammwechsel zwischen Moskau und Budapest. März — August 1919.— Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1971, H. 2, S. 213.

батракам и мелким крестьянам сразу ощутить фактическое улучшение их положения [208].

Однако эти важные советы не дошли до баварских коммунистов. Радиограмма, переданная через Будапешт, только 28 апреля была принята в Германии [209]. К этому времени коммунисты, сумевшие за время своего пребывания у власти осуществить лишь небольшую часть рекомендованных мер, вынуждены были уйти из Советского правительства.

Еще 26 апреля на очередном пленарном собрании производственных и солдатских Советов, на котором присутствовало более тысячи человек, лидеры независимцев — Толлер, Меннер и Клингельгофер, охваченные паникой, повели бешеную атаку против руководимого коммунистами Исполкома. Меннер, ведавший в Исполкоме финансами, заявил протест против конфискации ценностей, хранившихся в сейфах буржуазии. Толлер заявил, что уходит в отставку с поста командующего фронтом в Дахау, так как считает правительство «бедствием для трудящихся Баварии» [210]. Лидеры независимцев потребовали отмены запрещения буржуазной прессы, восстановления буржуазной полиции. Была развернута бешеная демагогическая кампания против «чужаков», т. е. небаварцев — русских, пруссаков, саксонцев.

Атака лидеров независимцев нашла сочувствие у значительной части собрания. Поскольку члены Советов были избраны по принципу: крупные предприятия — 1 от 100, а мелкие — 1 от 20, делегаты последних преобладали; среди членов производственных Советов было также немало предствителей мелкой буржуазии, литераторов, даже предпринимателей и бывших полицейских. После бурных многочасовых дебатов коммунисты заявили о своей отставке. Дважды собрание требовало, чтобы они остались в правительстве [211]. Лишь тогда, когда Е. Левине поставил условием решительное очищение производственных Советов от буржуазных элементов и арест главных контрреволюционеров, собрание приняло отставку Комитета действия [212].

В ночь на 27 апреля был создан новый Комитет действия без коммунистов. Формально он состоял из 15 рабочих и 5 солдат, но его фактическими руководителями были Толлер, Меннер, Клингельгофер. Немедленно была прекращена забастовка, отменено запрещение буржуазной печати, восстановлена полиция. Новое правительство фактически встало на путь капитуляции перед бур-

---

[208] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 321—322.

[209] ZStA Potsdam. Wako, Nr. 895, Bl. 217. Радиоперехват 28 апреля 1919 г. По другим данным, телеграмма была получена в 6.07 утра 29 апреля (*Neubauer H.* München und Moskau 1918/1919. Zur Geschichte der Rätebewegung in Bayern. München, 1958, S. 74).

[210] *Gerstl M.* Die Münchener Räterepublik, S. 108—109.

[211] См. об этом неотправленную радиограмму Аксельрода В. И. Ленину от 27 апреля (*Hitzer F.* Lenin in München, S. 447).

[212] См.: *Leviné R.* Aus der Münchener Rätezeit, S. 53—55; *Beyer H.* Räterepublik, S. 123—124.

жуазией, предприняв попытки завязать переговоры с правительством Гофмана [213].

Руководители баварских коммунистов, выйдя из правительства, не намерены были, однако, отказаться от руководства борьбой мюнхенского пролетариата против наступавших белогвардейских орд. В своем воззвании к рабочим и бойцам Красной Армии компартия писала: «27 апреля принесло Советской республике роковое решение. Производственные и казарменные Советы отозвали Комитет действия и избрали новый. В нем *нет ни одного коммуниста.* У нас теперь Советская республика, из которой исключены как раз те, кто до этого был самым решительным носителем идеи Советов и штурмовым отрядом революции...

От вас зависит теперь спасение положения. Пусть правительство Толлера работает по-своему. Но вашим долгом является забота о том, чтобы республике не был нанесен непоправимый ущерб... У революционного пролетариата теперь одна великая задача: защита революции, защита рабочего класса от белогвардейцев и буржуазных заговорщиков... Вступайте поэтому в ряды Красной Армии!.. Да здравствует Советская республика! Да здравствует коммунизм!» [214].

Командование Красной Армии, находившееся в руках коммунистов, приняло решительные меры для организации обороны. 29 апреля оно заявило, что «революционный пролетариат любой ценой будет обороняться против белогвардейцев и не позволит никому, в том числе и производственным Советам, заставить его вступить на путь измены делу социалистической революции». На следующий день была для мобилизации рабочих вновь объявлена всеобщая забастовка, отменено собрание производственных Советов [215]. Рабочие — коммунисты, члены СДПГ, НСДПГ и беспартийные — были полны решимости. Но с таким трудом созданная коммунистами оборона Мюнхена была уже дезорганизована.

К 30 апреля баварские и вюртембергские белогвардейские войска подошли с запада и юго-запада к пригородам Мюнхена. Только к северу от города части Красной Армии еще удерживали в своих руках сильно укрепленный район Дахау, препятствуя продвижению главных сил карателей. Здесь были сосредоточены основные силы Красной Армии. Однако утром 30 апреля Клингельгофер отдал приказ об оставлении укрепленного района и отводе войск к Мюнхену. Этим немедленно воспользовались прусские войска и нанесли по отступавшим частям Красной Армии удар. Ожесточенные бои развернулись у Фёринга, в районе заводов Круппа у Фреймана, но закрепиться части Красной Армии уже не смогли. Вечером для усиления белогвардейских войск прибыл бронепоезд, за ним эшелоны с корпусом Лютвица. С се-

---

[213] Die Freiheit, 6.VI 1919. Morgenausgabe. Beilage.
[214] IML — ZPA, D. Po/1, Bl. 1.
[215] *Beyer H.* Räterepublik, S. 127, 170.

вера и востока каратели приблизились вплотную к городу, с юга и запада кольцо было чуть свободнее, только на юго-востоке Мюнхен имел еще связь с Розенгеймом [216].

Правительство Гофмана отклонило все предложения Толлера о переговорах: «Сложите оружие, всякое сопротивление бесполезно»,— гласил ответ. В ночь на 1 мая фон Эпп тайком послал в Мюнхен своего лазутчика, чтобы поднять мятеж среди солдат лейб-полка. Мятежникам удалось собрать около 200 человек и вместе с группой студентов неожиданно захватить дворец, ратушу и несколько других зданий. В этот критический момент производственные Советы призвали рабочих и солдат Мюнхена к... мирной первомайской демонстрации.

В городе развернулись тяжелые бои. В районе главного вокзала подразделения Красной Армии во главе с Эгельгофером нанесли противнику серьезные потери, был убит генерал фон Нагель. Но в Мюнхен с разных сторон уже вступали войска, поддерживаемые танками, броневиками и пушками. Они захватили центр. На окраинах бои продолжались еще 2 и 3 мая. Особенно упорными были схватки в районе вокзалов, на Карлсплац. На рабочий район Гизинг обрушилась артиллерия. Здесь бои шли за каждый дом, войска подвергались неожиданным нападениям небольших отрядов, стрелявших с крыш. В глубь района не могли пробиться и танки. Только подтянув подкрепления и ведя «очистку» дома за домом, квартала за кварталом, войска к концу дня 3 мая смогли овладеть положением [217]. Были заняты также Розенгейм и Кёльбермоор.

Началась зверская расправа: обыски, аресты, расстрелы на месте. По некоторым данным, число погибших с 30 апреля по 8 мая достигло тысячи человек, в том числе 412 расстреляппых в Мюнхене и 86 в его окрестностях [218]. Буржуазная пресса проливала крокодиловы слезы по поводу того, что 30 апреля в гимназии Луитпольд были расстреляны 10 «буржуазных заложников». Большинство из них были, однако, участниками контрреволюционной организации «Туле», изобличенными в преступной деятельности [219]. Каратели же замучили и расстреляли без суда и след-

---

[216] См.: Darstellungen, Bd. IV, S. 113—113.

[217] Ibid., S. 120—168; ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 16506, Bl. 266. Донесение прусского посланника от 5 мая 1919 г.

[218] В первом официальном сообщении говорилось о 557 убитых, в том числе о 186 расстрелянных на месте. Среди убитых в боях назвали 38 правительственных солдат (Tägliche Rundschau, 10.VI 1919). Позднее число убитых было доведено до 625, в том числе расстрелянных оказалось 252 (Revolution und Rätcherrschaft in München, S. 135). См. об этом: Darstellungen, Bd. IV, S. 209—212; Bayern in Umbruch. Die Revolution von 1918, ihre Voraussetzungen, ihr Verlauf und ihre Folgen. Hrsg. K. Bosl. München — Wien, 1969, S. 492; Revolution und Räterepublik in München 1918/19 in Augenzeugenberichten. Hrsg. G. Schmolze. Düsseldorf, 1969, S. 25, 378; *Hillmeyr H.* Roter und weißer Terror in Bayern. München, 1974.

[219] *Neubauer H.* München und Moskau, S. 87; *Kritzer P.* Die bayerische Sozialdemokratie, S. 127—128.

ствия сотни людей. Среди них были и совершенно непричастные к событиям, например группа католических подмастерьев (21 человек), 12 рабочих в Перлахе. В каменоломне Грефельфингер были расстреляны 53 русских военнопленных. Зверски замучены были коммунист Эгельгофер, анархист Ландауэр и многие другие. За головы Левине, Левина, Толлера правительство назначило вознаграждение в 10 тыс. марок. Было арестовано свыше 5 тыс. человек [220].

И все же «победители» боялись побежденных. Еще 3 недели спустя информатор сообщал из Мюнхена, что «наступившее в Баварии успокоение лишь внешнее. Сдача оружия осуществлена лишь частично. Не хватает еще 50—60 тысяч винтовок с боеприпасами». Он жаловался на «ненадежность» баварских войск и выражал опасение, что уход имперских войск немедленно вызовет здесь «взрыв анархии», ибо население Мюнхена испытывает «фанатическую ненависть к буржуазии, дворянству, духовенству и чиновникам» [221]. 22 мая кабинет Шейдемана по докладу Носке принял единодушное решение не выводить войска из Баварии и настаивать на назначении там «решительного военного министра» [222].

С тем большей яростью напуганные правители мстили революционерам. За полгода 25 судов рассмотрели 5233 дела: были осуждены 2209 человек, из них 9 казнены, 65 приговорены к каторжным работам, 1737 — к тюремному заключению, 407 — к заключению в крепости [223].

2 июня перед военным судом в Мюнхене предстал Евгений Левине. После ареста он был прикован цепью к стене. Хотя он не участвовал в боях и вышел из правительства 27 апреля, на него была возложена ответственность за все, что произошло в конце апреля и начале мая. Прокурор даже назвал Левине «бесчестным» за неучастие в боях и потребовал смертной казни за «государственную измену». «Господин прокурор,— отвечал Левине,— я приглашаю вас присутствовать при исполнении приговора, который вы для меня требуете. Вы увидите тогда, пойду ли я на смерть мужественно или трусливо». Суд отказался вызвать в качестве свидетеля министра Шнеппенгорста. Хотя большинство обвинений рассыпалось, а в защиту Левине выступали самые различные свидетели (в том числе профессор Ледер, социал-демократические секретари), ему вынесли смертный приговор [224].

---

[220] *Müller R.* Der Bürgerkrieg in Deutschland, S. 201; *Hillmeyr H.* Politischer Druck und politischer Terror in der Bayerischen Landeshauptstadt 1918/19. Inaugur. Dissert. München, 1975, S. 216.

[221] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 215, Bl. 84.

[222] Kabinett Scheidemann, S. 364. Штаб генерала Овена был распущен в середине июля, а осадное положение и чрезвычайные суды действовали до 1 августа 1919 г.

[223] См.: *Gumbel E.* Vier Jahre politischer Mord. Berlin, 1922, S. 31—50.

[224] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/14, Bl. 300—304. Речь адвоката К. Розенфельда.

В своем последнем слове Левине сказал: «Я давно знаю, что все мы, коммунисты, являемся *смертниками в отпуске*. От вас, господа, зависит, продлите вы мне еще мой отпуск или мне придется присоединиться к Карлу Либкнехту и Розе Люксембург. Вы можете меня убить, но мои идеи будут жить!.. Я, во всяком случае, приму ваш приговор спокойно... События задержать невозможно... Устранение того или другого руководителя не сможет остановить движение... Мы сделали все, что было в наших силах и возможностях, чтобы выполнить наш долг по отношению к Интернационалу и мировой коммунистической революции» [225].

Известие о приговоре вызвало возмущенные отклики по всей стране. Берлинский Исполком направил баварскому правительству телеграмму, в которой предупреждал, что, если приговор будет приведен в исполнение, крупные предприятия столицы прекратят работу, а это породит такую волну, которая может нанести смертельное потрясение германской экономике [226]. Адвокаты (независимец Розенфельд и католик граф Песталоцца) обратились с ходатайством к членам баварского кабинета, состоявшего наполовину из социал-демократов. Поступило множество телеграмм, в том числе от правительства Шейдемана. Но все было тщетно. Приговор был утвержден и 5 июня приведен в исполнение. Чтобы предотвратить ожидавшиеся массовые выступления, в Мюнхене арестовали 150 рабочих [227].

Узнав о расстреле Левине, общее собрание рабочих Советов Берлина утром 6 июня единодушно приняло предложение КПГ немедленно начать 24-часовую забастовку. В резолюции СДПГ выражалось возмущение тем, что социал-демократы в баварском правительстве не помешали осуществлению приговора. НСДПГ подчеркнула, что именно «социалистическое» правительство вынесло «первый политический смертный приговор с 1848 года». Выражая презрение таким правительствам, которые «превратились в приказчиков контрреволюции», резолюция призывала пролетариат отказаться следовать «за этими изменниками социализма» [228]. Рабочие столицы дружно откликнулись на призыв, и на сутки вся жизнь в городе была парализована [229]. Стихийные забастовки и протесты прокатились по всей стране, охватив и социал-демократических рабочих [230].

Отношение к событиям рабочих Мюнхена отразили выборы в городское собрание, проведенные 15 июня 1919 г. В обстановке, созданной разгулом белого террора и разгромом коммунистов, единственной партией, которая получила голосов больше, чем

---

225 *Leviné E.* Skizzen..., S. 46; Die Freiheit, 6.IV 1919. Morgenausgabe. Beilage.
226 IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/14, Bl. 307.
227 Ibid., Bl. 304–307; *Leviné R.* Aus der Münchener Rätezeit, S. 67.
228 IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/14, Bl. 312–313.
219 Die Freiheit, 8.VI.1919. Morgenausgabe.
230 Ibidem; ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern. Nr. 16572, Bl. 125. Донесение прусского посла в Саксонии от 12 июня 1919 г.

прежде, была НСДПГ: она вышла на первое место, обогнав СДПГ и буржуазные партии. Социал-демократы собрали лишь 45 тыс. голосов (вместо 170 тыс. в январе), тогда как за НСДПГ было подано 77 тыс. (вместо 18 тыс.) [231]. Аналогичный сдвиг произошел и в других городах Баварии [232]. Несколько дней спустя прусское посольство даже телеграфировало в Берлин и Веймар, что «часть рабочих заявила о своей готовности к немедленному захвату власти и восстановлению диктатуры пролетариата». Впрочем, успокаивал автор сообщения, «если надежные прусские части останутся в Мюнхене, в ближайшие дни нельзя будет ждать нового переворота» [233]. В действительности рабочие Баварии не пришли в себя после нанесенного им тяжелого поражения и о захвате власти не помышляли.

Спад революционной волны

Смелая атака мюнхенских рабочих была наиболее значительной попыткой установления подлинной власти рабочего класса. Несмотря на короткий срок своего существования, Баварская Советская республика успела дальше продвинуться вперед, чем Советская республика в Бремене. Как справедливо отметила К. Цеткин, Баварская Советская республика была «кульминацией борьбы между буржуазией и рабочим классом за месяцы революции не только по своему масштабу, по своей горячности и по количеству принесенных жертв. Она была кульминацией также и по своему историческому смыслу» [234].

И все же полоса германской революции от январских боев в Берлине и Советской республики в Бремене до гибели Баварской Советской республики не стала периодом *пролетарской* революции. Попытки установления пролетарской власти были для этого слишком разрозненными, локальными, ограниченными. Они не привели к пролетарской постановке вопроса о власти в масштабе всей страны, не вызвали острого кризиса общегерманской буржуазной власти, были ею жестоко подавлены.

Правительство «веймарской коалиции» сумело удержать и укрепить свою власть главным образом с помощью репрессий, кровавого террора и убийств, чинимых белогвардейскими бандами, которыми руководил «рабочий» Носке. Американские и английские эмиссары, безусловно компетентные в этом вопросе, единодушно утверждали, что это удалось лишь «с помощью твердой

---

[231] ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 16506, Bl. 286—289. Донесение прусского посла в Баварии от 20 июня 1919 г.; Die Freiheit, 18.VI 1919. Morgenausgabe. Beilage 1.
[232] См. *Kritzer P.* Die bayerische Sozialdemokratie, S. 141.
[233] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/17, Bl. 47. Телеграмма от 19 июня 1919 г.
[234] *Zetkin C.* Ausgewählte Reden, Bd. II, S. 164.

военной организации» и тому, что на улицах городов было перебито несколько тысяч рабочих. Американские агенты рекомендовали и дальше применять, как цинично выражались Дрезел и Осборн, метод «последовательного устранения» («the gradual elimination») революционных вождей [235].

Продолжая репрессии, правители Германии были прежде всего озабочены укреплением своих вооруженных сил. Прусское министерство внутренних дел еще в марте рекомендовало создавать наряду с «буржуазной самообороной» в городах также отряды «местной обороны» (Einwohnerwehren) в сельской местности. На основе директив юнкерской организации они стали возникать под лозунгом: «Наши дети в деревне должны снова научиться играть в солдаты» [236]. Поскольку циркуляр вызвал всеобщее возмущение рабочих, понявших контрреволюционный смысл этой затеи, министр В. Гейне отменил его. Но уже 15 апреля прусское правительство дало новые указания, сформулированные более осторожно, а еще 10 дней спустя Носке и Рейнгардт издали совместное распоряжение о создании таких отрядов [237].

Продолжалась усиленная вербовка в «добровольческие корпуса». Однако рядом с объявлениями о вербовке нередко появлялись обращения рабочих Советов или профсоюзных комитетов, рекомендовавшие избегать этих антипролетарских формирований [238]. Чтобы привлечь в «корпуса» студентов, Носке поддержал предложение ставки и штаба Лютвица о временном закрытии высших учебных заведений [239]. Но протесты ширились. Резолюции о бойкоте не только организаций, а и отдельных участников «корпусов» приняли Второй всегерманский съезд Советов, общее собрание рабочих Советов Берлина, общегерманский съезд Советов железнодорожников, собрание электриков Гамбурга [240]. Собрание германского профсоюза металлистов от имени 160 тыс. своих членов отказалось иметь какие-либо дела с организациями штрейкбрехеров и потребовало изгонять с работы всех, кто вступил в «добровольческие корпуса» [241].

16 мая комиссия Берлинского Исполкома и представители профсоюзов встретились с Шейдеманом и Носке. Даже социал-демократ Б. Молькенбур говорил, что войска ведут себя ужасающе, распоряжения военного министра вызывают озлобление и на

---

[235] PPC, v. XII, p. 107, 109. Совместный отчет Дрезела и Литгоу Осборна. Париж, 10 мая 1919 г.

[236] См.: *Könnemann E.* Einwohnerwehren..., S. 118—119.

[237] Ibid., S. 120—121; ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 13090, Bl. 180—181.

[238] ZStA Merseburg. Ministerium des Innern, Rep. 77, Tit. 1373a, Nr. XVII, Bl. 54—55.

[239] Die Freiheit, 19.IV 1919. Morgenausgabe; 6.VI 1919. Abendausgabe.

[240] ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 12025, Bl. 76.

[241] Ibid., Büro des Reichspräsidenten, Nr. 215, Bl. 73.

Носке ложится ответственность за то, что «старый милитаризм снова возрождается». Носке в ответ не только жаловался на профсоюзы за поддержку бойкота, но и грозил им репрессиями. А Шейдеман заявил: «Добровольцы нам нужны, иначе правительство слетит через 24 часа». Поскольку в них не вступают рабочие, «приходится брать, что есть». Как заметил на заседании Исполкома представитель коммунистов, такие переговоры с Носке и Шейдеманом бесцельны, ибо войска, специально вербуемые для подавления пролетариата, не могут быть иными [242].

В то время как Носке продолжал издавать гневные приказы, угрожая за бойкот годичным тюремным заключением [243], правительственные органы обдумывали и иные меры. Прусские министры внутренних дел и юстиции предлагали сочинить специальный закон для защиты добровольцев от «дискредитации». Законопроект был, однако, отвергнут из опасения, что он вызовет еще больше недовольства [244]. Военный министр снова поднял вопрос о средствах «обезвредить подстрекателей». Он сокрушался, что осадное положение трудно «оправдать перед общественностью», когда речь идет не о массовых беспорядках, а об «антигосударственной деятельности одиночек». Он настаивал на издании такого чрезвычайного закона, который позволял бы немедленно применять меры пресечения против отдельных лиц, считая, что только так можно будет «уберечь экономику и население от тяжелого ущерба» [245]. Был подготовлен законопроект о запрещении стачек и аресте их организаторов, весьма напоминавший пресловутый «каторжный законопроект» 1899 г. [246] Прусское и имперское правительства для усиления «антибольшевистской пропаганды» создали специальный координационный центр [247].

Тем временем правительственные войска продолжали карательные экспедиции. Так, 6 мая 1-й батальон ландъегерей ворвался в Гальберштадт. Хотя до этого в городе все было спокойно, войска имели приказ Носке установить «спокойствие и порядок». Даже правые социал-демократы не могли это оправдать. «Совершены нападения,— писала их газета,— проведены необоснованные аресты, над задержанными издеваются. Грубое, провоцирующее поведение войск лишь подстегнет взбудораженные умы». И действительно, рабочие большинства предприятий ответили забастовкой. В совместном заявлении профсоюзов, социал-демокра-

---

[242] Die Freiheit, 17.V 1919. Morgenausgabe; IML — ZPA. Vollzugsrat, Nr. 11/9, Bl. 85—89. Заседание 17 мая 1919 г.

[243] ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 12025, Bl. 74—77; Die Freiheit, 24.VI 1919. Morgenausgabe.

[244] Kabinett Scheidemann, S. 267, 313.

[245] IML — ZPA. Reichsamt des Innern, Nr. 9/14, Bl. 85.

[246] Die Freiheit, 5.VI 1919. Morgenausgabe.

[247] ZStA Merseburg. Preußisches Staatsministerium, Rep. 90a, Abt. B III 2b, Nr. 6, Bl. 91; ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 13318, Bl. 65, 107, 142.

тов и независимцев был выражен протест, смягченный лишь опасением, что противодействие приведет к повторению того, что уже имело место в Дюссельдорфе, Брауншвейге, Мюнхене и Берлине [248]. Вскоре войска подобным же образом ворвались в Стендаль, объявив и здесь осадное положение.

Тем временем главные части генерала Меркера занимали позиции вокруг Лейпцига: в Наумбурге, Мерзебурге, Галле, Торгау. Рабочий Совет Лейпцига, и раньше выражавший возмущение введенным в апреле осадным положением, заявил 5 мая, что на попытку саксонского или имперского правительства осуществить его с помощью войск он ответит всеобщей забастовкой. Городское собрание Лейпцига просило правительство отменить осадное положение [249].

Вместо этого на рассвете в воскресенье 11 мая в город с четырех сторон вступили войска Меркера. Их было до 20 тысяч, с бронепоездами, артиллерией, танками, огнеметами и пулеметами. Самолеты разбрасывали листовки, извещавшие, что войска рабочей охраны распускаются, газеты «Die Rote Fahne» и «Leipziger Volkszeitunq» запрещаются. В результате концентрического наступления все важнейшие здания в центре были вскоре заняты. Сопротивления каратели не встретили; части охраны позволили себя разоружить в казармах. Рабочий Совет был объявлен распущенным, начались аресты, в том числе депутатов Национального собрания. Развевавшиеся с ноября 1918 г. на Аугустусплац и на здании ратуши красные флаги были сняты.

Хотя вступления войск в «красном городе» ожидали давно, в решающий момент рабочие руководители спасовали. Вопреки прежним заявлениям, они не поддержали забастовку, которая стихийно началась почти на всех крупных предприятиях утром 12 мая. Через два дня городское собрание 37 голосами буржуазных и социал-демократических депутатов против 31 голоса независимцев отклонило требование о немедленном удалении белогвардейцев Носке. Неделю спустя так же поступил саксонский ландтаг. А премьер-министр Саксонии социал-демократ Градпауэр даже выразил Меркеру «признательность» [250].

В середине мая осадное положение было введено в Эйзенахе. Бесчинства военщины вызвали генеральную забастовку в Кёнигсберге. 6 июня автоколонна карательных войск ворвалась в Ремшейд, арестовала 13 человек и увезла их, оставив на стенах плакаты об усиленном осадном положении. Рабочие ответили на эту акцию стихийной забастовкой, а Зеверинг утверждал, что военные предприняли ее без его ведома [251]. Серьезные столкнове-

---

[248] Die Freiheit, 7., 8.V 1919. Morgenausgabe.
[249] Die Freiheit, 6., 8.V 1919. Abendausgabe.
[250] Die Freiheit, 12., 15.V 1919. Morgenausgabe; 16.V 1919. Abendausgabe; 23.V 1919. Morgenausgabe.
[251] Die Freiheit, 10.VI 1919. Morgenausgabe.

ния рабочих с войсками произошли в Мангейме; здесь было 18 убитых и 36 тяжелораненых [252].

В Берлине Носке в конце мая усилил осадное положение, запретив все собрания под открытым небом. «Буржуазия хочет гражданской войны!» — писала газета НСДПГ, рассказывая о заседаниях «буржуазного совета», который с участием крупных промышленников, коммерсантов, врачей, торговцев, военных обсуждал вопрос о «контрзабастовке» [253].

В Гамбурге снова возникли крупные беспорядки, когда обнаружилось, что фабриканты выбросили на рынок недоброкачественную колбасу. Комендант Лампль объявил 24 июня осадное положение. Утром на следующий день вооруженные отряды буржуазии, в том числе «баренфельдские добровольцы», заняли ратушу. Вооружившиеся рабочие после упорных боев, в которых погибло более 60 человек, разоружили белогвардейцев и вынудили их капитулировать. Комитет производственных Советов и представители всех трех рабочих партий призвали рабочих соблюдать спокойствие и «строго придерживаться обороны». В городе сохранялся порядок. Когда тем не менее, против рабочих была брошена 9-я бригада рейхсвера, солдаты не решились пустить в ход оружие. Прусский поверенный докладывал 29 июня, что «в последние дни в Гамбурге царит неестественная (!) тишина. Все партии выражают живейшее желание восстановить порядок в Гамбурге без помощи правительственных войск» [253а].

Однако Носке считал необходимым еще раз продемонстрировать «силу». Он издал приказ, предписывавший «скорейшим образом подавить, если необходимо, с беспощадным применением вооруженной силы», восстание в Гамбурге. Наведение «порядка» было поручено «африканскому» корпусу генерала Леттова-Форбека. Все попытки завязать переговоры были отвергнуты. В город вступило не менее 10 тыс. солдат с бронепоездом, артиллерией, броневиками и танками. Было введено осадное положение, проводились массовые обыски и аресты [254]. «Кнутом без пряника» назвали коммунисты эту акцию [255].

24 июня начали давно готовившуюся забастовку 25 тыс. железнодорожников берлинского узла. К ним присоединились, несмотря на угрозы Носке, железнодорожники Средней Германии и других областей. Для подавления забастовки были использованы войска гвардейского кавалерийского (стрелкового) корпуса, занявшие ряд станций и принудившие железнодорожников возобновить работу [256]. В июле бастовали металлурги в Бреслау,

---

[252] Darstellungen, Bd. V, 101; ZStA, Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 13318, Bl. 108—109.
[253] Die Freiheit, 31.V 1919. Morgenausgabe; 12.VI 1919. Abendausgabe.
[253а] ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 13318, Bl. 101.
[254] Die Freiheit, 26., 27., 28., 30.VI 1919; Darstellungen, Bd. VI, S. 132—133.
[255] Kommunistische Räte-Korrespondenz, 7.VII 1919.
[256] Darstellungen, Bd. VI, S. 125.

по крупным городам прокатилась волна голодных бунтов. Самые крупные волнения произошли в начале августа в Хемнице. Носке бросил против демонстрантов части рейхсвера, которые устроили кровавую баню, убив 50 и ранив 80 человек. В знак протеста рабочие объявили всеобщую забастовку и, вооружившись, заставили войска бежать из города. Только 10 дней спустя город был снова занят и рабочие разоружены [257].

Под влиянием борьбы промышленного пролетариата начала постепенно просыпаться и деревня. Среди части сельскохозяйственных рабочих округа Магдебург, Западной Пруссии и других областей развернулось движение за повышение зарплаты. В некоторых районах Вюртемберга и Верхней Силезии мелкие крестьяне выдвинули требование передачи общинам крупных имений дворянства, но, не получив поддержки со стороны рабочих, эти требования заглохли [258]. Правда, компартия создала в Силезии Коммунистический союз сельхозрабочих, мелких крестьян и садоводов, но этого было недостаточно» [259].

В то же время юнкерская реакция все более наглела. Еще в марте лидер аграриев Ольденбург-Янушау выступил с требованием «права забастовок» для помещиков. Даже газета «Vorwärts» не могла охарактеризовать это иначе, как перспективу «голодной блокады» со стороны юнкеров [260]. В середине мая войска генерала фон дер Липпа ворвались в Штеттин, ввели осадное положение, провели аресты и обыски, а вскоре распространили его на Штаргард, сельские районы Рандов, Грейфенгаген, Наугард, Уккермюнде и др.[261] Убедившись в своей полной безнаказанности, померанские юнкеры в июле начали наступление против сельскохозяйственного пролетариата. В ответ на весьма скромные требования батраков о повышении зарплаты «герой» Мюнхена — генерал Овен — по сговору с юнкерами снова ввел в Померании осадное положение и объявил принудительную трудовую повинность. Только всеобщая забастовка рабочих Штеттина, Штральзунда и других городов заставила отменить этот приказ [262].

---

[257] *Bruchardt A.* Das Chemnitzer Blutbad am 7. und 8. August 1919. Leipzig [1919].

[258] Die Rote Fahne, 20.IV 1919.

[259] В июле 1919 г. в журнале «Die Internationale» была опубликована аграрная программа КПГ, которая, однако, все еще имела ряд серьезных недостатков. Она, правда, не говорила уже об отчуждении собственности средних крестьян, но и не предусматривал наделения землей мелких крестьян (Die Internationale, 1919, Nr. 7—8, S. 10—15). В. И. Ленин на полях брошюры с текстом аграрной программы, в том месте, где давалась характеристика крупных и мелких сельскохозяйственных предприятий, сделал пометку: «Крестьянин-середняк? отсутствует» (Ленинский сборник XXIV, с. 214—215).

[260] Vorwärts, 10.III 1919. Abendausgabe.

[261] Darstellungen, Bd. VI, S. 127—128.

[262] Der Syndikalist, 26.VII 1919.

Несмотря на сохранявшееся напряжение и ожесточенный характер отдельных схваток, в целом борьба немецких трудящихся со времени падения Баварской Советской республики шла на убыль. Она носила исключительно оборонительный характер, ее раздробленность усиливалась. Главной причиной спада революционной активности был, несомненно, разгром контрреволюцией самого боевого революционного авангарда. Тяжело сказывалась гибель коммунистических вождей и тысяч передовых борцов, проявлялась общая усталость от почти полугодовой изнурительной борьбы, не приносившей сколько-нибудь ощутимых успехов.

Более широкие массы рабочего класса, вовлеченные в движение весной 1919 г., были не только разочарованы цепью поражений, но и дезориентированы расколом организаций и разногласиями среди руководителей. Правые социал-демократические лидеры, особенно Носке и Шейдеман, Эберт и Давид, хотя и теряли доверие широких слоев пролетариата, удерживали пока еще сильные организационные рычаги давления, в том числе в профсоюзах, не только сохранивших, но и усиливших свое влияние. Партия независимцев, вбиравшая в себя социал-демократов, недовольных политикой правых вождей, не была единой. Под влиянием центристских лидеров она, вместо того чтобы идти во главе революционных масс, в лучшем случае плелась в их хвосте. Молодая компартия, преследуемая и гонимая, не смогла еще стать подлинным организатором массовой борьбы.

Правящие круги не чувствовали себя, однако, полностью в седле, пока продолжали существовать, хотя и ослабленные нажимом извне и изнутри, органы революционной инициативы масс — Советы. После разгрома Советов в Баварии власти перешли в наступление и на другие Советы, которые еще сохранили известные позиции.

В середине мая «последний пинок» был дан *солдатским Советам*[263]. Распоряжение Носке и Рейнгардта от 14 мая 1919 г. устанавливало, что гарнизонные солдатские Советы не могут распространять свою власть на соединения рейхсвера. Советам запрещалось издавать газеты и бюллетени, членам Советов не разрешалось использовать служебное положение в политических целях. Деятельность солдатских Советов (пока они не заменены доверенными лицами) должна быть «полностью отделена от деятельности рабочих Советов. Как последние не имеют права вмешательства в военные дела, так и солдатские Советы должны воздерживаться от всякого вмешательства в дела государственного и общинного управления»[264].

Министр труда Бауэр задумал издать циркуляр, в котором перечислялось, что запрещалось делать *рабочим Советам*. Но спи-

---

[263] Die Freiheit, 21.V 1919. Abendausgabe.

[264] Armee-Verordnungsblatt, 19.V 1919. В книге *Kluge U.* Soldatenräte und Revolution (S. 337, 352) приводится аналогичное распоряжение от 27 мая 1919 г.

сок оказался столь длинным, что был способен вызвать новую волну протестов [265]. Лучше было действовать изнутри. Вскоре Советы, где преобладали правые социал-демократы, стали добровольно сходить со сцены. 17 мая газеты сообщили об отставке рабочих Советов в общинах Вильмерсдорф, Лихтерфельде, Штеглиц, Фриденау [266].

22 мая министр внутренних дел Гейне решил дать в Прусском земельном собрании на запрос независимца Розенфельда следующий ответ: вновь избранные общинные представительства и городские собрания осуществляют контроль над исполнительными органами и магистратами, а сами подконтрольны лишь избирателям. Поэтому они «должны сами решать, нужен ли наряду с их собственной деятельностью контроль со стороны рабочего Совета, или он в будущем станет излишним» [267].

На следующий день прусское правительство постановило обсудить на специальном совещании вопрос о финансировании Советов, но наперед дало недвусмысленную директиву: «*Берлинский Исполком* не должен больше получать государственных средств, ибо речь идет о местном учреждении. В вопросе размещения — Исполком сейчас располагается в государственном здании ин ден Цельтен — следует пока занять выжидательную позицию; может быть позднее возникнет возможность удобным способом удалить его из здания. *Коммунальные рабочие и солдатские Советы* на местах, где уже проведены выборы по новой избирательной системе, не имеют больше права на существование». Вопросы о Советах при учреждениях и ведомствах, а также о финансировании крестьянских Советов должны быть решены дополнительно [268].

Буржуазная пресса под заголовком «Незаконные рабочие Советы. Вон из их общин» с радостью возвестила: наконец-то министр Гейне выбросил за борт пресловутое «революционное право». Теперь пора приняться и за другие революционные органы, прежде всего за те, которые осуществляют контроль над административными учреждениями. Чем скорее будут извлечены эти «чужеродные тела из раны, которую революция нанесла даже издавна образцовой прусской администрации, тем скорее начнется процесс выздоровления» [269].

---

[265] ZStA Merseburg. Ministerium des Innern, Rep. 77, Tit. 1373a, Nr. XIII, Bl. 59—60, 65.

[266] Berliner Zeitung am Mittag, 17.V 1919. См. также: *Bey-Heard F.* Hauptstadt und Staatsumwälzung. Berlin, 1919. Problematik und Scheitern der Rätebewegung in der Berliner Kommunalverwaltung. Stuttgart — Berlin — Köln — Mainz, 1969.

[267] ZStA Merseburg. Ministerium des Innern, Rep. 77, Tit. 1373, Generalia, Nr. 1, Bl. 154, 161.

[268] ZStA Merseburg. Preußisches Staatsministerium, Rep. 90a, Abt. D, Tit. I 1, Nr. 14, Bl. 73. Заседание 23 мая 1919 г.

[269] Deutsche Tageszeitung, 24.V 1919. Morgenausgabe. См. также: Tägliche Rundschau, 27.V 1919. Morgenausgabe.

Тем временем Центральный Совет как ни в чем не бывало принял 28 мая резолюцию, в которой просил прусское и другие правительства осуществить административную реформу, заявив, что до ее проведения «система политических рабочих Советов продолжает действовать для обеспечения революционных завоеваний», а учреждения, над которыми осуществляется контроль, должны рабочим Советам платить [270]. Спустя неделю Центральный Совет напомнил прусскому кабинету о своей просьбе, но прошла еще неделя, пока он получил от Гирша отписку, что вопрос обсуждается [271]. А министр внутренних дел Гейне, который уже не раз заявлял публично, что для рабочих Советов в коммунах «нет больше места», решил теперь так ответить на очередной парламентский запрос: «Со стороны правительства не могут быть приняты какие-либо меры для обеспечения дальнейшего существования коммунальных рабочих Советов» [272]. Центральному Совету министры внутренних дел и финансов сообщили 10 июня то, что было ему давно известно из газет, добавив, что оплата расходов коммун на содержание Советов из государственного фонда совершенно исключена. Они просили Центральный Совет соответственно отвечать на запросы коммунальных Советов [273].

Состоявшееся 28 мая общее собрание рабочих и солдатских Советов Берлина поручило Исполкому продолжать переговоры с прусским кабинетом о финансировании рабочих Советов и Исполкома [274]. Несколько дней спустя объединенное собрание всех Советов Берлина решило создать для финансирования выборов и пропаганды собственный фонд, выпустив с этой целью специальные марки [275].

В июне многие местные Советы продолжали деятельность, протестуя против притеснений и лишения средств. Совсем не считаться с ними было рискованно. Так, правительственный комиссар Зеверинг отсрочил на месяц исполнение решения городского собрания Обергаузена о прекращении контрольной деятельности местного рабочего Совета. Когда обербургомистр отказался выполнить его указание, Зеверинг телеграфировал Гейне, что могут возникнуть беспорядки, как в Гельзенкирхене. Если предложенный им компромисс не будет одобрен правительством, он не сможет выполнять свои функции [276]. Объединение рабочих и

---

[270] ZStA Merseburg. Ministerium des Innern, Rep. 77, Tit. 1373a, Nr. XII, Bl. 87—89; Die Freiheit, 29.V 1919. Morgenausgabe.
[271] ZStA Merseburg. Ministerium des Innern, Rep. 77, Tit. 1373a, Nr. XIII, Bl. 89—90.
[272] Ibid., Tit. 1373, Generalia, Nr. 1, Bl. 214.
[273] Ibid., Bl. 222.
[274] Ibid., Tit. 1373a, Nr. IV, Bl. 76.
[275] Die Freiheit, 3.VI 1919. Morgenausgabe; 6.VI 1919. Morgenausgabe.
[276] ZStA Merseburg. Ministerium des Innern, Rep. 77, Tit. 1373, Spec. Nr. 1, Bl. 319—320, 33.

солдатских Советов Бранденбурга просило министра прекратить попытки устранения рабочих и солдатских Советов [277]. Конференция исполкомов рабочих Советов Шлезвиг — Гольштейна протестовала против всесилия бюрократии и требовала принятия детально разработанного ею организационного плана и рабочей программы Советов [278]. Окружной Совет Мерзебурга, заявив решительный протест против позиции прусского министра, указывал, что о самоуправлении населения в общинах не может быть и речи, пока сохраняются трехклассные магистраты и исполнительные органы, а «многочисленные руководящие чиновники действуют целиком в духе старого режима. Революционный переворот их не затронул, даже реформы их не коснулись». Поэтому долг рабочих Советов — оставаться на посту, защищая революционные завоевания [279].

Гейне подвергся критике за преследование Советов и на съезде СДПГ в Веймаре в середине июня со стороны М. Грогера (Франкфурт-на-Майне). А Г. Шолих из Бреслау обратил внимание на то, что в Пруссии социал-демократами являются всего два обер-президента (из 12), 1 регирунгспрезидент (из 36) и 1 ландрат из 470. Оправдания Гейне прозвучали неубедительно [280]. В докладе Г. Зинцгеймера о «системе Советов и имперской конституции» был осужден «указ прусского правительства», ущемлявший Советы, как продиктованный «старым бюрократическим духом». Докладчик призывал партию «своевременно взять на себя руководство движением Советов», чтобы осуществить пресловутое «сочетание» Советов и парламента, «политической демократии» и «экономической демократии». Он предлагал временно сохранить и местные Советы как органы «контроля снизу». Лишение Советов права контроля над буржуазно-реакционными органами и отказ финансировать Советы критиковал также Катценштейн [281]. Однако принятые съездом резолюции Зинцгеймера — Катценштейна содержали лишь словесное признание Советов. Все «право контроля» сводилось к ознакомлению с положением, информации и жалобам [282]. Так что даже Коэн, чья идея о «палатах труда» была съездом отвергнута, заметил: «Давать советы недостаточно, нужны права» [283].

Разговоры еще продолжались, когда реакция приступила к действиям. 14 июня 50 вооруженных солдат ворвались в помещение Берлинского Исполкома и заняли его — якобы по приказу комендатуры. Выяснилось, что это была команда гвардейской ка-

277 Ibid., Tit. 1373a, Nr. XIII, Bl. 80, 83.
278 Ibid., Nr. XIII, Bl. 17—18; Nr. XII, Bl. 36—37, 47—48.
279 Ibid., Nr. XIIA, Bl. 19; Nr. XII, Bl. 118; Nr. 1, Bl. 167.
280 Protokoll über die Verhandlungen der Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands, abgehalten in Weimar vom 10. bis 15. Juni 1919 (далее — SPD Parteitag in Weimar). Berlin, 1919, S. 183—185, 223—229, 270.
281 Ibid., S. 413—418, 434—345.
282 Ibid., S. 114, 116, 126—127.
283 Ibid., S. 450—451.

валерийской (стрелковой) дивизии, действовавшая будто бы на свой страх и риск. Стали известны и многочисленные случаи засылки в Исполком шпионов[284]. Но то была лишь прелюдия. 26 июня новое нападение на Исполком сопровождалось неоднократными обысками и арестами его членов. Если пятерых членов СДПГ вскоре отпустили, то пять членов НСДПГ были задержаны в штабе дивизии и освобождены только через два дня[285]. В совместном заявлении от 29 июня фракции КПГ и НСДПГ призвали рабочих «перед лицом милитаристской диктатуры особенно *отстаивать* последние остатки революционных завоеваний — *систему Советов*... События последних дней показали, что милитаристская *контрреволюция целит в весь пролетариат, без различия партийной принадлежности*»[286].

Не прошло и трех недель как социал-демократическая фракция вместе с немецкими демократами заявила о своем выходе из Берлинского Исполкома. В то время как на общем собрании столичных Советов 19 июля Деймиг, Р. Мюллер и другие продолжали произносить громкие речи о революционных задачах и необходимости углубленной разработки «системы Советов»[287], раскольники официально известили Гейне и Зюдекума, что «Исполком не следует более рассматривать как представительство всех рабочих Большого Берлина». Министры немедленно прекратили предоставление Исполкому каких-либо средств и потребовали освободить к 1 августа занимаемое помещение[288].

К этому времени были официально опровергнуты распространявшиеся буржуазией слухи о расточительстве и якобы «миллиардных расходах» Советов. Так, прусский министр финансов А. Зюдекум докладывал 8 июля 1919 г., что до конца марта на 21 813 членов 2355 рабочих, солдатских и крестьянских Советов, действовавших при министерствах, провинциальных управлениях и в коммунах, было израсходовано для личной оплаты 16,8 млн., для покрытия материальных затрат — 2 млн., а всего — 18,9 млн. марок. Кроме того, Берлинский Исполком израсходовал 280 тыс., а Центральный Совет — 160 тыс. марок[289]. Хотя прусское военное министерство исчислило расходы солдатских Советов в 92 млн. марок (включив в них даже «потери за противозаконное присвоение или распродажу военного имущества», составившие 35 млн.)[290], министр финансов Эрцбергер имел все

---

[284] Die Freiheit, 18.VI 1919. Morgenausgabe, 2. Beilage.
[285] Die Freiheit, 27.VI 1919. Morgen- u. Abendausgabe; 28.VI 1919. Morgenausgabe.
[286] Die Freiheit, 30.VI 1919. Morgenausgabe.
[287] IML — ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/10, Bl. 56—57, 62—64, 99.
[288] ZStA Merseburg. Ministerium des Innern, Rep. 77, Tit. 1373a, Nr. XIIA, Bl. 34, 53.
[289] ZStA Merseburg. Preußisches Staatsministerium, Rep. 90a, Abt. D, Tit. I 1, Nr. 17, Bl. 66—67.
[290] Ibid., Bl. 78—82.

основания заявить в Национальном собрании 9 июля 1919 г., что Советам была выплачена «совершенно ничтожная сумма»[291].

Последний удар Берлинскому Исполкому нанес Носке. 6 ноября 1919 г. он распорядился на основе § 9 закона об осадном положении и в «интересах сохранения порядка» объявить «Исполком рабочих Советов Большого Берлина распущенным. Всякая дальнейшая деятельность, какого бы рода и содержания она ни была, этим запрещается. Противодействия данному запрету наказываются тюремным заключением до одного года, если по существующим законам не предусмотрено более сурового наказания[292].

Газета «Die Rote Fahne», после 9-месячного запрещения начавшая вновь выходить в конце 1919 г., констатировала: «Судьба германских рабочих Советов завершилась. Со спадом революционного подъема рабочего движения они засохли. Они не были способны стать выражением власти пролетариата, ибо пролетариат не был еще идейно и организационно зрел для осуществления власти. Рабочие Советы во Франкфурте-на-Майне и в Берлине пали последними. Реакции не понадобилось, чтобы распустить эти организации, больших усилий, ручных гранат и пулеметов... Они фактически прекратили существование еще до своего юридического роспуска... Так как вожди покинули рабочий класс, еще не знавший пути, рабочий класс покинул их»[293].

В то время как местные рабочие Советы были уничтожены, Советы на предприятиях, *производственные Советы* продолжали существовать. Буржуазия, правые лидеры социал-демократии и профсоюзов прилагали все усилия, чтобы истребить и их, но это не удавалось. «Секрет» их живучести был в непосредственной связи с производством, где проходил главный фронт классовой борьбы. Эти Советы часто прямо противопоставляли себя предпринимателю, оспаривали его единовластие и требовали установления рабочего контроля над производством, соучастия в решении важнейших вопросов найма и увольнения, условий труда и заработной платы. Они считали себя органами прямой производственной демократии, призванными практически осуществить обещания о социализации. Вместе с тем они были антиподом профсоюзной бюрократии, заключившей с монополистами соглашение о «деловом содружестве» и считавшей вершиной достижения паритетные комиссии.

Правительственные законопроекты, имевшие целью начисто выхолостить заложенный в производственных Советах революционный дух, неизменно наталкивались на отпор со стороны всех рабочих, в том числе и социал-демократов. Так, общее собрание рабочих Советов Берлина 18 июня единодушно отвергло законо-

---

[291] VDNV, Bd. 327, S. 1440.
[292] ZStA Merseburg. Preußisches Staatsministerium, Rep. 90a, Abt. D, Tit. I 1, Nr. 14. Bl. 127; Die Freiheit, 7.XI 1919. Morgenausgabe.
[293] Die Rote Fahne, 12.XII 1919.

проект, который даже представитель немецких демократов назвал «вызовом рабочему классу»[294]. Конференция революционных производственных Советов в Галле в июле потребовала полного права соучастия Советов в решении всех социальных вопросов[295]. Хотя новый правительственный законопроект, внесенный в рейхстаг 9 августа 1919 г., предоставлял производственным Советам весьма ограниченные права, предприниматели осуществили сильнейший нажим на правительство и лично на президента Эберта, чтобы еще больше их урезать[296]. Накануне второго чтения закона в рейхстаге КПГ и НСДПГ призвали рабочих протестовать против превращения производственных Советов в «погонщиков на службе предпринимателей». 13 января 1920 г. многотысячная демонстрация была расстреляна войсками Лютвица у здания рейхстага[297]. Снова рабочему классу пришлось заплатить кровью за отстаивание своих прав.

Наряду с репрессиями и мерами политического давления правители Германии использовали для противодействия рабочему движению также экономические факторы. Первое место среди них занимал вопрос о продовольственном снабжении. Трудящиеся Германии, прежде всего городская беднота, со времени войны тяжело страдали от недоедания и прямого голода. Эберт и К°, отвергнув еще в самом начале революции братскую помощь, предложенную трудящимися Советской России, по меткому выражению коммунистической газеты, «вручили американским империалистам бич голода для борьбы против революции»[298].

Хотя США неоднократно обещали ослабить экономическую блокаду и предоставить Германии продовольствие, многие месяцы дело не продвигалось вперед. Только после разгрома берлинских рабочих в январе 1919 г. начались переговоры. С американской стороны их возглавлял член делегации США на Парижской мирной конференции, близкий советник президента Г. Гувер, руководитель «Американской организации помощи» (АРА). Включить Германию в число стран, получающих продовольствие, он рекомендовал отнюдь не из гуманных побуждений. Решающими были доводы политические и коммерческие. Первые он сам сформулировал как необходимость «построить плотину против распространяющегося из России большевизма»[299]. Президент Вильсон тоже говорил в своем послании конгрессу: «Большевизм все более распространяется к западу и отравил Германию. Не вооруженной силой, а продовольственной помощью можно предотвратить

---

[294] Die Freiheit, 19.VI 1919. Morgenausgabe.
[295] См.: Oertzen P. Betriebsräte..., S. 162—164, 366.
[296] См.: *Wendt B.-J.* Mitbestimmung und Sozialpartnerschaft in der Weimarer Republik.— In: Aus Politik und Zeitgeschichte, 1969, Nr. 26, S. 36—37.
[297] Die Rote Fahne, 13.I 1920; *Wimmer W.* Das Betriebsrätegesetz von 1920 und das Blutbad vor dem Reichstage. Berlin, 1957.
[298] Die Rote Fahne, 28.XI 1918.
[299] Цит. по: *Bane & Lutz.* Organisation of American Relief in Europe 1918/1919. Stanford, 1943, p. 258—259. Записка Гувера от 19 февраля 1919 г.

его дальнейший рост»[300]. Коммерческие соображения приобрели конкретные очертания, когда на рубеже 1918—1919 гг. возник кризис сбыта американской свинины, а затем и других продовольственных товаров, в частности в связи с прекращением английских и французских закупок[301]. Член американской мирной делегации Г. Уайт писал министру финансов США: «Кроме того, что это остановит большевизм, я считаю, что в США имеются значительные излишки продовольствия... Необходимо... предотвратить серьезное падение цен и острый торговый кризис»[302].

Однако американцам нелегко было сломить сопротивление французов ослаблению экономической блокады Германии. Решающую роль сыграл страх, связанный с февральско-мартовскими стачками и угрозой падения правительства Эберта — Шейдемана. В начале марта Гувера в Совете десяти поддержал Ллойд Джордж[303]. На переговорах с германскими представителями, проходившими 13—14 марта в Брюсселе, главную роль играли Гувер и английский эксперт Дж. М. Кейнс. Согласованный здесь меморандум предусматривал ввоз в Германию американского продовольствия. Кроме 270 тыс. т обещанных нереализованным Трирским соглашением от января 1919 г., разрешалось до сентября ввозить ежемесячно 370 тыс. т (300 тыс. т хлебомучных продуктов и 70 тыс. т жиров, свинины, масла и молока)[304].

За «помощь» пришлось платить недешево: в кредитах Германии было отказано; она должна была расплачиваться девизами, а в качестве гарантии внести залог золотом. Уплатив 125 млн., она должна была изыскать еще 445 млн. золотых марок[305]. Для перевозок Германии пришлось предоставить свой флот[306]. Еще несколько месяцев назад это вызвало большое волнение, но теперь немецкие политики расценивали соглашение как значительный успех, рассчитывая использовать его против революционного движения. Они с удовлетворением приняли предложенное союзными державами условие, что для гарантии оплаты и поддержания в Германии «внутреннего порядка» ни одна часть продовольствия «не должна быть распределена среди безработных лиц, которые не имеют работы по собственной вине или решению»[307]. Толкуя это условие, социал-демократический министр продовольствия Р. Шмидт специально подчеркивал, что речь идет также об участниках «диких» забастовок. Поскольку количество продуктов и регулярность их поступления не позво-

---

[300] Известия ВЦИК, 25.I 1919.
[301] См.: *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 272—273, 275—276, 363—365.
[302] PPC, v. II, p. 711. Уайт — Лоджу 8 января 1919 г.
[303] PPC, v. IV, p. 279—280. Заседание 8 марта 1919 г.
[304] Die Freiheit, 16.III 1919. Morgenausgabe.
[305] Kabinett Scheidemann, S. 101—102. Заседание 26 марта 1919 г.
[306] Waffenstillstand, Bd. 2, S. 182—190.
[307] Die Freiheit, 17.III 1919. Morgenausgabe; ZStA Merseburg. Staatskommission für Volksernährung, Rep. 197A, Tit. Ig, Nr. 15 (unpaginiert). Письмо от 5 мая 1919 г.

ляли осуществить общее, надежное и длительное увеличение норм выдачи продовольствия, было решено сначала направить их только в промышленные центры и в города, насчитывавшие свыше 50 тыс. жителей [308].

Эффект от поступления зарубежного продовольствия оказался значительно меньшим, чем предполагалось. Более того, возник дополнительный источник недовольства. Так, в начале апреля 1919 г., когда представилась возможность дополнительно получить из Голландии 2 тыс. т сала для Рейнско-Вестфальской промышленной области, это не вызвало воодушевления. Опасаясь возмущения в других областях, было решено представить все как «акцию Антанты по борьбе с большевизмом в пограничном районе» [309]. Обер-бургомистр Гельзенкирхена сообщал, что применение условия об исключении из числа получателей «безработных по собственной вине» ни в какой мере «не достигнет желаемой цели ограничения забастовок, а скорее приведет к значительному беспокойству и недовольству среди рабочих» [310].

Не менее сложной оказалась и проблема цен. Еще в ноябре 1918 г. немецкий экономист социал-демократ Г. Кунов, рассуждая о получении продовольствия из Америки, отмечал, что цены на зерно в Нью-Йорке значительно выше довоенных. «Даже если для Германии будет возможно получить американский хлеб,— писал он,— ей придется платить за него огромные цены, гораздо более высокие, чем нынешние максимальные германские цены. Именно эта цель (сохранение высоких цен в Америке.— *Я. Д.*), а не человеколюбие или этические соображения побуждает известные капиталистические круги с удовлетворением воспринять обещание Вильсона... В этих деловых кругах надеются... избежать снижения цен, а возможно, даже достичь повышения их...» [311]. Эти соображения подтвердились.

Цены, установленные на американское продовольствие, были в 3—4 раза, а на сало и жир даже в 10 раз выше внутригерманских [312]. Со всех сторон посыпались жалобы. Магистрат Франкфурта-на-Майне писал Национальному собранию: «Распределение иностранного продовольствия, правда, принесло германскому населению, особенно жителям больших городов, давно желаемое прибавление к скудному и совершенно недостаточному продовольственному пайку. Но одновременно из-за способа распределения, а особенно из-за высоких цен оно вызвало среди населения большое беспокойство». Поскольку цена в 2 марки за фунт муки недоступна большинству населения, магистрат после длительного обсуждения, опасаясь новых волнений, решил продавать ее ниже

---

308 ZStA Merseburg. Staatskommission für Volksernährung, Rep. 197A, Tit. Ig, Nr. 15. Директива от 24 марта 1919 г.

309 Ibidem. Протокол совещания от 10 апреля 1919 г.

310 Ibidem. Письмо от 29 апреля 1919 г.

311 Neue Zeit, Nr. 9, 29.XI 1918.

312 См.: Die Freiheit, 5.IV 1919. Morgenausgabe.

себестоимости, по 1,5 марки за фунт. Поскольку город сам не мог нести такие расходы, магистрат поднимал вопрос об участии империи и земель в удешевлении продовольствия [313].

Отвечая на подобные просьбы, министерство продовольствия заявило, что не может принять на себя расходы, и рекомендовало коммунам самим регулировать цены для различных имущественных категорий населения [314]. На специальном совещании, проведенном 5 мая в министерстве с участием представителей других министерств и ведомств, высказывались разнообразные предложения относительно соотношения заработной платы и цен. Некоторые сокрушались, что в результате революции скачкообразно выросла заработная плата, но учитывали невозможность ее снижения без снижения цен. Другие рекомендовали ограничить пособия по безработице, форсировать импорт, изыскать способы удешевления не только продовольствия, но и высоких цен на одежду и обувь (они возросли в 10—40 раз), принять меры по борьбе со спекуляцией. Поднимались также вопросы об отмене регламентирования на сельскохозяйственные продукты и о путях повышения производительности труда [315]. К единому мнению прийти не удалось.

Поставки иностранного продовольствия составили с конца марта до конца августа 1919 г. несколько более 1 млн. т [316]. Эта цифра могла бы показаться значительной. Но в 1913 г. Германия при вдвое большем собственном урожае ввезла из-за границы более 30 млн. т продовольствия, в том числе 28,6 млн. т зерна. Даже американские эмиссары признавали, что американское продовольствие, несмотря на поднятую вокруг него огромную шумиху, могло «лишь содействовать поддержанию до осени нынешних голодных рационов», и трудно сказать, насколько оно явится «стабилизирующим фактором в политической ситуации». Дрезел отмечал одновременно, что американские поставки вызвали общий рост цен и усиление спекуляции [317]. Действительно, аграрии немедленно воспользовались «благоприятной ситуацией» и в свою очередь стали требовать отмены «принудительного хозяйства» и вздувать цены на продовольствие, что привело к весьма значительному удорожанию жизни [318].

В конце апреля 1919 г. правительство Шейдемана попыталось

---

[313] ZStA Merseburg. Staatskommission für Volksernährung, Rep. 197A, Tit. Ig, Nr. 20. Письмо от 17 апреля 1919 г.

[314] Ibidem. Циркуляр от 12 мая 1919 г.; ibid., Nr. 15. Письмо от 29 апреля 1919 г.

[315] ZStA Merseburg. Preußisches Staatsministerium, Rep. 90a, Abt. Y, Tit. IX 5a 1, Nr. XIII, Bl. 57—78.

[316] См.: *Lutz R.* The German Revolution 1918/1919. California, 1922, p. 117—118; *Bane & Lutz.* Organisation of American Relief, p. 714.

[317] PPC, v. XII, p. 93. Записка Дрезела от 2 мая 1919 г.; p. 115. Совместный отчет Дрезела и Осборна от 10 мая 1919 г.

[318] ZStA Merseburg. Staatskommission für Volksernährung, Rep. 197A, Tit. Ig, Nr. 6. Записки прусского ландбунда, крестьянского союза Ганау и др.

уяснить себе картину финансового положения. Дернбург доложил, что налоги, достигающие в Пруссии 60—70% доходов, а в Саксонии — 50%, не в состоянии покрыть создавшийся дефицит платежного баланса. Военные прибыли в значительной мере испарились, большое количество капитала утекло за границу [319]. Озабоченное изысканием средств прежде всего для оплаты импорта продовольствия, правительство приняло 6 мая решение создать из пяти министров (Эрцбергер, Готгейн, Виссель, Дернбург и Шмидт) «диктаторскую экономическую комиссию» [320]. Однако между «диктаторами» немедленно разгорелись ожесточенные споры, затронувшие широкий круг вопросов экономической политики.

Наибольшую активность проявил Виссель. В записке об экономическо-политической ситуации и экономической программе министерства экономики, направленной 7 мая Шейдеману, он настаивал, угрожая отставкой, на продолжении принудительного синдицирования, укреплении системы «регламентации и организации». При сохранении производства в частной собственности Виссель рассчитывал усилить руководящую роль государства посредством законов, подобных принятым в марте, законов о наследовании и налога на имущество, а также путем правительственных заказов промышленности. Для этого он предлагал создать «имперский фонд» в 5 млрд. марок. Он рекомендовал увеличить закупки за границей не продовольствия, а сырья, установить субсидии для удешевления импортируемого продовольствия, а также повысить цены на хлеб. Кроме того, он хотел объявить в Германии «святой год труда», издав специальный закон о «трудовом мире» и резко ограничив право забастовок [321].

Готгейн решительно отверг все проекты принудительной организации экономики, в том числе синдицирование и создание отраслевых монополий. По его мнению, не следовало ни в какой форме допускать вмешательства Советов в производственный процесс, поскольку это ущемило бы интересы предпринимателей. «В интересах восстановления добропорядочности,— писал он,— нужна быстрая ликвидация принудительного хозяйства. А регулируемое плановое хозяйство означает увековечение его в капиталистически-цеховой форме» [322]. С другой стороны, против Висселя резко выступил Шмидт. Он указывал, что принятые в марте законы, «как известно, не вызвали в рабочем классе ни успокоения, ни одобрения, на что надеялись некоторые». Социализация не может сводиться к созданию организации для регулирования цен. Беда, считал он, не в недостатке сырья и заказов, а в нежелании рабочих работать. 5-миллиардная субвенция делу не поможет, а вызовет справедливое недовольство: в пасть промыш-

---

[319] Kabinett Scheidemann, S. 235—242. Заседание 26 апреля 1919 г.
[320] Ibid., S. 260—261, 264—365.
[321] Ibid., S. 271—279; *Wissell R.* Praktische Wirtschaftspolitik..., S. 108—134.
[322] Kabinett Scheidemann, S. 289—297.

ленности, получившей в годы войны чрезмерные прибыли, собираются бросить еще крупный куш [323].

Виссель энергично отстаивал свои взгляды и 24 мая опубликовал записку в «Vossische Zeitung». Кабинет выразил по этому поводу неодобрение и все больше склонялся к «либерально-рыночной» концепции, соответствовавшей желаниям наиболее влиятельных кругов монополистической буржуазии. 5 июня Виссель выступил с речью перед Объединением берлинских торговцев и промышленников, Мёллендорф 12 июня — перед Имперским союзом германской промышленности. Здесь не произносилось слово «социализация», а речь шла об «экономическом самоуправлении» и «плановом хозяйстве» [324]. Но успеха эти выступления не принесли. Даже В. Ратенау еще в апреле отмежевался от Висселя [325]. С другой стороны, новый глава правительства Бауэр, вступая в должность, публично отрекся от «планового хозяйства» и принудительного синдицирования. А правление СДПГ даже объявило планы Висселя «фальсифицированным эрзацем» социализма [326]. Впрочем, когда возникла опасность, что Висселя заменит более левый социал-демократ, который снова поднимет вопрос о социализации, деятели тяжелой промышленности Фёглер, Рейш, Видфельд этому помешали (преемником Висселя стал Р. Шмидт, которого монополистам нечего было опасаться) [327].

28 июня, как раз в день подписания Версальского мира, правительство Бауэра, особенно под давлением забастовки железнодорожников, пришло, наконец, к заключению о необходимости «в интересах политического успокоения» осуществить удешевление иностранного продовольствия. Для этого были выделены 1,5 млрд. марок (2/3 из них должны были быть впоследствии возмещены отдельными государствами и коммунами) [328]. Разумеется, эти средства в свою очередь должны были быть извлечены из карманов трудящихся посредством налогов.

Таким образом, хотя поставки иностранного продовольствия несколько смягчили муки голода германского пролетариата, эта «помощь» империалистов дорого обошлась трудящимся. Летом 1919 г. она сыграла к тому же известную роль в ослаблении революционного натиска.

В архиве сохранились интересные заметки видного советского инженера-энергетика Р. Э. Классона, посетившего Германию в марте-апреле и в июне-июле 1919 г. В докладе В. И. Ленину он сравнил свои впечатления. Весной, писал он, «настроение в Германии было чрезвычайно удрученное, озлобление — повсеместное.

---

323 Ibid., S. 297—303.
324 *Wissell R., Moellendorff W.* Wirtschaftliche Selbstverwaltung. Jena, 1919.
325 См.: Die Rote Fahne, 24.IV 1919; *Albertin L.* Liberalismus und Demokratie, S. 305.
326 *Wissell R.* Praktische Wirtschaftspolitik..., S. 13, 17, 135—137.
327 См.: *Zunkel F.* Die Gewichtung..., S. 646.
328 ZStA Merseburg. Staatskommission für Volksernährung, Rep. 197A, Tit. Ig, Nr. 20; Die Freiheit, 28.VI 1919. Abendausgabe.

Промышленности никакой, можно сказать, не было, все бастовало. Доходило до того, что рудокопы бастовали, требуя национализации... Когда пришли первые пароходы из Америки с сырьем, то им пришлось взять водяной баласт, за неимением угля». Крупп говорил в это время своим рабочим: «Я получил из Норвегии столько-то заказов на бандажи, но из-за вашей забастовки заказы переданы в Америку. Пострадали вы же...» [329].

Иная картина предстала перед Классоном в июне-июле. Стачки были сугубо экономическими. «Когда,— докладывал он,— в июне началась наиболее неприятная для немцев забастовка, забастовка железнодорожная, то правительство... заявило, что никаких прибавок к жалованью не будет, но будут понижены цены на жизненные припасы. После понижения цен... фунт муки стоит в Германии около 44 пф. (раньше — 1 м. 20 пф.), фунт картофеля 12 пф. (раньше — 25 пф.)». Появилось много товаров из стран Антанты, подешевело мыло, но обуви нет. «Получился,— резюмировал Классон,— перелом в настроении. Немцы стали говорить и думать исключительно только о падении цен... Жизнь в Берлине дешевле, чем в Париже» [330].

Отвлечению трудящихся Германии от продолжения революционной борьбы, несомненно, способствовал начавшийся в середине 1919 г. некоторый экономический подъем. Промышленность почти целиком поглотила демобилизованных солдат, число безработных стало снижаться и вскоре достигло «нормальной» довоенной нормы [331]. Заработная плата, хотя и не могла догнать цены на предметы потребления, все же поднималась вверх, создавая мираж экономических завоеваний. Лишь позднее выяснилось, что экономический подъем носил иллюзорный и спекулятивный характер. В 1920 г. он сменился острым кризисом и чудовищной инфляцией, тяжело поразившей германскую экономику.

В том, что германским правящим классам удалось в середине 1919 г. добиться ослабления революционной активности масс, значительную роль сыграли еще два обстоятельства. Во-первых, разжигавшая шовинизм и реваншистские настроения разнузданная пропаганда, которую буржуазные партии и социал-демократия развернули в связи с подписанием Германией Версальского мирного договора; во-вторых, распространение конституционных иллюзий, связанное с обсуждением и принятием Национальным собранием Веймарской конституции.

---

[329] Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства, ф. 130, оп. 3, д. 176, л. 14—15. Доклад датирован 30 августа 1919 г.

[330] Там же, л. 15, 17—18.

[331] В июне 1919 г. число безработных, получавших пособие, равнялось 620 тыс. против 1076 тыс. на 1 февраля 1919 г. Это снижение было достигнуто в значительной мере путем установления принудительного труда для демобилизованных. См.: *Seidel R.* Die Gewerkschaftsbewegung in Deutschland. Amsterdam, 1927, S. 140—141.

глава четвертая

На пути к Версальскому миру

Планы и споры победителей · В ожидании условий мира · «Принять или отклонить!» · Маневры Эберта — Шейдемана — Эрцбергера · Правительственный кризис. Подписание договора

Планы и споры победителей

Покинув, в нарушение традиций американских президентов, свою страну и отправившись за океан, Вильсон, вероятно, верил в свою мессианскую роль. Главной задачей Парижской конференции он считал не столько выработку мирных договоров, сколько учреждение такой всемирной организации, которая стояла бы на страже морали, свободы, высоких принципов и справедливости,— Лиги наций. Хотя эта идея и не вызывала энтузиазма у таких трезво-практических политиков, как Ллойд Джордж и Клемансо, они ее приняли и даже согласились, чтобы вопрос о задачах, структуре, статуте Лиги наций стал первым пунктом повестки дня конференции. Уже 25 января 1919 г. на пленарном заседании было решено считать Лигу наций «интегральной составной частью общего мирного договора». За три недели напряженной работы комиссия «отеля Крийон» под руководством Вильсона создала проект устава, и 14 февраля он был торжественно принят конференцией. «Эта война,— с пафосом провозгласил Вильсон,— имела ужасные, но и очень хорошие последствия. Преступление побеждено. Миазмы недоверия и интриг сметены. Люди смотрят друг другу в лицо и говорят: Мы — братья, и у нас общая цель! Мы прежде не догадывались об этом, теперь мы это поняли. И вот — наш договор братства и дружбы!» [1]

Однако реальности конференции, не говоря уже о положении в мире, были бесконечно далеки от этих лучезарных иллюзий. Начать с того, что на конференцию не были приглашены ни Германия, ни другие побежденные страны. «Братство» было ограничено кругом держав-победительниц. Не лучше обстояло дело с «дружбой» даже между этими избранными. Как только был затронут вопрос о судьбе колоний, вспыхнули бурные разно-

---

[1] *Nowak K.* Versailles. Berlin, 1927, S. 63, 89—90.

гласия. Раздутые прессой, они едва не привели к крушению всей конференции. Как саркастически заметил секретарь английской делегации Никольсон, выяснилось, что «трудно не только заключить мир с врагом, но и сохранить мир между союзниками»[2].

Разрядка была достигнута благодаря соглашению о секретности дальнейших переговоров, а также из-за длительного перерыва во встречах глав делегаций. 15 февраля уехал на месяц Вильсон, которого звали в США обязанности президента. Накануне отправился в Лондон Ллойд Джордж, а 18 февраля Клемансо был ранен пулей анархиста и на несколько недель прикован к постели. Переговоры на уровне пяти министров иностранных дел и в многочисленных комиссиях продвигались медленно. Число комитетов и подкомитетов достигло 58, согласование действий почти двух тысяч участников конференции (считая экспертов и технический персонал) было делом трудным. По прикидке Никольсона, вероятно преувеличенной, «около 30% всей энергии Верховного совета было затрачено на административные задачи, около 10% на ненужные детали и около 40% было посвящено предотвращению разрыва с тем или другим из союзников. Только остающиеся 20% были направлены на установление мира между народами»[3].

В середине марта главы правительств возобновили совещания в Париже. Однако за неделю работы снова назрел конфликт. С 24 марта Вильсон, Ллойд Джордж, Клемансо и Орландо стали заседать тайно в резиденции Вильсона или Ллойд Джорджа. Споры в этом «Совете четырех», который стал главным органом конференции, были острыми, и лишь постепенно позиции главных держав в вопросах мира с Германией прояснились.

Дальше всего в своих требованиях шла Франция, которая более других участников войны пострадала от нее и непрерывно напоминала об этом. Ее военные и политики настойчиво требовали «гарантий, восстановления, возмещения». Говоря о военных гарантиях, они выдвигали прежде всего территориальные требования, которые не ограничивались возвращением Франции отнятой у нее в 1871 г. Эльзас — Лотарингии. Маршал Фош провозглашал «стратегическую необходимость» для Франции получить границу по Рейну как единственно способную, по его убеждению, обеспечить безопасность не только Франции, но и всех «демократических стран Западной Европы». На этой основе Тардье составил обширную докладную записку о границе по Рейну и межсоюзнической оккупации мостов через Рейн. В ней при-

---

[2] *Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 г. М., 1945, с. 126.

[3] Там же, с. 121. Не менее язвительно характеризовал атмосферу британский эксперт Дж. М. Кейнс в книге «Экономические последствия Версальского мирного договора» (далее — *Кейнс Дж.* Версаль). М., 1922. Тардье защищал организацию конференции, но и он писал о ее кризисах (*Тардье А.* Мир. М., 1943, с. 82—109).

водились разнообразные исторические, географические, военные и политические доводы в пользу такого решения. Предусматривая возможность новой германской агрессии, автор записки считал недостаточным ограничение только военной мощи Германии. Во-первых, потому, что во главе так называемой демократии стоят люди, которые были в свое время «наиболее активными агентами империализма и милитаризма: Эберт, Шейдеман, Давид, Эрцбергер, Брокдорф-Ранцау, не говоря уже о Гинденбурге». Во-вторых, из-за невозможности обеспечить действенный контроль за разоружением. Недостаточны также гарантии со стороны Лиги наций, даже если Германия будет допущена в ее состав. Хотя в записке подчеркивалось, что речь идет не об аннексии левобережья Рейна, а о его «независимости», ни для кого не было секретом, что за этим скрывалось [4].

Вторым требованием Франции была передача ей Саарского бассейна. Эта проблема, как понимал и Тардьё, была «двойной и потому трудной». С одной стороны, она была экономической, ибо Франция считала, что обладание угольными копями «юридически и фактически необходимо... для нации, систематически разоряемой Германией». С другой — это была проблема моральная и историческая, ибо в прошлом, как доказывал Тардьё, «население большей части этой территории по своему происхождению, по своим традициям и стремлениям было французским» [5]. Однако ни само это требование Франции, ни его аргументация не встретили сочувствия у союзников.

Разногласия между ними касались также размеров репараций и реституций, которые надлежало наложить на Германию. Под лозунгом «боши за все заплатят» Франция пыталась получить максимум возможного и даже больше. Французские эксперты исчисляли огромные суммы репараций. Поскольку, однако, вскоре выяснилось, что сколько-нибудь точно оценить ни военный ущерб, ни финансово-экономические возможности Германии не удастся, Франция добивалась бланкетного обязательства — пусть Германия обяжется заплатить ту сумму, которую впоследствии установит репарационная комиссия.

Взятая в целом, французская программа мира отнюдь не ограничивалась соображениями национальной безопасности. Требования расчленения Германии и ее длительного экономического ослабления, а также усиления потенциальных союзников Франции в Восточной Европе — Польши и Чехословакии — имели целью закрепить и усилить военную и политическую гегемонию Франции на Европейском континенте. Кроме того, правящие круги хотели заинтересовать свой народ в мире и тем ослабить социальное напряжение.

---

[4] *Тардьё А.* Мир, с. 131—143.
[5] Там же, с. 213—221.

Французские претензии натолкнулись прежде всего на сопротивление Англии. В расчеты последней вовсе не входило такое усиление ее континентального соперника. В конце марта в «Меморандуме из Фонтенебло» Ллойд Джордж решительно повторил прежние английские возражения против отделения от Германии Рейнских провинций и предостерегал против навязывания ей слишком тяжелых территориальных условий, которые не согласится принять ни одно германское правительство.

В отношении репараций Ллойд Джордж во время избирательной кампании в декабре 1918 г. обязался требовать от Германии «уплаты полного вознаграждения», ибо английская общественность шла в своих требованиях дальше премьера[6]. Но теперь он призывал союзников к «умеренности», предложив не устанавливать общей суммы, а, определив, исходя из реальных возможностей Германии, ее ежегодный платеж, распределить его между странами-победительницами. Вместо удовлетворения всех территориальных притязаний Франции, которые он считал чрезмерными, Ллойд Джордж, верный традиционной английской «политике равновесия» в Европе, предложил дать Франции англо-американские военные гарантии на случай новой германской агрессии. В то же время он повторил ранее выдвинутое требование о выдаче международному суду германского кайзера и всех ответственных за войну лиц, судебного наказания виновных за жестокости и «нарушение законов войны»[7].

Меморандум Ллойд Джорджа вызвал взрыв ярости у Клемансо. В ответном послании он, заострив подготовленный Тардье проект, негодовал против предложений «умиротворить» Германию. Остановить «большевизм», считал он, ослабление территориальных требований к Германии не сможет. Как раз в эти дни Клемансо был вынужден под влиянием недовольства солдат, матросов, рабочих обещать в парламенте отозвать войска из России. Если Польша и Чехия, писал он, «до сих пор устояли перед большевизмом, это объясняется силою национального чувства. Если над этим чувством совершить насилие, страны эти падут жертвой большевизма, и единственный бастион, противостоящий ныне русскому большевизму и большевизму германскому, будет уничтожен»[8]. Ллойд Джордж в ответ напомнил Клемансо, что Англия пошла на ряд уступок Франции, в частности в отношении дележа немецких колоний в Африке и «турецкого наследства» на Ближнем Востоке. Но раз Клемансо видит во всем только «британский эгоизм», он, Ллойд Джордж, берет все уступки назад[9]. Спор едва не привел к общему краху.

Президент Вильсон тоже не оставался безучастным наблю-

---

[6] См.: *Кейнс Дж.* Версаль, с. 63—65.

[7] *Ллойд Джордж Д.* Договоры, т. I, с. 352—357.

[8] См.: *Тардье А.* Мир, с. 101–104; *Nowak K.* Versailles. S. 163–164.

[9] *Ллойд Джордж Д.* Договоры, т. 1, с. 361–362.

дателем. Его позиция определялась в первую очередь заинтересованностью Америки (впервые выступавшей в роли не должника, а мирового кредитора) в том, чтобы закрепить и расширить обретенное в годы войны экономическое и политическое влияние. Желание президента быть не только пророком братства народов, но и реальным международным арбитром отвечало стремлениям наиболее дальновидных представителей финансово-промышленных кругов США. Но в стране усиливались тенденции традиционного изоляционизма, и президент не мог с этим не считаться. Тем более что его собственные советники выражали весьма разнообразные мнения: от тех, кто хотел существенно смягчить условия мира для Германии (Гувер, Дрезел, Буллит), до сторонников жесткой политической линии (Лансинг, Хауз), в решении территориальных вопросов опиравшихся на заключения группы ученых-специалистов (Inquiry) [10].

Вслед за Ллойд Джорджем Вильсон обратил внимание французов на то, что слишком тяжелые условия мира могут вызвать отказ немцев подписать договор, а если падет кабинет веймарской коалиции, к власти придет правительство, с которым победителям вообще невозможно будет иметь дело. «Прежней Германии больше нет... Ради мира во всем мире,— заявил он,— нам не следует вводить Германию в искушение броситься в объятия большевизма; нам слишком хорошо известны связи большевистских вождей с Германией...» [11]. Как и его английский партнер, Вильсон был противником отторжения от Германии левобережья Рейна, в какой бы форме оно ни осуществлялось. Решительно отклонил Вильсон и все попытки Франции обосновать аннексию Саарской области. Поскольку французская делегация проявляла упорство, Вильсон даже пригрозил, что покинет конференцию. 7 апреля он дал указание в Нью-Йорк, чтобы пароход «Джордж Вашингтон» вышел за ним в Европу [12].

Однако сам президент не мог рисковать провалом мирной конференции. Это значило бы крушение всего, чего ему удалось добиться, даже всей его карьеры. Ведь во время поездки Вильсона в Штаты сенатор-республиканец Лодж (а республиканцы имели в сенате большинство) уже внес проект резолюции, подвергавший критике детище Вильсона — Лигу наций. Вильсон не в меньшей мере, чем Клемансо или Ллойд Джордж, вынужден был считаться с тем, что именовалось «мнением общественности» и формировалось шовинистической пропагандой, неустанно внушавшей всем и вся, что немцы — единственные виновники всех военных и послевоенных жертв и лишений трудового народа, а поэтому с них нужно содрать три шкуры. Все это побуж-

---

[10] См. об этом: *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 342—346, 423, 445.
[11] Les délibérations du Conseil de Quatre. Notes de l'Officier Interprête P. Mantoux (далее — CdQ). Paris, 1955, t. I, p. 27—28. Заседание 26 марта 1919 г.
[12] См.: *Nowak K.* Versailles, S. 181—193.

дало его спешить с завершением мирных переговоров, усиливало готовность пойти ради этого на уступки своим партнерам.

Вильсон все больше склонялся к компромиссу, но говорить о его капитуляции могли лишь те, кто всерьез принимал демагогические декларации «14 пунктов», или те, кому было выгодно возложить на одного Вильсона всю вину за отказ от «принципов справедливости», которых не придерживался ни один из участников мирных переговоров. К последним относился и Кейнс, бросивший фразу, что на конференции шла борьба между двумя противоположными принципами: «14 пунктами» Вильсона и «карфагенским миром» Клемансо [13].

В конечном счете по территориальным вопросам были достигнуты компромиссные решения. А в определении объема репарационных требований американцы проявляли умеренность лишь до той поры, пока дело не коснулось военных долгов союзников Америке. Тогда именно американский эксперт (Дж. Ф. Даллес) предложил включить в договор сакраментальную формулу, которая гласила, что основанием для всех требований о возмещении ущерба является единоличная вина Германии за развязывание мировой войны [14].

В кабинеты, где главы великих держав перекраивали карту Европы и вершили судьбы народов, то и дело врывались ветры революции. И не только из России, но из более близких центров Европы. Когда вслед за Советской Венгрией возникла в начале апреля Советская Бавария, Орландо потрясал телеграммой, предостерегавшей, что вскоре и Австрия станет Советской республикой, если только Антанта не оккупирует Вену. «А почему бы нам не оккупировать всю Европу?» — воскликнул Ллойд Джордж. Эта полушутка прикрывала серьезную тревогу, вызванную слухами об ожидавшемся «восстании» в Берлине. «Время работает против нас»,— заметил Ллойд Джордж и добавил: «Мы можем оказаться вынужденными оккупировать Берлин. Я, впрочем, не знаю, даст ли это нам хоть что-нибудь». Клемансо был в этом уверен [15].

Хотя опасения, что в Германии вот-вот произойдет новый революционный взрыв, не подтвердились, вопрос о том, согласятся ли немцы подписать выработанные союзниками условия, вызывал все бо́льшую озабоченность. Еще до открытия Парижской конференции Вильсон считал согласование позиций союзников лишь предпосылкой, собственно, мирной конференции, но уже в январе 1919 г. уступил своим партнерам. Теперь результатом трехмесячной напряженной работы, острых споров и с трудом достигнутых соглашений был объемистый документ, состоявший из более чем четырех сотен статей. Следовало ли считать этот

---

[13] *Кейнс Дж.* Версаль, с. 25; см. также: *Nowak K.* Versailles, S. 189.
[14] См.: *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 431—432, 500—502, 505.
[15] CdQ, t. I, p. 167, 179—181. Заседания 7 и 8 апреля 1919 г.

проект договора окончательным, или он должен был стать лишь основой для совместного с немцами обсуждения?

По-видимому, Ллойд Джордж и Вильсон и сейчас еще полагали возможным внесение в текст поправок. Так, Ллойд Джордж был убежден, что условия мира должны оставаться секретными до их окончательного принятия. Опубликовать проект, говорил он, «было бы безумием», ибо это значило бы, с одной стороны, сделать невозможным для немцев принять выработанные условия «из страха, что воспламенится немецкое общественное мнение». Немцы сами, считал он, опубликуют условия только в том случае, если захотят «все сорвать». Лишь противники подписания выступят за гласность, чтобы возбудить националистические чувства. С другой стороны, если текст будет заранее опубликован в союзных странах, то те или иные поправки, которые окажутся необходимыми, вызовут опасное возбуждение и будут расцениваться как серьезные уступки и даже капитуляция. Вильсон согласился с желательностью сохранить условия в тайне. Даже всех делегатов мирной конференции он не считал нужным знакомить с полным текстом договора; достаточно сообщить заинтересованным странам то, что к ним относится, а для всех делегатов сделать общее резюме на заседании при закрытых дверях, предупредив о конфиденциальности сообщения [16]. Клемансо был убежден, что немцы сразу же опубликуют текст, и не хотел, чтобы французы узнали об условиях из берлинских газет. Ему было поручено подготовить для прессы краткое резюме [17].

«Мне кажется важным,— заявил Вильсон,— чтобы немецкая общественность была информирована о нашем желании предоставить полномочным германским представителям возможность дискуссии»; следует избежать «даже видимости договора, навязанного, как в Бресте» [18]. Однако с этим шло вразрез согласие Вильсона и Ллойд Джорджа на предложение Клемансо, чтобы все переговоры с немецкой делегацией велись не устно, а исключительно в письменной форме. «Это единственное средство избежать затяжки,— сказал Клемансо.— Если мы начнем выслушивать доклады, мы никогда не кончим» [19]. Пресс-шефу Бекеру Вильсон объяснил свое согласие также тем, что вызванные войной антинемецкие чувства еще слишком сильны, чтобы кто-нибудь хотел сесть с немцами за один стол [20].

Какими бы мотивами ни руководствовались парижские вершители судеб Германии и мира (Ллойд Джордж считал, что мирный договор «определит всю жизнь» немецкого народа «на пе-

[16] PPC, v. V, p. 161. Заседание 23 апреля 1919 г.; CdQ, t. I, p. 351—352. Заседание 24 апреля 1919 г.
[17] Ibid., p. 230—231, 342—343, 345—346, 349—352. Заседания 12, 23 и 24 апреля 1919 г.
[18] Ibid., p. 351—352.
[19] Ibid., p. 345, 351. Заседания 23 и 24 апреля 1919 г.
[20] См. об этом: *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 558—559.

риод, возможно, в полстолетия») [21], они, несмотря на все опасения, что немцы откажутся подписать слишком тяжелые условия, склонились к идее Клемансо о мире-диктате.

В ожидании условий мира

Хотя переговоры в Париже были окружены тайной, германские правители и дипломаты располагали довольно обширной информацией как о готовившихся условиях мирного договора, так и о разногласиях среди держав-победительниц. Наряду с часто противоречивыми сообщениями зарубежной прессы и донесениями агентуры самым прямым источником сведений, исходивших непосредственно из штаба американских войск в Европе, оставался полковник Конджер.

Приняв Лёба в Трире в ночь с 8 на 9 марта 1919 г., Конджер прежде всего сделал своему собеседнику заявление: «Германия интерпретирует 14 пунктов Вильсона по-своему, забывая при этом, что союзники выиграли войну. Америка не может не считаться с тем, что направила в Европу два миллиона человек и израсходовала на эту войну 30 миллиардов долларов; Америка также не может забыть, что она сражалась бок о бок и выиграла войну вместе со своими союзниками. По этой причине Америка вынуждена рассматривать 14 пунктов Вильсона в свете военной победы и обоснованных требований своих союзников». В сложившихся условиях, продолжал Конджер, Германии не следует ссылаться на давнее заявление Вильсона относительно «войны без победы». Мнение Лёба, что ни одно правительство в Германии не сможет подписать мир, выходящий за рамки «14 пунктов», а скорее поступит, «как Троцкий» в Брест-Литовске, на Конджера не произвело никакого впечатления. Лёб заключил свой отчет пессимистическим выводом, что ситуация в Париже «ухудшилась» [22].

С другой стороны, успех переговоров в Брюсселе о ввозе американского продовольствия рассматривался германскими политиками как первый прорыв блокады, показавший, что «угроза большевизма» все еще серьезно воздействует на американцев и англичан. Брокдорф и его сотрудники поспешили даже заключить, что ориентация на «программу Вильсона» обещает быть успешной и на предстоящих мирных переговорах [23]. Эрцбергер усмотрел благоприятное предзнаменование и в том, что ему удалось договориться с Фошем не высаживать в Данциге польской армии генерала Геллера, сформированной во Франции во время войны, а перебросить ее прямо в Польшу по железной дороге. Он счи-

---

[21] CdQ, t. I. p. 240. Заседание 13 апреля 1919 г.
[22] Kabinett Scheidemann, S. 28, 30, 32. Записка Лёба от 10 марта 1919 г.
[23] *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 377—378.

тал это соглашение шагом к совместным действиям против большевиков [24].

21 и 22 марта кабинет под председательством Эберта обсуждал общую позицию Германии на мирных переговорах. В основу был положен набросок директив немецкой делегации, подготовленный министерством иностранных дел. Противники, предвидел Брокдорф, предложат готовый проект мирного договора с заявлением, что он может быть только принят или отклонен. Проект этот будет сильно отличаться от «программы Вильсона», и делегация окажется тогда перед лицом трех возможностей: «отклонить, предложить контрпроект или, изучив проект, выдвигать отдельные контрпредложения». Брокдорф рекомендовал избрать последний путь и (игнорируя известные ему предостережения Конджера) считать основой для оценки предъявленных требований «программу Вильсона, которой связаны как Германия, так и ее противники».

В отношении *территориальных претензий* к Германии Брокдорф (как и Эберт) считался с вероятной потерей Эльзас—Лотарингии. Тем не менее он предлагал настаивать на проведении там плебисцита и охране немецких экономических интересов. Отделение Рейнской области, Пфальца, Рейн—Гессена, а также Саара объявлялось неприемлемым в любой форме. Признавая образование независимой Польши, Германия соглашалась передать ей только бесспорно польские языковые области, требуя плебисцита и протестуя против плана создания Данцигского коридора. В Северном Шлезвиге тоже предлагался плебисцит. Эрцбергер, поддержанный Брокдорфом и Давидом, советовал потребовать освобождения всех оккупированных Антантой к моменту подписания мира территорий, причем немедленно развернуть об этом кампанию в печати. Шейдеман выразил озабоченность, что ответом будет напоминание о том, как вели себя немцы после Брест-Литовска в России, в Литве и т. п.

Что касается *возмещения ущерба*, то Германии следовало, полагал Брокдорф, согласиться на восстановление своими силами разрушений в Бельгии и отчасти в Северной Франции. Если ограничиться этим не удастся, нужно выдвигать контртребования, например ущербу, причиненному подводной войной, противопоставить жестокость английской голодной блокады. В каждом случае надо требовать детального обоснования претензий и учета поставок, уже осуществленных по условиям перемирия. На вопрос Эберта о верхней границе терпимой для Германии суммы, Эрцбергер ответил, что немецкая комиссия оценила нанесенный ущерб, подлежащий возмещению, в 20—25 млрд. марок. Если будут зачтены уже выполненные поставки и ценность колоний, а также дана возможность оплаты натурой, предоставлены кре-

---

[24] Kabinett Scheidemann, S. 106—107, 113, 116—117, 129—131, 137. Заседания 27, 28 и 30 марта, 3 и 4 апреля 1919 г.

диты и рассрочка, это, сказал он, «было бы терпимо». Впрочем, Готгейн и Шиффер признали, что оценки преуменьшены [25].

Германия намерена была добиваться немедленной отмены блокады, всех ограничений внешних сношений и торговли, *принятия в Лигу наций.* Рекомендовалось, подчеркивая свою приверженность последней, подвергнуть критике парижский проект Устава, в частности — за неравноправие членов [26]. При установлении финансовых обязательств предлагалось ссылаться на долги Германии нейтральным странам, на государственный внутренний долг, отсутствие иностранной валюты, не соглашаться на контроль над финансовой системой. В отношении *колоний* (общая их ценность, по секретным данным Белла, превышала 30 млрд. марок) выдвигалось требование равноправия с другими странами, а при вынужденной передаче отдельных колоний — обязательного зачета их ценности. Германия должна отклонить одностороннее *разоружение*, соглашаясь лишь на взаимообусловленное сокращение вооружений при гарантии свободы морей, торговли и связи.

Эта оптимистическая картина была омрачена заявлением Брокдорфа, что, по дошедшим до него сведениям, противники намерены обосновать возложение на Германию тяжелого обязательства возместить «весь ущерб» ссылкой на ее вину за агрессивную войну. Он рассчитывал парировать это утверждение тем, что обстоятельства возникновения войны еще недостаточно выяснены, а немецкое предложение о создании нейтральной комиссии Англией отвергнуто [27]. «Мы отклоняем,— репетировал он свое будущее выступление,— приговор наших врагов. Никто не может быть одновременно обвинителем и судьей» [28].

В развернувшейся дискуссии была, однако, выявлена, хотя и далеко не полностью, серьезная трудность позиции правительства Шейдемана. Симонс обратил внимание на то, что противники раньше говорили: Германия — мяч в руках империалистов и милитаристов; только когда она от них избавится, с ней можно будет разговаривать. Теперь же они утверждают, что немецкий народ

---

[25] Эрцбергер, Шиффер и сотрудники министерства иностранных дел еще 4 января совещались по финансовым вопросам с представителями директории Рейхсбанка и владельцами частных банков. В этот же день директор «Дейче банк» К. Бергман писал, что максимальная сумма, на которую можно согласиться,— 30 млрд. марок, из расчета выплаты 2 млрд. в год. В марте Э. Шмитт (МИД) исчислил ущерб в 38 млрд. марок, но утверждал, что экономика Германии не выдержит никаких платежей. См.: *Krüger P.* Deutschland und die Reparationen 1918/19. Stuttgart, 1973, S. 78, 83—88, 92, 94, 111.

[26] Немецкий контрпроект устава Лиги наций, разработанный проф. Шюкингом и министериаль-директором Симонсом, обсуждался на заседаниях кабинета 22 и 23 апреля и был опубликован в печати 24 апреля 1919 г. См.: Kabinett Sheidemann, S. 205—207.

[27] Англия от 7 марта 1919 г. заявила, что вина одной только Германии «давно бесспорно установлена» (Vorwärts, 26.III 1919. Abendausgabe).

[28] Kabinett Scheidemann, S. 75. Заседание 21 марта 1919 г.; S. 193—205. Проект директив.

идентифицировал себя с этими кругами и потому должен нести наказание, как виновник войны. Давид видел выход в том, чтобы отмежеваться от «старой системы», опубликовать документы кануна войны (которые, как он, впрочем, признал, в лучшем случае могли показать, что «германская дипломатия не одна виновна»)[29], провести собственное судебное расследование. Хотя и с оговорками, его поддержали Симонс, Готгейн, Эрцбергер. Носке вообще отрицал виновность Германии, заявив, что «нужда заставляет драться и отбиваться, кто как сумеет». Эрцбергер, Белл, Готгейн, Прейс кивали на империализм других стран. Шиффер, Брокдорф, Бернсторф, Рейнгардт считали нужным любой ценой хранить преемственность политики. Они возражали против публикации документов, причем Шиффер оправдывал предвоенную политику Германии стремлением врагов «окружить» ее и правомерностью «превентивной войны»[30].

Шейдеман и другие социал-демократы предпочли отмолчаться, а Эберт постарался сгладить разногласия, затушевав действительно принципиальный вопрос. Чтобы решительно заявить на весь мир о том, что за мировую войну ответственны империалисты *всех стран*, нужно было не только на словах порвать с империализмом, но и занять последовательно революционную позицию в политике, как это сделала Советская Россия в октябре 1917 г. Столь же решительно нужно было порвать со старой дипломатией и беспощадно разоблачать роль германских правителей, раскрыв секретные архивы. Это значило бы поставить на новую почву, на почву классовой политики пролетариата, всю внешнюю политику Германии. Но об этом Эберт—Шейдеман и не помышляли.

Признав, что в Париже не удастся обойтись без «ясной позиции в вопросе о виновности» (как не удалось избежать этого в Берне)[31], Эберт предложил: «Грехи старого правительства

---

[29] Решение подготовить публикацию документов о предыстории мировой войны было принято СНУ еще 18 ноября 1918 г. Исполнение было поручено К. Каутскому и Э. Давиду (Regierung der VB, T. I, S. 102, 258; T. II, S. 317, 332—333).

[30] Kabinett Scheidemann, S. 76—91. Заседание 21 и 22 марта 1919 г.

[31] На конференции «социалистических» партий в Берне в феврале 1919 г. вопрос о виновниках войны вызвал бурный спор. «Социалисты» Антанты клеймили Германию и обличали социал-демократов. Представители центристских партий проповедовали единение, только К. Эйснер говорил, что виновницей войны была «небольшая банда бешеных прусских милитаристов», управлявшая Германией. Оказавшись изолированной, СДПГ сделала заявление, содержавшее словесное признание германской вины: «Восставший германский пролетариат низвергнул и уничтожил старую систему, ответственную за войну. Германская социал-демократия, как бы ни судить в частностях о ее политике во время войны, доказала теперь на деле свою твердую решимость посвятить все свои силы восстановлению разрушенного войной мира и бороться в рамках Интернационала вместе с социалистами всех стран, объединенных в Лиге наций, за торжество социализма». Было решено считать вопрос о «непосредственной ответственности за войну» выясненным, рассмотрение же «всемирно-

строжайше осудить. Изложить в записке позицию нового правительства». Это было легче сказать, чем сделать, ибо означало бы разорвать ту преемственность, ради сохранения которой социал-демократические лидеры уже более четырех месяцев душили германскую революцию, расстреливали революционных рабочих [32]. Поэтому Эберт резюмировал: «Вопрос о публикации документов отложить до ознакомления с документами» [33], английскую ноту отклонить [34], в вопросе же о Лиге наций — стараться придерживаться предложений о ее универсальности, которые внесли на конференции в Берне социалисты стран Антанты. Программа Брокдорфа в целом не вызывает возражений, особенно положение, что «невозможно принять мир, выходящий за те пределы, которые он охарактеризовал» [35].

Собственную программу для германской мирной делегации создало Верховное командование. Его «мысли о предстоящих мирных переговорах» выразил в докладной записке офицер ставки в комиссии по перемирию майор фон Бёттихер. В ней отвергался «мир-диктат», выдвигалось требование равноправных переговоров и пересмотра вопроса о виновниках войны. Антанта, считали германские военные, потому не решится использовать средства насилия против Германии, что побоится своих народов, «беспокойно мечтающих о мире». Бёттихер утверждал даже, что если правителям вражеских стран не удастся навязать Германии свой диктат, то «рабочему классу в этих странах будет легче добиться победы и прийти к власти. А это должно быть нашей целью». Он усматривал «зияющие разрывы между членами Антанты» и вместе с тем призывал «сомкнуть фланги» с западными держа-

---

исторического вопроса об ответственности» было отложено. См.: *Ленц И.* История второго Интернационала. М., 1931, с. 205—206.

[32] Как раз в эти дни резолюция о мире, принятая фракцией и правлением СДПГ, снова подчеркивала опасность «угрозы мирового пожара большевизма» и вместе с тем заверяла, что «милитаризм и юнкерская каста сметены революцией». См.: SPD-Parteitag in Weimar, S. 44—45.

[33] Вопрос специально обсуждался кабинетом 8 апреля 1919 г. Докладчиком был Белл, содокладчиком — Давид. Лишь последний высказался за публикацию. Возражавшие указывали, что документы, которые касаются только кануна войны, не позволяют выявить «политику окружения Германии» и оправдать превентивную войну (Kabinett Scheidemann, S. 146—148). Второй съезд Советов принял 14 апреля совместную резолюцию социал-демократов и независимцев, призывавшую опубликовать документы (II. Kongress, S. 251, 268). Четырехтомная публикация вышла только в конце 1919 г. Тогда же появилась и трехтомная австрийская публикация. См.: *Kautsky K.* Wie der Weltkrieg entstand. Berlin, 1919.

[34] Ответная нота Англии была послана 23 марта (Vorwärts, 26.III 1919).

[35] Kabinett Scheidemann, S. 90—91. Заседание 22 марта 1919 г. Проект «Директив» обсуждался также 17 апреля. В окончательном виде они приложены к протоколу заседания 21 апреля (ibid., S. 180—182, 191—192, 193—204. См. также: ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 670, Bl. 17 ff). К. Швабе, характеризуя разногласия, называет представления правительства Шейдемана о ситуации и позиции Вильсона «абстрактными» (*Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 531—532).

вами, поскольку «потребуется много времени, пока мы внутренне снова окрепнем». В союзе с Америкой, которой, как он объявлял, «принадлежит будущее», и Германия сможет поставить перед собой «новые задачи». Ее вступление в Лигу наций в качестве равноправного члена явилось бы в этом плане «выигрышем первой битвы за наше будущее положение в мире» [36].

Еще откровеннее нерастраченные надежды германских милитаристов на совместный военный поход против Советской России высказал сам Грёнер во время встречи с Конджером в Кольберге 14 марта. Дальнейшей конкретизацией был «Оперативный план концентрического наступления на Советскую власть, чтобы наконец установить в России порядок», врученный Конджеру полковником генерального штаба Гейс, который нанес вскоре ответный визит в Трир. Гейс объявил этот план, предусматривавший сочетание движения на Петроград с запада с наступлением Колчака с востока, «первым практическим действием Лиги наций, которую следует создать немедленно». При этом свои предложения о совместном походе германская военщина делала далеко не бескорыстно, а в расчете на высокую оплату «услуг»: отказ союзников от «насильственного мира», оставление Германии не менее чем 400-тысячной армии, сохранение всеобщей воинской повинности, санкционирование мер по «укреплению внутреннего фронта». Она требовала также восточной границы по линии 1914 г., обещания, что и в случае, если Германия не подпишет мир, снабжение ее продовольствием будет продолжаться. Однако такой дорогой союзник не заинтересовал американских военных. Командование, узнав от Конджера, что Германия не способна возобновить военные действия на Западе против Антанты, поручило ему дать немцам отрицательный ответ относительно американского участия в «предприятии против русских» [37].

Эрцбергер и Брокдорф действовали не столь прямолинейно. Узнав от Конджера, что «Америка и Вильсон серьезно озабочены тем, как поступит Германия, если условия мира не будут соответствовать ее ожиданиям», они с согласия кабинета использовали этот канал связи для передачи Вильсону своих «крайних условий». Записка Лёба «Условия мира, приемлемые для Германии», составленная 30 марта по указаниям Брокдорфа и Эрцбергера, воспроизводила в 11 пунктах главные тезисы одобренных правительством «Директив». Но в ней сильнее звучала идея Эрцбергера о готовности Германии своими силами осуществить восстановительные работы в Бельгии и Северной Франции, высказывалась просьба об американском кредите для восстановления экономики. Откровеннее была выражена надежда на согла-

[36] См.: *Phelps R. H.* Aus den Groener-Dokumenten.— Deutsche Rundschau, 1950, H. 8, S. 420—422.
[37] См.: *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 396—399.

шение о совместных действиях против Советской России[38]. Однако эти предложения, дошедшие до Вильсона в пересказе Конджера, не произвели сколько-нибудь заметного впечатления[39].

Германские милитаристы не ограничивались только заявлениями и призывами к Антанте. В меру своих возможностей они действовали. Во главе немецких войск в Либаве, численность которых превысила 70 тыс.[40], был поставлен палач Финляндии генерал Рюдигер фон дер Гольц. В конце февраля он решил на свой страх и риск расширить плацдарм в Прибалтике. Неожиданным ударом с суши и с моря немецкие войска захватили Виндаву (Вентспилс), а в начале марта развернули наступательные действия в Курляндии. На Советскую Латвию напали также войска буржуазной Эстонии, поддержанные русскими белогвардейцами. Вскоре немцам удалось взять Елгаву, оккупировать западную часть Латвии и Литвы.

Не имея прямых данных о реакции союзных держав на эту агрессию, немецкие деятели сначала держались неуверенно. Военный представитель Германии в межсоюзнической комиссии по перемирию генерал фон Гаммерштейн жаловался на двойственность позиции Антанты: «С одной стороны, от нас требуют борьбы против большевизма, с другой — затрудняют нам эту борьбу всякого рода препятствиями». Заверяя кабинет, что он старается «просветить противников относительно положения в Германии», генерал с сожалением отмечал, что «изменения образа мыслей во враждебном лагере практически пока не чувствуется»[41].

Между тем наступление немцев в Прибалтике в нарушение условий перемирия встревожило военных деятелей Антанты в Париже. Они и прежде обсуждали вопрос о роли немецких войск в Либаве в планах «борьбы против большевизма»[42]. 3 марта они подтвердили решение о блокаде Остзейского побережья и запрещении перебросок морем немецких войск, угля и снаряжения с запада на восток. Два дня спустя маршал Фош докладывал Совету министров иностранных дел, что германская делегация в комиссии по перемирию прямо поставила вопрос: заинтересованы ли державы Антанты в том, чтобы немецкие войска дрались с большевиками? Если да, то должны быть разрешены перевозки немецких войск в Либаву. Но вместо ответа Англия и США ре-

---

[38] Kabinett Scheidemann, S. 110—111. Заседание 28 марта 1919 г. Составленные Брокдорфом указания (Sprachanweisung des Auswärtigen Amts) см.: *Epstein F.* Zwischen Compiègne und Versailles, S. 420—422.

[39] *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 533—539.

[40] Грёнер в докладе правительству назвал цифру 72 тыс. (Kabinett Scheidemann, S. 217), по данным американской миссии в Прибалтике их численность равнялась 73 тыс. (PPC, v. XII, p. 138. Доклад американской комиссии государственному секретарю 15 апреля 1919 г.).

[41] Kabinett Scheidemann, S. 16, 26. Заседание 4 марта 1919 г.

[42] См.: *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос», с. 206—209; *Сиполс В. Я.* За кулисами иностранной военной интервенции в Латвии. М., 1959, с. 98—99.

шили послать в Прибалтику для изучения положения на месте специальные военные, политические и экономические миссии [43].

Фон дер Гольц расценил позицию Антанты как поощрение. Правда, с английской миссией майора Кинэна (бывшего рижского торговца) у него возникли некоторые трения, но глава американской военной миссии подполковник У. Грин уже в первых своих донесениях в Париж выразил полное удовлетворение действиями немцев. Он считал необходимым разрешить снабжение их морским путем продовольствием, одеждой, боеприпасами и пополнениями, «чтобы они могли сохранить свои силы, оперирующие сейчас против большевиков» [44]. Ободренный фон дер Гольц организовал 16 апреля в Либаве государственный переворот: правительство Ульманиса было заменено еще более откровенно прогерманским во главе с пастором Ниедра. Вскоре Ковно и Либаву посетил Носке, поздравивший фон дер Гольца с успехом [45].

Американские наблюдатели в Прибалтике не могли не заметить, что агрессивными действиями немецких войск «затронута честь Антанты» и что местное население относится к оккупантам враждебно. Тем не менее они возражали против отзыва немецких войск, так как это, по их признанию, немедленно привело бы к восстановлению в этих странах революционной власти. А странам Прибалтики, как цинично писал Грин, надлежало играть роль «барьера против большевизма... буферных государств между Россией и Германией... военного и торгового ключа к русскому хинтерланду», стратегического плацдарма для «активного и агрессивного военного похода с целью разгрома большевизма и восстановления (?) России». Грин указывал, что «с Германией надо считаться и в вопросе о будущем России», только немцам следует предоставить «долю участия, а не монополию» [46].

На заседаниях Парижской мирной конференции руководители британской и американской политики согласились с мнением своих агентов. Так, Бальфур признал, что «союзники используют немцев для подавления большевизма», а Лансинг добавил, что «отозвание немцев из Латвии приведет к тому, что большевизм одержит верх во всей стране». Вскоре Лансинг снова выступил в защиту действий фон дер Гольца, настаивая на совместных операциях немецких войск с английским флотом и призывая французского министра Пишона отбросить колебания [47]. Наиболее рьяные глашатаи антисоветской интервенции не только на

---

[43] PPC, v. IV, p. 212. Заседание 3 марта 1919 г.

[44] *Von der Goltz R.* Meine Sendung in Finnland und im Baltikum. Leipzig, 1920, S. 550: PPC, v. XII, p. 138—141. Телеграммы Грина из Либавы в Париж, 11 и 12 апреля 1919 г.

[45] См.: *Сиполс В. Я.* За кулисами..., с. 121—122; *Rosenfeld G.* Sowjetrußland und Deutschland 1917—1922. Berlin, 1960, S. 211; *Noske G.* Von Kiel bis Kapp, S. 178—179; Kabinett Scheidemann, S. 248.

[46] PPC, v. XII, p. 207—208, 210. Меморандум Грина. Париж, 30 июня 1919 г.

[47] См. PPC, v. IV, p. 591—592, 691—693. Заседания Совета министров иностранных дел 19 апреля и 9 мая 1919 г.

секретных совещаниях, но и во всеуслышанье призывали поддержать немецкую агрессию в Прибалтике. В апреле английское радио сообщило о заявлении Черчилля, что «Германии открыты все пути к искуплению, если она станет сражаться с большевизмом», и что в этом случае британская армия охотно будет снабжать Германию продовольствием [48].

Ситуация, однако, менялась. С одной стороны, все яснее вырисовывалась картина тяжелых для Германии условий мира, которые готовились в Париже. С другой — продолжавшийся в Центральной Европе революционный подъем привел к появлению Советской Венгрии. С третьей — в самой Германии пролетариат оказывал все большее сопротивление авантюрам германской военщины на Востоке, в частности активно противодействовал вербовке добровольцев. Все это заставило некоторых немецких деятелей серьезно задуматься над тем, насколько выгодна для Германии ее грубая и прямолинейная антисоветская политика. Но прежде всего родилась «хитрая» идея: а нельзя ли использовать самую *возможность* изменения германской политики в отношении Советской России для вымогательства у победителей смягчения условий мира? Поскольку те действительно боялись союза Германии с Россией, эта идея давала известные шансы.

В конце марта 1919 г. главный редактор социал-демократической газеты «Vorwärts» Ф. Шампфер в статье «Последнее средство» пустил пробный шар. «Со времени событий в Венгрии,— писал этот злейший противник революции,— у нас на всех углах и перекрестках говорят: в Германии это тоже предстоит... социал-демократы сговорятся со своими врагами...». И дальше: «Это — крайнее средство, с которым Антанта, навязывая нам мир, должна считаться» [49].

Примечательно, что сразу откликнулись деятели консервативно-националистического толка. На страницах правой газеты «Der Tag» профессор П. Эльцбахер пустился в разглагольствования о том, что против насильственного мира имеется лишь одно действенное средство — самим открыть ворота большевизму. Он считал, что недостаточно просто пугать им Антанту, а надо «целеустремленно осуществить такие, хотя и сомнительные, социальные и политические преобразования в убеждении, что с момента, когда кроме России и Венгрии также Германия провозгласит большевизм, *большевистская волна неодолимо затопит и западные страны*, смоет Клемансо, Ллойд Джорджа и всех других...» [50]. На следующий день профессор Рейнке прямо призвал «объединиться с Российской Советской Республикой и внести революцию во Францию», не скрывая злокозненности замысла: этим «мы страшно отомстили бы нашим врагам за их жестокость» [51].

---

[48] Известия ВЦИК, 15 апреля 1919 г.
[49] Vorwärts, 24.III 1919. Abendausgabe.
[50] Der Tag, 2.IV 1919.
[51] Der Tag, 3.IV 1919.

Можно было бы объяснить эти писания желчностью старых профессоров. Но вопрос стала серьезно обсуждать и юнкерская «Kreuz-Zeitung». Она, правда, не рекомендовала «бороться с дьяволом Антанты с помощью Вельзевула большевизма», а откровенно предпочитала «военное сокрушение большевизма» в союзе с западными державами. Однако и она допускала «большевизм» в Германии как «временную меру», высказывая надежду, что он возможен и в формах, менее опасных, чем в России, поскольку-де «всякая революционная идея проделывает обычно процесс регрессивного развития и ее воздействие ослабевает по мере удаления от собственного очага»[52]. Это были первые проявления того, что получило позднее наименование «национал-большевизма»[53].

Пока же охватившая и другие органы печати кампания носила характер психологической атаки на Антанту. Так, оратор партии Центра Шляк, выступая в Национальном собрании, заявил: «Совет четырех, обсуждающий сейчас в Париже то бремя, которое будет возложено на нас, не должен забывать, что, чем сильнее будет придавлен немецкий народ, тем сильнее будет проявляться общность интересов между нами и Россией (*оживленное одобрение на скамьях центра*). В конечном счете в этой коалиции может возродиться для наших врагов опасный противник»[54].

Выступили и влиятельные сторонники западной ориентации. Директор Национального банка Я. Шахт объявил, что нашел альтернативу «большевистскому разложению». Ею должно явиться «международное сотрудничество» развитых капиталистических держав по совместной экономической эксплуатации не только колониальных стран, но и «великой Российской империи» с ее богатейшими природными ресурсами и почти не ограниченными хозяйственными возможностями. Шахт пытался прельстить Антанту не только экономическими выгодами, но и возможностью таким способом задушить тот «азиатский большевизм», который не удалось подавить военной силой[55].

Брокдорф тоже иногда размышлял об альтернативах. Его доверенный граф Кесслер так передал свою беседу с министром 22 февраля 1919 г.: «Самой великолепной для Германии политикой были бы, несомненно, ее совместные с Советской Россией действия против Антанты. И он [Брокдорф] думает о такой политике, да, это такая политика, которую он охотнее всего проводил бы... Но он опасается того, что нам на этом пути пришлось бы вначале пройти очень трудный и опасный отрезок; это до сих пор всегда его отпугивало. Если все же Антанта доведет нас

---

[52] Kreuz-Zeitung, 3.IV 1919. См. также: *Ruge W.* Zur Taktik der deutschen Monopolbourgeoisie im Frühjahr und Sommer 1919.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1963, H. 6, S. 1110.
[53] *Schüddekopf O. E.* Linke Leute von rechts. Stuttgart, 1960, S. 9.
[54] VDNV, Bd. 327, S. 1026. Заседание 14 апреля 1919 г.
[55] Berliner Tageblatt, 2.IV 1919 (цит. по: Weltherrschaft im Visier. Neue Dokumente. Berlin, 1975, S. 162—164).

до отчаяния, если все же большевизм придет в страну, тогда он пойдет таким путем, встанет во главе движения, использует его...»[56]. Подобную же мысль Брокдорф высказал и В. Эме: «Быть может, есть возможность договориться с Советским правительством...», но тут же прибавил: «Однако, пока судьба германского правительства в руках военных, на этот путь встать невозможно»[57].

В архиве сохранился переданный Эберту 19 марта 1919 г. через советника МИД Надольного примечательный документ, подготовленный Комиссией по мирным переговорам и озаглавленный: «Соображения о защите на мирной конференции наших хозяйственно-политических интересов за границей». Исходя из предположения, что вопросы о передаче определенных территорий Польше будут рассматриваться в связи с «борьбой против революционизации мира большевиками», авторы рекомендовали добиваться, чтобы в мирном договоре были предусмотрены компенсации Германии за территориальные утраты. В их числе: гарантия полной конкурентоспособности германских товаров в Польше и транзита их через Польшу; обеспечение интересов собственников верхнесилезских шахт и предприятий; денежная компенсация (Германии!) за доставшиеся Польше в результате германских военных действий ценности бывшего русского государства.

Особенно обстоятельно излагались рекомендации относительно России. «Ввиду неблагоприятных перспектив нашего сбыта на Западе и в заморских землях,— говорилось в записке,— сохранение и развитие будущего восточноевропейского рынка приобретают первоочередное значение для сбыта немецких товаров и укрепления германских позиций. Следует подчеркнуть и политические соображения». Авторы полагали, что Антанта не будет стремиться «уничтожить Германию» и потому «в своих собственных интересах» не станет «запрещать [ей] экономическую экспансию на Восток». Но интересы Германии требуют большего, чем просто допущение ее в этот район: ей должно быть обеспечено «достойное место» в совместной империалистической эксплуатации России. «Наш настоятельный интерес — и совместная борьба против большевизма дает нам на это право — заключается в том, чтобы принять полное участие в международном восстановлении России, которое невозможно без далеко идущих уступок предпринимателям». Авторы записки сформулировали, что им представлялось особенно важным «для нашего хозяйственного будущего в *связи с обсуждением нашей борьбы против большевизма в Германии и России, которую мы ведем столько же ради Антанты, как и ради себя*».

---

[56] *Kessler H.* Tagebücher 1918—1937. Frankfurt/Main, 1961, S. 135; *Wengst U.* Brockdorff-Rantzau und die außenpolitischen Anfänge der Weimarer Republik. Frankfurt (Main), 1973, S. 37.

[57] *Oehme W.* Die Weimarer Nationalversammlung 1919. Erinnerungen. Berlin, 1962, S. 249.

Во-первых, они требовали такой доли участия Германии в дележе шкуры «русского медведя», какая «серьезно содействовала бы нашему собственному восстановлению». Нынешняя финансовая слабость Германии не должна служить препятствием, напротив, должна побуждать энергично стремиться к международному урегулированию финансовых вопросов.

Во-вторых, они хотели достижения такого принципиального согласия, которое включало бы «таможенное разделение России», ликвидацию монополии внешней торговли, обеспечение свободного транзита через Россию в страны Востока, урегулирование конкуренции между прибалтийскими и германскими морскими портами, «полное возмещение за государственную социализацию» и даже участие России в компенсации ущерба, нанесенного иностранцам «произвольным уничтожением ею валютной системы» [58].

Нет оснований считать, что Брокдорф, обладавший чувством реального, в полном объеме воспринимал эти циничные мечтания, выражавшие безмерную алчность империалистов, позабывших о только что понесенном Германией военном поражении. Брокдорф об этом забывать не мог, хотя вынужден был считаться с давлением влиятельных экономических кругов и генералитета.

Банкиры и промышленники усиливали нажим. Участники совещания «160 руководящих деятелей германской экономики» (среди них: В. Ратенау, банкиры М. Варбург, П. Манкиевиц) требовали отклонить мир, «который не позволит Германии вновь подняться экономически». В письме Шейдеману «Ганзейский союз ремесла, торговли и промышленности» настаивал, чтобы против «мира удушения» был заявлен протест «со всей энергией и решимостью» [58а].

4 апреля Брокдорфа посетил Грёнер, который по-прежнему полагал, что, ориентируясь на Америку, Германия сможет сохранить военную мощь и даже взять в недалеком будущем реванш. Столь авантюристическая позиция шла вразрез со стремлением Брокдорфа сохранить возможность хотя бы ограниченного маневра. «Считаете ли Вы меня пораженцем или брюзгой, мне безразлично»,— отвечал он генералу. Но «Вильсон нас разочаровал», а в стране зреет опасность «третьей революционной волны» [59].

Публично Брокдорф не признавался в своих сомнениях и раздумьях, а следовал курсу, рекомендованному магнатами капитала и предписанному военщиной. Так, прослышав, будто английский адмирал Синклер рекомендовал фон дер Гольцу занять Ригу и обещал даже поддержку, а глава французской военной миссии в Ковно полковник Ребул высказался за продвижение германских войск к

---

[58] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 708/2. Rußland, Bl. 2—3.
[58а] «Это был почти тон Людендорфа» — замечает П. Крюгер (*Krüger P.* Deutschland und die Reparationen, S. 115).
[59] См.: *Schüddekopf O. E.* Karl Radek in Berlin. In: Archiv für Sozialgeschichte, Bd. II. Hannover, 1962, S. 108; *Wengst U.* Brockdorff-Rantzau..., S. 62.

Двине, Брокдорф 18 апреля поручил немецкому представителю в комиссии по перемирию при удобном случае заявить, что «Германия приветствует это предложение о совместном отпоре большевистской опасности и она готова продвинуться на балтийском и литовском фронтах... Однако предварительно Антанта должна гарантировать объем своего участия. Чрезвычайно желательно, чтобы в этом принимали участие пусть даже небольшие английские отряды, а если возможно, и американские... Просьба указать особенно на крайнюю необходимость действовать как можно быстрее... пока большевики заняты на востоке борьбой против Колчака и на Украине» [60].

Стремление Брокдорфа вовлечь союзников в совместные интервенционистские акции, даже ценой превращения немцев в их подручных, отвечало мнению германской военщины, полагавшей, что наступил «самый благоприятный случай, из представлявшихся до сих пор, окончательно разгромить большевизм и устранить мировую угрозу». Исходя из этого, авторы секретного военно-политического обзора немецкого Большого генерального штаба настаивали 1 мая 1919 г. на срочном применении всех мер, в том числе голодной блокады Советской России. Они предупреждали, что если благоприятный случай будет упущен, «если умному и ловкому политику Ленину удастся вновь одурачить мир (!?), то большевики, конечно, снова придут в себя» [61].

Между тем наряду с продолжением антисоветского курса и обманными маневрами в Германии предпринимались и первые робкие попытки более реалистической политики. Инициативу восстановления разорванных в ноябре 1918 г. торговых связей Германии с Советской Россией проявил хемницкий коммерсант Ф. Г. Раух. Он посетил Москву в феврале-марте 1919 г. и настойчиво предлагал свои услуги в качестве частного посредника. Так, он писал саксонскому представителю в Берлине графу Гольцендорфу, что встречался с наркомом Красиным и другими советскими деятелями, проявившими большой интерес к возобновлению торговли. Об этом был, по его словам, информирован и В. И. Ленин. Саксонские фирмы намерены были поставлять сельскохозяйственные орудия, текстильные машины, медикаменты, краски и т. п. Советская Россия предлагала взамен крайне нужное Германии сырье. «Почти всем отраслям нашей промышленности,— писал Раух,— будет этим немедленно снова обеспечено широкое поле деятельности. Сырье (в частности, лен, конопля, конский волос, щетина, льняное семя, шкуры) может быть в достаточных количествах доставлено к границе». Раух говорил, что было бы «непростительной политической ошибкой» отказываться от взаимовыгодного сотрудничества. «Заблуждение,— считал он,— что большевики планируют вторжение в Германию,

[60] Советско-германские отношения, т. 2, с. 99—100.
[61] Там же, с. 109.

должно быть разрушено». Министр экономики Р. Виссель, а также имперский комиссар по импорту и экспорту считали нужным поддержать инициативу Рауха [62].

Однако активными противниками каких бы то ни было отношений с РСФСР оставались чиновники министерства иностранных дел, в том числе руководитель отдела торговли К. Штокгаммери. 11 апреля 1919 г. он провел специальное совещание с участием представителей министерства экономики, саксонского посольства, «Германско-русского торгового союза» [63], комиссара по контролю над импортом и экспортом. Штокгаммери подтвердил здесь прежнюю установку МИД: «Все попытки отдельных немецких коммерсантов заключить сделки с *русским правительством* являются впредь до особых распоряжений нежелательными. Никакой официальной поддержки таким попыткам оказываться не будет». При таком подходе оговорка относительно допустимости отдельных сделок с *частными* коммерсантами в России или с кооперативами значила немного. Признавая, что «с экономической точки зрения возобновление торговых отношений было бы желательно», он объявил, что в настоящее время «чисто *политические* мотивы» «определяют нашу отрицательную позицию».

В подтверждение важности этих политических мотивов Штокгаммери смог привести только два избитых тезиса. Первый: «Мы не можем быть уверены в том, что Советское правительство своими на первый взгляд (?) во всем умеренными действиями не пытается обеспечить себе передышку, чтобы затем снова свернуть на радикально-коммунистический путь с целью разжигания революции во всем мире». И второй: «Мы должны, помня о предстоящем заключении мирного договора, избегать действий, которые могли бы снова вызвать неудовольствие союзных держав, а это будет именно так, когда они узнают, что мы шли нога в ногу с большевизмом (!), вместо того чтобы подавлять его» [64].

Заинтересованные деятели не считали эти аргументы ни серьезными, ни убедительными. Министерство экономики и комиссар по импорту и экспорту предоставили Рауху разрешение на вывоз в Россию 30 вагонов товаров, стоимостью около 5 млн. марок (в их числе: пилы, косы, металлоизделия, типографская краска, швейные машины). В конце апреля первые 9 вагонов были уже в пути к демаркационной линии. Однако противникам торговли — деятелям министерства иностранных дел, военным, генеральному комиссару в Ковно Циммерле — удалось все же задержать этот

---

[62] См. об этом: *Норден А.* Между Берлином и Москвой. М., 1956, с. 288—289; *Rosenfeld G.* SowjetrußIand und Deutschland, S. 234—239.

[63] Deutsch-Russischer Verein zur Pflege und Förderung der gegenseitigen Handelsbeziehungen существовал с 1899 г. Он издавал журнал «Die Ostwirtschaft» (см.: *Schieder Th.* Die Probleme des Rapallo-Vertrags. Köln — Opladen, 1956, S. 15).

[64] Советско-германские отношения, т. 2, стр. 89—90.

транспорт. Рауху не помогли телеграммы протеста, в том числе и на имя президента Эберта [65].

Тем временем Эрцбергер, до той поры едва ли не самый рьяный инициатор и проводник идеи совместных с Антантой антисоветских акций, тоже стал задумываться. 22 апреля он обратил внимание кабинета на недавнюю речь Ллойд Джорджа по «русскому вопросу». Британский премьер утверждал 16 апреля в палате общин, что, хотя Великобритания поддерживает Колчака и Деникина, она не намерена... вмешиваться во внутренние русские дела [66]. Последнее нисколько не соответствовало фактам, но Эрцбергер (очевидно, под влиянием собственных соображений) счел полезным использовать эту речь для постановки перед правительством принципиального вопроса об отношениях Германии с Советской Россией.

Согласно протокольной записи, Эрцбергер просил (видимо, сотрудников МИД) «тщательно проверить, не настал ли час договориться с русским правительством по крайней мере о военном перемирии и завязать с ним отношения, во всяком же случае проявить максимальную заботу о возрождении торговли». В ответ на этот неожиданный демарш кабинет без дебатов согласился «снова проверить» необходимость продолжения военных действий на Востоке, пригласив для доклада генерала Грёнера. Брокдорф, впрочем, тут же заявил, что он против восстановления официальных отношений с Советским правительством. Его аргументы были не новы: это вызовет усиление «большевистской пропаганды» и плохо скажется на отношениях с Антантой, в переговорах с которой (а их ведь вел Эрцбергер!) немцы до сих пор всегда «характеризовали большевистское правительство как общего врага». Представители его министерства (на заседании присутствовал Штокгаммерн) доложили о предпринимавшихся попытках восстановления торговых связей, имея в виду, очевидно, действия Рауха. Чтобы блокировать дальнейшие шаги, Брокдорф обещал вскоре подробно доложить свои соображения относительно политики на Востоке [67].

Спустя два дня на очередное заседание кабинета прибыл генерал Грёнер в сопровождении генерал-майора Секта, майора Шлейхера и др. В пространном докладе о военном положении на Востоке Грёнер назвал стратегическое положение в Прибалтике стабилизировавшимся. В политическом плане, считал он, на будущее возможны два решения: «Либо мы будем обороняться против большевиков, либо предпримем наступление». Последнее он объявил возможным «только в союзе с нашими прежними вра-

---

[65] Советско-германские отношения, т. 2, с. 103–109; *Rosenfeld G.* Sowjetrußland und Deutschland, S. 240—241.

[66] См.: *Ллойд Джордж Д.* Договоры, т. 1, с. 486—489.

[67] Kabinett Scheidemann, S. 204—205. Заседание 22 апреля 1919 г. Впервые он обещал это сделать еще в середине марта, но оба обещания так и не были выполнены.

гами». У Грёнера имелся заготовленный план такой наступательной операции: польские части должны действовать в направлении Минска, германские войска «совместно с американскими, возможно также и английскими,— у Вильны, Динабурга и Риги. Английский флот должен выступить против Риги, а также Ревеля, Нарвы и Петербурга и высадить там войска. Май мог бы быть временем такой концентрической операции. Она имела бы целью овладение дорогой Вильна — Петербург».

Впрочем, сам Грёнер заметил, что в плане имеется одна загвоздка: «В духе ли Америки и Англии такая наступательная операция, это еще вопрос». Грёнер хитрил, ибо знал от Конджера, что предложение о совместных действиях, переданное ранее, было американским командованием отклонено. Грёнер усиленно нажимал на то, о чем три недели назад говорил Брокдорфу: «Мы вновь и вновь обещали Антанте, что будем бороться против большевизма; если мы теперь начнем переговоры с Советами, Антанта сможет обвинить нас в нелояльности. Германия должна в этом вопросе плыть в кильватере Америки». В ответ на реплику Эрцбергера, что Америка сама намерена заключить с Советами мир, Грёнер заметил, что надо посмотреть, как далеко она пойдет и какую позицию займет. Но «сейчас мы можем в любой момент сказать Антанте: мы создали вал против большевизма, мы требуем теперь ответной услуги, которую я видел бы в соответствующем урегулировании польского вопроса...» [68].

В ходе обсуждения доклада ясно выявилось, что в германском правительстве возникли разногласия. Эрцбергер теперь уже прямо высказался «за перемирие с большевиками». Он заявил, что «дальнейшие бои на Востоке накануне мирных переговоров не в наших интересах, а лишь в интересах Антанты». Министр колоний Белл тоже сказал, что не считает целесообразным таскать для Антанты каштаны из огня. Даже правительственный комиссар на Востоке Винниг высказал сомнение в возможности создать «единый фронт Америка — Германия — Франция против Советов». Он пошел и дальше, заметив, что не следует упустить возможности «идти вместе с Россией завтра или послезавтра». Брокдорф, хотя и продолжал утверждать, что «главной целью до заключения мира должна быть борьба против большевизма», добавил теперь: «Разумеется, только оборона, не война внутри России». Он сказал, что «самым благоприятным было бы уже теперь делать общее дело с нашим врагом» — Антантой, но должен был признать, что «перспективы этого очень невелики» [69]. Готтейн

---

[68] Ibid., S. 209—218. Заседание 24 апреля 1919 г.

[69] В записке о политике в России, составленной, видимо, в это время, Брокдорф рекомендовал, «поскольку мы очень заинтересованы в том, чтобы Советское правительство было заменено другим режимом, оказывать возможное содействие всем силам, выступающим против большевизма; разумеется, без того, чтобы демонстрировать это вовне (*Helbig H.* Die Träger der Rapallo-Politik. Göttingen, 1958, S. 21—23; *Linke H.*

тоже констатировал, что вопрос о совместном наступлении против Советской России «не созрел». Ни один из министров социал-демократов своего мнения не высказал.

Грёнеру, который не встретил в кабинете былой поддержки, пришлось признать, что его рассуждения о наступательной операции были «только гипотетическими». Но он решительно возражал против заключения военного перемирия, ибо считал, что в этом случае немецкие войска могут выйти из повиновения и охрана границ не будет обеспечена. Шейдеман резюмировал, что фронты на Востоке следует удерживать, занимая оборонительные позиции и не отводя войск [70].

Составленное несколько дней спустя в имперской канцелярии письменное резюме знаменовало еще один шаг вперед. В нем было многозначительно сказано: «По отношению к Советскому правительству остаются открытыми все возможности: оставаться ли в обороне, договориться ли с Антантой против большевиков или с ними против Антанты» [71]. Последняя возможность,— разумеется, лишь «гипотетическая» — была, по-видимому, включена в документ под впечатлением новых известий о том, что Антанта готовит Германии крайне тяжелые условия мира.

В начале мая Эрцбергер и Белл вновь подняли вопрос о заключении перемирия с Советской Россией. Эрцбергер критиковал министерство иностранных дел за то, что оно утаило от правительства две радиограммы Чичерина — от 15 февраля и 17 апреля 1919 г. [72] В первой опровергались клеветнические утверждения, будто Советская Россия «хочет снова вовлечь германский народ в войну» или «намеревается напасть на германскую территорию». Правительство РСФСР выражало надежду на то, что «Германия со своей стороны будет воздерживаться от враждебных действий» против Советской России и «связанных с ней дружбой советских республик». Во второй радиограмме, обращенной ко всем Советам рабочих и солдат Германии, не только осуждались жестокости германских войск, которые развернули в Латвии и Литве наступление без объявления войны, но также говорилось: «Заявление германского командования в Латвии о том, что германские войска находятся там во исполнение воли держав Согласия, и постоянные указания германских правительственных ораторов и органов печати на то, что тяжелые условия мира с державами Согласия затрудняют для Германии выполнение роли передового укрепле-

---

Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo. Köln, 1970, S. 46; *Wengst U.* Brockdorff-Rantzau, S. 39).

[70] Kabinett Scheidemann, S. 221—225; *Groener-Geyer D.* General Groener. Frankfurt (Main), 1955, S. 139.

[71] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 713. Bl. 32—35; *Rosenfeld G.* Sowjetrußland und Deutschland, S. 213—214; Советско-германские отношения, т. 2, с. 111 (перевод здесь неточен).

[72] Kabinett Sheidemann, S. 254—255. Заседание 2 мая 1919 г. (здесь вторая радиограмма ошибочно датирована 19 апреля).

ния против большевизма, заставляют предполагать, что неприязненные действия против России являются лишь частью общего контрреволюционного политического плана нынешнего германского правительства». Эта меткая характеристика агрессивного курса правителей Германии сопровождалась констатацией, что широкие массы немецкого народа высказываются за прекращение этих враждебных действий против Советских республик, за установление с ними мира и дружбы. Радиограмма заканчивалась выражением уверенности, что эти все более настойчивые пожелания трудящихся масс превратятся в действительность [73].

Отвечая Эрцбергеру, барон Лангверт повторил обычные возражения министерства иностранных дел против официальных переговоров с Советским правительством. Он с тревогой докладывал Брокдорфу, что Эрцбергер не одинок. Его, хотя и с оговорками, поддерживают министры Прейс, Носке и Готгейн. Но самое скверное, что «Шейдеман по меньшей мере не энергичен, а Эберт, видимо, проявляет сдержанность» [74].

Теперь и у Брокдорфа наметился сдвиг. В письме от 5 мая он по-прежнему считал официальные контакты с Советской Россией опасными, но высказался за соглашение о перемирии, добавив, что решение должны принять военные. Он одобрил завязывание «частных экономических связей, подготовку их путем посылки агентов» [75]. Свою изменившуюся позицию он сформулировал так: «Германская политика должна исходить из основной идеи, что необходимо совместное восстановление всей Европы. Одностороннее соглашение с Западом для борьбы против России, как и присоединение к Востоку для отражения насильственного мира, означало бы продолжение войны. У Германии есть выбор: либо посредничать между Западом и Востоком, либо стать полем боя между ними. Официальные переговоры с Россией станут уместными в тот момент, когда требования Антанты сделают соглашение (Германии с ней.— *Я. Д.*) невозможным» [76]. Брокдорф жестоко ошибался. Если у Германии и был прежде выбор, то не этот. Но теперь уже выбора вообще не было.

В этот день Прейс, Рейнгардт и Носке высказали в кабинете сомнения относительно отвода немецких войск из Прибалтики, а Эрцбергер продолжал настаивать на перемирии. Шейдеман согласился при условии, если ставка сочтет его возможным [77]. Решение ускорила нота Антанты, ультимативно потребовавшая восстановления в Латвии прежнего правительства, отзыва фон дер Гольца и переименования оккупационных войск в «немецкие

[73] Советско-германские отношения, т. 2, с. 70, 94—99.
[74] Kabinett Scheidemann, S. 255. Заседание 2 мая 1919 г.
[75] В эти дни Брокдорфу доложили, что В. Ратенау поддерживает «постоянную связь с русскими, стоящими близко к Советскому правительству», и высказывает опасения, не опередит ли Германию Антанта, которая находится в живом контакте с Москвой (ibid., S. 259).
[76] Ibidem; *Wengst U.* Brockdorff-Rantzau, S. 40.
[77] Kabinett Scheidemann, S. 259. Заседание 5 мая 1919 г.

вспомогательные части»[78]. Три дня спустя кабинет принял решение об отводе войск из «еще оккупированных русских областей» и в ответной ноте заверял, что предпринимает подготовительные шаги для прекращения военных действий и заключения перемирия в Литве и Латвии. Однако заверение сопровождалось оговоркой, что очищение территорий потребует времени[79].

Генерал Грёнер, отвечая 19 мая 1919 г. на запрос правительства, согласился с мыслью о перемирии, но предостерегал, что отступление ухудшит моральное состояние немецких войск. Если правительство, повторил он, хочет сохранить латвийское государство, оно должно передать ему немецких добровольцев и русских белогвардейцев[80]. Через два дня кабинет поручил ставке начать переговоры о перемирии.

Однако фон дер Гольц продолжал мечтать о том, чтобы «после обеспечения базы в Литве — Латвии с большой армией ниспровергнуть большевизм в России, установить белое правительство, обрести в нем надежного друга для Германии», а затем совместно «дать отпор западным державам...»[81] 22 мая он на собственный страх и риск предпринял наступление, прорвал фронт Красной Армии и захватил Ригу. Оккупанты учинили здесь чудовищную расправу, расстреляв без суда и следствия не менее 6—7 тыс. человек[82]. Кабинет Шейдемана и после этого не осудил и не отозвал фон дер Гольца, поддержав мнение Грёнера о передаче в латвийское подданство тех немецких добровольцев, которые соблазнились посулами получить здесь землю для поселения[83]. О заключении перемирия больше не вспоминали.

Наглые действия Германии в Прибалтике в тот момент, когда Антанта диктовала ей суровые условия мира, свидетельствовали о том, что правители Германии не шли в отношении к Советской России дальше обманных маневров с целью выторговать лучшие условия мира.

*

18 апреля в Берлин поступила телеграмма Клемансо: «Высший совет союзных и ассоциированных держав постановил при-

---

[78] Kabinett Scheidemann, S. 265—266. Заседание 6 мая 1919 г. Этой ноте генерала Нюдана предшествовала нота генерала Хэкинга от 24 апреля, в которой выдвигалось требование восстановить свергнутое правительство Ульманиса. Кабинет отрицал немецкое участие в перевороте (ibid., S. 225—226, 253—254).

[79] Ibid., S. 305, 310—311. Заседание 8 мая и 11 мая 1919 г.

[80] Ibid., S. 361—362. Заседание 21 мая 1919 г.

[81] *Von der Goltz R.* Als politischer General im Osten. Leipzig, 1936, S. 165; *Bischoff J., Major a. D.* Die letzte Front. Geschichte der Eisernen Division im Baltikum. 1918/19. Berlin, 1935, S. 191.

[82] См.: Darstellungen, Bd. II. Der Feldzug im Baltikum. Berlin, 1937, S. 39; Bd. III, S. 120—151.

[83] Kabinett Scheidemann, S. 375—376. Заседание 19 апреля 1919 г. *Noske G.* Erlebtes aus Aufstieg und Untergang einer Demokratie. Offenbach, 1947, S. 122—123.

гласить прибыть в Версаль вечером 24 апреля снабженных полномочиями германских делегатов, чтобы они могли принять там определенный союзными и ассоциированными державами текст прелиминарного мира»[84].

Правительство Шейдемана единогласно решило ответить, что для получения текста договора назначает второстепенных чиновников министерства иностранных дел[85]. Одновременно прессе было дано указание развернуть энергичную кампанию против «мира-диктата» с указанием, что он находится в вопиющем противоречии с «пунктами Вильсона». Руководство всей пропагандой было возложено лично на пресс-шефа имперской канцелярии Раушера. Кабинет обсуждал вопрос, поднятый Шейдеманом: возможно ли провести референдум о принятии или отклонении условий мира, если правительство с ними не согласится. Эрцбергер счел такой шаг целесообразным[86], но сотрудники министерства иностранных дел выразили сомнение.

В ответ на немецкую ноту генерал Нюдан сообщил, что маршал Фош от имени правительств Антанты требует, чтобы представители Германии были уполномочены, «как и представители союзных и ассоциированных правительств, обсуждать совокупность вопросов о мире». Теперь Брокдорф известил, что немецкая делегация будет состоять из шести главных делегатов: Брокдорфа-Ранцау, Ландсберга, Гизбертса, Лейперта, Мельхиора и Шюкинга, а также группы экспертов и специалистов. Он выразил надежду, что делегации будет обеспечена свобода передвижения и связи со своим правительством[87]. Были окончательно утверждены «Директивы делегатам» и уточнено, что делегация не должна высказывать определенной позиции в отношении мирных условий, а особенно не покидать Версаля без согласования с кабинетом. Текст договора следовало сообщить в Берлин возможно быстрее[88].

Но еще до того, как приготовления к отъезду германской делегации были завершены, в Берлине появилась новая секретная американская миссия во главе с Э. Дрезелом. Здесь тотчас распространился слух, что она послана со специальной целью: смягчить впечатление, которое должны произвести чрезвычайно тяжелые условия мира[89]. 19 апреля Дрезел был принят Брокдорфом. «На протяжении всего разговора,— докладывал Дрезел,— я подчеркивал мою уверенность в том, что весь мир заинтересо-

---

[84] Kabinett Scheidemann, S. 185. Заседание 19 апреля 1919 г.

[85] С издевкой сообщалось, что их будут сопровождать два клерка и два секретаря канцелярии (*Nowak K.* Versailles, S. 214).

[86] Kabinett Scheidemann, S. 117, 185—186. Заседания 16 и 19 апреля 1919 г.

[87] Ibid., S. 191. Первоначально финансовый мир должен был представлять в делегации влиятельный гамбургский банкир М. Варбург. Но он решил остаться в Берлине, рекомендовав своего компаньона К. Мельхиора.

[88] Kabinett Scheidemann, S. 227. Заседание 25 апреля 1919 г.

[89] PPC, v. XII, p. 83. Телеграмма Дрезела — Грю от 20 апреля 1919 г. Один американский журналист писал об «обезболивающем кокаине» (*Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 546).

вал в экономическом восстановлении Германии и что... мы со своей стороны будем всемерно этому содействовать». Но названные Дрезелом территориальные требования Брокдорф назвал «ампутацией» и «позором», на который он никогда не пойдет. Когда Дрезел напомнил, что Германия потерпела поражение и не может же немецкий народ покончить самоубийством, если правительство откажется принять условия, Брокдорф отвечал, что Германия станет жертвой большевизма, а это приведет к «мировой катастрофе». Он выразил сомнение, что какая-либо партия возьмет на себя позор подчинения диктату. В итоге Брокдорф решил, что Дрезел имеет поручение «уломать правительство», а Дрезел писал, что разговаривал с «нервной развалиной».

Однако скоро Дрезел заметил, что беседы его с Эрцбергером, Носке, Бернсторфом, Мельхиором, Т. Вольфом и др. по существу мало отличались от первой. Даже сотрудник Дрезела Литгоу Осборн не мог скрыть усмешки, когда снова слышал его дружеские заверения, явно противоречившие фактам. В. Симонс предупреждал Дрезела об опасности справа. Если правительство не сможет подписать мир, говорил он, «немецкое националистическое движение сразу приобретет силу и найдется вождь, пока еще не известный, который встанет во главе большого народного движения» [90].

Задача Дрезела не исчерпывалась выяснением позиции германского правительства. «Я всегда считал,— писал он в одной из телеграмм,— что настоящая миссия должна быть чем-то большим, чем просто информационное бюро». Он настаивал на присылке из Парижа исчерпывающих указаний о том, «какого курса следует придерживаться в дальнейших переговорах» [91]. Вильсон, рассказав в Совете четырех об этих донесениях, заметил, что у него сложилось мнение: «Брокдорф представляет крайнюю оппозицию нашим взглядам. Он готов пойти до конца, включая разрыв». Но есть другие, которые примут условия; лучше было бы иметь дело с банкиром Мельхиором. Опасения Вильсона, что возможен референдум, Клемансо самоуверенно парировал: «В этом случае я спокоен: они проголосуют за мир» [92].

28 апреля германская делегация во главе с Брокдорфом (с экспертами и персоналом — 160 человек), выехала в Париж. Накануне Брокдорфа посетил генерал Грёнер и напомнил, что делегации ни при каких обстоятельствах не следует соглашаться на признание Германии виновницей войны и на судебное преследование ответственных военных деятелей, ибо это затруднило бы сохранение боеспособной армии. Брокдорф получил также копию письма, в котором Эрцбергер писал Шейдеману о некомпетентности министра иностранных дел и об отсутствии в составе делегации

---

[90] PPC, v. XII, p. 82—83; *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 541—543.
[91] PPC, v. XII, p. 84. Телеграмма Дрезела Хаузу и Грю от 28 апреля 1919 г.
[92] CdQ, t. I, p. 351—352. Заседание 24 апреля 1919 г.

опытных дипломатов. Эберт и Шейдеман, правда, выразили по поводу поступка Эрцбергера живейшее сожаление и свое полное доверие Брокдорфу [93]. Но отношения двух министров, и до того натянутые, стали откровенно враждебными.

В этот день Дрезел телеграфировал в Париж, что, по его личному убеждению, основанному на большом количестве интервью, «нынешнее правительство откажется подписать мир, если условия его будут такими, как сообщает пресса». Пока правительство имеет в своем распоряжении организованные вооруженные силы, его будут поддерживать вся буржуазия, консервативные круги и бо́льшая часть народа. Впрочем, добавлял он, «в правительстве возможны изменения ввиду растущей непопулярности, особенно Шейдемана, Ландсберга и Носке» [94].

Более глубокий анализ ситуации и перспектив Дрезел и Осборн дали в общем отчете несколько дней спустя. Они пришли к заключению, что германское правительство своими выступлениями против подписания мира преследует только агитационные цели. Они указывали, что, как им было строго конфиденциально сообщено авторитетными лицами, дальше демонстраций дело не пойдет и «отклонение условий мира ни в коем случае не будет сопровождаться военным восстанием. Более вероятно, что все ограничится серией забастовок...» [95].

Только националистически-юнкерские и военные круги и некоторая часть крестьянства, зараженная шовинистическими идеями, сообщали Дрезел и Осборн, действительно настроены против подписания мира. Рабочие, а также банкиры и «капитаны промышленности» требуют принятия условий. «Финансовые и экономические советники правительства, действуя в контакте с капитанами промышленности и крупными финансистами, могут рекомендовать подписание, исходя из соображений, что условия практически приемлемы для экономического восстановления Германии». Такие соображения, вероятно, перевесят все другие, включая и сожаления о территориальных потерях [96].

Американские эмиссары, отмечая растущую непопулярность правительства в народе, указывали на то, что оно держится главным образом на штыках Носке и обязательно падет, если откажется подписать мир. Характеризуя его, они, не стесняясь в выражениях, называли его «совершенно бесчестным», слабым, оппортунистическим, состоящим из «пассивных псевдосоциалистов, еще более пассивных псевдодемократов и из лиц, претендующих основывать свой демократизм на католицизме»; указывали, что

[93] Kabinett Scheidemann, S. 244—245.
[94] PPC, v. XII, p. 85—86. Телеграмма Дрезела от 28 апреля 1919 г.
[95] Ibid., p. 112. Совместный отчет Дрезела и Осборна, 10 мая 1919 г.
[96] Ibid., p. 105, 111. Дрезел писал 3 мая: «Маловероятно, чтобы Национальное собрание отвергло мир... Сомнительно, чтобы шум был серьезным, и, наверно, правительство в конечном счете подпишет, особенно если ему удастся спасти свое лицо» (ibid., p. 89).

оно скомпрометировало себя в глазах народа недостаточной социалистической направленностью, что оно «зависит от милитаристов старого мира и от финансовой помощи крупной промышленности», и т. д. и т. п. [97]

В то же время Дрезел и Осборн, пытаясь установить, какая возможна альтернатива существующему правительству, провели много встреч с лидерами НСДПГ, в том числе с Каутским, Бернштейном, Гаазе, Коном, Деймигом, Брейтшейдом и др. [98] То, что Каутский, Бернштейн и Гаазе остались едва ли не последними в Германии «верными вильсонианцами», а партия была склонна заключить мир любой ценой,— это американцы оценивали положительно. Однако у них возникло подозрение, что независимцы (особенно Деймиг) имеют заднюю мысль: после подписания договора саботировать его с помощью «Интернационала и Советской России». Кроме того, Деймиг, Брейтшейд, Гаазе допускали возможность прихода к власти левого правительства, в том числе и с участием коммунистов. Такая перспектива показалась Дрезелу и Осборну столь опасной, что они, позабыв все, написанное ими о правительстве «веймарской коалиции», назвали его «единственной возможной комбинацией, содержащей элементы стабильности и достаточной, чтобы гарантировать выполнение условий мира», даже «серьезно демократическим». Они призывали оказать ему всестороннюю помощь займами, сырьем, продовольствием, публичными заявлениями и уступками в договоре (прежде всего в процедуре его принятия) [99].

Но не только миссия Дрезела — Осборна пыталась воздействовать на немцев накануне вручения им условий мира. Когда поезд с германской мирной делегацией прибыл в 2.15 ночи 29 апреля в Эссен, в вагон Брокдорфа вошел полковник Конджер. Поспешно (ибо хотел сойти в Дуйсбурге) он сообщил Брокдорфу, что, по его сведениям, условия мира еще окончательно не установлены и, возможно, будут предъявлены по частям. Главное было дальше: «Президент Вильсон,— заявил Конджер,— сделал все, что было в его власти, но достиг не всего. Положение чрезвычайно трудное; кое-что можно еще исправить, но *наступит время, когда нельзя будет продолжать переговоры, и тогда Германия должна будет подписать...*» Хотя решения о Сааре, Силезии, Данциге, видимо, не смогут быть пересмотрены, Конджер настойчиво советовал уступить. Если Германия подпишет, говорил он, ей будут «обеспечены симпатии Вильсона и американского народа и, возможно, уже через пять или десять лет (!) удастся осуществить модификацию». В противном же случае дело примет худший оборот, так как «Фош заявил, что Германия полностью бес-

---

[97] PPC, v. XII, p. 96, 97, 101, 122—123. Меморандум Осборна 24 и 30 апреля; совместный отчет 10 мая 1919 г.

[98] Примечательно, что тексты интервью с этими деятелями в публикации опущены.

[99] Ibid., p. 101, 116.

сильна и он ее поэтому... уничтожит; Америка хотела бы этого избежать» [100].

Вильсон, рассказав своим партнерам в Совете четырех о результатах проведенной разведки, назвал Эберта пессимистом, поскольку тот считает, что мир нельзя будет подписать, и в результате воцарится хаос. Эрцбергер — за подписание, если только будет возможно, и за получение американских коммерческих кредитов. Добрых отношений с Америкой и подписания мира хочет также наш «старый друг» Бернсторф, но пусть он лучше не появляется [101].

Германская делегация приехала в Версаль поздно вечером 30 апреля. Полковник Конджер в одном оказался совершенно прав: она прибыла слишком рано. Ей пришлось ожидать целую неделю, пока завершалось согласование и редактирование текста мирного договора и окончательно устанавливалась процедура дальнейшей работы конференции.

Брокдорф имел возможность еще раз обдумать перспективы. Он давно предвидел, что Германии на конференции будет противостоять «фаланга» противников. Встречи с Дрезелом и Конджером усилили мрачные предчувствия. Изоляция делегации в ее отеле, окруженном кордонами солдат и колючей проволокой, неприятная процедура проверки полномочий, томительное ожидание не предвещали ничего хорошего. Вдобавок 2 мая немцами была перехвачена американская радиограмма, из которой они узнали, что державы-победительницы вообще не предусматривают на конференции устных переговоров со своими противниками [102]. Главная надежда Брокдорфа и германской делегации — в ходе переговоров прорвать единый фронт противников — рушилась.

«Принять или отклонить!»

7 мая 1919 г. в Белом зале Трианонского дворца президент мирной конференции Клемансо произнес, обращаясь к делегации Германии, краткую речь: «Здесь не место и не время для лишних слов. Перед вами собрание уполномоченных малых и больших стран, которые объединились, чтобы выиграть ужасную войну, которая была им навязана. Час расплаты наступил. Вы просили нас о мире. Мы намерены дать вам его. Мы вручаем вам книгу мира...». Клемансо напомнил, что это будет «второй Версальский мир», купленный дорогой ценой. Устных переговоров, заявил он,

---

[100] *Epstein K.* Zwischen Compiègne und Versailles, S. 425—426; *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 552—552. Последний опирается также на неопубликованную запись Брокдорфа и на доклад Конджера генералу Блиссу.

[101] CdQ, t. I, p. 446—447. Заседание 1 мая 1919 г. И. Бернсторф был в 1908—1917 гг. послом Германии в Вашингтоне.

[102] См.: *Nowak K.* Versailles, S. 218—219, 246—248; *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 528, 566.

не будет; свои замечания германские делегаты должны передать письменно. Текст мирного договора в белом переплете лег на стол перед немецкой делегацией.

Тогда Брокдорф-Ранцау, не поднимаясь с места, начал читать ответную речь. Из двух заготовленных вариантов он выбрал более обстоятельный, полагая, что должен сполна использовать единственную возможность устного ответа. «Мы не обманываемся,— говорил он,— относительно масштаба нашего поражения, причины нашего бессилия. Мы знаем, что сила немецкого оружия сломлена. Мы ощущаем, сколь велика обращенная против нас ненависть, и мы слышали страстное требование, чтобы победители заставили нас платить как побежденных и наказали нас как виновных. От нас требуют, чтобы мы признали себя единственными виновниками войны; такое признание в моих устах было бы ложью». Он говорил далее об империализме всех европейских государств, признавал частичную вину Германии, ссылался на «принципы президента Вильсона». Соглашаясь на частичное возмещение ущерба и на восстановление разрушений в Бельгии и Северной Франции, Брокдорф вместе с тем предостерегал, что экономический крах Германии не только лишил бы претендующих на компенсации их выгод, но и привел бы к невообразимому хаосу во всей Европе. Он закончил обещанием изучить переданный документ «с доброй волей и в надежде, что конечный результат нашей встречи сможет быть подписан всеми» [103]. Заседание продолжалось 45 минут. Германии был дан двухнедельный срок для представления письменных замечаний [104].

Выступление Брокдорфа, несомненно, произвело впечатление на мировую общественность. Однако не такое, на какое он рассчитывал. Едва ли кто оценил его «достойное» поведение. А участники заседания сочли его «вызывающим», некоторые говорили даже, что немцы создали себе «вторую Марну». Президент Вильсон усмотрел в речи Брокдорфа, «неоткровенной и типично прусской», также и афронт, направленный против него лично. Нет, впрочем, оснований полагать, что иное поведение германской делегации (даже самое униженное) могло бы существенно изменить то, что после долгих споров было уже внесено в «книгу мира» [105].

Когда германские делегаты ознакомились с текстом договора, содержавшим на 208 страницах 440 статей, они убедились, что условия намного тяжелее тех, к которым они были подготовлены. Таково же было впечатление в Берлине, где договор был получен

---

[103] *Nowak K.* Versailles, S. 256—265; Der Kampf um den Rechtsfrieden. Die Urkunden der Friedensverhandlungen (далее — Urkunden). Berlin, 1919, S. 23—29.

[104] Срок предложил Ллойд Джордж. Вильсон попробовал возразить, но Клемансо парировал: «Немцы не будут более удовлетворены этим документом и по истечении 50 дней» (CdQ, t. I, p. 286, 295. Заседания 26 и 28 апреля 1919 г.).

[105] См.: *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 580—583; *Schulz G.* Revolutionen und Friedensschlüsse 1917—1920. 2. Aufl. München, 1969, S. 218.

ночью. Утренние газеты 8 мая начали пересказывать его содержание, неизвестное еще прессе стран Согласия.

Открывая 8 мая в 11 часов утра заседание кабинета, Эберт просил собравшихся, несмотря на «дрожь волнения, охватившую всех присутствующих в связи с известными теперь условиями мира Антанты», спокойно рассмотреть ситуацию. Все члены кабинета сошлись на том, что условия далеко превзошли худшие ожидания, невыносимы не только психологически, но и экономически не могут стать основой длительного мира.

Вместе с тем было единодушно решено: не прерывать немедленно переговоров заявлением о «неприемлемости», а «временно отодвинуть вопрос о принятии или отклонении и со всей энергией начать переговоры». Брокдорфу было поручено заявить о «невыносимых и невыполнимых условиях» (используя именно эти слова), затем просить о разъяснении неясных положений и непонятных обоснований. Кабинет не согласился с предложением прусского правительства ввести осадное положение во всей стране[106] (оно действовало в то время во многих районах, где правительственные войска подавляли революционные выступления трудящихся), зато объявил общий недельный траур. Членов иностранных военных миссий предупредили, что им лучше появляться на улицах только в штатском платье, «дабы не подвергать себя нападениям возмущенного населения». Была намечена обширная программа пропагандистских мероприятий[107]. Это был сигнал к значительному усилению той националистической кампании, которая началась еще полтора месяца назад.

Вечером на заседании «Комитета мира», созданного Национальным собранием еще в апреле, президент Национального собрания Ференбах заявил, что проект мирного договора, врученный германской делегации в Париже, означает «порабощение немецкого народа». Шейдеман в правительственном заявлении со свойственной ему экспрессией возгласил, что стоит «у могилы немецкого народа», ибо условия мира — не что иное, как «отсроченный смертный приговор». В принятой комитетом резолюции содержались предписанные правительством слова о договоре «невыносимом и невыполнимом», выражалась надежда, что, быть может, переговоры сделают его «выносимым и выполнимым»[108].

9 мая газеты опубликовали воззвание правительства к народу, выдержанное в таком же духе. В нем говорилось об обманутых надеждах, о «насилии без меры и границ». Перед лицом «опасности уничтожения немецкий народ и избранное им самим правительство должны держаться вместе. Без различия партий Германия должна сплотиться в единодушном порыве, сохранить немецкий народ и обретенную свободу...». Специальное обращение

---

[106] ZStA Merseburg. Preußisches Staatsministerium, Rep. 90ª, Abt. B, Tit. II 2b, Nr. 6, Bl. 85. Заседание 7 мая 1919 г.

[107] Kabinett Scheidemann, S. 303—306. Заседание 8 мая 1919 г.

[108] Die Freiheit, 9.V 1919. Morgenausgabe.

имперского и прусского правительств было адресовано населению «угрожаемых» областей на Востоке страны [109].

В центре внимания кабинета стоял в этот день вопрос о том, «в каком объеме правительство должно воздействовать на выражение населением возмущения». Уже сама постановка вопроса свидетельствовала о растерянности: с одной стороны — явное желание разжечь пламя «всенародного возмущения», с другой — боязнь, как бы пожар не вышел из рамок. Все сошлись в конце концов на следующем: «Выражениям всеобщего возмущения в принципе не следует мешать, пока они ограничиваются письменными и устными протестами. Собрания и демонстрации, поскольку это допускает внутренняя безопасность, тоже не должны подавляться». Это решение, принятое через неделю после кровавой оргии белогвардейцев в Мюнхене, не относилось к праву рабочих отстаивать свои жизненные интересы и права. Напротив, кампания как раз и должна была, по замыслу правителей, преодолеть их изоляцию от широких народных масс, вызванную политикой кровавого подавления революционных выступлений. Они рассчитывали подняться на этой волне до роли выразителей «всенародной воли» и мечтали о том, чтобы «рабочие, буржуа и чиновники сплотились в едином стремлении помочь правительству добиться иного мира».

Именно поэтому кабинет не хотел, чтобы руководство движением «попало в руки консервативных и гакатистских [110] кругов», был озабочен тем, чтобы пропаганда не заостряла вопрос — принять или отклонить мир, а прежде всего сплачивала народ лозунгами: мир «невыносим» и «невыполним». Но не все члены кабинета были с этим согласны. Некоторые считали, что национализм следует разжигать более сильными выражениями. «Нельзя возражать,—говорили они,—если население с бóльшим возмущением и определенностью будет применять в своих выступлениях слово „неприемлем“. Договорились лишь, что правительство не будет считать себя этим лозунгом связанным [111].

Развязанная правительством кампания против «насильственного мира» быстро ширилась. Газеты наперебой жонглировали словечками «неприемлем», «внутренне невозможен», «гибелен» и т. п. [112] Американский наблюдатель Ч. Дайер, оставленный Дрезелом в Берлине для информации, докладывал 10 мая, что «положение очень напряженное». Шок был тем сильнее, что пропаганда долгое время внушала надежду на розовый «Вильсоновский мир». Теперь же президент Вильсон и Соединенные Штаты

---

[109] Vorwärts, 9.V 1919. Morgenausgabe.

[110] Гакатистами называли воинствующих националистов, создавших «Союз Остмарк», по первым буквам фамилий его руководителей: Ганземан, Кённеман, Тидеман. См.: *Galos A., Gentzen F. H., Jakobszyk W.* Die Hakatisten. Berlin, 1966.

[111] Kabinett Scheidemann, S. 307—308. Заседание 9 мая 1919 г.

[112] См.: *Ruge W.* Zur Taktik..., S. 1111.

стали «жертвой самых едких атак»: «Союзники нарушили торжественно данное слово, а президент Вильсон оказался величайшим лицемером мировой истории» [113]. По мнению Дайера, социалистическая Германия «стала бы серьезной опасностью для правительств победителей» [114].

Пропагандистской кульминацией, как было задумано еще до получения условий мира, должно было стать демонстративное заседание Национального собрания, специально перенесенное из Веймара в столицу. Оно открылось 12 мая в 3 часа дня в актовом зале Берлинского университета. С правительственным заявлением выступил Шейдеман. Он взывал к национальным чувствам немецкого народа, «живое тело которого собирается расчленить нож убийцы». Если условия мира, предложенные в Версале, будут приняты, говорил он, Германия лишится всего, что останется за ее суженными границами: колоний, концессий, соглашений, собственности. На нее будет возложено возмещение всего ущерба, причиненного войной. Но главным в его речи, в которой угрозы перемежались с обидами, жалобы с сентиментальными возгласами, был тезис: *«Этот договор, по мнению имперского правительства, неприемлем»*.

Тезис этот был включен в заявление Шейдемана по предложению немецких демократов всего за несколько часов до выступления [115]. Отбросив «умеренность» первых дней, правительство решило шире открыть ворота шовинизму. Когда утихли аплодисменты, Шейдеман продолжал: «Этот договор столь неприемлем, что я не в силах понять, как земля терпит такую книгу без того, чтобы из миллионов и миллионов глоток во всех странах, независимо от различия партий, не раздался клич: долой этот убийственный план!» Еще до этого он воскликнул: «Я спрашиваю вас: кто как честный человек, я не хочу сказать как немец... согласится на такие условия? Какая рука не отсохнет, будучи вынуждена наложить на себя и на нас такие оковы?» [116]

Вслед за Шейдеманом тезис «неприемлем!» с различным темпераментом и в разной тональности повторяли ораторы социал-

---

[113] На заседании кабинета 11 мая было даже высказано мнение, что американская сторона воспринимает нападки на Вильсона как средство укрепить его позиции (?!). Однако Эрцбергер, Дернбург и Бернсторф высказались против личных выпадов, по крайней мере с официальной стороны (Kabinett Scheidemann, S. 311).

[114] PPC, v. XII, p. 119—120. Донесение от 10 мая 1919 г.

[115] Kabinett Scheidemann, S. 315. Заседание 12 мая 1919 г. См. также: *Scheidemann Ph.* Memoiren eines Sozialdemokraten, Bd. II. Dresden, 1928, S. 365; *Erzberger M.* Erlebnisse..., S. 368.

[116] VDNV, Bd. 327, S. 1082—1084. Несколько дней спустя выяснилось, что иностранным корреспондентам речь Шейдемана была роздана до заседания кабинета и потому не содержала главного тезиса (Die Freiheit, 19.V 1919. Abendausgabe). Поэтому Ллойд Джордж, прочитав ее изложение, сказал своим партнерам, что она равно может быть предисловием к подписанию и к отказу от подписи (CdQ, t. II, p. 53. Заседание 13 мая 1919 г.). Днем позже Клемансо сообщил о перехвате радиограммы Брок-

демократов Гирш и Г. Мюллер, немецких демократов — Гаусман и Блюнк, партии центра — Грёбер и Битта, немецкой народной партии — Штреземан и Дона, немецких националистов — Позадовский, а также депутаты от «угрожаемых» областей. В шовинистическом многоголосии можно было расслышать и слова о «бесчестье», о «возмездии». Но до конца нажал на эту педаль в заключительной речи президент Национального собрания Ференбах. Он без обиняков заявил, что не Германия, а Антанта виновна в войне. Перефразируя Вергилия, он воскликнул: «Memores estote, inimici, ex ossibus ultor!» («Помните, враги, что восстанут из костей мстители») — и продолжал: «И в будущем немецкие жены будут рожать детей, и дети эти разобьют цепи рабства и сотрут позор, которым хотят нас покрыть». Закончил он под бурные аплодисменты словами известной песни: «Германия в мире превыше всего!» [117]. Это было уже слишком, даже для самих организаторов демонстрации. Перепуганные члены кабинета с опаской ожидали откликов из-за границы, а пока что осторожно отмежевались от Ференбаха [118]. Но ничего не случилось, и на следующий день все по сходному сценарию было повторено на заседании Прусского земельного собрания [119].

В то время как правительство веймарской коалиции и все реакционно-милитаристские круги дружно провозгласили «не подпишем!» [120], НСДПГ выдвинула противоположный лозунг: «Мы должны подписать!» Партия, впрочем, не сразу отважилась на такой шаг: решительность отнюдь не была главным качеством большинства ее лидеров. С первых дней революции их позиция в вопросах внешней политики отличалась от курса правых социал-демократов лишь большей данью революционной фразеологии. Однако ход событий и особенно растущее давление со стороны

дорфа из Версаля, в которой тот одобрял тон речей Шейдемана и Ференбаха, поскольку протесты способствуют усилиям делегации убедить противников дать Германии приемлемый мир. Вильсон усмотрел в этом доказательство, что речь идет о блефе, а не о желании отвергнуть подписание. Ллойд Джордж увидел проявление страха перед военной оккупацией в случае отказа от подписи (ibid., p. 73. Заседание 14 мая 1919 г.).

117 VDNV, Bd. 327, S. 1110—1111; *Morsey R.* Die Zentrumspartei, S, 183.

118 Kabinett Scheidemann, S. 317. Заседание 13 мая 1919 г.; Die Freiheit, 14.V 1919. Morgenausgabe.

119 ZStA Merseburg. Preußisches Staatsministerum, Rep. 90[a], Abt. B, Tit. II 2b, Nr. 6, Bl. 87—88.

120 Впрочем, изредка встречались и иные мнения. В делах Бюро рейхспрезидента сохранился специальный оттиск из «Allgemeine Zeitung», выходившей в Хемнице, от 11 мая 1919 г. В статье без подписи «Брокдорф-Ранцау — как он должен был бы выступить» предлагался «вариант» речи Брокдорфа в Версале, в котором все обвинения в адрес Германии отвергались в духе пропаганды пангерманцев. Вместе с тем в заключение говорилось о необходимости подписать мир, ибо нет иного выбора: «Если бы мы, как Венгрия, в отчаянии бросились в руки большевизма, это было бы безумием». Нет, надо подписать, но... не выполнять (ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 670, Bl. 61).

революционных рабочих заставили НСДПГ все более энергично осуждать зависимость правительства от военщины, агрессию в Прибалтике, отказ от нормализации отношений с Советской Россией, угодничество перед Антантой.

14 апреля газета «Die Freiheit», отвергнув «пугало большевизма», отмежевалась от политики, которая хочет посредством «разжигания шовинистических инстинктов внушить народу преступную идею войны-реванша» [121]. В этот же день Второй всегерманский съезд Советов принял совместно внесенную группой независимцев и социал-демократов резолюцию. Она осуждала внешнюю политику правительства, особенно ведение переговоров о перемирии Эрцбергером, способное лишь обострить противоречия между Германией и Францией [122]. Имея в виду сокрытие от общественности радиообращения Чичерина «Ко всем Советам рабочих и солдат Германии», съезд осудил то, что «немецкий народ совершенно искаженно информируют о положении за границей», что от него «систематически скрывают факты, доказывающие возможность соглашения с другими народами, особенно с Францией и Россией». Съезд потребовал от правительства «немедленного прекращения враждебных действий против России и установления дружественных отношений со всеми народами» [123].

Постепенно в НСДПГ вызревала мысль, что идея «неподписания мира» становится опасной игрой с огнем. Не производя впечатления на Антанту, она дает реакционным силам в Германии «удобный повод погреть руки на зажженном огоньке» шовинизма. Эберту и Шейдеману вместо выступлений перед заграницей в роли «атлетов национализма» лучше обратить больше внимания на рост опасности справа [124].

Каутский выступил с пространными рассуждениями о двух возможностях: подписать в надежде на последующую ревизию или отказаться от подписи. Последнее грозит возобновлением войны, ибо никаких реальных признаков близкого переворота в странах Антанты нет. Это была бы азартная игра в стиле Людендорфа. Неподписание приведет к экономической катастрофе, ко «все более диким революционным судорогам» и если не к «большевизму», то к распаду общества и государства. Он подводил к выводу, что Германии все же придется подписать тяжелый мир [125].

---

[121] Die Freiheit, 14.IV 1919. Abendausgabe.

[122] Докладчик социал-демократ М. Коэн был сторонником «континентальной политики», которую проповедовал журнал «Sozialistische Monatshefte». Он считал, что Германия должна искать прежде всего соглашения с Францией, а не с англосаксами, призывал устранить скомпрометированных деятелей — Эрцбергера, Давида, Шейдемана, Эберта, Брокдорфа. См.: Zentralrat, S. 754—755.

[123] II. Rätekongress, S. 243—251, 267.

[124] Die Freiheit, 22.IV 1919. Morgenausgabe.

[125] Die Freiheit, 24.IV 1919. Morgen- und Abendausgabe.

Затем появилась на свет и давно, казалось бы, забытая идея «чисто социалистического правительства». В начале мая французская газета «Populaire» опубликовала беседу в Амстердаме своего политического редактора Ж. Лонге с Гаазе. Последний бодро утверждал, что «германское правительство с Эрцбергером и другими фигурами старого режима с их темным прошлым абсолютно дискредитировано и время его скоро кончится». Он, Гаазе, «безусловно верит в *скорое создание чисто социалистического правительства.* Даже отдельные буржуазные деятели считают его единственным логическим следствием ситуации. В нем примут участие социал-демократы большинства, независимые и коммунисты». Предпосылкой сожительства с правыми социал-демократами Гаазе объявил их «самоочищение посредством выдворения скомпрометированных вождей — Шейдемана, Ландсберга, Эберта и Носке». Признав, что влияние коммунистов выросло и рабочие почти повсеместно требуют «*воссоединения нашей партии с коммунистами*», он утверждал: это «коммунисты вернутся к нам» [126]. Несмотря на явный «сверхоптимизм» прогнозов и их весьма сомнительное обоснование, тон Гаазе был симптомом сдвигов, совершавшихся в настроениях пролетарских масс Германии.

Независимцы теперь обнаружили, что вся восточная политика Германии провалилась, оказалась лишь «кучей черепков» [127]. Наивно было ожидать, что деятели Антанты равнодушно пройдут мимо вины Германии за развязывание войны, за бесчисленные военные преступления, что они преисполнятся доверия к «новой» Германии, демократизация которой — лишь вывеска [128].

8 мая, в день «национального траура», вечерний выпуск газеты «Die Freiheit» вышел под шапкой: «Мы должны подписать!» Условия, продиктованные империалистами Антанты, говорилось в передовой статье Р. Гильфердинга [129], суровы и тягостны. «То, что было начато преступным насилием германского милитаризма, завершает сейчас слепое яростное насилие победителей. И за преступления господствующих классов приходится расплачиваться народам». Протестуя против насильственных требований, статья выражала убеждение, что мир все же должен быть заключен.

«Мы *должны* подписать,— подчеркивалось в статье,— ибо опыт показывает, что отказ от подписи не уменьшает несчастья, а увеличивает его». Советская Россия, Ленин, после того как они с полным моральным правом отказались подписать позорный Брестский мир, тоже ведь были вынуждены согласиться с еще более тяжелым миром. Те, кто советует отказаться от подписи, ни одним словом не говорят о том, как они представляют себе

---

[126] Die Freiheit, 7.V 1919. Morgenausgabe.
[127] Die Freiheit, 7.V 1919. Abendausgabe.
[128] Die Freiheit, 8.V 1919. Morgenausgabe.
[129] В газете статья не была подписана, но в сборнике «Annehmen oder ablehnen?», выпущенном вскоре, автор назван.

последствия отказа. Между тем Антанта несомненно оккупирует территории на западе и востоке страны, полностью лишит Германию источников сырья, угля и железа, вызовет экономическую катастрофу и вынудит ее к капитуляции через короткое время. «Мы *можем* подписать! Ибо мы твердо убеждены, что положения мирного договора, нарушающие право народов на самоопределение и несущие наемное рабство в угоду империалистам Антанты, *не смогут существовать долго*» [130].

В этот же день в Прусском земельном собрании А. Гофман огласил заявление фракции НСДПГ. Вина за тяжелые условия насильственного мира и за бедствия Германии, говорилось в нем, ложится прежде всего «*на носителей империалистической политики насилия и разбоя*, на все буржуазные партии, а также с августа 1914 г. *на национальных социалистов*». Эти партии, заявил он, «не имеют поэтому права возмущаться насильственным миром в Версале». Кроме того, как общая позиция германского правительства, так и состав мирной делегации «мало пригодны для достижения лучших условий». Из-за возникшего скандала заседание пришлось прервать [131]. Президент Эберт на следующий день специально посоветовал партиям прусского собрания при обсуждении условий мира выдвигать на первый план «деловую критику отдельных положений» [132].

В ответ на призывы правительства Шейдемана к «национальной консолидации» и сплочению народа «без различия партий», даже фразеологически напоминавшие прокламацию кайзера в первые дни войны [133], «Die Freiheit» протестовала против нового варианта «гражданского мира». Не может быть, писала она, доверия правительству, которое «вновь возродило милитаризм и тем самым дает загранице повод быть суровой, которое на Востоке продолжает политику насилия, тогда как для себя требует политики права». Ведь «единение и осадное положение соотносятся, как огонь и вода... Это комедия, это ложь». Каутский, позабыв, что писал совсем недавно, даже пророчил теперь революцию... в странах-победительницах: «Во Франции и в Англии, как и в Польше, нам следует ожидать, и в не очень отдаленном времени, *крушения системы*, создающей нынешний мир, а тем самым и его ревизии в духе полнейшего самоопределения» [134]. Старые иллюзии заменялись новыми.

Воззвание «НСДПГ и мир», характеризуя проект мирного договора как империалистический, напоминало, что такой же характер носили договоры, навязанные Германией в Брест-Литовске и

---

[130] Die Freiheit, 8.V 1919. Abendausgabe.
[131] Protokolle der Sitzungen der Preußischen Verfassunggebenden Landesversammlung. Berlin, [s. d.], S. 1495. Заседание 8 мая 1919 г.
[132] Kabinett Scheidemann, S. 308. Заседание 9 мая 1919 г.
[133] См.: *Ruge W.* Zur chauvinistischen Propaganda gegen den Versailler Vertrag 1919 bis 1929.— Jahrbuch für Geschichte, Berlin, 1966, Bd. 1, S. 74.
[134] Die Freiheit, 9., 10., 11.V 1919. Morgenausgabe.

Бухаресте. Призывая подчиниться принуждению и подписать договор, партия выражала надежду на прогресс пролетарской революции во всем мире. На основе этого документа в Берлине было проведено 40 многолюдных народных собраний, закончившихся уличным шествием. Социал-демократы противопоставили этому один митинг. Символично было, как заметил журналист, что он состоялся на «королевской» площади, под сенью позолоченной «колонны победы», бронзового Бисмарка и железного Гинденбурга [135].

На заседании Национального собрания в Берлине 12 мая речь Гаазе резким диссонансом нарушила стройность шовинистического хора. Он осудил попытки империалистов и милитаристов снять с себя вину за военную катастрофу Германии и переложить ее на революцию. Правительство, говорил он, хочет связать призывы к единению народа с чудовищным провоцированием рабочих в Рурской области и в Лейпциге. Это безумие и преступление. В то же время Гаазе опроверг слухи, будто НСДПГ готова взять на себя задачу подписания мира. Нет, заявил он, «обязанность тех партий, которые поддерживали военную политику, осуществить и завершение войны» [136]. Разъясняя на следующий день эту мысль, газета «Die Freiheit» заметила, что НСДПГ сознает: «У партии сейчас перед лицом разбуженного национализма и раскола рабочего класса отсутствует *сила*. Правые социалисты, разоружив рабочий класс, вооружив буржуазию и крестьян, восстановив милитаризм гвардии Носке, позаботились о том, чтобы ситуация стала действительно отчаянной» [137]. Это было признанием того, что идея «чисто социалистического» правительства оказалась мыльным пузырем. Однако прямолинейный лозунг «подписать мир», хотя он был во многом неверно аргументирован, партия продолжала пропагандировать.

Иную позицию заняла Коммунистическая партия Германии. Еще на Учредительном съезде КПГ Р. Люксембург говорила об опасности создания «мирового союза капиталистов всех стран против борющегося пролетариата всего мира» [139]. К. Либкнехт видел, что германский империализм рассчитывает собраться с силами при помощи империалистов других стран и за счет совместного удушения и ограбления Советской России. «Германские капиталисты,— предупреждал он,— решили броситься на шею империалистам Антанты, а Шейдеман и К° хотят сыграть в этом деле роль посредников». Он считал, что германский пролетариат в большом долгу перед российским, в частности он «виновен в том, что Эберт и Шейдеман все еще сидят в правительстве, что правительство Эберта — Шейдемана еще и сейчас может выпаши-

---

[135] Die Freiheit, 12., 14.V 1919. Morgenausgabe.
[136] VDNV, Bd. 327, S. 1102—1104.
[137] Die Freiheit, 14.V 1919. Morgenausgabe.
[138] Protokoll des Gründungsparteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands (30. Dezember 1918—1. Januar 1919). Berlin, 1972, S. 222.

вать планы совместных с Антантой военных действий против России». Союз с Советской Россией германский пролетариат должен заслужить своей революционной борьбой [139].

Немецкие пролетарии энергичными протестами действительно затрудняли правителям и военщине развертывание военных операций на Востоке. Газета коммунистов еще до объявления мирных условий раскрыла подоплеку шумных споров относительно подписания мирного договора. «Отказ,— писала она,— от подписи под пактом победоносного империализма Антанты лишь тогда имел бы смысл, если бы он одновременно был подписью под договором о дружбе с пролетарской революцией на Востоке». Отказ от подписи должен означать революционную оборону страны, но такая оборона была бы возможна лишь в том случае, если бы у власти стояло действительно народное правительство. Со стороны же правительства кровавых палачей немецких рабочих и принятие мира и отказ от него имеют одинаково роковое значение. «Отказ эбертовского правительства от подписи выдаст безоружную и лишенную друзей нацию безграничной мести буржуазии Антанты. Подпись, поставленная им, обречет народ на более медленную, но тем более мучительную гибель под двойным гнетом эксплуатации своего собственного и иностранного капитала». Поэтому, заключала газета, действительно кардинальный вопрос состоит не в том, «подписать или не подписывать?», а в том, чтобы Эберт, Шейдеман, Носке были отстранены от власти [140].

Спустя неделю газета была разгромлена карателями генерала Меркера в Лейпциге и только через 9 месяцев коммунистам удалось возобновить ее выпуск. 19 мая 1919 г. ЦК КПГ опубликовал в газете «Der Kämpfer» свои «Тезисы о мире». В них говорилось, что условия Антанты — итог положения Германии после «проигранной империалистической превентивной войны» и «нового укрепления империалистических классов с помощью правительства мнимой революции и действительной контрреволюции». Его политика привела к возрождению варварского милитаризма, сохранению господства старой бюрократии, разрушению производительных сил, внешнеполитической изоляции. Попытки использовать противоречия между победителями, обыграть революционное брожение в странах Антанты, размахивать пугалом большевизма провалились. Антанта использует это банкротство для удушения также и грядущей пролетарской революции. Условия Версаля отличаются от условий Брест-Литовска только большей изощренностью и систематичностью. Возможность сопротивления заранее парализована господством в Германии контрреволюции и капитализма, что исключает военный союз с Советской Россией и Венгрией, тормозит революцию в странах Антан-

---

[139] *Liebknecht K.* Rede auf dem Gründungsparteitag der KPD.— Archiv für Sozialgeschichte, Bd. XIII. Bonn, 1973, S. 395—396. Ежегодник германской истории. 1976. М., 1977, с. 295.

[140] Die Rote Fahne, 30.IV 1919.

ты. Только свержение господства буржуазии сможет обеспечить помощь со стороны российского и венгерского пролетариата, «окрылит революцию в Австрии, Польше, Чехии, Югославии и в странах Антанты».

Однако из этой справедливой критики делался вывод: «Коммунистическая партия поэтому *отвергает* как *принятие* условий мира, которые будут продиктованы правительству Эберта или любому следующему коалиционному правительству, не опирающемуся на пролетарскую диктатуру, так и *отклонение* их таким правительством, ибо это одинаково пагубно для пролетариата» [141]. Как пропагандистский лозунг этот тезис способствовал разоблачению правительства и стоявших за ним сил. Но он не имел выхода в практическую политику, оставался абстрактной декларацией. В нем содержался элемент пассивности, недооценки значения национального вопроса. Он отражал преобладавшее тогда в КПГ мнение о предстоявшей в самом близком времени пролетарской революции и вместе с тем неверие в возможность создания широкого союза для борьбы за демократический мир [142].

Примечательно, что тесную связь между мирным договором с Антантой и отношениями Германии с Советской Россией видели не только революционеры, но и — в ином преломлении — некоторые представители буржуазии. Так, член секретной американской миссии в Германии Осборн, призывавший всемерно поддержать существующее правительство, обосновывал это так: «Социалистическое правительство, повернувшись к России, получая от нее моральную поддержку и имея надежду на материальную помощь большевиков, могло бы существовать и без активного сотрудничества с нами. Однако никакое несоциалистическое правительство не может существовать здесь без нашей поддержки». Наиболее вероятным представлялось Осборну следующее развитие событий: «Принятие нынешним правительством мирных условий без проведения народного опроса с тайным намерением не выполнять их; союз правительства с националистическими элементами на основе политики реванша при растущей оппозиции слева» [143]. Осборну нельзя отказать в прозорливости.

В Советской России, которая вела в эти месяцы ожесточенные бои против Колчака и иностранных интервентов, представления о будущем мире неразрывно связывались с надеждой на дальнейшее развитие международной революции. Наступление белогвардейцев и интервентов на Советскую Россию, угрозы Антанты Советской Венгрии, подавление Советской республики в Баварии были тем фоном, на котором жестокие условия Версальско-

---

[141] Leitsätze über den Frieden.— Die Internationale. Berlin, H. 2/3, S. 28—32; Dokumente und Materialien, Bd. VII/1. Berlin, 1966, S. 86—91.

[142] См.: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 3. Berlin, 1966, S. 234—235, 557—559; *Ruge W.* Zur chauvinistischen Propaganda..., S. 68—74.

[143] PPC, v. XII, p. 101. Меморандум Литгоу Осборна от 24 апреля 1919 г.

го мира оценивались как попытка богатейших империалистических держав задушить поверженного конкурента. В. И. Ленин еще накануне германской революции предвидел, что Антанта готовит для Германии «мир, полный настоящего удушения, мир более насильнический, чем мир Брестский» [144]. Поэтому все симпатии советских людей были на стороне трудящихся Германии. Ведь это на их плечи должны были лечь тяготы империалистического мира. От отчаяния, писала «Правда», немецкий народ может спасти, как в свое время русский, только вера в торжество мировой революции [145].

Указывалось при этом и на принципиальное различие ситуаций: стоящие у власти в Германии шейдемановцы и буржуазия не способны вести революционную войну; «восточная ориентация», союз с большевистской Россией — не для убийц Либкнехта, не для палача Носке [146]. В дополнении к проекту обращения к немецкому народу Ленин с небывалой дотоле резкостью предупредил, что, пока немецкие рабочие терпят у власти Шейдеманов и их партию, «до тех пор о спасении немецкого народа не может быть и речи». Он остается «рабом буржуазии и *соучастником* ее преступлений», точно так же как «соучастниками зверства и преступлений буржуазии французской, английской, американской остаются „социалисты“ Антанты» [147].

Исполком Коминтерна в воззвании «К трудящимся всего мира!» подчеркнул, что «империализм любой коалиции одинаково кровожаден», а «Версаль становится новым Брестом» [148].

Наглым и заносчивым немецким воякам в Брест-Литовске и не снилось, что через 15 месяцев им будет предъявлен «еще более тяжелый счет торжествующим победителем»,— писал В. В. Воровский в статье «Немецкий Брест». Он продолжал: «Если рассматривать отдельные требования стран Согласия независимо от того, кто и при каких условиях их ставит, можно, пожалуй, прийти в умиление. Подумайте: уничтожается в Германии милитаризм, худший из милитаризмов. Отделяются от нее территории, в значительной части населенные иноплеменниками — поляками, датчанами, французами,— и присоединяются к родственным народам. Исправляются вековые несправедливости, восстанавливаются насилием попранные права. Но, увы, все это одна видимость, ибо социальная и нравственная сторона вопроса решается именно тем, кто, при каких обстоятельствах и с какой целью это делает. И когда такие меры принимаются победившими насильниками, спешащими содрать шкуру с насильника по-

---

[144] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 163.
[145] Правда, 12 мая 1919 г.
[146] Правда, 15 мая 1919 г.
[147] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 379—380.
[148] Правда, 15 мая 1919 г.

бежденного, то в этом нет ничего, что могло бы приблизить нас к действительному миру на началах справедливости и свободы, а есть лишь новая полоса в жизни торжествующего империализма»[149].

16 мая 1919 г. в Берлине была получена радиограмма наркома иностранных дел РСФСР Чичерина к трудящимся Германии: «В этот трудный час, когда немецкие трудовые массы переживают ужасное испытание под ударами победоносного империализма, революционные рабочие и крестьяне России шлют им свой *братский привет*, выражения своего *участия, симпатии и братской солидарности*». Характеризуя условия мира как насильственные и преступные, обрекающие немецкий народ на рабский труд, Чичерин видел в них проявления бесстыдства и жестокости победителей[150].

Хотя в странах-победительницах власть имущие всячески разжигали шовинистическую свистопляску, ликуя по поводу предстоящего «наказания» Германии, рабочие многих стран увидели в Версальском мире орудие торжествующего империализма. Газета французских социалистов «L'Humanité» писала, что договор нисколько не умаляет опасности новых войн. На ее страницах с выражениями солидарности с немецким народом выступали М. Кашен, Р. Роллан. В противовес шовинистам все социалистические фракции и группы французского парламента единодушно осудили договор. Была создана специальная комиссия для его детального изучения[151]. Английские лейбористы в публичных выступлениях и в газете «Daily Herald» осуждали «отход Вильсона от его идеалов», говорили о несправедливости многих требований договора, о возобновлении старой возни вокруг «стратегических границ» и «военных гарантий». Ленсбери, Нейл, Маклин и другие указывали, что договор содержит зародыши новых международных конфликтов[152].

Откликнулся и комитет Бернского Интернационала. В принятом 12 мая манифесте говорилось о несправедливости мирного договора, предлагалось «усовершенствовать» устав Лиги наций, ограничить не только немецкий, но и европейский милитаризм, руководствоваться при установлении границ правом наций на самоопределение, исправить другие «ошибки» договора. Комитет адресовал манифест правительствам и поручил своим представителям «установить контакт с Советом четырех»[153]. Газета француз-

---

[149] Правда, 18 мая 1919 г. Статья подписана псевдонимом: П. Орловский.

[150] Цит. по: Die Freiheit, 17.V 1919. Abendausgabe. Обратный перевод с немецкого. В беседе с корреспондентом «Известий», опубликованной 13 и 14 мая, Чичерин сказал, что «Версальский договор — это не документ мира, а документ увековечения войны», это «вызов, брошенный всему рабочему движению», это «обострение всех мировых антагонизмов».

[151] L'Humanité. 11, 12, 20, 22.V 1919.

[152] Цит. по: Die Freiheit, 9.V 1919. Abendausgabe; 22.V 1919 Abendausgabe.

[153] См. L'Humanité, 13.V 1919.

ских социалистов «Populaire» иронически отметила, что комитет обращается не к народам, просит, а не требует, робко констатирует, вместо того чтобы решительно осуждать. Комитет не был принят Советом четырех, а Ллойд Джордж поручил ответить Гендерсону: «Поскольку условия мира переданы Германии, нет смысла их обсуждать» [154].

Главы держав-победительниц после вручения Германии жестких условий, разумеется, не испытывали угрызений совести. Но их страшили любые симптомы сопротивления. Они потребовали от маршала Фоша и генерала Вильсона доклада, готовы ли союзные войска двинуться на Веймар и Берлин, если германское правительство откажется подписать мир. Фош рапортовал о готовности выступить на широком фронте, а на вопрос Клемансо, не опасна ли оккупация Рура из-за плотности там рабочего населения по-солдатски ответил: «У нас достаточно пулеметов, чтобы это население не шевельнулось!» Ему поручили совершить в ближайшие дни «секретную» инспекционную поездку вдоль линии Рейна с явным расчетом, что это станет известно правителям Германии и произведет на них впечатление [155].

Маневры Эберта — Шейдемана — Эрцбергера

Президент Эберт в сложившейся ситуации решил проявить личную активность. 13 мая 1919 г. он дал пространное интервью корреспонденту американского агентства «Ассошиэйтед пресс». Обращаясь к американскому народу, Эберт провозгласил не более и не менее как «*моральное объявление войны* новой Германией всей традиционной системе старой международной политики».

В обоснование такого новаторства он смог привести лишь два фальшивых довода: во-первых, что немецкий народ «разрушил у себя дома господство насилия и несправедливости», во-вторых, что он не только «сложил оружие», но и покончил с милитаризмом. Указав на противоречия между прежними заявлениями Вильсона и текстом договора, Эберт высказал надежду, что все же «молодая германская республика... не напрасно взывает к старшей братской республике Америки». Но тут же он прибавил и угрозу: «Если американская демократия поддержит этот мир, она станет сотоварищем *политических вымогателей*», предаст принцип «faire play» («честной игры») и «повергнет в прах идеал истинной демократии» [156]. Это напыщенное и лживое «объявление войны» желаемо-

---

[154] См.: Die Freiheit, 14.V 1919. Abendausgabe; CdQ, t. II, p. 71. Заседание 14 мая 1919 г.
[155] Ibid., p. 19—20, 22—26. Заседания 9 и 10 мая 1919 г.
[156] Vorwärts, 13.V 1919.

го впечатления на Америку не произвело. Прессой оно просто не было замечено. Вильсон отказался даже прочитать его [157].

Не больше успеха приносила Германии и развернутая Брокдорфом «нотная война». У него возник замысел: прежде чем Германия внесет свои развернутые контрпредложения, расшатать здание мирного договора серией коротких энергичных нот. Однако исходным психологическим просчетом была попытка (начатая уже речью в Трианоне) воздействовать на «совесть» Вильсона путем противопоставления его прежних заявлений нынешнему тексту договора.

9 мая германская делегация направила на имя Клемансо первую ноту. В ней выражалась жалоба, что проект мирного договора не соответствует «14 пунктам Вильсона», содержит невыносимые и просто невыполнимые требования [158]. Ознакомившись с ней, Вильсон раздраженно заметил в Совете четырех: «У немцев сложилось впечатление, будто я готов содействовать компромиссу. Что же мне сделать, чтобы убедить их, что я считаю мирные условия, которые мы подготовили, справедливыми и что я не имею намерения им (немцам.— *Я. Д.*) благоприятствовать?» [159]

В тот же день германской делегации был дан лаконичный ответ: во-первых, союзники при разработке условий мира не забыли о своих принципах; во-вторых, они не могут допустить обсуждения их права «сохранить принципиальные условия мира такими, как они их установили», и согласны принять во внимание только «практические замечания» [160]. Все сочли, что автором этой отповеди был подписавший ее Клемансо. Немцам и в голову не пришло, что она была написана Вильсоном. Им же был подготовлен отрицательный ответ и на другую ноту, содержавшую просьбу о скорейшем допуске Германии в Лигу наций [161].

Американский президент был столь тверд в своей позиции, что не позволил поколебать ее даже ближайшим своим сотрудникам, откровенно выразившим недовольство тем, что он зашел так далеко в своих уступках союзникам и уклонился от ранее провозглашенной линии. Он спокойно принял отставку Буллита [162] и был очень рад благоприятному впечатлению, которое условия мира произвели на официальную американскую общественность: как ему докладывали, «народ» Америки был доволен «наказанием гуннов», на бирже отмечалось оживление [163]. Аналогичной была

---

[157] См.: *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 583.
[158] Urkunden, S. 30.
[159] CdQ, t. II, p. 22. Заседание 10 мая 1919 г.
[160] Urkunden, S. 31—32.
[161] Ibid., S. 31—35; PPC, v. V, p. 524, 559, 564—565; CdQ, t. II, p. 21, 27, 35. Заседания 10 мая 1919 г.
[162] Эта отставка была вызвана не только условиями мира с Германией, но и отклонением выводов Буллита о целесообразности установления отношений с Советской Россией.
[163] См.: *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 575—579.

реакция влиятельной буржуазной прессы, «формирующей общественное мнение», в Англии, Франции и других странах.

Последующие германские ноты[164] не способствовали изменению взглядов Вильсона, тем более что они зачастую наносили удары как раз по тем пунктам, которые выдвигал или отстаивал сам американский президент в спорах со своими партнерами. Это особенно относилось к статье об ответственности одной лишь Германии за войну. Брокдорф зря рассчитывал именно по данному вопросу «столкнуть» Америку с Францией и Англией, не подозревая, что включение этой статьи в договор было тем компромиссом, с помощью которого Вильсон добился смягчения французских требований относительно Саара, полномочий репарационной комиссии, допуска Германии в Лигу наций. Как раз Вильсон выразил в Совете четырех свое возмущение этой нотой. «В момент перемирия,— воскликнул он,— немцы признали ответственность за ущерб, причиненный германской агрессией на земле, на море и в воздухе, а теперь они продолжают утверждать, что не они вызвали войну. Этот образ действий невероятен!» «Германия все еще пребывает в руках старых деятелей,— отвечал Ллойд Джордж.— Они не ушли в отставку».— «Или, по меньшей мере,— добавил Вильсон,— Германия позволяет им выступать от ее имени...»[165].

Но и не зная этих обстоятельств, ряд членов правительства Шейдемана, когда было оглашено содержание ноты Брокдорфа, счел ее тактически неудачной и «провоцирующей». Кабинет единогласно решил потребовать от Брокдорфа предварительного представления дальнейших нот правительству[166]. Когда Брокдорф отклонил это требование, как практически невыполнимое, кабинет предложил ему вообще воздержаться от передачи дальнейших нот[167]. Отношения между правительством и главой мирной делегации обострились.

С другой стороны, и среди победителей продолжались споры. Когда английский делегат Керзон подготовил отрицательный ответ на возражения Германии по экономическим вопросам, Вильсон предложил устроить встречу с немецкими экспертами. «Они подумают, что эта уступка — знак слабости»,— возразил Клемансо. Вильсон выразил озабоченность: «Если мир не будет подписан, это будет несчастьем для всех. Нам придется продлить оккупацию, военные расходы возрастут, народы упрекнут нас за то, что мы не сумели избежать новых бед». Кроме того, немцы могут отказаться подписать. Клемансо отвечал, что не смотрит так мрачно: немцы действительно «откажутся, но когда двинутся войска,

---

[164] 13 мая 1919 г. были переданы ноты о территориальных, экономических требованиях и виновности за войну (Urkunden, S. 76—77, 81—83, 94—97).
[165] CdQ, t. II, p. 121—122. Заседание 19 мая 1919 г.
[166] Kabinett Scheidemann, S. 322—323. Заседание 14 мая 1919 г.
[167] Ibid., S. 345—347. Заседание 19 мая 1919 г.

подпишут, получив оправдание этого шага». «Они ищут другого оправдания,— включился Ллойд Джордж.— И прежде всего уступок с нашей стороны в отношении угля, репараций». Но когда Вильсон снова предложил совещание экспертов, заметив, что член германской делегации банкир Мельхиор и другие — образованные люди, желающие во избежание анархии возобновления экономических отношений и подписания мира, а американские эксперты считают нынешний план репараций нереальным, Ллойд Джордж и Клемансо в один голос предложили подождать немецких контрпредложений. «Я боюсь,— заключил этот разговор Вильсон,— что к исходу десяти лет выяснится: созданная нами система не функционирует...» [168].

Ллойд Джорджа два дня спустя напугало вздорное донесение французского генерала Дюпона из Берлина, будто Германия достигла соглашения с Советской Россией о совместных действиях против Польши и немецкие унтер-офицеры, согласные служить добровольцами в русской армии, уже собираются в Кёнигсберге. Даже столь очевидная утка рождала страх. Клемансо попытался, ссылаясь на мнение «одного баварца», вернуться к вопросу о расчленении Германии и создании на юго-западе католического государства. Ллойд Джордж задумался: если Германия распадется на части, условия, согласованные союзниками, не будут выполнены. Но зато Германия будет чрезвычайно ослаблена. «Нам надо выбирать между этими двумя гипотезами»,— заметил он. «Если Германия распадется,— поспешил заявить Клемансо,— я не сделаю ничего, чтобы этому помешать» [169]. Он умолчал о том, что французские генералы вовсе не пассивно ожидали распада Германии, а активно тому содействовали.

Тем временем в Германии усиливалось «националистическое безумие». Националисты беспрепятственно устраивали митинги и шествия с воинственными песнями и лозунгами не только в столице, но и в других городах. Состоялась такая демонстрация и у здания гостиницы Адлон, где размещались военные миссии Антанты [170]. Раздавались призывы к противодействию, отмщению, даже к новой войне. Особенно активно выступали милитаристско-шовинистические круги на востоке Германии, в частности в Силезии. Распространился слух, что начальник генерального штаба разработал специальный план «всенародного выступления». Хотя это было официозно опровергнуто, газеты приводили все новые воинственные заявления. Так, в воззвании VI военного округа в Бреслау говорилось, что «бумажные протесты» больше недостаточны: «Только сильная вооруженная рука может нас спасти. Поэтому поднимайтесь, боеспособные мужчины, осо-

---

[168] CdQ, t. II, p. 157—158. Заседание 21 мая 1919 г.
[169] Ibid., p. 187—188. Заседание 23 мая 1919 г.
[170] Об этом упоминал Ллойд Джордж (ibid., p. 107. Заседание 19 мая 1919 г.).

бенно ты, силезская молодежь, беритесь за оружие! Немедленно записывайтесь для вступления в рейхсвер!» [171] В Восточной Пруссии появились листки, звавшие к войне против Польши.

Сначала тайным, а потом и явным вдохновителем шовинистов был обер-президент Восточной Пруссии юнкер фон Батоцкий-Фрибе. Еще в январе 1919 г. он заявил генералу Секту (тогда начальнику штаба армейской группы «Норд»), что предвидит передачу Польше Данцига и Торна, а это сделает Восточную Пруссию нежизнеспособной. Если правительство подпишет неблагоприятный мир, он выступит за автономию или даже отделение восточных провинций Пруссии [172]. Идеологом «Остмарк» выступил публицист Г. Клейнов [173]. В середине апреля социал-демократические депутаты Национального собрания от этих провинций заявили, что планы создания сепаратного государства выдвигались на случай не только тяжелого мира, но и «провозглашения в Германии Советской власти», что в их разработке активно участвовал также А. Винниг, поддерживавший «контрреволюционные устремления» офицеров и чиновников. Шейдеман постарался затушить конфликт, и дело кончилось... расширением полномочий Виннига [174].

В начале мая в Западной Пруссии представители партий — от крайне правых до правительственных социалистов — создали при поддержке военных тайный «комитет действия», который потребовал «дать населению возможность приступить к акциям, выходящим за рамки простого протеста». Узнав об этом, правительство Шейдемана не только не распустило комитет, а поддержало предложение Бауэра провести в «угрожаемых областях» некое «стихийное народное голосование». Прусскому министерству внутренних дел было рекомендовано вместе с депутатами этих областей в Национальном собрании и Прусском земельном собрании взять осуществление акции в свои руки, «но при этом, по возможности, скрыть что ею руководят официальные лица [175].

Выяснилось, однако, что, несмотря на настояния министров, все депутаты, лучше знавшие положение на местах, а также представители прусского правительства высказались против плебисцита. Они ссылались на технические трудности, на, вероятно, слабое участие «медлительного и отчасти дурно настроенного населения». Некоторые прямо выразили опасение, что результат опроса будет неблагоприятным. Кабинету Шейдемана пришлось с сожалением отказаться от заманчивого плана и ограничиться

---

[171] Die Freiheit, 15.V 1919. Abendausgabe.
[172] Kabinett Scheidemann, S. 163.
[173] См.: *Kleinow G.* Der Verlust der Ostmark. Berlin, 1934.
[174] Kabinett Scheidemann, S. 162—174. Совещание с социал-демократическими депутатами восточных провинций 16 апреля 1919 г.
[175] Kabinett Scheidemann, S. 312—313. Заседание 11 мая 1919 г.

дополнительным выделением на пропаганду в Восточной Пруссии и Верхней Силезии «больших сумм» [176].

14 мая Носке созвал в Берлине совещание военной верхушки с участием прусского военного министра Рейнгардта, Грёнера, начальников генеральных штабов западных военных округов. Всерьез рассматривался вопрос о возможности военного сопротивления на западе, если в случае отклонения мира войска Антанты перейдут Рейн. Доклады всех округов были однозначны. В результате Носке и Грёнер констатировали, что с военной точки зрения возобновление военных действий на западе — дело безнадежное. Иное мнение высказал Рейнгардт. Он считал, что борьбы избежать не удастся и если не на западе, то на востоке она вспыхнет обязательно. Он предлагал поэтому, развивая план Батоцкого и других, создать на востоке Германии, хотя бы временно, самостоятельное государство, которое в духе национальной прусской традиции начала XIX в. стало бы сначала ядром сопротивления, а затем и «национального возрождения» всей Германии. В противовес этой идее Грёнер, выступая в ставке перед высшими офицерами, решительно утверждал, что в условиях, когда тяжелое экономическое и политическое положение Германии усиливает центробежные силы, главной задачей является сохранение единства немецкого народа и государства, противодействие любым сепаратистским действиям на востоке, западе или юге [177].

Продолжались тайные контакты с иностранными агентами, прежде всего американскими. По инициативе полковника Конджера уже 10 мая 1919 г. в Лимбурге состоялась его первая после объявления условий мира встреча с Лёбом. Хотя Лёб считал себя лично обманутым в надеждах на «приличие» и «чувство человечности» американцев, он согласился еще раз попытаться «выколотить, что возможно», из своего собеседника, роль которого явно преувеличивал [178].

На прямой вопрос, что думает Конджер о возможности принятия Германией условий мира, тот отвечал, что они явились и для него неожиданностью; он лично сомневается, что германское правительство их примет. Но сопровождавший Конджера майор Генротэн судил иначе: «Вы примете этот мир с бо́льшими или меньшими, но не очень значительными изменениями». Лёб продолжал привычную тактику запугивания. «Условия мира,— говорил он,— вызвали в Германии националистическую волну, опасную для нашей республики. Пока она держится на непреклонной

[176] Kabinett Scheidemann, S. 312—313, 324, 332, 363. Заседания 11, 13, 14, 15, 22 мая 1919 г.

[177] Ibid., S. 476, 478. Заметки Грёнера о пребывании в Веймаре 18—20 июня 1919 г.; *Groener W.* Lebenserinnerungen. Göttingen, 1957, S. 493; *Ernst F.* Aus dem Nachlaß des Generals Walther Reinhardt.— Welt als Geschichte, 1958, H. 18, S. 70—73.

[178] Kabinett Scheidemann, S. 325. Письмо В. Лёба Шейдеману от 14 мая 1919 г. с приложением записи беседы. В. Лёб называл здесь Конджера «начальником генерального штаба».

воле немецкого народа не подписывать такие условия, но от позиции Антанты будет зависеть, что из этого получится». Когда сопровождавший Лёба Н. Эйнштейн заметил, что «не только Германия, а и вся Европа погибнет от этого мира», Конджер ответил: «Но мы ведь американцы».

По-видимому, главной задачей Конджера было внушение немцам мысли: «Германия должна подписать мир, то ли предложенный, то ли измененный», если согласятся победители. Он считал, что Германия, подписав договор, снова воспрянет спустя 15, 25 или 50 лет. Лёб отвечал на это, что подобная радужная картинка неспособна побудить «такой народ, как немецкий... подписать данный мир», и просил Конджера содействовать передаче президенту Вильсону контрпредложений немецкого правительства [179].

Если эта встреча лишь подтвердила прежние позиции сторон, то следующая, инициатором которой был Эрцбергер, знаменовала начало изменения немецкой позиции. Он лично в середине мая пригласил Дрезела и Конджера посетить Берлин. Откликнулся только последний. В сопровождении майора Генротэна и капитана Мэзона он приехал вечером 17 мая. Днем позже в министерстве иностранных дел он встретился с Бернсторфом и советником Лангвертом в присутствии Эрцбергера. Конджер не скрыл от своих собеседников, что все надежды на улучшение условий мира при неподписании договора — такая же иллюзия, как и расчеты на уступчивость Вильсона, на его противоречия с Клемансо или на неучастие Америки в случае возобновления военных действий. Вместе с тем в ответ на энергичные нападки Бернсторфа Конджер указал, что Вильсон помешал реализации максималистских требований Франции, в частности отторжения левого берега Рейна. Германия, подписав договор, может рассчитывать в дальнейшем на все более «либеральное его толкование» [180]. Причину этого разъяснил Лангверту Генротэн: «Во Франции очень озабочены Россией. Думают о трех армиях, которые могут ей противостоять: Америка находится, однако, очень далеко; Польша — только занавес; зато Германия может сыграть важнейшую роль. Поэтому и Франция вынуждена будет при осуществлении условий мира влить много воды в свое вино, чтобы Германия была в состоянии служить защитным валом против России» [181].

19 мая Эрцбергер — на этот раз один — вторично встретился с Конджером и Генротэном. Он заявил, что «выкладывает все

---

[179] Ibid., S. 325—330. Доклад Лёба о встрече с Конджером 10 мая 1919 г. Этот канал не был впоследствии использован.

[180] PPC, v. XII, p. 124—128. Меморандум полковника Конджера от 20 мая 1919 г.; *Epstein F.* Zwischen Compiègne und Versailles, S. 430—433; *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 591—593.

[181] *Epstein F.* Zwischen Compiègne und Versailles, S. 436, 438. Автор приводит тексты телеграммы Бернсторфа и двух писем Лангверта Брокдорфу, а также запись историка Г. Дельбрюка, которому Конджер нанес визит как своему бывшему профессору.

карты на стол»: Германии нужен мир, но, чтобы она могла его подписать, противники должны пойти на уступки. Он не касался более вопроса о виновниках войны в общей форме (из-за чего недавно возникли разногласия между кабинетом и Брокдорфом), а отвергал только выдачу кайзера и других «военных преступников». Он настаивал на плебисците во всех отторгаемых областях, повторял предложение о восстановлении Бельгии и Северной Франции силами самих немцев, указывал, что Германии должна быть сохранена армия по крайней мере в 350 тысяч, предлагал Франции взамен Саара поставки 20 млн. т угля в год, просил оставить Германии хоть часть колоний и торгового флота и т. п. Он сказал, что Германия готова подписать мирный договор, но «это потребует определенной маскировки» [182].

Конджер правильно усмотрел в позиции Эрцбергера новую, более гибкую тактику, отличавшуюся от застывшей позиции, выраженной в формуле «неприемлем» и угрозе «не подпишем», хотя по существу выдвинутые Эрцбергером предварительные условия подписания не очень отличались от официальных. Одновременно Конджер сообщал о слухах, будто Эберт подумывает об активном сопротивлении, а также о своем личном впечатлении, что военное выступление против договора возможно, если не на западе, то на востоке. В этом контексте самый тон предложений Эрцбергера выглядел как шаг навстречу [183].

Едва Конджер вернулся в штаб американских войск в Трире, как к нему прибыл специальный посланец Грёнера майор Крёгер. Он старался убедить американца, что 100-тысячная армия недостаточна Германии в ее нынешнем положении даже для того, чтобы справиться с «внутренними врагами». Для «восстановления порядка» в Мюнхене, говорил он, понадобилось 40 тыс. солдат, 60 тыс.— для «сохранения порядка» в Берлине. Он сообщил, что, по подсчетам Рейнгардта, Носке и других заинтересованных лиц, количество необходимых боевых войск всех родов (не считая вспомогательных) колеблется между 200 и 300 тысячами. Эти утверждения встретили сочувствие у американских офицеров, хотя они воздержались от каких-либо заверений [184].

Между тем в германском правительстве все явственнее обозначались два различных подхода. Один из них выражал линию Брокдорфа, мирной делегации, министерства иностранных дел. В основу всей аргументации была положена мысль о несоответствии предъявленных условий «принципам Вильсона». Хотя Брокдорф и заверял, что нынешнее правительство Германии вполне «демократично», проводилась идея полного континуитета германской политики с отрицанием виновности Германии, отка-

---

[182] PPC, v. XII, p. 131—134. Меморандум майора Генротэна от 20 мая 1919 г.
[183] Ibid., p. 126—128, 135. Меморандумы полковника Конджера и майора Генротэна от 20 мая 1919 г. Ср.: *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 594—597.
[184] PPC, v. XII, p. 130—131. Меморандум полковника Конджера от 20 мая 1919 г.

зом от судебного расследования вины кайзера и генералитета, Брокдорф твердо стоял на том, что, если условия мира не будут радикально изменены, договор должен быть *отклонен*.

Постепенно складывался и нащупывал аргументацию другой подход. Его выдвинули социал-демократ Давид, деятели партии центра Эрцбергер и Белл, а наиболее динамичным экспонентом вскоре стал Эрцбергер, имевший опыт переговоров в комиссии по перемирию. Центр тяжести возражений переносился на утверждение: «Нынешнее правительство и немецкий народ не могут быть признаны ответственными за действия отдельных лиц прежнего правительства» [185]. Белл рекомендовал «в контрпредложениях и публичных заявлениях все снова высказывать мысль, что истинные виновники войны — милитаризм, империализм и гонка вооружений, и потому именно эти причины должны быть устранены». На всех территориях, которые Германии придется отдать, Эрцбергер требовал плебисцита [186]. Усиливалось мнение, хотя никто и не решался его высказать открыто, что раньше или позже придется все же *подписать мир*, если только противники согласятся на определенные уступки. Так, Виссель, возражая Дернбургу, утверждавшему, что «немецкая нация требует отклонения договора» и готова ради этого на все лишения, заявил: нет, «речь идет лишь о яркой вспышке, которая возникла под впечатлением бесстыдных требований наших противников и погаснет через короткое время, когда Антанта примет действенные меры, особенно же под давлением обострения голодной блокады» [187].

Нарастало сознание необходимости заявить, что Германия готова «пойти на уступки Антанте» в отношении тех или иных второстепенных требований, чтобы тем сильнее подчеркнуть неприемлемость главных. Так, Ландсберг предложил «согласиться» на срытие укреплений Гельголанда, «отказаться» от Брестского мира, ограничить морские и воздушные (но не наземные) вооружения. Виссель заявил о желательности участия американских, английских и французских капиталов в восстановлении германской промышленности. Брокдорф рекомендовал поднять потолок приемлемых репараций до 100 млрд. марок [187a]. Было решено также дать согласие на постепенное сокращение численности армии до 100 тыс.

---

[185] Kabinett Scheidemann, S. 323. Заседание 14 мая 1919 г. Кто так сформулировал данный тезис, в протоколе не сказано. Дернбург, который в апреле сменил ушедшего в отставку Шиффера, сказал Брокдорфу во время встречи в Спа 18 мая, что Белл, Давид, лидеры партий веймарской коалиции «на основе аутентичного материала... глубоко убеждены в вине бывшего германского правительства» за развязывание мировой войны. Брокдорф с этим не соглашался (ibid., S. 351. Секретная запись Брокдорфа о беседе с Дернбургом).

[186] Kabinett Scheidemann, S. 318. Заседание 13 мая 1919 г.

[187] Ibid., S. 349.

[187a] Оба этих вопроса обсуждались на совещании членов правительства и делегации с промышленниками в Спа 18 мая 1919 г. Предложение о 100 миллиардах репараций выдвинули банкиры Мельхиор и Варбург. См.: *Krüger P.* Deutschland und die Reparationen, S. 178—179, 187—188.

человек [188]. Последнее вызвало протесты военных — Рейнгардта, представителя ставки в мирной делегации генерала Секта и Грёнера, который заявил, что снимает с себя ответственность за последствия [189]. 19 мая кабинет одобрил проект общих контрпредложений и направил его мирной делегации с указанием вручить их Клемансо после доработки и перевода [190].

К этому времени достигли большой остроты не только личная вражда между Брокдорфом и Эрцбергером, но и различия двух подходов. При этом рейнско-вестфальские магнаты тяжелой промышленности, связанные с правыми партиями, поддерживали первый, тогда как монополисты электрохимии и других отраслей склонялись к более гибкой позиции [191]. Для урегулирования разногласий 23 мая в Спа состоялась встреча мирной делегации с Шейдеманом, Дернбургом, Эрцбергером и Беллом. Многочасовые споры привели к некоторым компромиссам, в частности по финансовым вопросам [192]. Делегации было дано право отредактировать контрпредложения по своему усмотрению, но члены кабинета настаивали, чтобы их вручение было ускорено, поскольку в Германии начало сказываться нетерпение, возможно разочарование народа, пребывающего в напряжении, и не исключен даже «крах настроения» [193].

И действительно, общее собрание рабочих, солдатских и местных Советов Берлина 21 мая показало, что теперь не только сторонники НСДПГ, но и значительная часть социал-демократических рабочих выступает за подписание мира и осуждает шовинистическую кампанию, поддержанную правительством. В резолюции, внесенной представителями СДПГ, говорилось, что отклонение мирного договора приведет к возобновлению войны. Калиский тоже признал, что отказ от подписания не устранит тяжелых условий мира. Значительным большинством была принята резолюция независимцев, осуждавшая империалистический мир, но требовавшая его подписания [194]. В этот же день много-

---

[188] Ibid., S. 323—324, 353—356, 358. Заседания 14 и 20 мая 1919 г.

[189] Сект вместе с протестом вручил свое заявление об отставке, но по просьбе Шейдемана и Носке остался на посту. Грёнер предостерегал Шейдемана, что «Германия будет совершенно бессильна, даже по отношению к злоупотреблениям самых малых своих соседей», а «правительственная власть внутри не сможет быть сохранена». Он поручил также Секту передать Брокдорфу, что считает «подобные эксперименты лишь ослеплением и безумием. Это равно полному самоубийству немецкого народа» (ibid., S. 375, 379—380. Заседание 26 мая 1919 г.). Прусское правительство сочло 100 тысяч недостаточным даже для одной только Пруссии и решило, что *«надо постараться осуществить увеличение допущенных сил полиции и жандармерии»* (ZStA Merseburg. Preußisches Staatsministerium, Rep. 90a, Abt. B, Tit. III 2b, Nr. 6, Bl. 99).

[190] Kabinett Scheidemann, S. 346—347. Заседание 19 мая 1919 г.

[191] См.: *Ruge W.* Zur Taktik..., S. 1112—1114.

[192] См.: *Krüger P.* Deutschland und die Reparationen 1918/1919, S. 199—209; ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 670, Bl. 98—99.

[193] Kabinett Scheidemann, S. 368—369.

[194] IML—ZPA. Vollversammlungen, Nr. 11/14, Bl. 242, 255—258, 272.

тысячное собрание рабочих столицы в Люстгартене однозначно прошло под лозунгами НСДПГ[195]. Но, хотя Берлинский Совет принял предложение коммунистов о созыве для обсуждения вопроса о мире Третьего общегерманского съезда Советов, Центральный Совет сорвал съезд, а Берлинский Исполком не решился взять на себя его организацию[196].

Правительство со своей стороны решило развернуть широкую пропагандистскую кампанию (отнеся затраты на счет государства), чтобы объяснить причины уступок, на которые пришлось пойти, и призвать народ к единству и поддержке правительства[197]. Из-за того, что организаторы переусердствовали, произошел скандал: берлинские газеты начали печатать немецкие контрпредложения раньше, чем они были вручены, притом в устаревшей редакции. Мирной делегации пришлось срочно направить Клемансо вечером 28 мая первую часть документа, а утром 29-го дослать вторую часть[198].

Германские контрпредложения состояли из сопроводительной ноты (Mantelnote), пространных «Замечаний немецкой делегации к условиям мира» с приложением о юридических вопросах, записки по финансовым вопросам и еще нескольких частных нот. Проект договора, говорилось в вводной ноте, выдержанной в духе взглядов Брокдорфа, «обрекает немецкий народ на длительное рабство... Целый народ вынужден подписать сам себе смертный приговор, объявление вне закона»[199]. Важнее были конкретные ответы на требования противников. Германия соглашалась сократить свою армию до 100 тысяч, настаивая на допущении в Лигу наций, была готова передать Польше значительную часть Познани и предоставить ей выход к морю, но требовала плебисцита в Эльзас — Лотарингии, Шлезвиге, а также в Австрии и Богемии. Германия отдавала свои колонии Лиге наций при условии, что и ей будет предоставлено право получить мандаты. Она была согласна отдать также часть торгового флота, поставлять уголь и другие материалы, если репарации будут ограничены суммой в 100 млрд. марок. Вместе с тем Германия настаивала на передаче рассмотрения вопроса о виновности за войну «беспристрастной комиссии»[200].

Одновременно с контрпредложениями Брокдорф вопреки прямому запрещению правительства передал Клемансо с краткой сопроводительной нотой так называемую профессорскую записку. Составленная в Версале профессорами Г. Дельбрюком, А. Мендельсоном-Бартольди, графом М. Монтгеласом и М. Вебером

---

195 Die Freiheit, 22.V 1919. Morgenausgabe.
196 См.: Kommunistische Rätekorrespondenz, 6.VI 1919.
197 Kabinett Scheidemann, S. 370, 377. Заседания 24 и 26 мая 1919 г.
198 Ibid., S. 387—388, 394, 416. Заседания 28 и 30 мая 1919 г.
199 Die deutschen Gegenvorschläge zu den Friedensbedingungen der Alliierten und Assoziierten Mächte. Charlottenburg, 1919, S. 8—9.
200 Ibidem.

(с приложением документов) записка утверждала, что Германия войны не хотела, тогда как русскому царизму и Франции она была нужна [201]. Так осуществлялось указание Эберта — «грехи старого правительства строжайше осудить!»

Немецкие контрпредложения произвели немалое впечатление. 2 июня Ллойд Джорж жаловался Вильсону и Клемансо на трудное положение британской делегации. Общественное мнение Англии и доминионов, говорил он, требует немедленного подписания мира, не придавая большого значения отдельным условиям. Оно не поддержит правительства, которое возобновило бы войну. Приезжавшие в Париж британские министры и общественные деятели, с которыми Ллойд Джордж совещался в течение нескольких дней, считают, что немцы далеко пошли в своих уступках [202]. Он предложил поэтому снова рассмотреть вопросы относительно восточной границы Германии и Саара, согласиться на плебисцит в Верхней Силезии. Репарационные требования, предел которых не установлен, явно превышают возможности Германии. Вызывает сомнения полезность длительной оккупации левобережья Рейна. Ллойд Джордж (правда, ссылаясь на мнение других) ясно дал понять, что, если названные условия не будут смягчены, станут невозможными «и наступление английской армии в Германии, и участие нашего флота в блокаде» [203].

Этот демарш Ллойд Джорджа вызвал немедленную отповедь Клемансо. Он напомнил, что при определении польской границы речь идет не только о «восстановлении исторической справедливости», но и о необходимости рассматривать Польшу «как естественный барьер между Германией и Россией». Я думаю, говорил он, «вы согласитесь со мной, что, если Германия получит свободу колонизировать и эксплуатировать Россию, кровь, которая текла 5 лет, была пролита напрасно». Клемансо подчеркнул, что французское общественное мнение в отличие от британского, которое довольно тем, что Германия отдала все свои колонии и весь флот, требует возмещения ущерба и опасается, что оно и так будет неполным. Защищая оккупацию левого берега Рейна, он указывал, что Франция боится не нападения Германии, а того, что немцы подпишут договор с намерением его не выполнять. Если не будет средства заставить их осуществить волю победителей, все пойдет прахом. Клемансо предупредил партнеров, что, когда ему придется уйти в отставку, они столкнутся с еще бо́льшими трудностями, чем ныне.

Во время этого взрыва разногласий Вильсон, недовольный требованиями Ллойд Джорджа, почти не вмешивался, заявив, что

---

201 Kabinett Scheidemann, S. 384—385, 393—395, 416. Заседания 27 и 30 мая 1919 г. В июне эта записка с приложениями была опубликована министерством иностранных дел (Das deutsche Weißbuch über die Schuld am Kriege. Berlin, 1919, S. 63—230).

202 См.: *Ллойд Джордж Д.* Договоры, т. 1, с. 582—607.

203 CdQ, t. II, p. 265—268. Заседание 2 июня 1919 г.

обсудит новую серьезную ситуацию на следующий день с членами своей делегации [204]. Здесь выяснилось, что американские экономические эксперты склонны учесть немецкие возражения и предложения Ллойд Джорджа, тогда как эксперты по территориальным вопросам твердо защищают ранее принятые решения. Вильсон и сам придерживался второй линии. В Совете четырех, как деликатно заметил Ллойд Джордж, «стала чувствоваться некоторая резкость» [205]. В «ревизионистских» предложениях Ллойд Джорджа Вильсон увидел элемент демагогии. Он согласился поддержать только снижение репараций; положения об оккупации он не решался затронуть, опасаясь падения Клемансо. Своих экспертов, которым предстояло обсудить с союзниками спорные вопросы, он предупредил, что главное — достичь согласия, ибо раскол был бы гибельным [206].

В ходе дальнейших совещаний в договор были внесены лишь небольшие изменения. Американский репарационный план, предусматривавший снижение бремени и фиксацию суммы, был отклонен Ллойд Джорджем и Клемансо, как и предложение оставить немцам часть торгового флота; ведь не принял же раньше Вильсон план британского эксперта Кейнса, предлагавшего поддерживать германскую экономику с помощью кредитов [207]. В вопросе о плебисците в Верхней Силезии Ллойд Джордж поколебал позицию своих партнеров замечанием, что лучше уж ввести туда английскую или американскую дивизию, «чем армию в Берлин». «Если у вас будет выбор...»,— заметил Клемансо, но Ллойд Джордж продолжал: «Я боюсь найти в Берлине вторую Москву, то есть что там не окажется никого, с кем мы могли бы подписать мир». Вильсону оставалось лишь сказать, что рассуждать об этом поздно; если немцы откажутся подписать, их надо будет за три дня предупредить о прекращении перемирия. Клемансо потребовал немедленных действий, ибо считал, что немцы подпишут договор только после первого поражения. Это сделает уже другое правительство, меланхолически заметил Ллойд Джордж. «Если это будет правительство Гаазе, мы вряд ли будет удовлетворены» [208].

Два дня спустя Дрезел снова убеждал Вильсона, что существующее германское правительство, несмотря на свою слабость, вполне демократично, и, главное, не видно иной надежной

[204] Ibid., p. 269—274.
[205] *Ллойд Джордж Д.* Договоры, т. 1, с. 609.
[206] *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 611—623.
[207] Ibid., S. 623—627.
[208] CdQ, t. II, p. 287—288, 280. Заседание 3 июня 1919 г. Газета «Daily Mail» 28 мая опубликовала интервью с Гаазе, в котором тот будто бы сказал, что нынешнее германское правительство в конце концов откажется подписать условия мира, а когда союзники вступят, независимцы его свергнут и создадут новое правительство, которое мир подпишет (ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 670, Bl. 127. Донесение Мальцана из Гааги от 31 мая 1919 г.).

комбинации, ибо пацифистский кабинет не удержится, реакционная диктатура приведет к гражданской войне, а правительство независимцев — к анархии [209]. Вильсон и Ллойд Джордж склонны были поэтому облегчить вступление Германии в Лигу наций, но Клемансо счел надежды на демократизацию немцев слишком оптимистическими. «Я их знаю лучше»,— заявил он [210].

В общем итог «ревизионистского взрыва» Ллойд Джорджа был для Германии невелик. Почти ни одно из ее контрпредложений не нашло реального отклика. Никто из «большой тройки» не хотел идти на риск конфликта со своими партнерами, опасаясь вернуться домой без договора. Более того, Вильсон, на которого в Германии возлагали более всего надежд, был доволен согласованным договором. «Бремя,— заявил он,— которое придется нести Германии, будет тяжелым, но оно определено исключительно соображениями справедливости» [211]. Действительно ли он так думал или в этом была немалая доля лицемерия,— на этот счет высказано немало разных суждений. Но важен прежде всего сам факт.

Пока союзники спорили о том, как ответить на германские контрпредложения, а продолжалось это более двух недель, правительство Шейдемана сталкивалось внутри страны с новыми трудностями и проблемами. Одной из наиболее щекотливых были отношения с Верховным командованием. Генералитет продолжал в ряде случаев вести демонстративно самостоятельную политику, игнорируя правительство. 2 мая было опубликовано (в связи с началом переговоров в Париже) письмо Гинденбурга, в котором тот извещал Эберта, что оставит Верховное командование, как только будет заключен прелиминарный мир. Эберт по этому случаю выразил Гинденбургу «благодарность родины» [212].

21 мая без ведома кабинета военным округам был разослан циркуляр ставки. В нем содержалась секретная анкета для «получения ясной картины того, как относится население к возможному возобновлению войны». Анкета, которую надлежало заполнить «известным и руководящим личностям», содержала солдафонски прямые вопросы: «1. Стоит ли подавляющее большинство населения за возобновление войны или нет? 2. Если да..., то готово ли население только к обороне, к отвоеванию своих родных мест или к более широким боям, даже если их придется вести вне Германии, например в Польше или России? 3. Имеет ли призыв к оружию шансы на успех? 4. Можно ли рассчитывать на большой приток добровольцев? 5. Готово ли и исполнено ли решимости население противостоять личному, экономическому и политическому давлению, которое несет с собой вражеская оккупация страны?

---

[209] PPC, v. XII, p. 122–123. Дрезел — президенту Вильсону, 5 июня 1919 г.
[210] CdQ, t. II, p. 346–348. Заседание 7 июня 1919 г.
[211] Ibid., p. 58. Заседание 9 июня 1919 г.
[212] Vorwärts, 2.V 1919. Abendausgabe.

6. Следует ли при возобновлении войны опасаться внутренних беспорядков и в какой мере?»[213].

Шейдеман на заседании правительства подчеркнул, что сообщение об этом циркуляре может пагубно сказаться на мирных переговорах. Он потребовал выразить ставке резкое неодобрение и ускорить ее роспуск. Большинство осудило акцию Верховного командования как «политически неразумную» и превышающую его функции, ибо она носит не военный, а политический характер. Рейнгардт предостерег, однако, от поспешных шагов, и кабинет ограничился телеграммой, осуждавшей опрос и предписывавшей немедленно прекратить его[214].

В своем ответе Грёнер оправдывал действия ставки, во-первых, желанием правильно информировать правительство. Он пространно объяснял ему, сколь опасно «незнание или неправильное знание настроения народа», особенно в условиях, когда ежедневно может возникнуть вопрос о возобновлении войны. Во-вторых, Грёнер ссылался на то, что Гинденбурга после объявления условий мира засыпали письмами, из которых поверхностный наблюдатель мог бы заключить, что народ и армия полны решимости начать борьбу даже против воли правительства. В некоторых кругах Верховное командование даже обвиняют в нерешительности и «национальном равнодушии». Анкета и была-де проведена для того, чтобы «успокоить горячие головы» и получить убедительный материал. Даже, если она станет известна, это будет только полезно, ибо «вызовет у Антанты впечатление, что «неприемлемо» воспринимается народом и правительством весьма серьезно, а не является, как всегда подчеркивает антантовская печать, лишь блефом»[215]. Шейдеман не мог быть доволен таким поучением. Но он поддался нажиму Носке, который утверждал, будто ставка хотела лишь получить подтверждение своей точки зрения о невозможности сопротивления[216], а ее неожиданный роспуск вызовет осложнения на востоке. Кабинет решил ограничиться разговором с Грёнером[217].

Газета «Die Freiheit», которая все время добывала и печатала секретные материалы о попытках военщины втянуть Германию в новую войну, опубликовав циркуляр, указала, что «высшие кру-

---

[213] Kabinett Scheidemann, S. 382—383. Заседание 27 мая 1919 г.: см. также: S. 400, Anm. 1.

[214] Ibid., S. 382—383. Носке попросил отложить решение, объявив действия ставки просто «неразумными». В министерстве иностранных дел считали огласку крайне вредной (ср.: ibid., S. 391. Заседание 29 мая 1919 г.).

[215] Kabinett Scheidemann, S. 400—401. Письмо Грёнера правительству от 30 мая 1919 г.

[216] Как позднее заявил Грёнер военным, на 1-й и 3—5-й вопросы преобладающими были ответы «нет»; на 2-й вопрос положительно отвечали лишь применительно к защите родных мест; на 6-й — писали, что «в больших городах и промышленных районах, несомненно, возникнут серьезные беспорядки». Этот итог Грёнер считал отнюдь не подтверждением желаемого, а «весьма печальным» (ibidem).

[217] Ibid., S. 397, 412—413. Заседания 30 мая и 2 июня 1919 г.

ги империи не только играют с мыслью о новой войне, но и осуществляют все приготовления для ее возобновления... Белая гвардия выступает на фронт». На официальное «разъяснение», пытавшееся представить все в безобидном виде, газета ответила, что военные по-прежнему хотят вести «самочинную политику», что по совету Людендорфа уже составлены оперативные планы передвижений и военных действий, в частности на востоке, что в роли защитника милитаризма снова рьяно выступила социал-демократическая газета «Vorwärts» [218].

Тем временем тревога и напряженность в стране нарастали. Железнодорожники потребовали указаний, как им следует вести себя, «если снова вследствие неподписания условий мира возникнет военное положение». Вопрос этот стал предметом обсуждения на заседании прусского правительства. Министр внутренних дел Гейне еще более заострил его. Считая военные действия на западе вероятными, он спрашивал: «Намерено ли имперское правительство дать такой лозунг? Или оно хочет предостеречь от этого? В начале такая война, по-видимому, будет идти не без известных успехов. Но недолго. Имперское правительство не приняло пока никаких решений. Носке относится к возможности вооруженного сопротивления так же скептически, как и я». Кабинет постановил, что «*открытое объявление* о том, как должны вести себя учреждения при возможном вступлении противника, в *настоящий момент* не только не нужно, но и *опасно*». Следует, однако, поскорее договориться с имперским правительством о «*планомерных, единых действиях*» [219].

Когда Шейдеман поручил министерству внутренних дел обсудить этот вопрос с представителями прусского и южногерманских правительств, сразу же выяснилось, что об единодушии не может быть и речи. Мысль, что при вступлении вражеских войск правительствам Южной Германии следует перенести свои резиденции на север, чтобы сохранить связь с имперским правительством, тоже не встретила поддержки [220].

Шейдеман направил южногерманским правительствам взволнованную телеграмму: «Если правительства останутся на месте, они будут изнасилованы Антантой. Будут сделаны попытки склонить их к сепаратному миру, который в конечном счете, несмотря на якобы лучшие условия, будет невыносимым и для Южной Германии; во всяком случае, он уничтожил бы имперское единство и косвенно принудил бы всю Германию к капитуляции. Задача побудить наших врагов к уступкам посредством неподписания была бы этим заранее обречена на провал». Он ссылался даже на

---

[218] Die Freiheit, 1.VI 1919. Morgenausgabe; 2.VI 1919. Morgen- und Abendausgabe.

[219] ZStA Merseburg. Preußisches Staatsministerium, Rep. 90a. Abt. B, Tit. III 2b, Nr. 6, Bl. 92. Заседание 23 мая 1919 г.; Kabinett Scheidemann, S. 386.

[220] Ibid., S. 386—387, 392—393. Заседания 28 и 29 мая 1919 г.

опыт Бельгии и Франции во время войны, подчеркивал, что чисто административные органы стран останутся на своих постах, что нужно избежать впечатления о «бегстве правительства» («уход требует в данном случае больше героизма»), что хорошо, если бы за ним последовали и руководители партий [221].

Рицлер в ответ телеграфировал из Бамберга, что для заключения сепаратного мира с Южной Германией Антанте придется ее оккупировать. Франция сможет заключить такой мир с клерикальным дворянством, но не с народной властью. В конечном счете французская оккупация вряд ли более опасна, чем подписание «уничтожающего мира». Важно, однако, сохранить законное баварское правительство на неоккупированной территории. Так считал и прусский посол Цех. По его мнению, сепаратизм в Баварии обнаруживался лишь в кругах аристократии, причем выражался не столько в стремлении «Прочь от Берлина», сколько в лозунге: «К Вене» [222]. На совещании правительств Баварии, Саксонии, Вюртемберга, Бадена и Гессена в Брухзале 4 июня только баварское согласилось с мнением Шейдемана [223]. Дальнейшее обсуждение было прервано событиями в Рейнской области и Пфальце, где при поддержке французских оккупационных войск выступили откровенные сепаратисты.

Еще в середине мая стало известно, что французский генерал Жерар подготовил провозглашение «независимого Рейнпфальца». Попытка путча в Шпейере 18 мая, однако, провалилась [224]. Командующий Рейнской армией генерал Манжен имел больше успеха. На встрече с группой рейнских парламентариев и политиков (депутаты партии центра Кастерт и Кукгоф, Дален из Ахена, адвокат Дортен из Висбадена) он приветствовал создание Рейнской республики как «буферного государства» и обещал поддержку «рейнским активистам». Когда известия дошли до Берлина, прусский кабинет осудил поведение лиц, «начавших переговоры с врагом о создании особой Рейнской республики то ли внутри, то ли вне Германской империи». Но вопрос, можно ли в этом видеть государственную измену, решено было пока оставить открытым [225]. Воззвание правительства Шейдемана предостерегало, правда, что участие в отделении Рейнской области означает государственную измену [226]. Газета «Die Freiheit» сомневалась, чтобы это подействовало: «Там, где речь заходит об интересах капитала и церкви, замолкают все моральные и юридические сомнения» [227].

---

[221] Kabinett Scheidemann, S. 398—399. Телеграмма Шейдемана от 30 мая 1919 г.
[222] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 215, Bl. 90; Reichsamt des Innern, Nr. 16506, Bl. 270—271.
[223] Kabinett Scheidemann, S. 410—412.
[224] Ibid., S. 319, 334—335. Заседания 13 и 16 мая 1919 г.
[225] ZStA Merseburg. Preußisches Staatsministerium, Rep. 90a, Abt. B, Tit. III 2b, Nr. 6, Bl. 95. Заседание 27 мая 1919 г.
[226] Kabinett Scheidemann, S. 383—384. Заседание 27 мая 1919 г.
[227] Die Freiheit, 29.V 1919. Abendausgabe.

Состоявшиеся 31 мая переговоры имперского правительства с сотней депутатов из Рейнской области, срочно вызванных в Берлин, показали, что население, особенно рабочий класс, твердо стоит на том, что область должна принадлежать Германии, хотя многие хотят отделения от Пруссии. Депутат немецкой демократической партии Фальк предостерег, однако, что если «за неблагоприятным миром последует длительная оккупация, то не следует обманываться: Рейнская область будет для Германии потеряна». В итоге обсуждения планы отделения левобережья Рейна от Германии были осуждены, а вопрос об отделении области от Пруссии отложен до заключения мира [228].

Между тем уже на следующий день, 1 июня, в Висбадене и Майнце была провозглашена «Рейнская республика». Ее самозванный «президент» адвокат А. Дортен потребовал, чтобы его пригласили в Версаль. 2 июня в Шпейере имела место новая попытка провозгласить «независимость» Пфальца. Действия сепаратистов натолкнулись на энергичный отпор рабочего класса. Уже на первые известия о готовящейся акции рабочие Кёльна ответили 27 мая однодневной забастовкой и многотысячной демонстрацией протеста. Путч в Пфальце был сорван рабочими Людвигсгафена. Массовые стачки и митинги прошли в Майнце, Висбадене и других городах. Сепаратистам и их покровителям пришлось убедиться, что народ глубоко враждебен их планам. Франция тоже не смогла оказать им эффективной помощи, так как США и Англия заняли отрицательную позицию.

Вопреки утверждениям германского правительства и официальной прессы сепаратистское движение в западных областях состояло не из одних деклассированных элементов, подкупленных на иностранные деньги. Это движение вдохновляли и поддерживали не только французские генералы, но и весьма влиятельные представители крупнейших германских монополий и банков — банкиры фон Штейн, Л. Гаген, а также Стиннес и Тиссен, высшие клерикально-католические круги, мнение которых выражал тогдашний обер-бургомистр Кёльна К. Аденауэр.

Магнаты Рейнско-Вестфальской области готовы были перейти под покровительство Франции, чтобы спасти свою собственность от посягательств со стороны революционного народа и уклониться от ограничений, которые собирался наложить на Германию Версальский договор. Германский капитал снова показал, что не признает национальных интересов и что истинное его «отечество» там, где он имеет возможность получать максимальную прибыль [229].

---

[228] Kabinett Scheidemann, S. 407—410. Совещание с рейнскими депутатами 31 мая 1919 г.

[229] См.: *Галкин А. А.* Сепаратисты на Рейне. М., 1959; *Klein P.* Separatisten am Rhein und Ruhr. Berlin, 1961; *Erdmann K.* Adenauer in der Rheinlandpolitik nach dem Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1966; *Ruge W.* Zur Taktik..., S. 1115.

6 июня по просьбе Брокдорфа в Версаль прибыли из Кёльна регирунгспрезидент Штарк, Аденауэр, Гаген, депутаты Национального собрания Каас и Зольман, депутат Прусского собрания Лёнарц. Они энергично настаивали на автономии Рейнланда, и Брокдорф долго убеждал их, что этот вопрос в данный момент обязательно будет использован противником для осуществления планов расчленения страны. Ему так и не удалось внушить рейнландцам, что обещание Франции лучше обращаться с Рейнской областью, если она отделится, не более чем приманка [230].

Показательно, что правительство Шейдемана, проявлявшее беспримерную жестокость по отношению к революционным вождям рабочего класса (как раз в эти дни «за государственную измену» был казнен Евгений Левине), в отношении действительных государственных изменников и их вдохновителей ограничивалось декларациями и увещеваниями [231]. Это относилось и к тому, что происходило на востоке.

В мае оживились стремления к созданию самостоятельного государства Силезии [232], а в конце месяца правительство получило известия, что в восточных провинциях грозит взрыв еще более широкого сепаратистского движения под лозунгом: «Мы готовы защищать нашу немецкую национальность всеми средствами, если германское правительство, как на то похоже, намерено нас предать». Собравшиеся в Берлине 22 мая восточногерманские депутаты Национального собрания и Прусского земельного собрания, в том числе социал-демократы, решили создать «парламент востока», а один из двух основанных комитетов (северный) постановил: дабы избежать нового кровопролития между немцами и поляками, необходимо подготовить образование самостоятельной от Пруссии «Остмарк», которая, входя в Германскую империю, была бы «связана добрососедскими отношениями с Польшей, Литвой и другими частями России».

Кабинет поручил Шейдеману составить специальную прокламацию [233]. В ней правительство заверяло, что в своих контрпредложениях отстаивает восточные земли, а немцы на востоке не должны дать врагам повод для введения войск и захвата вла-

---

[230] Kabinett Scheidemann, S. 410, Anm. 10. Заметки Симонса.

[231] Столь же предупредительно относилось прусское правительство к сообщениям о переселении немецких военных спекулянтов в районы Северного Шлезвига, к назначениям в Рейнскую область видных государственных чиновников. См.: ZStA Merseburg. Preußisches Staatsministerium, Rep. 90a, Abt. B, Tit. III 2b, Nr. 6, Bl. 90, 95, 98—99, 101, 103. Заседания 13, 27 мая, 2, 3, 4 июня 1919 г. Правительству Шейдемана было известно, что и гамбургские коммерсанты раздумывали над тем, не следует ли им поставить Гамбург под английский протекторат (*Erzberger M.* Erlebnisse..., S. 377).

[232] ZStA Merseburg. Preußisches Staatsministerium. Rep. 90a, Abt. B, Tit. III 2b, Nr. 6, Bl. 87. Заседание 9 мая 1919 г.; Kabinett Scheidemann, S. 309. Заседание 10 мая 1919 г.

[233] Kabinett Scheidemann, S. 396—397. Заседание 30 мая 1919 г.

сти. Был выдвинут лозунг: «Переговоры, не борьба!»[234] Газета «Die Freiheit» заметила, что призыв этот запоздал, ибо само правительство подало националистам дурной пример своей шумной кампанией под лозунгом: «Не подпишем!»[235].

Возникла реальная угроза распада Германии. Она еще более обострила разногласия в правительстве. Эрцбергер внес предложение побудить нейтральные страны выступить в роли посредников между Германией и Антантой. Его поддержали многие члены кабинета, но с яростными возражениями выступил Брокдорф, объявивший этот план демонстрацией слабости[236]. По просьбе Эрцбергера было созвано специальное заседание кабинета для всестороннего обсуждения возможных последствий принятия или отклонения мирного договора. К этому заседанию, продолжавшемуся два дня — 3 и 4 июня, — он, по совету Шейдемана, подготовил записку. В первой ее части он рассмотрел, что ждет немецкий народ в случае подписания, а во второй — в случае неподписания мира.

При всей тяжести первой перспективы, считал теперь Эрцбергер, война и блокада прекратятся, единство Германии сохранится, «большевизм потеряет агитационную силу», нынешнее правительство останется у власти. Хотя не исключен военный путч правых сил на востоке, он, однако, разобьется о стремление большинства народа к миру и улучшение общего положения. Неподписание мира грозит возобновлением военных действий, оккупацией союзниками (включая американцев) значительных территорий, обострением блокады, репрессиями и реквизициями, вторжением поляков. Внутри страны усилятся голод и разруха, «возобладает большевизм», и «из страха перед этим террором, как в России, многочисленные буржуазные элементы бросятся в объятия крайних левых. Другая часть кинется к правым. Кровавая гражданская война, прежде всего в Берлине и больших городах». Германская империя распадется на отдельные мелкие государства, зависимые от Антанты. Резюмируя, Эрцбергер указал, что и в этом случае через короткое время будет заключен мир, но еще более тяжелый, и притом не империей, а отдельными государствами. Вдобавок грозят «свержение правительства и замена его правительством независимых и коммунистов», полная анархия[237].

Поясняя свою записку, Эрцбергер устно добавил, что мир может быть подписан только с заявлением протеста, как уступка насилию, как принятие под угрозой револьвера обязательства «за 48 часов вскарабкаться на Луну». Он подчеркнул, что руководя-

---

[234] Vorwärts, 31.V 1919. Morgenausgabe.

[235] Die Freiheit, 31.V 1919. Abendausgabe.

[236] Для улаживания разногласий в Версаль выехал Белл. Он говорил, что предложение призвано «воздействовать на рабочих» (Kabinett Scheidemann, S. 415—416, 424. Доклад Белла и заседание 6 июня 1919 г.).

[237] Erzberger M. Erlebnisse..., S. 371—373.

ным принципом политики кабинета должно быть «сохранение империи».

Сразу же в правительстве наметился раскол, притом не по линии партий. Эрцбергера в основном поддержал Носке, поскольку, как заявил он, «поведение войск становится все ненадежнее»; агитация независимых имеет уже успехи. За подписание высказался участвовавший в заседании прусский министр Гейне, признав, что сопротивление невозможно, а жить можно «и с одной ногой». Давид напомнил, что лозунг «неприемлем» был лишь тактическим решением, а неподписание, не отвратив беды, принесет хаос. Сказать «нет», значит сделать героический жест; чтобы сказать «да», требуется еще больше героизма.

Против подписания, угрожая уходом из кабинета, высказались все демократы: Готгейн выразил опасение, что вспыхнет гражданская война на востоке, Прейс говорил о «самоубийстве из страха смерти». Дернбург присоединился к ним, хотя и сделал оговорку относительно важности сохранения коалиции и об опасности развала империи. Деятель партии центра Гизбертс заявил, что признать свою единоличную вину и выдать кайзера Германия не может. Белл на заседании отсутствовал, так как был в Версале. Шейдеман был против подписания, считая себя связанным неоднократными выступлениями. Бауэр и Ландсберг говорили, что катастрофа и хаос наступят также при подписании такого мира. Эберт призвал готовиться к вступлению в Германию врагов. Он заметил, что «не ждет помощи от Америки», и поддержал слова Бауэра: «Пусть Антанта возьмет на себя ликвидацию» [238]. Гирш и Виссель заявили: пускай ставит свою подпись другое правительство. Рейнгардт, хотя и признал, что в народе «воля к сопротивлению отсутствует» и «война бесперспективна», призывал найти пути к неподписанию.

Эрцбергер попытался смягчить остроту разногласий, заметив, что «бóльшую часть пути можно пройти вместе». Антанте можно, конечно, предложить самой взять на себя управление страной, но она, как бывает при распродаже, отберет себе лишь лучшее и будет стремиться прийти к соглашению с отдельными государствами. Надо стараться добиться изменения условий, но, если ничего из этого не выйдет, придется принять мир [239].

[238] Эту мысль публично высказал В. Ратенау. Если не удастся, писал он в «National-Zeitung» 1 июня 1919 г., добиться решающего улучшения условий мира, «нельзя пытаться оказывать ни активного, ни пассивного сопротивления. Тогда ведущий переговоры граф Брокдорф-Ранцау должен вручить правительствам объединившихся против нас держав принятый Национальным собранием декрет о самороспуске, отставке президента империи и всех министров и призвать эти державы немедленно взять на себя все суверенные права Германской империи и всю правительственную власть». Как возникнут в результате такого шага лучшие для Германии условия мира, Ратенау читателям не поведал. См.: *Ruge W.* Zur Taktik..., S. 1112.

[239] Kabinett Scheidemann, S. 417—420. Заседания 3 и 4 июня 1919 г. (протокольная запись Эрцбергера).

Обсуждение это было, разумеется, строго секретным. Но внимательные наблюдатели отмечали, что в настроениях народа постепенно происходили изменения, что росло число людей, осознавших необходимость подписать мир. Независимцы отмечали успех собраний пацифистской группы «Новое отечество», лидером которой был капитан Беерфельде. Смысл продолжавшейся шовинистической кампании метко охарактеризовал в журнале «Die Zukunft» левый буржуазный публицист М. Гарден. Буржуазия, писал он, боится коммунизма и ищет выхода в национализме. Социал-демократы тоже надеются, что «ветер нового национализма» спасет их от гнева революционных рабочих, «создаст народное возбуждение, которое позволит им и дальше еще очень долго удерживать выгодные и льстящие самолюбию позиции власти при помощи грубых средств осадного положения и пулеметов... Искусственное бешенство, с которым вопят о проекте мирного договора, должно... заострить меч контрреволюции»[240].

В начале июня газета НСДПГ, снова отметив рост числа сторонников своей точки зрения, в том числе в кругах правых социалистов, а также промышленников и торговцев, указала, что правительство как будто «несколько приглушило публичную агитацию»[241]. Замечание это оказалось преждевременным. Несколько дней спустя официозное агентство «WTB» опровергло сообщение «Deutsche Tageszeitung», что Эрцбергер готовит меморандум о подписании условий мира: он-де участвовал в единогласном решении кабинета, «которое никогда не менялось»![242] Но, как обычно, опровержение лишь подтверждало: «что-то есть».

За границей тоже заметили известные перемены. В Швейцарии, докладывал 8 июня германский посол в Берне, несмотря на опровержение, циркулирует слух, что «в Берлине растет настроение подписать мирный договор». Из кругов австрийского посольства идут сведения, что в Берлине усиливается милитаризм, а Эрцбергер будто бы сообщил австрийским клерикалам, что договор все же будет подписан[243]. Американское пресс-бюро сообщало по Лионскому радио, что германское правительство изменило курс: вместо резкого «не подпишем» появилось более умеренное — «мы желаем подписать, если вы дадите нам эту возможность путем надлежащих уступок». Очевидно, гласил вывод, германское правительство «страстно надеется склонить Антанту хоть на небольшие дальнейшие уступки, чтобы получить возможность подписать договор и избежать мятежа, который иначе является неотвратимым»[244].

На самом деле процесс психологической перестройки в правящих кругах Германии шел неравномерно и сопровождался упор-

---

[240] Цит. по: Die Freiheit, 24.V 1919. Abendausgabe.
[241] Die Freiheit, 2.VI 1919. Morgenausgabe.
[242] Die Freiheit, 6.VI 1919. Morgenausgabe.
[243] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 670, Bl. 143.
[244] См.: Правда, 13.VI 1919.

ной борьбой. Прежде всего информация о том, что происходит в стане врагов, была отрывочной и противоречивой. В конце мая Л. Розелиус сообщал из Амстердама о встрече с двумя влиятельными американцами (видимо, из окружения Гувера), которые выражали опасения по поводу планов Мёллендорфа — Висселя по реорганизации экономики. Информатор поспешил заключить, что если правительство Эберта — Шейдемана «решительно отвернется от большевизма» и заменит Мёллендорфа сторонником свободы торговли, это окажет существенное воздействие на мирные переговоры [245]. С другой стороны, в ночь с 3 на 4 июня в Трире состоялась очередная встреча Лёба с Конджером и Генротэном. Лёб докладывал, что по пути в Трир видел сосредоточение американских войск и оружия и пришел к выводу, что американцы готовы вступить в Германию, если мир не будет подписан. Разговор с Конджером усилил впечатление, что вряд ли можно ждать пощады. Конджер настойчиво расспрашивал, намерено ли правительство подписать, и не был удовлетворен отрицательным ответом. Он указал на тяжелые последствия неподписания, а майор Генротэн добавил, что война в Восточной и Западной Пруссии, а также в Верхней Силезии начнется немедленно. Получив это донесение, Брокдорф дал указание не продолжать контактов [246].

В начале июня до Эберта дошло через Вену донесение Мольдена О. Бауэру из Гааги от середины мая, в котором говорилось, что нет оснований рассчитывать на движение протеста в Англии или во Франции. Думать, что его вызовет неподписание мира — «опасный оптимизм», ибо договор несет и Англии, и Франции существенные практические выгоды. В Голландии многие считают, что надежды Германии на значительные изменения условий необоснованны и ей придется подписать [247].

Почти одновременно Эберт получил личное послание из Версаля от находившегося там влиятельного финансиста М. Варбурга. Он пытался внушить президенту, что немецкие ноты произвели сильное впечатление в Англии, Франции и Америке, что союзники отвергли устные переговоры исключительно из боязни собственных разногласий. «Время работает на нас»,— утверждал Варбург, обосновывая это тем, что Ллойд Джордж вынужден считаться с левыми силами, во Франции растет стачечное движение, ее финансовое положение ухудшается, в Англии, Франции и Америке усиливаются требования демобилизации армий, а малые нации, третируемые триумвиратом, находятся в оппозиции к нему.

---

[245] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 670, Bl. 91—94. Розелиус — крупнейший бременский импортер кофе, основатель фирмы «Кафе — Хаг».

[246] Kabinett Scheidemann, S. 427—431. Доклад В. Лёба о беседе с Конджером от 6 июня 1919 г.

[247] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 670, Bl. 134—139. Письмо датировано 14 мая, Эберт читал его 6 июня 1919 г.

Поэтому Германии особенно важно держаться установленных принципов.

«Если же мы примем,— продолжал Варбург,— нынешнее мирное предложение, измененное лишь в нескольких пунктах, то выроем сами себе могилу, деморализуем весь народ, на десятилетия убьем в Германии демократию и социализм (вот что, оказывается, заботило банкира! — *Я. Д.*). Ибо как только мирный договор начнет выполняться, у нас начнутся нужда и голод, все обратятся против тех, кто подписал этот договор». Вскоре «забудут виновников всех бед, причиненных войной, и произойдет либо выступление реакции справа, либо — революция со стороны крайних радикалов». Он призывал немедленно усилить официальную агитацию, разъясняя, что мало измененный договор неприемлем и ни одно германское правительство не согласится его подписать.

Варбург сам раскрыл причину своей тревоги, указав, что, по слухам, в Германии «более не выступают столь энергично против мирного предложения, как раньше». Он предостерегал, что «это настроение, конечно, сообщается и нашим врагам», и нужно поэтому сделать все для его преодоления, ибо единственное оружие, которого боятся враги,— пропаганда. Между ними идут споры, и надо, чтобы они понимали: неподписание причинит им еще бо́льшие заботы. Варбург не ошибался, когда выражал надежду, что президент разделяет его мнение, и повторял, что оккупация всей Германии или ее части — меньшее зло, чем подписание, которое надолго лишит Германию «чести и свободы действий» [248].

Днем позже Брокдорф в шифрованной телеграмме лично Эберту тоже пытался поддержать его оптимизм и стойкость. Он утверждал, что «внутреннее положение во всех странах Антанты... резко поворачивается в последнее время в нашу пользу». И он ссылался на забастовки во Франции, восстания моряков на Черном море и в Тулузе, стремления рабочих сорвать действия правительства против «русско-венгерско-немецкой (!) революции», даже писал о «предвестниках революционного кризиса величайшего масштаба». Он сообщал о движении в Бельгии, утверждал, что Дания, Норвегия, Швеция, Швейцария высказались против блокады Германии, что под влиянием общественного мнения Англии «Ллойд Джордж вынужден занять резкую позицию против Клемансо и Вильсона».

Брокдорф призывал Эберта проявить твердость и добиться преодоления «раскола германского пролетариата» в вопросе о мире. Он наивно рекомендовал «обязать не только социалистов большинства, но и независимых занять твердую принципиальную позицию по вопросу о мире и выразить безусловную верность идеалам демократической и социалистической республики». Для этого он предлагал даже провести одновременно раздельные заседания

---

[248] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 670, Bl. 134—139. Письмо от 6 июня; получено 8 июня 1919 г.

правлений обеих партий, информировать их о сообщенных им фактах и соображениях, потребовать от них поддержки позиции мирной делегации [249].

10 июня банкир Мельхиор, который привез Эберту письмо Варбурга, доложил на заседании кабинета об оценке положения мирной делегацией. Протокол не указывает, высказывались ли министры по этому вопросу. Но Эрцбергер предложил на случай, если уступки Антанты будут недостаточны, провести в Национальном собрании решение о невозможности принять те или иные условия и передать его противникам в надежде, что они ответят прежде, чем предпримут насильственные действия [250]. Кабинет поручил Эрцбергеру секретно обсудить этот вопрос с представителями отдельных фракций. Эрцбергер предложил также: если противники отвергнут решение Национального собрания, объявить новые выборы и на это время просить перемирия. Кабинет отклонил эту мысль, поскольку в столь критический момент выборы могут поставить под угрозу внутреннее положение страны. Ландсберг и Гиэбертс внесли обсуждавшееся ранее в мирной делегации предложение заявить, одновременно с отказом подписать договор, что Германия отдает себя во власть Лиги наций. Эрцбергер возразил, что, во-первых, Лига наций будет создана лишь много месяцев спустя, а, во-вторых, это величайшее самоотречение не спасет Германию от расчленения [251].

На следующий день Эрцбергер имел встречу с американцем Дайером. Он еще раз назвал условия, которые позволили бы подписать мир: допущение Германии в Лигу наций — если не сразу, то в определенный срок; плебисциты не только в Верхней Силезии, но также в Познани и Западной Пруссии; отказ от изоляции Восточной Пруссии; установление суммы репараций и ограничение компетенции репарационной комиссии; исключение формулы, что Германия «признает» свою единоличную вину за войну; только нейтральный суд над военными преступниками. Примерно эти же требования (кроме двух последних) высказал и Бернсторф, который считал, однако, предпосылкой подписания сформирование нового германского кабинета. Три дня спустя Дайер заметил, что дошедшие до Германии слухи об оппозиции договору в странах Антанты «придали мужества» сторонникам отклонения [252].

---

[249] Ibid., Bl. 140—141. Шифрограмма от 9 июня 1919 г. Эберт на полях набросал ответ, в котором сообщал о передаче предложения руководству СДПГ (о НСДПГ он, естественно, умалчивал), выражал Брокдорфу и его сотрудникам признательность «за службу отечеству».

[250] Издатели Kabinett Scheidemann указывают, что текст предложения Эрцбергера в его наследии и документах имперской канцелярии не обнаружен. Проект Эрцбергера с рукописной правкой имеется в бумагах бюро рейхспрезидента (ibid., Bl. 185—186).

[251] Kabinett Scheidemann, S. 435—436. Заседание 10 июня 1919 г.

[252] *Schwabe K.* Wilson-Frieden, S. 599—660. Донесения Дайера от 11 и 14 июня 1919 г.

Но к этому времени разногласия в «большой тройке» были уже в основном преодолены. Оставалась лишь серьезная озабоченность тем, как поступить, если немцы откажутся подписать. А эту возможность подтверждали как донесения агентов, так и перехваченная французами телеграмма Брокдорфа правительству, где говорилось, что следует разъяснять прессе: мелкие уступки Антанты имеют мало значения, нужно решать вопрос о договоре в целом [253]. 13 июня между Ллойд Джорджем и Вильсоном разгорелся спор, какое средство будет эффективнее — вступление войск или возобновление блокады. Ллойд Джордж высказался за блокаду, опасаясь пассивного сопротивления и считая, что имущие классы «предпочтут оккупацию социальной революции». Вильсон, поддержанный Клемансо, стоял за военную акцию, назвав блокаду «последним средством». Вопрос остался открытым [254].

Между тем правительство Шейдемана прилагало отчаянные усилия, чтобы урегулировать отношения с южногерманскими правительствами и справиться с сепаратистским движением в восточных провинциях. На конференции с представителями Вюртемберга, Бадена и Гессена 9 июня в Карлсруэ помощнику статс-секретаря Левальду, несмотря на обширные исторические экскурсы и юридические аргументы, не удалось убедить эти правительства в случае оккупации покинуть свои страны. Премьер и министр Гессена говорили, что это будет бегством, способствующим идее «Рейнбунда»; представители Бадена ссылались на опасность «путчей независимцев и спартаковцев», создания Советских республик; руководители Вюртемберга присоединились к этим доводам, напомнив о «печальном примере» Баварии. Правительства согласились только в случае угрозы делегировать в Берлин своих членов.

Еще сложнее были переговоры прусского министра внутренних дел Гейне с представителями Восточной и Западной Пруссии, Познани, Силезии. Гейне, который только недавно признал сопротивление невозможным и говорил, что договор придется подписать, теперь внушал им, что Антанта лишь играет на нервах немцев, стараясь сломить их волю, и нужно поэтому поддерживать нынешнее правительство. Он уговаривал сепаратистов, которые уже 28 мая заявили в Мариенбурге о намерении отделиться от Пруссии и Германии, хотя бы отложить выступление. «Если,— продолжал он,— появится такое германское правительство, которое подпишет мир, не отвечающий нашим жизненным интересам, тогда каждому придется стоять за себя». Восприняв фразеологию Батоцкого и Виннига (которые уже договорились о создании «директории») и точку зрения Рейнгардта, Гейне убеждал собравшихся, что в такой ситуации именно с востока будет исходить «возрождение Германской империи», а потому, что бы ни ре-

---

[253] CdQ, t. II, p. 390. Заседание 12 июня 1919 г.
[254] Ibid., p. 402—404. Заседание 13 июня 1919 г.

шили предпринять сторонники «независимого восточного государства», их руководящей идеей должно быть: «крепко держаться за старую родину»[255]. Убедил ли он своих оппонентов, оставалось неясным.

Хотя внимание правящих кругов было целиком поглощено вопросами мирного договора, переписка относительно нормализации торговли с Россией продолжалась. Виссель писал 4 июня Брокдорфу, что «в заинтересованных кругах все чаще проявляется стремление вступить с Россией в экономические отношения». Он ссылался при этом на фирмы с мировым именем, в том числе на Круппа, считал нужным пересмотреть устаревшие политические аргументы министерства иностранных дел. Виссель прямо заявил: Версальский мирный договор «является, по-моему, лучшим доказательством того, что уклонение от экономических отношений с Россией не пошло нам на пользу в делах с Антантой». Если Германия будет продолжать отказываться от выгодных обменных сделок, Швеция, Дания, а особенно Англия и США, «займут наше место в экономике России». Он настаивал на том, что министерство иностранных дел должно отказаться от возражений против возобновления экономических отношений в полном объеме[256].

Брокдорф, который еще в конце мая обдумывал вопрос, не следует ли осторожно установить контакты с Колчаком, 12 июня четко ответил Висселю, что, «согласно намерению кабинета, необходимо восстановить деловые отношения с Россией... в самое ближайшее время в максимально достижимом объеме». Он признал теперь, что надо решить, «следует ли нам и на каких условиях установить с Россией экономические, а также политические отношения, так как политическая и экономическая деятельность Антанты вынуждает нас к быстрым действиям». Ссылаясь на мнение экономической комиссии германской мирной делегации, Брокдорф предлагал предоставить всем немецким коммерсантам, желающим иметь дела с Россией, максимальные возможности, выдавать в широком масштабе разрешения на вывоз и т. п. Прежние «оговорки» были забыты[257].

Однако было уже слишком поздно. 14 июня в правительственных кругах стал известен ответ Конджера о намерениях Антанты в случае неподписания Германией договора. Конджер сообщал, что Антанта немедленно начнет наступление с выходом войск на линию Штутгарт — Марбург — Шюхтерн — Гамм. Она рассчитывает на вооруженный конфликт между Германией и Польшей, чтобы затем продвинуться дальше с «беспощадным применением всех современных средств уничтожения, с намерением решитель-

---

[255] Kabinett Scheidemann, S. 446—450. Циркуляр прусского министра внутренних дел от 14 июня 1919 г.

[256] Советско-германские отношения, т. 2, с. 118—120.

[257] Там же, с. 122—123.

но уничтожить и опустошить Германию». Франция использует и «черные войска», чтобы добиться осуществления своей давней военной цели [258]. Если в этом документе и были несколько сгущены краски, в общем он соответствовал действительности. Германские власти были предупреждены. Иллюзии рассеивались. Время маневрирования подходило к концу.

Правительственный кризис. Подписание договора

16 июня 1919 г. период ожидания окончился. В беседке парка «Отель де резервуар», где размещалась германская делегация, генеральный секретарь мирной конференции француз Дютаста вручил делегатам новый экземпляр условий мира. Это был все тот же белый том, только несколько фраз были зачеркнуты красными чернилами и ими же вписан исправленный текст. Исправления касались того, что в Саарской области политическую власть будет осуществлять не Франция, а Лига наций, а в Верхней Силезии будет проведен плебисцит [259]. В сопроводительной ноте Клемансо говорилось, что контрпроект германской делегации показал полное непонимание ею положения, в каком находится ныне Германия. Повторяя тезис об ответственности Германии за войну, нота указывала, что немецкий народ, сменивший правителей уже после поражения, не может избежать последствий военных действий, которые он поддерживал. На этом же основании отклонялась просьба Германии о немедленном приеме в Лигу наций с добавлением, что срок будет зависить от поведения немецкого народа. «Последнее слово союзников», говорилось в ноте, таково: «Мир в его нынешнем виде должен быть либо принят, либо отклонен». Если в течение пяти дней не последует согласие подписать, перемирие будет прервано и «союзные и ассоциированные державы предпримут те шаги, какие сочтут необходимыми для того, чтобы принудить силой выполнить их условия» [260].

Ответить на этот ультиматум мирная делегация сама не могла. Добившись у Клемансо продления срока еще на два дня, она выехала в Веймар. Все надежды на то, что разногласия между союзниками помешают им навязать Германии согласованные условия, окончательно рухнули.

Еще в поезде, шедшем из Версаля в Веймар, членами германской делегации был 17 июня составлен меморандум о требованиях Антанты. Он устанавливал, что поправки касаются лишь второстепенных пунктов и потому условия мира «невыносимы»,

---

[258] Kabinett Scheidemann, S. 430, 451. Записка Ромберга от 12 июня.
[259] *Nowak K.* Versailles, S. 304—306.
[260] Ursachen und Folgen, Bd. III, S. 363—371. Автором ноты был личный секретарь Ллойд Джорджа Ф. Керр.

ибо, приняв их, Германия перестанет быть независимой нацией. Они «невыполнимы», ибо финансовые и экономические требования чрезмерны. Кроме того, они «нарушают право», ибо игнорируют данные обещания, и «нечестны», ибо принуждают Германию признать свою единоличную вину за войну и принять «насильственный мир как справедливый». Никто в Германии не может считать предложенный договор выполнимым, а честность «не допускает принятия невыполнимых обязательств»[261].

18 июня с прибытием мирной делегации, приездом вызванного из ставки Грёнера и других генералов в Веймаре началась серия заседаний и совещаний, происходивших то в замке — резиденции президента, то в национальном театре, в помещении, на двери которого висела табличка: «Раздевалка для балета»[262]. Но всем было не до шуток. В докладе на утреннем заседании кабинета Брокдорф снова выдвинул известные со времени войны призывы: «продержаться» и «время работает на нас». Он повторил, что внутренне убежден: только отклонение подписания взорвет блок Антанты, вынудит противников начать устные переговоры, в ходе которых выяснится невыполнимость условий и будет достигнут «сносный» мир. Все молчали[263].

Днем Грёнер встретился с военным министром и другими генералами. Проявившиеся уже раньше противоречия в оценке перспектив теперь еще более обострились. Рейнгардт твердо считал единственным выходом сознательное расчленение империи, ибо принятие мирных условий все равно-де не позволит сохранить ее единство. Как выразился Грёнер, Рейнгардт «спекулировал при таком саморасчленении на внутренне присущей, по его мнению, немецкому народу силе к новому объединению, если только на востоке сохранится ядро старого прусского государства. Отделение Западной и Южной Германии будет тогда лишь временным». Однако Грёнер решительно с этим мнением не согласился, считая, что ему противоречит все историческое развитие немецкого народа. Он категорически отклонил от имени своего и ставки недвусмысленное предложение военного министра «возглавить восстание на востоке в случае принятия мира правительством». Вместе с тем он считал, что в случае, если правительство решится отклонить мир, ставка обязана будет взять на себя военное руководство, даже в безнадежной борьбе. «Ответственность за это,— добавил он, храня верность традициям

---

[261] Kabinett Scheidemann, S. 469—475. Записка германской мирной делегации, 17 июня 1919 г. 19 июня представили свой доклад правительству также финансовые и военные эксперты делегации. Указав на «уничтожающее воздействие» условий мира и сформулировав «минимальные» контртребования, они предостерегали правительство от принятия договора в его нынешнем виде (ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 670, Bl. 156—157).

[262] *Brecht A.* Aus nächster Nähe. Stuttgart, 1966, S. 280.

[263] Kabinett Scheidemann, S. 500. Секретные заметки Брокдорфа о заседаниях кабинета в Веймаре 18 и 19 июня 1919 г.

германской военщины избегать ее,— падет тогда на правительство»[264].

После закончившегося безрезультатно совещания военных Грёнер отправился в замок, где в 4 часа дня должно было состояться заседание кабинета, на которое его пригласили. Однако ему сообщили, что его участие не требуется, поскольку между министрами возникли острые разногласия и они хотят прежде всего разрешить их в своем кругу. У Грёнера создалось впечатление, что уже начался серьезный правительственный кризис и возможна отставка Шейдемана. Вечером Грёнер встретился с Носке и установил, что их взгляды полностью совпадают. Для обоих было несомненно, что при возобновлении военных действий на востоке могут быть достигнуты частные успехи, но конечным итогом будет полная капитуляция, причем она произойдет раньше, чем в странах Антанты изменится политика или возникнут революционные движения[265].

Заседание кабинета под председательством Эберта продолжалось, с часовым перерывом, до трех часов ночи. Протокол его не сохранился, но из воспоминаний участников следует, что страсти накалились и разрыв стал неизбежным. Эберт пытался примирить стороны, но затем признал, что отклонение мира было бы возможным только при наличии единства мнений. А поскольку кабинет расколот, игру следует считать проигранной. При голосовании выяснилось, что стороны равны[266]. Эберт сделал заключение, что тогда решение должны принять фракции[267].

19 июня происходили бурные заседания фракций Национального собрания. Особенно резкие расхождения обнаружились внутри социал-демократической фракции. По некоторым данным, решение подписать с протестом было принято 75 голосами против 39. Партия центра высказалась за подписание, но без признания вины и обязательства выдачи виновников войны. В ней тоже имелись противники подписания. Обе фракции решили при решающем голосовании не применять фракционного принуждения.

Фракция немецких демократов была против подписания. После сообщения, что Эберт сформулировал оговорки — отказ от признания вины и выдачи, признание права на колонии, изменение восточной границы, через два года пересмотр договора Лигой наций,— немецкие демократы обусловили свое согласие еще рядом дополнительных требований, в частности установлением суммы

---

[264] Kabinett Scheidemann, S. 477—478. Заметки Грёнера о пребывании в Веймаре 18—20 июня 1919 г.

[265] Ibid., S. 478—479.

[266] По воспоминаниям Эрцбергера, голосовали 7 — за подписание, 7 — против. Ландсберг считал, что было 8 — «за», 6 — «против». «За», несомненно, голосовали: Эрцбергер, Белл, Гизбертс, Давид, Виссель, Шмидт, против — Шейдеман, Брокдорф, Ландсберг, Прейс, Готтейн, Дернбург. Неясно, как голосовали Бауэр и Носке.

[267] Kabinett Scheidemann, S. 501. Заметки Брокдорфа; *Erzberger M.* Erlebnisse..., S. 376—377; *Stoff V.* So war es in Versailles. Berlin, 1929, S. 114.

репараций нейтральным арбитром. Фракция НСДПГ считала необходимым подписание, фракции правых партий были против [268].

В то же утро в манеже состоялось совещание военных под председательством Рейнгардта, в котором участвовали также командующие войсками Баварии, Саксонии, Вюртемберга, глава адмиралтейства, многие офицеры. Грёнер иронически назвал это заседанием «Военного совета», считая, что в политическом плане оно могло привести только к «величайшей для Германии катастрофе». Рейнгардт развил здесь свой известный проект повстанческого движения на Востоке и нашел поддержку у значительного числа генералов, мечтавших, по выражению Грёнера, о «роли Йорка». Участникам совещания была роздана анкета, более детальная, чем та, которую месяц назад разослала ставка.

Обсуждение было прервано появлением Носке. В своей речи он решительно заявил о невозможности новой войны с Антантой, обосновав это не только военными, но и внутриполитическими соображениями. «Нам должно быть ясно,— говорил он,— что возобновление борьбы на западе будет иметь следствием самостоятельную Южную Германию, самостоятельный Рейнланд и, возможно, также самостоятельный Ганновер. Далее, нам придется при отклонении мира считаться с забастовками большого масштаба. Среднюю Германию, учитывая ее состояние, не удастся удержать в руках. Бремен, может быть, удастся; Гамбург немедленно объявит себя Советской республикой». Перейдя к положению на Востоке, Носке заметил, что в Верхней Силезии и Западной Пруссии возможны неожиданности, но он не верит в «огромный подъем», на который рассчитывают националисты. Большие города не поддержат их, ибо влияние спартаковцев-коммунистов уравновесит здесь силы. Экономическое положение будет трудным. На Балтике находятся 40—50 военных кораблей противника; возможны и налеты авиации. «Только если мы сохраним в известной целости империю,— заявил он,— возможно возрождение Германии». Носке рассказал далее о разногласиях в кабинете и о неизбежности его падения. В этой связи он бодро сообщил, что имеется реальная возможность принятия им, Носке, поста главы правительства с диктаторскими полномочиями.

Идея установления диктатуры «сильной личности», рожденная в кругах реакционного офицерства, имела целью не только подавление революционных рабочих, но и отказ от подписания мира [269].

---

[268] См.: Kabinett Scheidemann, S. 502. Об ужесточении позиции партии немецких демократов см.: *Albertin L.* Liberalismus und Demokratie, S. 333—339.

[269] Уже в мае по рукам ходила брошюра, подписанная «Марк Антон», в которой установление «диктатуры Носке» объявлялось «требованием часа». Генерал Меркер, командир корпуса ландъегерей, на который Носке возложил охрану Национального собрания, готов был разогнать его, сместить правительство и провозгласить Носке диктатором. Не без хвастливого самодовольства Носке писал впоследствии: «...я мог одним словом оказать далеко идущее влияние на судьбу Германии» (*Noske G.* Erleb-

Носке не верил в возможность военного сопротивления. Вместе с тем он хотел предотвратить уход из армии генералов и офицеров, с которыми вместе душил революцию. Поэтому он заявил, что предварительным условием принятия им на себя ответственности считает «надежность военных руководителей», ибо, если правда, что они в случае подписания мира намерены противодействовать правительству, то армия станет недееспособной. На этот прямо поставленный вопрос Грёнер и большинство присутствовавших военных заверили Носке в доверии и поддержке, оговорив, однако, неприемлемость «позорных параграфов» договора.

По мнению Грёнера, после такого «прояснения ядра обсуждения» дальнейшие разговоры были не только бессмысленны, но и вредны. Однако Рейнгардт и генералы, командовавшие войсками на Востоке (Лосберг и Белов), продолжали обсуждать планы сепаратной операции в этом районе, не желая считаться ни с положением на западе, ни с политическими последствиями. Даже предостережение Грёнера, что они окажутся в роли мятежников, не возымело действия [270].

Днем 19 июня состоялось заседание Комитета государств. Брокдорф обосновал предложение мирной делегации об отказе от подписания мира. Он снова ссылался на возможность революции в странах Антанты, но Грёнер отметил про себя обилие в его речи общих мест и отсутствие трезвого анализа политических, военных, экономических последствий подписания или неподписания. Еще до Брокдорфа премьер-министр Саксонии говорил, что отклонение мира приведет к катастрофе и новой революции, а премьер Вюртемберга предрекал распад Германии. Теперь премьеры Бадена и Гессена заявили, что 85—90 или даже более 95% населения хотят услышать ответ «да!». За подписание, обрисовав тяжелые последствия оккупации, выступил Эрцбергер. В то же время представители Пруссии, ганзейских городов и некоторые другие продолжали настаивать на неприемлемости условий. Председательствовавший Дернбург пытался в заключение склонить весы в сторону отклонения, но единого решения предложено не было [271].

На совещании, которое в тот же вечер провел прусский министр Гейне с представителями всех партий восточных провинций и военными, царило более «воинственное» настроение. Здесь конкретно рассматривались вопросы о перспективах выступления немецких войск как в случае неподписания, на котором продолжало единогласно настаивать прусское правительство,

tes..., S. 106—107, 110—112; ср. также: Idem. Von Kiel bis Kapp, S. 151—152).

270 Kabinett Scheidemann, S. 479—483. Записка Грёнера. См. также: *Groener W.* Lebenserinnerungen.... S. 503—505; *Schützle K.* Der «Kriegsrat» vom 19. Juni 1919.— Zeitschrift für Militärgeschichte, 1966, Nr. 5, S. 592—596.

271 Kabinett Scheidemann, S. 483—486, 505—507. Заметки Грёнера и Брокдорфа; *Erzberger M.* Erlebnisse..., S. 377.

так и в случае подписания. В первом случае военные, а также Винниг считали выступление армии и народа неизбежным, а его возможности весьма благоприятными; возражали только имперский комиссар социал-демократ Гёрзинг и другие представители Силезии. Во втором случае большинство склонялось к мнению, что «народное восстание» не произойдет, но самостоятельные выступления воинских частей вероятны [272].

Резюмируя свои впечатления от двух заседаний (днем и вечером 19 июня), на которых он присутствовал, Грёнер с огорчением записал, что в народе нельзя обнаружить ни боевого духа, «обязательной предпосылки военного успеха», ни «стихийного национального воодушевления и высокого мужества самопожертвования», совершенно необходимых для «отчаянной борьбы». По традиционному убеждению прусской военщины, виноват был сам народ, который не пожелал более проливать кровь (во имя авантюристических прожектов битых генералов и провалившихся политиков). Вслед за Носке, который говорил в это время о «моральном и национальном оскудении» (Verlumpung) немцев, Грёнер с таким же пренебрежением заключил, что при подобном «национальном оскудении народа» даже Гинденбург не в силах пробудить в нем волю к борьбе [273].

Письменное заявление Гинденбурга от 17 июня, которое Грёнер привез с собой и только теперь послал Носке, гласило: «При возобновлении боевых действий мы в военном отношении в состоянии на востоке отвоевать провинцию Познань и удерживать наши границы. На западе при серьезном наступлении наших противников мы перед лицом численного превосходства Антанты и ее возможности охватить нас с обоих флангов вряд ли можем рассчитывать на успех. Благоприятный исход общих операций поэтому весьма сомнителен, но я, как солдат, должен предпочесть гибель с честью позорному миру» [274].

Поздно вечером состоялось еще одно совещание фракций веймарской коалиции. Попытки сблизить точки зрения оказались безуспешными, и ораторы лишь повторяли прежние аргументы. Шейдеман положил конец бесплодным дебатам заявлением, что с согласия членов кабинета заявит президенту об отставке правительства [275]. В ночь на 20 июня, с половины первого до пяти часов утра члены кабинета, уходящего в отставку, совещались с президентом Эбертом. Вопрос о подписании договора был по сути дела уже решен. Споры шли теперь о том, как это сделать и кто примет на себя ответственность за данный шаг. Эберт подумывал и сам уйти в отставку, ибо считал условия мира невозможными. Его останавливало, однако, опасение, что его уход

[272] Kabinett Scheidemann, S. 486—490. Заметки Грёнера.
[273] Ibid., S. 490; *Scheidemann Ph.* Der Zusammenbruch. Berlin, 1921, S. 249.
[274] Ursachen und Folgen, Bd. III, S. 373.
[275] Kabinett Scheidemann, S. 502—503. Заметки Брокдорфа; *Erzberger M.* Erlebnisse..., S. 377—378; *Scheidemann Ph.* Memoiren, Bd. II, S. 373.

ускорит распад Германии. Он просил членов кабинета продолжать пока ведение дел.

В общих чертах была согласована «промежуточная нота» Антанте. Сообщая об отставке правительства, она вновь отклоняла статьи о виновности и выдаче, выдвигала условия, примерно соответствовавшие требованиям немецких демократов. Ноту не удалось, однако, отправить из-за отрицательного отношения социал-демократической фракции и отказа как Шейдемана, так и Брокдорфа поставить под ней свою подпись. Новое межфракционное заседание коалиционных партий днем 20 июня не прояснило ситуации [276]. Брокдорф вручил президенту личное заявление об отставке. Его игра была проиграна [277]. Фракции немецких националистов и немецкой народной партии совместно подтвердили, что отклоняют мирное предложение, как обрекающее страну на «длительное порабощение» и «национальный позор» [278].

Начались переговоры о формировании нового правительства, которое должно было подписать мир. Несмотря на отказ немецких демократов войти в его состав [279], прилагались усилия привлечь хотя бы отдельных деятелей этой партии, ибо Эберт считал «черно-красное» правительство нежелательным. Грёнеру, который посетил его перед своим отъездом в ставку, Эберт сказал, что в данный момент о кандидатуре Носке на пост главы правительства не может быть и речи. Кроме практической невозможности соединения этого поста с постом министра обороны, решающим является то, что выдвижение Носке «будет действовать на рабочий класс провоцирующе». Но Эберт заверил огорченного генерала, что в дальнейшем будет сам больше заниматься делами: «В будущем необходимо править строже, чтобы наконец внутри страны были восстановлены спокойствие и порядок». Грёнер покинул Веймар в ночь на 21 июня, не зная, что «промежуточная нота» не отправлена. Он был поэтому намерен принять все меры на случай возможного возобновления военных действий [280].

21 июня переговоры о формировании правительства продолжались. В бюро рейхспрезидента поступила шифровка от посла в Христиании, в которой общее настроение в Норвегии после ультиматума Антанты суммировалось так: «Германия, собственно, не может подписать этот мирный договор, но следует тем не менее

---

[276] Kabinett Scheidemann, S. 494, 498—500. Письмо Висселя Мёллендорфу; заметки Брокдорфа.

[277] *Brockdorff.* Dokumente, S. 118—120. Три года спустя Брокдорф стал послом Германии в Советской России. На этом посту он немало содействовал развитию торговых и экономических связей, установлению между обеими странами дружеских отношений. Но на смертном одре в 1928 г. он сказал, что не достиг в жизни того, к чему стремился: «Мне все разбили — я ведь умер уже в Версале!» См.: *Euler H.* Die Außenpolitik der Weimarer Republik 1918/1923. Aschaffenburg, 1957, S. 156.

[278] Ursachen und Folgen, Bd. III, S. 378.

[279] Ibid., S. 379. Заявление фракции от 21 июня 1919 г.

[280] Kabinett Scheidemann, S. 482, 490—492. Заметки Грёнера.

очень надеяться, что подписание состоится ... что Германия пожертвует собой в общих интересах»[281]. Из Версаля временный представитель мирной делегации Лерснер сообщал, что французская пресса ликует по поводу отставки правительства, так как влиятельные круги не рассчитывали на принятие договора[282]. Прусский поверенный в Гессене доносил, что по строго секретному французскому приказу войска должны через 36 часов после начала наступления выйти на линию Констанц — Ульм — Вюрцбург — Бебра — Бремен. Второй этап — линия, начинающаяся от Тюрингского леса, чтобы отсюда при поддержке поляков начать концентрическое наступление на Берлин. Порты должны быть заняты с помощью англичан[283]. Из Берна телеграфировали, что американцы подбросили базельской газете предложение: затруднение с выдачей кайзера суду Антанты может быть преодолено, если он сам, спасая свой народ, сдастся в ближайшем голландском порту капитану американского корабля[284]. 15 членов социал-демократической фракции (в их числе Ландсберг, Гейне, Браун) сообщили, что, хотя и не одобряют условий мира, будут голосовать в Национальном собрании за подписание[285].

К вечеру новый кабинет был создан. После рассмотрения кандидатов (Давид, Носке, Виссель, Шмидт, Г. Мюллер) его возглавил бывший министр труда социал-демократ Г. Бауэр. Министром иностранных дел стал его коллега по партии Г. Мюллер, Давид — министром внутренних дел; Носке, Виссель, Шмидт и Гизбертс остались на своих постах; Эрцбергеру достался портфель министра финансов, который он принял с опаской, Беллу — новое министерство железных дорог; министром труда стал социал-демократ Шликке, министром казначейства В. Майер (Баварская народная партия — партнер партии центра); пост министра юстиции не был замещен. При 7 социал-демократах в правительство входили 4 деятеля партии центра[286].

22 июня в Веймаре открылось заседание Национального собрания. С заявлением выступил новый министр-президент Бауэр. Старый кабинет, сказал он, ушел в отставку из-за невозможности достичь единства по вопросу о мирном договоре. «Мы стоим здесь из чувства долга, в сознании нашей проклятой обязанности попытаться спасти, что возможно... В понедельник вечером... должна снова начаться война, если наше «да» не будет получено в Версале... Отклонение не было бы устранением договора. «Нет» явилось бы только отсрочкой «да»! Сила нашего сопротивления сломлена...». Бауэр просил собрание дать правительству полномочия под-

---

[281] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 670/1, Bl. 5—6.
[282] Ibid., Bl. 14.
[283] Ibid., Bl. 20.
[284] Ibid., Bl. 24.
[285] Ursachen und Folgen, Bd. III, S. 379—380.
[286] О формировании правительства см.: *Kastning A.* Die deutsche Sozialdemokratie zwischen Koalition and Opposition. 1919—1923. Paderborn, 1970, S. 25—26.

писать договор с оговоркой, что оно «не признаёт этим немецкий народ виновником войны» и не берет на себя обязательство о выдаче «военных преступников» (статьи 227—230).

Налагаемые на Германию обязательства, считал Бауэр, превосходят возможности страны. Открывая путь тем, кто заранее намерен был саботировать договор и мечтал о реванше, Бауэр провозгласил, что «отклоняет всякую ответственность за последствия», если условия окажутся невыполнимыми. Он закончил речь словами, которые должны были аттестовать его перед миром не как опасного революционера, а как мирного либерала: «Даже мировая революция не может исцелить болезни, от которой мы погибаем. Только революция нашего морального сознания способна вывести нас из ночи и мрака к лучшему будущему»[287].

Позиция правительства, как и ожидалось, подверглась ожесточенным атакам со стороны националистов. Их сторонники перешли и к демонстративным действиям. В этот день в Скапа-Флоу по заранее отданному секретному приказу контрадмирала Рейтера офицерами были потоплены интернированные англичанами корабли германского военного флота[288]. Состоялись шовинистические демонстрации в Мюнхене и других городах. На следующий день солдаты «добровольческих корпусов» и студенты ворвались в Берлинский цейхгауз, извлекли оттуда захваченные Пруссией в 1870—1871 гг. французские знамена, которые по договору надлежало вернуть Франции, и сожгли их на площади у памятника Фридриху Великому. В своих речах в Национальном собрании представители правых партий продолжали провозглашать шовинистически-реваншистские лозунги. Только Гаазе от имени НСДПГ предостерегал правительство от уклонения с прямого пути. Выразив опасение, что Антанта не примет немецкого ответа с оговорками, он подчеркнул: «Правительство не должно становиться на путь этой великой опасности, оно должно подписать»[289].

В ходе обсуждения предложение об одобрении «позиции правительства в вопросе подписания мирного договора» было заменено (после совещания с независимыми) более определенным: «Национальное собрание согласно на подписание мирного договора». Представители правых партий, обнаружив разницу формулировок, заявили, что новая предоставляет правительству полномочия и на безоговорочное подписание[290]. Но, как отметил в одном из личных писем генерал Сект, более прямолинейный, чем политики, все эти оговорки, условия, протесты превратились в сплошное «очковтирательство». Многие голосовали против лишь

---

[287] VDNV, Bd. 327, S. 1113—1115.
[288] Ursachen und Folgen, Bd. III, S. 371, 373. Приказ был найден английскими морскими офицерами и опубликован в британской прессе в декабре 1919 г.
[289] VDNV, Bd. 327, S. 1129.
[290] Ibid., S. 1125.

потому, что «знали: подписание мира обеспечено и несмотря на их голосование»[291].

В итоге поименного голосования днем 22 июня за полномочия правительству голосовали 237 депутатов (независимцы, социал-демократы, большинство членов партии центра), против — 138 (немецкие националисты, народная партия, немецкие демократы и др.), воздержались 5 человек[292]. В Париж были отправлены три ноты. Одна сообщала об отставке правительства Шейдемана и создании правительства Бауэра, вторая о замене Брокдорфа на посту председателя германской мирной делегации Ганиэлем, третья излагала позицию правительства и решение Национального собрания о согласии подписать договор с оговоркой[293].

Однако союзные державы вовсе не намерены были идти на какие-либо уступки. Еще за несколько дней до истечения срока в Совете четырех были выслушаны доклад маршала Фоша и соображения военных советников — Петена, Робертсона, Блисса, Кавалерро, Вейгана, Г. Вильсона. На вопрос Фоша о главной задаче вступления в Германию союзных войск Клемансо ответил: «Есть два способа действий — осторожный и решительный. Я за решительный. Нужен марш, смелый, грубый, чтобы добиться полного эффекта,.. прямой марш на Берлин». Президент Вильсон, Ллойд Джордж и Соннино согласились с ним. «Вражеская армия — ее нет передо мной»,— провозгласил Фош, докладывая о готовности союзных войск к наступлению. Однако он настойчиво предлагал не прямой марш на Берлин (450 км), а сначала операцию, отрезающую Пруссию от Южной Германии, и подписание сепаратных договоров с южногерманскими государствами. Вильсон и Ллойд Джордж были смущены таким поворотом, Клемансо сделал вид, что даже «разочарован» Фошем. Но все военные были единодушны в том, что первым рубежом должна явиться река Везер. Впрочем, это были детали; главное споров не вызывало. Маршал Фош получил приказ выступить немедленно после 19 часов 23 июня[294].

Проект ответа Германии был сформулирован Вильсоном. Нота, подписанная Клемансо, прежде всего напоминала германскому правительству, что «для окончательного решения о подписании договора... осталось менее 24 часов». Немецкая нота с ее оговорками отвергалась, как не содержащая никаких новых аргумен-

---

[291] *Rabenau E.* Seeckt. Aus seinem Leben, Bd. II. Leipzig, 1940, S. 185.

[292] Во фракции центра *за* голосовали 78, *против* — 9 (*Morsey R.* Die Deutsche Zentrumspartei, S. 189). При одновременно проведенном голосовании доверия правительству против было подано 89 голосов, немецкие демократы (69 голосов) воздержались (VDNV, Bd. 327, S. 1138).

[293] PPC, v. VI, p. 607—611. Заседание 22 июня 1919 г. Приложение. В дополнении к последней ноте сообщался также результат голосования доверия правительству.

[294] CdQ, t. II, p. 430—438, 458—467; PPC, v. VI, p. 501—509, 543—551. Заседания 16 и 20 июня 1919 г.

тов и соображений. Да и вообще «время обсуждений прошло»[295]. Руководители союзных держав решили отдельно предъявить Германии претензии за потопление судов и враждебные демонстрации в Скапа-Флоу и Берлине. Ллойд Джордж настаивал на быстрых действиях в случае неподписания и выразил готовность Англии срочно перебросить на континент три дивизии, а затем еще две. На его вопрос, что думают партнеры о том, когда немцы подпишут, Клемансо ответил: «Завтра, между $5^1/_2$ и 6 часами вечера» (срок истекал в 19 часов). Вильсон, восприняв прежнюю версию Клемансо, сказал: «Они подождут, пока их вынудят. Они этого хотят»[296]. Прав оказался Клемансо: в 17 часов 40 минут 23 июня секретарь мирной конференции Дютаста принес ожидавшим главам пяти правительств германскую ноту о согласии подписать без оговорок[297].

Но этому в Германии предшествовал еще один тур острых схваток. Утром 23 июня Ганиэль, продолжая линию Брокдорфа, в срочной шифровке из Версаля рекомендовал общественному мнению и Национальному собранию «сохранить твердость». Он предупреждал, что французы намерены придать акту подписания мирного договора характер «унизительной для нас победной и реваншистской демонстрации в Зеркальном зале Версальского дворца». Однако он мог предложить лишь повторение пройденного: послать для подписания малоизвестного политического деятеля. А в сверхсрочной телеграмме несколько часов спустя он рекомендовал направить Клемансо еще одну ноту, в которой прежние оговорки аргументировались бы ссылкой на опасность немедленного развала армии и установления «господства большевизма»[298]. Это тоже была неуклюжая попытка вернуться ко вчерашнему дню.

Тем временем на заседание фракции центра явился генерал Меркер и заявил, что в случае подписания мира офицеры откажутся служить правительству. Приглашенный для выяснения ситуации Носке, неожиданно изменив свою прежнюю позицию, высказался против подписания мира, ибо в противном случае «хаос станет неизбежным». Фракция центра значительным большинством, включая и Эрцбергера, проголосовала против принятия условий. Правительство Бауэра решило in corpore подать в отставку; назрел новый правительственный кризис.

Эберт пригласил кабинет на экстренное совещание. Здесь выяснилось, что изменение позиции партии центра возмутило руководителей оппозиционных фракций (националистов, «народной партии» и немецких демократов), которые по существу больше боялись отклонения мира, чем его принятия. Возможность самим

---

[295] CdQ, t. II, p. 478; PPC, v. VI, p. 605—606, 612. Заседания 22 июня 1919 г.; Ursachen und Folgen, Bd. III, S. 385—386.
[296] CdQ, t. II, p. 479—480; PPC, v. VI, p. 644. Заседание 22 июня 1919 г.
[297] CdQ, t. II, p. 496. Заседание 23 июня 1919 г.
[298] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 670/1, Bl. 28, 62—65.

сформировать правительство, которое приняло бы на себя ответственность за отказ от подписания, их вовсе не привлекала. Руководитель народной партии Гейнце придумал выход: он уведомил правительство, что голосование, состоявшееся накануне, дает ему полномочия подписать мир также и без оговорки относительно «вопросов чести» [299].

Еще до этого Эберт связался по телефону со ставкой, чтобы получить ясный ответ, как быть. Когда Гинденбург, находившийся в кабинете Грёнера, узнал, чего от него хотят, он быстро вышел. «Вам опять приходится быть черной овцой»,— с «сочувствием» сказал он Грёнеру, возвратившись, когда разговор был окончен. Ответ Грёнера Эберту, подтвержденный затем телеграммой, гласил: «Не как первый генерал-квартирмейстер, а как немец, который ясно оценивает общую ситуацию, я считаю в этот час своим долгом дать Вам, господин имперский президент, следующий совет: возобновление борьбы после временных успехов на востоке окажется в конечном счете безнадежным. Мир должен быть поэтому заключен на основании поставленных противником условий». При этом он еще раз предложил Эберту поручить Носке взять на себя «руководство народом и ответственность за заключение мира» [300].

Снова немецкие милитаристы были верны себе. Не только Гинденбург, но и весь Генеральный штаб были ловко освобождены от ответственности за важное решение. Знаток истории этого времени В. Руге дал яркую характеристику поведения военных: «Они повторили тот же танец с экивоками, который уже исполнили при требовании перемирия и в вопросе об отречении, чтобы, с одной стороны, документировать свою претензию на руководство и при решении вопросов, поставленных неотвратимым развитием событий, но, с другой стороны, поскольку это развитие событий неизбежно должно было сузить мощь германского империализма, снять с себя ответственность за эти решения» [301].

Незадолго до решающего заседания Национального собрания днем 23 июня партии оппозиции согласились дать публичные заверения, что они признают: правительство и поддерживающие его партии, подписывая безоговорочный мир, действуют, руководствуясь «бескорыстными, патриотическими мотивами». Бауэр, прочитав ответ Клемансо, призвал собрание отказаться от протестов и выражений возмущения и согласиться на подписание правительством мира без всяких оговорок. Собрание простым голосованием подтвердило полномочия правительству. Шиффер, Гейнце и Шульц сделали обещанные «заявления о чести», так что Фе-

---

[299] См.: *Noske G.* Erlebtes..., S. 107—108; *Idem.* Von Kiel bis Kapp, S. 153; *Erzberger M.* Erlebnisse..., S. 380—382; *Morsey R.* Die Zentrumspartei, S. 189—190.

[300] *Groener W.* Lebenserinnerungen..., S. 507; *Groener-Geyer D.* General Groener, S. 161—162.

[301] *Ruge W.* Hindenburg. Porträt eines Militaristen. Berlin, 1974, S. 200.

ренбах смог констатировать признание всеми и у всех, независимо от голосования «за» или «против», патриотических побуждений [302]. Заседание продолжалось всего 20 минут. Ганиэлю было послано указание вручить мирной конференции в Париже ноту, в которой Германия, «уступая превосходящей силе и не изменив своего мнения о неслыханной несправедливости условий мира», выражала готовность принять и подписать эти условия [303].

За пять дней, отделявших это решение от подписания договора, пока в Версале готовились к торжественной церемонии, в Германии была без серьезных осложнений достигнута стабилизация власти. «Бурные страсти» оказались кратковременной вспышкой. Опасения, что произойдет всеобщий «бунт военщины», не подтвердились. Подали, правда, в отставку военные и гражданские члены комиссии по перемирию во главе с генералом Гаммерштейном [304], было предложено сделать это генералу Белову и некоторым другим. 23 июня все фракции Национального собрания обратились к армии с выражением признательности и призывом принять навязанный мир и самоотверженно продолжать выполнение «патриотического долга» [305]. Генерал Грёнер объявил в своем письме к армии все «красивые речи глупостью, а возобновление борьбы — безумием» и призвал воздержаться от военных мятежей. Менее уверенно прозвучала надежда, что не будет «внутренних беспорядков и восстаний революционного и большевистского характера» [306].

Однако немецкий народ в это время был совершенно неспособен к активной борьбе. Характеристику его настроений дал советский инженер Р. Э. Классон, посетивший Германию как раз в эти дни. «Если бы мир не был подписан,— докладывал он В. И. Ленину,— то, по всей вероятности, в Германии наступил бы полный хаос. Народ протестовал против неподписания мира. Получалось впечатление полного равнодушия народа — нужен только мир, а остальное безразлично. Наблюдались настроения полнейшей апатии, страшной усталости, особенно среди рабочих...» [307].

С этим не могли не считаться даже самые оголтелые националисты и милитаристы. Обер-президенты восточных провинций во главе с Батоцким рекомендовали населению отказаться от борьбы и подчиниться принятому правительством решению [308]. Сепаратистские устремления на юге и западе Германии тоже не

---

302 VDNV, Bd. 327, S. 1140—1141. Правые партии недолго держались данных ими торжественных обещаний. Вскоре они развернули ожесточенную кампанию против подписавшего мир правительства.
303 Ursachen und Folgen, Bd. III, S. 387—388; PPC, v. VI, p. 644. Заседание 23 июня 1919 г.
304 ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 670/1, Bl. 35.
305 VDNV, Bd. 327, S. 1141—1142.
306 Ursachen und Folgen, Bd. III, S. 531—532.
307 ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 3, д. 176, л. 14—15.
308 *Groener W.* Lebenserinnerungen..., S. 325—326.

получили развития. Германская империя, хотя и в несколько уменьшенных размерах, сохранила свою целостность. 25 июня ушел в отставку фельдмаршал Гинденбург. 1 июля он телеграфировал Эберту, что готов лично нести ответственность за все решения кайзера и короля, принятые после 29 августа 1916 г.[309] 3 июля была распущена ставка Верховного командования.

И тем не менее ни планы ревизии мирного договора, ни далеко идущие планы реванша за проигранную войну и унизительный мир нисколько не были отброшены. Они были лишь отложены. Об этом не только тайно, но и почти открыто говорили многие политические деятели, и не только правого крыла[310].

*

Мирный договор был подписан в Версале 28 июня 1919 г., когда исполнилось пять лет со дня выстрелов в Сараеве. Со стороны Германии свои подписи под ним поставили министр иностранных дел Г. Мюллер и министр юстиции И. Белл. Он был ратифицирован Национальным собранием 9 июля, объявлен 16 июля 1919 г., вступил в силу (после передачи Франции ратификационных грамот) 10 января 1920 г.[311]

Что же принес Германии и миру Версальский мирный договор, если смотреть на него не только глазами современников, но и учитывая дальнейшее развитие событий, в том числе трагический опыт второй мировой войны?

Договор состоял из 440 статей, сгруппированных в 15 разделов.

Территориальные условия договора предусматривали возвращение Германией Франции Эльзаса и Лотарингии, отторгнутых в результате Франко-прусской войны 1870—1871 гг. Саарская область на 15 лет передавалась под управление Лиги наций. Плебисцит 1935 г. вернул ее Германии. К Бельгии отходили округа Эйпен, Мальмеди и Морене. В Шлезвиге в феврале-марте 1920 г. был проведен плебисцит, в результате которого северная часть Шлезвига вошла в состав Дании[312].

На востоке наиболее сложным был вопрос о польско-германской границе. Державы-победительницы, как мы видели, стремились отнюдь не к восстановлению исторической справедливости и возвращению Польше ее исконных земель. Они прежде всего были озабочены тем, чтобы превратить Польшу в государство-буфер между Германией и Советской Россией, в «защитный вал против коммунизма». В состав Польши были включены на западе некоторые районы Померании и Познани, небольшие части

---

[309] ZStA Potsdam. Büro des Reichspräsidenten, Nr. 670/1, Bl. 61.

[310] См.: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 3, S. 233; *Фарбман Н. В.* У истоков ревизии Версальского мирного договора.— Ежегодник германской истории. 1969. М., 1970.

[311] Der Friedensvertrag von Versailles nebst Schlußprotokol und Rheinlandstatut. Berlin, 1925.

[312] *Schwarz A.* Die Weimarer Republik. Konstanz, 1958, S. 72.

Западной и Восточной Пруссии и Верхней Силезии. При этом по проведенным в июле 1920 г. и марте 1921 г. плебисцитам области Восточной Пруссии и бо́льшая часть Верхней Силезии были снова переданы Германии[313]. Чтобы дать Польше выход к морю, был создан так называемый польский коридор, отделивший Восточную Пруссию от остальной Германии. Данциг (Гданьск) был объявлен «вольным городом» под охраной Лиги наций.

Такое проведение польско-германской границы не удовлетворяло Польшу, поскольку многие исконно польские земли оставались у Германии, выход к морю не был закреплен. Правда, то обстоятельство, что восточная граница Польши не была определена договором, позволило ей захватить непольские земли — Западную Украину и Западную Белоруссию. Не хотела смириться с границей и Германия. Так Версальский договор посеял семена конфликта, который, созрев, стал одной из причин второй мировой войны.

Чехословакии были переданы части округов Ратибор и Леобшюц. Область Клайпеды (Мемеля) была поставлена под контроль Лиги наций и лишь в 1923 г. возвращена Литве.

Территориальные положения Версальского договора уменьшили территорию Германии примерно на 1/8, а население — почти на 1/10 часть. Специальной статьей договора было запрещено присоединение к Германии Австрии (так называемый аншлюс), посредством которого германские империалисты хотели укрепить свои позиции в Центральной и Юго-Восточной Европе и компенсировать территориальные потери. Лишив Германию ее колоний, страны-победительницы вовсе не думали о предоставлении колониальным народам свободы. Они рассматривали германские колонии как военную добычу и поделили их между собой под видом «мандатов» Лиги наций.

Военные статьи Версальского договора ограничивали вооруженные силы Германии 100-тысячным добровольческим рейхсвером[314], срок службы в котором был определен в 12 лет для солдат и 25 лет для офицеров. Число офицеров не должно было превышать 4 тысяч. Были установлены ограничения для производства ряда видов оружия и военных материалов. Германии запрещалось иметь подводные лодки и авиацию, производить отравляющие вещества. Количество кораблей морского флота было ограничено. Все германские укрепления на западе уничтожались, но сохранялись на юге и востоке. Левый берег Рейна оккупировался войсками Антанты сроком на 15 лет, на правом бе-

---

313 *Schwarz A.* Op. cit., S. 72.

314 За 3 месяца численность сухопутных войск должна была быть сокращена до 200 тыс., а к 31 марта 1920 г. до 100 тыс. солдат. Флот должен был иметь не более 15 тыс. матросов. См.: *Schickel A.* Der Friedensvertrag von Versailles.— Aus Politik und Zeitgeschichte, 1969, H. 26.

регу Рейна создавалась демилитаризованная зона шириной в 50 км. Для наблюдения за выполнением военных условий были образованы межсоюзные контрольные комиссии [315].

В течение некоторого времени военные ограничения, несомненно, тормозили возрождение германского милитаризма, однако предотвратить новую германскую агрессию эти меры не смогли, как не смогла это сделать и бессильная Лига наций.

Версальский договор предусматривал привлечение к судебной ответственности лиц, виновных в совершении военных преступлений, а также предание международному трибуналу бывшего кайзера Вильгельма II, виновного «в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров». Эти статьи, однако, были самыми первыми, на выполнении которых победители не настаивали [316].

Экономические условия мирного договора заключались прежде всего в обязанности Германии возместить убытки, понесенные в войне странами Антанты. Общая сумма репараций не была установлена договором. В 1921 г. она была определена в 132 млрд. золотых марок [317], но впоследствии неоднократно снижалась, и Германия фактически уплатила лишь небольшую ее часть. В порядке реституций Германия обязана была передать союзникам почти весь торговый флот, часть паровозов и вагонов, поставлять в течение многих лет значительное количество угля, красящих веществ и химикатов, сдать большое количество скота. Вся германская собственность и патенты за границей подлежали конфискации. Державы Антанты получили контроль над железнодорожным и речным транспортом, их авиации предоставлялось право свободы полетов и посадки на территории Германии. Устанавливался режим наибольшего благоприятствования для судоходства и торговли держав-победительниц в Германии, разумеется, без взаимности.

Система репараций, финансовых и экономических обязательств ставила Германию, особенно в первое время, в очень тяжелое положение. Версальский договор был, по выражению В. И. Ленина, договором хищников и разбойников. Это был «неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов» [318].

В то же время Версальский мир нисколько не затрагивал господствующего положения капиталистических монополий в экономической жизни страны. Магнаты промышленности и банков име-

---

[315] Одновременно с Версальским миром было подписано соглашение об англо-американских военных гарантиях Франции в случае германской агрессии. Поскольку США не ратифицировали договор, это соглашение повисло в воздухе.

[316] См.: *Brügel J. W.* Das Schicksal der Strafbestimmungen des Versailler Vertrags.— Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1958, S. 263—270.

[317] *Schwarz A.* Die Weimarer Republik, S. 77.

[318] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 353.

ли поэтому возможность, с одной стороны, в сравнительно короткий срок восстановить военно-экономический потенциал Германии [319]. С другой стороны, ссылаясь на бремя международных обязательств, вытекавших из Версальского договора, они могли перекладывать всю тяжесть платежей на трудящиеся массы.

Версальская система [320], будучи системой империалистического мира, не только не устранила противоречий между Германией и странами-победительницами и в лагере самих победителей, но еще более обострила их. Она не только не покончила с войной, а превратила ее в постоянную угрозу миру.

Версальский мир был предметом острой внутренней борьбы в Германии не только в момент его принятия. Он оставался одним из важнейших источников политических конфликтов на протяжении последующих двух десятилетий. Партии веймарской коалиции [321] под предлогом проведения «политики выполнения» санкционировали и поддерживали безудержное ограбление и эксплуатацию трудящихся масс предпринимателями и юнкерами. В то же время империалистически-реваншистские круги, сделав шовинистическую кампанию практически непрерывной, направляли ее против демократических сил. Нападки на «ноябрьских преступников» сливались с требованием ревизии «постыдного мира», «позорных параграфов» и «договорного рабства», восстановления «права на родину», национальных прав и национального достоинства [322]. Справедливое недовольство народных масс, их протесты против двойного бремени — своих и чужеземных капиталистов — ловко использовались этими кругами для систематического саботажа тех положений Версальского договора, которые тормозили восстановление военно-экономического потенциала Германии и подготовку ею новой реваншистской войны.

Ситуация, созданная в Германии Версальским миром, наложила свой отпечаток на всю последующую историю Веймарской республики. В этом смысле мирный договор наряду с веймарской конституцией был ее крестным отцом.

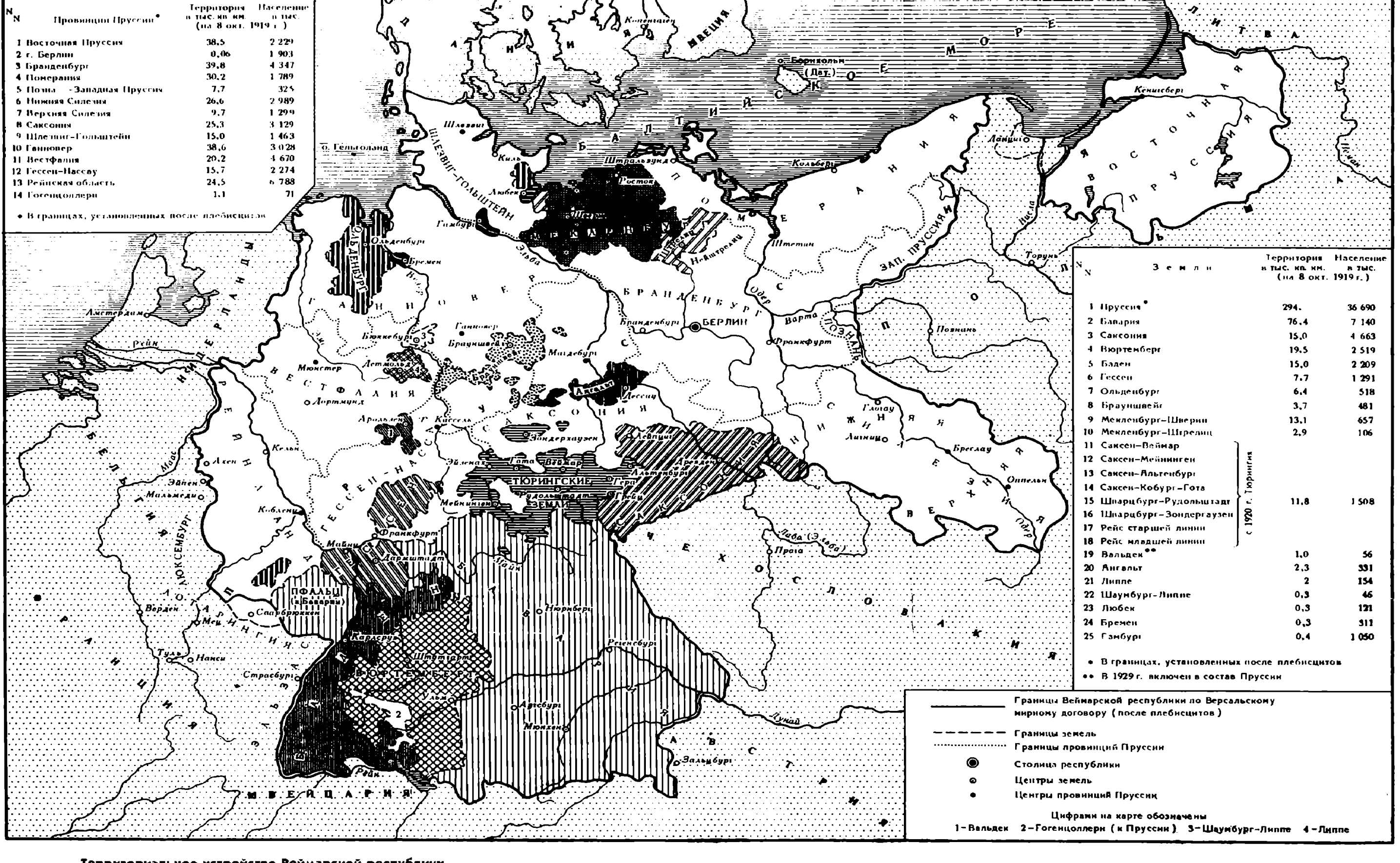
---

[319] Важную роль в этом играли займы США. Уже в июле 1919 г. М. Нордегг по поручению Немецкого банка заключил в Нью-Йорке соглашение о первом американском займе на сумму 100 млн. долларов. См.: Vorwärts, 24.VII 1919. Morgenausgabe. Позднее в германскую промышленность потекли миллиарды долларов. См.: *Link W.* Die amerikanische Stabilisierungspolitik in Deutschland 1921—1932. Düsseldorf, 1971.

[320] Эту систему создавали и договоры, заключенные с союзниками Германии — Австрией, Болгарией, Венгрией, а также с Турцией.

[321] Немецкие демократы вернулись в правительство 3 октября 1919 г.

[322] См.: *Ruge W.* Zur chauvinistischen Propaganda...; *Фарбман Н. В.* Германский реваншизм после первой мировой войны (1918—1923 гг.). Рязань, 1974.

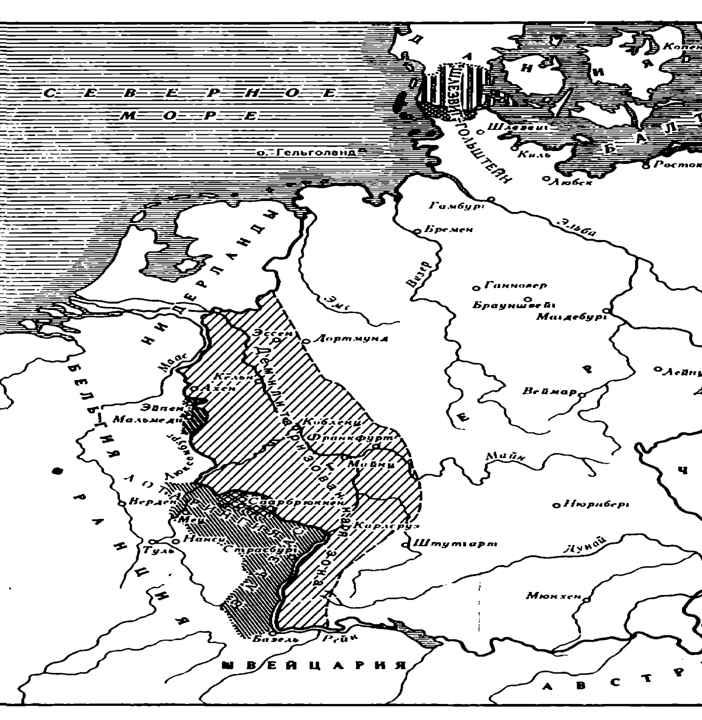
№№	Провинции Пруссии*	Территория в тыс. кв. км. (на 8 окт. 1919 г.)	Население в тыс.
1	Восточная Пруссия	38,5	2 229
2	г. Берлин	0,06	1 903
3	Бранденбург	39,8	4 347
4	Померания	30,2	1 789
5	Позна -Западная Пруссия	7,7	325
6	Нижняя Силезия	26,6	2 989
7	Верхняя Силезия	9,7	1 299
8	Саксония	25,3	3 129
9	Шлезвиг-Гольштейн	15,0	1 463
10	Ганновер	38,6	3 028
11	Вестфалия	20,2	4 670
12	Гессен-Нассау	15,7	2 274
13	Рейнская область	24,5	6 788
14	Гогенцоллерн	1,1	71

* В границах, установленных после плебисцитов

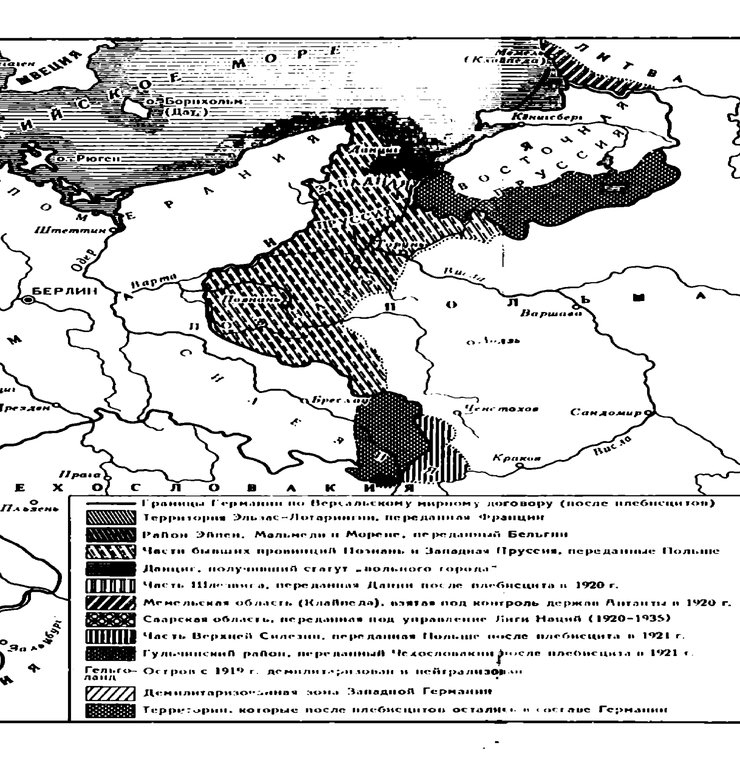
№№	Земли	Территория в тыс. кв. км. (на 8 окт. 1919 г.)	Население в тыс.
1	Пруссия*	294.	36 690
2	Бавария	76,4	7 140
3	Саксония	15,0	4 663
4	Вюртемберг	19,5	2 519
5	Баден	15,0	2 209
6	Гессен	7,7	1 291
7	Ольденбург	6,4	518
8	Брауншвейг	3,7	481
9	Мекленбург-Шверин	13,1	657
10	Мекленбург-Штрелиц	2,9	106
11	Саксен-Веймар (с 1920 г. Тюрингия)		
12	Саксен-Мейнинген (с 1920 г. Тюрингия)		
13	Саксен-Альтенбург (с 1920 г. Тюрингия)		
14	Саксен-Кобург-Гота (с 1920 г. Тюрингия)		
15	Шварцбург-Рудольштадт (с 1920 г. Тюрингия)	11,8	1 508
16	Шварцбург-Зондергаузен (с 1920 г. Тюрингия)		
17	Рейс старшей линии (с 1920 г. Тюрингия)		
18	Рейс младшей линии (с 1920 г. Тюрингия)		
19	Вальдек**	1,0	56
20	Ангальт	2,3	331
21	Липпе	2	154
22	Шаумбург-Липпе	0,3	46
23	Любек	0,3	121
24	Бремен	0,3	311
25	Гамбург	0,4	1 050

* В границах, установленных после плебисцитов
** В 1929 г. включен в состав Пруссии

Территориальное устройство Веймарской республики

Территория Германии по Версальскому мирному договору

ШВЕЦИЯ
МОРЕ
о. Борнхольм (Дат.)
о. Рюген
Мемель (Клайпеда)
ЛИТВА
Кёнигсберг
Данциг
ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ
ЗАПАДНАЯ ПРУССИЯ
ПОМЕРАНИЯ
Штеттин
Одер
Варта
БЕРЛИН
Познань
Висла
ПОЛЬША
Варшава
о. Лодзь
Бреслау
Ченстохов
Сандомир
Дрезден
Краков
Прага
ЧЕХОСЛОВАКИЯ
Пльзень
Границы Германии по Версальскому мирному договору (после плебисцитов)
Территория Эльзас-Лотарингии, переданная Франции
Район Эйпен, Мальмеди и Морене, переданный Бельгии
Части бывших провинций Познань и Западная Пруссия, переданные Польше
Данциг, получивший статут „вольного города"
Часть Шлезвига, переданная Дании после плебисцита в 1920 г.
Мемельская область (Клайпеда), взятая под контроль держав Антанты в 1920 г.
Саарская область, переданная под управление Лиги Наций (1920–1935)
Часть Верхней Силезии, переданная Польше после плебисцита в 1921 г.
Гульчинский район, переданный Чехословакии после плебисцита в 1921 г.
Гельголанд
Остров с 1919 г. демилитаризован и нейтрализован
Демилитаризованная зона Западной Германии
Территории, которые после плебисцитов остались в составе Германии

глава пятая

Веймарская конституция

Конституционные дебаты · Основы общественного и политического строя · Единое или союзное государство! · Органы власти и управления · Основные права граждан

Конституционные дебаты

Конституционная (восьмая) комиссия, состоявшая из представителей всех партий Национального собрания, работала над проектом в течение трех с половиной месяцев в условиях почти полной секретности и отсутствия прямых контактов с общественностью. Она начала заседать 4 марта, как раз в дни, когда рабочие Рура, Средней Германии и Берлина вели упорные бои, энергично отстаивая свои революционные завоевания и пытаясь добиться их закрепления в структуре общества и государства [1]. Второе чтение проекта в комиссии происходило с 3 июня. Теперь пролетарский авангард был уже разбит, массовое движение шло на убыль, а правящие круги пытались симулировать «национальное единство» перед лицом тяжелых условий мирного договора. Вышедший из комиссии 18 июня 1919 г. так называемый четвертый проект был роздан депутатам Национального собрания в конце июня, едва был решен вопрос о подписании Версальского мира.

Конституционной комиссии пришлось решать непростые задачи в обстановке острых классовых боев, принимавших нередко формы открытой гражданской войны, и поддерживать уверенность в том, что капиталистический общественный строй выйдет из этой борьбы непоколебленным, ибо конституция призвана была закрепить его основы. Вместе с тем в ней нужно было как-то отразить надежды и чаяния масс, чтобы конституция не выглядела слишком «вчерашней».

[1] Только полное непонимание революционных устремлений масс могло побудить социал-демократа М. Кварка, члена конституционной комиссии, жаловаться на то, что «работа над конституцией в Веймаре пришлась на столь возбужденное время, что участие и даже интерес рабочих масс страны к новому строительству германской республики почти отсутствовали» (*Quark M.* Die neue Reichsverfassung und ihr Aufbau. Berlin, 1919, S. 36).

«Без выборов в наш век нельзя,— писал В. И. Ленин, раскрывая механизм буржуазной демократии,— без масс не обойтись, а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма *нельзя* вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим,— лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии» [2].

Решение задачи затруднялось еще и тем, что за спиной у авторов германской конституции 1919 г. все время стояла, как антипод, другая конституция, созданная годом раньше и оказывавшая немалое идейное воздействие на народные массы Германии. Советская конституция РСФСР 1918 г., закреплявшая завоевания впервые в мировой истории пришедшего к власти трудового народа, была фактом, с которым нельзя было не считаться. Это вынуждены были признать и ее враги.

«Новейшая конституция современности,— говорил в конституционной комиссии лидер немецких демократов Ф. Науман,— большевистско-русская конституция от 5 июля 1918 г., является, так сказать, прямой конкуренцией конституции, которую мы сейчас составляем». Те, кто пытается пренебрежительно третировать Советскую конституцию, совершают такую же ошибку, как и те, кто в свое время подобным образом относился к французским революционным конституциям 1791 и 1793 гг. Поэтому «русскую конституцию безусловно необходимо иметь в виду при нашем обсуждении, как пункт для сравнения». Ведь «нельзя устранить того, что уже сейчас эта конституция и заложенное в ней политическое мировоззрение имеют большую агитационную силу в нашем собственном народе и отечестве» [3].

Злейший враг Советской России, один из организаторов в Германии «Антибольшевистской лиги», Науман старался, конечно, всячески опорочить Советскую конституцию. Он утверждал, что цель Советского государства «очень далека от народного государства, как мы его понимаем», и призывал создать в Веймарской конституции противовес Советской. Если в Веймаре, признал он, не удастся сочинить такую конституцию, которая, *«исходя из другой основной идеи»*, могла бы выдержать соревнование с конституцией Советской России, «это будет означать, что государство, для которого мы здесь создаем конституцию, имеет слишком слабые внутренние связи» [4].

Разумеется, Науман не мог и не хотел открыто признать, что эта «другая основная идея» есть не что иное, как старая

---

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 176.

[3] VDNV, Bd. 336 (Nr. 391. Bericht des Verfassungsausschusses), S. 180—181. Заседание 31 марта 1919 г. В действительности Конституция РСФСР была принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля, а опубликована и вступила в силу 19 июля 1918 г. 5 июля в газете «Известия ВЦИК» был напечатан проект Конституции, представленный съезду Советов.

[4] Ibidem.

идея господства капиталистов в обществе и государстве. «Состав этого собрания показывает,— говорил он,— что будет невозможно создать чисто социалистическое государственное право. Но он показывает также, что невозможно будет сохранить старое индивидуалистическое (т. е. капиталистическое.— *Я. Д.*) государственное право». Нужно поэтому создать «нечто вроде *мира по соглашению между капитализмом и социализмом*» [5].

Эту мысль подхватил социал-демократ Катценштейн. Конституция, утверждал он, может «иметь сейчас только смешанный характер, в известном смысле представлять собой среднюю стадию между буржуазными и социалистическими воззрениями. Чрезмерную остроту и решительность Советской конституции, мы, социал-демократы, отвергаем» [6]. Однако несостоятельность и даже опасность такого «промежуточного» положения сознавал сам Науман. «Политический вопрос,— заявил он,— звучит для нас сейчас так: либо мы станем на русскую, советскую точку зрения, либо присоединимся к западноевропейско-американской форме... Наше политическое решение — в пользу западных стран» [7].

Так из признаний самих авторов Веймарской конституции видна заданность ее буржуазно-капиталистической классовой природы и направленности, а одновременно их глубокая враждебность к подлинно народной конституции Советской России, о которой В. И. Ленин сказал, что «она не выдумана какой-нибудь комиссией, не сочинена юристами, не списана с других конституций. В мире не бывало таких конституций... В ней записан опыт борьбы и организации пролетарских масс против эксплуататоров и внутри страны, и во всем мире» [8].

Четвертый проект германской конституции во многом отличался от первых. В нем было 165 статей основного текста и 16 статей, содержавших «переходные и заключительные определения». Конституция распадалась на две большие части: 1) Структура и задачи империи; 2) Основные права и основные обязанности немцев. В семи разделах первой части рассматривались вопросы государственного устройства, организации высших органов власти, законодательства, администрации, судопроизводства. Пять разделов второй части были посвящены правам и обязанностям отдельной личности, общественной жизни, положению школы и церкви, экономической жизни.

Этот проект нес на себе несомненный отпечаток своеобразия внутреннего и международного положения Германии в середине 1919 г. Хотя волна революционного подъема шла на убыль, значительные стачечные бои все же продолжали вспыхивать то там, то тут, грозя снова слиться в единый поток. Тяжелые условия Версальского мира предвещали дальнейшее усиление эксплуата-

[5] Ibid., S. 180.
[6] Ibid., S. 186.
[7] Ibid., S. 180.
[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 147.

ции и обнищания трудящихся масс, а следовательно, и возможность нового подъема их борьбы. В лагере господствующих классов обострялось соперничество партий и групп за влияние и власть. Уход из правительства в июне немецких демократов ослабил позиции социал-демократов по отношению к оставшемуся партнеру — партии центра.

Кроме того, правые социал-демократы, не за страх, а за совесть выполнявшие палаческие функции, катастрофически теряли приверженцев в народе, и магнаты капитала уже подумывали, не сделать ли им ставку на другую лошадь. Партия независимцев переживала внутренний кризис: рядовые члены все чаще выступали совместно с коммунистами, правые вожди все больше сближались со своими единоутробными собратьями — правыми социалистами. Медленно, но неуклонно росло влияние коммунистической партии, которая упорно преодолевала идейную и организационную слабость.

В этих условиях проект конституции, вышедший из комиссии, не мог не быть внутренне противоречивым, полным компромиссов и недоговоренностей. Ряд важных вопросов остался несогласованным, в том числе вопросы территориального переустройства Германии, положения церкви и школы, «социализации» и «закрепления Советов».

Второе чтение проекта конституции на пленуме Национального собрания началось 2 июля и длилось с небольшими перерывами до 22 июля. Больше всего времени заняли дискуссии по второй части конституции, где затрагивались проблемы социально-экономического строя. Торг между партиями по отдельным вопросам не закончился и здесь, а потребовал новой серии закулисных переговоров и сделок.

Третье чтение состоялось 29—31 июля 1919 г. Открывая генеральную дискуссию, автор первого проекта Г. Прейс, теперь уже не министр, а «правительственный комиссар по вопросам конституции», выразил глубокое удовлетворение тем, что происшедшая в Германии революция проявила редкую «*умеренность* и самоограничение», сравнительно мало нарушила «порядок». Он особенно подчеркнул «заслуги» в этом социал-демократических правителей, проявивших, как он выразился, «сдержанность и самообладание» [9].

Несколько смущенные и вместе с тем польщенные такой похвалой буржуазии, социал-демократы устами Катценштейна тут же стали хвастать своей «надпартийностью» и умением подняться «выше узкопартийных интересов». Стыдливо обходя вопрос о том, что это умение осуществлялось на деле за счет демократических и национальных интересов народа, Катценштейн согласился с тем, что «никогда еще революция не поступала так мягко и осмотрительно — в некоторых отношениях слишком мягко и слишком

---

[9] VDNV, Bd. 328, S. 2071. Заседание 29 июля 1919 г.

осмотрительно — по отношению к носителям старой системы»[10]. Поднявшийся на трибуну министр внутренних дел социал-демократ Давид под одобрительные возгласы части буржуазных депутатов восхвалял компромиссное творение, как непревзойденный образец осуществления «политической», «экономической» и «социальной» демократии, и объявил, что «*Германская республика* является с этих пор *самой демократической демократией в мире*»[11].

Критическую струю в поток славословия внес представитель среднегерманских рабочих, левый независимец В. Кёнен. Он указал, что коалиционные партии хотят в конституции лишь «снова консолидировать и укрепить капитализм», который на практике подавляет пролетариат методами осадного положения, обысков, шпионажа, арестов и устрашающих приговоров. Он выразил возмущение словами нового премьер-министра Бауэра о достижении в Германии «самой чистой демократии», о «свободе, равенстве и братстве». Кёнен назвал грубым обманом так называемое укоренение Советской системы. Обращаясь к правящим партиям, он утверждал, что только подлинная система Советов, которая выражает власть рабочего класса, способна создать у него то чувство ответственности, которое «вы с вашим парламентаризмом и с насилием Носке никогда не сумеете возродить»[12].

Отвечая Кёнену, Науман сделал новую попытку «опровергнуть», как он выразился, «большевистскую идею». По его мнению, Советская система могла в Германии действовать двояко: либо быть организационно включена в «прежнюю (т. е. капиталистическую.— *Я. Д.*) экономическую систему», либо означать «принципиальное изменение этой системы». Но в таком случае она одновременно «принесет коренное изменение политической системы государства». Именно так «*вопрос о Советах* рассматривает *русская конституция 1918 г.*» Рассчитывая дискредитировать последнюю, Науман заявил: «Впоследствии будут с исторической точки зрения рассматривать конституции России 1918 г. и Германии 1919 г. как одновременные параллельные явления. Их будут сравнивать и оценивать значение различия между ними не по нашим сегодняшним настроениям и мнениям, а по тому практическому успеху, который будет иметь та и другая конституция в будущем»[13].

Третируя молодую Советскую республику, которой в это время пришлось отражать яростный натиск 14 государств, пытавшихся задушить ее оружием и голодом, Науман самонадеянно поднял вопрос о производительности общественного труда. Если большевики, заявил он, сумеют при власти Советов, изгнавшей имущих и прежних организаторов производства, «добиться того, что из

---

[10] Ibid., S. 2075—2076.
[11] Ibid., Bd. 329, S. 2194—2195. Заседание 31 июля 1919 г.
[12] Ibid., S. 2183—2186.
[13] Ibid., S. 2189.

земли и рек, из энергии и силы, из леса и металла посредством их системы смогут быть вызваны к жизни бо́льшие количества культурных ценностей, чем посредством старой (капиталистической.— *Я. Д.*) системы, тогда все умозаключения противников окажутся напрасными и будут опрокинуты фактами»[14]. Ослепленный ненавистью к социализму, он и не предполагал, что его слова скоро обернутся против капиталистической системы.

В противовес славословию социал-демократов[15] и некоторых буржуазных либералов вроде Наумана националисты и депутаты немецкой народной партии предприняли организованный демарш против проекта конституции. До этого активно участвовавшие в ее обсуждении и стремившиеся придать ей возможно более реакционные формы, они в предпоследний день обсуждения конституции на пленуме Национального собрания заявили, что будут голосовать против нее. Лидер националистов Дюрингер прямо сказал, что его партия отклоняет конституцию, как недостаточно консервативную и противоречащую монархическим убеждениям партии[16]. Вслед за ним лидер немецкой народной партии Гейнце тоже выразил свои монархические симпатии и выступил против «духа крайней демократии» и «преувеличенного парламентаризма», против «декоративного положения президента», против народного голосования, «грозящего сбросить с рельсов государственную колесницу, которую и так бросает из стороны в сторону», и т.д. и т. п.[17].

По команде, исходившей, очевидно, от влиятельных кругов монополистов и аграриев, вслед за парламентскими лидерами вся правая печать обрушилась на будто бы «чрезмерную демократию» конституции. Газета прусских консерваторов «Kreuzzeitung» утверждала, что конституция в определениях, якобы «открывающих дорогу социализму», содержит в себе зародыши хозяйственного и политического распада Германии. А газета «Dresdner Nachrichten» с сожалением отмечала, что новая конституция не привела к «консолидации внутриполитических отношений», предрекала, что она «неизбежно приведет к новым битвам»[18].

Эта политическая демонстрация реакционеров свидетельствовала о чисто внешнем, показном характере их собственной «перелицовки» на «народный» лад, осуществленной под непосредственным впечатлением Ноябрьской революции и стремительного кра-

---

[14] VDNV, Bd. 329, S. 2189.

[15] Как отметил историк из ФРГ Г. Потгоф, у социал-демократов преобладала «гордость достигнутым». Исключение составлял председатель Центрального Совета М. Коэн, чьи планы «палаты труда» были отвергнуты. Он считал, что в области демократии сделана лишь половина дела, а в строительстве «социалистической общности» партия потерпела полную неудачу (*Potthoff H.* Das Weimarer Verfassungswerk und die deutsche Linke.— Archiv für Sozialgeschichte, Bd. XII. Hannover, 1972, S. 467).

[16] VDNV, Bd. 328, S. 2088—2089. Заседание 30 июля 1919 г.

[17] Ibid., S. 2092—2095.

[18] Цит. по: RV, S. 352.

ха монархической системы. Она говорила и о том, что за истекшие месяцы монархисты и откровенные милитаристы почувствовали себя окрепшими. «Успехи» контрреволюции в подавлении пролетарского авангарда, в достижении которых социал-демократ Носке «сотрудничал» с монархическими генералами и офицерами, придали последним силы и возбудили в них новые надежды. Монополисты и юнкеры, уверовав в то, что им удалось уже отстоять капиталистический строй от революции, стали поворачивать от поддержки своих спасителей — социал-демократов — к ориентации на старые, испытанные опоры — правые буржуазные партии, чиновничество и армию [18а].

Переход правых партий в оппозицию привел к тому, что при голосовании конституции 31 июля 1919 г. в Национальном собрании за нее было подано всего 262 голоса. Более 80 депутатов отсутствовало, 75 голосовали против — кроме депутатов правых партий, также фракция НСДПГ. Все попытки последней «органическим» участием в конституционной комиссии и в обсуждениях на пленуме Национального собрания «исправить» и «улучшить» конституцию потерпели неудачу. Не сумев использовать парламентскую трибуну для непримиримого разоблачения буржуазной ограниченности демократии, для содействия изжитию массами парламентских иллюзий и организации их революционных сил, независимцы оказались в конце концов у разбитого корыта. Конституция, а особенно ее вторая часть, стала «списком убытков демократии и социализма» — вот все, что оставалось сказать в Национальном собрании О. Кону при подведении итогов политики партии в конституционном вопросе [19].

Газета НСДПГ, вынужденная считаться с настроениями революционных рабочих, дала конституции более резкую оценку. Конституция, которая «должна означать конец германской революции, является одновременно увековечением позора правосоциалистической партии» [20]. Для справедливости следует добавить (о чем газета стыдливо умолчала): и многих «независимых» социал-демократических лидеров, на которых лежит немалая доля ответственности за то, что коренные задачи революции оказались нерешенными.

Так или иначе девятимесячный процесс становления, конституирования Веймарской республики, начавшийся в революционные дни ноября 1918 г., завершился. 11 августа конституция была подписана президентом Эбертом и правительством, а 14 августа 1919 г. опубликована и вступила в силу.

[18а] О финансовом нажиме на партию немецких демократов субсидировавших ее промышленников («Кураториума для восстановления германской экономической жизни», который возглавлял К. фон Сименс) см.: *Albertin L.* Liberalismus und Demokratie, S. 167—180.

[19] VDNV, Bd. 328, S. 2100. Заседание 30 июля 1919 г.

[20] Die Freiheit, 5.VIII 1919. Abendausgabe.

*

Чтобы выяснить, как конкретно в конституции Веймарской республики отразились результаты многомесячной борьбы классов и партий, нет нужды восстанавливать все перипетии дискуссий в Национальном собрании и вне его, рассматривать конституцию статью за статьей. Более продуктивным представляется иной путь: начать с выяснения того, как отражены в конституции основы общественного строя, затем классовая структура и основы политического строя республики. После этого будет легче оценить положения о государственном устройстве, организации власти и управления, о правах и обязанностях граждан.

Основы общественного и политического строя

Выглядит парадоксально, но факт: в Веймарской конституции обнаружить положения, определяющие основы общественного строя республики, легче, если читать ее не с начала, а с конца. Причина этого проста. Создатели конституции не только не хотели, но и не могли прямо и ясно провозгласить, что основу республики образует строй антинародный, эксплуататорский. Поэтому в ходе дискуссий и в тексте конституции на первый план всегда выдвигались вопросы государственного устройства, компетенций тех или иных органов власти. Вопросы же социально-экономического строя старательно задвигались подальше и оказались буквально «на задворках» конституции, в последнем разделе второй части. Но и здесь эти положения сформулированы так, что разглядеть их подлинный классовый смысл можно, только читая между строк, распутывая формулы, искусно сплетенные юристами.

Со времен Маркса известно, что основой всякого общественного строя является экономическая структура общества, составляющая тот «реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»[21]. Центральным же пунктом, характеризующим экономический строй общества, является вопрос о господствующей форме собственности на средства производства.

В борьбе классов и партий в процессе становления Веймарской республики вопрос о собственности играл действительно решающую роль. Поскольку конституция, по мысли ее авторов, призвана была закрепить капиталистический строй, они были озабочены сохранением и укреплением *буржуазной* собственности. Но в революционных боях 1918—1919 гг. германский пролетариат

[21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 6—7.

со своей стороны выдвинул требование уничтожения буржуазных отношений собственности, замены их новыми отношениями, основанными на *общественной*, народной собственности. В этом коренном вопросе не могло быть средней линии, но в Веймарской конституции сохранился заметный отпечаток классовой борьбы по этому вопросу.

Первоначальный проект конституции, составленный Г. Прейсом, исходившим из незыблемости устоев капиталистического строя, избегал детализации. Вопроса о собственности он касался только в одном параграфе, который гласил: «Собственность неприкосновенна. Отчуждение собственности может быть предпринято только для всеобщего блага на законном основании» [22]. В проект, внесенный в Национальное собрание, была включена дополнительная оговорка, отражавшая озабоченность магнатов капитала и устанавливавшая, что отчуждение собственности может быть осуществлено только «за вознаграждение» [23].

Принятые Национальным собранием в начале марта под напором массовых стачек «законы о социализации» [24] должны были найти какое-то отражение и в конституции. Социал-демократы, поддержанные немецкими демократами, вставили во вторую часть конституции специальный раздел из 15 статей, озаглавленный «Хозяйственная жизнь» [25]. В этом разделе более определенно, чем в других положениях Веймарской конституции, выразились, с одной стороны, ее буржуазный классовый характер, с другой — влияние классовых боев пролетариата. Это относится в первую очередь к группе статей, трактовавших вопросы о собственности.

После долгих дебатов на пленуме и в комиссии статья 153 конституции [26] устанавливала: «Собственность гарантируется конституцией. Ее содержание и границы вытекают из законов». Буржуазные юристы-комментаторы отмечали, что это положение означало «прежде всего принципиальное отклонение социалистического экономического строя» [27]. Но, чтобы замаскировать сущность этой формулировки, авторы конституции немало потрудились над различными украшениями, прикрывающими наготу этого капиталистического принципа. Так, статья 151 возвещала, что «строй хозяйственной жизни должен соответствовать началам справедливости и цели обеспечения для всех существования, достойного человека». Следующие статьи декларировали свободу

[22] См.: RV, S. 6.
[23] Ibid., S. 118.
[24] См. выше, гл. 2.
[25] Немецкий демократ Шюкинг говорил о необходимости включения в конституцию «каталога прав хозяйственной свободы» (VDNV, Bd. 326, S. 479. Заседание 3 марта 1919 г.).
[26] Нумерация статей Веймарской конституции здесь и дальше дается по ее окончательному тексту, опубликованному в «Reichsgesetzblatt» (Nr. 52, 14.VIII 1919, S. 1383 ff.).
[27] *Gebhard L.* Die Verfassung des Deutschen Reichs vom 11. August 1919. München — Berlin — Leipzig, 1932, S. 541.

экономических договоров, запрещали ростовщичество, объявляли недействительными «сделки, противоречащие добрым правам», утверждали, что «собственность обязывает», а «пользование ею должно быть одновременно служением общему благу» и т. п. Даже буржуазные юристы признавали, что «для этих определений отсутствуют всякие объективные масштабы»[28].

«Отчуждение собственности,— говорилось в статье 153,— может быть проведено только для блага общества, на законном основании. Оно происходит за соответствующее вознаграждение, если имперский закон не установит иного». В вопросе о вознаграждении при отчуждении лицемерие социал-демократических лидеров проявилось особенно ярко. В конце февраля, когда нарастала мощная волна стачечного движения, социал-демократический оратор Фишер громко протестовал в Национальном собрании против установления принципа возмещения «без всяких ограничений». Он указывал, что «это значило бы проводить социализацию во многих случаях прямо в интересах капиталистов ...рабочие понимают социализацию иначе»[29]. При обсуждении этого вопроса в комиссии в конце мая, уже после разгрома революционных рабочих, социал-демократический докладчик Зинцгеймер откровенно заявил: «И мы тоже принципиально требуем возмещения при экспроприации»[30].

Специально вопросам отчуждения и «социализации» была посвящена статья 156, о которой социал-демократические авторы неоднократно заявляли, что она «открывает рабочему классу путь к социализму»[31]. Нетрудно, однако, убедиться, что статья только устанавливала: государство *может* (но отнюдь не обязано!) посредством закона «переводить в общественную собственность пригодные для обобществления частные хозяйственные предприятия»[32]. Далее перечислялись возможные формы «обобществления»: государство могло само непосредственно «принять участие в управлении хозяйственными предприятиями и объединениями», могло передать это участие землям или общинам либо «в какой-нибудь другой форме обеспечить себе определяющее влияние». Здесь нет речи о прямой национализации предприятий, которая в капиталистическом государстве является лишь перехо-

---

[28] *Stier-Somlo F.* Die Verfassung des Deutschen Reichs vom 11. August 1919. 2. Aufl. Bonn, 1920, S. 131; *Gebhard L.* Verfassung..., S. 539—540.

[29] VDNV, Bd. 326, S. 375. Заседание 28 февраля 1919 г.

[30] VDNV, Bd. 336, S. 386. Заседание 31 мая 1919 г.

[31] См.: *Stampfer F.* Verfassung, Arbeiterklasse und Sozialismus. Berlin, 1919, S. 16.

[32] «Что империя может провести все указанные в статье 156 мероприятия,— отмечал в своем комментарии Гебхард,— юридически разумеется само собой; что оно должно или обязано их провести, статья 156 не предписывает. Это определение не является, следовательно, даже программой законодательства, а... лишь декларацией о признании общественно-хозяйственной идеи и перечислением возможностей ее осуществления, бродивших в умах создателей конституции» (*Gebhard L.* Verfassung..., S. 549).

дом собственности из рук отдельных капиталистов в руки господствующего класса и не меняет сущности общественного строя. Что же касается участия государства в частнокапиталистических предприятиях, то оно, как известно, «ничего общего с социализмом не имеет», а подобные «смешанно-хозяйственные предприятия» существовали в Германии и раньше [33].

Государству предоставлялась также возможность «в случае настоятельной необходимости» объединять путем закона хозяйственные предприятия на основе самоуправления и регулировать производство, распределение, использование, ценообразование и т. п. В этом случае речь шла о принудительном синдицировании, широко применявшемся в военное время в кайзеровской Германии и представлявшем собой, по выражению В. И. Ленина, «своего рода подталкивание государством капиталистического развития» [34], шагом в развитии государственно-монополистического капитализма.

Столь же предупредительно, как к капиталистической собственности в промышленности, отнеслись творцы конституции и к юнкерской собственности на обширные латифундии, являвшейся экономической основой влияния прусских юнкеров-милитаристов в Германии. В первом проекте конституции Прейсом была сделана, хотя и робкая, попытка поставить вопрос о земельной реформе. В нем говорилось о необходимости «изменить путем широкой политики внутренних поселений существующее распределение земельной собственности в тех областях, где еще не существует здорового сочетания крупной, средней и мелкой собственности. Бесхозяйственно используемая крупная собственность, особенно связанная (т. е. феодальная.— *Я. Д.*), должна быть разделена для основания сельских поселений, если необходимо, путем ее отчуждения» [35]. Хотя эти предложения были достаточно неопределенными, они были заострены против юнкерства. Но в ходе дальнейшего обсуждения от проектов земельной реформы остались одни пустые фразы, не имевшие реального значения.

Так, в статье 155 было сказано, что государство должно наблюдать за распределением и использованием земли, чтобы «предотвращать злоупотребления» и стремиться обеспечить каждому немцу здоровое жилье. «Земельная собственность, приобретение которой необходимо для содействия поселениям, распашки пустошей и для подъема сельского хозяйства, может быть отчуждена». Ни о какой обязательности отчуждения не было речи [36]. Не гово-

---

[33] *Stier-Somlo F.* Verfassung..., S. 133.
[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 176.
[35] См.: RV, S. 7.
[36] 11 августа 1919 г. Национальное собрание приняло «имперский закон о поселениях», являвшийся дальнейшим развитием распоряжения министерства труда от 29 января 1919 г. Закон говорил о покупке земель у юнкеров на выгодных для них условиях. Практический его результат был ничтожен. За 13 лет был создан земельный фонд размером менее 600 тыс. га, из которого получили участки немногим более 50 тыс. хо-

рилось и об уничтожении феодальных наследственных владений, так называемых фидеикомиссов. Статья лишь устанавливала, что они «должны быть распущены», т. е. превращены в обычную буржуазную земельную собственность их прежних владельцев [37]. В статье указывалось также, что обработка и использование земли являются для их собственников «обязанностью по отношению к обществу», и содержалась туманная фраза в духе либеральных реформаторов, что повышение стоимости земли, возникшее без вложения труда и капитала, «должно быть обращено на пользу общества».

Подобным же образом статья 155 «разрешала» и выдвигавшийся революционными рабочими вопрос о «социализации» ископаемых богатств и передаче государству всех прав на их использование (так называемых регалий). Вместо рекомендованной даже Каутским национализации конституция говорила только о «надзоре государства»; предложение о немедленной передаче регалий государству было отклонено голосами буржуазных партий и поручено дальнейшему законодательству [38].

Таким образом, Веймарская конституция, если отбросить словесные выкрутасы, не внесла сколько-нибудь заметных изменений в отношения собственности, существовавшие в Германии до Ноябрьской революции. Экономические позиции монополистов и юнкеров не только не были подорваны, они не были даже поколеблены. Экономической основой Веймарской республики остался капиталистический строй.

Но в результате революции, совершенной рабочими и солдатами, в правящем лагере произошла передвижка классовых сил. Переход к парламентарной республике был связан с усилением определяющего влияния на политику банкиров и промышленников, с известным ослаблением позиций юнкеров. Тем самым политическая власть была приведена в большее соответствие с ранее сложившейся экономической ролью каждой из двух фракций эксплуататорского класса.

Экономический строй, закрепленный Веймарской конституцией, требовал создания соответствующей ему надстройки. Решение коренного вопроса германской революции — власть Советов или Национальное собрание? — в пользу последнего предопреде-

---

зяйств. Это была капля в море. См.: VDNV, Bd. 339, Anlagen, Nr. 1178. Ср.: *Харахашьян Р.* Аграрные преобразования в Германской Демократической Республике. М., 1951, с. 62; *Котов Г. Г.* Аграрные отношения и земельные реформы в Германии. М., 1956, с. 45—50.

[37] Фидеикомиссы составляли в Пруссии в 1914 г. более 7% земельной собственности — около 2,25 млн. га, причем их количество и размеры росли из года в год. Ими владели 700—800 семей. 90% фидеикомиссов составляли владения свыше 1000 га каждое, а 10% превышали 5000 га каждое. См.: VDNV, Bd. 328, S. 1762, 1769. Заседание 21 июля 1919 г. Выступления немецкого националиста Гампе и немецкого демократа Вальдштейна.

[38] Ibid., S. 1768; Bd. 329, S. 2177—2178, 2182.

лило не только социальное содержание, но и основные формы этой надстройки. Национальное собрание было буржуазным парламентом и, естественно, должно было учредить буржуазно-парламентарную республику.

Хотя республика стала фактом уже 9 ноября 1918 г., не только консерваторы, но и многие буржуазные либералы признали необратимость этого результата революции только тогда, когда поняли, что революционный пролетариат исполнен непреклонной решимости не допустить реставрации старого режима. Тогда и буржуазные деятели обнаружили в себе «республиканскую душу». Однако и позднее эти «республиканцы поневоле» прибегали к тысячам уловок — наивных или изощренных, чтобы свести к минимуму необходимые уступки демократическим требованиям народа.

Известно — и это было поводом многих насмешек и острот, как в Германии, так и за рубежом,— что ни в проекте конституции, ни в его обосновании не было ни разу употреблено не только слово «*революция*», но и слово «республика». Представляя проект Национальному собранию, Прейс пытался затушевать эту знаменательную «робость». Вопреки очевидности он заверял, что «республиканская государственная форма, осуществление демократии в полной мере проведены в проекте» [39].

После долгих дебатов Национальное собрание отклонило название «Конституция Германской республики», сохранив прежнее монархическое название — «Конституция Германской империи» (Verfassung des Deutschen Reichs). «Я знаю,— говорил Прейс,— что по отношению к загранице это представляет известные трудности, так как на все еще французский язык дипломатов слово «рейх» можно перевести только как «Empire», а на английский как «empire» [40].

В результате статья 1 получила парадоксально звучащую формулировку: «Германская империя является республикой». Настойчивость всех буржуазных партий в сохранении названия «империя» («рейх») Прейс пытался на пленуме Национального собрания объяснить не «боязнью признать республику», а ссылками на «традиции» немецкого народа. В конституционной комиссии он был откровеннее: «Вопрос о том, является ли новое государство *юридическим наследником*» старой Германской империи, неправомерен. Разумеется, это «тот же юридический субъект, только с измененной конституцией. Германская империя как таковая продолжает существовать» [41].

Долгие споры в Национальном собрании вызвал вопрос о государственном флаге («имперских цветах»). В то время как правые партии настаивали на сохранении старого черно-бело-красно-

[39] VDNV, Bd. 326, S. 284. Заседание 24 февраля 1919 г.
[40] Ibid., S. 285. Об этом говорили также Коп и Науман (Ibid., Bd. 327, S. 1209; Bd. 336, S. 24).
[41] Ibid., Bd. 336, S. 24. Заседание 5 марта 1919 г.

го флага, бывшего символом бисмарковского малогерманского объединения[42], немецкие демократы решили возродить цвета черно-красно-золотого флага как символа демократии 1848 г. и заодно — «великогерманской идеи»[43]. Предложение независимцев об установлении красного флага было отвергнуто, причем социал-демократ Катценштейн сказал, что «сейчас национальный красный флаг был бы демонстрацией, которая не соответствовала бы фактам»[44]. Приветствуя голосование социал-демократии за черно-красно-золотой флаг, немецкий демократ Квидде торжественно провозгласил, что новый флаг является «символом соглашения между буржуазией и социал-демократией»[45]. Однако во время третьего чтения на пленуме Национального собрания была сделана еще одна уступка правым партиям: в конституцию включено положение (статья 3), что торговым флагом остается старый черно-бело-красный флаг с «имперскими цветами» в левом верхнем углу. Это своеобразное «двоефлажие» стало не только символическим выражением половинчатости и компромиссного характера всей Веймарской конституции, но и поводом для новых конфликтов[46].

Закрепление политического господства буржуазии в обществе и государстве маскировалось в конституции прежде всего фразами о «народовластии»: Германский народ, заявляла преамбула, «дал себе эту конституцию»; «государственная власть исходит от народа»,— говорилось в первой статье. Лидеры партий веймарской коалиции на все лады расхваливали парламентарную систему как лучшую форму выражения «воли народа». Но за этими громкими словами скрывалась юридическая фикция, ибо в буржуазном обществе «всеобщая воля народа» — такая же иллюзия, как и единый народ, в действительности разобщенный на классы с противоречивыми или даже противоположными интересами.

Конституция обошла молчанием классовую структуру общества. Но она не смогла избежать тех или иных, прямых или косвенных, упоминаний о «работодателях» и «работающих по найму»

---

[42] Черно-бело-красный флаг был создан самим Бисмарком, соединившим черно-белый прусский флаг с бело-красным бранденбургским.

[43] Черно-красно-золотой флаг был когда-то флагом буршей, затем «Тугендбунда», а в революции 1848 г. стал символом буржуазной демократии, требовавшей германского единства. Поэт-демократ Фрейлиграт, расшифровывая его цвета, писал: «Чёрен порох, красна кровь, золотом отливает пламя». В 1849 г. франкфуртское Национальное собрание в принятой им конституции объявило черно-красно-золотой флаг общегерманским (имперским) флагом.

[44] VDNV, Bd. 336, S. 404. Заседание 3 июня 1919 г. Предложение одного из социал-демократов принять «красный флаг с белыми звездами» тоже было отвергнуто.

[45] VDNV, Bd. 327, S. 125. Заседание 2 июля 1919 г.

[46] В мае 1926 г. указом президента Гинденбурга германские представительства за рубежом должны были вывешивать этот торговый флаг. Это вызвало протесты и даже отставку правительства Лютера. Но указ, принятый в обход рейхстага, остался в силе.

(Arbeitgeber und Arbeitnehmer), о «предпринимателях и рабочих» (Unternehmer und Arbeiter), а также о противоречивости их «социальных и экономических интересов», о дворянах-юнкерах и «среднем сословии».

Понятие «народ» конституция применяла только в общих декларациях, а затем подменяла его далеко не идентичным понятием «избиратели». Всеобщее избирательное право было серьезным завоеванием германского пролетариата, который самоотверженно боролся за него не одно десятилетие. Но уже Маркс и Энгельс, подчеркивая прогрессивное значение всеобщего избирательного права (особенно по сравнению с прусской «трехклассной системой»), настойчиво разъясняли вождям социал-демократии недопустимость его фетишизации, высмеивали Лассаля, который усматривал в нем копье, самоисцеляющее наносимые им раны. Однако лидеры социал-демократии чем дальше, тем больше игнорировали марксистское положение, что всеобщее избирательное право (как показали и выборы в Национальное собрание), «пока сохранится собственность капиталистов, есть одно из орудий буржуазного государства» [47].

Веймарская конституция закрепила всеобщее избирательное право, уже завоеванное пролетариатом. «Депутаты избираются,— указывала статья 22,— всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов на началах пропорционального представительства мужчинами и женщинами, достигшими 20-летнего возраста». Правые партии сделали лишь робкие попытки повысить возрастной ценз [48], но в накаленной политической обстановке не решились предложить иных ограничений, кроме включения в эту статью определения, что «дальнейшее установит имперский избирательный закон». Эта безобидная оговорка позволила осуществить в 1920 г. то, на что не могли решиться законодатели в 1919 г. При обсуждении избирательного закона из числа избирателей были исключены солдаты, а право быть избранными предоставлено достигшим 25 лет и состоящим в немецком гражданстве не менее 1 года [49].

Конституция установила наиболее прогрессивную в условиях капиталистического строя и многопартийности пропорциональную систему представительства. Конституция провозгласила «свободу и тайну выборов» (ст. 125), распространила положения о всеобщем избирательном праве на все выборы: общегерманского парламента (рейхстага), президента, ландтагов земель (для них возрастной ценз конституцией не устанавливался) и местных органов (где допускался ценз оседлости, не превышавший одного года).

---

[47] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 458.

[48] При втором чтении на пленуме Национального собрания они предложили повысить возрастной ценз до 24 лет, однако поправка была отвергнута. См.: VDNV, Bd. 328, S. 1266—1267. Заседание 3 июля 1919 г.

[49] См. речь Э. Эйхгорна — VDNV, Bd. 333, S. 534.

Избирательная система, установленная Веймарской конституцией, была в общем наиболее демократической по сравнению с современными ей системами других *капиталистических* стран. Но она не предусматривала ответственности депутатов перед своими избирателями (статья 21 устанавливала, что депутаты «подчиняются только своей совести и не связаны мандатами»), в ней отсутствовало и право отзыва депутатов, которое дает народу возможность реального контроля над избранными. По сути дела, указывал В. И. Ленин, любое выборное учреждение «может считаться истинно демократическим и действительно представляющим волю народа только при условии признания и применения права отзыва избирателями своих выборных. Это основное, принципиальное положение истинного демократизма»[50].

Наряду с всеобщим избирательным правом фикцию «народовластия» призваны были поддерживать также положения о «прямом народном законодательстве» в форме «народной законодательной инициативы» и народного голосования (референдума). Возвеличивая «истинный демократизм» этих конституционных формул, социал-демократические лидеры замалчивали, что Энгельс еще в 1875 г. писал А. Бебелю: «народное законодательство» является просто предметом моды, а осуществление его в Швейцарии «приносит там больше вреда, чем пользы, если вообще что-нибудь приносит»[51]. Позднее Энгельс снова напоминал партийному правлению СДПГ, что «имеются еще и другие важные политические вопросы, кроме прямого участия народа в законодательстве», без которого «мы в конце концов обойдемся»[52]. Однако именно желание отвлечь внимание рабочих от более важных политических вопросов побуждало социал-демократических лидеров с энергией, достойной лучшего применения, отстаивать включение этих положений в Веймарскую конституцию.

Впрочем, когда речь шла о том, чтобы убедить буржуазные партии, социал-демократ Кейль признавал в комиссии, что «народное голосование не обязательно является радикализирующим средством; оно может, как и все демократические учреждения, и тормозить прогресс, и содействовать ему. В Швейцарии оно в ряде случаев действовало как тормоз прогресса». Социал-демократия стремится этой мерой лишь усилить у народа «сознание, что новое право, которое создается, является действительно народным правом»[53]. Недвусмысленные намеки были поняты. Немецкий демократ Кох говорил в Национальном собрании, что введение референдума создаст «предохранительный клапан» для растущего в народе недоверия к парламентаризму[54].

---

[50] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 106.
[51] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 34, стр. 103.
[52] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 239.
[53] VDNV, Bd. 336, S. 294, 296. Заседание 9 апреля 1919 г.
[54] VDNV, Bd. 328, S. 1346. Заседание 5 июля 1919 г.

Согласно конституции, «народная инициатива» могла заключаться во внесении законопроекта или в требовании проведения народного голосования против принятого рейхстагом закона. В этом случае народное голосование проводилось по требованию $^1/_{10}$ избирателей и в его основу должен был быть положен разработанный законопроект (ст. 73). Однако по вопросам, непосредственно затрагивающим карман буржуазии,— бюджет, налоги, оплата чиновников,— народное голосование могло быть проведено только по инициативе президента. Эти ограничения были поддержаны социал-демократами [55].

Практика Веймарской республики подтвердила малую эффективность выражения «народной воли» посредством «народной инициативы» и референдума. Семь раз были предприняты попытки использовать «народное голосование», но ни один из проектов не стал законом [56].

Закрепив в Германии режим буржуазного парламентаризма с всеобщим избирательным правом, референдумом и прочими атрибутами, конституция вместе с тем не смогла избежать включения в структуру хотя бы остатков тех органов революционной инициативы масс — Советов, которые еще сохранились в Германии. Данное рабочим весной 1919 г. обещание «закрепить Советы в конституции» [57] нужно было так или иначе выполнить.

Сами социал-демократы объяснили, почему это необходимо: «Если мы хотим спасти Германию от русской Советской системы — «Вся власть Советам!»,— писала их газета,— нам остается только одно: мы должны сами дать немецкому народу ясную, благоразумную (!) Советскую систему» [58].

Конституционная комиссия рассматривала вопрос о Советах уже после разгрома рабочих. Докладчик социал-демократ Зинцгеймер признал, что «идея Советов», которая в конституции РСФСР была реализована в виде власти Советов, диктатуры пролетариата, приобрела огромную популярность и в Германии. «Люди сосредоточивают,— говорил он,— все свои надежды на одном пункте и верят, что осуществление идеи Советов может избавить их от всех внешних и внутренних бед» [59]. Реально существующие производственные Советы невозможно просто оттеснить посредст-

---

[55] VDNV, Bd. 336, S. 295—296. Заседание 9 апреля 1919 г. Не считая и эту оговорку достаточной, партии веймарской коалиции в последний день обсуждения конституции включили в нее новую статью 75, специально указывавшую, что «постановление рейхстага может быть лишено силы народным голосованием только в том случае, если в голосовании примет участие большинство имеющих право голоса граждан» (VDNV, Bd. 329, S. 2157—2158. Заседание 31 июля 1919 г.).

[56] В 1926 г. коммунисты и социал-демократы собрали 14,5 миллиона голосов в пользу проекта об отчуждении имущества князей. Но правительство использовало ст. 75, так что для принятия закона требовалось набрать 20 млн. голосов.

[57] См. выше, гл. 3, с. 153—154.

[58] Vorwärts, 24.IV 1919.

[59] VDNV, Bd. 335, S. 393. Заседание 2 июня 1919 г.

вом законодательства. «Это была бы напрасная попытка,— заявил он,— ибо закон никогда не сможет устранить то, что самобытно выросло. Есть факты, перед которыми законы должны капитулировать. Производственные рабочие Советы существуют, и никакая сила не сможет их устранить» [60].

Но если нельзя было уничтожить эти Советы, то, по мнению социал-демократов, следовало максимально урезать их права и задачи. Рецепт для этого был у них давно готов. Зинцгеймер изложил в этой связи свои взгляды о «социальном самоопределении» и «общественной конституции», которые даже Шейдеман недавно назвал не более чем «остроумной игрой» [61]. Как и другие социал-демократы, Зинцгеймер считал, что никакой политической власти рабочие Советы иметь не должны, ибо в этом случае они, как «органы диктатуры одного класса», будто бы противоречили «политической демократии». Экономические задачи Советов он предлагал ограничить узко профессиональными рамками, не позволив им заниматься даже вопросами труда и заработной платы, дабы они не стали конкурентами профсоюзов. Оставалось немного: «производственные Советы являются прирожденными органами контроля над осуществлением тарифных соглашений». Такое решение устраивало и профсоюзных лидеров.

Проект «укоренения Советов» предусматривал создание наряду с рабочими Советами также «экономических советов», в которых капиталисты и рабочие должны были мирно сидеть рядом. Именно на эти «советы» докладчик возлагал не только задачу обеспечить «повышение производства, снижение себестоимости», но даже и «заботу о социальной революции» [62].

Выступивший следом представитель партии центра Гинтце разъяснил, что речь идет вовсе не о новых вещах, что за новыми словами скрываются очень старые дела: Советы должны лишь выполнять задачи давно существовавших «палат труда» [63]. С ним немедленно согласились другие представители буржуазных партий. Немецкий демократ Кох решительно отверг при этом всякую деятельность местных рабочих Советов [64].

Буржуазные ораторы в Национальном собрании с удовлетворением отмечали, что «германская система Советов» в отличие

---

[60] DNV, Bd. 335, S. 394.

[61] См.: Parteikonferenz der SPD, S. 38. Но на съезде СДПГ в июне 1919 г. взгляды Зинцгеймера получили одобрение. См. также: *Fraenkel E.* Rätemythos und soziale Selbstbestimmung. Ein Beitrag zur Verfassungsgeschichte der deutschen Revolution.— Aus Politik und Zeitgeschichte, 1971, Nr. 1

[62] VDNV, Bd. 336, S. 395.

[63] Ibid., S. 397. Энгельс в свое время специально предостерегал руководство германской социал-демократии, что «с палатами труда, составленными наполовину из рабочих и наполовину из предпринимателей, мы оказались бы в дураках. В течение долгих лет большинство оказывалось бы при таком положении постоянно на стороне предпринимателей, для чего достаточно одной паршивой овцы среди рабочих» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 241).

[64] VDNV, Bd. 336, S. 398.

от русской нисколько не нарушает капиталистического «порядка». Пожалуй, наиболее ясно высказался националист Дельбрюк. «Вопрос о Советах стоит ныне в центре политических и экономических интересов и обсуждений,— заявил он,— является предметом ожесточенной борьбы в стране, в печати, в литературе. В конечном счете это неудивительно. Мы не должны себя обманывать: идея Советов является единственной новой идеей, которая до сих пор рождена революцией, и, в частности, единственной новой политической идеей проекта конституции... ибо в остальном конституция ведь не более чем новая перелицовка идей 1789 и 1848 гг.» Напомнив, что идея Советов — «дитя русской революции» и была революционным средством «для низвержения буржуазии, для укрепления диктатуры пролетариата, в конечном счете, средством для осуществления коммунизма» (что он, разумеется, считал ужасным), Дельбрюк отметил, что и в Германии идея Советов «вначале выступала с совершенно такими же тенденциями, как в России». То, что она получила в конституционных определениях «существенно другое лицо» (гораздо более устраивавшее консерваторов), было, по мнению Дельбрюка, бесспорной заслугой германской социал-демократии [65].

Только оратор независимцев Кон снова вытащил на свет теорию «сочетания» Советов с буржуазным парламентом. Он предложил принять «поправку Гаазе» и предоставить производственным Советам право участия в руководстве предприятиями и в осуществлении социализации, а Центральному рабочему Совету — контрольные функции по отношению к правительству [66]. Социал-демократ Катценштейн не без иронии заметил, что это предложение логически непоследовательно: «Оно должно было бы содержать фразу, что Всегерманский съезд Советов имеет всю политическую власть». От себя же он добавил: «Мы отвергаем точку зрения, что вся власть в государстве принадлежит Советам» [67]. Поправки НСДПГ были отклонены.

Позицию революционных рабочих, которые энергично боролись за свои Советы, разъяснил с трибуны Национального собрания левый независимец В. Кёнен. Обращаясь к лидерам социал-демократов, он бросил им упрек, что они загубили рабочие Советы. «Здесь, в Национальном собрании,— продолжал он,— тяжелые ошибки, сделанные правыми социал-демократами, не исправить... Буржуа, называются ли они юнкерами или капиталистами, умеют лучше защищать свои права, чем до сих пор правые социалисты защищали права пролетариата» [68]. Подчеркнув, что для рабочего класса система Советов является высшей формой демократии, он заметил: «Мы не являемся в первую очередь буржуазными демократами, а потом уже социалистами, мы

---

[65] Ibid., Bd. 328, S. 1772—1773. Заседание 21 июля 1919 г.
[66] Ibid., Bd. 336, S. 397—398.
[67] Ibdi., S. 399.
[68] VDNV, Bd. 328, S. 1780. Заседание 21 июля 1919 г.

прежде всего социалисты» и потому намерены завоевать «завершенную демократию через диктатуру пролетариата»[69].

Даже Центральный Совет, немало способствовавший умерщвлению Советов, объявил принятое конституционной комиссией предложение правительства «совершенно неудовлетворительным», ибо оно не соответствует ни интересам рабочих, ни интересам всего народа, неспособно принести «желаемого всеми успокоения, а лишь вызовет новые тяжелые осложнения»[70]. Это запоздалое предостережение было оставлено без внимания.

В конце концов в конституцию была включена статья 165, устанавливавшая, что «рабочие и служащие призваны сотрудничать на равных правах с предпринимателями в регулировании условий заработной платы и труда, равно как и в общем экономическом развитии производительных сил». Это было просто законодательное закрепление «делового содружества» между профсоюзами и промышленниками, которое представитель немецкой народной партии Гуго от имени своего и Фёглера расхваливал как «интимное сотрудничество», не омраченное «партийной-теоретической предубежденностью»[71].

В статье описывалась далее организационная структура, в которой должно было осуществляться это «сотрудничество». Окружные производственные рабочие Советы, разделенные по отраслям хозяйства, и Имперский рабочий Совет объединялись с представительствами предпринимателей соответственно в окружные экономические советы и Имперский экономический совет. Последний должен был стать чем-то вроде «социального парламента», составленного по профессионально-сословному принципу. Так, немецкий демократ Шюкинг ратовал за то, чтобы в нем «люди различных профессиональных слоев — студенты, профессора, сельские хозяева, рабочие, фабриканты и т. д.,— соответствующим образом организованные, могли бы осуществлять известную законодательную деятельность»[72]. Его поддержали Штреземан и другие правые ораторы. А социал-демократ Давид под возгласы «браво» со скамей буржуазных партий заявил даже, что «немецкий национальный гений» прокладывает будто бы созданием такого «*экономического парламента*» новый путь всему миру к «социализму с социалистическим духом», который в корне отличен от «азиатского социализма» России[73].

Орган, который должен был появиться на свет в результате скрещивания профессионально-сословного представительства и такого «социализма», выглядел довольно жалким. Его функции исчерпывались тем, что он должен был «давать заключения» по социально-политическим и хозяйственно-политическим законопро-

---

[69] VDNV, Bd. 328, S. 1783.
[70] Reichsanzeiger, 6.VI 1919.
[71] VDNV, Bd. 328, S. 1788. Заседание 21 июля 1919 г.
[72] VDNV, Bd. 326, S. 478. Заседание 3 марта 1919 г.
[73] VDNV, Bd. 326, S. 501. Заседание 4 марта 1919 г.

ектам, разработанным правительством, и вносить свои предложения. Даже один из самых ярых апологетов конституции, главный редактор газеты «Vorwärts» Ф. Штампфер не мог не признать, что этот орган является чем угодно, только не орудием демократизации хозяйственной жизни. «До тех пор, пока мы не можем обходиться без предпринимателей,— писал он,— их выключение из имперского экономического совета невозможно, и уже поэтому рабочие будут охотнее опираться на демократический парламент, чем на имперский экономический совет, где они всегда будут наталкиваться на определенный предел своего влияния» [74]. Вскоре выяснилось, что этот орган был не только уродливым и хилым учреждением, но и мертворожденным. Он так никогда и не был избран [75–76].

Так завершилась шумиха с «закреплением Советов в конституции», которая вместе с «законами о социализации» сыграла свою роль в дезориентации рабочих.

Включение в Веймарскую конституцию, хотя и в изуродованном до неузнаваемости виде, положений о рабочих Советах, было, однако, не просто демагогическим маневром. И не только отражением того, что рабочие Германии оказались недостаточно сплоченными и организованными, чтобы сорвать этот фарс. Оно свидетельствовало и о том, что буржуазия уже не могла удержаться у власти без заигрывания с рабочими. Именно поэтому В. И. Ленин, говоря в начале 1920 г. о триумфальном шествии советской идеи по всему миру, отметил, что наряду с прямой ее победой в Советской России включение Советов в германскую конституцию есть «**косвенная**... победа советской идеи. Идея овладела массами» [77].

Единое или союзное государство?

Вопросы государственного устройства республики, ее территориального членения, с самого начала конституционных дебатов являлись предметом наиболее острой полемики в лагере буржуазно-юнкерских партий. В Национальном собрании и вне его то и дело возникали ожесточенные споры, и моментами казалось даже, что дело дойдет до острого конфликта. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что разногласия и споры обычно скользили по поверхности действительно важной, принципиальной проблемы, выдвинутой революцией: сохранятся

---

[74] *Stampfer F.* Verfassung, Arbeiterklasse und Sozialismus, S. 25.

[75–76] В мае 1920 г., в период нового революционного подъема после разгрома каппоовского путча, когда социал-демократия снова ухватилась за идею «социализации», правительство назначило «временный экономический совет». Как и следовало ожидать, он сразу же превратился в подручный орган Стиннеса и К°. Этот «эрзац» просуществовал недолго.

[77] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 268.

ли в Германии после свержения двух десятков династий отдельные государства и федералистическая структура или будет создано единое (унитарное) государство? Для Германии это был не столько вопрос о форме государственного устройства, сколько именно вопрос о преодолении остатков феодальной раздробленности, о доведении до конца буржуазно-демократического преобразования страны.

Проблема национального единства Германии уходит своими корнями в далекое прошлое и не раз была предметом острой политической борьбы. Сложившаяся еще в средние века экономическая обособленность отдельных германских государств переплеталась с раздробленностью политической. Лишь в итоге цепи династических войн два крупнейших государства — Пруссия и Австрия — поглотили ряд мелких. Но еще к середине XIX в. Германия состояла из трех с половиной десятков отдельных государств.

Революция 1848—1849 гг. не решила задачи объединения Германии демократическим путем. Идею национального единства захватило в свои руки прусское милитаристское юнкерство, издавна стремившееся подчинить себе остальную Германию, а исполнителем его планов стал Отто фон Бисмарк, провозгласивший орудием своей политики «кровь и железо». Целая эпоха «революционной и контрреволюционной борьбы двух путей объединения... пути *через* великогерманскую республику и пути *через* прусскую монархию» [78] завершилась победой второго. Разбитая под Садовой Австрия была выброшена из Германии, а после Франко-прусской войны в 1871 г. была создана Германская империя (Deutsches Reich). Она была фактически прусско-германской империей, закреплявшей гегемонию Пруссии, и засилье милитаристского пруссачества наложило свой отпечаток на всю дальнейшую историю страны. «То, что Германия,— писали Маркс и Энгельс,— первоначально обретает свое *единство в прусской казарме*, является наказанием, ею вполне заслуженным. Но *результат* (объединение большей части Германии.— *Я. Д.*), хотя и таким способом, все же достигнут» [79].

Принятая 16 апреля 1871 г. конституция представляла собой по форме союзный договор, заключенный между прусским королем — от имени Северогерманского союза — и королями и князьями южногерманских государств. Она устанавливала, что «союзная область» состоит из территорий входящих в союз 22 монархий и трех вольных городов [80]. Ни о какой добровольности союза или равноправии его членов не могло быть и речи: наряду с Пруссией, имевшей около 300 тыс. кв. километров территории и почти 40 млн. населения, в «союз» входили и такие карликовые госу-

---

[78] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 230—231.

[79] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 272.

[80] Статья 1 конституции гласила: «Союзная область состоит из государств:

дарства, как, например, княжество Рейс старшей линии, имевшее территорию в 316 кв. километров и 67,5 тыс. жителей. Энгельс в свое время едко высмеивал этот «союз» между «Пруссией и Рейс — Грейц — Шлейц — Лобенштейном, когда один из союзников имеет столько же квадратных миль, сколько другой — квадратных дюймов»[81].

Военная гегемония Пруссии закреплялась специальными военными конвенциями с южногерманскими государствами, о которых не говорилось в конституции, но которые были важнейшей основой империи[82]. Другой формой внеконституционного влияния Пруссии было сохранение дипломатических отношений между отдельными государствами через постоянные посольства[83]. Кроме того, конституция предоставляла прусскому королю в качестве германского кайзера право «союзной экзекуции» — принуждения членов союза военной силой к выполнению их «союзнических обязательств» (§ 19). Конституция устанавливала также широкие компетенции центральной власти в вопросах законодательства и управления,приоритет имперских законов перед законами отдельных государств, вводила единое гражданство. Все это свидетельствовало о том, что, будучи по форме «союзом государств» (конфедерацией), Германская империя была фактически «союзным (федеративным) государством»[84], превосходившим по степени централизации Швейцарию и США. Тем не менее конституция сохранила ряд особых прав отдельных государств (так называемых резерватов) вроде права Баварии, Вюртемберга и Бадена на самостоятельный сбор налогов на пиво и водку, права Вюртемберга и Баварии по управлению железными дорогами, почтой и телеграфом и многие другие.

Пруссии с Лауэнбургом, Баварии, Саксонии, Вюртемберга, Бадена, Гессена, Мекленбург — Шверина, Саксен — Веймара, Мекленбург — Штрелица, Ольденбурга, Брауншвейга, Саксен — Мейнингена, Саксен — Альтенбурга, Саксен — Кобург — Готы, Шварцбург — Рудольштадта, Шварцбург — Зондергаузена, Ангальта, Вальдека, Рейса старшей линии, Рейса младшей линии, Шаумбург — Липпе, Липпе, Любека, Бремена и Гамбурга». Законом от 25 июня 1873 г. Эльзас — Лотарингия, отторгнутая от Франции, была включена в состав империи в качестве «имперской земли», непосредственно подчиненной кайзеру. См.: Die Verfassung des Deutschen Reichs (von 1871) nebst dem Einführungsgesetz für Elsass — Lothringen. Leipzig, [1929], S. 13, 54—56.

[81] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 236.

[82] Военные конвенции были подписаны в ноябре 1870 г. и назывались поэтому «ноябрьскими», или «версальскими».

[83] Бисмарк считал эти посольства важнейшим средством оказывать влияние на отдельные союзные правительства (*Bismarck O. von.* Die gesammelten Werke (далее — *Bismarck.* Werke), Bd. X. Berlin, 1928, S. 411).

[84] В записке от 30 октября 1866 г. Бисмарк писал о конституции Северогерманского союза, явившейся основой имперской конституции 1871 г.: «Нужно будет по форме больше придерживаться *союза государств*, но придать ему практически, с помощью эластичных, незаметных, но далеко идущих выражений, характер *союзного государства*» (*Bismarck.* Werke, Bd. VI, S. 167).

Федералистическая структура проявилась и в организации высших органов государственной власти и администрации. Глава государства — прусский король — носил титул германского кайзера и обладал большими полномочиями. Высшим органом законодательства и управления был Союзный совет (бундесрат), в который входили представители правительств отдельных государств, причем Пруссии были обеспечены решающие позиции. Бундесрат играл роль верхней палаты по отношению к рейхстагу, будучи одновременно органом исполнительной и судебной власти.

Права народного представительства — рейхстага, избиравшегося на основе всеобщего избирательного права (только для мужчин старше 25 лет), были ограниченными. Он мог обсуждать законопроекты, но был лишен влияния на исполнительную власть. В. Либкнехт справедливо называл его «фиговым листком абсолютизма». Пост главы правительства — рейхсканцлера — Бисмарк создал по собственной мерке. Рейхсканцлер был ответствен только перед кайзером и председательствовал в бундесрате. Попытки включить в конституцию какие-либо гарантии политических прав народа Бисмарк решительно отверг.

Оценивая конституционное творение Бисмарка, Ф. Энгельс писал: «Нельзя сказать, чтобы новая конституция империи, не считая отдельных уступок Баварии и Вюртембергу, прямо представляла собой шаг назад. Но это и есть лучшее, что можно о ней сказать. Экономические потребности буржуазии были в основном удовлетворены, а ее политическим притязаниям, поскольку она их еще предъявляла, были поставлены те же преграды, что и в период конституционного конфликта» [85–86].

Когда в ноябре 1918 г. рабочий класс, сметя два десятка монархий, подорвал здание бисмарковской конституции, он требовал единой, неделимой Германской республики. Однако это выдвинутое всем ходом истории требование натолкнулось на ожесточенное сопротивление всех сил реакции.

Правые партии—националисты и немецкая народная партия—сразу же выступили за сохранение «сильной Пруссии», в которой видели оплот, способный противостоять революционному народу и «сохранить Германию от гибели». Не отрицая, как об этом откровенно писал один из крупнейших аграриев граф Позадовский-Венер, что «из хозяйственных, финансовых и политических соображений» будущее Германии—«только в едином государстве» [87], эти партии тем не менее ратовали за федералистическую структуру. Партия центра, традиционный носитель идей партикуляризма, энергично поддерживала федерализм, а нередко и сепаратистские устремления, прежде всего в Западной Германии. Высказываясь за расчленение Пруссии, она горой

[85–86] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 474.

[87] *Posadowsky.* Weltwende. Gesammelte politische Aufsätze. 3. Aufl. Stuttgart, 1920, S. 47.

стояла за сохранение и даже усиление самостоятельности отдельных государств.

Позицию либеральной буржуазии лучше всего выразил ее «экономический пророк» М. Вебер. Еще в ноябре 1918 г. он писал, что для выбора унитарного или федералистического решения вопроса о государственном устройстве прежде всего важна «экономическая организация» будущего государства. Признавая, что «социалистическая организация потребует для единого хозяйства также и единого политического здания», Вебер отмечал, что капиталистическая система хозяйства вполне «может примириться с федерализмом», поскольку он не будет препятствовать созданию общегерманских монополистических объединений[88]. Считая всякую децентрализацию экономически невыгодной, он тем не менее, исходя из «настроений, политической расстановки сил и интересов настоящего момента», высказался за федералистическое решение. Страх перед революционным народом, боязнь решительных преобразований, способных его активизировать, подсказывали вывод, звучавший как перл буржуазной «мудрости»: если разделение Пруссии все же окажется возможным и осуществимым, «тогда мы одобрим его»[89].

Германская социал-демократия включала некогда в свой идейный багаж принципиальные указания К. Маркса и Ф. Энгельса. Еще в марте 1848 г. в первом же пункте требований «Союза коммунистов» они выдвинули лозунг: «Вся Германия объявляется единой, неделимой республикой»[90]. Ф. Энгельс и 40 с лишним лет спустя подчеркивал необходимость коренного государственного переустройства Германии. «С одной стороны,—писал он,—необходимо покончить с делением на мелкие государства: попробуйте-ка революционизировать общество, пока еще существуют резерватные права Баварии и Вюртемберга, а карта нынешней Тюрингии, например, представляет собой жалкое зрелище! С другой стороны, должна прекратить свое существование Пруссия; она должна распасться на самоуправляющиеся провинции, чтобы над Германией перестало тяготеть специфическое пруссачество». Отмечая, что «для Германии федералистическое ошвейцарение ее было бы огромным шагом назад», Ф. Энгельс считал, что «пролетариат может употребить лишь форму единой и неделимой республики»[91]. При этом республика должна быть построена на основе самого широкого самоуправления с демократически избираемыми местными и областными органами власти. Такова была ясная установка последовательных пролетарских революционеров, заинтересованных в полнейшей демократизации Германии прежде всего потому, что она расчищала от всяких обломков

---

[88] *Weber M.* Gesammelte politische Schriften, S. 346, 350.
[89] Ibid., S. 355—356, 369.
[90] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 5, с. 1.
[91] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 238.

старины арену классовой борьбы пролетариата против буржуазии.

Когда германская социал-демократия перестала быть партией революции, это сказалось и на ее отношении к единству Германии. С момента своего прихода к власти в ноябре 1918 г. социал-демократические лидеры шаг за шагом сдавали позиции в этом вопросе. Самым активным сторонником партикуляризма среди социал-демократов был баварский независимец К. Эйснер[92]. Хотя берлинский социал-демократ Фишер метал в Национальном собрании громы и молнии по адресу «закостенелого партикуляризма», «мелочного эгоизма церковников», «отсутствия большого национального чувства», он тут же высказался против расчленения Пруссии, поскольку «старой Пруссии» больше нет[93]. Партия в целом оказалась в стане федералистов.

Хотя мотивы и расчеты разных партий были различны, нередко взаимно противоречивы, их объединял страх, что любое сколько-нибудь радикальное преобразование усилит натиск прогрессивных сил против основ существующего строя. Федеративная структура представлялась также наиболее удобной формой для осуществления давних вожделений «среднеевропейцев» о включении Австрии в состав Германии и укреплении тем самым позиций Германии в центре Европы. После военного поражения присоединение Австрии давало возможность известного возмещения территориальных потерь, а распад «двуединой империи» и провозглашение Австрии республикой усилили надежды на «аншлюс», тем более что его активными сторонниками выступили австрийские и германские социал-демократы[94]. В Веймарскую

---

[92] Вскоре после революции, заметил И. В. Бредт, «проявился довольно странный факт — социал-демократия не хотела пожертвовать отдельными государствами». Он объяснял это тем, что «в ландтагах отдельных государств сидели социал-демократы, которые сочли, что сейчас наступило их время править... Решающей же причиной было то, что во всех отдельных государствах правительства не только не были сразу устранены, а... были сохранены и во главе их стали новые люди». См.: *Bredt J. V.* Der Geist der deutschen Reichsverfassung, S. 84. Правильно подметив факты, автор не понял, что главной причиной отказа социал-демократии от борьбы за единство было ее желание сохранить верность союзу с буржуазией.

[93] См.: VDNV, Bd. 326, S. 372. Заседание 28 февраля 1919 г.

[94] Австрийское Временное национальное собрание уже 12 ноября 1918 г. объявило Немецкую Австрию частью Германии, а Национальное собрание Австрии подтвердило это решением от 12 марта 1919 г. В германском Национальном собрании Эберт и Давид приветствовали возможность объединения (см.: VDNV, Bd. 326, S. 2, 9. Заседание 6 февраля 1919 г.). Когда О. Бауэр (австрийский статс-секретарь иностранных дел) посетил в конце февраля — начале марта Веймар и Берлин, было подписано секретное соглашение о присоединении. Но практические шаги были отложены из опасения, как говорил Брокдорф, чтобы Антанта не вынудила пойти на «скомпрометированное отступление» (см.: *Wengst U.* Brockdorff-Rantzau, S. 35—36). Позднее Бауэр признал, что австрийские рабочие не стремились к «аншлюсу», говоря: «В Германию Носке мы не хотим» (*Bauer O.* Acht Monate auswärtige Politik. Wien, 1919, S. 5—6).

конституцию была включена статья, говорившая о возможности «аншлюса» [95], но его не удалось осуществить, так как этому воспротивились державы Антанты [96].

В противовес буржуазно-реформистскому фронту Коммунистическая партия Германии и левые элементы в НСДПГ выступали за доведение до конца демократического преобразования страны, за осуществление полного национального единства Германии. Программа КПГ выдвинула требование «ликвидации всех отдельных государств» и создания «единой германской социалистической республики» [97]. За единую Германию неоднократно высказывались рабочие Советы Берлина, Саксонии, Тюрингии, Бремена, Гамбурга и других областей. Даже газета «Vorwärts» вынуждена была признать, что в «германском рабочем классе преобладает склонность к *единому* государству» [98].

Печать КПГ неустанно разоблачала «жалкое кропание» буржуазных и социал-демократических политиканов в вопросах государственного переустройства. Газета подчеркивала, что незначительное перетряхивание отдельных государств не способно подорвать позиции реакционеров, цепляющихся за старую структуру государства, и требовала полного устранения «мелкодержавия» (Kleinstaaterei) [99].

В ходе конституционных дискуссий в Национальном собрании борьба шла главным образом по двум вопросам: территориальной организации Германии и компетенций общегерманских органов. Примером давления со стороны партикуляристов может служить резолюция баварского ландтага, в которой выражалась «серьезная озабоченность» тем, что правительственный проект конституции намерен будто бы осуществить «нетерпимую унитаризацию и централизацию империи». Настаивая на сохранении «федеративной основы империи», резолюция содержала неприкры-

---

В работе Веймарской конституционной комиссии с самого начала участвовали два представителя Австрии. См.: *Kölling M.* Die Annexionsbestrebungen des deutschen Imperialismus gegenüber Österreich im Frühjahr 1919.— Jahrbuch für Geschichte, Bd. 1. Berlin, 1967; *Miller S.* Das Ringen um «die einzige großdeutsche Republik». Die Sozialdemokratie in Österreich und im Deutschen Reich zur Anschlußfrage 1918/19.— Archiv für Sozialgeschichte, Bd. XI. Hannover, 1971.

[95] В статье 61 было сказано: «Немецкая Австрия получит после своего присоединения к Германской империи право на участие в рейхсрате с числом голосов, соответствующим ее населению. До этого представители Немецкой Австрии имеют совещательный голос».

[96] После ноты Клемансо Германия была вынуждена подписать специальный протокол от 22 сентября 1919 г., который был утвержден Национальным собранием. Он признавал «недействительность» этого положения конституции. Но в буржуазной юридической литературе оспаривалась законность этой формулировки и выдвигалась формула о временной «неосуществимости» этого положения. Австрийское Национальное собрание 20 октября 1919 г. отменило закон о присоединении к Германии.

[97] Protokoll des Gründungsparteitages der KPD, S. 320.

[98] Vorwärts, 2.I 1919. Morgenausgabe.

[99] Die Rote Fahne, 20., 24.II 1919.

тую угрозу, что «политика силы, не учитывающая права немецких племен на самоопределение», может стать угрозой «составу империи» [100].

То, что Германия не стала подлинно единым (унитарным) государством, нашло свое выражение уже в заглавии первого раздела Веймарской конституции — «Империя и земли» («Reich und Länder) [101]. Это особенно подчеркнул в Национальном собрании докладчик, депутат немецкой народной партии Каль. «*Заголовок «Империя и земли»*,— сказал он,— последние в смысле отдельных государств, содержит... государственно-правовое определение, что создаваемое этой конституцией государственное образование представляет собой не единое государство, а теперь, как и прежде, объединение государств, систему государств... Не может быть никакого сомнения: новая империя тоже союзное государство» [102]. И все же в конституции не содержалось прямого указания на федеративную структуру Германии, перечисления входивших в нее земель. Статья 2 говорила лишь, что «территория империи состоит из территорий немецких земель», а прием новых земель осуществляется в законодательном порядке [103].

Первой характерной чертой федеративной структуры Веймарской республики было *неравноправие* ее членов. Составлявшие республику германские земли, хотя их население сохраняло известное своеобразие диалекта, правов, обычаев, не были ни национальными, ни экономическими образованиями. Они сложились в результате длинной цепи случайных обстоятельств, династической политики, войн и захватов. Многие карликовые земли не имели даже замкнутой территории, а были частями вкраплены в другие земли. Зато Пруссия обладала территорией, на которой проживало почти две трети населения Германии, развитой промышленностью, сильной военной организацией [104]. Однако планы

---

[100] ZStA Potsdam. Reichsamt des Innern, Nr. 16506, Bl. 268—269.

[101] В первом проекте эта мысль была сформулирована еще яснее: раздел назывался: «Империя и ее государства-члены» (Reich und seine Gliedstaaten). Изменение предложили социал-демократы. См.: VDNV, Bd. 336, S. 26.

[102] VDNV, Bd. 327, S. 1204—1205. Заседание 2 июля 1919 г.

[103] Среди немецких юристов и историков государственного права многие годы считался спорным вопрос о том, к какому типу государственного устройства должна быть отнесена Веймарская республика. Главным камнем преткновения было то, являются ли земли государствами и в какой мере они суверенны. Постепенно возобладала точка зрения, что республика осталась «союзным государством», а земли являются государствами, хотя и с ограниченным суверенитетом. См.: *Apelt W.* Geschichte der Weimarer Reichsverfassung. S. 174—175. О «демократии компромиссов» и о позднейших планах «имперской реформы» в годы Веймарской республики см.: *Schulz G.* Zwischen Demokratie und Diktatur. Verfassungspolitik und Reichsreform in der Weimarer Republik, Bd. 1. [West-]Berlin, 1963.

[104] Г. Прейс в статье «Является ли Пруссия землей?» писал в 1921 г.: «Пруссия фактически не земля, как другие земли рейха, и никакая конституционная фикция не может сделать ее тем, чем она не является. Она

территориального переустройства натолкнулись на ожесточенное сопротивление.

В конституционной комиссии дебаты достигли такой остроты, что фракции коалиционных партий раскололись. Принятый комиссией робкий проект, допускавший образование новых земель без обязательного согласия всех заинтересованных правительств[105], вызвал бурное негодование социал-демократических правительств Пруссии и Южной Германии. В прусском Национальном собрании раздались протесты против «неслыханного изнасилования Пруссии», а министр-президент Гирш заявил даже, что решение комиссии «должно вызвать огромную радость у Антанты», стремящейся ослабить Германию[106]. Южногерманские государства в свою очередь собрались на сепаратную конференцию в Штутгарте и 29 марта приняли резолюцию протеста против «преувеличения идеи единства»[107].

Для урегулирования конфликта Шейдеман созвал 28 мая специальную конференцию правительств отдельных государств с участием лидеров коалиционных партий. Она приняла решение, известное под названием «компромисса между империей и землями». В нем вновь появилось требование согласия заинтересованных правительств на любое территориальное переустройство. Споры, однако, продолжались[108], были заключены новые компромиссы[109]. В окончательной редакции соответствующие статьи конституции были, по выражению самого Прейса, наиболее запутанными и трудно выполнимыми.

В конечном итоге статья 18 устанавливала, что «территориальные изменения существующих и создание новых земель в пределах Германской империи происходят путем имперского закона, изменяющего конституцию». Практически это означало, что никакое территориальное переустройство невозможно без согласия Пруссии. Любые сколько-нибудь решительные преобразования были, во всяком случае, серьезно заторможены[110]. Ораторы пра-

---

представляет собой объединение большей части германских земель в более тесный комплекс, в неполный рейх в полном рейхе» (*Preuß H.* Staat, Recht und Freiheit, S. 437—438).

[105] См.: VDNV, Bd. 336, S. 110. Заседание 20 марта 1919 г.

[106] Ibid., S. 124—125. Заседание 24 марта 1919 г.

[107] См.: *Schulz G.* Zwischen Demokratie und Diktatur, S. 187—188. Прусский кабинет поддержал протест южногерманских государств, хотя и оспаривал содержавшиеся в нем утверждения об усилении позиций Пруссии и сделал ряд оговорок (ZStA Merseburg. Preußisches Staatsministerium, Rep. 90a, Abt. B, Tit. III 2b, Nr. 6, Bl. 74—76. Заседание 22 апреля 1919 г.).

[108] Ibid., Bl. 103. Заседание 4 июня 1919 г.

[109] См.: VDNV, Bd. 328, S. 1801—1815. Заседание 22 июля 1919 г. Этот компромисс известен как соглашение Лёбе — Тримборн — Гейле (по именам внесших предложение лидеров коалиционных партий).

[110] В начале 1920 г. министр внутренних дел немецкий демократ Э. Кох создал «Центральную комиссию по перестройке германских земель», включив в нее наряду с видными чиновниками также историков Мейнеке и Гётца, профессоров государственного права Г. Аншютца

вых партий, отстаивая сохранение целостности Пруссии как «фактора силы», откровенно заявляли, что эта сила необходима для подавления выступлений народа, и приводили в качестве примера действия правительственных войск «под прусским командованием и с прусским духом» против рабочих Гамбурга, Лейпцига, Мюнхена [111].

Неравноправие проявилось и в представительстве земель в рейхсрате. В результате длительных препирательств Пруссия получила здесь две пятых голосов, т. е. даже больше, чем она имела в бисмарковском бундесрате [112]. Практически ни одно решение не могло быть принято против воли Пруссии.

Второй характерной чертой веймарской федерации была *недобровольность* союза. Из конституции 1871 г. в новую были почти целиком перенесены положения об «имперской экзекуции», которые предусматривали: «Если одна из земель не выполняет обязанностей, возложенных на нее конституцией или имперскими законами, президент империи может принудить ее к этому с помощью вооруженной силы» (ст. 48, абз. 1).

Эта статья была направлена вовсе не против реакционных сил и сепаратистов, пытавшихся отделиться от Германии. Острие ее было нацелено против революционного народа. Об этом откровенно говорили в Национальном собрании социал-демократы. «Мы живем в переходное время,—заявил Катценштейн,—во время брожения... И ведь случалось уже, что правительство одной из земель, будь это, с точки зрения нашего нынешнего демократического государственного права, легальное правительство или просто правительство насилия (возможно, Советское правительство, какое существовало в Бремене или в Брауншвейге), выступало против имперского правительства, имперских законов и временной конституции. Это требовало имперской экзекуции. Следо-

---

и Э. Кауфмана. В делах сохранилась подробная записка «Империя и земли» (ZStA Potsdam. Reichsministerium des Innern, Nr. 16990. Bl. 21—28, 34—35, 44—48). За все 14 лет действия Веймарской конституции были осуществлены только два серьезных изменения территориального устройства Германии. В 1920 г. восемь самых мелких земель Средней Германии объединились и создали землю Тюрингию. В 1929 г. земля Вальдек, вкрапленная в территорию Пруссии, официально растворилась в ней. Но и после этого на карте Германии сохранились карликовые образования вроде Липпе, Шаумбург—Липпе и др., осталась чересполосица.

[111] VDNV, Bd. 328, S. 1807, 1811. Выступления ораторов националистов Филиппа и немецкой народной партии Гейнце.

[112] Не меняло дела и включение в конституцию так называемой антипрусской оговорки» (clausula antiborussica), предусматривавшей, что половина прусских голосов должна быть предоставлена не прусскому правительству, а представителям прусских провинциальных управлений. В 1929 г. из 66 голосов в рейхсрате Пруссия имела 26 (в том числе 13—прусские провинции), Бавария — 11, Саксония — 7, Вюртемберг — 4, Баден — 3, Тюрингия, Гессен и Гамбург — по 2, остальные 9 земель — по 1 голосу. См.: *Gebhard L.* Verfassung..., S. 303—305.

вательно, мы должны считаться с применимостью статьи 48»[113].

Практика, как правительства Эберта — Шейдемана — Носке, так и последующих, целиком подтвердила это объяснение. Еще до того, как Веймарская конституция стала законом, Носке практически осуществлял эту «имперскую экзекуцию» не только против Бремена и Брауншвейга, но и против Советской Баварии, против Лейпцига и Гамбурга, подавляя революционных рабочих и терроризируя население. После принятия конституции «имперская экзекуция» также неизменно направлялась против тех земель, в которых «грозили одержать верх радикальные, главным образом коммунистические, течения»[114].

Третьей характерной чертой государственного устройства Веймарской республики было то, что, несмотря на сохранение федералистических форм, конституция значительно усилила *централизацию* государственной власти и управления. Правда, Национальное собрание отклонило исходившее от некоторых банковских и промышленных кругов предложение (с ним выступил немецкий демократ Кох) провозгласить, что компетенция законодательства «находится прежде всего в руках империи»[115]. В результате долгих дискуссий определение компетенции центральных органов империи приобрело чрезвычайно запутанный вид.

Статья 5 устанавливала, что «государственная власть осуществляется по общеимперским делам органами империи на основании имперской конституции, а по делам земель—органами земель на основании их конституций». Статья 13 говорила, что «имперское право имеет преимущество перед правом земель». Из трех форм осуществления органами империи законодательной и административной власти первую составляли вопросы, отнесенные к исключительному ведению империи: внешние сношения, вопросы гражданства и свободы передвижения, организация обороны, монетное и таможенное дело, почта, телеграф, телефон и др. (ст. 6, 78—80, 82 и 88). Но и их переход в ведение империи был обусловлен множеством различных оговорок и ограничений.

В ходе обсуждения ряд важных вопросов был изъят из этой группы и отнесен ко второй. Они могли быть предметом законодательства и ве́дения земель в том случае, если центральные вла-

---

113 VDNV, Bd. 327, S. 1323. Заседание 5 июля 1919 г.

114 *Apelt W.* Geschichte..., S. 171. Так, в марте-апреле 1920 г. президент Эберт применил эту меру против тюрингских земель, когда возникла «угроза» перехода власти в некоторых из них в руки рабочих Советов. В октябре 1923 г. были двинуты вооруженные силы против рабочих правительств Саксонии и Тюрингии под смехотворным предлогом, будто они используют государственные средства «не по назначению». С другой стороны, эта мера не была применена, когда в ноябре того же года в Баварии произошел реакционный путч Гитлера — Кара — Людендорфа, а части баварского рейхсвера еще раньше открыто заявили, что отказываются повиноваться центральному правительству.

115 VDNV, Bd. 326, S. 394. Заседание 28 февраля 1919 г.

сти не использовали своих прав (так называемое конкурирующее право). Сюда относились: торговля, банковское и биржевое дело, меры и весы, пути сообщения, право и судопроизводство, здравоохранение и страхование, промышленность и горное дело, отчуждение и обобществление собственности, мореплавание, дорожное строительство, печать, театры, кино, и т. п. (ст. 7) [116]. Распространяя законодательство империи на налоговую политику, статья 8 обязывала центральные власти «заботиться о сохранении жизнеспособности земель».

В третью группу были включены вопросы, по которым имперские власти могли издавать общие директивы (нормативы), обязательные для органов земель. Это касалось положения школы и религиозных обществ, прав чиновников, землеустройства и т. п. (ст. 10). Специально было оговорено также право империи издавать однородные предписания по вопросам «охраны общественного порядка и безопасности» (ст. 9).

Землевладельцы и капиталисты, особенно южногерманских земель, ожесточенно сопротивлялись ликвидации так называемых резерватных прав, вроде права Баварии, Саксонии, Бадена, Гессена и других земель на сбор особых пошлин и налогов на предметы потребления. Для урегулирования этих вопросов в конституцию было включено несколько десятков специальных статей, которые немецкий демократ Кох метко назвал «слепой кишкой» конституции, выразив надежду, что «удастся провести здесь удачную операцию» [117]. Надежда не оправдалась, и вопрос был решен в конечном счете компромиссом [118].

Усилив централизацию законодательной власти, конституция предоставила землям довольно значительную автономию в вопросах управления и администрации. Она устанавливала, что «имперские законы приводятся в исполнение органами земель, если имперский закон не постановит иначе» (ст. 14). Центральное правительство должно было ограничиваться общим надзором по делам, по которым империи принадлежало право законодательства. В действительности, однако, вмешательство имперского прави-

---

[116] В то время как вопрос о создании единого морского флота был решен без затруднений (ст. 81), вопросы о железных дорогах и внутреннем судоходстве, непосредственно затрагивавшие интересы отдельных земель, потребовали для своего урегулирования включения в конституцию 14 специальных статей. Передача железных дорог в ведение империи неоднократно обсуждалась на заседаниях прусского кабинета и правительства Шейдемана. Только уход в отставку прусского министра Гофа позволил сдвинуть дело с мертвой точки. См.: Kabinett Scheidemann, S. 122—125. 248—249; SZSA Merseburg. Preußisches Staatsministerium, Rep. 90a, Abt. B, Tit. III 2b, Nr. 6, Bl. 36—37. 57. Переход должен был осуществляться постепенно в течение двух лет.

[117] VDNV, Bd. 326, S. 394. Заседание 28 февраля 1919 г.

[118] По требованию имперского правительства сбор пошлин и налогов на потребление должен был перейти в его ведение (ст. 169), но оно взамен было обязано «обеспечить землям охрану их особых интересов в сельском хозяйстве, торговле, ремесле и промышленности» (ст. 83).

тельства в местные дела было несравненно бо́льшим, чем это предписывали параграфы конституции, обладавшие, впрочем, способностью растягиваться, как резина. Опорой центральных властей в этом случае был гигантский бюрократический аппарат, унаследованный от монархии Гогенцоллернов. Прусский ландрат и саксонский амтсфорштейер, регирунгспрезидент и обер-президент имели несравненно большее влияние на все дела, чем соответствующие демократические представительства. Централизм Веймарской конституции имел на практике не демократический, а бюрократический характер.

Усилив компетенцию центральных органов империи и уничтожив ряд резерватных прав отдельных государств, Веймарская конституция сделала шаг вперед в деле унитаризации государственного устройства Германии. Но в ряде случаев она ограничилась полумерами. Пытаясь оправдать это, буржуазные и социал-демократические деятели ссылались на то, что Германия-де еще «не созрела» для полного единства. Прейс в январе 1919 г. утверждал: «Раздробленность слишком стара, чтобы, несмотря на большой революционный переворот, она могла бы быть сразу преодолена» [119]. Националист Дельбрюк тоже говорил, что нельзя «пройти сегодня или в течение нескольких месяцев путь к единому государству. Мы должны предоставить дело времени. Оно придет, поскольку должно прийти» [120].

Но причина заключалась в другом. Некоторые социал-демократические лидеры признавали впоследствии, что в первые недели Ноябрьской революции, когда реакционные силы еще пребывали в состоянии растерянности, имелась возможность добиться превращения Германии в унитарное государство. «Остается историческим упущением,—вынужден был сознаться Штампфер,—что в то время бурного прогрессивного развития не был осуществлен прыжок в единое государство. Многие социал-демократические правители защищали, несмотря на все платонические поклоны перед идеей национального единства, партикулярные интересы с не меньшим рвением, чем это делали раньше династии» [121]. Вина лежит на тех кто стремился опираться на пережитки старины против революционного решения вопроса о национальном единстве. А нерешенностью его вскоре воспользовались враги республики, выступившие под националистическим флагом.

---

[119] *Preuß H.* Staat, Recht und Freiheit. S. 387.

[120] VDNV, Bd. 327, S. 1217. Заседание 2 июля 1919 г.

[121] *Stampfer F.* Verfassung, Arbeiterklasse und Sozialismus, S. 134. М. Коэн тоже считал, что «была упущена возможность действительно энергичного выступления за единое государство» (Sozialistische Monatshefte, Bd. 53, April 1919, S. 523). Об этом же говорил позже К. Зеверинг (*Severing C.* Einheitsstaat und Reichsverfassung.— Jahrbuch der deutschen Sozialdemokratie, 1928, S. 312).

Органы власти и управления

Структура органов власти и управления Веймарской республики несла на себе печать незаконченности буржуазно-демократических преобразований. Особенно сложно выглядели положение и функции высших органов.

Национальное собрание не могло не поставить на первое место среди верховных органов власти — народное представительство, *рейхстаг*. Поступив иначе, оно дискредитировало бы себя самое как выразителя «народного суверенитета». Конституция определяла, что рейхстаг избирается путем всеобщих выборов сроком на 4 года (ст. 23), заседания его публичны, за исключением случаев, когда он сам постановит иное (ст. 29) [122].

Главной функцией рейхстага объявлялась законодательная деятельность. Статья 68 устанавливала, что «имперские законы издаются рейхстагом». Законопроекты могли вноситься непосредственно депутатами, а также правительством и рейхсратом. Для принятия закона было достаточно простого большинства, а для закона, изменявшего конституцию, требовалось квалифицированное большинство ($^2/_3$ голосов при участии в голосовании не менее двух третей депутатов).

Однако власть рейхстага была существенно урезана другими высшими органами власти — прежде всего *рейхсратом*, наследником бундесрата и преемником Комитета государств. Это был бюрократический орган, состоявший из членов правительств земель (ст. 63). Рейхстаг, получив право ежегодно вотировать бюджет, не мог, однако, без согласия рейхсрата повышать или заново включать расходы в проект государственной росписи (ст. 85). Рейхсрат имел право «отсрочивающего вето» (suspensives veto), мог опротестовать законы, принятые рейхстагом, которые в этом случае поступали на вторичное рассмотрение и нуждались в квалифицированном большинстве (ст. 74).

Хотя на словах рейхстаг неоднократно объявлялся верховным и «самым жизненно необходимым» органом империи, он вовсе не был суверенным, ибо был практически лишен влияния на экономическую жизнь, на государственную бюрократию, на судебную власть [123]. Предложение независимцев предоставить рейхстагу

---

[122] Только преодолев сопротивление правых партий, удалось записать, что депутаты пользуются правом парламентской неприкосновенности (иммунитета), бесплатным проездом на транспорте, получают определенное вознаграждение и т. п. (ст. 36—40). Было специально оговорено право рабочих и служащих располагать необходимым временем для выполнения связанных с избранием общественных обязанностей (ст. 160). Однако оно было ограничено условием: «поскольку это не причиняет значительного ущерба предприятию». Вопрос о вознаграждении за пропущенное рабочее время должен был решить специальный закон, который так и не был издан.

[123] «Большой недостаток Веймарской конституции,— отмечал О. Гротеволь при разработке конституции ГДР,— заключался в том, что... народное

право осуществления верховного надзора над управлением империи и судопроизводством было отвергнуто. Прейс даже объявил эту поправку попыткой установить вместо «парламентского правового государства» некое «господство Конвента», при котором «царит произвол» [124]. Социал-демократы его поддержали.

Влияние рейхстага на исполнительную власть, формально ему подотчетную, тоже было ограничено. Правда, согласно конституции, *имперское правительство*, состоящее из рейхсканцлера и министров, назначаемых и увольняемых президентом (ст. 52, 53), нуждалось для своей деятельности в вотуме доверия со стороны большинства рейхстага (ст. 33, 54). При внесении в рейхстаг законопроектов правительство обязано было предварительно согласовывать их с рейхсратом. И в своей административной деятельности правительство вынуждено было считаться с рейхсратом, испрашивая его согласие на издание тех или иных распоряжений (ст. 67, 77, 88).

Стремление реакционных кругов уже в период становления Веймарской республики всемерно усилить исполнительную власть особенно ярко проявилось в вопросе о положении *имперского президента*. Вебер в статье «Рейхспрезидент» выдвинул множество аргументов в пользу укрепления его позиции, в том числе и тот, что лишь сильный президент сможет осуществить «социализацию» (!), явиться противовесом партикуляризму [125]. Ораторы правых партий настаивали на максимальном усилении его независимости, открыто заявляя, что видят в нем преемника свергнутого революцией кайзера. «Блеск короны германского кайзера,—говорил лидер немецкой народной партии Гейнце, призывая упрочить положение президента,— немало способствовал укреплению внутренней силы империи и ее международному авторитету» [126]. А националист Филипп, раскрывая контрреволюционный смысл сильной президентской власти, указывал, что полновластный глава государства особенно необходим в период, «созданный революцией, или когда революция еще происходит» [127].

В связи с такими заявлениями даже правосоциалистические лидеры не могли не заметить, что права президента «вызывают у них раздумье». По выражению Фишера, президент получал

представительство было сильно ограничено в своих правах и, как показала история Веймарской республики, в конечном счете обречено на полнейшее бессилие... так как старые учреждения, унаследованные от старой кайзеровской империи, были перенесены в республику; это же относится к старому государственному аппарату и старому хозяйственному строю... Господствовали государственная бюрократия и магнаты экономики, а не народное представительство» (*Grotewohl O.* Demokratische Verfassung für ganz Deutschland, kein Besatzungsstatut.— Informationsdienst des Deutschen Volksrats. Sonderdruck. Berlin, 1949, S. 8).

[124] VDNV, Bd. 336, S. 263. Заседание 8 апреля 1919 г.

[125] Статья в «Berliner Börsenzeitung» (25.II 1919). См.: *Weber M.* Gesammelte politische Schriften, S. 390 ff.

[126] VDNV, Bd. 326, S. 399. Заседание 28 февраля 1919 г.

[127] VDNV, Bd. 327, S. 1304. Заседание 4 июля 1919 г.

«высшую и менее ограниченную власть, чем та, которой прежде обладал кайзер»[128]. Однако то была лишь декламация, ибо действительными противниками сильной президентской власти социал-демократы не были и вскоре столковались с буржуазными партиями.

Позиция лидеров независимцев в отношении президента ярко вскрыла органическую слабость соглашательской политики. О. Кон начал свои рассуждения с заявления, что не должно быть больше «противоположности между управляемыми и управляющими, между подданными и начальством». Только тогда «государство станет тем, чем оно не было до сих пор,—инструментом всего народа». Президент в демократическом государстве вообще не нужен. Если все же хотят создать президиального главу государства, лучше ввести коллегию как в Швейцарии... Если все-таки сохранят пост президента империи, то его следует избирать не на 7 лет и, во всяком случае, ограничить переизбрание, так как иначе это может привести к возрождению монархии или народ получит «республику с великим герцогом во главе». Если способ избрания не будет изменен, то нужно по крайней мере обязать президента ежегодно отчитываться перед народом о положении в стране. Если же не хотят возложить эту обязанность на президента, ее следует возложить на правительство[129]. Как и следовало ожидать, такая уступчивость оратору не помогла, и буржуазные партии вместе с правыми социалистами отклонили все его поправки.

«Президент империи,— устанавливала статья 41 Веймарской конституции,— избирается всем немецким народом. Избран может быть каждый немец, которому исполнилось 35 лет». Президент избирался на 7 лет с неограниченным правом переизбрания (ст. 43)[130]. В его обязанности входило представительство империи в международно-правовых отношениях, назначение правительства и министров, принятие их отставки (ст. 43, 45). Преимущественное положение президента по отношению к рейхстагу заключалось прежде всего в праве президента распустить рейхстаг и назначить новые выборы. Это право в последние дни обсуждения было несколько сужено включением оговорки, что президент может распустить рейхстаг «не более одного раза по данному поводу», новые выборы должны состояться не позже, чем через 60 дней, а новый рейхстаг должен собраться через месяц после выборов (ст. 25).

---

[128] VDNV, Bd. 326. S. 374; Bd. 336, S. 287.

[129] Ibid., Bd. 326, S. 404—405. Заседание 28 февраля 1919 г.

[130] Длительные препирательства шли о том, включить ли в конституцию определение, запрещающее выдвигать кандидатом представителя ранее правивших династий. Уже включенное запрещение (VDNV, Bd. 328, S. 1820—1827. Заседание 22 июля 1919 г.) было в третьем чтении 198 голосами против 141 снова зачеркнуто (VDNV, Bd. 328, S. 2191, 2199. Заседание 31 июля 1919 г.). См. также: *Oehme W.* Die Weimarer Nationalversammlung, S. 366—367.

В то время как президент мог выключить неугодный ему рейхстаг по крайней мере на три месяца, рейхстаг не имел возможности сместить президента. Он, правда, мог поставить на народное голосование вопрос о досрочном переизбрании президента, а также возбудить перед государственным судом обвинение против президента в «преступном нарушении им законов и конституции», но для такого решения требовалось квалифицированное большинство (ст. 43, 59).

Одним из важнейших источников силы президента было то, что он считался главой всей чиновничьей иерархии, имел право назначения и увольнения имперских чиновников и судей (ст. 46). Другим источником его силы была армия, тоже подчиненная президенту, как верховному командующему всеми вооруженными силами республики (ст. 47). Президент назначал также офицеров (ст. 46).

Хотя Версальский мирный договор запрещал Германии восстанавливать всеобщую воинскую повинность, империалистические круги вовсе не думали с этим примириться. Статья 133 устанавливала, что «все граждане обязаны, согласно законам, отбывать личные повинности в пользу государства и общины». Следующая фраза говорила, что положение о воинской повинности будет определено специальным законом, который установит также, в какой мере должны быть ограничены для военнослужащих отдельные основные права. Внесенная немецким демократом Гаусманом поправка о переименовании «воинской повинности» в «оборонную повинность», а «армии» в «оборонные силы» («вермахт») [131], разумеется, ничего не меняла.

Но все же главные права президента были заключены в статье 48 конституции, обычно именуемой статьей о президентской диктатуре. Первая часть ее давала президенту право «союзной экзекуции», а вторая распространяла это право также и на действия против «внутренних врагов» буржуазного государства.

Второй абзац статьи 48 в окончательной редакции гласил: «Президент империи может, если в Германской империи общественная безопасность и порядок серьезно нарушены или подвергаются опасности, принять меры, необходимые для восстановления общественной безопасности и порядка, а в случае необходимости — вмешаться с помощью вооруженной силы. Для этой цели он может временно, полностью или частично, отменять основные права, установленные статьями 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153.

О всех мерах, принятых на основании абзацев 1 и 2 этой статьи, президент должен немедленно поставить в известность рейхстаг [132]. Эти меры должны быть отменены по требованию рейхстага».

[131] VDNV, Bd. 328, S. 1643. Заседание 17 июля 1919 г.

[132] Формулой «поставить в известность» была заменена первоначальная — «испросить одобрение рейхстага».

Таким образом, президент мог одним росчерком пера отменить основные права граждан, гарантировавшиеся конституцией: свободу слова, печати, собраний и союзов, неприкосновенность личности, жилища, собственности и тайну переписки. Сравнение статьи 48 с прусским законом об осадном положении 1851 г. показывает, что старый закон был мягче. Так, прежде осадное положение могло быть введено только в случае «серьезной угрозы для общественной безопасности», и даже во время мировой войны кайзеровский суд, толкуя закон, отмечал, что он не распространяется на «угрозу общественному порядку». В нем не было также положений об отмене гарантий собственности, тайны переписки и т. п.

Независимец О. Кон, поднявшись на трибуну Национального собрания с целой пачкой книг, охарактеризовал статью 48 как «худшее проявление полицейского государства». Обращаясь к социал-демократам, он заявил: «Я хотел бы, чтобы народ увидел вас, наконец, без лицемерной маски и понял, что все ваши крики о законности являются не чем иным, как призывом... к гражданской войне. Вы хотите использовать закон, как оружие в гражданской войне против неудобных для вас партий». Оратор умолчал о том, на какой стороне баррикад часто оказывались некоторые лидеры его собственной партии, но поспешил заверить, что «не хотел бы, чтобы для гражданской войны было увековечено орудие насилия» [133].

В положении президента и особенно в его диктаторских правах [134] ясно проявилась подлинная классовая сущность Веймарской конституции. Здесь вышло на поверхность то глубокое антагонистическое противоречие между отрицающим демократию империализмом и стремящимися к демократии массами, которое пронизывало всю конституцию. Необходимость считаться с борьбой народных масс заставляла авторов конституции прибегать к маскировке буржуазной диктатуры различными демократическими завесами, чтобы в «нормальных» условиях осуществлять ее прикрыто. Но страх перед тем, что народ может использовать даже ограниченные и формальные свободы и права для борьбы против основ капиталистического строя, побудил законодателей предусмотреть возможность использования диктатуры и в открытом, обнаженном виде.

В. И. Ленин еще до германской революции, разоблачая лицемерие Каутского, всячески приукрашивавшего буржуазную демократию, отмечал: «Нет ни одного, хотя бы самого демократического государства, где не было бы лазеек или оговорок в конституциях, обеспечивающих буржуазии возможность двинуть войска против рабочих, ввести военное положение и т. п. «в случае на-

[133] VDNV, Bd. 327, S. 1337—1338. Заседание 5 июля 1919 г.; *Oehme W.* Die Weimarer Nationalversammlung, S. 362—363.

[134] К. Осецкий назвал статью 48 «пузырьком с ядом во внутреннем кармане конституции» (*Ossietzky K.* Schriften, Bd. I. Berlin — Weimar, 1966, S. 152).

рушения порядка»,— на деле, в случае «нарушения» эксплуатируемым классом своего рабского положения и попыток вести себя не по-рабски»[135]. Эти слова в полной мере применимы и к Веймарской конституции, которую ее авторы изображали «самой демократической в мире». Включение в нее положений о праве президента попирать демократию и действовать методами гражданской войны свидетельствовало не столько о силе, сколько о слабости германской буржуазии.

Даже опытным в обмане масс социал-демократическим лидерам было нелегко доказать совместимость президентской диктатуры с «истинной демократией». Они либо утверждали, что статья 48 является в конституции «чужеродным телом», либо изображали даже осадное положение как «сохранение демократии». Так, Ф. Штампфер, прикидываясь простачком, заявлял, что президент «своей присягой обязан охранять конституцию», и если он допустит «злоупотребление 48-й статьей, то вызовет упрек в нарушении присяги и тем сильно повредит своему положению»[136]. Но даже многие буржуазные юристы признают, что конституция давала полную возможность государственным органам в их совокупности и «обычным путем» осуществлять все те меры подавления, о которых шла речь в статье 48. «Особенностью,— писал один из них,— является только сосредоточение полномочий власти в руках одного единственного органа», т. е. президента, и вытекающее из этого «отклонение от обычной формы подобных государственных актов»[137].

Конституционная практика Веймарской республики показала, что диктатура президента неизменно применялась господствующими классами для подавления демократических стремлений народа, особенно в периоды революционного подъема[138].

---

[135] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 253.

[136] *Stampfer F.* Verfassung, Arbeiterklasse und Sozialismus, S. 19.

[137] См.: *Gebhard L.* Verfassung..., S. 250.

[138] Так, Эберт за время своего президентства (1919—1925 гг.) издал на основании второго абзаца этой статьи 136 распоряжений. См.: *Apelt W.* Geschichte der Weimarer Reichsverfassung, S. 261—263. Наибольшая часть из них приходилась на 1921 и особенно на 1923 г., когда «президентская диктатура» широко применялась для подавления революционного движения пролетариата в Руре, в Средней Германии и других местах, а также для установления новых налогов. Еще шире «президентская диктатура» стала применяться в период экономического кризиса 1929—1932 гг., когда классовая борьба в стране достигла большой остроты. Практика «чрезвычайных декретов» (Notverordnungen) и так называемых «сводных указов» (Sammelverordnungen) широко использовалась в 1930—1931 гг. В 1932 г. рейхстаг был фактически почти целиком выключен из законодательной деятельности. Распоряжения издавались правительством от имени президента, а рейхсканцлеры подбирались президентом без учета парламентского большинства. «Президентские кабинеты» Брюнинга и Папена расчистили путь для прихода к власти Гитлера и установления террористической фашистской диктатуры. См.: Verfassungen und Verfassungswirklichkeit in der deutschen Geschichte. Berlin, 1968, S. 62—70; *Weber H.* Die bürgerliche Lehre vom Notstand. Berlin, 1953.

Создавая и рекламируя представление о том, будто Веймарская республика является образцом «правового государства» (Rechtsstaat), ее создатели ссылались обычно на «независимость» судебной власти. В действительности это была такая же фикция, как и утверждение о «народовластии».

Конституция декларировала, что «судьи независимы и подчиняются только закону» (ст. 102). Обосновывая несменяемость судей, лидер немецкой народной партии Гейнце пугал «ужасными последствиями», к которым может привести устранение «обученных судей»[139]. Социал-демократы, в программе которых с давних пор стояло требование выборности судей, отказались от него под предлогом, будто не хотят «замены одной классовой юстиции другой»[140]. Выступление по этому поводу независимца О. Кона было еще одним проявлением непоследовательности. Заявив, что «независимость судей была до сих пор только иллюзией», что «судьи всегда склонялись перед любым требованием власть имущих», он тут же стал оправдываться, что вовсе не имел в виду обвинять судей в «сознательном искажении законов»[141].

Фактически несменяемость судей означала не что иное, как конституционное закрепление их бесконтрольности и безответственности перед народом. Национальное собрание после выступления Носке отклонило также предложение об уничтожении военных судов[142]. Позорные инсценировки судебных разбирательств над виновниками зверского убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург, когда убийцы остались фактически безнаказанными, были знаменательным началом подобного рода практики в годы Веймарской республики. Буржуазный суд республики лишь «изображал собою защиту порядка, а на самом деле был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка»[143].

Конституция предусматривала образование специальной Государственной судебной палаты (Staatsgerichtshof), которая должна была рассматривать жалобы против президента, рейхсканцлера и министров по обвинению их в нарушении конституции, а также другие конституционные конфликты. Однако не этот судебный орган, а Имперский суд в Лейпциге играл в годы Веймарской республики видную роль. Он самочинно присвоил себе право проверки «конституционности» законов, принятых рейхстагом, и тем самым превратился в своего рода бюрократическую верхнюю палату, не предусмотренную конституцией.

---

[139] VDNV, Bd. 328, S. 1467. Заседание 10 июля 1919 г.
[140] Ibid., S. 1469. Выступление Катценштейна.
[141] Ibid., Bd. 336, S. 362—363. Заседание 27 мая 1919 г.
[142] См.: ibid., Bd. 328, S. 1478. Заседание 10 июля 1919 г. В статье 105 в первой фразе отмечалось, что «исключительные суды недопустимы и никто не может быть изъят из ведения своего законного судьи», а вторая фраза сводила первую на нет: «Этим не затрагивается законодательство о военных судах и судах при осадном положении».
[143] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 270.

Судьи Веймарской Германии были только одним из отрядов весьма многочисленной армии чиновников, этой, по выражению К. Маркса, «свиты капиталистов и землевладельцев». Положение чиновничества как замкнутой касты, по самому своему духу чуждой народным массам, закреплялось в конституции рядом специальных статей. Предложение о выборности чиновников было отвергнуто не только буржуазными партиями, но и социал-демократией, которая не сочла нужным даже ответить на брошенный ей независимцами упрек, что она «изменяет Эрфуртской программе»[144].

Обсуждение этого вопроса в Национальном собрании явилось яркой иллюстрацией к мысли, высказанной В. И. Лениным еще в 1898 г., что даже «самые передовые слои буржуазии защищают некоторые прерогативы чиновничества, восстают против выборности всех чиновников, против совершенной отмены ценза, против непосредственной ответственности чиновников перед народом и т. п., ибо эти слои чувствуют, что подобной окончательной демократизацией воспользуется пролетариат *против* буржуазии»[145].

Конституция устанавливала, что «чиновники назначаются пожизненно» (ст. 129), а увольнение, отстранение или перевод на другую должность может происходить только на основании закона. Особо оговаривались право на пенсию, «нерушимость благоприобретенных прав» и т. п. Чиновникам обеспечивалась также «свобода политических убеждений и свобода союзов», а с целью подчеркнуть их мнимую «надклассовость» и «надпартийность» специально говорилось, что «чиновники являются слугами всего общества, а не отдельных партий». Эта декларация, конечно, не могла, да и не должна была отменить того известного факта, что чиновничество было насквозь пропитано антидемократическим духом, связано тысячами нитей с правящей верхушкой.

Влияние чиновничьей бюрократии и армии на все стороны жизни Веймарской республики было чрезвычайно велико. Их руководящими принципами были унаследованные «священные» формулы: «закон есть закон» и «приказ есть приказ». Постоянство и консерватизм бюрократического аппарата немецких министерств и ведомств вошли в поговорку[146].

В отношении *органов власти и управления земель*, а также *местных органов* Веймарская конституция ограничилась установлением общих принципов. Она предписывала, что земли должны иметь республиканскую конституцию, ландтаги (и местные со-

---

[144] VDNV, Bd. 326, S. 487. Заседание 4 марта 1919 г.; Bd. 328, S. 1634. Заседание 17 июля 1919 г.

[145] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 456.

[146] «Первый бурный натиск революции,— заметил И. В. Бредт,— разбился о прочно сложенную стену старой бюрократии. Вместе с тем она (бюрократия.— *Я. Д.*) без трений соскользнула к республике и продолжала выполнять свои обязанности с прежним чувством долга» (*Bredt J.-V.* Der Geist der deutschen Reichsverfassung, S. 172).

брания) избираться на основе всеобщего избирательного права, а правительства земель опираться на доверие ландтагов (ст. 17).

Организация власти и администрации в различных землях не была однородной. Так, в Пруссии по конституции 1920 г. ландтаг избирался на 4 года. Рядом с ним стоял государственный совет (Staatsrat) из представителей провинциальных ландтагов — подобие рейхсрата. В других землях такого органа не было, а правительство (в Гамбурге и Бремене — сенат) участвовало в законодательстве. В Бадене, Гессене и Вюртемберге главой был президент, одновременно являвшийся премьер-министром.

Административное деление земель также было неодинаковым. Пруссия делилась на 13 провинций, та в свою очередь на округа, уезды и общины; Бавария имела восемь округов; Гессен состоял из трех провинций. Провинциальные управления Пруссии возглавляли обер-президенты, назначавшиеся прусским правительством, в то время как провинциальные ландтаги имели ограниченные функции. Во главе округов тоже стояли государственные чиновники — регирунгспрезиденты, во главе сельских уездов — ландраты, которые, хотя и избирались крейстагами, считались одновременно прусскими государственными чиновниками. Местные органы самоуправления в сельских местностях включали общинное представительство и избиравшегося им бургомистра или старосту. В городах сохранялось несколько типов самоуправлений: прусский магистратский, рейнский бургомистрский и южно-германский, различавшиеся соотношением законодательных и исполнительных функций.

Таким образом, лишь в низовом звене, в общине, обеспечивалось известное самоуправление. В уезде, округе и провинции фактически распоряжались всем государственные чиновники. Ноябрьская революция не уничтожила засилья бюрократии, а конституция не устранила органов власти, назначавшихся государством, не осуществив важнейшего условия действительной демократизации управления.

Основные права граждан

В конституциях буржуазных государств еще на заре капитализма, когда буржуазия была молодым, революционным классом и боролась против абсолютизма за политическую власть, за свободу капиталистического развития, появились специальные разделы, в которых провозглашались «права человека и гражданина». Хотя на записанных правах лежала печать классовой ограниченности, они играли прогрессивную роль, содействуя пробуждению у трудящихся политического и социального самосознания.

В Германии «основные права немецкого народа», были впервые сформулированы либеральными буржуа в дни революции 1848 г. и включены в конституцию, которая была принята Франк-

фуртским национальным собранием, но осталась на бумаге. Кое-что из них было вписано в виде «прав пруссаков» в конституцию Пруссии 1850 г. Создавая имперскую конституцию, Бисмарк, противник либерализма и демократии, не допустил включения в нее положений о правах народа, даже в их прусской редакции.

В дни Ноябрьской революции германский пролетариат, свалив монархию и установив республику, добился провозглашения ряда демократических прав и свобод. В ходе последующих революционных боев он решительно отстаивал эти завоевания. Стремясь их расширить и углубить, пролетариат доказал, что лишь он один является последовательным борцом за демократию.

Буржуазные политики, даже причислявшие себя к либералам и демократам, при разработке конституции сначала попытались обойти вопрос о правах граждан. Первый проект Прейса не содержал на этот счет никаких предложений, но затем в него были включены некоторые положения, заимствованные в основном из конституции 1849 г. Однако и этого оказалось недостаточно. Ф. Науман, избранный председателем подкомиссии, считал, что именно по этим вопросам можно и нужно создать в Веймарской конституции «убедительный противовес» Конституции РСФСР. Однако такая задача была, как он смог вскоре убедиться, не из легких.

Советская конституция впервые в истории человечества объявила, что целью государства рабочих и крестьян является «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком» [147]. Закрепив свержение власти капитала и установление пролетарской диктатуры, Конституция РСФСР провозгласила равноправие всех граждан независимо от их расовой и национальной принадлежности, право на труд и на образование, свободу совести, выражения своих мнений, свободу собраний и союзов. При этом она перенесла центр тяжести в вопросах демократизма, как писал В. И. Ленин, «с формального признания формального равенства... на практическую осуществимость пользования свободой (демократией) трудящейся и эксплуатируемой массой населения» [148]. Важной особенностью конституции, отличавшей ее от буржуазных, было то, что она предусматривала законодательное обеспечение как гарантий, так и материальных средств реального осуществления провозглашенных прав и свобод.

При этом свободная от лицемерия буржуазных конституций, Конституция РСФСР открыто заявляла, что, «руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые пользуются ими в ущерб инте-

---

[147] Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Раздел первый, глава вторая, ст. 3. См.: Конституции и конституционные акты РСФСР. М., 1940, с. 22.

[148] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 73.

ресам социалистической революции»[149]. Подчеркивая временный и исторически обусловленный характер этого ограничения, В. И. Ленин указывал, что по мере прекращения сопротивления эксплуататоров права и свободы будут распространены на *все* население[150]. И действительно, Конституция СССР 1936 г. осуществила это указание; Конституция 1977 г. существенно расширила объем демократических прав и свобод.

Что же собирался Науман противопоставить ясным и четко проведенным принципам Советской конституции? Назвав перечисленные в правительственном законопроекте германской конституции положения «музейными древностями», он предложил заменить их «признанием руководящих идей новейшего развития». Он разработал собственный контрпроект, претендовавший на «общедоступное изложение». Среди сотни собранных здесь афоризмов были такие: «Свобода и порядок — сестры!», «Свободный путь усердному!», «Единство, право и свобода — суть отечество немцев», «Леса сохраняются!», «Мы живем в век транспорта», «Тайной политики больше нет!».

Приторно-слащавая демагогия Наумана, получив признание за «красоту и правдивость» (!), не была, однако, в целом принята конституционной комиссией[151]. Набор добрых пожеланий и отвлеченных моральных сентенций никого не устроил. Против его проекта выступили прежде всего те, кто хотел в достаточно определенной форме закрепить в конституции правоположения о незыблемости капиталистических порядков. Так, лидер немецких националистов Дюрингер, отказавшись от первоначальных возражений против включения в конституцию прав граждан, заявил, что они нужны «из политических соображений». Прежде всего, считал он, необходимы ясные определения, что «собственность неприкосновенна» и невозможны никакие попытки ее отчуждения без соответствующего вознаграждения[152].

Одновременно против Наумана выступили и те, кто рассчитывал посредством «укоренения» в конституции тех или иных политических и социальных прав подтвердить ее демократический характер и убедить народные массы, что закрепляемый ею общественный строй «не совсем» капиталистический. Особенно активны в этом направлении были социал-демократы. Зинцгеймер настаивал на том, что основные права граждан имеют не только политическое значение, а должны быть юридическим нормативом. Он говорил также о необходимости «социально-экономического фундаментирования» прав и свобод, записи права коалиций, а также «права на труд»[153].

---

[149] Конституция РСФСР, ст. 23.
[150] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 73—74.
[151] Об этом рассказал на пленуме Национального собрания Дюрингер (VDNV, Bd. 328, S. 1495. Заседание 11 июля 1919 г.).
[152] Ibid., Bd. 336, S. 181—182. Заседание 31 марта 1919 г.
[153] Ibid., S. 182—183.

В результате переплетения этих двух тенденций, а также столкновения различных формально-юридических подходов и концепций, этических и религиозных воззрений положения об основных правах, вышедшие из конституционной комиссии, представляли собой, по единодушному мнению буржуазных юристов-комментаторов, окрошку из разнородных в юридическом и политическом отношениях элементов. Небольшой раздел проекта, состоявший из 12 статей, разросся теперь в целую часть — «Основные права и основные обязанности немцев» — из 57 статей, сгруппированных в 5 разделов[154].

Когда проект конституции попал в июле 1919 г. на пленум Национального собрания, не только правые партии, но и некоторые социал-демократы, несколько поостыв после разгрома революционного пролетариата, находили теперь, что эта часть обещает народу «слишком много». Были предприняты попытки урезать ее или даже вовсе исключить. Прейс, например, предложил отложить обсуждение ее до окончательного принятия первой части конституции, подчеркнув при этом, что ни правительство, ни он сам не берут на себя ответственность за «отцовство по отношению к основным правам»[155].

Национальное собрание, опасаясь вызвать недовольство, не решилось все же отложить эти вопросы в долгий ящик. Противники, однако, сумели добиться того, что была зачеркнута ее вводная статья, которая гласила: «Основные права и основные обязанности образуют *руководящие начала и границы* для *законодательства, управления* и *правосудия* в империи и землях»[156]. Исключение ее ослабило юридическое значение второй части конституции. Один из буржуазных юристов заявил даже, что из-за этого она «находится между небом и землей, подобно большой радуге. Она и не идеал, и не действительность, не истина и не вымысел, не потустороннее и не посюстороннее, а одновременно от всего понемногу: солнечный луч немецкой романтики в сумрачном мире фактов»[157].

Дело, разумеется, было не в одной вводной статье. Противоречивость, формальный и иллюзорный характер провозглашавшихся Веймарской конституцией прав и свобод, отмеченный многими буржуазными юристами, являлись прямым следствием — этого они признать не хотели или в силу классовой ограниченности не могли — *буржуазного характера* веймарской демократии.

Основой всей системы прав граждан являются социально-экономические права, и прежде всего право на труд, представляющее

---

[154] Вопросы раздела «хозяйственная жизнь» о собственности, «социализации», «укоренении Советов», а также о положении чиновников, участии в выборах и т. п. рассмотрены выше в связи с другими проблемами.
[155] VDNV, Bd. 328, S. 1502—1503. Заседание 11 июля 1919 г.
[156] Ibid., Bd. 336, S. 10, 182; Bd. 328, S. 1496. Заседание 11 июля 1919 г.
[157] *Ziegler W.* Die Deutsche Nationalversammlung 1919—1920 und ihr Verfassungswerk. Berlin, 1932, S. 173.

собой условие самого физического существования человека. Только реальное обеспечение этого права может создать необходимую предпосылку для фактического равноправия граждан, для их действительной, а не мнимой свободы.

Конституция РСФСР 1918 г. объявила труд «обязанностью всех граждан Республики» и записала требование: «Не трудящийся да не ест!»[158]. Вынужденные признать этот факт[159], германские социал-демагоги приложили немало усилий, чтобы сконструировать и в Веймарской конституции, основанной на капиталистической собственности и эксплуатации, нечто вроде «права на труд». Но, как можно было ожидать, им не удалось создать даже чисто декларативной конструкции.

Статья 163 провозглашала в первой фразе, что «каждому немцу должна быть предоставлена возможность добывать себе содержание хозяйственным трудом». Однако при наличии в Германии сотни тысяч безработных лживость этого общего места была слишком очевидна. И уже следующая фраза била отбой: «Если ему не может быть предоставлена соответствующая возможность труда, он должен получать необходимое содержание». Так «право на труд» превращалось всего-навсего в закрепление вырванного рабочими в результате многолетней борьбы права на нищенское пособие по безработице. Фиаско было столь очевидным, что сам докладчик на пленуме Национального собрания социал-демократ Зинцгеймер не мог скрыть: записанное в конституции «право на труд», является благим пожеланием, а не юридическим правом. «Нужно признать,— сказал он,— что таким образом идеальное и юридически безупречное решение не найдено»[160].

В эту статью конституции было втиснуто также положение о том, что «каждый немец, не в ущерб его личной свободе, нравственно обязан так применять свои духовные и физические силы, как того требует благо общества». Эта фраза, почти в точности воспроизводившая § 1 «закона о социализации», была тоже лишена какого-либо практического значения. Выдать эту беззубую формулу за социалистический принцип равной обязанности трудиться было невозможно, и даже Катценштейн вынужден был заявить в комиссии, что «в русской Советской конституции... такая обязанность сформулирована более ясно и точно, а не в такой зыбкой и слабой форме, как здесь»[161].

Подобным же образом выглядело в Веймарской конституции и право на социальное обеспечение, превозносившееся социал-демократическими литераторами как великое завоевание. В дей-

---

[158] См.: Конституция РСФСР, ст. 3 и 18.— Конституции и конституционные акты РСФСР, с. 22—24.

[159] Об этом говорил в конституционной комиссии социал-демократ Катценштейн (VDNV, Bd. 336, S. 391. Заседание 31 мая 1919 г.).

[160] VDNV, Bd. 328, S. 1749. Заседание 21 июля 1919 г.

[161] Ibid., Bd. 336, S. 391.

ствительности в статье 161, говорившей о «широко поставленном страховании» для охраны здоровья и трудоспособности, охраны материнства, предупреждения экономических последствий старости, недугов, а также «различных жизненных случайностей», речь шла вовсе не о государственной поддержке нуждающихся и не об обязательствах, налагаемых на предпринимателей, а о страховании за счет... самих страхуемых. Видимо, в этом заключалось «решающее участие страхуемых», о котором говорила конституция. Не иначе обстояло дело и со статьей 157, гласившей что «рабочая сила находится под особой охраной империи»[162], к чему комиссия прибавила еще обещание (за время существования республики не реализованное), что «империя создаст единое рабочее право».

Отсутствие реальных социально-экономических прав трудящихся делало в значительной мере иллюзорными и другие демократические права. Статья 109 декларировала, например, что «все немцы равны перед законом», что мужчины и женщины имеют «в принципе равные гражданские права и обязанности». Здесь, как и в других случаях, конституция не затрудняла себя указанием путей для действительного осуществления провозглашенных прав и свобод. Более того, согласившись на «принципиальное» признание равенства женщин в государственно-правовом отношении, Национальное собрание отвергло предложение устранить бесправие женщин в области частного права[163]. Между тем законодательство РСФСР не оставило «ни малейшего намека на неравноправность женщины»[164].

Группа статей Веймарской конституции (119—122), посвященная вопросам семьи, брака, воспитания, положения детей и юношества, представляла собой весьма пеструю картину, в которой были перемешаны правовые нормы, программные заявления и общие пожелания. Так, статья 119 объявляла, что «брак как основа семейной жизни, сохранения и размножения нации» находится «под особым покровительством конституции». Многодетным семьям милостиво рекомендовалось «претендовать на уравнительное попечение» без указания на то, как этого добиться. После долгих и бурных дебатов была включена статья (121), говорившая, что внебрачным детям, как и законнорожденным, должны быть созданы «равные условия для их телесного и общественного развития». Вместе с тем Национальное собрание отвергло предложение (осуществленное в Советской России) обобществить учреждения здравоохранения и оказывать населению бесплатную медицинскую помощь[165]. Пустым звуком оставалось и требование охраны молодежи от эксплуатации, а также

---

[162] «Трудно представить себе по этому поводу что-либо определенное»,— заметил юрист Штир-Сомло (*Stier-Somlo F.* Verfassung..., S. 131).
[163] См.: VDNV, Bd. 328, S. 1568. Заседание 15 июля 1919 г.
[164] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 201.
[165] См.: VDNV, Bd. 328, S. 1610—1613. Заседание 16 июля 1919 г.

от нравственной, духовной или физической безнадзорности» (ст. 122).

Статья 109 возвещала об отмене дворянских сословных привилегий, но останавливалась на полпути. Отклонив попытку правых партий вовсе исключить это положение, Национальное собрание приняло поправку партии центра, заменившую утвердительную форму долженствованием[166]: «публично-правовые привилегии и ограничения, обусловленные рождением или сословием, должны быть отменены. Дворянские обозначения считаются лишь частью фамилии и не могут более присваиваться». Государство не должно было также впредь жаловать ордена и знаки отличия, а немцы не должны были принимать их от иностранных правительств. Однако по настоянию юнкерски-милитаристских кругов в конституцию была внесена специальная статья 175, установившая, что «постановление статьи 109 не распространяется на ордена и знаки отличия, которые должны даваться за заслуги в военные годы 1914—1919».

Подобного рода «оговорки» и «поправки» конституция использовала широко. К ней вполне относилось то, что в свое время сказал К. Маркс о французской конституции 1848 г.: «Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке»[167].

Это особенно проявилось в формулировке конституционных гарантий «основных свобод», записанных в статьях 111—118. Там провозглашались свобода передвижения, выбора профессии, приобретения имущества и эмиграции, неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки, свобода слова и печати. И почти каждая из этих статей содержала «оговорку», что «ограничения допустимы только на основании закона» или «исключения устанавливаются законом». Кроме того, как уже говорилось, президент мог на основании статьи 48 приостановить на более или менее длительный срок действие большинства из них.

Показательна в этом отношении статья 123. Ее первый абзац гласил: «Все немцы имеют право без предварительного уведомления или особого разрешения собираться мирно и без оружия». Однако следующая фраза, добавленная в комиссии, вносила коррективы: «Для собраний под открытым небом имперский закон может устанавливать обязательность предварительного уведомления, и в случае непосредственной угрозы для общественной безопасности они могут быть запрещены». Это восстанавливало кайзеровские законы, отмененные было в ноябре 1918 г. и снова применявшиеся Носке в условиях осадного положения. Оправдывая это «дополнение», Прейс специально подчеркнул, что его

---

[166] См.: Ibid., Bd. 328, S. 2123. Заседание 30 июля 1919 г.
[167] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 132.

«необходимость» показал «опыт» Берлина и других крупных городов в революционные месяцы [168].

Разъясняя американским рабочим отличие социалистической от буржуазной демократии, В. И. Ленин указывал: «Наши Советы *отняли* все хорошие здания, и в городах и в деревнях, у богачей, *передав все* эти здания рабочим и крестьянам под *их* союзы и собрания. Вот *наша* свобода собраний——— для трудящихся! Вот смысл и содержание нашей Советской, нашей социалистической Конституции!» [169].

С правом образования союзов «для целей, не противоречащих уголовным законам», провозглашенным статьей 124, был тесно и непосредственно связан вопрос о свободе коалиций. Свобода коалиций включала в себя как право рабочих и служащих объединяться в профсоюзы и другие организации, так и их право вести борьбу за свои экономические и политические права путем применения забастовок. В первых проектах конституции имелось положение, гласившее, что «свобода коалиций ни в какой мере не может быть ограничена». Это была запись права, завоеванного рабочим классом в многолетней упорной борьбе с капиталистами и правительством.

С конца 1918 г. экономические и политические стачки стали основным методом борьбы трудящихся за свои жизненные права и свободы, а против забастовщиков то и дело выступали белогвардейские банды Носке. Когда в конституционной комиссии буржуазные партии предложили «заменить» слова о свободе коалиций формулой о «свободе союзов» (не включавшей права на забастовку), социал-демократ Катценштейн выразил опасение, что, если обман будет обнаружен, могут возникнуть серьезные осложнения, ибо «движение все еще развивается». Он откровенно заявил, что социал-демократы возражают, собственно, не против запрещения забастовок, а лишь против открытого заявления об этом в конституции. «Если необходимо, чтобы определенные прекращения работ были запрещены,— говорил он,— то это можно сделать посредством специальных законов, в конституции же не следует ограничивать право забастовок» [170].

Но, сказав «а», пришлось вскоре сказать и «б». Ясно сознавая, что дело идет об ущемлении коренных демократических прав рабочего класса, социал-демократические лидеры тем не менее дали согласие на «подмену». В окончательном тексте статья 159 говорила уже не о свободе коалиций, а только о свободе союзов: «Обеспечивается свобода объединения в целях сохранения и улучшения условий труда и хозяйства для всех лиц и всех профессий». Выступая в Национальном собрании с обоснованием этой формулировки, социал-демократ Зинцгеймер сказал,

---

[168] VDNV, Bd. 328, S. 1630. Заседание 17 июля 1919 г.
[169] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 63.
[170] VDNV, Bd. 336, S. 390. Заседание 31 мая 1919 г.

что «признание конституцией хозяйственной и социальной свободы объединений не является одновременно конституционным признанием так называемой *свободы забастовок*... Конституция не признает здесь... это особое право забастовок, а признает лишь в общей форме свободу хозяйственных объединений» [171].

Веймарская конституция исходила из предпосылки о неравноправии наций, являясь конституцией господствующей нации. Это проявилось уже в заголовке второй части конституции, говорившем об основных правах и обязанностях *немцев*. В первом проекте имелось положение, что «законодательство и управление не должны препятствовать национальному развитию иноязычных частей населения, особенно в употреблении ими родного языка при обучении, так же как и во внутреннем управлении и суде, в пределах населенных ими областей» [172]. Хотя речь шла о весьма ограниченной, только культурной (языковой), а не о политической автономии тех национальных меньшинств, которые сохранили свой родной язык, правые партии подвергли это определение ожесточенным нападкам. Комитет государств предложил иную формулировку, не говорившую о разрешении пользоваться национальным языком, а лишь предписывавшую властям «обращать внимание» на «иноязычные части населения». Однако ораторы партии центра и немецкие демократы возражали против сужения первоначальной формулировки. При этом аргументация подчеркивала их национализм, который они хотели лицемерно прикрыть.

Так, лидер партии центра предостерегал: открытое проявление националистического характера конституции, ограничения в пользовании родным языком побудят жителей польских областей занять враждебную Германии позицию во время предстоящего референдума в Верхней Силезии [173]. Немецкий демократ Шюкинг подчеркнул другую сторону вопроса. Националистические формулировки, считал он, могут потому нанести ущерб немецким интересам, что в результате «несчастного исхода войны» многие немцы «вынуждены будут жить в чужих государствах, под чужим скипетром» [174]. Об этом же говорил и Прейс, призывая «показать пример» в решении национального вопроса, ибо «в будущем, к сожалению, больше немцев будет жить под чужим господством, чем иноязычных под немецким» [175].

Именно эти, чисто националистические соображения побудили Национальное собрание, которое отказалось заменить слова «иноязычные части населения» более ясным термином «национальные меньшинства» [176], принять в конце концов (ст. 113) поло-

---

[171] VDNV, Bd. 328, S. 1749. Заседание 21 июля 1919 г.
[172] RV, S. 7.
[173] VDNV, Bd. 326, S. 381. Заседание 28 февраля 1919 г.
[174] Ibid., S. 477. Заседание 3 марта 1919 г.
[175] Ibid., Bd. 336, S. 375. Заседание 28 мая 1919 г.
[176] Ibid., Bd. 328, S. 1571—1573. Заседание 15 июля 1919 г.

винчатую формулировку первого проекта. Буржуазные комментаторы отмечали, что она позволяла отнести к «иноязычным частям населения» поляков в Верхней Силезии, Западной и Восточной Пруссии, датчан в Шлезвиге, латышей в Восточной Пруссии и вендов (сорбов) в Лаузице (Лужице), не признавая в то же время таковыми мазуров, кашубов, фризов и польских рабочих в Вестфалии[177].

Буржуазные партии в Национальном собрании придавали особое значение статье 112, гласившей, что «ни один немец не может быть выдан иностранному правительству для преследования или наказания». Смысл ее станет ясным, если вспомнить, что правительства Антанты выдвинули требование о предании международному суду германских военных преступников. Поскольку Версальский договор содержал (в § 228) прямое предписание о выдаче военных преступников, Национальное собрание вынуждено было включить в конституцию статью 178, признававшую, что предписания мирного договора имеют приоритет перед конституцией.

Германские империалисты вовсе не собирались отказаться от своих колониальных притязаний. Хотя Версальский договор лишил Германию ее колониальных владений, создатели конституции предусмотрели, что «колониальное дело» относится к компетенции общегерманских органов власти (ст. 6).

Едва ли не самым ярким примером половинчатости демократизма Веймарской конституции являлись статьи, посвященные положению *церкви и школы*. Обсуждение этих вопросов началось еще до опубликования первого проекта конституции, закончилось только за несколько часов до окончательного голосования конституции в Национальном собрании. Острота споров объяснялась не одним желанием отвлечь внимание народа от более важных вопросов, а также и тем, что в этом пункте проявилось давнее соперничество между партией центра и социал-демократией, касавшееся влияния на массы. В ходе полемики социал-демократы бросили лозунг «у кого школа, у того будущее», а партия центра извлекла из забытья даже словечко о «культуркампфе».

Дискуссия в Национальном собрании и вне его о положении школы и церкви со всей очевидностью показала, что буржуазия окончательно сдала в архив демократическое требование об отделении церкви от государства и школы от церкви, которое она некогда, в пору своей революционности, сама написала на своем знамени в борьбе против феодализма. Раскрылось лицемерие заявлений, будто школа стоит «вне политики». Проявилась и полная готовность социал-демократических политиканов продать коренные интересы демократии за мелкие политические уступки, за пару министерских портфелей.

---

[177] *Gebhard L.* Verfassung..., S. 460.

Буржуазные партии с самого начала единым фронтом повели решительное наступление, отвергая любую попытку сколько-нибудь ограничить привилегии церкви, ее влияние на школу и воспитание молодежи [178]. Социал-демократия, отказавшаяся от марксистского требования полного отделения церкви от государства, лишения религиозных обществ поддержки из публичных средств и влияния на школу [179], была этим натиском застигнута врасплох. Специалист по вопросам школы Кварк признал впоследствии, что руководство партии лишь в конце марта 1919 г. удосужилось сформулировать некоторые принципы, но борьбу за них вело неохотно и вяло [180]. Лидеры НСДПГ тоже предпочли уклониться от споров, и их оратор заявил в Национальном собрании, что «может мало сказать относительно полемики о положении религии в школе» [181].

Правительственный проект конституции говорил о церкви и школе немного. Социал-демократы Фишер и Фогель заметили в Национальном собрании, что проект «буквально убил общегерманский дух» и означал существенный шаг назад, даже по сравнению с весьма умеренными требованиями, которые выдвигали в 1871 г. национал-либералы, не говоря уже о требованиях конституции 1848 г.[182] Но и очень скромные требования социал-демократии натолкнулись на сопротивление буржуазных партий. Так как достигнуть устойчивого соглашения в конституционной комиссии не удалось, началась целая цепь закулисных переговоров и торгашеских сделок. Только 15 июля, уже после создания двухпартийного (социал-демократы и центр) правительства Бауэра, эти партии заключили так называемый «веймарский школьный компромисс Лёбе — Грёбер». Но дело тем не кончилось. Вечером 31 июля, когда на пленуме Национального собрания уже заканчивалось третье чтение конституции, был подписан еще и второй «веймарский школьный компромисс» с участием немецких демократов — «компромисс Лёбе — Грёбер — Шиффер». Это был еще один шаг назад.

Отклонив тезис об отделении церкви от государства, Национальное собрание лишь записало в конституции, что «не существует государственной церкви» (ст. 137), т. е. закрепило существовавшее и ранее положение о равноправии католической и евангелической церквей. Указание статьи 138, что «государственная поддержка религиозных обществ будет отменена», сводилось на нет дополнительно включенной статьей 173, которая предусмат-

---

[178] VDNV, Bd. 326, S. 380—381, 388, 398—399. Заседание 28 февраля 1919 г.
[179] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 240.
[180] Neue Zeit, 1919, Nr. 1, S. 10—11. О школьной политике СДПГ, в том числе о преподавании истории в средних школах Пруссии, см.: *Diere H.* Rechtssozialdemokratische Schulpolitik im Dienste des deutschen Imperialismus. Berlin, 1964.
[181] VDNV, Bd. 326, S. 402. Заседание 28 февраля 1919 г.
[182] Ibid., S. 376, 461.

ривала сохранение этой поддержки «до издания специального закона». В Веймарской республике он так и не был издан.

Конституция установила всеобщую обязательность обучения в восьмилетней народной школе и в школах второй ступени до достижения 18-летнего возраста, объявила о бесплатности обучения и учебных пособий в этих школах (ст. 145). Она даже говорила о предоставлении общественных средств родителям малообеспеченных детей (ст. 146), но осуществление этих статей не было материально подкреплено[183]. Отделение школы от церкви не было проведено, религия осталась регулярным учебным предметом в подавляющем большинстве школ[184]. Не было достигнуто и единство школьной системы. Главным типом конституция объявила «симультанную» школу (общую для всех вероисповеданий), а конфессиональную и светскую школы — дополнительными. Разрешались также частные школы, которые один из ораторов во время дискуссии метко назвал «наростом высокомерного классового эгоизма и религиозной нетерпимости»[185]. Поскольку Веймарская конституция не обеспечила настоящей демократизации школы, демократическая общественность в годы республики неоднократно поднимала вопрос о необходимости школьной реформы, но так и не добилась ее проведения[186].

*

Веймарская конституция юридически оформила происшедший в Германии в результате Ноябрьской революции *переход от полуабсолютистской монархии к буржуазно-парламентарной республике.* Она закрепила совершившийся классовый сдвиг: превращение юнкерско-буржуазного германского государства в буржуазно-юнкерское. Заложенный в самом основании республики глубокий внутренний антагонизм между враждебным демократии империализмом и демократическими требованиями народных масс был главной причиной непоследовательности и половинчатости важнейших положений ее конституции.

---

[183] Штир-Сомло указывал, что «все эти финансовые обязательства не имеют принципиальной природы, зависят от платежеспособности общин. Проведение их может даже привести к сильному уменьшению числа учебных заведений, так как, если они обязательно должны быть бесплатными, средства на их учреждение и содержание будут еще выше и их окажется еще труднее добывать, чем раньше» (*Stier-Somlo F.* Verfassung..., S. 128).

[184] Между тем социал-демократы еще в 1900—1901 гг. внесли в рейхстаг законопроект, в котором говорилось, что «религиозное обучение как учебный предмет отменяется во всех без исключения школах».

[185] VDNV, Bd. 326, S. 376. Заседание 28 февраля 1919 г.

[186] В 1920 г. в Берлине состоялась общегерманская школьная конференция; в следующем году в рейхстаг был внесен проект весьма скромных реформ. Но ни он, ни другие, вносившиеся в 1925 и 1927 гг., не были приняты.

Веймарская конституция исходила из сохранения капиталистической собственности на средства производства в качестве экономической основы общественного строя республики. Иллюзорные положения о «социализации» не имели практического значения. Конституция утвердила в Германии режим буржуазного парламентаризма со свойственными ему атрибутами — всеобщим избирательным правом, референдумом и т. п.— в качестве политической основы республики, а «укоренение Советов» ничего не изменило. Усилив централизацию, конституция сохранила федералистические формы, преобладающее положение Пруссии, недобровольность союза земель и бюрократическую систему управления. Ее антидемократические черты особенно ярко проявились в диктаторских правах президента.

Веймарская конституция означала вместе с тем существенный шаг вперед по сравнению с бисмарковской конституцией Германии. Она давала больше, чем французская или американская конституции, возможностей для деятельности демократических партий, профсоюзов, культурных и других организаций трудящихся, предоставляла гражданам известные права и свободы. Однако демократические достижения Веймарской конституции не были заслугой буржуазных демократов или социал-демократических руководителей. Все завоевания, нашедшие то или иное отражение в конституции, были от начала до конца результатом героической борьбы революционного пролетариата. Они были вырваны рабочим классом в борьбе не только против монархии, но и против «демократической» буржуазии и социал-демократических лидеров.

Потерпели полный крах попытки буржуазных и социал-демократических апологетов Веймарской конституции обосновать ее «превосходство» над конституцией Советской России. История вынесла свой приговор. Она наглядно показала как слабость Веймарской республики, просуществовавшей менее чем полтора десятилетия, так и гигантские преимущества социалистического строя, становление и первые шаги которого возвестила Конституция РСФСР 1918 г. Принципы этой конституции, развитые и поднятые на высшую ступень в Конституциях Советского Союза 1924, 1936, 1977 годов, одержали всемирно-историческую победу. Они нашли свое воплощение и в конституции социалистического государства на немецкой земле — Германской Демократической Республики.

Заключение

Весна и лето 1919 г. были в Германии, как смог убедиться читатель, временем ожесточенного противоборства сил революции и контрреволюции. В ходе событий, нередко принимавших драматический оборот, решались важные для будущего страны вопросы, выдвинутые продолжавшейся революционной классовой борьбой пролетариата, которая началась в ноябрьские дни 1918 г. В то же время правящие круги с помощью более или менее ловких маневров конституировали внешне обновленное, но по-прежнему буржуазное в своей основе государство, старались выторговать у победителей «приемлемый» мир.

Революционный авангард, жаждавший радикальных перемен, требовавший социализма, потерпел в этой борьбе поражение, не сумев добиться изменения ранее сложившегося неблагоприятного соотношения сил. Но и создатели Веймарской республики, прежде всего правые лидеры социал-демократии, одержали лишь пиррову победу. Отказавшись от борьбы за социализм под предлогом необходимости сначала установить демократию, они подавили самых активных ее защитников. Это заставило социал-демократов шаг за шагом сдавать свои позиции, капитулировать перед буржуазными партнерами по коалиции, перед унаследованной государственной бюрократией, реакционной военщиной. В итоге была учреждена республика, в самом фундаменте которой имелись глубокие трещины.

Малодушным и «сверхумным», которые под впечатлением поражения рабочих усомнились в том, стоили ли сражения в январе — мае 1919 г. принесенных жертв, К. Цеткин тогда же возразила: «А правда ли вообще, что революционные бои принесли пролетариату только одни жертвы и никаких успехов? Нет и снова нет, отвечает история... Поражение тоже поднимает пролетариат, ведет его вперед, приближает к цели. Остается верным то, что было установлено уже в «Коммунистическом манифесте»: важнейший итог пролетарской классовой борьбы, ее исторический смысл — не в преходящем практическом, «позитивном» ре-

зультате, а в усилении сплочения неимущих и угнетенных как класса, в прояснении их цели, в укреплении их воли к освободительному действию... Действительными поражения становятся только тогда, когда пролетариат выходит из них, жалуясь и робея, ничему не научившись» [1].

Понимание перспектив в какой-то мере смягчало горечь неудач. Но можно ли удивляться тому, что революционные рабочие, товарищей которых белогвардейцы «именем республики» сотнями убивали на улицах городов, тысячами бросали в тюрьмы, не питали к такой республике ни доверия, ни симпатии? «Конституция — это пушки. Этим лапидарным определением все сказано»,— писала по свежим следам событий газета независимцев. И поясняла: «Конституция, созданная в Веймаре, стала возможной лишь потому, что пушки и пулеметы контрреволюции сдерживали возмущение рабочего класса. Она является как выражением этого факта, так и облеченного в юридическую форму желания увековечить это состояние» [2].

И все же образование Веймарской республики не знаменовало полной победы контрреволюционной буржуазии. Республика была не просто более демократичной, чем полуабсолютистская монархия Гогенцоллернов. Республика была детищем буржуазно-демократической, а не социалистической, но все же революции, главным движителем которой были пролетарские массы. Это они завоевали и отстояли самую демократичную для того времени в капиталистическом мире политическую систему, на почве которой можно было продолжать классовую борьбу против империалистической буржуазии.

Поэтому, когда в марте 1920 г. военно-монархические заговорщики Каппа — Лютвица сделали попытку свалить республику, именно рабочий класс спас ее, выступив, как никогда, единодушно и решительно на ее защиту. Но правители республики во главе с правыми социал-демократами, едва оправившись от испуга, отплатили пролетарскому авангарду новым разгромом его бойцов. И в последующие годы прежде всего против левых сил использовались «диктаторские» параграфы конституции и даже «Закон о защите республики», специально направленный против реакционных террористов, убивших одного из создателей Веймарской республики М. Эрцбергера, а затем ее министра иностранных дел В. Ратенау. Этим правители сами расшатывали свою опору.

Особенно пагубным было то, что такая близорукая политика продолжалась и тогда, когда над республикой нависла угроза самому ее существованию, а вооруженные банды гитлеровцев, поддерживаемые столпами реакции, обрушились не только на «ноябрьских преступников» (как они называли и коммунистов,

---

[1] *Zetkin C.* Ausgewählte Reden, Bd. II, S. 165—166.
[2] Die Freiheit, 5.VIII 1919. Abendausgabe.

и социал-демократов), но и на всех сторонников демократии, культуры и прогресса. В трагические месяцы и дни, предшествовавшие приходу к власти Гитлера, несмотря на многократные призывы коммунистов к антифашистскому действию, раскол рабочего класса не был преодолен, единый пролетарский фронт, который один только мог еще спасти республику, создать не удалось.

Веймарская республика оказалась недолговечной. Стремление осмыслить причины ее гибели побудило некоторых социал-демократов и прогрессивных интеллигентов к переоценке ценностей. В манифесте Пражского руководства СДПГ, опубликованном в январе 1934 г., содержалось признание того, что социал-демократия допустила в 1918 г. «тяжелую историческую ошибку», разделив власть с буржуазными партиями, старой бюрократией и военным аппаратом[3]. В конце 1936 г. многие видные представители антифашистской эмиграции поставили свои подписи под призывом к образованию «германского народного фронта за мир, свободу и хлеб». В основе воззвания лежали предложения коммунистов, которые самокритично проанализировали причины поражения рабочего класса, выработали соответствующую условиям стратегию и тактику. В призыве говорилось, что после свержения гитлеровской диктатуры новая Германия должна будет извлечь уроки из прошлого, создать демократию сильную и действенную, основанную на лишении власти монополистов, банкиров, юнкеров и милитаристов[4]. Однако народный антифашистский фронт так и не стал действительностью.

После разгрома фашизма немецкие коммунисты выдвинули требования: «Не допустить повторения ошибок 1918 года! Покончить с расколом трудового народа! Никакой пощады нацизму и реакции! Никогда больше не должно быть враждебности к Советскому Союзу, ибо где возникает эта травля, там поднимает голову империалистическая реакция!»[5] Но решить эти задачи удалось только в Германской Демократической Республике.

Прошли годы, пока у нового поколения социал-демократов в ФРГ (причины мы оставим в стороне) не пробудился живой интерес к проблемам рабочего движения периода Ноябрьской революции и становления Веймарской республики. В начале 60-х годов ряд молодых историков на основе изучения фактов «заново открыл» кое-что из давно установленного историками-марксистами. С большей или меньшей остротой была поставлена под сомнение «мудрость» социал-демократических правителей, которые в 1918—1919 гг. в союзе с реакционной военщиной и бюрократией задушили в Германии рабочие Советы. Именно в этих Советах одни (Э. Кольб) обнаружили некие «интеграционные органы по-

---

[3] Цит. по: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5, S. 459.
[4] См.: *Winzer O.* Kampf gegen Faschismus und Krieg. Berlin, 1955, S. 115.
[5] Цит. по: Klassenkampf, Tradition, Sozialismus. Berlin, 1974, S. 497.

вой демократически-республиканской государственной формы» [6], другие (П. Эртцен) — возможную, но неиспользованную опору «социальной демократии» [7].

В этой связи был выдвинут на обсуждение вопрос: действительно ли социал-демократические правители стояли перед единственной альтернативой — «большевизм» или союз с крайней реакцией? Или: не была ли из-за панического страха перед «большевизмом» (а на самом деле — из враждебности к пролетарской революции) упущена реальная возможность создать для Веймарской республики такой прочный демократический фундамент, который позволил бы ей отразить натиск фашизма? Правда, авторы не нашли ответа лучше, чем бесплодные рассуждения о «сочетании» выхолощенных Советов с буржуазным парламентаризмом, чем возрождение давно обанкротившейся «теории третьего пути». Они не сумели преодолеть традиционный антикоммунизм, а некоторые вернулись вскоре на стезю «правоверного» социал-демократизма. Однако — вольно или невольно — они способствовали разрушению некоторых укоренившихся легенд.

Историк из ГДР В. Руге, который метко назвал Веймарскую республику «временной», с полным основанием подчеркнул, что слабость ее заключалась не в демократических элементах структуры, а в том, что реальная власть с самого начала находилась не в руках народа, как это декларировала конституция, а в руках глубоко враждебных республике и демократии германских монополистов и их политических уполномоченных [8]. В идейной борьбе современности проблемы 60-летней давности отнюдь не утратили своей актуальности.

---

[6] *Kolb E.* Die Arbeiterräte..., S. 11.
[7] *Oertzen P.* Betriebsräte..., S. 67.
[8] См.: *Ruge W.* Deutschland 1917—1933. Berlin, 1974, S. 141—142.

Источники и литература*

Маркс К., Энгельс Ф. Требования Коммунистической партии в Германии.— Т. 5 **.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Т. 8.

Маркс К. К критике политической экономии.— Т. 13.

Маркс К., Энгельс Ф. Письмо Комитету Социал-демократической рабочей партии.— Т. 17.

Маркс К. Критика Готской программы.— Т. 19.

Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 года.— Т. 22.

Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю 18—28 марта 1875 г.— Т. 34.

Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю 11—12 декабря 1884 г.— Т. 36.

Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов.— Т. 2 ***.

Ленин В. И. Против бойкота.— Т. 16.

Ленин В. И. Новейшие данные о партиях в Германии.— Т. 23.

Ленин В. И. Тетради по империализму.— Т. 28.

Ленин В. И. Империализм и раскол социализма.— Т. 30.

Ленин В. И. Классовый сдвиг.— Т. 32.

Ленин В. И. Государство и революция.— Т. 33.

Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться.— Т. 34.

Ленин В. И. Проект декрета о праве отзыва.— Т. 35.

Ленин В. И. Третий Всероссийский съезд Советов. Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров.— Т. 35.

Ленин В. И. Седьмой экстренный съезд РКП(б). Набросок проекта программы.— Т. 36.

Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский.— Т. 37.

Ленин В. И. Письмо к американским рабочим.— Т. 37.

Ленин В. И. VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов. Речь о годовщине революции 6 ноября 1918 г.— Т. 37.

Ленин В. И. О «демократии» и диктатуре.— Т. 37.

Ленин В. И. Речь на митинге протеста против убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта.— Т. 37.

Ленин В. И. Письмо к рабочим Европы и Америки.— Т. 37.

Ленин В. И. I конгресс Коммунистического Интернационала. Речь при открытии конгресса. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата.— Т. 37.

---

* В список литературы включены в основном работы, не названные в книге автора «Ноябрьская революция в Германии».

** Работы К. Маркса и Ф. Энгельса даны по 2-му изданию Сочинений.

*** Работы В. И. Ленина даны по Полному собранию сочинений.

Ленин В. И. Заседание Петроградского Совета. Доклад о внешней и внутренней политике Совета Народных Комиссаров.— Т. 38.
Ленин В. И. Проект Программы РКП(б).— Т. 38.
Ленин В. И. VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г.— Т. 38.
Ленин В. И. Третий Интернационал и его место в истории.— Т. 38.
Ленин В. И. Приветствие Баварской Советской республике.— Т. 38.
Ленин В. И. Дополнение к проекту обращения к германским рабочим и не эксплуатирующим чужого труда крестьянам.— Т. 38.
Ленин В. И. Герои Бернского Интернационала.— Т. 38.
Ленин В. И. Письмо Сильвии Панкхерст.— Т. 39.
Ленин В. И. Привет итальянским, французским и немецким коммунистам.— Т. 39.
Ленин В. И. О диктатуре пролетариата.— Т. 39.
Ленин В. И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата.— Т. 40.
Ленин В. И. Заметки публициста.— Т. 40.
Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Т. 41.
Ленин В. И. Речь на совещании председателей Исполкомов.— Т. 41.
Ленин В. И. Письмо к немецким коммунистам.— Т. 44.
Ленин В. И. Письмо И. И. Скворцову-Степанову 16 декабря 1909 г.— Т. 47.
Ленин В. И. Письмо К. Цеткин 26 июля 1918 г.— Т. 50.
Ленин В. И. Письмо Г. В. Чичерину 23 ноября 1918 г.— Т. 50.
Ленин В. И. Письмо Г. В. Чичерину 27 или 28 декабря 1918 г.— Т. 50.
Ленин В. И. Радиограммы Бела Куну 7 и 8 апреля 1919 г.— Т. 50.

Архивные документы

Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС)
Фонд 130. Совет Народных Комиссаров, оп. 3, д. 176.

Institut für Marxismus-Leninismus beim Zentralkomitee der SED. Zentrales Parteiarchiv (IML — ZPA).

Reichskanzlei:
Nr. 8/4, 8/15 Revolutionsakten. Sozialdemokraten, Kommunistische Partei.
Nr. 8/7 Revolutionsakten. Bolschewismus und Spartakus.
Nr. 8/16—8/23 Revolutionsakten. Arbeiter- und Soldatenräte.
Nr. 8/29 Revolutionsakten.
Nr. 8/35 Revolutionsakten. Propaganda.

Protokolle des Vollzugsrats der Berliner Arbeiter- und Soldatenräte:
Nr. 11/1—11/10, Bd. 1—10.

Protokolle der Vollversammlungen der Arbeiter- und Soldatenräte von Groß-Berlin:
Nr. 11/11—11/14, Bd. 1—4.

Informationsstelle der Reichsregierung:
Nr. 11/16 Berichte der Zweigstelle I.
Nr. 11/17 Tagesübersicht mit Anlagen.
Nr. 11/18 Allgemeine Übersicht über die Lage im Reich.
Nr. 11/19 Verzeichnisse der Arbeiter-, Soldaten- und Bauernräte und der Kommunalbehörden im Reich.
Nr. 11/19 Beschlüsse von Betrieben.

Reichsamt des Innern:
Nr. 9/7 Arbeiterbewegung im Auslande (Rußland).
Nr. 9/8 Bolschewistische Propaganda.
Nr. 9/9—10 Die Kommunisten und Spartakisten.
Nr. 9/11—17 Kriegszustand, Streiks und sonstige Unruhen während des Krieges.

Nr. 9/18 Die Ermordung Liebknechts und Rosa Luxemburgs.
Nr. 9/24 Die Sozialdemokratie.

Reichsjustizamt:
Nr. 6/5 Die Reichsregierung nach der Revolution.
Nr. 6/6 Arbeiter-, Soldaten- und Bauernräte.
Nr. 6/8, 10, 11, 107 Spartakusunruhen — Ermordung des Dr. Liebknecht und der Rosa Luxemburg.
Nr. 7/96—98

Reichswirtschaftsministerium:
Nr. 12/244 Umsturz November 1918 und Spartakusaufstand Januar 1919.

Betriebsarchive:
Nr. 16/19 Betriebsrat Leuna-Werke. Aussperrungen der Bauarbeiter.
Nr. 16/21 Generalstreik.

Fond Flugblätter, Zeitungen, Dokumente:
D.F.V. / Mappe 9, 10, 10a, 15.
D.F.VI. / Mappe 1/1, 1/2, 19, 19/1, 19/2, 55.
D.Do.V. / Mappe 1, 9.
D.Do.VI. / Mappe 51, 53—55, 57.
D.Po. / Mappe 1.

Zentrales Staatsarchiv Potsdam (ZStA Potsdam)

Reichskanzlei:
Nr. 2403/6 Verkehr des Reichskanzlers mit dem Großen Hauptquartier.
Nr. 2436 Krieg 1914. Maßnahmen zur Behebung von Notständen.
Nr. 2447/2 Vorschläge zu Friedensverhandlungen.
Nr. 2460/1 Waffenstillstands- und Friedensverhandlungen.
Nr. 2462 Die regelmäßige Besprechung mit den Staatssekretären.
Nr. 2462/1 Beschlüsse des Kriegsrats.
Nr. 2480 Reichsregierung.
Nr. 2481 Geschäftsgang.
Nr. 2482 Vollzugsrat.
Nr. 2482/1 Besprechungen, Konferenzen.
Nr. 2484 Nationalversammlung.
Nr. 2485 Demobilmachung und Demobilmachungsamt.
Nr. 2486 Einzug der Truppen.
Nr. 2486/4—9 Revolutionsakten. Arbeiter- und Soldatenräte.
Nr. 2490 Revolution, Maßnahmen zur Bekämpfung innerer Unruhen
Nr. 2492 Revolutionsakten. Bürgerräte.
Nr. 2493 Revolutionsakten. Bauernräte.
Nr. 2492/2 Kommission zur Beratung der Vergesellschaftung der Großunternehmen.
Nr. 2494/3 Kommission zur Beratung der Vergesellschaftung des Kohlenbergbaues.
Nr. 2494/14 Aufklärung der Umstände, unter denen Dr. Karl Liebknecht starb.
Nr. 2494/15 Aufklärung der Umstände, unter denen Frau Rosa Luxemburg den Tod gefunden hat.
Nr. 2494, 2495a Waffenstillstand, Bd. 1-2.
Nr. 2496 Handakten betr. Waffenstillstandskommission.
Nr. 2499, 2500 Wiederaufbau des Wirtschaftslebens von Industrie, Handel, Gewerbe und Handwerk, Bd. 1-2.
Nr. 2500/1 Streiks.
Nr. 2500/4 Oberste Heeresleitung und Vertreter der Reichsregierung bei der OHL.
Nr. 2500/5 Telefonate mit der OHL.
Nr. 2500/6 Landwirtschaft.
Nr. 2500/7 Siedlungsangelegenheiten.

Nr. 2500/8 Persönliche Angelegenheiten der Volksbeauftragten.
Nr. 2508/3 Beziehungen zum Ausland.
Nr. 2508/5 Volksmarinerat und Volksmarinedivision.
Nr. 2509 Finanzen des Reichs.
Nr. 2510, 2511 Militärangelegenheiten, Bd. 1-2.
Nr. 2519 Reichsverfassung.
Nr. 2520 Volks- und Sicherheitswehr.
Nr. 2527 Zentralrat der Arbeiter- und Soldatenräte.

Büro des Reichspräsidenten:
Nr. 61 Maßnahmen auf Grund des Artikels 48 der Reichsverfassung zur Wiederherstellung der öffentlichen Ordnung.
Nr. 62 Belagerungszustand.
Nr. 215 Innere Unruhen in Deutschland.
Nr. 294 Berichte des Reichswirtschaftministers über die wirtschaftliche Lage und die Lage der einzelnen Industrien.
Nr. 670, 670/1 Friedenschluß.
Nr. 708/2 Akten. Rußland.
Nr. 709 Akten. Vereinigte Staaten von Amerika.
Nr. 713 Akten.

Informationsstelle der Reichsregierung:
Nr. 18 Eingaben über Ubergriffe der Arbeiter- und Soldatenräte.
Nr. 19 Aufrufe.
Nr. 20 Zeitungsvertriebsstellen der «Roten Fahne» in Groß-Berlin.
Nr. 25 Berichte über die Lage im Reiche.
Nr. 42 Berichte der Zweigstelle I.
Nr. 43—48 Tagesberichte.
Nr. 49, 50 Berichte der Zweigstelle II.
Nr. 52—54 Berichte der Zweigstelle IX.
Nr. 61 Berichte der Zweigstelle III.
Nr. 62 Berichte und Eingaben aus Landwirtschaftskreisen.
Nr. 66—67 Berichte und Eingaben von Wirtschaftsvereinigungen.

Reichsamt des Innern:
Nr. 12 025 Militaria. Die freiwillige Volkswehr.
Nr. 12 027 Tagesbefehle der republikanischen Schutztruppe.
Nr. 12 028 Die Reichswehr.
Nr. 12 253 Der Kriegszustand.
Nr. 12 274, 12 278, 12 283 Presse und Nachrichtenwesen.
Nr. 13 055 Friedensverhandlungen.
Nr. 13 090 Zentralstelle zur Sammlung von Nachrichten über militärische und politische Maßnahmen zur Aufrechterhaltung der Sicherheit und Ordnung.
Nr. 13 090/3 Verhalten der heimkehrenden Truppe.
Nr. 13 090/4 Maßnahmen zur Behebung der Arbeitslosigkeit.
Nr. 13 318 Politische Umsturzbewegung im Inland.
Nr. 13 581 Politische Parteien. Generalia, Sozialdemokratie.
Nr. 13 590 Politische Parteien. Spez., Die DDP.
Nr. 16 506 Verfassung und Verwaltung. Nachrichten über politische Vorgänge in den einzelnen Bundesstaaten
— Bayern.
Nr. 16 514 — Braunschweig.
Nr. 16 521 — Bremen.
Nr. 16 526 — Hamburg.
Nr. 16 556 — Preußen.
Nr. 16 572 — Sachsen.
Nr. 16 578 — Thüringen.

Nr. 16 687 Die Verfassung des Deutschen Reichs.
Nr. 16 805 Die politische Neuordnung Deutschlands.
Nr. 16 820, 16 821 Die Deutsche Nationalversammlung.
Nr. 16 990 Zentralstelle für Gliederung des Deutschen Reichs.

Reichswirtschaftsministerium:
Nr. 5518, 5519 Einführung von Bauern- und Landarbeiterräten.
Nr. 5520 Einführung von Betriebs-, Betriebsarbeiter- und Zentralarbeiterrat.

Reichsarbeitsministerium:
Nr. 2060
Nr. 2062
Nr. 2063 Arbeitseinstellungen.
Nr. 2802 Bergarbeiterfragen im Allgemeinen.
Nr. 3474—3476 Arbeiter- und Soldatenräte.

Reichs- und Staatskommissar Severing:
Nr. 1 Schriftwechsel mit Zentralbehörden.

Waffenstillstandskommission:
Nr. 447, 895 Schriftenverkehr mit Behörden.

Sozialisierungskommission:
Nr. 1, 2 Bildung und Auflösung der ersten Sozialisierungskommission.
Nr. 61, 61/1 Protokolle der vertraulichen Sitzungen.
Nr. 62 Aufzeichnungen der Kommissare des Reichswirtschaftsamts über die Sitzungen.

Zentrales Staatsarchiv Merseburg (ZStA Merseburg)

Rep. 90a, Preußisches Staatsministerium:
Abt. D Tit. I 1,
Nr. 14 Die Einführung des Rätesystems.
Nr. 15 Die Tätigkeit der Arbeiter-, Soldaten- und Bauernräte und das Verhalten der Behörden ihnen gegenüber.
Nr. 16 Die von den Arbeiter- und Soldatenräten bei den Provinzial- und Lokalbehörden eingesetzten Kontrollorgane.
Nr. 17 Die Kosten der Arbeiter-, Soldaten- und Bauernräte.
Nr. 18 Die Bereitstellung von Geldmitteln für den Zentralrat der Deutschen Sozialistischen Republik.
Nr. 19 Eingaben, Zuschriften usw. von Arbeiter-, Soldaten- und Bauernräten.
Nr. 20 Beschwerden usw. über Arbeiter-, Soldaten- und Bauernräte.
Abt. B Tit. III 2b,
Nr. 6 Die Staatsministerialsitzungsprotokolle, Bd. 167—169.
Abt. D Tit. I 4c,
Nr. 12 Aufklärung der Öffentlichkeit über die Gefahren der spartakistischen, bolschewistischen, polnischen u. a. Loslösungsbestrebungen und die Propaganda gegen diese.
Nr. 15 Die im Anschluß an die Staatsumwälzung ausgebrochenen größeren Unruhen und Aufstände, insbesondere in Berlin und im Rheinisch — Westfälischen Industriegebiet.
Abt. Y Tit. IX 5a,
Nr. XII—XII Erörterung der wirtschaftlichen Lage sowie der Maßnahmen zur Sicherung der Volksernährung.
Tit. IX 5c,
Nr. 1—2 Organisationen für die wirtschaftliche Demobilmachung nach dem Kriege 1914/18. Reichskommissar für Übergangswirtschaft.

Rep. 169. Preußische Landesversammlung:

Abt. D Tit. IX,

Nr. 3, Bd. 1, Beiheft 1, 3 Ausschußverhandlungen zu den Akten über den Auflauf und Aufruhr.

Tit. XIa, Nr. 4 Haus der Abgeordneten. Übergangswirtschaft.

Rep. 77. Volksregierung. Ministerium des Innern:

Tit. 1373,
Gen. Nr. 1,
Spez. Nr. 1 Die kommunalen Arbeiterräte.
Tit. 1373a,
Nr. 1 Behörden und Beamte (Verhalten zu den Arbeiter- und Soldatenräten).
Nr. 1a Berichte der Ober- und Regierungspräsidenten auf den Runderlaß vom 7. November 1919 (?).
Nr. 2 Benutzung von Dienstgebäuden durch Arbeiter- und Soldatenräte.
Spec. Nr. 3 Behörden und Beamte (Verhalten zu den Arbeiter- und Soldatenräten).
Gen. Nr. 4,
Spec. Nr. 4a Kosten der Arbeiter- und Soldatenräte.
Nr. 5 Eingriffe der Arbeiter- und Soldatenräte in das Wirtschaftsleben, die Preßfreiheit, das Schulwesen.
Nr. VI Berichte über den Stand der Revolution.
Nr. VII Eingriffe der Arbeiter- und Soldatenräte in die Volksernährung.
Nr. VIII Kongresse der Arbeiter-, Soldaten- und Bauernräte.
Nr. IX Wahlen zu den Arbeiter-, Soldaten- und Bauernräten.
Nr. IXA Betriebsratswahlen in der Provinz Sachsen.
Nr. XI Verschiedenes.
Nr. XII Organisation der Arbeiter-, Soldaten- und Bauernräte.
Nr. XIIA Vollzugsrat der Arbeiter-, Soldaten- und Bauernräte.
Nr. XIIB Volksrat in Breslau. Zentralrat für die Provinz Schlesien.
Nr. XIIC Präsidialkommission beim Polizeipräsidium in Frankfurt a./M.
Nr. XIII Fortbestand der Arbeiter-, Soldaten- und Bauernräte.
Nr. XIIIA Gefahren für das wirtschaftliche Leben Deutschlands.
Nr. XIIIB Beschwerden über die Auflösung der kommunalen Arbeiterräte.
Nr. XIIID Geschäftsordnungen der Arbeiterräte Ost- und Westpreußens und Auflösung der dortigen Räte.
Nr. XIV Justizsachen. Eingriffe der Arbeiter- und Soldatenräte in die zivile und Strafrechtspflege, Bd. 1—2.
Nr. XV Arbeiterräte in den Abstimmungs- und Abtretungsgebiten.
Nr. XVII Sicherheitsdienst, Einwohnerwehren, Freiwilligenverbände.

Rep. 197A. Preußische Staatskommission für Volksernährung:

Tit. Ic,
Nr. 4 Wirtschaftsplan 1918/19.
Nr. 5 Wirtschaftsplan 1919/20.
Nr. 6 Aufhebung der Zwangswirtschaft
Tit. Ig,
Nr. 11 Die Anbahnung des Handelsverkehrs mit Rußland.
Nr. 15 Einfuhr von Lebens,- Futter- und Düngemitteln mit Beginn der Demobilmachung.
Nr. 20 Regelung der Preise für ausländische Lebensmittel.
Tit. Io
Nr. 9 Ausstände und Streiks im Jahre 1919.

Rep. 120. Ministerium für Handel und Gewerbe:

Abt. B Tit. BVII 1
Nr. 1e Sozialpolitik nach dem Kriege.
Nr. 3 Arbeitseinstellungen und Arbeitsaussperrungen.

Публикации

Конституции и конституционные акты РСФСР. М., 1940.

Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сборник документов, т. 2. М., 1971.

Allgemeiner Kongreß der Arbeiter- und Soldatenräte Deutschlands vom 16. bis 21. Dezember 1918 im Abgeordnetenhaus zu Berlin. Stenographische Berichte. Berlin, [1919].

Army. Reports by British Officers on the Economic Conditions Prevaling in Germany (Presented to Both Houses of Parliament of His Majesty) [Cmd. 52, 54]. London, Dec. 1918 — April 1919.

Berichte der Sozialisierungskommission über die Frage der Sozialisierung des Kohlenbergbaues vom 31. Juli 1920. Berlin, 1920.

Les déliberations du Conseil des Quatre. Notes de l'Officier Interprête P. Mantoux, t. I, II. Paris, 1955.

Die Deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919 in ihrer Arbeit für den Aufbau des neuen deutschen Volksstaates. Hg. E. Heilfron, Bd. I—IX. Berlin, 1919.

Die deutsche Revolution 1918—1919. Dokumente. Hg. G. A. Ritter, S. Miller, 2. Aufl. Hamburg, 1975.

Das deutsche Weißbuch über die Schuld am Kriege. Berlin, 1919.

Die deutschen Gegenvorschläge zu den Friedensbedingungen der Alliierten und Assoziierten Mächte. Charlottenburg, 1919.

Deutscher Geschichtskalender: Der europäische Krieg in aktenmäßiger Darstellung. Ergänzungsband A: Die deutsche Revolution; Ergänzungsband: Die deutsche Reichsverfassung. Hg. F. Purlitz. Leipzig, [o. J.]

Deutscher Reichs- und Preußischer Staatsanzeiger. Berlin, 1918—1919.

Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Hg. Institut für Marxismus-Leninismus beim Zentralkomitee der SED, Reihe II, Bd. 1—3. Berlin, 1957; Bd. 7/1. Berlin, 1966.

Dokumente zur deutschen Geschichte. 1917—1919, 1919—1923. Berlin, 1975.

Der Friedensvertrag von Versailles nebst Schlußprotokoll und Rheinlandstatut. Berlin, 1925.

Das Kabinett Scheidemann. 13. Februar — 26. Juni 1919. Boppard / Rhein, 1971.

Der Kampf um den Rechtsfrieden. Die Urkunden der Friedensverhandlungen. Berlin, 1919.

Die Münchener Räte-Republik. Hg. M. Gerstl. München, 1919.

Münstersche Chronik zu Spartakismus und Separatismus. Hg. E. Schulte. Münster, 1939.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference, v. I—XII. Washington, 1941—1947.

Protokoll des Gründungsparteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands (30. Dezember 1918—1. Januar 1919). Berlin, 1972.

Protokoll über die Verhandlungen des außerordentlichen Parteitages der Unabhängigen Sozialdemokratischen Partei Deutschlands vom 2. bis 6. März 1919 in Berlin. Berlin, [1919].

Protokoll der Parteikonferenz der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands in Weimar am 22. und 23. März 1919 [o. O., o. J.].

Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands, abgehalten in Weimar vom 10. bis 15. Juni 1919. Berlin, [1919].

Protokolle der Sitzungen der Preußischen Verfassunggebenden Landesversammlung. Berlin, [o. J.].

Die Regierung der Volksbeauftragten 1918/19, T. I, II. Düsseldorf, 1959.

Reichsgesetzblatt. Berlin, 1918—1919.

Revolution und Räterepublik in Bremen. Hg. P. Kuckuk. Frankfurt / M., 1969.

Revolution und Räterepublik in München 1918/19 in Augenzeugenberichten. Hg. G. Schmolze. Düsseldorf, 1969.

Schultheß' Europäischer Geschichtskalender. Hg. W. Stahl, Jg. 1918—1919. Berlin, 1922—1923.
Ursachen und Folgen. Eine Urkunden- und Dokumentensammlung, Bd. III, IV. Berlin, 1958.
Die Verfassung der Deutschen Reichs (von 1871) nebst dem Einführungsgesetz für Elsass — Lothringen. Leipzig, [1929].
Verfassunggebende Preußische Landesversammlung 1919/1921. Bericht des Untersuchungsausschusses über die Ursachen und den Verlauf der Unruhen in Rheinland und Westfalen in der Zeit vom 1. Januar bis 19. März 1919. Berlin, 1921.
Verfassunggebende Preußische Landesversammlung. Die Berliner Putsche. Standrecht und Belagerungszustand. Stenographische Berichte, 14., 15., 17. und 19. März 1919. Berlin, 1919.
Verhandlungen der Sozialisierungskommission über den Kohlenbergbau im Jahre 1918/1919. Berlin, 1919.
Verhandlungen der Verfassunggebenden deutschen Nationalversammlung. Stenographische Berichte, Bd. 326—329, 336, 339. Berlin, [o. J.].
Der Waffenstillstand 1918/1919. Hg. K. Marhefka, Bd. I. Berlin, 1928.
Weltherrschaft im Visier. Neue Dokumente. Berlin, 1975.
Der Zentralrat der Deutschen Sozialistischen Republik. 19.12.1918—8.4.1919. Vom 1. zum 2. Rätekongress. Hg. E. Kolb, R. Rürup. Leiden, 1968.
II. Kongress der Arbeiter-, Bauern- und Soldatenräte am 8. bis 14. April 1919 im Herrenhaus zu Berlin. Stenographisches Protokoll. Berlin, [1919].

Публицистика и мемуары

Barth E. Aus der Werkstatt der deutschen Revolution. Berlin, 1919.
Bauer O. Acht Monate auswärtige Politik. Wien, 1919.
Bauer O. Der Weg zum Sozialismus. Berlin, 1919.
Bischoff J. Die letzte Front. Geschichte der Eisernen Division im Baltikum. 1918/19. Berlin, 1935.
Bismarck O. Die gesammelten Werke, Bd. VI, X. Berlin, 1928.
Blos W. Von der Monarchie zum Volksstaat. Zur Geschichte der Revolution in Deutschland, insbesondere in Württemberg. Stuttgart, 1923.
Brecht A. Aus nächster Nähe. Lebenserinnerungen 1889—1927. Stuttgart, 1966.
Brewes W. u. a. Bremen in der deutschen Revolution. Bremen, 1919.
Brockdorff-Rantzau U. Dokumente und Gedanken um Versailles. Berlin, 1925.
Bruchardt A. Das Chemnitzer Blutbad am 7. und 8. August 1919. Leipzig, [1919].
Cahen F. M. Der Weg nach Versailles. Erinnerungen 1912—1919. Schicksalsepoche einer Generation. Boppard / Rhein, 1963.
Cohen(-Reuss) M. Der Aufbau Deutschlands und der Rätegedanke. Berlin, 1919.
Däumig E. Der erste Akt der deutschen Revolution. Berlin, [1919].
Ebert F. Kämpfe und Ziele. Berlin, [1927].
Ebert F. Schriften, Aufzeichnungen, Reden. Dresden, 1926.
Erzberger M. Erlebnisse im Weltkrieg. Stuttgart / Berlin, 1920. Рус. пер.: *Эрцбергер.* Германия и Антанта. М.— Пг., 1923.
Fischer A. Die Revolutionskommandantur Berlin. Berlin, 1922.
Goltz R. von der. Meine Sendung in Finnland und im Baltikum. Leipzig, 1920.
Goltz R. von der. Als politischer General im Osten. Leipzig, 1936.
Got A. L'Allemagne après la débâcle. Impressions d'un attaché à la mission militaire française à Berlin. Strasbourg, 1920.
Groener W. Lebenserinnerungen. Jugend, Generalstab, Weltkrieg. Göttingen, 1957.
Hahn F. Erinnerungen aus der Revolution in Württemberg. Stuttgart, 1923.
Hirsch P. Der Weg der Sozialdemokratie zur Macht in Preußen. Berlin, 1929.
Hoffmann M. Aufzeichnungen, Bd. I. Berlin, 1929. Рус. пер.: *Гофман М.* Записки и дневники. Л., 1929.

Johnson Th. Our Secret War. True American Spy Stories 1917—1918. Indianopolis, 1929. Рус. пер.: *Джонсон Т. М.* Американская разведка во время мировой войны. М., 1958.
Kassler H. Tagebücher 1918—1937. Frankfurt / M., 1951.
Kautsky K. Wie der Weltkrieg entstand. Berlin, 1919.
Kautsky K. Die Wurzeln der Wilson-Politik. Berlin, 1919.
Keynes J. M. The Economic Consequences of the Peace. London, 1922. Рус. пер.: *Кейнс Дж. М.* Экономические последствия Версальского мирного договора. М.— Л., 1922.
Koeth J. Die wirtschaftliche Demobilmachung. Ihre Aufgabe und ihre Organe.— In: Handbuch der Politik, Bd. IV, 3. Aufl. Berlin / Leipzig, 1921.
Levinè E. Skizzen. Rede vor Gericht und anderes. Berlin, 1925. Рус. пер.: *Левинэ Е.* Речь перед судом, воспоминания, наброски. М., 1927.
Levinè R. Aus der Münchener Rätezeit. Berlin, 1925. Рус. пер.: *Левинэ Р.* Советская республика в Мюнхене. М.— Л., 1926.
Liebknecht K. Gesammelte Reden und Schriften, Bd. IX. Berlin, 1968.
Lloyd-George D. The Truth about the Peace Treaties, v. I. London, 1938. Рус. пер.: *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах, т. I. М., 1957.
Löbe P. Der Weg war lang. Lebenserinnerungen, 3. Aufl. Berlin — Grünewald, 1965.
Lüttwitz W. Im Kampfe gegen die November-Revolution. Berlin, 1934.
Lutz R. H. The German Revolution 1918/1919. Palo Alto, 1922.
Luxemburg R. Gesammelte Werke, Bd. 4. Berlin, 1974.
Maerker G. Vom Kaiserheer zur Reichswehr. Leipzig, 1921.
Marchlewsky (Karski) J. Das Rätesystem. Essen, 1919.
[*Marchlewsky (Karski) J.*] Die Sozialisierung des Bergbaues und der Generalstreik im rheinisch-westfälischen Industriegebiet. Hg. von der Neuner-Kommussion für die Vorbereitung der Sozialisierung des Bergbaues. Essen, [1919].
Marchlewski (Karski) J. Was ist Bolschewismus und was haben die Bolschewiki in Rußland geleistet. Moskau, 1919.
Meißner O. Die Reichsverfassung. Berlin, 1919.
Meyer-Leviné R. Leviné. Leben und Tod eines Revolutionärs. Bonn — Bad Godesberg, 1972.
Möllendorff W. Konservativer Sozialismus. Hamburg, 1932.
Müller R. Der Bürgerkrieg in Deutschland. Geburtswehen der Republik. Berlin, 1925.
Nadolny R. Mein Beitrag. Wiesbaden, 1955.
1918. Erinnerungen von Veteranen der deutschen Gewerkschaftsbewegung an die Novemberrevolution (1914—1920), 2. Aufl. Berlin, 1960.
Nicolson H. Peacemaking 1919. London, 1933. Рус. пер.: *Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 г. М., 1945.
Noske G. Von Kiel bis Kapp. Berlin, 1920. Рус. пер.: *Носке Г.* Записки о германской революции от восстания в Киле до заговора Каппа. М., 1922.
Noske G. Erlebtes aus Aufstieg und Niedergang einer Demokratie. Offenbach / Main, 1947.
Oehme W. Die Weimarer Nationalversammlung. Erinnerungen. Berlin, 1962.
Petersen H. Die deutsche Räterepublik. Ein Vorschlag für ihre Verfassung. Berlin, 1919 (2. Aufl.— 1923).
Pieck W. Gesammelte Reden und Schriften, Bd. I, II. Berlin, 1959.
Posadowsky-Wehner A. Weltwende. Gesammelte politische Aufsätze. 3. Aufl. Stuttgart, 1920.
Preuß H. Das deutsche Volk und die Politik. Jena, 1915.
Preuß H. Staat, Recht und Freiheit. Tübingen, 1926.
Quark M. Die neue Reichsverfassung und ihr Aufbau. Berlin, 1919.
Rathenau W. Gesammelte Schriften, Bd. 1—8. Berlin, 1918—1929.
Rathenau W. Politische Briefe. Dresden, 1929.
Reinhard W. 1918—19. Die Wehen der Republik. Berlin, 1933.
Scheidemann Ph. Memoiren eines Sozialdemokraten, Bd. I, II. Dresden, 1928.

Schmidt R. Das Programm der Sozialdemokratie. Berlin, 1920.
Severing C. Einheitsstaat und Reichsverfassung.— In: Jahrbuch der deutschen Sozialdemokratie, 1928.
Severing C. 1919/20. Im Wetter- und Watterwinkel. Aufzeichnungen und Erinnerungen. Bielefeld, 1927.
Severing C. Mein Lebensweg, Bd. 1—2. Köln, 1950.
Stampfer F. Verfassung, Arbeiterklasse und Sozialismus. Berlin, 1919.
Stoff V. So war es in Versailles. Berlin, 1929.
Das System Noske. Berlin, 1920.
Tardieu A. La Paix. Paris, 1921. Русск. пер.: *Тардье А.* Мир. М., 1943.
Vorwärts und nicht vergessen. Erlebnisberichte aktiver Teilnehmer der Novemberrevolution 1918/1919. Berlin, 1958.
Weber M. Gesammelte politische Schriften. München, 1921.
Werner P. Die Bayrische Räterepublik. Tatsachen und Kritik, 2. Aufl. Leipzig, 1920. Рус. пер.: *Вернер П.* Баварская Советская Республика. М., 1924.
Winnig A. Am Ausgang der deutschen Ostpolitik. Persönliche Erlebnisse und Erinnerungen. Berlin, 1921.
Wissell R. Praktische Wirtschafspolitik. Berlin, 1919.
Wissell R. Die Räte-Idee. Stuttgart, 1919.
Wissell R., Möllendorff W. Wirtschaftliche Selbstverwaltung. Jena, 1919.
Zetkin C. Ausgewählte Reden und Schriften, Bd. II. Berlin, 1960.

Пресса

Известия ВЦИК
Коммунистический Интернационал
Правда
Der Arbeiterrat
Berliner Tageblatt
Bremer Bürger-Zeitung
Deutsche Tageszeitung
Die Freiheit
Hamburger Echo
Der Kommunist (Bremen)
Kommunistische Räte-Korrespondenz
Mitteilungen des Vollzugsrats der Betriebs- und Soldatenräte (München)
Münchner Rote Fahne
Die Rote Fahne
Der Syndikalist
Le Temps
Vorwärts
Vossische Zeitung

Литература

Волленберг Э. [*Вальтер*]. Бои Баварской Красной Армии (Дахау, 1919). М., 1925.
Галкин А. А. Сепаратисты на Рейне. М., 1959.
Гинцберг Л. И. Рабочее и коммунистическое движение в борьбе против фашизма. 1919—1933. М., 1978.
Гинцберг Л. И., Драбкин Я. С. Карл Либкнехт о Советской России.— Ежегодник германской истории 1976. М., 1977.
Драбкин Я. С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967.
Драбкин Я. С. «Русский вопрос» в германской политике накануне Версаля.— Ежегодник германской истории 1976. М., 1977.
Драбкин Я. С. Великий Октябрь и революции 1918—1919 гг. в Центральной Европе.— Ежегодник германской истории 1977. М., 1978.
Ерусалимский А. С. Великая Октябрьская социалистическая революция

и проблемы советско-германских отношений.— В кн.: Октябрьская революция и Германия. М., 1960.
Застенкер Н. Е. Баварская Советская Республика. М., 1934.
Застенкер Н. Е. Веймарские мифы о причинах поражения Германии в войне 1914—1918 гг.— Вопросы истории, 1945, № 2.
История фашизма в Западной Европе. М., 1978.
Полтавский М. А. Баварская Советская республика. М., 1959.
Сиполс В. Я. За кулисами иностранной военной интервенции в Латвии. М., 1959.
Фарбман Н. В. Германский реваншизм после первой мировой войны (1918—1923 гг.). Рязань, 1974.
Шелике В. Ф. Начало мартовских боев 1919 г. в Берлине.— В кн.: Ноябрьская революция в Германии. М., 1960.
Шелике В. Ф. Всеобщая забастовка 3—8 марта 1919 года в Берлине.— Киргизский государственный заочный педагогический институт. Ученые записки. Фрунзе, 1957, вып. 3.
Шелике В. Ф. Подавление вооруженного восстания в Берлине в марте 1919 г.— Там же, 1959, вып. 4.
Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.). М., 1949.
Albertin L. Liberalismus und Demokratie am Anfang der Weimarer Republik. Düsseldorf, 1972.
Anschütz G. Drei Leitgedanken der Weimarer Reichsverfassung. Tübingen, 1923.
Apelt W. Geschichte der Weimarer Reichsverfassung. München, 1946.
Arbeiter- und Soldatenräte im rheinisch-westfälischen Industriegebiet. Studien zur Geschichte der Revolution 1918/19. Hg. R. Rürup. Wuppertal, 1975.
Bane & Lutz. Organisation of American Relief in Europe. 1918—1919. Stanford, 1943.
Bayern im Umbruch. Die Revolution von 1918, ihre Voraussetzungen, ihr Verlauf und ihre Folgen. Hg. K. Bosl. München — Wien, 1969.
Bey-Heard F. Hauptstadt und Staatsumwälzung. Berlin, 1919. Problematik und Scheitern der Rätebewegung in der Berliner Kommunalverwaltung. Stuttgart — Berlin — Köln — Mainz, 1969.
Beyer H. Von der Novemberrevolution zur Räterepublik in München. Berlin, 1957.
Brecht A. Federalism and Regionalism in Germany. The Division of Prussia. New York, 1945. Рус. пер.: *Брехт А.* О государственном устройстве Германии. М., 1947.
Bredt J. V. Der Geist der deutschen Reichsverfassung. Berlin, 1924.
Brehme G. Die sogenannte Sozialisierungsgesetzgebung der Weimarer Republik. Berlin, 1960.
Brügel J. W. Das Schicksal der Strafbestimmungen des Versailler Vertrags.— In: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1958, H. 2.
Die bürgerlichen Parteien in Deutschland. Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlichen Interessenorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945. Bd. I-II. Leipzig, 1968—1970.
Carsten F. L. Reichswehr und Politik 1918—1933. Köln / Berlin, 1964.
Carsten F. L. Revolution in Mitteleuropa. 1918/19. Köln, 1973.
Dähn H. Rätedemokratische Modelle. Studien zur Rätediskussion in Deutschland 1918—1919. Meisenheim / Glan, 1975.
Darstellungen aus den Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps, im Auftrage des Reichskriegsministeriums bearb. und hg. v. d. Forschungsanstalt für Kriegs- und Heeresgeschichte, Bd. I—V. Berlin, 1936—1940.
Deutschland und die Russische Revolution. Hg. H. Neubauer. Stuttgart / Berlin / Köln, 1968.
Diere H. Rechtssozialdemokratische Schulpolitik im Dienste des deutschen Imperialismus. Berlin, 1964.
Epstein F. Zwischen Compiègne und Versailles.— In: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1955, H. 4.

Epstein K. Matthias Erzberger and the Dilemma of German Democracy. Princeton, 1959.
Erdmann K. Adenauer in der Rheinlandpolitik nach dem Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1966.
Ernst F. Aus dem Nachlaß des Generals Walther Reinhardt.— In: Welt als Geschichte, 1958, H. 18.
Euler H. Die Außenpolitik der Weimarer Republik 1918/1923. Aschaffenburg, 1957.
Fischer K. Die Berliner Abwehrkämpfe 1918/1919. Berlin, 1956.
Fraenkel E. Rätemythos und soziale Selbstbestimmung. Ein Beitrag zur Verfassungsgeschichte der deutschen Revolution.— In: Aus Politik und Zeitgeschichte, 1971, 14.
Galos A., Gentzen F. H., Jakobszyk W. Die Hakatisten. Berlin, 1966.
Gebhard L. Die Verfassung des Deutschen Reichs vom 11. August 1919. München / Berlin / Leipzig, 1932.
Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 3. Berlin, 1966.
Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Chronik, T. II. Berlin, 1966.
Gossweiler K. Großbanken — Industriemonopole — Staat. Berlin, 1971.
Groener-Geyer D. General Groener — Soldat und Staatsmann. Frankfurt / M., 1955.
Grothewohl O. Demokratische Verfassung für ganz Deutschland, kein Besatzungsstatut. Berlin, 1949.
Gumbel E. J. Vier Jahre politischer Mord. Berlin, 1922.
Habedank H. Um Mitbestimmung und Nationalisierung während der Novemberrevolution und im Frühjahr 1919. Berlin, 1967.
Haffner S. Die verratene Revolution. Deutschland 1918/19. Bern/München/ / Wien, 1969.
Hannover H. u *E.* Politische Justiz 1918—1923. Frankfurt / M., 1966.
Hartenstein W. Die Anfänge der Deutschen Volkspartei 1918—1920. Düsseldorf, 1962.
Heiber H. Die Republik von Weimar. Stuttgart, 1971.
Hillmeyr H. Roter und weißer Terror in Bayern. München, 1974.
Hillmeyr H. Politischer Druck und politischer Terror in der Bayerischen Landeshauptstadt 1918/19. Inaug. Dissert. München, 1975.
Helbig H. Die Träger der Rapallo-Politik. Göttingen, 1958.
Hoegner W. Der politische Radikalismus in Deutschland 1919—1933. München / Wien, 1966.
Imperialismus heute. Berlin, 1966.
Industrielles System und politische Entwicklung in der Weimarer Republik. Düsseldorf, 1974.
Jenaer Beitrage zur Parteiengeschichte, H. 26/27, 1970; H. 34/35, 1973.
Kastning A. Die deutsche Sozialdemokratie zwischen Koalition und Opposition 1919—1923. Paderborn, 1970.
Kaul F. K. Der Pitaval der Weimarer Republik, Bd. 1: Justiz wird zum Verbrechen, 3. Aufl. Berlin, 1962.
Klassenkampf, Tradition, Sozialismus. Berlin, 1974.
Klein P. Separatisten an Rhein und Ruhr. Berliin, 1961.
Kleinow G. Der Verlust der Ostmark. Berlin, 1934.
Kluge U. Soldatenräte und Revolution. Studien zur Militärpolitik in Deutschland 1918/19. Göttingen, 1975.
Kolb E. Die Arbeiterräte in der deutschen Innenpolitik 1918—19. Düsseldorf, 1962.
Kölling M. Die Annexionsbestrebungen des deutschen Imperialismus gegenüber Österreich im Frühjahr 1919.— In: Jahrbuch für Geschichte, Bd. I. Berlin, 1967.
Könnemann E. Einwohnerwehren und Zeitfreiwilligenverbände. Berlin, 1969.
Krause H. USPD. Frankfurt / M., Köln, 1975.
Kritzer P. Die bayerische Sozialdemokratie und die bayerische Politik in den Jahren 1918 bis 1923. München, 1969.
Krüger P. Deutschland und die Reparationen 1918/1919. Stuttgart, 1973.

Kuczinsky J. Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus. Bd. I. Berlin, 1948. Рус. пер.: *Кучинский Ю.* Очерки истории германского империализма, т. 1. М., 1952.
Liebe W. Die Deutschnationale Volkspartei 1918—1924. Düsseldorf, 1956.
Lindau R. Revolutionäre Kämpfe 1918—1919. Aufsätze und Chronik. Berlin, 1960.
Link W. Die amerikanische Stabilisierungspolitik in Deutschland 1921—1932. Düsseldorf, 1971.
Linke H. Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo. Köln, 1970.
Materna J. Geschichte der revolutionären Berliner Arbeiterbewegung 1917—1919. Berlin, 1978.
Mattes W. Die bayerischen Bauernräte. Eine soziologische und historische Untersuchung über bäuerliche Politik. Stuttgart / Berlin, 1921.
Miller S. Das Ringen um «die einzige großdeutsche Republik». Die Sozialdemokratie in Österreich und im Deutschen Reich zur Anschlußfrage 1918/19.— In: Archiv für Sozialgeschichte, Bd. XI, 1971.
Mitchell A. Revolution in Bavaria 1918—1919. The Eisner Regime and the Soviet Republik. New Jersey, 1965.
Mommsen W. Max Weber und die deutsche Politik 1890—1920. Tübingen, 1959.
Morenz L., Münz E. Revolution und Rätcherrschaft im München. Aus der Stadtchronik 1918/1919. München / Wien, 1968.
Morsey R. Die deutsche Zentrumspartei 1917—1923. Düsseldorf, 1966.
Muth. Die Entstehung der Bauern- und Landarbeiterräte im November 1918 und die Politik des Bundes der Landwirte.— In: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1973, H. 1.
Neubauer H. München und Moskau 1918/1919. Zur Geschichte der Rätebewegung in Bayern. München, 1958.
Norden A. Zwischen Berlin und Moskau. Berlin, 1954. Рус. пер.: *Норден А.* Между Берлином и Москвой. М., 1956.
Nowak K. F. Versailles. Berlin, 1927. Рус. пер.: *Новак К.* Версаль. М.— Л., 1930.
Nußer H. Konservative Wehrverbände in Bayern, Preußen und Oesterreich 1918—1933. München, 1973.
Oeckel H. Die revolutionäre Volkswehr 1918/19. Berlin, 1968.
Oertzen P. Betriebsräte in der Novemberrevolution. Eine politwissenschaftliche Untersuchung über den Ideengehalt und die Struktur der betrieblichen und wirtschaftlichen Arbeiterräte in der deutschen Revolution 1918/19. Düsseldorf, 1963 (2. Aufl.— Bonn — Bad Godesberg, 1977).
Opitz R. Der deutsche Sozialliberalismus 1917—1933. Köln, 1973.
Phelps R. H. Aus den Groener-Dokumenten.— In: Deutsche Rundschau, 1950, 8.
Polak K. Die Weimarer Verfassung. Ihre Errungenschaften und Mängel, 3. Aufl. Berlin, 1952.
Portner E. Die Verfassungpolitik der Liberalen 1919. Bonn, 1973.
Posser D. Deutsch-sowjetische Beziehungen. 1917—1941, 2. Aufl. Frankfurt / / Main, 1963.
Potthoff H. Das Weimarer Verfassungswerk und die deutsche Linke.— In: Archiv für Sozialgeschichte, XII, 1972.
Preuß H. Deutschlands Staatsumwälzung. Die verfassungsmäßigen Grundlagen der deutschen Republik 1919. Berlin, 1924.
Preuß H. Reich und Länder. Bruchstücke eines Kommentars, aus dem Nachlaß. Berlin, 1928.
Rabenau E. Seeckt. Aus seinem Leben, Bd. II. Leipzig, 1940.
Rosenberg A. Entstehung und Geschichte der Weimarer Republik. Frankfurt / / M., 1955.
Rosenfeld G. Sowjetrußland und Deutschland 1917—1922. Berlin, 1960.
Ruge W. Deutschland 1917—1933, 2. Aufl. Berlin, 1974.
Ruge W. Hindenburg. Porträt eines Militaristen. Berlin, 1974.
Ruge W. Matthias Erzberger. Eine politische Biographie. Berlin, 1976.
Ruge W. Weimar — Republik auf Zeit. Berlin, 1969.
Ruge W. Zur Taktik der deutschen Monopolbourgeoisie im Frühjahr und Sommer 1919.— ZfG, 1963, H. 6.

Rürup R. Probleme der Revolution in Deutschland 1918/19. Wiesbaden, 1968.
Schieder Th. Die Probleme des Rapallo-Vertrags. Köln / Opladen, 1958.
Schiffers R. Elemente direkter Demokratie im Weimarer Regierungssystem. Düsseldorf, 1971.
Schneider D., Kuda R. Arbeiterräte in der Novemberrevolution. Ideen, Wirkungen, Dokumente. Frankfurt / Main, 1969.
Schubert H. Der Generalstreik in Mitteldeutschland 1919. Halle (Saale), 1958.
Schüddekopf O.-E. Das Heer und die Republik. Quellen zur Politik der Reichswehrführung 1918—1933. Hannover /Frankfurt a/ M., 1955.
Schüddekopf O.-E. Linke Leute von rechts. Stuttgart, 1960.
Schulz G. Revolutionen und Friedensschlüsse 1917—1920, 2. Aufl. München, 1969.
Schulz G. Zwischen Demokratie und Diktatur. Verfassungspolitik und Reichsreform in der Weimarer Republik, Bd. I. Berlin, 1968.
Schumann W. Oberschlesien 1918/19. Vom gemeinsamen Kampf deutscher und polnischer Arbeiter. Berlin, 1961.
Schützle K. Der «Kriegsrat» vom 19. Juni 1919.— In: Zeitschrift für Militärgeschichte, 1966, H. 5.
Schwabe K. Deutsche Revolution und Wilson-Frieden. Die amerikanische und deutsche Friedensstrategie zwischen Ideologie und Machtpolitik 1918/19. Düsseldorf, 1971.
Schwarz A. Die Weimarer Republik. Konstanz, 1958.
Seidel R. Die Gewerkschaftsbewegung in Deutschland. Geschichte, Aufgaben, Leistungen. Köln, 1952.
Spetmann H. Zwölf Jahre Ruhrbergbau. Aus seiner Geschichte von Kriegsanfang bis zum Franzosenabmarsch, Bd. I: Aufstand und Ausstand bis zum zweiten Generalstreik April 1919. Berlin, 1928.
Stampfer F. Die ersten 14 Jahre der Deutschen Republik. Offenbach / Main, 1947.
Stephan W. Aufstieg und Verfall des Linksliberalismus 1918—1933. Göttingen, 1973.
Stier-Somlo F. Die Verfassung des Deutschen Reichs vom 11. August 1919. Ein systematischer Überblick, 2. Aufl. Bonn, 1925.
Thimme A. Flucht in den Mythos. Göttingen, 1969.
Triepel H. Quellensammlung zum deutschen Reichstaatsrecht. 3. Aufl. Tübingen, 1922.
Verfassungen und Verfassungswirklichkeit in der deutschen Geschichte. Berlin, 1968.
Vom Kaiserreich zur Weimarer Republik. Hg. E. Kolb. Köln, 1972.
Weber H. Die bürgerliche Lehre vom «Notstand» als Mittel zur Rechtfertigung des imperialistischen Terrors. Berlin, 1953.
Wendt B. J. Mitbestimmung und Sozialpartnerschaft in der Weimarer Republik.— In: Aus Politik und Zeitgeschichte, 1969, 26.
Wengst U. Graf Brockdorff-Rantzau und die außenpolitischen Anfänge der Weimarer Republik. Frankfurt / Main, 1973.
Wimmer W. Das Betriebsrätegesetz von 1920 und das Blutbad vor dem Reichstage. Berlin, 1957.
Wiegand R. Wer hat uns verraten.— Die SPD in der Novemberrevolution... 1975.
Wittmaier L. Die Weimarer Reichsverfassung. Tübingen, 1922.
Zehn Jahre deutsche Geschichte. 1918—1928. Berlin, 1928.
Ziegler W. Die deutsche Nationalversammlung 1919—1920 und ihr Verfassungswerk. Berlin, 1932.
Zsigmond L. Zur deutschen Frage 1918—1923. Die wirtschaftlichen und internationalen Faktoren der Wiederbelebung des deutschen Imperialismus und Militarismus. Budapest, 1964.

Список сокращений

Ноябрьская революция — *Я. С. Драбкин.* Ноябрьская революция в Германии.

Советско-германские отношения — Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сборник документов.

ЦГАОР и СС — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства.

CdQ — Les délibérations du Conseil des Quatre. Notes de l'Officier Interprête P. Mantoux.

Darstellungen — Darstellungen aus den Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps.

DR — Deutscher Geschichtskalender. Ergänzungsband: Die deutsche Revolution.

Dokumente und Materialien — Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung.

IML — ZPA — Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED, Zentrales Parteiarchiv.

Kabinett Scheidemann — Das Kabinett Scheidemann. 13. Februar — 26. Juni 1919.

PPC — The Paris Peace Conference. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States.

Regierung der VB — Die Regierung der Volksbeauftragten 1918/19.

Reports — Army. Reports by British Officers on the Economic Conditions Prevaling in Germany.

RV — Deutscher Geschichtskalender. Ergänzungsband: Die deutsche Reichsverfassung.

Tätigkeit des Zentralrats — Vom I. Rätekongress zur Nationalversammlung. Die Tätigkeit des Zentralrats der Sozialistischen Republik Deutschland.

USPD-Parteitag — Unabhängige Sozialdemokratische Partei Deutschlands. Protokoll über die Verhandlungen des außerordentlichen Parteitages vom 2. bis 6. März 1919 in Berlin.

VDNV — Verhandlungen der Verfassunggebenden deutschen Nationalversammlung. Stenographische Berichte.

Zentralrat — Der Zentralrat der Deutschen Sozialistischen Republik. 19.12.1918—8.4.1919. Vom 1. zum 2. Rätekongress.

ZfG — Zeitschrift für Geschichte.

ZStA Potsdam — Zentrales Staatsarchiv der DDR, Potsdam.

ZStA Merseburg — Zentrales Staatsarchiv der DDR, Merseburg.

II. Rätekongress — II. Kongress der Arbeiter-, Bauern- und Soldatenräte am 8. bis 14. April 1919 im Herrenhaus zu Berlin. Stenographisches Protokoll.

Указатель имен

Указатель географических названий

Оглавление